

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К РУССКОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ
ЯЗЫКУ

«РАДИОСКОЛА ШКОЛА»
1958

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К РУССКОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ
ЯЗЫКУ

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

академик Акад. наук УССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К РУССКОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ
ЯЗЫКУ

*Пятое, дополненное и переработанное
издание*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»
Киев—1958

Леонид Арсеньевич Булаховский, Исторический комментарий к русскому
литературному языку

Редактор Г. З. Гринштейн

Техн. редактор Л. И. Клименко

Корректор Н. Н. Толстой

Сдано в набор 23/III 1957 г. Подписано к печати 2/1 1958 г. Бумага 60×92¹/₁₆.
Печат. лист. 30,5, условн. лист. 30,5, издат. лист. 33,4. Тираж 8.500. БФ 01701.

Государственное учебно-педагогическое издательство «Радянська школа».

Киев, Ново-Павловская, 2, издат. № 9441.

Цена без переплета 6 руб. 70 коп. Переплет 1 руб. 50 коп.

Зак. № 560. Книжная фабрика им. Фрунзе Главиздата Министерства
культуры УССР,
Харьков, Донц-Захаржевская, 6/8.

«...«материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки».

Ф р. Э н г е л ь с, «Анти-Дюринг», 1950, стр. 303.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К 4-МУ ИЗДАНИЮ.

Задача предлагаемой части курса и в новом, переработанном, издании та же, что и в предшествующих, когда она представляла собой отдельную книгу,— дать в руки студента филологического факультета дополняющее лекции пособие, которое, во-первых, помогло бы ему сознательно отнестись к языковой стороне изучаемых памятников литературной русской речи, во-вторых, дало бы исторический комментарий к фактам современного литературного языка, вне истории его непонятным, неясным и вообще выигрывающим в перспективности и ясности при привлечении соответствующего исторического материала.

Автор думает, что книга оказалась бы полезной в их работе также и преподавателям языка.

Выходить в комментировании за пределы славянской системы автор считал нежелательным, хотя и не избегал этого в отдельных случаях, этого требовавших.

В качестве материала для суждения о фактах, предшествовавших образованию восточнославянских языков, привлекаются сопоставления, главным образом в фонетике (специально — в области ударения) и морфологии (для синтаксиса это должно было бы вызвать очень значительное увеличение объема книги) из других славянских языков, естественно, больше всего — из старославянского, отражающего в ряде черт, по всем вероятностям, особенности еще более древнего строя. Из других языков индоевропейской системы материал, параллельный славянскому, берется преимущественно в случаях, где он по архаичности тех или других своих черт способен помочь осветить в историческом аспекте соответственные славянские (рус-

ские) факты. Полезен в этом отношении, конечно, и такой живой язык, как литовский, и поэтому чаще, чем к другим, пришлось, особенно в области ударения, обращаться к нему.

Важный момент методологического порядка, проходящий через книгу, — возможно строгое понятие фонетическо́й закономерности, т. е. полноты осуществления явлений фонематического порядка при исторических сменах одних звучаний другими в коллективах — носителях соответствующих языков или диалектов. Это понятие (независимо от тех в большей или меньшей мере существенных ограничений, которые в него необходимо внести, считаясь, напр., с темпом, в котором произносятся определенные слова, в первую очередь, служебного характера, с их эмоционально-волевой окраской и под., с контактом между собою близких по языку коллективов и т. д.) вполне оправдало себя практически применительно к самым различным языкам и, естественно, должно быть применено и к изучению истории родного. Эти сопоставления тем естественнее, что «...нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка» (И. Сталин).

Выбор освещаемых в книге моментов, в отдельных пунктах условный, диктовался преподавательским опытом автора и тем кругом вопросов, с которыми к нему в течение ряда лет обращались преподаватели русского языка и начинающие ученые. Во всем существенном сделанный выбор совпадает с действующей программой по истории русского языка для педагогических институтов и университетов, и это дает право рассчитывать на то, что книга в известной мере обеспечит потребности преподавания данного предмета в высшей школе.

Иллюстративный материал взят главным образом из памятников Московской Руси, как наиболее важных для истории именно русского языка.

Что касается периода восточнославянской письменности от XI до XIV в., изучаемого на филологических факультетах Украины в параллельном курсе истории украинского языка, то автор, считаясь также с необходимостью уложить большой материал в тесные рамки небольшой книги, нашел полезным ограничиться относительно него только общими замечаниями и привлечь из материала памятников этого периода лишь самое необходимое.

Целью книги был прежде всего, как ясно из ее заглавия, исторический комментарий к современному литературному языку. Правописно-палеографической стороны памятников автор прямо не имел в виду и нашел возможным поэтому, считаясь также с большими техническими трудностями точного воспроизведения текстов, трудностями, не окупающимися непосредственной полезностью при учебной работе, цитацию максимально упростить: старинная орфография что касается знаков ъ, ѣ, ѳ заменена новой; старославянское йотированное ꙗ заменено буквою е; вместо оу, читавшегося как у, дается у; введена современная пунктуация и т. п. Там, где для сути дела была важна старинная орфография (в фонетике, отчасти в морфологии), при цитации она сохраняется.

Библиографические справки автором ограничены вообще важнейшими книгами и статьями, но в случаях, где его освещение расходится с заслуживающими серьезного внимания другими точками зрения, выдвинутыми в более специальной литературе, он не отказывался от ссылок.

Надо, однако, заметить, что автором отнюдь не имелось в виду уделить внимание научным контрверзам в полной или даже в большей мере. В самом изложении контрверзы затронуты только в минимальной мере; сноски, которыми автор тоже старался не злоупотреблять, отсылают к полезным дополнениям и к иным толкованиям.

Книга построена в расчете, что материал ее будет изучаться студентами уже после серьезного знакомства с фактами, которые они усвоили из курса «Введения в языкознание», и что они твердо овладели материалом и важнейшими приемами сравнительно-исторического изучения старославянского языка. Считаясь с полезностью методологического углубления этой стороны науки, получившей свое особенное значение после указаний И. В. Сталина о пользе и недостатках сравнительно-исторического метода, мы даем особым разделом сжатое изложение принципов сравнительно-исторического исследования.

В методическом плане заметим, что книга отнюдь не самоучитель для студентов и может быть для них до конца полезна только как пособие при лекциях по истории русского языка с соответствующими практическими занятиями по памятникам под руководством преподавателя.

За все обоснованные указания критики и товарищей по специальности автор будет глубоко благодарен в надежде использовать их

для дальнейшего возможного улучшения книги. Уже и теперь долг благодарности обязывает его упомянуть о ряде ценных замечаний к первому изданию, полученных им письменно от покойного академика Б. М. Ляпунова, ко второму изданию — в статье тоже, к сожалению, уже покойного профессора А. М. Селищева, напечатанной в «Ученых записках Моск. Городск. педаг. института, Каф. русск. яз.», вып. I, 1941 г., стр. 175—196, к третьему изданию — от проф. С. Г. Бархударова (письменно) и в обширной и содержательной рецензии профессоров П. С. Кузнецова и В. И. Борковского, — Русский язык в школе, 1951 г., № 2, стр. 66—76, и др.

В статье А. М. Селищева, правда, относительно много утверждений, с которыми автор книги согласиться не мог. Прямые возражения требовали бы относительно много места и отвлекали бы читателя к частностям, не существенным в общем плане книги; поэтому соответствующие спорные вопросы оставлены в новом издании без рассмотрения или, в большинстве случаев, освещены в соответствии с собственными мнениями автора без прямых ссылок на статью Селищева.

Русскому языку первой половины XIX века, затронутому в книге лишь в очень небольшой степени, посвящен отдельный двухтомный труд автора (I том, вышедший в 1941, и II, вышедший в 1948 году).

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящем, переработанном издании «Исторический комментарий к русскому литературному языку» во всем основном сохраняет свой прежний характер. Это пособие для преподавания истории русского языка на филологических факультетах университетов и педагогических институтов, причем не истории русского языка в целом, т. е. не совокупности его говоров, а только той его, правда особенно важной, части, которая относится к устной и письменной речи русского народа. Предмет рассмотрения в книге составляют как факты современного нам литературного языка, получающие свое объяснение в давнем и близком прошлом (это было главной задачей книги), так отчасти и некоторые старинные факты, если пути их развития могут считаться в той или другой мере проливающимися свет на важные тенденции развития русского языка вообще (особенно много такого материала включено в отдел «Синтаксис»). Метод

освещения материала в книге — в основном сравнительно-исторический. К сожалению, по условиям издания и по самим установкам использования книги на филологических факультетах не представлялось возможным расширить ее в сторону привлечения возможно богатого материала из других славянских языков, не говоря уже об индоевропейских вообще. Такого рода работа, по-видимому, — дело будущего, — хотелось бы думать, что, с ростом нашей высшей школы, уже недалекого.

Л. Булаховский

ЗНАКИ.

* — реконструируемая (не засвидетельствованная ни в живом языке, ни в памятниках) форма.

o < a и под. — o произошло из a и под.;

a > o и под. — a дало (изменилось в) o и под.

Дужка под гласной — неслогообразующий звук во второй части дифтонга.

Кружок под г, l, m или n — сонорный согласный, образующий слог.

Горизонтальная черта над гласной — долгота.

Крючок под гласной (кроме словенского научного письма) — знак носового резонанса.

Черточка за согласной сверху — смягченность согласного звука.

“ — в сербском письме — знак нисходящей краткой интонации (иначе — «острой») подударного гласного.

⌒ — в сербском и словенском письме знак нисходящедолгой интонации подударного гласного.

‘ — в письме болгарском и восточнославянских народов знак ударения; в сербском и словенском — знак подударного гласного с восходящедолгой интонацией; в чешском и словацком — знак долготы гласного; в литовском — знак нисходящедолгой интонации подударного гласного; для древнегреческих слов — знак «острого» ударения.

˘ — в сербском — знак восходящекраткой интонации подударного гласного; в словенском — знак краткости подударного гласного, то же в литовском.

˜ — в литовском — знак восходящедолгой интонации подударного гласного; в древнегреческом — знак «облеченного» ударения.

В примерах из словенского языка — o читается как o с предшествующим слабым призвуком (неслоговым u); e — как e с предшествующим слабым призвуком i.

В примерах из словенского языка точка под o обозначает очень закрытое произношение этого гласного звука; точка под e — произношение e с особым (неслоговым) i перед ним.

Важнейшие (встречающиеся в приведенных в книге примерах) особенности алфавитов.

Кириллические алфавиты.

Старославянский:

ж (юс большой) — буквенный знак носового гласного заднего ряда — носового o.

ѣ (йотированный юс большой) — знак ѣ + носовое o.

л (юс малый) — знак носового гласного переднего ряда — носового e.

ь (йотированный юс малый) — знак ѣ + носовое e.

Ѣ — (ять) — знак особого гласного звука переднего ряда.
Ѥ — знак особого редуцированного (глухого) гласного звука заднего ряда.
Ѧ — знак особого редуцированного (глухого) гласного звука переднего ряда.

Б о л г а р с к и й:

ъ — знак особого редуцированного гласного звука заднего ряда.

Б е л о р у с с к и й:

і равняется русскому и.
у — неслоговое у.
г — звонкий согласный типа һ.

У к р а и н с к и й:

и передает звук, близкий к русскому ы (обычно — более передний); і — русск. и.
є не смягчает предшествующего согласного звука.
ї = йи; е = русск. е.
г — звонкий согласный типа һ.
дз — аффриката \widehat{dz} ; дж — аффриката $\widehat{d\check{z}}$.

С е р б с к и й:

е — е, не смягчающее предшествующих согласных.
љ, њ — смягченные л, н.
ћ — сильно смягченное т с легким пришепыванием (тот же звук, что и пол. \acute{c}).
ђ — сильно смягченное д с легким пришепыванием (тот же звук, что и пол. $\acute{d\check{z}}$).
џ — аффриката дж.
ј — й.

Л а т и н с к и е а л ф а в и т ы.

Для реконструкций: у — русское ы; і — русское и; z — з; c — ц; ž — ж;
š — ш; č — ч; dz — аффриката — укр. дз; dž — аффриката — укр. дж.

Для с а н с к р и т а, имеющего свое письмо, принята транскрипция:

h за согласным — знак придыхательного произношения согласного звука;
h — h.
c — знак звука ч (č).
j — знак звука ж (dž).
y — знак звука й (j).

Для греческого, имеющего свое письмо, транскрибируются: о — через у; о во второй части дифтонгов — через u; ζ — через z; θ — через th.

Для чешского алфавита характерны буквы:

ě — знак гласного е, перед которым смягченно звучат n, d, t. Последние «мягки» и перед і. После губных согласных ě звучит как —іе.
у — звук, произносимый близко к і без смягчения предшествующего согласного.

ů — долгое u.
z — русское з.
ř — специфически чешский согласный — «мягкое» г с пришепыванием («мягкий» ж или ш).

ň — нь (ň).
D, d' — дь (d').

T, t' — ть (t').

l — читается обычно как «среднее» («европейское») l.

č — русск. ч.

ž — звучит близко к русскому ж.

š — звучит близко к русскому ш.

c — звучит как русское ц, ch — русск. х.

В словацком письме употребляются:

- ä — знак звука, переходного от а к е (звучит близко к русскому а, смягчающему предшествующий согласный: в *память, время*).
ô — звучит как уо.
ia, ie, iu обозначают гласные, произносимые как один слог.
e — смягчает предшествующие п, d, t, l.
dz — укр. дз, dź — укр. дж.

В польском письме приняты буквы:

- ą — носовое о.
iȧ — обозначает смягчение предшествующего согласного + носовое о.
ę — носовое е.
iė — обозначает смягчение предшествующего согласного + носовое е.
y — близко к русск. ы.
ó — читается и.
ł — «твердое» л.
l̄ — ль (л') с некоторыми оттенками в зависимости от положения.
w — русское в.
ź — русск. ж.
rz — обозначает обычно звук ж (из бывшего р); после p, t, k — ш: rzeka — «жэка», rząd — «жод»; przy — «при» — «пшы», trzy — «три» — «тшы», krzyścieć «кричать» — «кшыщець».
cz — укр. ч (ч «твердое»);
sz — русск. ш.
c — русск. ц.
ch — русск. х.

Смягчение согласных (кроме l) обозначается не перед гласным черточкой над буквою: chodzić «ходить»; mroźny «морозный»; но буквой i перед гласными: pierz «перец» — «пепш», piechota, czarniuchny «черненский»; piemy «немой» и под.

Для литовского алфавита характерны:

Дифтонги ai, ai... (с неслоговыми и, i), ie. Закрытый гласный е обозначается буквой ė.

Согласные: z — з, ž — ж, š — ш, č — ч, c — ц. Есть аффрикаты dz, dź.

Смягчение согласных передается буквой i перед гласными, которые за ними следуют.

Для латышской азбуки:

Слитные гласные — ie, uo; имеют скользящий уклад артикулирующих органов, представляющий незаметную смену ряда укладов на протяжении артикуляции гласного.

ai, ei, au и другие дифтонги произносятся с неслоговыми i, u.

i произносится перед гласными переднего ряда («мягкими») как «среднее» («европейское») i; I в других случаях — как русское «твердое» л.

l̄ произносится как русское ль (л').

Сочетания типа ne, pi произносятся с «твердым» согласным. — š — ш; ž — ж, č — ч, dz — укр. дз; dź — укр. дж.

ЗАМЕЧАНИЯ О МЕСТЕ УДАРЕНИЯ

Для языков сербохорватского, чешского (со словацким) и польского могут быть даны общие указания.

В литературном сербохорватском языке ударение, сравнительно с русским, украинским и белорусским языками, обычно на слог ближе к началу слова (конечного ударения, следовательно, не бывает): мётла: русск. «метла́», овца: «овца́»; ма́лина: «мали́на»: ка́лина: «кали́на».

В языках чешском и словацком (слабое) ударение падает на первый слог слова: skála: русск. «скалá», okno: русск. «окно»; práni «стирка»; padesát «пятьдесят», nalíti «налить», таким образом, сильнее других соответственно выделяются слоги: ska-, o-, pra-, pa-, pa-.

Общим правилом для польского языка является ударение предпоследнего слога слова: слова cierpieć: русск. «терпéть», sierota: русск. «сиротá», wydawać: русск. «выдавáть» произносятся соответственно с ударением на слогах: cier-, go-, da-.

І. ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ДО КОНЦА XVIII ВЕКА.

§ 1. Литературный язык восточных славян XI и ближайших столетий.

Литературный язык первых веков письменности восточных славян, древнерусский (памятники его восходят ко второй половине XI в.; древнейшие, сохранившиеся в позднейших списках, тексты относятся, однако, к значительно более раннему времени — включенные в начальную летопись договоры киевских князей с греками — 911, 944 и 971 гг.), является во всем существенном общим языком предков трех нынешних восточнославянских народов — русских, белорусов и украинцев.

«Русский» литературный язык времени раннего феодализма (XI—XIV вв.) нельзя поэтому охарактеризовать, отмечая только те его особенности, которые с большим или меньшим правом могут считаться принадлежностью говоров обоих нынешних наречий русского языка. Хотя некоторые фонетические, а отчасти и лексические черты восточнославянских диалектов, таких, например, как новгородский или говоров — предков украинского языка, проявляются и в ранних памятниках с достаточной выразительностью и отражают естественную для феодализма раздробленность средств языкового общения, но в целом письменный язык феодальной Руси даже с чертами диалектов — предков великорусского не есть еще язык, который с достаточным правом можно было бы назвать собственно русским, противопоставляя его, напр., украинскому.

Важно и то, что рядом с восточнославянской основой письменности, главным образом — деловой, обращавшейся на территории феодальной Руси, очень влиятельную роль осуществлял с последней четверти X в. в жанрах, так или иначе связанных с церковностью, обнаруживавший сильную тенденцию подчинять себе и другие виды письменности (напр., летопись) славянский книжный язык, занесенный на Русь извне. И исторические свидетельства и данные самого языка по памятникам не оставляют сомнения в том, что язык этот по своему происхождению л и т е р а т у р н ы й б о л г а р с к и й IX в., построенный на основе македонского наречия

Солуну, что и овладение им и пользование были возможны в тех чертах, которые отражены в памятниках, только при очень сильном влиянии школы с учителями-болгарами¹.

Те элементы живой восточнославянской речи, которые легли в основу начальной письменности и которые необходимо должны были проникать также в принесенный извне письменный язык, вопреки, казалось бы, естественному ожиданию, кроме некоторых фонетических черт, не носят на себе отчетливой диалектной окраски. Один из авторитетных знатоков древнерусской литературы и языка акад. В. М. И с т р и н так характеризует русский язык XI—XIII вв.: «Примеров... провинциальных разновидностей общелитературного языка мы... не имеем и говорить о них не можем, исходя лишь из теоретических соображений, подкрепленных историческими фактами...»

«Разумеется, и в разговорном языке каждого местного высшего слоя общества существовали свои провинциализмы, которые могли

¹ Та разновидность старославянского языка, которая была в обращении на Руси, главным образом после 988 года, времени принятия христианства в Киеве, как есть серьезные основания думать, уже в ряде особенностей отошла от языка, легшего в основу первоначальной славянской письменности, связываемой с именами Константина (Кирилла) и Мефодия, ее первых представителей (862 и ближайшие годы). По-видимому, восточные славяне первоначально находились в общении главным образом с восточными болгарами, которые к концу X века уже обладали своей богатой письменностью и выработанной для нее более или менее устоявшейся редакцией книжного языка, не во всем сходного с тем «македонским» (солунского наречия), который лег в основу первоначальных переводов с греческого в богослужебных текстах, вышедших из рук Константина и Мефодия и их ближайших учеников. Вместе с тем, факты ведут нас и к другому очень вероятному предположению, что со времени великого князя Ярослава (великий князь — 1019—1054 гг.) приток церковнославянской литературы восточноболгарской редакции в большой мере уступает место рукописям западноболгарского и сербского происхождения. Приходится во всяком случае считаться с тем, что на восточнославянской почве старославянский язык обращался не в своем чистом, первоначальном, виде, а в уже более или менее уклонившихся от него южнославянских редакциях («изводах»), не говоря уже о том, что сама новая для него, восточнославянская почва должна была налагать и, действительно, налагала на хоть и близкий, но чужой только путем длительного изучения усваиваемый язык и свои определенные фонетические и морфологические особенности.

Аргументация акад. В. И. Л а м а н с к о г о («Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», — Журн. мин. нар. проsv., ССССІІ, 1904, янв., стр. 163—165), дополненная в относительно недавнее время рядом серьезных соображений академика С. П. О б н о р с к о г о («Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», 1946, и предшествующие работы) и др., позволяет отнести зарождение деловой русской письменности ко времени, значительно более раннему, чем время дошедших до нас памятников церковного содержания (вторая половина XI в.). Если допускаемое Ламанским наиболее раннее время — исход IX в. — остается сомнительным ввиду слишком большой близости к дате изобретения славянской азбуки для мораван (около 863 г.), особенно если учесть, что «кирилловское» письмо изобретено, по-видимому, позже принадлежащего непосредственно Кириллу (Константину) глаголического, — то начало X в. (договор Олега относится к 907 г.) уже достаточно вероятно. «Договоры с греками, — как замечает Ламанский, — с некоторыми лишь болгаризмами писаны чисто русским языком, и официальные переводы их с греческого были сделаны не болгарами, а восточными, русскими славянами».

входить и в письменность, как напр., слово «олонесь» в значении «в прошлом году» в Новгородской летописи (Синод. сп. XIII в.), но таких слов, как доказывают древнейшие памятники, было незначительное число. В общем же книжный литературный язык был один и тот же на всем пространстве Руси»¹.

Констатируемый Истриным факт может толковаться по-разному. Менее всего доказательно то соображение, что в X—XIII вв. восточнославянский язык еще был мало расчленен на диалекты и что единство литературного языка поддерживалось по сути единством самого разговорного языка, более или менее одинакового и в Киеве, и в Новгороде, и в Полоцке. Конечно, во время, о котором идет речь, «народный язык» отдельных восточнославянских племен (предков русских, украинцев и белорусов) не мог еще так сильно различаться от диалекта к диалекту, как это имело место с дальнейшим историческим распадом старых племенных, политических и экономических связей; по уже аргюи маловероятно, чтобы на огромных пространствах, занятых восточнославянскими племенами, при, естественно, несовершенных путях сообщения, при системе феодального хозяйства, язык не оказался сильно раздробленным. Да если бы было и не так, всё равно искусственный книжный язык Руси XI—XIII вв. мало выигрывал бы от близости или даже единства разговорного языка на другой народной основе. Причины единства древнерусского литературного языка как общевосточнославянского — иные: «Киевские князья, — объясняет Истрин, — посылали по городам или своих сыновей, или посадников, приводивших с собой и дружину, а киевская духовная власть наделяла те же города высшим и низшим духовенством, приносящим с собой разнообразного содержания книги. Те и другие, кладя основание высшему слою общества, сливались с местными уроженцами и создавали тот же книжный литературный язык, который существовал и в Киеве, лишь с очень незначительными местными особенностями. Что же касается словарного материала, то он в сильной степени зависел от вращавшейся в каждой местности письменности, а эта письменность... проявлялась в одно и то же время всюду — и на юге и на далеком севере... Существенное значение... оказывала книга: провинциальный русский книжник — и в Новгороде, и в Ростове, и во Владимире, и в Галиче — учился по тем же книгам, по которым учились и киевские книжники, из таких же книг почерпал всю свою книжную мудрость, и естественно, что и писать он должен был на том же языке, на котором была написана вся тогдашняя литература»².

¹ В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы, 1922, стр. 82.— Об олонесь см. Б. М. Ляпунов, Этимологические исследования в области древнерусского языка, «Русск. филол. вестн.», 1916. № 4.

² Возражения против этого проф. Ф. П. Филина (Очерк истории русского языка до XIV столетия, Учен. зап. Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, XXVII, Каф. русск. яз., 1940, стр. 79—80), будто в древних русских летописях отражены многочисленные диалектные словарные расхождения, не

Не меняется заметно положение и с XIII в. — с запустением Киева и с сосредоточением русской государственности на северо-востоке в иной племенной области. И на новых местах, самые названия которых даются нередко из памяти о юге, культивируется тот же традиционный язык, который принадлежал письменности Киевской Руси: «Язык таких произведений северо-востока XIII в., как «Моление Даниила Заточника»¹, «Послание Симона к Поликарпу», «Поучения Серапиона Владимирского», «Житие Авраамия Смоленского», ничем не отличается от языка таких памятников, как: «Поучения Феодосия», «Поучение Моноаха», «Слова Кирилла Туровского» и т. п.; точно так же, напр., самостоятельная часть «Летописца Переяславля Суздальского» (начала XIII в.) по языку ничем не отличается от «Повести временных лет» как в ее древнейшей части, так и в позднейших» (Истрин, стр. 83).

Язык книги в общем продолжает оставаться традиционным и долгое время спустя не порывающим с установившимся в киевскую пору составом слов и форм, насколько, разумеется, это удастся желающим сохранить его именно таким — книжникам, работающим в новых политических и культурных центрах.

Такой блестящий, хотя и уединенный среди дошедшей до нас старины, памятник художественной речи XII в., как «Слово о полку Игореве», позволяет с большой убежденностью говорить о мощной словесной культуре, которая в Киевской Руси не ограничивалась духовной тематикой, но, вбирая в себя многочисленные национальные элементы, охватывала и светские жанры высокого значения и общественного и эстетического.

достаточно убедительны: *въверица* «белка» — слово, широко известное не только южнорусским, но и русским памятникам из различных областей (см. материал у Срезн., I, 477) и многим славянским языкам вообще; *волна* «шерсть» (Срезн. I, 380) — тоже; с *гать* ср. волог. *загат*, *загатка* «защита изб соломой на зиму» и серб., словен. и т. д. точные соответствия значению *гать* в летописи.

Несколько других приведенных Филиным будто бы южнорусских слов — обычные церковнославянизмы либо слова, распространенные во многих славянских языках; в существенном то же приходится сказать и о примерах, относимых им к области севернорусской: см. к *виялица* — Срезн., I, 267; к *вятший* (вящий) — Срезн., I, 505—506; к *обилие* ср. хотя бы *Lexicon palaeoslov. -gr. -lat.* Ф. Миклошича, 464, и т. д. Но немногочисленные диалектные расхождения, по преимуществу относящиеся к конкретным бытовым понятиям, *вршь* «жито», *звук* «осколки, щель» и др., конечно, существовали.

Не внесла необходимости иначе смотреть на дело и новая книга того же автора — «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)», Учен. записки Ленингр. гос. педаг. инст. им. А. И. Герцена, т. 80, 1949 г., с трудолюбивой обработкой соответствующего материала, но с серьезными изъянами методологии, подсказанными концепцией Н. Я. Марра.

Ряд замечаний критического характера по этому поводу и подробное изложение вопроса см. в моей книге на украинском языке «Питання походження української мови» («Вопросы происхождения украинского языка»), 1956 г., глава VI, стр. 82—104.

¹ Время составления «Моления Даниила Заточника» некоторыми исследователями считается более ранним.

Но не этой, наиболее совершенной художественной манере суждено было историей дать общий характер древнерусской словесной эстетике. В большинстве произведений, где эстетическая задача выступала с достаточной отчетливостью, стиль национальной отстает перед господствующим византийским. «Первые переводы, — говорит акад. А. С. Орлов¹, — были сделаны у южных славян с таких культовых писаний, подлинники которых повторяют черты высоко-поэтического ориентализма своих источников, с *эпо*, так сказать, «вечной» стилистической гармонией языка. Нет сомнения, что древние переводчики-славяне подчинились влиянию этого свойства своих образцов и по их типу сгармонизировали свою речь. К этому надо прибавить влияние эллинистическо-византийское, которое культивировало и декламационную, ораторскую сторону языка, унаследованную и от ориентализма и от античности. Переработка всех этих элементов в византийской, а затем и в болгарской лаборатории X в. дала в результате тот своеобразно-гармонический литературный язык, которому затем подчинилась и Россия, на многие века признав его изысканные, изящные по-своему, основания». Болгарско-византийская стилистическая манера делается основой русской церковно-художественной, рассчитанной главным образом на верхи общества, проповеди (к наиболее высоким образцам относятся: «Слово о законе и благодати» Иларiona, первой половины XI в., проповеди Климента Смолятича, которого летопись характеризует: «бысть книжник и философ, так якоже в русской земли не бяшетъ», втор. пол. XII в.; Слова Кирилла Туровского, втор. пол. XII в.) и в целом ряде жанров устанавливается как стилистический идеал, как образец для более или менее приближающегося к нему подражания. Закрепленная на восточнославянской почве болгарско-византийская стилистическая манера со всеми типическими особенностями занесенного на Русь чужого языка живет в течение веков.

Наряду с книжным церковнославянским должен был, однако, существовать и выступать в качестве влиятельного близкий или во всяком случае гораздо более близкий к народному, не чуждавшийся областной окраски язык деловых документов и законодательных актов. Еще недавно было распространено мнение, что и для этих произведений древнерусской письменности нужно принять как основу заносный болгарский язык, с которым, однако, в документах такого рода обращение было намного более свободно, так что уже очень рано он выступал в них с очень значительной примесью разговорного русского языка. Этой концепции в последнее время противопоставлена серьезно обоснованная точка зрения акад. С. П. Обнорского², который

¹ Русский язык в литературном отношении, — «Родной язык в школе», № 9, 1926, стр. 30.

² С. П. Обнорский, «Русская правда» как памятник русского литературного языка», «Изв. Акад. наук СССР», 1934, стр. 749—776; Очерки по истории русского литературного языка, М.-Л., 1946 г.

на основании анализа языка главным образом древнейшего из дошедших до нас списков «Русской правды» приходит к выводу, что уже в XI в. при великом князе Ярославле Владимировиче в употреблении был в документальной письменности язык вполне русский, «русский во всем своем остове».

«Этот русский литературный язык старшей формации», как думает Обнорский, «был чужд каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры, но, с другой стороны, ему не были чужды иные воздействия — воздействия, шедшие со стороны германского и западнославянского миров»¹. Известные вероятности говорят за то, что этот наиболее чистый тип русского делового письменного языка создан первоначально на севере (в Новгороде), тогда как юг (Киев), вероятно, издавна, только менее решительно преодолевал и в письменности этого рода воздействие «образцового» книжного языка на южнославянской основе.

Заметим, что обогащение наших сведений, которое получено в последние годы наукою русского языка благодаря открытию многочисленных новгородских деловых документов, писанных на бересте², не внесло, однако, каких-либо серьезных изменений в наши представления об этой стороне дела. Некоторый областной налет в деловой речи Новгорода и устной, и письменной, конечно, был не только в фонетике, и в грамматике, как издавна было известно, но и в словарном составе, и, вместе с тем, этот налет не прокладывал в древнерусской письменной речи граней настолько заметных, что позволял бы на надежных основаниях в речи предков нынешних великорусов различать вполне определенные местные говоры, не говоря уже о «языках». Тщательно обследовавшая лексику берестяных грамот Н. Б. Бахилина констатирует, что «большую часть лексики новгородских берестяных грамот составляют слова общенародные, общерусские, вошедшие в язык с древнейших времен и употребляемые в русском языке и в настоящее время» (Палеогр. и лингв. анализ., стр. 169). Слова более или менее специфические относятся к понятиям узкого экономического и правового значения (денежные единицы, судебная номенклатура и под.). В других памятниках древнерусского языка нет только встречающегося в одной

¹ С выводом об отсутствии «каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры» нельзя согласиться уже хотя бы потому, что само письмо, которым пользовалась старая Русь, одинаково и северная и южная, представляло несомненно продукт болгарско-византийский и притом в «старшей формации» теснейшим образом связанный с культом. Подробный анализ памятника см. в книге Обнорского же «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», 1946, стр. 9—31.

² См.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М., 1953; А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., 1954; Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, М., 1955.— Рецензия Л. А. Булаховского, Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., том XV, вып. I, 1956, стр. 76—81.

грамоте первой четверти XV века (в)аци: «.д. (в) аци солоду», вероятно, в значении меры веса¹.

С другой стороны, письменность религиозная и те немногочисленные виды светской, которые находились с ней в тесной идеологической и стилистической связи, в процессе своего приспособления к русской языковой почве утрачивают чистоту своей южнославянской основы, допускают всё большее и большее проникновение фонетических и лексических восточнорусских элементов, и пути их развития вплоть до конца XIV в. обещают тип литературного языка если не очень сильно, то по крайней мере заметно сближенного с речью феодальной верхушки².

Существенное значение в истории русского языка имело, однако, совершавшееся в течение XV в. возвращение литературной речи к южнославянским книжным источникам.

Во многом «обрусевший» к XV в. письменный церковнославянский язык, бывший в обращении на территории Руси, в XV в. переживает сильную реакцию. Он заметно отрывается от сделанных приобретений живой речи, архаизируется, усложняется синтаксически в духе византийского «вития словес» и на письме выступает в оболочке усложненной орфографии с чуждыми его фонетике особенностями южнославянской графики.

Эта реакция совпадает с возобновлением сношений с центрами греко-славянской религиозной образованности, где списываются и откуда присылаются на Русь книги, окруженные ореолом образцовости и в их содержании и в их языке. Как желанные гости и учителя принимаются на Москве южнославянские церковные деятели, влияющие, естественно, в направлении приближения литературного языка к привычным для них и представляющимся им авторитетными южнославянским образцам. Влияние это оказывается настолько сильным и длительным, что, как утверждал акад. И. В. Ягич, «без правильной оценки его становится непонятным то большое количество славянских элементов, слов и оборотов, которое до сих пор существует в русском литературном языке»³.

Влияние подобной силы не могло, конечно, быть случайным, и корней его нам надо искать не только в авторитетности южнославянских церковных деятелей, приехавших в страну, духовенство которой само чувствовало свою недостаточную образованность в области обслуживаемого им культа, но и в самих тенденциях русского духовенства конца XIV и начала XV в. В борьбе за свое влия-

¹ Иначе Н. М. Дилевска, Бълг. език, 1956 г., № 3, стр. 263.

² Важен в аспекте обнаружения русской языковой основы в таких памятниках, как сочинения Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве», анализ их, произведенный С. П. Обнорским в названных «Очерках по истории русского литературного языка», 32—198.

³ И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, 1889, стр. 152—153. Ср. и А. И. Соболевский, Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках, СПб, 1894.

ние церковники увидели в южных славянах с их языковыми тенденциями желанных союзников. Книжные образцы, привезенные ими, «ответили чаяниям и русского духовенства, жаждавшего реформы, понимавшего, что почва ускользает из-под его ног под напором светского своего соперника — литературного языка, воплотившего в себе язык церковный...» Реформируя орфографию и язык церкви в направлении их большей усложненности, обособленности от живого и повседневного, духовенство (вернее, те, кто задавал в нем тон) могло «чувствовать себя удовлетворенным: над народной стихией и над светским литературным языком одержана великая победа: церковный язык не смешается с языком подъячего съезжей избы, пишущего грамоты, совершающего сделки на простонародном грубом языке»¹.

Книжное слово служит «важному», требующему для своего выражения особого, приобретенного «наукой» подхода; победу одерживает признание такой его природы и неприкрытое, резко выражаемое стремление отгородиться от манеры говорить «якоже поселяне». Противоположные тенденции — к сближению языка богослужebной книги с русским, т. е. с разговорным языком, рассматривались руководящими кругами духовенства как проявление протестантских, еретических мнений.

Мнение чернеца Нила Курлятева, последователя Максима Грека, шло явно вразрез с господствовавшим в верхах консервативным убеждением в ценности языковой «реформы» XV в.: «А Киприан митрополит...— писал Курлятев,— и нашего языка довольно не знал. Аще и с нами [с ними] един наш язык сиречь славянский, да мы говорим по своему языку чисто и шумно, а оне [нерусские славяне — сербы] говорят моложаво, и в писании речи наши с ними не сходятся. И он мнелся, что поправил псалмов по нашему, а болши неразумие в них написал в речех и в словех... и ныне многыя у нас и в ся время на (sic!) книги пишут, а пишут от неразумия все по сербски, и говорити по письму по нашему языку прямо не умеют и многыя неразумныя смущаются... и сия доселе не достанет нам лето на повествование»².

Ценившие пышность культового слова и благоговевшие перед его таинственной непонятностью видели в киприановской реформе осуществление высокой цели, борьба за которую есть священное дело верующих. Выразителем такого убеждения является, напр., в XVI в. инок Зиновий Отенский (ум. в 1568 г.): «Мню же,— пишет он,— и се лукавого умышление в христорборцех или в грубых смыслом, еже уподобляти и низводити книжные речи от общих народных речей, аще же и есть полагати приличнейшим мню от книжных речей и общия народныя речи исправляти, а не книжныя на-

¹ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка (литогр.), I, изд. 2, стр. 205—206.

² Труды III Археолог. съезда в России, Киев, т. II, 231—232; 1878, Амфилохий.

родными обещать»¹, иначе говоря, он полагает, что нужно народный язык поднимать к церковному, а не церковный «вульгаризировать» («обещивать»), сближая с народным.

Не всё, однако, возвращенное вспять к старославянским источникам следует отнести в составе русского литературного языка только на счет исправителей XIV—XV вв.

Хотя победу архаизаторских тенденций XV—XVI вв. нужно поставить в связь с упомянутыми устремлениями духовенства, но очень вероятно, что его победа на этом этапе оказалась возможной в значительной мере благодаря соответствию его нормализаторских устремлений общим объединительным устремлениям и «пышности» нарождавшейся в течение XV в. централизованной бюрократической монархии.

Укрепившись в XVI в. и в лице Иоанна IV достигши наиболее яркого выражения, самодержавие смотрит на духовенство как на силу, подлежащую использованию в своих интересах, и, задерживая или истребляя в своей практике то, в чем церковники могли пойти путем, противоречившим этим интересам, по-видимому, и в области языка намерения церковников согласует с духом своей политики. Показательно во всяком случае, что «исправительская» работа в области церковного языка приходится и в XVI в. и после (в XVII в., при царе Алексее) именно на моменты усиления бюрократической монархии.

Типические черты этого эстетически, по понятиям времени, выдержанного литературного языка — обилие искусственных элементов, так или иначе продолжающих работу над пополнением церковно-схоластического словаря, унаследованного от старины; «философская» направленность, сугубая абстрактность привлекаемой книжниками лексики — «высота словес»; синтаксическая пышность широко развернутой, не легкой для произнесения и понимания, но с установкой на своеобразную гармоничность построенной фразы — «извитие словес». В задачи этого слога не входило ни говорить работающей мысли, ни взволновывать направленных на живое чувств — он в его типических формах служил средством передачи застывшей важности идей, представлявшихся раз и навсегда созданными, и одному господствующему настроению — благого-

¹ Корни этого высокомерного отношения к народному языку понятны в аспекте психологии времени и классового сознания тех, кто считал себя носителем наиболее высокого в плане идейно-религиозном и с ним стилистическом. Уже знаменитый проповедник — вития своего времени митрополит Иларион (середина XI в.) в своем «Слове о законе и благодати» (дошедшем до нас в списке XVI св.) провозглашает на чистом старославянском языке: «Не к неведущим бо пишем, но презлиха насыщшемся сладости книжныя» — «Мы пишем не для непросвещенных, но для тех, кто с избытком насытились сладостью книжною». Митрополит Климент Смолятич, которого летопись характеризует как небывалого на Руси «книжника и философа», в послании к смоленскому пресвитеру Фоме (около середины XII в.), заметившему ему, что язык его [Климента] посланий невразумителен, — отвечает ему презрительной фразой, смысл которой — что писанное им, Климентом, никак не предназначалось для него, Фомы, а для князя.

вейному удивлению пред величественным по его содержанию и выражению. Мысли и чувства иного порядка, сковываемые традициями этого книжного церковного или от церкви зависимого стиля, только относительно редко пробивались наружу через его получившие устойчивое влияние формы, но, как ни важны они в качестве свидетельства о наличии живых элементов, готовых служить или, по крайней мере, стать наряду с традиционными церковными, — взломать последние принципиально им не удастся почти до самой середины XVII в.

При всем этом характерно, что поддержание старинного языка в любой книге уже и значительно раньше требовало от того, кто хотел в большей или меньшей степени что-то «сочинять», давать от себя, — слишком много ученого усердия и начитанности.

А. И. С о б о л е в с к и й [Несколько мыслей о древней русской литературе, Изв. II отд. Акад. наук, VIII (1903 г.), кн. 2, стр. 143 и сл.] считает, что XVII в. — время замирания древней русской литературы, и на вопрос о причине этого явления отвечает: «Кажется, дело в языке этой литературы. Как известно, переводы многих произведений греческой литературы, южнославянские и русские, древнейшие (IX—X веков), — не блещут достоинствами; некоторые из них едва ли были понятны даже самим переводчикам. Как также известно, писцы при переписке часто искажали тексты и своими ошибками и описками превращали понятные места в непонятные. Тем не менее многие древние переводные тексты... были достаточно понятны для русского читателя X—XIV вев... В XVI веке, при дальнейшем изменении живого русского языка и ослаблении традиции, московский читатель стал уже затрудняться при чтении многих из тех памятников, переводных и оригинальных, которые были писаны на славянском языке. Отсюда такие заявления, как у Курбского. Последний был почитателем и любителем славянского языка, и тем не менее у него о «Богословии» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха мы читаем, что это произведение «ко выразумению (=пониманию) неудобно и никому же познаваемо (=ни для кого не понятно)».

§ 2. Древнерусская лексика в памятниках Московской Руси.

В отношении нормы как грамматической, так и лексической московского языка приказов и делового языка вообще, значительно более близкого к разговорному, чем тот, который так или иначе был связан с церковностью (теоретические жанры), стоит отметить факт, параллельный констатированному для книжного языка эпохи раннего русского феодализма, — при наличии некоторых фонетических и очень немногих морфологических расхождений вся документальная письменность московского государства по языку одина. Различия, характеризующие документы новгородские и рязанские (двух других политических центров старой Рос-

сии) сравнительно с московскими, малосущественны. Так, Б. Унбегаун указывает только некоторые слова, относящиеся к мореплаванию и торговле, которые можно встретить лишь в новгородских документах (германизмы: *шкипер*, *буса* «род корабля», *ласт* «балласт», *берковеск* «берковец» и под.; *зобня*, *коробья*, *оков*, *пошев*, *пуз* — меры); отдельные татаризмы, обычные в московских памятниках и не встречающиеся в новгородских (*алтын*, *армяк*, *кафтан*); тверск. и новгор. *собина* «собственность» (моск. *товар*, *живот*, *рухлядь*) и под.¹

Для характеристики древнерусской лексики так, как она отразилась в памятниках **Московской Руси**, важно уяснить себе те жанры, в которых она культивировалась в хотя бы относительной независимости от лексики определенно церковной, южнославянской (главным образом болгарской).

Памятниками этой лексики являются прежде всего жанры **п р а к т и ч е с к и е** (прикладные): грамоты (документы юридического характера, манифесты), законодательные акты сборного рода (судебники), официальные донесения, переписка; **и з т е о р е т и ч е с к и х**, менее чистых по языку: летописи и родственные им типы литературного творчества, произведения с наставительными целями, произведения описательного характера (главным образом описательно-повествовательного).

И з г р а м о т М о с к о в с к о й Р у с и особый интерес представляют, естественно, древнейшие. К ним принадлежат семь завещаний московских князей (древнейшее — Духовная Ивана Калиты, ок. 1327 г.), договоры московских князей с удельными и Литвой и др.

Относительно большими собраниями лексического материала юридического характера являются Судебники 1497 г. (Иоанна III), 1550 г. (Иоанна IV), 1589 г. (Федора) и Уложение 1649 г. (Алексея Мих.).

Среди многочисленных и разнообразных **о ф и ц и а л ь н ы х д о н е с е н и й** могут быть упомянуты такие, напр., как отчет Я. Молвянинова Иоанну Грозному о посольстве его к папе Григорию XIII (1582 г.), для XVII в. — многочисленные интересные материалы, относящиеся, напр., к восстанию Степана Разина, к делу патриарха Никона и под. и, как выдающийся памятник более художественного, чем собственно делового языка, «История об Азовском осадном сидении донских казаков».

Драгоценными памятниками старинного эпистолярного слога являются, напр., для XVI в. письма вел. кн. Василия Ивановича к его жене, исключительная по представляемому ею интересу переписка Иоанна Грозного с Андр. Курбским, его же грамоты 1572 и 1573 гг. к шведскому королю Иоанну III, послание Грозного игу-

¹ В. Унбегаун, *La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550)*. I. La flexion des noms, Paris, 1935 (Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad, XVI), стр. 11 и след.

мену Кирилло-Белозерского монастыря; для XVII в. — переписка патриарха Филарета с его женою и под.

Среди литературы путешествий, мемуарной и под. важны, напр., вошедшее в так называемый Софийский временник «Хождение за три моря» тверитина Афанасия Никитина (между 1466—1472 гг.), Отчет посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620—1622 гг.), Хождение на Восток в 1624 г. Ф. А. Котова, и ряд других с характерной лексикой бытовой экзотики; для XVII в. — замечательный мемуарный памятник древнерусского языка — «Житие» протопопа Аввакума.

Чрезвычайно обильны и разнообразны материалы летописного характера, литература назидательно-повествовательная и под.¹

Словарь понятий бытовых нам открывается из этой литературы по преимуществу в документах административного, в меньшей мере — юридического порядка и в таком, напр., исключительном в этом отношении памятнике, как «Домострой».

Ср. и ценные в этом же отношении описи имущества, напр., патр. Никона («Дело патр. Никона»), кн. Голицыных («Розыскн. дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. III и IV); извлечения из рукописей архива Моск. оружейной палаты в книге П. И. Савватова — «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия и пр. ...», СПб, 1865 г., и мног. под.

В отличие от черт, характерных для современности, нам не приходится бытовую лексику изучать по древнерусской беллетристике с надеждами, которые мы вправе возлагать на подобное изучение современной литературы, с ее широким и многосторонним отражением быта. Древнерусская беллетристика в основном или нравоучительна и корнями своего слога уходит в церковность, или, даже когда она носит светско-сюжетный характер и служит занимательности, стилистически еще сильно связана с традицией повествовательно-морализирующего жанра, а сама установка на динамический сюжет, на захватывающую смену событий сказочного рода мало способствует обрисовке реальных повседневных вещей.

То, что применительно к допетровской Руси можно назвать терминологической лексикой, охватывает, если не говорить об обильнее всего представленной терминологии церковно-богословской, такие сферы: у нас есть относительно многочисленные источники старинной грамматической терминологии²; кое-что сделано для изучения старинной философ-

¹ Подробные данные и библиографию см. главным образом по художественной литературе в курсах древней русской литературы А. Н. Пыпина (т. I и II), В. А. Кельтуялы (2 изд. 1913 г.), Е. В. Петухова (3 изд. 1916 г.), П. Н. Сакулина (ч. I, 1928 г.), А. С. Орлова (1937, 1939 гг.), Н. К. Гудзия (5 изд. 1953 г.) и др.

² Ср. И. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке, СПб, 1895; С. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПб, 1904; И. Ягич, История славянской филологии, СПб, 1910, гл. II; Н. К. Грунскій, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, СПб, 1911, т. I, гл. I.

с кой лексикой¹; хорошо представлена терминология экономическая и юридическая²; собрана большая медицинская терминология³; главным образом в последнее время приведена в известность довольно значительная терминология ряда производств⁴; собраны материалы по исторической лексике книжного дела⁵.

См. также терминологический материал, отмеченный в содержательной книге Т. Райнова «Наука в России XI—XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных возрений на природу», 1940 г., в частности по физиологии (стр. 85—86, 95—96, 98—99), по химии (стр. 250—252, 305—309, 319), по математике и механике (стр. 295—301).

Военную терминологию XVII в. дает «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», 1647 г. Особенно важен в этом отношении «Устав ратных, пушечных и других дел», писанный около середины XVII в. и изданный двумя выпусками в 1777 и 1781 гг. Книга Райнова подробно знакомит с ним (стр. 288—371).

Древняя Русь, конечно, знала ряд областей быта и деятельности, номенклатурная (терминологическая) лексика которых позже вышла из употребления и в настоящее время оказывается поэтому понятной далеко не полностью. Ограничимся упоминанием хотя бы номенклатуры соколиной охоты, номенклатуры, относительно хорошо известной, например, из знаменитого «Урядника» времени царя Алексея Михайловича и из писем царя к разным лицам. Вот небольшая выдержка из его письма (Колязин, 11 июня 1650 года) к стольнику Ар. И. Матюшкину: «... да писал ты к нам, что кречеты Булат и Стреляй загрызли в вабилах осорьи, а пускать без нашего

¹ Ср., напр., В. П. Зубов, «Физика» Аристотеля в древнерусской книжности, — Изв. АН СССР по Отд. общ. наук, 1934 г., стр. 635—652, в частности — стр. 638—640.

² См., напр., А. Н. Андреев (ред.), Терминологический словарь частных актов московского государства, Рос. Акад. наук., П., 1922; Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, 1937, представляющие собой «указатель общественно-политических и экономических терминов, встречающихся в изданных письменных памятниках с древнейших времен до XV века включительно».

³ См. «Материалы для истории медицины в России», вып. I, XVII в., 1629—1645, СПб, 1881 г.; вып. II, 1645—1674, 1883 г.; вып. III, 1645—1674, 1884 г.; вып. IV, 1676—1682, 1885 г.

⁴ См. изданные Институтом истории Академии наук СССР «Материалы для терминологического словаря древней России», 1937.

Из отдельных областей стоит отметить, напр., терминологию рудного дела и металлургии (см. «Материалы по истории экономического развития России», изд. Ист.-археологическим институтом Акад. наук СССР, — «Крепостная мануфактура в России», часть I — «Тульские и каширские железные заводы», 1930; часть II — «Олонекские медные и железные заводы», 1931); полотняной мануфактуры (часть III — «Дворцовая полотняная мануфактура XVII века», 1932).

⁵ П. Симоны, Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. Тексты. — «Памятники древней письменности и искусства», СХХII, СПб, 1903 г. И его же: «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца» (Материалы для техники книжного дела и иконописи. Тексты). Памятн. древн. письмен. и искусства. CLXI, СПб, 1906 г.

указу не смеете: и вам бы Булату, Стреляю, Нечаю и вперед живое класть в вабило и пускать, а посколку пускать осорей и сколко коршака пускать, и я вам о том сам приказывал; а будет не помните, и я ныне указываю вам: всякому кречету пустить по четыре осорьи опричь тех осорей, с которыми на земли валятца станут, да коршака по дважды всякому кречету первослепа, а в другой ряд, чтоб ставок пять-шесть зделал, да больши тово до меня не пускать, только вабить, а телоб у кречетов не убавлять, а разметоватца не давать, а доходить сквернами да водениною да держаньем...»¹

Сферы эмоциональной лексики, которые можно различить в древнерусском, не отличаются большим разнообразием: исключительно богата и доминирует над остальными питающаяся соками старинного южнославянского языка синонимика торжественных понятий, с прозрачной эстетической тенденцией — «чем старее, тем выше, торжественнее»; иногда рядом с торжественной, но представляя в известной мере самостоятельный слой, выступает синонимика красоты, подчиненная собственно-эстетическим эмоциям; в полемической литературе известное место занимает лексика бранно-презрительная; тщателен отбор почетительного и уничижительного, с исключительной выразительностью проходящий по линиям классового расслоения и иерархии. Гораздо меньше, чем в народном языке, находит свое выражение, главным образом, впрочем, в словообразовании, эмоция ласковости².

Древнерусский литературный язык, как и всякий вообще, в слоге, избиравшемся для отдельных его жанров, проходил через удачу индивидуального творчества, делавшиеся затем предметом подражания и перенимания для других авторов, проходил через отложения устоявшихся и широко развившихся стилистических систем, причем, конечно, те или другие особенности слога определенных жанров не оставались всегда в них замкнутыми, но, понравившись, пролагали себе нередко путь в другие, не всегда даже им родственные. Ив. Пересветов (серед XVI в.) повторяет, видимо любясь образом: «И как учили быти в воли в цареви имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов розрывать и смертною игрою играти и чести себе добывати». «А кто у царя против недруга крепко стоит, играет смертною игрою, полки недруга разрывает, верно служит, хотя от меншаго колена, и он его на величество поднимает, и имя ему велико дает, и жалования ему много прибавляет, ростит сердце воинником своим»³.

В различных договорных текстах застывшей формулой делается яркий первоначально троп: ...А в тех ввел есми Геронтью свою землю, Лукинскую пустош, по рубеж по Кашинской со всем,

¹ Объяснения см. в издании П. Бартенева «Собрание писем царя Алексея Михайловича...», М., 1856 г., стр. 34 и под.

² Важнейшие для истории русской лексики памятники см. в «Проекте древнерусского словаря» Б. А. Ларина, 1936 г., стр. 87—173.

³ *Смертная игра* — «поединок, турнир».

куда ходил плуг и коса и топор (Закладная XV в., Акты юр. II, № 126, III); А что моя отчина, пашенка новая Островское и деревни Седюковского угла, и что к ним исстари потягло, с лесы, и с пустошми, и з бортми, и з бобровыми и с рыбными ловлями и со всякими угодми, и что в тех лесах ухозяя бортново, и *куды плуги и сохи, и косы, и топоры ходили*, и слуги, и с пожнями — и яз ту свою отчину ... после своего живота дал к Спасу в Ефимьев монастырь... (Дух. завещ. кн. Андр. Ногтева, 1534 г.); А отдали ему с путики и с ловищи, и с езовищи, и со всем угодием, *куды ходил топор, и соха, и коса*, и что к тому жеребию истарь потягло (Льготная крест. Сид. Демидову, 1604 г.)¹.

С некоторыми вариациями старинные авторы повторяют популярную им метафору: Ярослав же седе Кыеве, *утер пота* с дружиною своею, показав победу и труд велик (Лавр. сп. лет., под 6527 г.). Володимир сам собою постоя на Дону и *много пота утер* за землю Рускую (Ипат. сп. лет., под 6648 г.); Сии же добрыи Володимер язвен и труден въеха во город свои и *утре мужественаго поту своего* за отчину свою (Ипат. сп. лет., под 6693 г.). Лишь слегка варьируется в разных памятниках старинное выражение радости по поводу окончания писцом книги. В большинстве случаев это только «приличная» застывшая формула, никак не претендующая на оригинальность. Так, например, пятистрочная, засекреченная запись на Шенкурском прологе 1229 года (сгоревшая в Москве в пожаре 1812 года) читалась: «рад быс корабль преплывши пучину морьскую, тако же и писецъ кончавши кънигу сию. аминь»², и такие и подобные выражения можно десятками встретить и в других рукописях.

Образные выражения «Слова о полку Игореве» — «Тогда при Ользе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Даждьбожа внука; в княжих крамолах веци человеком съкратишась» применяет к событиям своего времени автор записи к книге Апостольских чтений 1307 г.: «Сего же лета бысть бой на Руськой земли, Михаил с Юрьем о княженье новгородское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы³, и веци скоротишася человеком».

Стилистические приемы народного эпического и лирического творчества живою струею пробиваются вдруг среди летописного «Сказания о Псковском взятии» (ок. 1510 г.), и пафосом глубокой скорби звучит поэтический диалог: «О, славнейший граде Пскове великий! почто бо сетуеши и плачеши? И отвеща прекрасный град

¹ Ср. и сходные формулы: «Куда моя рука ходила» для обозначения границ владения и «Куда коса с косою сходилася» — формула для обозначения границ сеного угодья.

Документацию см. в книге Г. Е. Кочина «Материалы для терминологического словаря древней России», 1937, стр. 163.

² См. Н. Сперанский, Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма, Л., 1929, стр. 98.

³ Слово *крамола* заменено синонимическим *котора*.

Псков: Како ми не сетовати, како ми не плакати и не скорбети своего опустения? Прилетел бо на мя многокрыльный орел, исполнь крыле львовых ногтей, и взят от мене три кедра Ливанова: и красоту мою, и богатство, и чада моя восхити, Богу попустившу за грехи наши...»

Образы и фигуры песенно-былинные, отзвуки, казалось бы, вовсе утраченной к XVII в. поэзии «Слова о полку Игореве» и подражаний ему, с исключительной силой вдруг выступают в не подающем к тому повода по теме донесении азовских казаков о выдержанной ими в 1641 г. осаде («История об Азовском осадном сидении»). Ср., напр.: «Все наши поля чистыя орды ногайскими изнасеяны: где у нас была степь чистая, тут стало у нас одним часом, людьми их многими, что великие леса темные. От силы их многия и от рыскания их конского земля у нас под Азовом потряслася и погнулася; из реки у нас, из Дону, вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла». «И давно у нас, в полях наших летаючи, клекчут орлы сизые и грают вороны черные подле Дону тихаго; всегда воют звери дикие, волцы серые, по горам у нас брешут лисицы бурыя, а все то скликаючи, вашего бусурманского трупa ожидаючи» и под.

Очень характерна лексика и весь вообще язык подражающей «Слову о полку Игореве» «Задонщины». Автор этого художественного, одического по его установкам, произведения XV века — «Софоний старец рязанец» даже, явно, не всегда понимает употребляемые им самим красиво-торжественные слова, но, видимо, не только ему самому, но и его читателям они представлялись тою отборной лексикой, которая оставалась нужной для определенно-художественного впечатления. Вдумываться в ее смысл, видимо, не очень стремились, как не смущались и нескладностями композиции частей «писания» или синтаксическими несообразностями вроде «се аз князь великы Дмитрии Иванович и брат его князь Володимер Ондреевич поостриша (3 лицо множ. числа) сердца свои мужеству...» (по списку XV в., 32—36). Относительно многочисленные списки свидетельствуют, во всяком случае, что «писание» нравилось, т. е. достигало своей литературной цели.

В этом сочетании индивидуальной и коллективной словесной работы выплавляются древнерусские стили, но вообще лишь медленно отлагаются особенности, по которым можно четко отличить их от южнославянского наследия. Для начала XIII в. мы имеем, напр., прекрасный образец древнерусской художественной лексики и синтаксиса в так называемом «Молении Даниила Заточника», обращении жителя Переяславля Суздальского к князю Ярославу Всеволодовичу. «Моление» это отражает, наряду с определенно русскими элементами¹, еще очень выразительный пласт лексики южнославянской. За четыре века, которые отделяют «Моление» от

¹ О них см. акад. С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, 1946, стр. 121.

такого, напр., тоже светского памятника с художественной словесной установкой, как «Урядник Сокольничья пути», мы видим успехи русской художественной речи, но и тут констатируем, что на общем русском фоне «Урядника», хотя и относительно далеко от того, что нужно предполагать для русской разговорной речи верхних классов второй половины XVII в., традиционно выступает как средство вызывать художественную приподнятость синонимика понятий, корнями своими уходящих в большей или меньшей мере в эмоции церковного лирического слога лишь с относительно небольшой примесью необходимой по характеру содержания — лексики разговорной.

Ср., напр.: «...Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, никто же зазрит, никто же похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин, и образец положен по мере».

«Безмерно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая перелазка и добыча. Краснотроительна же и радостен высокого сокола лег... По сих доброутешна и приветлива правленных ястребов и челигов ястребых ловля...»

«О славные мои советники, и доверенные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своими добрым и веселым сим утешением в предыдущия лета».

«И став на место и поправяся добролично и добровидно, кликнет начального сокольника четвертаго и молвит...»

«...И станет поодаль царя и великаго князя человечно, тихо, бережно, весело, и кречета держит честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно к видению человеческому и ко красоте кречатей»¹.

Еще естественнее, чем в лексике художественной, традиционность путей русского литературного словаря абстрактных понятий.

Богатый словарь абстрактных понятий, громадное наследство

¹ Из наблюдений над особенностями древнерусского художественного слога интересны, напр., те, которые сделал в статье «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в.», «Извест. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук», 1908 г., т. XI, кн. 4, 1909, стр. 344—379, А. С. Орлов. (В этой же статье им указаны выдающиеся работы этого рода предшествующего времени — И. И. Срезневского — о «Задонщине», Е. В. Барсова — «Слово о полку Игореве», С. Ф. Платонова — «Др. рус. сказания и повести о Смутном времени XVII в.» и др.). Характерно, среди прочего, что повесть XVI—XVII в., культивирующая традиционный пышный риторический слог, «этикетную речь», вбирает в себя в это время роста национального сознания также некоторые элементы, мотивы и образы народной песни. В «Сказании о Казанском взятии» или «Истории о Казанском царстве» (1-я редакция — до 1573 г.), обычны, напр., эпитеты: «Изыде на чистое поле на великое», девицы — *красные*, теремы — *златоверхие*, светлицы — *высокие*, и под.

Богатое собрание материала, относящегося к старинной метафоризации, см. в книге В. П. Андриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси», 1947.

греческого философского богатства, перешедшего через византийскую богословскую схоластику в старославянскую письменность древней Руси, был достаточен и сам по себе, чтобы удовлетворить потребности «философской» мысли московских книжников, и имел в себе много такого, что с исключительной легкостью позволяло образовывать слова по типу уже ранее обращавшихся в книге. Не приводя примеров из литературы церковной, где подобной лексикой заполнена чуть ли не каждая строка, ограничимся двумя выдержками из сочинений определенно светских.

Вот, напр., слог характеристики Бориса Годунова в «Гранографе» Сергея Кубасова¹: «Царь Борис благолепием цветущи и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство имея, муж зело чюден и сладкоречив, вельми благоверен и нищелюбив, и строителен вельми о державе своей, и многое попечение имея, и многое дивное от себе творяше; едино же имея неисправление и от Бога отлучение: ко врачем [гадальщикам] сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание, и на прежде бывших ему царей ко убению имея дерзновение; от сего же и возмездие восприял».

Ср. и из «Урядника Сокольника пути»: «А честь и чин, и образец всякой вещи, большой и малой, учинен по тому: честь укрепляет и утверждает крепость; урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление; стройство же предлагает дело; без чести же малится и не славится ум; без чина же всякая вещь не твердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и возставляет безделье...»

Пути образования отвлеченных слов, проторенные и легкие, соблазняли нередко старинных книжников создавать слова, лишённые действительной новой содержательности по отношению к уже существовавшему, но казавшиеся вносящими нечто от торжественности близких к ним по форме понятий и выполняющими таким образом известную эстетическую роль. Ср.: «...Якоже солнце, сияше православие в области и дръжаве вашего отчъства и дедства и прадедства великого твоего господства и благородия...» (Соб. посл. 1480 г.); «...Великого государя царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Руси... высочайшего нашего царского порога чесные наши степени величества грозное сие повеленье с велико-сильною заповедью да есть» (Спис. XVII в. с грамоты Иоанна IV шведск. королю, 1572 г.), или, напр., слова, изобретенные для придания своему слогу пышности автором «Сказания о Казанском взятии»: *грямование*, *грянутие* («от страха силного грянутия»), *убегжество* («умысли убежжеством сохранили живот свой») и под., — Орлов, ук. соч., 354².

¹ (Первая четверть XVII в.) «Есть же книги сея [«Хронографа»] слагатай, рода Ярославскаго исходатай», тобольский боярский сын; но автор ее, по-видимому, как установил акад. В. А. Ключевский, кн. Ив. Мих. Катыврев-Ростовский.

² О родственной особенности слога «Повести о приходе короля литовского Стефана Батория» А. С. Орлов замечает: «Писатель прямо упивался шумом своей риторике и для вящего внушения слуху ее красот постоянно ставил

Ближайшее семантическое родство суффиксов абстрактного значения позволяло легко создавать параллельные понятия, синонимы, вряд ли имевшие какое-либо, даже небольшое смысловое различие и в большей мере служившие, если из них не отбирался по тем или другим случайным мотивам определенный вариант, целям собственно-эстетическим. Ср., напр., видимо ритмически пригодившийся дублет в Послании Иоанна Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря: «...ино подобает вам, нашим государем, и нас; заблудших во тьме гордости и сени смертной прелести тщеславия, *ласкосердства* же и *ласкосердия*, просвещати».

Особенно легко умножались сложные слова, и среди них такие незамысловатые для всякого, кто чувствовал потребность во внешне новом и вместе с тем эмоционально стоящем на путях церковной традиции, как бесконечные сочетания с *благо* — типа *благочестие*, *благочиние* и под.; с *добро* — *доброумие*, *добротворение*, с *зло* — *злодеяние*, *злообразие* и т. д.

Рядом с ними извлекались из унаследованного запаса и «ковались» наново такого же типа прилагательные и наречия, пышные и громоздкие, казавшиеся тоже отражающими работу философствующей мысли, служившие или впечатлению важности учено-торжественного слога или, рядом с этим, специальным эстетическим задачам.

Ср., напр., подобные слова в «Повести о приходе короля литовского Стефана Батория в лето 1577-е на великий и славный град Псков»: *друголюбие*, *удобьвосходен*, *храбро-добропобедный*, *доброуветливый*, *каменно-дельный -оградный*, *гордо-напорная Литва* и под., или в «Уряднике Сокольниковя пути»: «*Красносмотрителен* же... высокога сокола лет... *Добровидна* же и кобцова добыча... По сих *доброутешна*... ястребов и челигов ястребих ловля... Пооправяе *добролично* и *добровидно*...»

Эти новообразования продолжают появляться с большой свободой до самой эпохи падения самостоятельной роли церковнославянского языка в жанрах светского характера. Сильвестр Медведев, напр., как образованный книжник, пишущий в конце XVII в. свое «Созерцание краткое» в основном на церковнославянском языке, когда ему кажется нужным «литературно» передать, как униженно в надежде на помилование виновные стрельцы приносили с собою ко дворцу орудия казни, восклицая, что они ее заслужили, — передает это таким витиеватым образом: «...возложа на шеи

рядом однозвучные слова, над чем так смеялся Сервантес: многозельная злая..., многокрепления... крепости..., смиренномудростию умудряешься..., адаманта твержася утвердишася..., ко граду градоемого умышления..., злозамышленное их умышление..., мудромышленного ума..., скорообразным образом...». «Манера выражаться с такой неловкой сложностью и искусственностью расцвела во Временнике дьяка Тимофеева (20-е годы XVII в.)», — ук. соч., стр. 363).

Параллели этому пристрастию древности к игре однозвучными словами нередки и в других памятниках; ср., хотя бы, начало известного «Слова о погибели русския земли» (XIII в.): «О светло светлая и украсно украшена земля русская!».

свои сило, плахи же и топоры в руках держажу; и пришед ко крыльцу, вёргну плахи на землю, вонзивше в них топоры, главы положи на плахи, немалое время лежаху, вопияху же, яко недостойнии царского величества милости... и достойнии суть смерти *повисттелно* или глав *отстыкателно*» (стр. 177).

Церковнославянская языковая стихия, намеренно включаемая в письменную русскую речь, а за нею практически, вероятно, и в некоторые жанры устной, как известно, не перестает быть влиятельным элементом русского литературного языка не только в течение XIV—XVII веков, но и с большей или меньшей силой значительно позже — примерно, до середины XIX века, когда ее частичное употребление становится уже определенным признаком установочной а р х а и з а ц и и.

Заметим, что вопрос о церковнославянской стихии как о книжной п р и м е с и исторически должен решаться в отношении древнерусского языка с большим вниманием не только к существовавшему в нем многочисленным (более многочисленным, чем обыкновенно думают) жанровым сферам применения, но и с серьезным учетом индивидуальных пристрастий различных деятелей древнерусской письменности. Литературная практика в этом отношении была, по видимому, относительно мало еще в XVII веке стеснена требованиями какой-либо суровой нормативности, и стилистической инициативе писавших оставлялся, если они того хотели, еще достаточно большой простор при выборе известных им элементов живого русского употребления или, наоборот, усвоенных ими через ту или другую школу чисто-книжных элементов хотя и родственной, но фактически чужой, оторванной от жизни и имевшей свои корни в православной церковной идеологии — искусственной речи¹.

§ 3. Иноязычные элементы в лексике древнерусской и петровского времени.

Если история русского литературного языка есть в большой мере история борьбы южнославянской литературной стихии и живых источников повседневного русского языка, образующих в их сочетании различные письменные и отчасти разговорные стили, то эта история не возможна также, особенно с конца XVI в., без правильного учета и н о я з ы ч н ы х в л и я н и й, кое в чем изменивших физиономию письменной и, надо думать, устной русской речи. Иноземные струи, проникавшие в литературный язык до XVI в., — двух родов: одни (г р е ц и з м ы) вошли уже как

¹ Не давая дополнительно к уже отчасти приведенным — примеров жанровых и индивидуальных различий отношения древнерусских писателей к церковнославянскому языку (главным образом — в лексике и синтаксисе), отсылаем хотя бы к недавно посмертно опубликованной содержательной статье профессора Л. П. Якубинского — «Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV—XVII века), — Ученые записки, том XV, фак. языка и лит. Ленингр. Гос. педаг. инст., 1956 г., стр. 3—35.

важный фонд новой культуры в лексику и синтаксис самого перенесенного на Русь старославянского языка; другие, проникавшие изустным путем и относящиеся только к лексике (с к а н д и н а в и з м ы, т ю р к и з м ы), в общем не носили на себе печати стилистической отобранности и входили главным образом в жанры деловые или так или иначе связанные с бытом. К тому же скандинавское влияние было и неглубоким и преходящим, и ко времени выделения московского письменного языка от него остались в письменном (и, вероятно, в устном) употреблении очень немногие слова: *кнут*, *кнутъ*, *ларь*, *ларец*, *ябеда*, *ябедничество* (см. Судебн. 1497 и 1550 гг.), вероятно, *костер* (др.-русс. значение «куча») и *клеймо* (клеино: «А на дне клеино с финифтом золочоно» — Духовн. кн. Дм. Ив., 1509 г.); «Печати... золоты с царевым клеймом своим» (Ист. об Азовск. сид., 6).

Как старые т ю р к и з м ы могут быть из многих названы: *лошадь* (Лавр. и Ипат. сп. лет. под 6619 г. (1102); *ям* — «ямская повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу» (Ярлык Мен. Тим. 1267 г.), откуда позднейшее *ямщик*; *тамга* «вид подати» (Ярлык Мен. Тим. 1267) г., «торговая пошлина» (Дух. Ив. Кал. 1327—1328 гг.), «клеймо, печать» (Ярл. Тайд. 1351 г.), нынешнее *таможня*; *чум* «ковш» (Ипат. лет.; Дух. Ив. Калиты); *алтын* — 6 денег (Дог. гр. в. кн. Дм. Ив. 1375 г.); происхождение слова бесспорно не объяснено: одни (напр., Богородицкий) сближают его с татар. *алты* — «шесть», другие (напр., Радлов) — с тюрк. *алтын* «золото»; *денга* — по происхождению то же слово, что и *тамга*; впервые встречается в договорной грамоте 1381—1382 гг.; *алачуга*, *олачуга*, *лачуга* (Новг. IV лет.) — тюрк. *алачук*; *башмак* (как прозвище в Соф. врем. под 1447 г.; в настоящем значении в 1642 г. Плат. ц. Евд.); *аргамак* (Дух. Салтык. 1483 г.); *ревень* (1489 г. — Пам. диплом. сношений с Пол.-литовск. гос., Мат. пут. И. Петлина, 29); *калпак*, *колпак* (Дух. княг. Юл. Волоц. 1503 г.); *каблук* (Дух. в. кн. Дм. Ив. 1509 г.); *кабала* (напр., Судебник 1550 г., Новг. записн. каб. книги 1591 п посл. годов; более ранние примеры — Срезн., Матер., I, 1169); *набат* (Соф. врем. 1553 г.) «огромной величины медный барабан»; позднее — и в значении «колокола»; *кабак* (Весесгон. грам. 1563 г.); *кушак* (Опис имущ. ц. Ив. Вас., 1582 г.); *чюлѣк* (там же); *колчан* (Оруж. Бор. Год., 1589 г.); *нефть* (Хожд. на Вост. Котова, 97; друг. пам. — Срезн., II, 439). В турецком это слово из греческого; *нашатырь* (Дело Ник., № 100); *чардак* «чердак» (Закладная 1691 г.); *чулан* (Закладная 1691 г.); *каланча*: «...и учинили там съезным избам вновь воровские свои прозвищи — коланчи» (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медведева), и др., главным образом термины административные, названия одежды, утвари и под.¹

¹ П. М. Мелиоранский, Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — Изв. II отд. Акад. наук, X, кн. 4 (1905 г.), стр. 109—134. Специально о восточных элементах в «Слове о полку Игореве»: П. М. Мелиоранский, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», — Изв. II. Отд. Акад. наук, VII, кн. 2 (1902 г.), стр. 272—302; Ф. Е. Корш,

Изуственным же путем попадали в древнерусский язык некоторые греческие слова; впрочем, число последних, если иметь в виду только слова, получившие широкое распространение, нельзя считать большим; к ним относятся: *аксамит*, *оксамит* «шелковая ткань вроде бархата» (Ипат. лет., Слово о полку Игор.); *катарга*, *каторга* «галера» (Хожд. Стеф. Новгород., Никон. лет., 1453 г. и др.); *кукла* (в письменности засвидетельствовано с XV в.); *лента* (древн. письм. *лентши*, ст.-слав. *лентѣше*); *литавры* (засвидетельствовано с XVI в.); *лохань* (Уст. патр. Алекс. XII—XIII в.); вероятно, *москоть* («москотильный товар: краски, клей, масло и т. п.»; *москотилие* — XV века); *оладья* («Проскинитарий» Арс. Суханова, XVII в., Домострой); *охра* (как *вохра* засвидетельствовано с XVII в.); *свекла* (Домостр.); *фитиль* (фетиль) (с XVII в.), — в новогреческом — из арабск., *фонарь* (Разряд бояром и дет. бояр., как быти на свадьбе у в. кн. Вас. Ив.) и некот. друг.¹

Сближение русского литературного языка с европейскими начинается собственно с проникновения в него *полонизмов*. Борьба русского торгового капитала с польским за Ливонию, стремление Иоанна Грозного найти выход к Балтийскому морю и вернуть земли, захваченные Литвой и Ливонским орденом, приводит с 60-х годов XVI в. к более близкому, чем раньше, соприкосновению русских с поляками. Враждебные отношения ведут сначала к заимствованию из польского языка отдельных понятий военного характера; позже, особенно со времени вооруженной польской интервенции (Лжедимитрий), контакт русской общественной верхушки с представителями польского языка становится очень близким и, несмотря на вскоре последовавшее изменение отношений снова во враждебные, не таким преходящим, как можно было бы думать: в течение всего XVII в. с польского языка много переводится, и

Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского...), — там же, VII, кн. 4 (1903 г.), стр. 1—58; Мелоранский, Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве», — там же, X, кн. 2 (1905 г.), стр. 66—92; Корш, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского..., — там же, XI, кн. 1 (1906 г.), стр. 259—315; С. Е. Малов, Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве», — Изв. Отд. лит. и языка Акад. наук СССР, V, вып. 1 (1946 г.), стр. 129—139; Е. К. Бахмутова, Иранские элементы в деловом языке Московского государства, — Учен. записки Казан. педаг. инст., вып. III, 1940 г.

¹ Вообще о греческом влиянии на русский язык ср. общие замечания А. И. Соболева: «Как известно, греческое влияние на русский язык происходило прежде всего в домонгольский период, потом в период возобновления сношений русских с южным славянством в XIV—XV веках, наконец, во время греко-славянских школ на юге России и в Москве» (Отчет о присужд. премий М. И. Михельсона, 1909 г., стр. 4).

Хотя частично и устарела, во многом сохраняет свое значение книга М. Р. Фасмера «Греко-славянские этюды», III, Греческие заимствования в русском языке», СПб, 1909. Пособие практического значения, без серьезной научной обработки, представляет старая брошюра А. О. Поспишила «Греческие слова в русском языке», Киев, 1901 г. — Научный анализ грецизмов, поступивших в литературный русский язык, дан в книге проф. В. А. Богородицкого «Общий курс русской грамматики», М., Л., 1935 г., стр. 325—330.

только с начала XVIII в., польское влияние спадает. Л. Баранович в письме к царю (1671 г.) свидетельствует, что «синклит царского пресветлого величества польского языка не гнушается, но чтут книги ляцкие в сладость». Царь Федор Алексеевич и сам владеет польским языком¹.

Говоря о польском влиянии, не следует также упускать из виду, что для XVII в. оно не является имеющим значение только само по себе. За ним в это время стоит вся приманчивость экономических связей с Европой вообще, и малое число прямых заимствований из немецкого свидетельствует, что, напр., такое «окно», как Новгород, для этого времени — менее влиятельный посредник, нежели Польша.

Польша же, перенявшая элементы немецкой технической цивилизации, привлекает к себе в это время как соседка, у которой можно (с известной, правда, осторожностью) перенять кое-что полезное из прикладных умений. Не случайно «делают про царской обиход полотна мастеровые люди немногие, русские и поляки, а иные люди в свое место наймут делать их же, мастеров» (Котош., 107). Поляки же, и вместе с ними белорусы и украинцы, используются в московском государстве как специалисты по рудному делу, по изготовлению поташа, по строению мельниц и т. д.: ср., напр., отписку приказчика села Павловского Алексея Дементьева боярину Б. И. Морозову 1652 г.: «По твоему государеву указу велено поляков рудников и угольщиков и Торбу отпустить на Нис к рудному делу» (Хоз. Мороз., I, № 96). «Под селом Ворком на Поре на реке мельница, онбар и платина и всякое мельничное строенья, работа польская... Строил тое мельницу польский мельник Витепского уезду Еуплик Янав» (Хоз. Мороз., II, № 3). «Пруд и мельница построено при боярине Борисе Ивановиче Морозове: пруд и платина и мельница строенья польское. На мельнице мельник польской мужик, мельников Егупков сын Янька» (Хоз. Мороз., II, № 3). «А Мартын Пенко у меня для тово здесь и остался и жалованье ему дано, что горазд колес возковых и колымажных делать...» (Хоз. Мороз., I, № 55).

Вот несколько примеров старых полонизмов и европеизмов (латинизмов, германизмов и под.), усвоенных русским языком (иногда отдельными авторами) через польское посредство в допетровское время:

Аптека (ср. Аптекарский приказ — Котош., 109); *арака* (*арак*, Хоз. Мороз., № 29; источник слова в конечном счете арабский); *вахта* (Котош., 90, 91); *галун* (Дело Ник. № 105); *герб* (Котош., 28); *збруя* (Памятн. Смутн. врем., 77, 78: ...И с ними всем Полским и Литве в збруе во всей и со всем оружием; Стар. сборн., 1103); *инбирь* (Дело Ник., № 105); *канцлерия* «канцелярия» (Памятн. Смутн. вр., 90: В канцлерии нашей ей то в веки напишем); *капитан*

¹ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, I, 1925, стр. 202.

(Кн. о ратн. стр.— Смирн.; Мат. Раз., III, № 7); *карабин* (Котош., 131); *каре́та* (в коретах, Котош., 61, и др.); *капрал* (*копрал*, Мат. Раз., III, № 59; в Кн. о ратн. стр.— *корпорал*); вероятно, *купорос* (Дело Ник., № 100); *лилея* (Стар. сборн., 1473: Лилея алая, утеха малая); *майор*, *маэор* (Дело Ник., № 94; Котош., 132; слово известно с XVI в.); *музыка*, *музыка* (Котош., 13: А иных игр и музик, и танцов на царском веселии не бывает никогда; Стар. сборн., 1129: Замолкла музыка, как червь до языка); *мушкат* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *мушкет* (стрельба мушкетная, Ист. об Аз. сид., 4); *мышкет* (Мат. Раз., III, № 84); *отъютант* (Мат. Раз., III); *пансырь* (Библ., 1499 г.— Срезн.), *панцырь* (За кожею панъцыря нет— Стар. сборн. 1058), Пансыря за кожею не бывает (там же, 1881); *политика* (Котош., 5: ...Иных государств языка и политики не знают); *посторнак* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *поташ* — муж. р., *поташь* — жен. рода (Хоз. Мороз, I, № 156, Котош., 145); *потентат* (Котош., 27: А землю его царь не владеет, толко по его послушенству Грузинским пишется в титуле к христианским потентатом, а к бусурманским не пишется) (ср. 93); *профост* (*профосс*; Кн. о ратн. стр.— Смирн., 248); *процесия* (Котош., 66: Или когда видають царя в процессях); *рейтар* (Котош., 104, 130 и дал., Мат. Раз. и мн. др.); *рота* (Памятн. Смутн. врем., 78); *рохмистр*, *ротмистр*: Да с них же взяли с пяти монастырей кормы рохмисту Синскому да рохмисту Юшинскому с товарищи всякие столовые и конские кормы... (Грамм. Лжедмитрия гетм. Яну Сапеге, 1608 г.). Велел тут выехать за город и рохмистру Доморатскому (Памятн. Смутн. врем., 77), рохмистру Доморатцкой (78). А бывают у рейтар начальные люди: полковники и полуполковники, и майоры, и ротмистры и иные чины, розных иноземских государств люди (Котош., 132); *салдат* (солдат; Кн. о ратн. стр.— Смирн.); *селитра* (см., напр., Дело о даче жалованья подьячим, посланным в Козельск для варки селитры, 1629 г., Строев, II); вероятно, *скипидар* (Дело Ник., № 100; ср. пол. *spikapard*, индейский нард.— Грот); *табак*, *табака* (который пьется: Судн. дело о табаке 1680 г.: А я, сирота твой, табаку не пью...; Стар. сборн., 1165: Испила баба табаки да несет, что от собаки.— В конечном счете источник — испан. *tabaco*); *танец* (Котош., 13); *фиалка* (фьялки — Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *фактор* (Челоб. иноземцев Андр. Бутенанта и Христ. Марселиса 1683 и 1684 гг.); *фляга* (Домостр., 54); *цукат*: ...Да челом тебе бью бочечку сукату, и ты б кушал на здоровье... (Пис. кн. Фед. Барятинского к гетм. Яну Сапеге, 1608 г.); *шаницы* (Кн. о ратн. стр.— Смирн.; Мат. Раз., III, № 3, 15— из шанец); *шкатуля* (Дело Ник. № 105); *шпага* (Котош., 62, Аввак., 91); вероятно, *ярманка* «ярмарка» (Грамм. царя Бориса 1602 г., Судн. дело о табаке 1680 г.), и мн. др.).

Слова, относящиеся к военному делу, в большом числе появились уже с переводом на русский язык книги Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuss» (Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 г.).

Из заимствований, вероятно, непосредственно из немецкого языка, восходящих к XVI—XVII вв., можно назвать только немногие: *стул* (Отч. Я. Молвян., Посл. Иоанна IV в Кир-Белоз. мон.); *тарель* («тарелка», Дух. вел. кн. Дм. Ив. 1509 г., ср: пять тарелей (Дело Ник., № 105) и *торелки* (там же, № 108). Впрочем, подозрение польского посредства остается не устраненным и для них. Немногие же, вроде слов: *пластырь* (Гр. Назианзин, XI в. и др.), *бархат* (Пут. зап. Игн., 1392 г.,— Срезн.), *мастер* (известно уже в XIII в.), *шапка* (Дух. Ив. Кал., 1327—1328 гг.), относятся к более раннему времени¹.

Главным образом иностранные слова, естественно, относятся, напр., к медикаментам, упоминаемым в «росписи» сиропам, водкам и разным лекарствам, отпущенным боярину Богдану Хитрову (1672—1680 гг.,— Хилк. сборник, № 91).

Любопытно *постила* (Посл. Иоанна Гр. игум. Кир-Белоз. мон., около 1578 г.), восходящее, скорее всего, к итал. *pastiglia*.

Среди хлынувшей в петровское время волны европейской лексики относительно легко выделить пену — случайные, внесенные в духе моды к иностранному слову, иногда оставшиеся понятными только тому, кто их и употребил впервые в русской речи; слой заимствований относительно широкого употребления, но в существенном не нужных, имевших давние синонимы в русском книжном языке и осужденных поэтому на более или менее преходящую роль, — и такие заимствования, которые соответствовали сдвигам в самом круге понятий, относящихся к новой экономике, быту и политической организации страны. О том, что сам Петр иногда изнемогал от варваристического усердия или неумения своих помощников передать новые впечатления обыкновенными словами, мы можем судить хотя бы по его письму к послу Рудаковскому: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов». Характерная для петровского времени фигура такого же варваризатора — князь Б. И. Курякин, автор «Истории царя Петра Алексеевича». Он пишет, напр., в своем дневнике: «В ту свою бытность был инаморат (в) славную хорошеством одною читадинку [горожанку], называлася Signora Francesca Rota, и так был инапотато, что не мог ни часу без нее быти, и расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот атог не может выдти и, чаю, не выдет, и взял на меморию ее персону и обещал к ней опять возвратиться». Или в своей «Истории»: «В то время названной Франц Яковлевич Лефорт пришел в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных. Помянутой Лефорт был человек забавной и роскошной или, назвать, дебошан французской. И непрестанно

¹ Из др.-франц. через средневерхненемецкое посредство. Подробности — С. Дложевский, Вопрос о происхождении слова «шапка», Одесса (отг.).

давал у себя в доме обеды, супе и балы». «Царевна София... содержана была по обыкновению со всеми дворцовыми domestiki» и мн. др.

Серьезное отношение к содержанию заимствованных слов скоро делается, однако, необходимостью во всем связанном с требованиями практики: в законодательстве, технике, науке и под. Эта сторона дела ясно выступает, напр., в государственных актах, где нередко новые иностранные слова объясняются параллельными русскими; так, напр., в «Генеральном регламенте» (1720 г.) пишется: «Генеральный регламент или устав...», «...и поправления полезной юстиции и полиции (то есть в расправе судной и гражданстве)...», «...И вместо генеральной инструкции (наказа)...», «...принадлежащие права и прерогативы (или преимущества) узаконенные...», «О ваканциях (или упалых местах) в коллегиях», «...и о том квитанцую (или роспискам) книгу иметь...», и под.

Заимствования петровского времени, относящиеся к понятиям, покрываемым уже существовавшими русскими, и продержавшиеся в литературном языке относительно недолго, численно не велики; их меньше, чем можно было бы предполагать, исходя из априорных соображений о слепом будто бы характере подражания этого времени. Как такие можно назвать, напр., слова: *виктория* (лат. *victoria*) «победа», *анштальт* (нем. *Anstalt*) «мера, устройство», *конкет* (фр. *conquête*) «завоевание», *резольвовать* (лат. *resolvere*, вероятно, через польск. *rozolwować*) «решать», *реконтра* (фр. *rencontre*) «встреча, схватка»; *фацилитат* (лат. *facilitas*, ит. *facilità*, фр. *facilité*) «снисходительность», *пест* (нем., фр. *peste*) «моровая язва», *менаж* (фр. *ménage*) «бережливость», *трактамент* (пол. < нем. *Traktament*) «пир, угощение» и т. д.¹

Сферы применения заимствований серьезного значения, державшихся долго и в большом числе сохранившихся в том или другом употреблении до самой Великой социалистической революции или до наших дней, сводятся в петровское время главным образом к понятиям административным в широком значении слова (*администратор, бухгалтер, губернатор, инспектор, канцлер, министр, полицеймейстер* и т. д.; *архив, губерния, инструкция, комиссия, контора, сенат* и под.; *арестовать, баллотировать, конфисковать, штрафовать* и под.; *акт, акциз, амнистия, апелляция, аренда, ассигнация, ваканция, медаль, облигация, ордер, проект, рапорт, тариф, формуляр* и под.); к терминологии морского дела (*завань, компас, крейсер, порт, эллинг* и мн. др.²); к воен-

¹ Ср. и замечания современника — В. Н. Татищева, цитированные В. В. Виноградовым, *Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.*, 1934, стр. 55.

² Подробности см. в книге И. Сморгонского, «Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения», М.—Л., 1936 г.

Ценные уточнения в вопрос о русской водной терминологии петровского времени внесены работой Б. Л. Богородского — «Старшая система морской терминологии в эпоху Петра I», — Учен. записки Ленинград. гос. инстит. им. А. И. Герцена, том. 59, 1948, стр. 15—50.

Автор убедительно доказывает, что «не Балтийское море, а Черное в центре

ным терминам (*аминиция, армия, барьер, болверк, брешь, бруствер, гвардия, диверзия, дивизия, инфантерия, кавалерия, капитуляция, корпус, лафет, фейерверк, цейхгауз; атаковать, вербовать, итурмовать*); к терминологии физико-математической (*алгебра, оптика, квинта, терция*); географической (*глобус, ландкарта*); медицинской (*апоплексия, ганглион, ланцет, летарг, фебра, лапис, оподельдок, перувианус, хине* и т. д.); в области искусств — архитектурной (*архитрав, база, глиф, пьедестал, фриз*) и т. д.

Во всех этих областях оказалось, разумеется, немало тоже не выжившего отчасти из-за конкуренции других параллельных языковых влияний, позже усилившихся (напр, немецкого за счет польского), отчасти из-за исторической смены в самом круге вещей и понятий, относящихся к названным сферам.

Заимствуются в петровское время слова для новых административных понятий главным образом из Германии, становившейся в это время во многом образцом полицейского государства. При перенимании их, однако, не прекращается, хотя и слабеет, старая роль Польши, как посредницы между Россией и Западом, чему способствуют, среди прочего, союзные отношения при начале Северной войны и польско-украинские влияния, упрочившиеся в школе, а также латинские элементы самих усваиваемых немецких терминов, легко напомиравшие уже обращавшиеся в школе в полонизированной оболочке родственные образования. Есть основания предполагать, напр., польское посредство у существительных на *-ия*: *акциденция, амниция, инструкция, нация* и под. и в глаголах на *-овать*: *адресовать, аккредитовать, претендовать, трактовать* и под.

Морской словарь петровского времени одинаково отражает (исторически документированные) пути его из Голландии и Англии. Невелико в нем участие языков немецкого (из более других употребительных слов можно назвать, напр., *лавировать, лоцман, иллюпка*),

внимания Петра в начале его царствования. Не голландцы и англичане занимают его вначале, а скорее итальянцы и южные славяне — сербы и хорваты... Первые годы царствования Петра — годы усвоения итальянской терминологии, позднее — время заимствования англо-голландской системы. Таким образом, уже намечаются три основные линии в морском языке эпохи Петра: во-первых, русская судовая терминология, старинная, с глубокими историческими традициями; во-вторых, итальянская, южная, средиземно-черноморская, постепенно исчезающая, но очень сильная в начале петровского времени, и, наконец, англо-голландская, балтийская, или северная, вытеснившая средиземно-черноморскую и отчасти русскую систему и окончательно утвердившаяся в течение XVIII в. ... Не следует думать, что русские в эпоху Петра были только учениками Европы. Шел активный процесс усвоения иностранной культуры. Передовая западноевропейская судовая техника могла быть усвоена русскими лишь на базе своей собственной судовой культуры... Русские много усваивали, потом из усвоенного отбирали то, что им нужно было, что требовалось самой жизнью. Шел сложный, противоречивый, многогранный процесс создания морского языка с учетом всей старой, русской, традиционной судовой культуры».

французского (*абордаж, десант*) и итальянского (*андривели, бригаantina*).

В области военного дела и его терминологии в первую очередь влияют страны, раньше других заведшие постоянную армию, — Франция и Германия, причем естественно, что влияние последней часто, как и при административной терминологии, вместе с тем сводится к передаче французского, лишь в относительно редких случаях бывшего прямым.

Терминология наук в основном восходила к общеевропейским источникам (латинскому и греческому), в тех или других чертах обнаруживая, что путь ее в Россию шел через Германию и Польшу¹.

Приток заимствованных слов, передававших европейские понятия, значительный в XVII в. уже в период, предшествовавший реформам Петра, в первое время его преобразовательной деятельности может производить впечатление стихийного. В дальнейшем он умеряется, и проявляется забота о серьезном отношении к иностранным словам, как знакам мысли. Характерно, напр., что важный государственный акт — «Генеральный регламент» (1720 г.) сопровождается, кроме объяснения в скобках отдельных иностранных слов в самом тексте, специальным приложением — «Толкованием иностранных речей, которые в сем регламенте», охватывающим 34 понятия².

Любопытно, что многие заимствованные слова, например, в «Письмовнике» Курганова выступающие в том же или почти в таком же виде, как и сейчас, «объяснены» в нем русскими, вовсе в настоящее время неупотребительными, а во многих случаях даже малопонятными по своему этимологическому составу. Так, *ареомер* объясняется словом «жидкомер»; *аристокрация* — «чиноправление народом»; *арифметика* — «числовник»; *арсенал* — «оружница»; *артикуляция* — «вчленование»; *арфист* — «гудец»; *архангел* — «начальственик»; *архивариус* — «письмоблюду»; *архитектор* — «сдатель» (т. е. «здатель»), «зотчий» (т. е. «зодчий»), «будовник»; *ассамблея* — «чинособрание...»; *астрология* — «звездосло-

¹ Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, т. 88, 1910.

Очень верную характеристику языка петровского времени и самого Петра см. в труде акад. А. Н. Пыпина «История русской литературы», III, изд. 3, 1907 г., стр. 303—304. Обвинение Петра противниками его реформы в том, что эта реформа принесла с собою порчу русского языка — множество иностранных слов, Пыпин считает «несправедливым тем, что преувеличено... «В конце концов это было временное брожение, крайности которого сгладились уже у первых даровитых писателей, порожденных реформой как, например, у Ломоносова». Из литературы ср. еще — П. О. Потапов, К вопросу о реформе русского литературного языка в I пол. XVIII в., — Сборн. филолог. фак. Одесск. гос. унив., I, 1910, стр. 29—39.

² Истолковываются, напр.: *Прерогативы* — Преимущества; *Интерес* — Прибыток и польза...; *Апробуется* — За благо приемлется; *Публичные* — Всенародные; *Приватные* — Особые; *Резоны* — Рассуждения; *Резолюция* — Решение; *Криминальное* — Вина, подлежащая смерти, и т. п.

вие» ... *кафедра* — «поучилище»; *клиент* — «любимич»; *князь* — «переклад, первый вельможа»; *колика* — «нутрорез, закрута, резоболь»; *махина* — «орудие великое, хитрость, снасть»; *маскарад* — «хареигрище»; *математика* — «щетомерие» («счетомерие»); *меланхолия* — «черножелчие, уныние, печаль»; *метреса* — «госпожа полюбовница, мастерица»; *мигрена* «полугодовая (по-видимому, опечатка вместо «полуголовая») боль»; *микроскоп* — «мелкозор»; *мина* — «подкоп, взор» (вм. «взорв»?); *минута* — «дробь, малюта»; *солдат* — «воин, полчаник, жолнер, ратырь, батырь»; *станция* — «урочище, начлег» (т. е. «ночлег») и многие др. Ясно, что русских слов для ряда понятий культурного обихода (в широком смысле слова) по сути не было (эквиваленты им в древнем языке не представляли достаточно точного соответствия), их приходилось разыскивать или выдумывать, «ковать», а будучи придумываемыми индивидуально или извлекаемыми из старых книг, они не имели за собою того, что делает слова живыми, — привычки к ним массы. Многие иностранные слова имели перед ними бесспорное преимущество знакомости и распространенности, и история языка показала, что в подавляющем большинстве случаев победило именно живое, независимо от того, как к нему, к этому живому, относились с теоретических позиций.

§ 4. Социальные моменты, определившие пути развития русского литературного языка в XVII—XVIII вв.

Около XVII века совершается процесс образования русской нации, и параллельно этому процессу идет усиление языкового единства тех близких между собою и в предшествующую эпоху элементов, которые в едином общелитературном (книжном) языке получают, наконец, мощное орудие развития производственного, социально-политического и культурного.

По отношению к средним векам, эпохе Московского царства, «...о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении... особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?— Соч., т. I, стр. 137.

На конец XVII и начало XVIII века приходится в истории стилей русского литературного языка заметный перелом. В это время, чем далее всё усиливаясь, совершается в ряде жанров, раньше выступавших в оболочке традиционного сильно церковнославянизированного книжного языка, отход от книжной традиции и сближение письменного языка с живой русской речью. Характерные для этого времени изменения во взаимоотношениях общественных сил позволяют понять причины сопровождающей эти изменения интенсивной работы над новыми языковыми стилями, способными удовлетворить в этой области потребности создающегося нового экономического, политического и бытового уклада.

До конца XVII в. носителями литературного языка в Московской Руси являются: 1) известная часть аристократии¹ и служилых людей, выходцев из разных групп населения, но с оформившимся классовым сознанием; 2) духовенство, уже в силу своих профессиональных функций связанное с книгой и книжной речью, и, вероятно, 3) некоторая часть городской буржуазии (ср. такие замечательные фигуры XV и XVI в., как купцы-путешественники Афанасий Никитин или Трифон Коробейников). Господствующий класс владеет двумя типами письменного слога: отборным — церковным, и практическим, очень близким к разговорному — слогом приказов; в существенном то же надо предполагать для письменной речи представителей буржуазии; духовенство же, как упоминалось, особенно после одержанной им в начале XV в. победы, — в принципе хранитель нормы церковнославянского языка как единственного литературного.

С начала XVI в. экономическая сила духовенства (монастырей) начинает определенно осознаваться как угроза благополучию служилого класса. В середине века Иоанн Грозный с трудом удерживается от прямого покушения на монастырские земли, но уже принимает после собора 1551 г. серьезные меры к ограничению монастырского землевладения.

За век, отделяющий собор 1551 г. от собора 1661—1662 гг., осудившего патриарха Никона, церковь, растеряв в борьбе за свои имущества значительную часть своих привилегий, превратилась в орудие верхов дворянского государства, орудие, подчиненное светской власти, ставшей определенно наднею. В борьбе за интересы классового государства против интересов церковных, поскольку они расходились друг с другом, естественно, заострялось и проти-

¹ Аристократия (боярство и знатнейшее дворянство), хотя уже в Киевской Руси было положено основание ее преимущественному положению относительно школы (летопись упоминает о том, что первый набор учеников, которых князь Владимир поручил обучать прибывшим из Болгарии священникам, составляли дети знати — «нарочитых» людей), в полной мере им никогда не воспользовалась. Из ее среды изредка выходили выдающиеся писатели, вроде, напр., кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского, но и для второй половины XVII в. убийственным осуждением звучит известное место Котошихина: «А иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованные...» (24).

вопоставление письменной речи гражданской слогу церковному. Это было тем естественнее, что разговорный язык не только «низов», но и боярско-дворянской верхушки очень резко отличался от книжного с его южнославянской в основном лексикой, рядом неживых форм и искусственным синтаксисом. По свидетельству автора русской грамматики Генриха Лудольфа для конца XVII в.¹, у русских «считается правилом: говорить по-русски, а писать по-славянски». «...Поэтому, чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи». У класса, разговорная речь которого резко отличалась от одного из письменных языков, естественно, имелись влиятельные мотивы в пользу некоторого отхода, если не отказа, от классово менее важного, мотивы, властно заявившие о себе, как только историческая ситуация оказалась благоприятной для новых идеологических сдвигов.

В общем, господствующий класс (боярство, дворянство) с теми элементами близких ему классовых прослоек, которые обслуживали его интересы и вместе с ним давали им идеологическое оформление, в истории русского литературного языка подготавливал его сильное сближение с живою разговорною речью Москвы и близких к ней крупных городских центров (ср. канцелярский слог предшествующего времени, «Уложение» царя Алексея 1649 г., «Книгу о ратном строении», 1647 г., и под.)². Наоборот, духовенство очень мало и медленно порывало с традицией чужого занесенного языка, и те литературные жанры, которые оставались его достоянием или культивировались под сильным его влиянием, до самого XVIII в. отражают даже в том, что можно назвать чертами развития, в существенном подражание образцам старины. Особняком стоят в XVII в. писания протопopa Аввакума, который, не порывая с церковным языком, широко и намеренно пользуется разговор-

¹ Henrici Wilhelmi Ludolphi, Grammatica russica, 1696.

² Скрепление территориально огромного государства требовало хотя относительно единого языка его административного аппарата. Русский язык приказов и вообще актов язык XVI—XVII вв. во всем существенном хорошо, как, может быть, нигде в Европе, удовлетворял этой потребности. Суровой требовательности ко всему официальному, «царскому» мог претить, однако, диалектный орфографический разноты, довольно широко практиковавшийся в документах, разноты, за которым иногда чувствовались, справедливо или несправедливо, остатки былой феодальной раздробленности и с нею центробежные стремления областей скрепляемой монархии. И, вместе с тем, нельзя было не сознавать, при общем уровне грамотности административного аппарата, что строгая орфографическая ориентация на московские навыки письма недостижима. Характерным поэтому является законодательный документ — указ царя Алексея о том, что «будет кто в чლობить своем напишет в чьем имени или прозвище, не зная правописания, вместо о—а или вместо а —о, или вместо ѣ—ь, или вместо ѣ—е, или вместо и—і, или вместо у—о, или вместо о—у, и иныя в письмах наречия, подобныя тем, по природе тех городов, где кто родился, и по обыкlostям своим говорить и писать навьк, того в бесчестье не ставить».

ным родным, но они ведь не представляют собою произведений, «литературность» которых ясна из их направленности.

Как верно отмечено В. В. Виноградовым, Больш. советск. энци., том 49 (1941 г.), стр. 761, «расширению живой народной струи в системе литературного языка содействовали новые демократич. стили литературы, возникавшие в среде грамотной посадской массы. В половине 17 в. средние и низшие слои общества (низшее духовенство, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство) пытаются установить свои формы литературного языка, далекие от книжной религиозно-поучительной и научной литературы, свою стилистику, на основе которой реалистически перерабатывают сюжеты старой литературы (ср., напр., повести 17 в.: «Слово о благочестивом царе Михаиле» или «Сказание о древе златом и о золотом попугае и о царе Михаиле, да о царе Левкагоре»). Эти новые стили литературного языка широко пользуются изобразительными средствами и лексикой устной словесности».

Рост капиталистических элементов в России, с его потребностью в более интенсивном и широком обращении слова, и потому в обращении не в письменном, а в печатном виде, сильно сокращает влияние и духовенства вообще, и стилей речи духовенства, абсолютно расходящейся с практическими задачами времени. Школьная рутинная еще относительно долгое время не дает возможности полностью осмыслить преимущества в книге разговорного языка или языка к нему близкого, и в слоге так называемого петровского времени церковнославянский язык в тех или других частностях иногда отвоевывает себе даже позиции, утраченные им ранее в речи старинной письменности. Во временном усилении позиций церковнославянского языка известную роль сыграли и развившие на Москве литературную и преподавательскую деятельность украинские ученые, получившие образование в Киевской академии: Симеон Полоцкий (по происхождению белорус), Епифаний Славинецкий, Стефан Яворский, Димитрий Ростовский. Они поддержали церковнославянский язык на Москве его юго-западной вариацией, отчасти связанной с новыми литературными жанрами, своей новизной и занимательностью располагавшими тем самым и к форме, в которой они давались. Но представители печатного слова всё менее и менее являют собою в первые десятилетия XVIII в. выразителей интересов духовенства, и словесное оформление постепенно, хотя и без колебаний и в некоторых жанрах с грубой пестротой, начинает отображать уже совершившиеся резкие идеологические сдвиги.

Язык петровского времени, при всей неоформленности вошедших в его состав элементов, вполне заметно обнаруживает разницу между слогом деловым — практическим, в который церковнославянизмы попадают по инерции, по неумению заменить их русскими словами, формами и оборотами, и слогом театральным (включая сюда все соприкасающееся с художественностью, занимательностью и под.), где церковнославянизмы продолжают еще культивироваться как принадлежность

образцового и «высокого», отборочного¹. Учебная книга, на языке которой лежит след и переводческой традиции, связанной с церковнославянским языком, и живых потребностей в понятности и практичности, больше, чем другие виды литературного слога, отражает всю резкость столкновения старого с новым². Почти полвека спустя Ломоносов своим учением о «трех штилях» для середины XVIII в. отдаст еще дань уверенности, что без церковнославянского наследства «и во всем российском слове никто тверд и силен быть не может»³, но о пробившем для утратившей свою мощь классовой

¹ С исключительной выразительностью эта беспомощность сообщить какую-то органичность двум влиятельным стихиям, которые заявляли свои права на то, чтобы на их основе создан был литературный язык, способный удовлетворять разнообразные потребности мысли и жизни, проявляется, например, в заявлении переводчика первой четверти XVIII века Поликарпова в предисловии к его переводу «Географии» Варения. «Моя должность объявити,— пишет он,— яко переводих сию [книгу] не на самый высокий славенский диалект против авторова сочинения [«в соответствии с сочинением автора»] и хранения правил грамматических, но множае гражданского посредственного употребляя наречия, охраняя сенс [«смысл»]. и речи [«слова»] оригинала иноязычного. Речения же терминальная [«терминологические»] греческая и латинская оставял не преведена ради лучшаго в деле знания, а ина преведена обявлях (объяснял)], заключая в паранфеси [«скобки»]. Цитировано Г. О. В и н о к у р о м в его прекрасном очерке языка Петровского времени в книге «История русской литературы», том III, АН СССР, Институт литературы (Пушкинский дом), М.—Л., 1941 г., стр. 55.— Как видим, в Поликарпове как переводчике борются, с одной стороны, потребность дать перевод действительно вразумительный и потому необходимость в большей или меньшей мере обращаться к общепонятному, разговорному русскому языку, с другой — традиционная потребность обо всем относящемся к науке и серьезной мысли выражаться важно, т. е. на языке церковнославянском, исторически завоевавшем в России еще не поколебленный (в первой четверти XVIII века) наплывом новой жизни, прямо никем не оспариваемый авторитет.

² О научном языке, употреблявшемся в петровское время, дает представление хотя бы такой заголовок 20-ой страницы знаменитого Брюсова календаря.

«Сихъ звѣзъ качества идѣйства обрѣтаются вонныхъ планетныхъ книгахъ описано суть о звѣздахъ сихъ здѣ же зане пространством оставихомъ описати.

Или заголовки на стр. 28:

«Таблица имѣющимся воевѣй Россійской имперіи всего Государства вгуберніяхъ икнимъ приписныхъ городовъ разъстояниемъ верстъ поалфавиту Которые версты выписаны изъ ямской Книги поймамъ» и на 30: «Таблица въ неже описуется Долгота и Широта поградусамъ градовъ знаменитыхъ наземномъ круже». Цитирую по позднему изданию-перепечатке, Харьков, 1864 г.

³ Ломоносов различал три вида слога: «высокий», «посредственный» и «низкий». По его учению, «первый составляется из речений славенороссийских, т. е. употребительных в обоих наречиях, из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых». «Средний штиль состоять должен из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым». «Низкой штиль принимает речения третьего рода, т. е. которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними...». Высокий стиль — учит Ломоносов — естествен в героической поэме, оде, прозаических речах «о важных материях», средний — в драме, стихотворных дружеских письмах, сатирах, идиллиях и элегиях; «в прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и ученых благородных». Сфера приложения низкого — комедии, увеселительные песни, прозаические дружеские письма, описания обыкновенных дел.

Его теоретические высказывания при этом не являются ни реакционными, ни расходящимися с практикой его собственного творчества: как поэт и оратор, он раньше показал на образцах то, чему стал учить позднее как теоретик словесности.

группы часе гибели и ее диалекта уже определенно успеет оповестить сейчас же после петровского времени другой теоретик слова XVIII в.— В. К. Т р е д и а к о в с к и й: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную [книгу] неславенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим». Свой выбор Третьяковский мотивирует среди прочего тем, что «язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская», что он «в нынешнем веке у нас очюнь темен и многие его наши читая неразумуют», и, наконец, тем, что «язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не толко я им писывал, но и разговаривал со всеми» (Предисловие к «Езде в остров любви», переводу аллегорической повести Talletant'a, 1730 г.). В этом же смысле с полной определенностью высказался он в 1744 г., давая пример «Слова», сочиненного «...и для того, дабы самым делом показать, что истинное витийство может состоять одним нашим употребительным языком, не употребляя мною высокого славенского сочинения».

Еще почти целое столетие после этой декларации Третьяковского сила традиции¹ и инерция условий обучения поместного дворянства, как правило, у местного же духовенства (вспомним хотя бы «сельского дьячка, славнейшего грамотея в околотке», у которого начинается свое учение «Леон»—Каразмин)² обеспечивает церковнославянизмам если не приток в литературную речь, то известную к ним терпимость; но передвинувшийся центр интересов правящих кругов всё более ослабляет позиции церковнославянской стихии, тянущей к интересам изжитым, чуждым текущему дню господствующего класса, и она медленно, но вполне определенно сдает позиции, пока, наконец, в первой четверти XIX в. не оказывается вынужденной решительно уступить дорогу во всех видах слога (кроме собственно-церковного и отчасти законодательного) языку, сильно сближенному с разговорным.

Всё говорит за то, что «обрусение» русского литературного языка под пером представителей дворянства и тех выходцев из других классов, главным образом из духовенства, которые были вовлечены в процесс выработки нового литературного языка, совершалось при постоянном контакте с речью крестьянской (говоров центральной России). Давлению именно крестьянской речи и с нею город-

¹ О специальных мотивах, поддерживавших ее, см. в § 7.

² Любопытно в этом отношении, что в 1820 году известный писатель П. А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу: «Сделай милость, пришли мне хорошую русскую азбуку. У меня есть здесь одна, в которой первые слова, по кони начинают учить складам: *пре-по-я-сан, утреннюю* и какое-то: *не-пишут*. Есть ли средство набивать голову робёнка такими словами? Вот об этом не думают ваши училищные Правления. После таких азбук удивительно ли, что наши барские дети безграмотны?.. Надобно невежество колотить с ног до головы, от Кутейкиных до Магницких, от азбук до манифестов...» (Остафьевск. архив кн. Вяземских, II, 1899, стр. 103).

ской речи неграмотной массы обязан русский литературный язык в области фонетики, напр., широким переходом к произношению подударного *е* перед твердыми согласными как *ё*.

Никакого не может быть сомнения, что само дворянство не представляло собою по языку вполне однотипной массы: уровень образования его был далеко не одинаков, и, напр., на дворянских уездных съездах второй половины XVIII в. могли как равные разговаривать друг с другом неграмотные помещики типа Скотининых и высококультурные люди — единицы типа Новикова. Многочисленную середину составляли грамотные, но в большинстве малообразованные служилые дворяне с речью, во многом близкой к местным крестьянским говорам. Их речь, видимо, не шаржируя, а отражая с усмешкой типичное, воспроизводят новиковские «Письма к Фалалею» в «Живописце». Слог «Трифона Панкратьевича» и жены его «Акулины Сидоровны» пестрит частицами, не получившими доступа в письменную речь образованного дворянина: «То-то была волята». «Нет-ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой». «Хлеб-ат мы и здесь едим». «Норовок-ат у него ... чертовский». «Ех, перевелись-ста старые наши большие бояра» и под. Лексику областного диалекта отражают фразы его и других членов семейства, вроде: «А вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места». «Живут себе да и гадки не мают». «Что ты ето... накудесил?» «У меня образов-то и своих есть сотня места». «Кому жить, Фалалешка, так будет притоманно жив». «А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую». Ср. и из морфологии: *богати* (им. мн. ч.) и под.; вульгарными же были для XVIII в. впоследствии возобладавшие в произношении: *ведиотся*, *мениотся*, *спасиотся* и под. (=ведётся, минётся и т. д.)¹.

Надо принять при этом во внимание тот факт, что изображение крестьянской речи в художественной литературе XVIII века, как указывают П. Н. Берков, Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1949, VIII, стр. 43 и П. С. Кузнецов, «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 72, не лишено большой степени условности: в речи того самого персонажа иногда объединяются черты различных говоров — северных и южных, например, северная частица *-ат* и аканье.

Речь крестьянства, хотя ее старательно и противопоставляли

¹ К мелкопоместному дворянству, как к малокультурному слою населения, Сумароков относится явно пренебрежительно: то, что говорит Ниса в его комедии «Рогоносец по воображению» (1769 г.), несомненно, выражает оценку самого автора: «...должно еще ожидати такова жениха, которой будет говорить «чаво табе, сердечуско, надать? байста со мной» и другия подобные етому крестьянския речи. Да и сами-то мелкие дворяня несносны: я не о всех говорю; есть довольно хороших между ими людей; а по некоторой части дуются, как лягушки, и думают только о своем благородстве, которое им по одному имени известно, и чают о своих крестьянах то, что они от бога господам на поругание себе созданы. Нет несносняе той твари, которая одною тенью благороднова имени величается и которая, сидя возле квашии, окружена служителями в лаптях и кушаках и служительницами босыми и в сарафанах, боярским возносится титулом».

барской, в период отрешения от церковнославянини являлась естественным союзником нового литературного языка¹.

Мы не знаем деталей процесса выработки разговорной *koipè* верхов русского общества послепетровского времени, но совершенно ясно хотя бы из того, как не свободны даже от узких диалектизмов русские писатели до самой второй четверти XIX в., что их живая речь и, конечно, вообще речь их класса не оставалась чуждой влиянию окружающей их в их поместьях речи крестьянской. Не только «Трифон Панкратьевич» и «Акулина Сидоровна» пользуются словами, слышанными от их же крепостных, но даже в стихотворный слог, незаметно для авторов-аристократов, проникают крестьянские слова, явно не прошедшие еще через пользование широкого круга дворянства².

Как ни крепки еще материальные и идеологические позиции дворянства в XVIII в., рост капиталистической техники и потребности администрирования принуждают его значительно расширять круг людей, причастных к требующим обладания письменной речью знаниям и умениям³.

Дворянству в течение XVIII в. становится всё труднее убедительно даже для себя самого обосновывать свое умственное и моральное превосходство над этими выходцами из «подлых» слоев, так как не раз, когда приходится, говоря словами Кантемира, «потереться на оселку», слишком явно бросается в глаза,

¹ Не следует, однако, думать, что народная речь оставалась сама всё время свободной от влияния церковнославянизированного языка общественной верхушки. Нет никакого сомнения, что в народную массу просачивались слова и формы, первоначально не бывшие русскими (причастия, церковнославянизмы вроде «прах его возьми», *сладкий, время* и мн. др.). Их распространенность говорит и о давности подобного влияния, и о его силе.

² Ср.: материал, приводимый Е. Ф. Булдее, Очерк истории совр. р. лит. яз., стр. 66 и дал., и В. В. Виноградовым, Очерки по истории русск. литер. языка XVII—XIX вв., 1934, стр. 110, и такие примеры, как: *Колико мы не нархотимся один другого выше статью...* (И. Долгор., Камин в Пензе); ср. областн. (моск., яросл.) *норохтиться* — «намереваться, порываться».

³ Вот, напр., любопытные строки из «Инструкции дворецкому Ив. Немчину о управлении дому и деревень...», в которых отражены и потребность в грамотных людях, и забота помещика, чтоб их не было слишком много и учение их не вышло бы за пределы непосредственной для самого помещика пользы: «...при том же всеми образы надо трудиться, чтоб было в деревнях по несколько человек умеющих грамоте, в чем состоит крайняя нужда. Того ради конюховых детей вместе всех учить, и естли у конюхов мало, то брать из крестьян сирот; буде же сирот не сыщется, то брать и у отцов, токмо у таких, которые семьянисты, а так бедны, что снуждою и со скитаньем по миру питаются; изо всех деревень выбери ныне десять человек, чтоб не гораздо малые были, а имянно от осми лет до двенадцати, и раздай священником, и вели учить их грамоте; а понеже им во двячках не бывать, того ради надобно, чтоб только знали силу складов; для того вели учить прежде по новоизданным азбукам... а потом, не уча часослова, велите учить псалтирь, и когда которой хотя и недоуча всей псалтири, а совершенно познает слог, отдавай в Москве учить хорошим писцам: из сего польза та, понеже у нас в деревнях своих писцов нет, то которые годны будут — отдавать в деревни прикащикам для записок, а протчие годятся учить ремеслу, какое в селе потребно будет».

что величаться-то собственно нечем. Несколько десятилетий в области языка видимость превосходства еще обеспечивается культивированием как специально дворянского языка — французского («Русские аристократы одно время... баловались французским языком при царском дворе и в салонах. Они кичились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом» — И. В. Сталин)¹, но именно русская литературная речь послепетровского времени — и деловая и художественная — едва ли не в одинаковой мере является достойным и дворянства и разночинцев, правда, еще слишком от него зависимых идеологически. Писатели, вышедшие из непривилегированных классов, и к ним же относящиеся читатели и зрители, наряду с дворянством, начинают определять в XVIII в. характер развития литературного языка. Сумароков, еще иногда отдававший дань дворянской спеси («Потребен барский ум и барская расправа»), тяготясь гнетом сверху и ища успеха у широкого круга читателей и зрителей, произносит слово «публика». Кого он имеет в виду, не нужно и догадываться, хотя его предисловие к трагедии «Димитрий Самозванец» (1771 г.), где он высказывается по поводу «публики», — выразительный образец, как еще трудно ему даже на закате дней порвать полностью со взглядами своего класса и как, делая шаг вперед в сторону признания значения этой «публики», он сейчас же вынужден снова отступить назад. «Дворянин! великая важность!» — бросает он и гневно говорит о «несносной дворянской гордости, достойной презрения и поругания»². Защищая, видимо, именно свою «публику», он доказывает, что она не заслуживает названия «подлого народа» («ибо подлой народ суть каторжники и прочие презренные твари, а не ремесленники и земледельцы»), и, соглашаясь на название ее чернью, решительно протестует однако против «глупого положения», что «разумный священник... естествослов, астроном, ритор, живописец, скульптор, архитектор и пр... члены черни», так как «истинная чернь суть невежды...»

Своим колебанием между желанием иметь на своей стороне «вкус Княжичей и Господичей московских» и похвалы москов-

¹ Вот почему, напр., талантливому мальчику, впоследствии великому артисту М. С. Щепкину дается возможность учиться вообще, но для него решительно заказан класс с французским языком. — С полною классовою прямолинейностью преимущества иностранных языков для дворянина обосновывает для начала XVIII в. «Юности честное зерцало»: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навикнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать: ибо каждый купец товар свой похваляя продает как может» (27).

² Выпады такого рода в это время еще не кажутся опасными и не преследуются, подобно тому как разрешаются, напр., транспортируемые из Франции либеральные сентенции: «Основатели Империй или Государств должны утверждать власть больше свою на любви своего народа и своих воинов, нежели на любви дворянства» (Энциклопедия 1763 г., перевод. И. Приклонским) и под.

ской «публики» вообще Сумароков, при некоторой расплывчатости своих высказываний, с полной выразительностью обнаруживает совершившуюся смену в потребителе литературы и то направление, к которому эта смена должна была привести, демократизируя язык образованной части дворянства.

Оставаясь всю свою жизнь выразителем дворянских настроений, Сумароков вместе с тем определенно стоит на позициях для своего времени прогрессивных, образующих параллель идеологии дворянских верхов с их культом «просвещенного абсолютизма». Дворянин потому дворянин в понимании Сумарокова, как и в понимании А. Д. Кантемира, что он лучше других — способнее, умнее, обладает «благородством», т. е. суммой определенных высоких черт нравственного порядка («Не в титле — в действии быть должен дворянином»), и тем самым служит не только себе, но и подвластным ему, «опекаемой» им массе. Эта позиция «служения», хотя еще и очень далекая от настроений даже будущего «кающегося дворянина», в области литературной формы в широком смысле позволяет ему иначе смотреть на пышность ломоносовской школы, — в его поле зрения более широкий круг чувствований, охват его «гражданских» настроений шире, и риторичности и искусственному пафосу ломоносовского слога он убежденно противопоставляет возможную «благородную» простоту своего языка. Указывают, — и, по-видимому, справедливо, — что Сумароков, как представитель своей классовой группы — среднепоместного дворянства, — выступил защитником прав личности, прав дворянина развиваться и быть не только тем, чем хотелось видеть его верхам — власти, и в этой борьбе с олигархией верхов за права индивидуальности он, естественно, ища себе союзников в массе, оказался и поборником известных демократических тенденций, хотя, по условиям времени, и невыдержанных и противоречивых. Исторически ему пришлось преодолевать напыщенное и индивидуально-неуклюжее. В борьбе за эстетичное в естественном он отставал свое писательское лицо и, вместе с тем, прокладывая путь великим мастерам конца XVIII и начала XIX в. Последние, правда, не могли последовать за Сумароковым в его рассудочном, полемически заостренном отрицании всякой украшенности речи¹ — тенденции, разрушительной для художественности вообще, — но что в преодолении ходульного, «пухлого» в русском слоге XVIII в.

¹ Слова «О прекрасные богини, Три прелестные девицы! И меня вы научите Простотою украшаться» (Ода анакреонтическая к Елис. Васил. Хераськовой, 1762 г.) были выражением его поэтической программы. Эта же установка совершенно определенно выражена в его «Эпиграмме 41» (IX том «Полного собрания всех сочинений»): «Которыя стихи приятнее текут! Не те ль, которыя, приятностью влекут, И шествуя в свободе, В прекрасной простоте, А не в сияющей притворной красоте, Последуя природе, Без бремени одежд в прелестной нагоде: Не зная ни пустоа звука, Ни не согласна стука? А к етому большой потребен смысл и труд. Иль те которыя хоть разуму и дивны, Но естеству противны? Пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут». — Об этом подробно в книге П. Н. Беркова — «Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765», Л., 1936.

именно он сыграл очень большую роль, вряд ли можно сомневаться.

Особое место в истории русского художественного языка занимает его связь с художественным языком устной народной словесности. Известно влияние народной лирической поэзии, напр., на теорию тонического стихосложения Третьяковского, который, правда, еще считаясь с отношением к крестьянству своих современников, просит читателя: «Не зазреть меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывочков от наших подлых, но коренных стихов», или на Сумарокова, который в своих поисках новых форм охотно подражает образцам народной лирики.

Но привлечение устной народной словесности, как отражение интереса к «коренному», к национальному, которое приходилось искать не в речи верхов, всё время подвергавшейся иностранным влияниям, а в продуктах творчества, приписываемых народной массе, не оказалось ни в это время, ни после влиятельным средством переплавки литературного языка. Язык устной народной словесности был и остался в истории русской литературы жанровым, предметом подражания почти исключительно в тех видах художественного слова, которые тесно соприкасались с самой тематикой исторически отложившегося в виде определенных стилей народного творчества.

Обращая время от времени свой взгляд к крестьянской речи как к источнику, который может помочь в преодолении трудностей создания нового художественного языка, первые деятели послепетровской литературы не могут однако не проявлять заботы о классовых позициях языка, принципиально в это время не претендующего еще, по крайней мере с достаточной определенностью, на роль общенационального. На заре своей деятельности Третьяковский (речь о чистоте русского языка, читанная в 1735 г.; переиздана с некоторыми изменениями в 1752 г.) вынужден, намечая пути совершенствования языка, указать как на образцы для него — язык двора (Аннинского!) «в слове учтивейшего и великолепнейшего богатством и сиянием», «благоразумнейших... министров и премудрых священноначальников» и «знатнейшего и искуснейшего благородных сословия», так как много имеющего свой голос «общества» в это время еще нет и художественная литература целиком зависит от вкуса и произвола дворянской верхушки. «Публика» со своими вкусами, о которой упоминает Сумароков в предисловии к «Димитрию Самозванцу», нарождается медленно. Господствующий класс от литературного языка требует в начале XVIII в. главным образом «пышности», и этим его требованиям отвечают и Ломоносов, до конца своих дней видевший в риторике рассудочную опору именно тех приемов, которые ему представлялись направленными к эффекту «пышности», и молодой Сумароков, пересаживая на русскую почву идеи теоретика французских дворянских верхов: «Слова, которые пред обществом

бывают, Хоть их пером, хотя языком предлагают, Гораздо должны быть пышнее сложены, И риторски б красы в них были включены»¹. Проблема свободного от вульгаризмов литературного языка возникает сейчас же, как появляются в литературе XVIII в. отчасти пересаженные с Запада «высокие» художественные жанры. Боязнь вульгаризации, имеющая свои классовые корни в русской почве и культивируемая под классовым же западноевропейским влиянием, заставляет тщательно взвешивать допустимость тех или других слов в определенных родах литературы (иногда при полной неразборчивости в других), и Сумароков, напр., осуждает в оде Ломоносова *чудился* («И с трепетом Нептун чудился») как «слово самое подлое, и так подло, как *дивовался*». Фигурирующие позднее даже как пример в грамматике Ломоносова «*грамотка*» («Написав я грамотку, посылаю за море») в «Епистоле о русском языке» (1748 г.) Сумарокова характеризуется как слово простонародное («Письмо, что грамоткой простой народ зовет»); осуждается им у Ломоносова с этой же точки зрения *что* в значении «который» и т. п. Третьяковский, в теоретических высказываниях о языке первоначально более демократичный, чем Ломоносов, резко, однако, выступает против его во многом открывающего путь народным влияниям слога: «Он красотой зовет, что есть языку вред, Или ямщикий вздор, или мужицкий бред», а в критической статье о Сумарокове (1750 г.) старается доказать низкие качества языка последнего, как открывающего широкий путь просторечию.

§ 5. Роль в обновлении литературного языка в XVIII в. новых литературных жанров.

Начало работы над живым русским художественным языком хронологически совпадает с отражением впервые на русской почве французского литературного влияния. Конечно, не только причинами биографического характера нужно объяснить выступление Третьяковского против исключительной роли греческого и латыни и подчеркнутое в нем восхваление французского языка: «Однако и сей [латинский], равным образом, столько ж непристойно величается сим именем²: обличает его спесь Английской, показывает чванство его Италиянской, доносит на тщеславие его Немецкой, но сильнее всех доказывает его в том гордость Французской». Выступление Третьяковского было одним из первых выражений осознанной потребности порвать вообще с источниками образованности схоластической (в том числе, видимо, с традицией латино-польско-украинской, этой западной прививкой к старому идеологическому стволу церковнославянской письменности) и перейти к восприятию других уже заявивших

¹ Епистола о русском языке (1748 г.).

² Будто он «есть и начало, и основание, и верьх всех наук и знаний».

свою силу словесных культур: то, что говорилось о правах языков, фактически имело в виду новые литературные жанры¹.

Преодолев прежнее подражание греко-болгарским, после — латино-польским образцам, русская литература и ее язык должны были стать на некоторое время на новый путь подражания. Что этот именно путь был тем, который предстоял «начинателям» (так прямо и говорил о своем поколении Тредиаковский: «Впредь твердо надеюсь, малый, узкий и мелкий наш поток, наполнився посторонними струями, возрастет в прелеющую, пространную и глубокую реку. Довольно с нас ныне и сея единыя славы, что мы начинаем»²), сознавалось с полной определенностью.

Русский язык, по мнению Тредиаковского, как и другие европейские, сумеет доказать свои права сравнительно с классическими, «жели сперва многие переводы с других языков и начнет, и совершит, и сим образом пословия своего сочинения вычистит, а при всем том, многие и различные вещи именами называя, богатое изобилие слов получит».

Три первых практических деятеля новой художественной литературы (Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков)³ отдают дань разным иностранным литературно-языковым влияниям.

Принципиального значения не имеет, что наряду с проводниками главным образом французского влияния Тредиаковским и Сумароковым путь новым жанрам прокладывает превосходящий их талантом Ломоносов, тяготеющий к немецкому (в своем художественном творчестве — к поэзии Гюнтера, в теоретических концепциях — к Готтшеду): германское влияние этого времени само по себе является в большой мере передатчиком французского и так же, как и последнее, — и в этом существо дела, — несет с собою новые литературные жанры, как такие, которые требуют культуры иного, не традиционного книжного языка.

§ 6. Работа над художественным русским языком Ломоносова и его современников.

Никакая теория не могла бы конкретно указать в это время, какой именно язык нужен для того исторического сдвига, которого требовала совершавшаяся смена жанров. Гениальная интуиция

¹ «Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве», 1745.

— Это обновление жанров не оказалось в дальнейшем, однако, ни резко-новаторским, ни выдержанно-галломанским. — Что литература ближайшего времени еще во многом не порывает с украинско-церковнославянским наследием XVII—XVIII вв., ясно, напр., из того, насколько русская ода 30-х и 40-х годов связана с подобными произведениями украинских писателей XVII в., насколько распространенные стихотворные обработки псалмов и Библии продолжают приемы юго-западной школы и в какой мере в своих шуточных произведениях Сумароков остается зависимым от образцов жанра, культивировавшегося в интермедиях народного театра петровского времени.

² Речь «О чистоте российского языка», 1735 г.

³ А. Д. Кантемир (1709—1744) — хотя и очень яркое литературное влияние — писатель, в свое время не печатавшийся и оставшийся без прямого влияния на последующую литературу.

Ломоносова и талант Сумарокова с успехом разрешили поставленную временем задачу. Ломоносов, а за ним и рядом с ним, Сумароков нашли для своего языка живую опору в разговорных элементах столичной дворянской речи и наиболее культурных столичных же людей, обнаружили для своего времени недоюжинное чутье в отношении того, что является педантизмом, школярщиной в письменных стилях, через выучку которых им пришлось в свое время пройти, и каждый по-своему дал своей поэтической речи преобладающий русский тон. Характерно, что путь, избранный Ломоносовым практически, по всем данным хронологии (перевод оды Фенелона «На уединение» сделан Ломоносовым в Марбурге в 1738 г., ода «На взятие Хотина» им написана там же в 1739 г.), не мог быть результатом прямых влияний дворянской среды, с которой студент Ломоносов (1731—1736 гг.; с 1736 по 1741 г. Ломоносов жил за границей) не был ни по своему происхождению, ни по условиям жизни этого времени в близком общении. Имея с детства разговорную основу в родном наречии¹, Ломоносов, видимо, в результате живого контакта с разными городскими слоями Москвы и Петербурга перерабатывал свой язык в направлении городской *koipé*, но, естественно, осложняемой необходимыми для письменного языка усвоенными им через школу традиционными элементами, относящимися главным образом к специфически культурным понятиям. Важно при этом отметить, что Ломоносов очень рано осмыслил для себя избранное им практически направление: об этом свидетельствуют и его пометки на принадлежавшем ему экземпляре «Нового и краткого способа к сложению стихов» Тредиаковского (около 1736 г.) и его «Письмо о правилах российского стихотворства» (около 1739 г.) с положением об употреблении «собственного и природного», хотя решительность его практики в этом отношении всё-таки явно опережает значительно более консервативную, очень еще оглядывающуюся на старославянский язык его теории.

Было бы несправедливо по отношению к Ломоносову в первую очередь, в меньшей мере к Сумарокову — недооценивать идеологических моментов, которые определили выбор ими новой, русской языковой основы художественного слова. Общие высокие моральные свойства натуры Ломоносова и многие черты принципиальности в неуравновешенном и до болезненности самолюбивом Сумарокове позволяют понять, как в этих людях, умевших ценить

¹ Специальное описание его см. в труде А. Грандильевского: «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областный крестьянский говор», Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXVIII, 1907.

Замечание П. И. Житцкого, К истории литературной русской речи в XVIII в., — Изв. Отд. русск. яз. и слов., VIII (1903), кн. 2, стр. 1, что «литературная речь, созданная Ломоносовым, не мыслима без этимологической основы, которая навсегда осталась в ней, как руководящее начало, преобладающее над живыми говорами» в основном, однако, справедливо и сохраняет свое значение важного ограничения к тому, что касается живой стихии языка Ломоносова и его последователей.

полезное и возвышенное в чужом, творческим двигателем оказалась привязанность к родной речи.

Ее права энергично защищает при всех случаях и Третьяковский. В своей уже упомянутой, напр., речи — в «Слове о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве» 1745 г. он, несомненно с искренним убеждением, заявляет: «Чего ради, понеже все представленное выше за благопотребно рассудилось разуметь в рассуждении нашего наиславнейшего, наипонятнейшего и наихрабрейшего Российского Народа, для чего бы ему следя смотреть на толь многие и только славные Народы, как древние, так и нынешние, а все премудрые, и к получению пользы, и к прославлению своего имени, и к произведению всех наук, и к восприятию похвал, я прежде всех искренно не советовал? Да приложит токмо труд, увидит, увидит он вскоре, колико его язык, который также есть и мой, и обилия, и сил, и красот, и приятностей имеет».

Замечательно, что Сумароков, много потрудившийся над общением русского читателя к жанрам современной французской литературы, является, вместе с тем, автором страстной по чувству и стилю статьи в защиту чистоты русского языка — «О истреблении чужих слов из русского языка». «Восприятие чужих слов,— пишет он,— а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка... Честолюбие [смысл — «чувство чести»] возвратит нас когда-нибудь с сего пути несомненного заблуждения: но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продолится, так совершенного очищения не можно будет больше надеяться... Греческие слова введены в наш язык по необходимости и делают ему украшение, а Немецкие и Французские нам ненадобны, кроме названия таких животных, плодов и протчего, каких Россия не имеет... Ради необходимости многие Греческие слова стали быть словами всем языкам общими. И тако восприяты Греческие слова присвоены нашему языку достохвально, а Немецкие и Французские язык наш обезображивают». Отдав умеренную дань временной исторической необходимости учиться у другого народа, патристически настроенный русский человек и чувствовал, и провозглашал в качестве очередной задачи дальнейшее обращение к внутреннему речевому фонду родного языка, мощь и достаточность которого на дальнейших путях культуры он и сознавал, и высоко оценивал. Филологические аргументы Сумарокова (см. и другую его статью — «О коренных словах Русского языка») нередко наивны (их, среди другого, привлек не к пользе защищаемого им дела А. С. Шишков), но здоровое зерно его настроений несомненно, и он сам больше, чем кто-либо другой, показал, как возбуждения, идущие извне, могут быть подчинены живой стихии родного языка.

Художественный слог, над которым работали Ломоносов и его современники, хотя и создавался ими в основном интуитивно,—

уже при первых шагах новых жанров сделался предметом ревливой, часто несправедливой и личной, но толкавшей в сторону углубления теории, языковедческой критики. Пример Франции с ее Буало, с ее имевшей громадные притязания в области критики и грамматики Академией постоянно являлся перед глазами русских ее учеников, первых в России адептов французского классического стиля, зачастую — в очень еще несовершенной форме. Эти авторы переносили к себе на родину, наряду с примерами прямого подражания художественным образцам, оправдывая себя во Франции «ухаживание за словом — рассудочно-разборчивое к нему отношение. Нужно отметить как знамение времени, что уже в 1735 г., т. е. хронологически на пороге появления в литературе Ломоносова, при Академии наук возникает «Российское собрание» с задачей заботиться «о дополнении российского языка, о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве».

От времени ожесточенно друг с другом споривших Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова до самой второй четверти XIX в. писателями вырабатывается лексическая норма, и с нею рядом, естественно, осуществляется запрет тех или других слов, как диалектных, «неприличных» для авторской речи.

Если в число отвергавшихся, исключаемых из литературного употребления больше всего попадало при этом северных лексических элементов, то, конечно, дело здесь не только в старении наследства ломоносовской речи, диалектная окраска которой возбуждала недовольство уже и его современников, а прежде всего — в ослаблении роли северян в Москве и усилении в ней притока населения с юга.

Многие думают, что частично источником нового художественного языка мог быть уже имевший длительное существование и близкий к разговорному ясный и простой слог учреждений-приказов. Его значение в истории русского литературного языка не следует, однако, преувеличивать: бедный лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничьего внимания при разрешении задачи о слоге для изящной литературы к себе не привлек. Его традиция продолжается и дальше, но в той именно сфере, которую он обслуживал искони, — слог канцелярии долгое время остается на его грамматических и стилистических позициях¹, в дальнейшем, впрочем,

¹ Ср., напр., слог доклада 1733 г., мало чем отличающийся, если не считать новых названий должностей, от того, как писали в XVII в.: «...А кто потребны будут имены, о том ему, ген.-майору, подать именную роспись. И по силе оного именного ее и. в-ва указа конюшенной канцелярии служители разбираны, из которых по разбору его, ген.-майора и ген.-адыютанта, явилось из канцелярских служителей к делам годных канцеляристов три, подканцелярист один, копиистов восемь, итого двенадцать человек, а прочие, за старостию и за болезнями, а другие за незнанием в делах и за пьянством негодны...».

ухудшаясь: живое в языке приказов времени царей Михаила и Алексея становится в послепетровское время устарелым, культивируемым в духе приемов бюрократизма, уже имеющего, в отличие от предшествующего времени, от кого снизу отделяться письменным языком: грамотеев среди массы становится все больше; к тому же к этим архаизмам присоединяются новые, сознательно вводимые для специализации канцелярского слога (*яко, понеже* и под.).

§ 7. Временное усиление церковнославянских элементов в сороковых и пятидесятых годах XVIII в.

Обновление жанров в тридцатых годах XVIII в. и после в целом имело следствием обновление языка художественной литературы (поэзии), приближение его к русскому за счет по крайней мере наиболее обветшавших элементов церковнославянского. Уже, однако, те самые сороковые — пятидесятые годы, когда Ломоносовым создаются блестящие образцы поэтического стиля на русской основе, характеризуются тенденцией вернуть церковнославянскому языку, хотя отчасти, значение, принадлежавшее ему раньше. Полностью о возврате к нему и в это время говорить не приходится, но пиетет по отношению к старинному языку возрождается вместе с национально-окрашенными настроениями, ищущими пищи в идеализируемом прошлом. Защита национального, прямая или прикрытая, становится заметным мотивом у писателей, особенно с пятидесятых годов, когда роль иностранцев на верхах уже встречает известный отпор со стороны представителей русской аристократии, а в области языка национально-окрашенные настроения имеют следствием, наряду с отталкиванием от иностранного (более или менее определенными пуристическими тенденциями)¹, возрождение вкуса к церковнославянскому, как к «своему»², удовлетворяющему, по понятиям времени, не только требованию оставаться в пределах «родного», но и классовому стремлению — чтобы это родное вместе с тем не было «подлым», а питало бы «высокие» настроения. Не все, конечно, деятели художественного языка этого времени одинаково отразили на себе

¹ Ср. сатирические намеки на немецкую структуру речи Ломоносова и на нерусские обороты Тредиаковского в «Епистоле о русском языке» Сумарокова (1748 г.): «Один, последуя несвойственному складу, Влечет в Германию Российскую Палладу... Другой, не выучась так грамоте, как должно, По-русски, думает, всево сказать не можно, И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь Языком собственным, достойну только сжечь».

В басне «Порча языка» (1769 г.) Сумароков поучает: «Вовек отеческим языком не гнушайся, И не вводи в него Чужого ничего, Но собственной своей красю украшайся».

² Ср. негодующее замечание Сумарокова в «Епистоле о русском языке» (1748 г.): «Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем, Которы мы с тобой не Русскими зовем. Он тотже, а когда б он был иной, как мыслиш, Лишь только от того, что ты ево не смыслиш, Так чтож осталось бы при Русском языке?»

новые тенденции, но навстречу им охотнее пошли те именно (Тредиаковский, Ломоносов), кому в годы своего обучения пришлось пройти через серьезную работу над усвоением церковнославянского.

В «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух епистол» (1750 г.) Тредиаковский, начинавший с отрицания «славенщизны», жестоко критикует Сумарокова за допускаемое им просторечие (ср.: «у Автора и сельское употребление есть правильное и красивое»; он «многие речи составляет подлым употреблением») и корень зла видит в недостаточном знакомстве его с церковнославянским языком: «Толикие недостатки и толь многие как в речах порознь, так и вообще в сочинении, проистекают из первого и главнейшего сего источника, именно же, что не имел в малолетстве своем Автор довольного чтения наших церковных книг, и потому нет у него ни обилия избранных слов, ни навыка к правильному составу речей между собой».

На позиции обязательного знакомства с церковнославянским языком и его использования стоит, впрочем, и А. Н. Сумароков (ср. его «Епистолу о русском языке», 1748 г.), но он настаивает на критическом, рассудительном использовании наследия старины: «Имеем сверх того духовных много книг. Кто виновен в том, что ты Псалтыри не постиг, И бегучи по ней, как в быстром море судно, С конца в конец раз сто промчался безрассудно? Коль *аще*, *точию* обычай истребил, Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил? А что из старины поныне неотменно, То может быть тобой повсюду положенно».

С полной определенностью и для своего времени с большою силою через несколько лет (в 1757 г.) М. В. Ломоносов старается обосновать в трактате «О пользе книг церковных в Российском языке» высокое значение церковнославянского языка, особенно для героической поэмы и прозаических речей «о важных материях», проверяя его силою созданных им образцов. В большей или меньшей мере дань этому убеждению, высказанному Ломоносовым, отдают и второстепенные писатели этого и ближайшего времени.

§ 8. Развитие в XVIII в. жанров, сближающих литературный письменный язык с разговорным.

При охране и заботе об отборочном в художественных жанрах, обслуживающих классовые позиции верхов (ода, героическая поэма и под.), лексике бытовой, просторечию и даже выражениям грубым был открыт широкий путь в течение всего XVIII в. в жанрах полемических, юмористических и так или иначе сближавшихся с ними. Эти же жанры сообщали уже в «ломоносовский» период языку ту близость к разговорной речи, которая расшатывала чужеземную рамку его традиционного синтаксиса. Если комедии А. П. Сумарокова в отношении лексики и не представляют

собою важного этапа, как произведения с точки зрения литературной слабые, то намного значительнее в этом отношении роль его «Притчей», оказавших свое влияние, не говоря об А. А. Ржевском и других непосредственных учениках Сумарокова, на таких мастеров басни последующего поколения, как И. И. Хемницер и И. А. Крылов. Чем могла быть русская сатира уже во второй четверти века и что несла она с собой для развития лексики, показали замечательные произведения этого рода А. Д. Кантамира, хотя и оставшиеся в свое время достоянием узкого круга, но уже бывшие, несомненно, многообещающим «знамением времени». Шутливые и полемические стихи Ломоносова — крупное явление уже не только в новой лексике, но и в истории выработки нового, освобождающегося от чужеземных влияний синтаксиса. В литературном поколении, пришедшем на смену ломоносовскому, жанры, обещавшие обновление художественного языка, его большее разнообразие и демократизацию, дают и цвет и плод исключительной яркости и сочности. Д. И. Фонвизин создает прозаическую комедию с богатым языком «низких» характеров, В. В. Капнист — стихотворную, местами афористически яркую «Ябеду»¹; басню представляет остроумный, мастерски владеющий близким к бытовому диалогом И. И. Хемницер; сатира в новой форме оды-сатиры под пером Г. Р. Державина развертывает картинку быта верхов в их повседневности, и лексика ее сближена с кругом бытовых понятий, раньше почти не получавших доступа в книжный язык.

Рядом с этими мастерами важную работу в том же направлении выработки нового языка — гибкого, разнообразного и порывающего со старой напыщенностью — осуществляют сравнительно многочисленные «снижатели», представители жанров шутливых, пародических, забавных. Популярны и в силу своей популярности влиятельны комические оперы (наиболее удачная — «Мельник, — колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимова (1779 г.), особенно примечательная попытка использовать для жанровых целей разговорную народную речь²); нравится современникам грубоватый, а иногда и просто грубый, «ирои-комический» «Елисей, или раздраженный Вакх» Вас. Майкова (1771 г.)³;

¹ Надо согласиться при этом, что большая доля истины заключается в словах Тредиаковского о том, что нерифмованная комедия, по самой природе ее языка, к действительности ближе, чем стихотворная: «Я, в особенности моей, читая иногда, отдохновений во время, Комедии Французские, больше всегда чувствую сладости... от чтения Арлекина Дикого, нежели от препрославленного Молиерова Тартюфа. Чего ж ради? Тартюф сей в Стихах своих имеет рифмы, и потому от природного течения слова весьма удалялся; а Дикий Арлекин идет Прозою, следовательно сходствует с самым чистым Естеством» («Предъизъяснение объ ироической пимѣ»).

² Уступает ей в художественных достоинствах, но не менее примечательна по языку персонажей комическая опера Я. Б. Княжнина — «Сбитенщик» (1789). Ср. и комедию П. А. Плавильщикова — «Мельник и Сбитенщик соперники».

³ Специальные справки об этом жанре в XVIII в. см., например, в предисловии В. А. Десницкого к изданию «Ирои-комическая поэма», Л., 1933.

исключительным успехом пользуется изящная, многокрасочная, при общем фантастическом тоне, блещущая бытовой наблюдательностью и разнообразием словаря «Душенька» И. Ф. Богдана (1775 г.)¹.

Из жанров, не относящихся к сатирическим и шутивным, важную роль при выработке нового стихотворного литературного языка играет любовная лирика, уже под пером Ломоносова и Сумарокова представленная образцами легкого, вместе с разнообразием метрических средств совершенствующегося в синтаксической гибкости языка и достигающая исключительного блеска, эмоциональной насыщенности и яркости жизненных красок в творчестве Г. Р. Державина².

Кроме комедий Фонвизина и др., сыгравших свою влиятельную роль в истории выработки русского прозаического языка, всё наиболее значительное относится в послеломоносовский период к языку стихотворному. Его успехи очень велики. «Забавный русский слог» Державина, изобразительность его бытовых картин — открытие пути к лексическому богатству позднейшего художественного реализма пушкинского «Евгения Онегина»; игривость строф «Душеньки» Богдановича — предвестница освобождения от синтаксической тяжеловесности ироической поэмы и появления «Руслана и Людмилы»; стихи комедии Капниста подготавливают «Горе от ума»; в том же духе — прокладывая путь для «Горя от ума» Грибоедова, создается, начиная XIX в., комедия «Неслышанное диво, или честной секретарь» Н. Р. Судовщикова (1802 г.). Выразительные изломы стиха и богатая лексика басен И. И. Хемницера делают его предтечей И. И. Дмитриева и И. А. Крылова.

В области художественной прозы первые десятилетия второй половины XVIII в. не оставили значительного наследства. Было бы однако несправедливо не учесть важной роли в выработке русского непринужденного описательного стиля — сати-

¹ Заостренная направленность «Душеньки» на читаемость и с нею на удовольствие для читателя совершенно определенно указаны в ней самой. От чего установочно отталкивается Богданович, ясно, хотя бы, из строк: «Царевна там еще взяла читать стихи. Но их читаючи, как будто за грехи Узнала в первый раз уполненную скуку... Желала посмотреть царевна переводы Известнейших творцов; Но часто их тогда она не разумела. И для того велела Исправным слогом вновь Амурам перевести, Чтоб можно было их без тягости прочесть».

² В существенном верно заметил уже в свое время К. Н. Батюшков (Речь о влиянии легкой поэзии на язык, 1816 г.): «...Но Ломоносов, сей исполин в науках и в искусстве писать, испытывая Русский язык в важных родах, желал обогатить его нежнейшими выражениями Анакреоновой музыки. Сей великий образователь нашей Словесности знал и чувствовал, что язык просвещенного народа должен удовлетворять всем его требованиям и состоять не из одних высокопарных слов и выражений. Он знал, что у всех народов, и древних и новейших, легкая Поэзия, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному... У нас преемник лиры Ломоносова, Державин... и в зиму дней своих любил отдыхать со старцем Феосским» (Сочинения, изд. Academia, 1934, стр. 362—363).

рических журналов, в первую очередь новиковских («Трутень», «Живописец»), которые имели вместе с тем едва ли не большее значение и в истории русского публицистического слога.

Говоря о бытовой лексике, стоит отметить, что комедии XVIII в. и «Живописец» сохранили нам и почти прямые свидетельства (установка на карикатуру не позволяет смотреть на них как на свидетельства прямые) жаргона «общества» — «щеголей» и «щеголих», тех модников, которые сконцентрированно в своей разговорной манере отражали входившие в силу в речи светского обращения их времени. Если оставить в стороне макаронический русско-французский характер речи таких персонажей, как Фирлюфюшков в «Именинах госпожи Ворчалкиной» Екатерины II (ближайший потомок сумароковского Дюлижа из «Чудовищ»), бросается в глаза в этой манере главным образом обилие аффективных слов вроде: *по чести говорю; ужесть, ужесть*, как прекрасны твои листы; ведь мнение-то щеголихино ты у меня *потдыпал*; одну из подруг моих *вытащил на театр*; я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти*; ты *уморил меня*; *выкинула весь тот из головы вздор* (ср. «Повыкинъ вздор из головы» — Фамусова); *услужу, радость*, мне; мы бы тебя *до смерти захвалили*¹ (ср. и: «Щепеткова: Взбесился! Эдакую дрянь кажешь! Это русские. Проторгуев: Вот вам и туринские. Щепеткова: Какая адская разница! Эти в тысячу раз хуже», — в комедии М. Матинского «Санктпетербургской Гостиной двор» 1791 года), и т. п., в немалом числе постепенно укрепившихся и, в определенных жанрах книжного языка, частично доживших как слог фамильярной, буршикозной лексики до нашего времени.

§ 9. Рассудочный и научный слог XVIII в.

Если центр тяжести задач, выпавших на деятелей русского слова в третьем и ближайших десятилетиях XVIII в., сосредоточен главным образом на языке художественном (стихотворном, в меньшей мере — прозаическом), то серьезная, хотя и менее заметная, работа совершается одновременно и в области рассудочного слога и в языке собственно-научном.

Первой и важнейшей проблемой организации научно-публицистической прозы остается проблема обогащения лексики. Стихийные заимствования петровского времени перенасытили русский научный язык иностранными элементами. Остро стоял вопрос, как быть с научной терминологией дальше — оставить ли ее в зависимости от той же стихийности, от случайностей влияния того или другого языка на того или иного ученого переводчика, или отнестись к ней с серьезным отбором и позаботиться о том, чтобы

¹ Из письма Щеголихи в «Живописце».

сообщить ей, насколько возможно, русский характер. Принципы и детали работы над терминологией позже, в конце века, с известной определенностью выяснит Карамзин; в это время работа ведется еще ощупью. Важно, однако, то, что уже определенно заявило о своих правах стремление включить терминологическую лексику в живую ткань русского языка, не всегда, впрочем, в это время еще отчетливо отделяемого от старославянского, и сделать ее естественным орудием русской по форме научной мысли.

По поводу своей работы над «Физикой» Вольфа¹ Ломоносов замечает: «Принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако, надеюсь, что они со временем, через употребление, знакомее будут». Узость ученого круга позволяет Ломоносову действовать еще в большей мере индивидуалистически, но счастливое соединение в лице первого великого русского ученого — естествоиспытателя и человека выдающихся филологических способностей обеспечивает новообразование для его времени приемлемые, хотя и отдающие сильно церковнославянским языком, но в меньшей мере, чем этого можно было бы ожидать от умов менее критических.

Заемствование из иностранных языков только отчасти решало те словарные задачи, которые были поставлены жизнью в петровское время. Для большинства случаев чисто стихийно могла вноситься чужеземная терминологическая лексика, так как отсутствие традиции в терминологии производств для целого ряда новых технических умений и понятий позволяло без колебаний пересаживать их европейские наименования (ср. мнение В. Н. Татищева: «Умножение нужное языка есть от приобретения наук и вещей, которые мы от других народов приобрели и приобретаем»); новых наименований требовали учреждения и должности, но с их новизной легко сочетался психологически и заносный характер их названий; в значительной степени, поскольку новая бытовая «утонченность», новое понимание красивого и культурного должны были совпадать с западноевропейскими, лексические потребности этого рода тоже легко удовлетворялись импортом с Запада. Сложнее обстояло дело с лексическим материалом абстрактного характера (отвлеченными именами существительными), который оказался нужным совсем в другом, чем раньше, составе, когда во всем ее значении выступила потребность осмыслить новый порядок, подвести под него расудочные основания, стать в уровень с политическими и моральными идеями, сопровождавшими подобный строй в Европе.

Абстрактная лексика предшествующих столетий оставила XVIII веку исключительно обильное и, что особенно важно, влиятельное наследство, которое легко могло быть использовано для новых

¹ «Вольфгангская экспериментальная физика» (1748 г.).

целей. Кроме «готового», за нею была традиция достаточно широкого и свободного словопроизводства, т. е. то именно, что более всего соответствовало потребностям нового публицистического (философского) слога.

Преимущества легкости выбора словесного выражения для новых понятий, предлагаемых в иностранных книгах, уничтожались однако в значительной мере органическим пороком всякого искусственного языка — назвать было легко, но трудно было рассчитывать на усвоение и фактически добиться надлежащего понимания вновь вводимого слова. «Темнота» переводов политическо-философской литературы петровского времени хорошо сознавалась не только читателями, но и самими переводчиками. Гавриил Бужинский в предисловии к своему переводу книги Пуффендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (1726 г.) вынужден, напр., приложить перечень трудно переводимых слов: *spontaneitas* — *самоволие*, *imputatio* — *вменение*, *погта* — *правило*, *injuria* — *бесправие*, или *обида*, *hypothetica* — *виновья* и *подпричинья*, *conditio* — *прилог*, *cognatio* — *средство*, *agnatio* — *свойство* и т. д.

Первые образцы новой абстрактной лексики выступали под пером переводчиков петровского времени и таких писателей, как Посошков и Татищев, в составе слога, очень близкого к церковнославянскому, и этот слог, вероятно, сильно поддерживал впечатление, что в этой сфере особенно серьезного сдвига собственно не совершается и что новый круг понятий есть в существенном прививка к старому дереву богословской этики и философии.

Русской абстрактной лексике в дальнейшем предстоял один путь, который только и мог серьезно изменить ее особенности, слишком роднившие ее и внутренне и внешне с богословской схоластикой, — путь обработки понятий на основах наук, корнями своими связанных с опытом. Проблема новой абстрактной лексики была проблемой освоения и развития на русской почве соответствующих наук и создания научной или психологически родственной ей среды, для которой эти понятия были бы необходимы как орудие постановки и разрешения практически важных вопросов. Такая среда создавалась в России до самого конца XVIII в. медленно и количественно не только значительно, но даже заметно не была. Стоит внимания, что немногие выдающиеся философские умы этого века (наиболее выдающийся из них — Н. И. Новиков), соответственно новым запросам жизни направлявшие свою энергию главным образом на вопросы этические, отдались, вместо влияния научных, в плен западноевропейской мистики. Массонская мистика под их пером легко одевалась в одежды схоластики предшествующего века, и казавшиеся как будто вновь вырабатываемыми понятиями на самом деле представляли собою гальванизацию уже лишившихся настоящих сил абстракций церковного наследства. Морфологическая легкость их пополнения оставалась долго соблаз-

нительной, и количественно абстрактная лексика и в XVIII в. и позже никак не может попасть под обвинение в скудости.

Заслуживает упоминания сравнительно с современным языком одна черточка абстрактной лексики едва ли не всего XVIII в.: и в прозе и в поэзии — в нем свободнее абстрактные существительные образуют множественное число, приобретают часто значения персонифицируемых и потому создают впечатление несколько утрачивающих в своей отвлеченности: «...Но приложившего ближе к нему [воплю] свои слухи едва ли он в состоянии обольстив оглушить...» (Тредиак.); «Воздыханьи ты преврати мне в смехи» (Сумар.); «Души моей Воображения бессильны...» (Держ.) и мн. др. Для Ломоносова в особенности, с его вкусом к риторической обработке художественной речи, игра персонификацией абстракций — излюбленный прием, органически связанный со всей системой его поэтики.

§ 10. Местоимения, наречия и союзы как внешние приметы изменения слога в конце XVIII в.

Для всех видов лексики отметим, наконец, одну характерную частность, довольно резко отделяющую язык XVIII в., особенно первой его половины, от языка XIX в. — это местоимения, наречия и союзы. По ним заметнее, чем по чему другому, постепенный отход в литературном языке от церковнославянского (реже древнерусского), и главным образом они — характерная примета архаизаторских или, наоборот, новаторских устремлений определенных авторов. Если для позднейшего времени разрыв с традиционным языком находит свое внешнее выражение в отказе от *сей* и *оний*¹, то для времени, близкого к Ломоносову, приходится принимать во внимание значительно большее количество местоименных, наречных и служебных слов (в их составе и в структуре): *кой, кая, кое, откуда, отсюда, оттуда, отъинуда, инуда, колико, толико, двожды, трожды, паки, посем, весьма* (в значении «вполне»), *инако, почто, внезапно, буде, токмо, понеже, гораздо* «очень» и т. д. — длинный ряд шедших на убыль черт старинного слога.

§ 11. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова.

Язык ломоносовского периода и до некоторой степени и XVIII в. вообще увенчала, наконец, в области его фонетики, морфологии и синтаксиса н о р м а л и з а т о р с к а я работа, совершенная самим Ломоносовым. «Российская грамматика», изданная в 1755 (1757) г., как «российская», почти не имела предшественников:

¹ Любопытны по этому поводу соображения Пушкина, склонявшегося, впрочем, для поэзии, хотя и не особенно решительно, к архаизаторским позициям. Ср. «Атеней», I, 1924, стр. 8—9.

выпущенная в 1696 г. в Оксфорде на латинском языке Henrici Wilhelmi Ludolphi Grammatica russica — всего только первая попытка «убедить русских, что можно кое-что печатать к украшению и чести русской нации также на народном русском диалекте, если русские попытаются по примеру других народов обработать собственный язык и издать на нем хорошие книги»; приписываемая Адодурову очень маленькая грамматика, изданная в приложении к немецко-русскому словарю Академии наук 1731 г., хотя и заключает в себе элементы русского языка, но еще сильно зависит от церковнославянской грамматики Мелетия Смотрицкого (1619 г. и послед. издания), влиянию которой практически основание положили работавшие на Москве питомцы Киевской академии, ориентировавшиеся на нее в морфологической стороне своего языка.

На Ломоносова, таким образом, выпала почти полностью задача урегулировать грамматику русского языка, понимая его как язык, отличный от старославянского. Великий ученый сознавал и трудность взятой им на себя задачи, и только предварительный характер ее разрешения: «Я хотя и не совершу однако начну, то будет другим после меня легче делать» (из черновых заметок).

Грамматика построена Ломоносовым не отвлеченно, а на основе многочисленных наблюдений над письменной и устной русской речью его времени. В этом был залог жизненности вошедших в нее предписаний. Заботясь о том, чтобы научить своих читателей «говорить и писать чисто Российским языком по лутчему, рассудительному его употреблению» (§ 86), Ломоносов не рационализировал язык, а критически отобрал то из практики, что имело разумные основания стать нормой. При этом, хотя в методическом отношении сама грамматика — ее цели и возможности — представляются Ломоносову довольно высокими, он смотрит на дело практически трезво, и подход его к ней уже лишен идеализации, характерной для времени Мелетия Смотрицкого, для которого грамматика «славою честна и учением красовита, в устах сладка, и на сердца чюдна, и на языке светла».

Принципиально важны среди других такие положения, принятые Ломоносовым в его труде: он явно не считает возможным загромождать дорогу в фонетике «просторечию», хотя и вынужден считать ее тут с церковнославянской традицией (см. его замечания о *е:ѣ* в § 94, о *го > во* в родительном ед. ч. в § 99 и под.); им узаконяются в произношении преимущества Москвы (в частности — аканье); в ряде случаев четко различается произношение и письмо; грамматические правила связываются с фактическим литературным употреблением (ср. об этом Радищев: «Восхотел он их[правила, языку свойственные] извлечь из самого слова, не забывая однако же, что обычай первый всегда подает в сочетании слов пример и речении, из правила исходящие, обычаем становятся правильными», — стр. 178); хотя и осторожно, но часто принимается во внимание связь русского языка со старославянским; в ряде случаев при-

знается им возможным употребление параллельных форм и сочетаний, выбор форм — произвольным.

Оценивая его труд в целом, нельзя не признать сильной критической мысли, которою он проникнут, возможной для его времени трезвости в ориентации среди многочисленных трудно поддающихся обоснованию и теперь языковых фактов и методической четкости изложения.

Высокую оценку труда Ломоносова в ближайшем поколении дают среди других замечания Радищева¹.

§ 12. Словарь Академии Российской.

Отчасти опираясь на лексикографические труды предшествующего времени, имевшие дело главным образом с церковнославянским языком, в большей мере — строя заново, Российская академия создала в 1789—1794 гг. шеститомный словарь русского и церковнославянского языков, понимаемых в это время еще как нечто если не единое, то очень близкое². Словарь включал объяснения свыше сорока трех тысяч слов. При всех естественных для времени, когда он явился, филологических его несовершенствах, он должен был иметь и действительно получил свое значение как опора при приведении в систему лексических средств языка великого народа, литература которого еще боролась за свои права и признание аристократической верхушкой даже у себя на родине. Как расценивался этот труд Российской академии наиболее культурными современниками, мы можем судить, напр., по высказыванию Н. М. Карамзина, относящемуся к 1818 г., когда Российская академия работала уже над вторым его изданием (1806—1822 гг.): «Полный Словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не

¹ Всё важное для характеристики и понимания труда Ломоносова в историческом аспекте дают объяснительные примечания акад. М. И. Сухомина при IV томе «Сочинений М. В. Ломоносова», изд. Акад. наук, 1898. Ср. также Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, Журн. Мин. нар. проsv., 1910, отг. стр. 21—30; В. И. Чернышев, Мих. Вас. Ломоносов и его «Российская грамматика», — Русск. яз. в школе, 1940, № 2, стр. 1—13, и В. В. Виноградов, Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова, — Материалы и исследования по ист. русск. литер. языка, II, 1951, стр. 204—218.

² Важно, однако, уже нашедшее свое определенное место признание составителями, что «рассеянное обилие языка Славянорусского во множестве разных книг как древних, так и новейших писателей было главною доселе причиною трудности в прямом нашем языке употребления. Отсюда введены в него многие речи и расположения оных, свойству его противные; отсюда видим во многих новейших наших писателях и переводчиках слог более свойственный тем языкам, к коим они вящее значение, нежели к своему собственному, прилагали. Но сие самое обилие, в единый состав приведенное, облегчит каждого труд в познании точного смысла и употребления языка Славянорусского».

веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря; мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями академий Флорентийской и Парижской».

Сейчас мы не можем не видеть таких ошибок в самих установках его составителей, как пуризм в научной терминологии (*рудословие* — «минералогия», *слушалище* — «аудитория» и под.), — установка, правда, имеющая некоторые свои основания в отталкивании от современного преувеличенного расположения к иностранному; как явное пристрастие к церковнославянизированной лексике, особенно относящейся к торжественному слогу; как охранительное, недружелюбное отношение к «низкому» — просторечному и под. Но всё это — почти неизбежная дань духу времени, не отменяющая общего впечатления большого значения того культурного этапа в истории русского литературного языка, какой знаменовало появление первого большого известного массе авторитетного словаря.

«Словарь Академии Российской», при всей его ценности и грандиозности, не был, однако, и не мог в то время, когда он создавался, быть настоящим орудием нормативной лексики: лексическая норма могла быть убедительно создана на признанных образцах литературного слога, но то относительно немногое, что было таким образом для времени первого издания (Ломоносов), уже устарело ко второму. Если бы Академический словарь для русских деятелей слова приобрел значение такое же, как соответственный Словарь Французской академии, он, скорее, сделался бы препятствием для развития русской литературы, нежели тою опорой, какой он являлся при осторожном и свободном пользовании им. А всё заставляет думать, что отношение к нему в практике литературной работы было именно только такое.

Справедливо отмечают (Сухомлинов, Пыпин, В. В. Виноградов) ту большую и благодетельную роль, которую в работе над словарем сыграли русские практики-натуралисты, озабоченные задачей создать для своих областей знания наиболее рациональную терминологию. То, что имело свои нормы в народном быту, такие выдающиеся деятели русской науки, как академики И. И. Лепехин (1740—1802) и Н. Я. Озерцовский (1750—1827), стремились узаконить в словесной оболочке, уже известной народу и для него привычной. Здоровая, разумная идея, которою они при этом руководились, очень удачно выражена Лепехиным в замечаниях по поводу собственного его перевода «*Histoire naturelle*» Бюффона:

«...Но как в следующих частях изобразил он нам самих животных, описывая их род жизни, средства, нужные к снисканию их пропитания, нравы, особенные склонности, образ и время, к размножению своего племени употребляемые, и продолжение ношения самок щенных, все способы для домашнего скотов содержания

нужные, и каковой корм вреден им быть может: всё же сие выражал он речениями, на заводах конских, в скотоводстве, в охоте и в промыслах употребляемыми, имея довольно способов к получению таковых речений и всего, до естества животных касающегося, или от людей, помянутыми упражнениями занимающихся, или воспитывая разных животных в своем поместье и в доме, и делая над ними возможные наблюдения,— то трудившиеся доселе в преложении, лишены будучи таковых пособий, принужденными нашлись удержаться от продолжения начатого ими труда, пока не представится случай собрать всё нужное к окончанию оног... Посему, собрав некоторые речения в природном нашем языке известные, мнил я быть в состоянии начатой продолжать труд, но время показало, что некоторые речения не так выражены, как надлежало. Посему и прошу покорнейше всех любителей русского слова и знающих прямо предлагаемых животных вразумить меня в тех названиях, которые, может быть, неправильно мною употреблены: таковою благосклонностию при втором издании воспользоваться с должной благодарностию не упущу»¹.

§ 13. Характеристика места в истории русского литературного языка слога А. Н. Радищева.

Последнее крупное явление, характеризующее яркую вспышку церковнославянского языка в русской прозе XVIII в., — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790 г.). Мера пристрастия Радищева к архаической стихии при первом знакомстве с этим самым революционным произведением XVIII в. просто поражает кажущимся несоответствием между его содержанием и формой. Это несоответствие, однако, только мнимое: церковнославянский язык в частях «Путешествия», насыщенных гражданским пафосом, был для Радищева тем испытанным, отложившимся средством отборочного слога, слога высокого, которым еще не располагал русский язык как таковой. Радищев, как человек XVIII в. и как трибун, ощущал бы снижением глубины и важности развиваемых им идей, если бы они облеклись в формы повседневной или близкой к повседневности речи, речи, которую он

¹ Подробности о «Словаре Академии Российской» см. в труде М. И. Сухомятина — «История Российской Академии», вып. восьмой и посл., СПб, 1888. Собрн. Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук, XLIII, № 4 и в статье В. В. Виноградова — «Толковые словари русского языка», — Язык газеты, М.—Л., 1941, стр. 364—369. Ср. также М. И. Рыбникова, Введение в стилистику, стр. 118—126.

О терминологической работе Лепехина см. С. И. Сухомятин, «История Российской Академии», — Собрн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XIV, 1875, стр. 196—198, 209, 216—218, 482—514.

Хорошо и полно характер специально просторечной и подобной лексики в этом издании изучен и описан в статье Ю. С. Сорокина — «Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.)», — Материалы и исследования по истории русского литературного языка, I, 1949, стр. 95—160.

очень хорошо владеет, когда изображает бытовое, не возбуждающее ни пафоса, ни негодования.

Ставя вопрос отвлеченно, можно было бы взвесить, в какой мере были бы пригодны для литературных целей Радищева и н о с т р а н н ы е с л о в а, относящиеся к кругу «гражданских» понятий; легко, однако, убедиться, что он не только не находит в них, как человек, чувства, нужного ему для того, чтобы перелить в других всё кипящее в нем негодование против жестокости и мерзости существующего строя и весь восторг видящего красоту возможного будущего, но и сознательно избегает их, заменяет русско-церковнославянскими словами. В последних для него аккумулярована энергия высокого, и их он избирает, связывая, как в большинстве люди его времени, идею освобождения крестьянских масс с определенными национально окрашенными настроениями.

Не приходится удивляться исключительному богатству абстрактной лексики Радищева. Философ, он в ней нуждается больше других своих современников. Верный церковнославянской традиции в стиле, писатель, который, отчасти даже вопреки своей идеологической направленности, в своем слоге культивирует не только отмирающее, но и уже определенно умершее, Радищев находит в наследстве церковнославянской и церковнославянизированной лексики, в большой мере имея для себя образцом глубоко им в стилистическом именно аспекте ценимого М. В. Ломоносова (ср. его «Слово о Ломоносове»), нужное ему для выражения высоких мыслей и вместе с тем на путях ее попутно обрабатывает то, в чем она оказывается недостаточной. Вот типичные для него сгустки такой лексики: «Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что престельность настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности» (стр. 57) или: «Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию» (стр. 68).

Радищевым заканчивается последний исторический опыт применения церковнославянского языка к принципиально-новым идейным установкам, и в дальнейшем уже не оказывается ничего значительного, для чего бы этот язык оказался использованным вне специальных стилистически-архаизирующих задач.

Эта сторона слога Радищева не исчерпывает, однако, того важного и характерного, чем его стилистическая работа проявилась в истории русского литературного языка. Наряду с своеобразным разрешением задач, относящихся к философско-публицистическому слогу, Радищев своеобразно разрешает и другие. Наблюдательный бытописатель-реалист, он, по-видимому, в основном верно воспроизводит речевую манеру своих собеседников и персонажей, сделавшихся по ходу описываемого предметом его внимания. За

верность его передачи говорит разнообразие, отчетливо выраженная индивидуальность воспроизводимых (не придуманных) разговоров автора с людьми различного общественного положения и разных характеров, так, как они даны в его «Путешествии». Не мала заслуга Радищева в этом отношении быть предшественником Пушкина-прозаика («здесь через голову Карамзина Радищев как бы прямо протягивает руку Пушкину»¹), хотя — и это очевидно — одного от другого отделяет среди многого много исключительно важное различие мастера-зарисовщика и мастера-творца. Нельзя не заметить (это хорошо видели уже современники Радищева и резко высказался об этом Пушкин), что слог «Путешествия» не имеет единства и поражает пестрым сочетанием не гармонирующих между собой элементов. Но в этой «rudis indigestaque moles»² много таких элементов, которые способны были стать для будущего важными и действенными на службе благодарных задач словесного выражения, и Радищев в целом поэтому в истории русского литературного языка — явление не только примечательное, но и основополагающее³.

§ 14. Карамзинская реформа слога.

Решающий перелом, разрыв с традицией художественного языка, для которого церковнославянский — если уже не господствующий, то еще очень влиятельный источник, и с традиционным научным и публицистическим, синтаксис которого явно отражает конструкции классической латыни, — связывается, как утверждали уже современники и как обоснованно утверждают позднейшие исследователи, с деятельностью Н. М. Карамзина⁴.

П. А. Вяземский в основном справедливо писал в 1823 г. («Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»): «Кажется, что вопрос: кого должны мы утвердительно почтить основателями нынешней прозы и настоящего языка стихотворного? давно уже решен большинством голосов [имеются в виду Карамзин — относительно прозы и Дмитриев — относительно стихотворного языка]. Язык Ломоносова в некотором отношении есть уже мертвый язык. Сумароков подвинул у нас ход и успехи словесности, но не языка...

¹ Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII века, 1946, стр. 368.

² Лат. «грубая и неупорядоченная громада» (Овидий).

³ Исключительно подробно «Общественно-политическую лексику и фразеологию в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», — Материалы и исследования по истории русского литературного языка, II, 1951, стр. 5—54, извлекла из этого важнейшего произведения Радищева Н. Ю. Шведова. Важно, что в «Путешествии» последовательно проводится насыщение слова общественным содержанием, и целый ряд понятий из плана психологического, индивидуального переводится в план гражданский, социальный» (стр. 47).

⁴ Ср. и статью Е. А. Василевской «Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», — Русский язык в школе 1949 г., № 4, стр. 6—18. В ней указана и предшествующая литература.

⁵ См. особенно Я. К. Грот, Карамзин в истории русского литературного языка, «Филол. разыскания», I, 1885, изд. 3, стр. 62—132.

В некоторых из стихов и прозаических творений Фонвизина обнаруживается ум открытый и острый; и хотя он первый, может быть, угадал игривость и гибкость языка, но... слог его есть слог умного человека, но не писателя изящного... Все сии писатели и несколько других, здесь не упомянутых, более или менее обогащали постепенно наш язык новыми оборотами и новыми соображениями и расширяли его пределы; но со всем тем признаться должно, что и посредственнейшие из писателей нынешних (разумеется, и здесь найдутся исключения) пишут не языком Княжнина и Эмина, стоящих гораздо выше многих современников наших, если судить о даровании авторском, а не о превосходстве слога» (I, стр.124—125).

В роли именно Карамзина как реформатора русской прозы не было сомнений и у Пушкина, и не сомневался он в том, что именно сделало эту реформу жизненной: «Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал Ломоносов свои мысли, дают его прозе ход томительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сделалась необходимостью; к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова»¹.

Карамзинская реформа — сочетание, с одной стороны, сознательного отказа от многого, не оправдавшего себя в историческом опыте выработки нового литературного языка, с другой — талантливого показа, каким именно должен быть художественный и научно-публицистический язык, чтобы доходить до широкого читательского круга и удовлетворять требованиям легкости, приятности и ясности. Настоящих учителей слога, которые удовлетворяли бы его, подобно французским, английским и немецким писателям, Карамзин среди своих предшественников не нашел. Хотелось «писать чище и живее». И та и другая задача совпадали с установкой на приближение к разговорной речи, и Карамзин, учась грамматике из речи живого общения наиболее развитых представителей своего класса, а слогу — у лучших иностранных авторов, практически разрешил обе задачи. Важно при этом отметить, что они у него почти неизменно оставались также и в поле теоретического освещения².

¹ И. Д м и т р е в («Взгляд на мою жизнь») точно указывает, что «Карамзин начал писать языком, подходящим к разговорному образованного общества семидесятых годов, когда еще родители с детьми, русский с русским, не стыдились говорить на природном своем языке».

² При этом, конечно, нужно учесть и тот давно установленный факт, что вообще «чем ближе к эпохе Карамзина, тем более сглаживаются разнородные стихии речи, тем яснее выступают черты современного нам литературного языка, который стоит в середине между народным великорусским и книжным. В особенности это нужно сказать о языке всех изданий Новикова... «Стоит составить по годам рациональный каталог всех изданных компанией Новикова трудов, говорит Тимковский [«Москвитянин», 1851, № 9—10, стр. 41], живой свидетель этой эпохи, чтобы увидеть, какое обдуманное движение дано было литературе, слогу и слову. Это настоящая с тем именем эпоха преобразования языка, неведущими относимая на одно лицо Карамзина, который был там молодым сотрудником» (П. И. Ж и т е ц к и й, — Изв. Отд. русск. яз. и слов. АН, VIII (1908), кн 2, стр. 51).

Сделанное Карамзиным в существенном сводилось:

К сознательному отрыву от церковнославянского языка, за которым им оставлялось его настоящее, достаточно скромное место необходимого средства архаизации, из художественных мотивов, допустимого, однако, только в умеренных дозах¹.

Свою позицию в этом вопросе с полной определенностью Карамзин высказал в известном ироническом замечании о переводе «Клариссы» Ричардсона и о его образцах: «Г. Переводчик хотел здесь последовать моде, введенной в Русский слог големыми претолковниками NN, иже отрывают все, еже есть Русское, и блещают блаженне сиянием славяномудрия» (1791 г.).

К отказу от образцов неживой речи, по выражению самого Карамзина — от «школярщины», которую он, впрочем, понимал не только как педантизм в области слога, искусственно воспитываемого отстающею от жизни школою, но и вообще как привязанность «к древностям и чужестранным вещам, не всякому известным».

К усвоению источников художественной речи, оправдавшей себя стилистическими достижениями. Сюда следует отнести влияния иностранных образцов на французском, немецком и английском языках и отчасти использованное умеренно и со вкусом знакомство с русской народной словесностью. Первым Карамзин обязан значительной помощью (образцами) в разрешении взятой им на себя задачи писать непринужденно, ненадуто, не впадая в вульгарность, нерастянуто и не слишком коротко (линия, которую именно, как удовлетворение ее потребностей в области слога, оценила сложившаяся ко времени Карамзина «публика», широкий слой дворянства и некоторое количество выходцев из других классов). Влиянию народной словесности Карамзин обязан, в отличие от старославянской старины, средствами архаизации не напыщенной, не связанной с религиозно-мистическими настроениями, а рядом таких особенностей слога и в лексике и в синтаксисе, которые оказались пригодными для создания некоторой, впрочем, достаточно условной, «почвенности».

К значительному сближению повествовательного слога с языком живого бытового рассказа.

«Недлинные, неумотительные» предложения «Бедной Лизы»²,

¹ Характерно, что старинные формы склонения встречаются у Карамзина главным образом в его стихах.

² Такие, напр., для нас просто уже примитивные, как: «Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь, но скоро по смерти его жена и дочь обеднели. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю в наем, и за весьма небольшие деньги».

хотя в основном подобными владела уже народная повесть XVII—XVIII вв., для изысканного слога оказались тою «благородной простотою», которую надо было открыть, преодолев традицию тяжеловесной переводной литературы.

К словарному обогащению русского языка. В его время еще нельзя считать законченным также решение властно заявлявших о себе задач и в области художественного и в области публицистически-философского слога. Круг новых понятий продолжал еще в значительном числе поступать в молодую русскую литературу, и проблема словарных средств перевода или подражательной передачи оставалась не намного менее острою, чем была она для Ломоносова и Сумарокова. Избранный Карамзиным путь оказался наиболее практичным: он заимствовал, оставляя без перевода, иностранные слова, главным образом терминологического характера¹, и общеевропейские «культурные» слова (Kulturwörter); интенсивно работал, если не находил соответствующих русских, в направлении создания новых кальк с иностранных образцов; к этому типу относятся введенные им (и его ближайшими последователями): *склонность* — фр. *inclination*, *расстояние* — фр. *distance*, *развлекать* — фр. *distraire*, *рассеянный* — нем. *zerstreut*, *влияние* — фр. *influence*, *утонченный* — фр. *raffiné*; создавал новые русские слова в духе многочисленных параллельных понятий, уже бывших в живом обращении его современников; таковы: *будущность*, *оттенок*, *усовершенствовать*, *семейственный*, *влюбленность* и др., среди которых, впрочем, оказалось некоторое число непривившихся или державшихся только недолго: *настоящность*, *намосты* («тротуары»), *младенчественный*; расширял смысл существующих: им употреблено, напр., впервые по отношению к поэзии слово *образ*², *положения* в соответствии франц. *situations* в драме (что является одновременно и калькой) и *общие положения* (*dispositions générales*) в законодательстве, *выработанный* (о слоге) и под.³

С пользой в последнее время проводится детальное обследование отдельных слов и выражений, встречающихся главным образом в публицистической прозе Карамзина и от него получивших дальнейшее распространение. Несомненно, при этом, как особенно показывает знакомство со старинными словарями, что немало из того, что могло представляться прямыми изобретениями Карамзина, поступило к нему из относительно редкого употребления его предшественников и им было только пущено в широкий, более

¹ Подробности см. Я. К. Грот, — «Филол. разыскания», I.

² «Впервые» — для его современников, хотя уже за семь веков перед ним к тому же употреблению («творчески образ») пришел переводчик «Георгия Хуровьска», вошедшего в Святосл. Изборн. 1073 г. (П. Н. Сакулин, Атены, 1—2, 1924, стр. 72).

³ Полное оправдание в этом отношении словесной работы Карамзина, хотя и без упоминания о нем, дают рассуждения В. Г. Белинского в рецензии на «Грамматические разыскания» А. Васильева, 1845 г., Полн. собр. сочин. под ред. С. А. Венгерова, IX, 1910 г., стр. 479—480.

широкий, чем раньше, оборот. Ряд слов, широкая известность которых обыкновенно связывается с литературной деятельностью Карамзина, оказывается иногда восходящим даже к XVII веку, в том числе и его началу, и находится, например, в знаменитом в истории русской лексикографии изданном в Москве «Лексиконе треязычном, сиречь Речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище», 1704 года, Федора Поликарпова. Некоторые из этих слов к самому Ф. Поликарпову попали даже из употребления в церковнославянской и церковнославянизированной письменности первых ее столетий.

Тщательное обследование вопроса дано недавно в статье Г е р т ы Г ю т т л ь - У о р т (G. Hüttl-Worth) — «Zur russischen Lexik des 18 Jhs.», Zeitschrift für slav. Phil., XXIV, Heft 2 (1950), стр. 251-266 (специально о Карамзине см. стр. 262 и сл.). В ближайшее время должна выйти в свет ее большая работа на эту же тему «Zur Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jh.», основная мысль которой, судя по предварительному сообщению-объявлению, сводится к тому, что «значительная часть новообразований (XVIII века)... «возникла значительно раньше и что значение Карамзина для обогащения языка до сих пор значительно переоценивалось». — В упомянутой статье Г. Гюттль-Уорт обращается, в частности, внимание на то, что вышедшие до 1789 года сочинения Карамзина по их слогу вообще выглядят более старомодными, чем появившиеся несколько раньше или одновременно с ними сочинения Новикова, Фонвизина и Крылова. Нужно заметить, однако, что аргументация автора по этому вопросу (в пределах статьи) далеко не во всем убедительна, так как иногда им противопоставляются вещи неодинакового характера. Ведь молодой Карамзин в стихотворном жанре о п р е д е л е н н о г о содержания (религиозно-философского) и в своей прозе такого же характера мог являться и по слогу не тем, чем он старался быть в жанре научно-публицистическом и подобных.

Что касается самой мысли о значительной зависимости неологистической языковой деятельности Карамзина от того, что создали в духе потребностей своего времени уже его выдающиеся и даже второстепенные предшественники, то она не является новой (как известно и самой Г. Гюттль-Уорт, стр. 266, ее очень давно уже с полной определенностью высказывал, например, профессор Харьковского университета академик Николай Александрович Лавровский; это же вполне можно было предполагать на основании историко-биографических данных, отмеченных в свое время уже Н. С. Тихонравовым, Сочинения III, 1898, стр. 337, и другими).

Оценивая значение Карамзина в том положительном, что им создано, нельзя не признать его исключительно большой фигурой в истории русского литературного языка.

Карамзин применил на русской почве, своеобразно отобрав и переплавив, многочисленные приемы выращенного в иностранных европейских литературах и проверенного в его качествах хорошего

слога, который, при всем том, не требовал в подражании ему никакого серьезного отхода от синтагм (оборотов) русской хорошей же разговорной речи. Классовая идеология, отработавшая и утвердившая ряд особенностей этого слога в прогрессивных общественных группах Европы, еще не потрясенной мощными ударами революции, отталкивающихся от застывших форм искусства абсолютизма, но лишенная еще настоящей революционной устремленности, перекликалась с классовыми же требованиями, которые предъявлялись подобному слогу, выращиваемому на первых шагах подражательно среди более других прогрессивного, но еще достаточно осторожного в своих устремлениях слоя русского дворянства. Слог плавный и изящный, нравящийся, но не волнующий, в определенных жанрах трогающий, но не потрясающий, пригодный как орудие резонирования и мало отточенный как орудие ожесточенной идеологической борьбы, на известном этапе истории был отражением идеологии класса, еще не встревоженного в своих основах, в общем еще спокойно пользующегося результатами своего господства.

При всем том, однако, источники русской речи прославленных мастеров XIX в., как ни много обязаны Карамзину старшие из них (Жуковский, Батюшков, А. С. Пушкин и т. д.), существенно отличаются от источников Карамзина, и установки их языка далеко отходят от тех, какими руководился он. Карамзинская установка на «приятность» (которая дольше всего держится у Жуковского) и эстетические устремления Батюшкова и Пушкина в их стихах, а в особенности в прозе, заметно отличны. В прозе Карамзин слишком заботится о напевности своей речи, о ритмическом расположении частей фразы, не чувствуя, в какой мере эта напевность и ритмичность требуют своих жертв — преобладания риторических средств над естественной синтаксической структурой — и, что еще более важно, меньшего внимания к содержанию, нежели к его оформлению. Напевный слог по самой своей природе убаюкивает мысль, даже яркую и сильную, заслоняя иногда очень важные ее части и стороны, выдвигая по требованиям ритма многое бессодержательное или, по крайней мере, малосущественное. Слог прозы Карамзина в одних жанрах не имеет, в других — снижает напыщенность ломоносовского слога, но ни теоретическое признание эстетичной простоты, ни, тем менее, практическое ее осуществление не принадлежат еще к его достижениям. Гораздо больше может правиться и сейчас в большинстве образцов стихотворный язык Карамзина, где требования ритмичности принадлежат самой природе формы и где элементы риторичности в стиле соответствуют искусственному характеру содержания и вытекающим из него требованиям его оформления. Но не одна напевность и риторичность карамзинской прозы, как форма, теснейшим образом связанная с несоответствием самого содержания и сопровождающих его эмоций, отличает эту прозу от достижений позднейших мастеров. Отдавая должное Карамзину в том, «что он приблизил

литературу к обществу, как приблизил и язык литературы к живой общественной речи и сообщил ему известное изящество», А. Н. Пыпин вместе с тем справедливо констатирует: «но его влияние как сентиментального писателя было непродолжительно; для ближайшего поколения повести Карамзина стали только историческим воспоминанием, как самый язык в сущности скоро устарел и в следующем литературном поколении считался уже манерным». Карамзин по всем своим устоям и в содержании и в форме был писателем определенно классовым, служившим своему классу и работавшим в духе его потребности перенять литературный язык художественный и публицистический к себе, как свой не только по идеологической направленности, но и по форме. Карамзин удовлетворил эту потребность, но не обеспечил дальнейших путей развития языка, не предусмотрев и не почувствовав, что он в силу давления на него новых элементов самого читающего и пишущего «общества» не останется дальше только дворянским и что разговорный диалект дворянства, да еще очень подчищаемый, приглаживаемый, лишен настоящих источников развития, что он быстро исчерпается, особенно в десятилетия усиленного культивирования в дворянстве французского языка, если не обратиться к источникам народной, не песенно-или сказочнонародной, а разговорной речи центра России. Разрешить эту задачу обогащения прежде всего художественного языка и особенно языка прозы элементами народной лексики и синтаксиса, демократизировать литературный язык, сделав его средством выражения динамики разнообразнейших понятий и эмоций на живой основе, выпало уже на долю литературных внуков Карамзина. Еще для Пушкина такой язык — задача, и если даже, что было бы справедливо, признать, что он, говоря об этой задаче, слишком скромно расценивает свою роль в ее практическом расширении, — то все-таки он прав, подчеркивая остроту ее для своего времени.

Важно отметить при этом, что Пушкин не был жертвой ошибки, дань которой отдал в свое время специально интересовавшийся языком В. И. Даль — будто сближение с «простонародным» языком есть именно то, что требуется для создания письменной художественной прозы¹.

Пушкин с характерной для него ясностью различал, что диалекты — диалектами, а язык книги — совсем другое и что сближение с народным языком есть, конечно, сближение слога писателя с языком действительного, в самой жизни происходящего общения

¹ Даль предлагал, напр., не одобренному его устремлений Жуковскому в 1837 г. как образец «народного» слога в соответствии обычному: «Казак оседлал лошадь, как можно поспешнее взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть» такую более экономную, по его мнению, переделку: «Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить».

господствующего класса внутри себя и с другими классами, что дело идет не о слоге определенных, хотя бы и «народных» жанров, а о словаре и синтаксисе, которые вообще могут служить средством «простой», естественной передачи любого нового содержания. «Сказка — сказкой,— писал он Далю в 1832 г.,— а язык наш — сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать? Надо бы сделать так, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке. Да нет, трудно, нельзя еще». Как показала проза Пушкина, к 30-м годам XIX века это было уже «возможно», но пока еще под пером только первостепенного мастера. Вопрос о том, как эту задачу разрешали дальше,— одна из основных тем развития русского литературного языка в XIX и XX вв.

Художественный показ А. С. Пушкина,— и это тоже в основном относится к прозе,— и в другом, ранее — не лишенном остроты именно для нее, отношении прокладывает к концу первой четверти XIX века грань между тем, что еще трудно давалось XVIII столетию и что в общем успешно преодолел уже Н. М. Карамзин,— Пушкин практически устанавливает то приемлемое для культурных русских людей отношение живых «своих» элементов письменной художественной речи и некоторых заносных элементов, еще бытующих в речевой практике образованных русских дворян и разночинцев, которое уже более или менее четко наметилось к его времени, но не переставало еще нуждаться в авторитетном закреплении. Для Пушкина спор о варваризмах вообще (в духе того, что волновало А. П. Сумарокова и А. С. Шишкова) — спор не живой, а старомодный и ненужный. Он не боится, если в фразу у него или у других время от времени проскользнет тот или другой по своему происхождению галлицизм, ибо исходит он не из педантских теоретических соображений, а только из того, что ему подсказывает его верный вкус и понимание живых потребностей называния вещей и выражения мыслей и чувств, почерпываемого из живого же общения. Русский язык под пером Пушкина — это язык, уже настолько разнообразный и определенный, что не нуждается в теоретическом обосновании своих прав ни в целом, ни в большинстве своих частей. И, что особенно важно, он весь насыщен почерпнутыми из жизни и глубоко входящими в жизнь прои з в о д и т е л ь н ы м и элементами, способными идти навстречу новым потребностям мысли и чувства, которые заявляют о себе с дальнейшим развитием русского общества и его литературы. Заносное, подражательное к этому времени уже сослужило в языке (и в литературе) свою е с т е с т в е н н у ю временную службу¹ и дальше станет, по мере усвоения литературным языком

¹ «Можно принять за правило, по крайней мере для нового времени, что расцвету самостоятельного народного творчества в науке и поэзии [точнее было бы сказать]— в литературе— Л. Б.] всегда предшествуют периоды подражательности, предполагающие более или менее теоретическое или практическое, более или менее глубокое и распространенное знание иностранных языков; что, сораз-

новых элементов извне, только одним из дополнительных средств обогащения русской уже очень богатой разговорной и письменной речи, занимающим свое определенное место и не претендующим на то, чтобы их переполнять и угрожать им перевесом своего влияния в самых различных стилистических сферах.

Первая четверть XIX века почти с самого начала его — время установления нового делового языка, языка «высших правительственных мест», главным образом — законодательства. Заметный разрыв с традицией прежнего «подьяческого» языка, слога еще допетровских «приказов» и затем во многом продолжающих его канцелярий времени Петра и всего XVIII века, осложнившегося, впрочем, многочисленными новыми понятиями государственными и правовыми, — исторически связывают с именами выдающихся деятелей министерств времени Александра I и затем Николая I — М. М. Сперанского и Д. В. Дашкова и ряда наиболее культурных, как их называли в свое время, «архивных юношей», молодых литературно одаренных и образованных аристократов, внесших в стиль казенных бумаг, которые они должны были составлять по обязанностям своей «гражданской службы», некоторую возможную, хотя и ограниченную обстоятельствами дела, сближенность с живой речью в ее наиболее культурных формах¹.

мерно с увеличением количества хороших переводов, увеличивается в народе запас сил, которые рано или поздно найдут себе выход в более своеобразном творчестве», — А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, Харьков, изд. 1905 г., стр. 177.

¹ Некоторые подробности см. в книге Викт. Шкловского «Чулков и Левшин», Л., 1933, стр. 239—241.

II. ФОНЕТИКА.

§ 1. Фонетические особенности русского языка.

Важнейшие фонетические черты русского литературного языка, отличающие его от других славянских (всех или некоторых), сводятся к следующим:

1. Носовые гласные **о**, **е** (старославянск. **ѡ**, **ѣ**) в русском языке еще в эпоху до появления памятников изменились соответственно в **у**, **я** (**а** со смягчением предшествующего согласного): ст.-сл. **мѣжа**, **рѣжа**, **лѣжъ** — русск. *мука*, *рука*, *лук*; ст.-сл. **радъ**, **масо**, **часть** — русск. *ряд*, *мясо*, *часть*. Как явление очень древнее, обе эти рефлексации русский язык разделяет с украинским и белорусским¹.

2. Редуцированные («глухие») звуки **ѣ** в соответствии **и** (**у**) краткому другим индоевропейских языков и **ь** в соответствии **і** краткому там, где они не выпали (см. § 2), перешли соответственно в **о** и **е**:

ст.-сл. **сѣнь**, **мѣхъ**, **рѣтъ** — русск. *сон*, *мох*, *рот*.

ст.-сл. **дѣнь**, **лѣнь**, **пѣнь** — русск. *день*, *лѣн*, *пень*.

(Подробности см. ниже — в § 2).

3. Звук **ѣ** в литературном русском имеет под ударением соответствие в виде **е**, не изменяющегося в **ѣ**: ст.-сл. **мѣсто**, **дѣло**, **лѣто** — русск. *место*, *дело*, *лето* (подробности см. ниже — в § 4).

4. Звук **е** под ударением перед твердым согласным и в конце слова перешел в **ѣ** (**о** со смягчением предшествующего согласного). Это же произошло с **е** из **ь**: *орѣл* из «орьль», *затѣр* из

¹ Для установления его хронологии важно прежде всего русское название народа *угре*. В начале IX в. восточные славяне еще произносили в этом слове носовое **у** (ср. греч. *uggaroi*, лат. *Ungari*). Ко второй половине X в. в восточнославянском, как показывают названия днепровских порогов в сочинении греческого императора Константина Багрянородного: *Neasēt*—Неясить (нежсать), *Veroutzē* — Вьручи (вьржшти), носовые уже были заменены чистыми гласными (Собол., Лекц., 4 изд., 20).

«затърль» (подробности см. ниже — в § 5). Явление это обще русскому с белорусским¹.

5. Звуки а и о, различающиеся под ударением, в литературном языке совпали в одном а непосредственно перед ударением и редуцируются в других положениях: *вода* произносится «ва́да», *хожу* произносится «хажу́», *ворочу* произносится «вэрачу́», *мало* произносится «ма́лэ». Явление это — диалектное в пределах самого русского языка (подробности см. ниже — в § 6).

6. Звук е в тех же самых условиях, что и а, о, перешел в е^и или и (непосредственно перед ударением е^и или и, в других положениях возможен редуцированный звук переднего ряда): *село*, *весло* > «с^ило, в^исло», *перевал* > «п^ир^ивал» и под. Явление это и в пределах русского языка — диалектное (подробности см. ниже — в § 7).

7. Древние славянские группы, с известной вероятностью восстанавливаемые как *tort, tolt, tert, telt* (ор, ол, ер, ел между согласными), предполагаемые в тех случаях, где имеем отношения: литовск. (или другие индоевропейские языки) *ar, al* (в других *or, ol*), *er, el* и под., ст.-сл. *ра, ла, рѣ, лѣ*, пол. *го, їо, rze, le*, — в восточнославянских имеют соответствия в виде *оро, оло, ере, оло* (полногласие): ст.-сл. *градъ, млатъ, младъ, бръгъ, мльсти* «доить», пол. *ogród* (род. *ogrodu*) «сад», *młot, młody, brzeg, mleko* — русск. *город, молот, молод, берег, молозиво*. К реконструируемым формам сравн.: лит. *gardas* «плетень, загородка»; нем. *Garten* «сад»; лат. *martulus* «молот» из **malt-tlos*; др.-прусск. *mal dai* «молодые»; лат. *mollis* «мягкий» из **molduis*; литов. *mélži* «дою» и под.²

¹ Относительно недавно обнаружены некоторые русские говоры в основном без перехода е перед твердыми согласными в о с предшествующей мягкостью. Вопрос о говорах этого типа (ср., напр., описание говора западной части Бадского района Пензенской области — А. Н. Гвоздева в Учен. зап., вып. 5, каф. языкозн. Куйбыш. пед. инст., 1942 г.) — не может еще считаться решенным, но не исключенной остается возможность, что переход е в о(ё) в русских наречиях, действительно, несмотря на свою давность, не охватил полностью всех говоров.

² Есть несколько слов, где в русском в соответствии рефлексам *telt* других славянских языков выступает еле. Все относящиеся сюда случаи в том или другом отношении возбуждают сомнение:

Белена, др.-русск. *беленѣ*, болг. *бян* (блѣнь — «мечта, воображень»), *бленбиле* «зелье, производящее бред», чешск. *blín*. Слово заимствовано из герм. **belupa* или подобных форм, и нет никаких решающих оснований принимать для русской формы исходной группы **telt*.

Железа, ст.-слав. *жльза*, серб. *жлијезда* и под.; фонетическая форма *жело́за* засвидетельствована в белорусском памятнике — «Летописи Аврамки» 1495 г. и в псковских летописях. Укр. *залоза* представляет, видимо, продукт народной этимологии из **жолоза* (ср. *залізо* из **желізо*). Ср. и неясное с фонетической стороны пол. *zoły* (мн. ч.) «сап, железница», восходящее, вероятно, к *zólzy*.

Пелена, пелёнка. Наряду со словенс. *plépa*, чешск. *plépa, plépa*, выступают болг. *пелена*, серб. *пелена*. Русская форма родственна не первым, а последним. С *шелест* ср. чешск. *šelest*, пол. *szelest*.

Труднее других вопрос о *селезенка* — ст.-слав. *слъзена*, болг. *слезена* и под.

Хронология этого изменения спорна. Возможно, что оно отделено от эпохи первых памятников временем приблизительно в один — два века. С известной вероятностью об этом говорят литовские заимствования из восточнославянских говоров, лежащих в основе белорусского языка, относящиеся, вероятно, к IX—X вв.

Это слова: *čerpė* «черепок», *skavardà* «сковорода», *kaĩ vōjus* «коровай» с сохранением еще довосточнославянских фонетических групп. Ср. исследование К. Буги «Die litauischweißrussischen Beziehungen und ihr Alter», — *Zeitschr. f. slav. Phil.*, I, 1925, с. 29.

Древние славянские группы типа **ort*, т. е. **or* в начале слова в положении перед согласным, изменялись в зависимости от характера принадлежавшей им в прошлом интонации (движения тона)¹. Напр. **ort*, **olt* имеют соответствия в виде *ro* (ро), *lo* (ло): *робота* (ср. нем. Arbeit), *лодка* (литов. *aldijà*, норв. *olda* «корыто») и в виде *ra* (ра), *la* (ла): *рамай* (литов. *artójas*), *лакомый* (лит. *álkti* «чувствовать голод»)².

8. Древние группы **turt*, **tult*, **tirt*, **tilt* (ър, ъл, ьр, ъл между согласными), предполагаемые там, где в балтийских языках были группы *turt*, *tult*, *tirt*, *tilt* и где в ст.-славянском в результате действия специального фонетического закона выступают соответствия *ръ, лъ, рь, ль*, — в русском являются как *ър, ъл, ьр, ъл*, откуда нынешние *ор, ол, ер, ол*; ср.: лит. *gũrklys* «зоб», др.-прусс. *gurkle* «горло», ст.-сл. *грьло* — др.-русс. *гърло* «мех из шеек куниц», русск. *горло*; готск. *hulma* — русск. *холм*; лит. *kirmiš*, ст.-сл. *чръвь* — русск. *червяк*; лит. *pirmas* «первый», ст.-сл. *прѣвь* — др.-русс. *първый*, русск. *первый*; лит. *vilnis*, англо-сакс. *wulm*, ст.-сл. *вълна*, — др.-русс. *вълна*, русск. *волна*; лит. *vilna* «шерстяной волос», ст.-сл. *вълна*, — русск. *волна* «шерсть» овечья, козья»; литов. *vĩlkas*, ст.-сл. *влькъ* — русск. *волк*.

Особенно важен, при этом, переход былого *ьл* (ѡл) в *ьл* (ѡл), параллельный упомянутому переходу *ел* в *-оло-*, тоже в положении между согласными, — как отражение общей тенденции восточнославянских языков к лабиализации *е* и *ь* в положении перед *л* (л).

Соответствующие изменения — явление общее восточнославянское.

9. Начальное сочетание *је* (*је*) в восточнославянских языках изменилось через стадию *е* в *о* перед слогом с гласным переднего ряда, если за ним не следовал слог с ударяемым гласным переднего же ряда; так объясняются русск. *озеро, осень, олень, один, ожина* и под. в соответствии ст.-сл. *езеро, есень, елень, единь, ежь*, западнославянским: пол. *jezioro, jesień, jelen, jeden, jeź* — но: *ежевика, ерепениться* и под.

¹ Об интонациях древней поры славянских языков см. IV. Ударение.

² На основании скандинавских источников можно заключать, что из *Oldoga происходит русское название Ладоги (ср. Aldejaburg — Старая Ладога).

Редуцированный гласный **ь** оставался без влияния на переход начального **е** в **о**; поэтому: *еж* (из «ежь») ¹, *ель* и под.

10. Начальное сочетание **ju** (**ju**) утрачивало **j(i)**: др.-русск. угъ «юг» (см., напр.: «...И придоша к ц(е)ркви и зажгоша двери, еже къ угу устроении...» (Лавр. спис. лет., I, 77—77 об.), унь «юный»). Ср. соврем. *ужин* с изменением значения (первоначальное сохранено, напр., в словенском *južina* «полдник») ². Явление это, ограниченное несколькими словами, в дальнейшем оказалось затертым вследствие церковнославянского влияния, передавшего русскому языку книжные *югъ*, *юнъ* ³.

11. Звук **ы** после **к**, **г**, **х** изменился в и: ст.-сл. и др.-русск. *кыдати*, *кыселъ*, русск. *кидать*, *кислый*; ст.-сл. и др.-русск. *гыбъкъ*, русск. *гибок*; ст.-сл. и др.-русск. *хытръ*, русск. *хитер* и под. Переход **кы**, **гы**, **хы** в **ки**, **ги**, **хи** — явление исторической жизни восточнославянских языков. Совершился он, по-видимому, раньше всего в диалектах — предках украинского языка (XII в.), затем, напр., в смоленском говоре (древнейшие примеры в грамоте 1229 г.); в великорусских говорах, насколько позволяют судить памятники, он имел место не раньше XIV в. Возможно, что изменение сначала, как, напр., в польском, охватило только **кы**, **гы**; по крайней мере, параллельно изменению **ки**, **ги** в древнейших памятниках **хи** не засвидетельствовано.

12. Древнейшая йотация (положение перед **j** или неслогообразующим **i**) обусловила ряд изменений согласных: появление губных с мягким **л**, известное, кроме восточнославянских языков, еще и южным (в болгарском языке в настоящее время утраченное), переход ***dj** (дј) в **ѣ** (ж), ***tj** (тј) в **ѣ** (ч) и др. (см. ниже — § 10).

13. Древнейшие группы **kt**, **gt** (кт, гт) перед **j** (**i**) и гласными переднего ряда изменились в **ѣ** (ч). ***nokъ** (ср. лат. *nox*, род. п. *postis*) > *ночь*, ***rekъ** > русск. *печь*, ***rekti** — русск. *печи* и более новое *печь* (инфинитив). Явление это — общевосточнославянское.

14. Древние группы ***tl**, ***dl** (тл, дл) упростились в **l** (л). Это изменение обще восточным и южным славянским языкам и отно-

¹ Случай др.-русск. *ожъ*, по-видимому, нефонетические: **о** в этой форме, вероятно, отражает влияние параллельного *ожикъ* (А. Шахматов, Очерк древнейш. периода ист. русск. яз., 1915, стр. 141).

² Уже в др.-русском *ужина* значит обыкновенно «еда после полудня» — ср. Срезн., III, 1166. В сербском — *ужина*, с тем же значением; старую фонетическую форму имеем в диал. (чакавск.) *južina*.

³ Это отношение приводило в древнерусской письменности иногда к гиперизмам вроде: *югол* (угол), *юзы* (узы) — см. «Материалы для терминологического словаря древней России», сост. Г. Е. Кочиным, 1937, стр. 400. Ср. также *юродивый* при *урод*: «юрод Ивашко, который... взят от нас к Москве...», «Ржевского уезда, Ниловы пустыни на Ивашку юрода Сенка Медведев, что был старец Селиверст, вроспросе говорил...» (Розыскн. дела о Шакл., I, 805). «...юрод Ивашка... учал у них жить со 191 году; а падучей болезни на нем, Ивашке, они не видели; а бывает он, Ивашка, во иступлении ума почаству...» (там же, стр. 810).

сится еще к эпохе довосточнославянской. Ср. пол. *mydło*—русск. *мыло*, пол. *sadło*—русск. *сало*. «Плет-ль, вед-ль, мет-ль» и под. соответственно изменились в *плёл, вёл, мёл*.

15. Группа **dm** (дм) из ***bdm** во всех восточнославянских языках упростилась в **m** (м): семь > семь (ср. др.-греч. *hébdomos* «седьмой») ¹.

16. Группы **kv** (кү), **gv** (гү) в положении перед гласным **ѣ** из ***oj** (***aj**) изменились в **цв, зв**: *цвѣтъ* — пол. *kwiat* (<*kuojt), *звѣзда* — пол. *gwiazda* (к вокализму ср. литов. *žvaigždė*). Переход этот русский язык разделяет с другими восточно- и южнославянскими языками, и относится он, по всей видимости, ко времени довосточнославянскому.

17. **х'** (мягкое х), предполагаемое как звук, сменивший бывшее **s** (с) после мягких гласных при специальных условиях и в положении перед **ѣ** из ***oj**, — как в других восточно- и южнославянских языках, в русском имеет соответствие в виде мягкого **с**: *весь*: ср., напр., в пол. корень *vš* — *wszystek*, в чеш. *vše* «все»; *съръ* — пол. *szary*, чеш. *šerý*: др.-герм. **hair-az* ².

18. Перед гласными **е, и**, независимо от их происхождения, согласные, кроме отвердевших позднее, выступают в русском языке как мягкие: *весело, весь, лето, ветер, тихо, синий* и под.

Хронология этой черты, повторяющейся в польском и частично в других, напр., в словацком, но отсутствующей в настоящее время из восточнославянских в украинском, спорна. Возможно, что перед **е, и** первоначально согласные были полумяжки и что нынешняя их мягкость — результат позднейшего развития.

19. Звуки **ш, ж, ц** в русском отвердели. Явление это в русской языковой области — очень широкое, но не охватившее всей суммы говоров.

Отверждение **ш, ж** свидетельствуется памятниками с XIV в. Отверждение **ц** в памятниках отражается с XVI в.

Таким образом, уже древнейшими диалектными славянскими из указанных черт можно считать: 12-ю, 14-ю, 16-ю, 17-ю; относящимися к эпохе восточнославянского единства (в условном значении этого термина, т. е. к эпохе, когда черты, возникавшие в определенном пункте восточнославянской территории, могли еще получать широкое распространение, делаясь общими восточнославянскими): 1-ю, 2-ю, 7-ю, 8-ю, 9-ю, 10-ю, 11-ю, 12-ю (рефлексаию *dj, tj*), 13-ю, 15-ю; остальные — позднейшими русскими.

¹ *Седьмой* — вероятно, церковнославянизм. Уже в Остр. ев.—*семий*. Кроме слова *седь*, где *dm* из **bdm*, всякое *dm* другого происхождения упростилось в *m* во всех славянских языках: *дать* < **dad-ть*.

² И. М. Эндзелин, *Славяно-балтийские этюды*, Харьков, 1911, стр. 122—123.

§ 2. Редуцированные гласные ѣ и ъ.

За немногими исключениями (предлоги *без*, *из* и префиксы этого же типа), древнейший славянский язык знал только открытые, т. е. оканчивающиеся гласными звуками, слоги. Среди гласных звуков древнейшего славянского состава имелись не только долгие и краткие, но, как уже упомянуто, и редуцированные (глухие).

Редуцированные звуки древнейшего периода ѣ, ъ на восточнославянской почве подверглись очень важным для всей фонетической системы изменениям: они отпали в конце слова (вм. двусложных *сынѣ* — *сы-нѣ*, *конѣ* — *ко-нѣ* и под. явились односложные *сын*, *кон*^б) и выпали в середине слова, если за слогом, который они составляли, в прошлом не было слога со слабыми ѣ, ъ, подлежащими отпадению или выпадению. Слабыми являлись ѣ, ъ прежде всего, как сказано, на конце слова; в положении перед таким слогом ѣ, ъ усиливались и переходили на восточнославянской почве в о, е: *мѣхѣ*, *сѣнѣ*, *лѣнѣ*, *дѣнь* изменились в *мох*, *сон*, *лѣон*, *дѣнѣ*^б. При подобном условии третий от конца ѣ или ъ являлся тоже слабым и подлежал выпадению: *жърьць* переходило в *жрецѣ*^б, *пришьльць* — в *пришлець*^б, *швьвьць* — в *швецѣ*^б¹.

Если второй от конца слог не имел за собою слога с ѣ, ъ, то его ѣ, ъ были слабыми и подлежали выпадению. В таком случае сильными становились ѣ, ъ предшествующего слога: *подѣ княземь* — *подо княземь*, *жъньця* (род. п. ед.) переходило в *женця*, *швьвьця* (род. п. ед.) — в *шевця*, *рѣпѣта* (род. п. ед.) — в *ропта* и под.² То же имело место и во всякой другой паре рядом стоящих слогов с редуцированными гласными: *въ Дѣбрянску* > *во Брянску*, *въ Мъшаньскѣ* > *во Мишанескѣ*, *сѣ мѣною* — *со мною* и под.

Первые надежные случаи перехода русских ѣ, ъ в о, е относятся ко второй половине XII в.

Что касается выпадения редуцированных, то, вопреки мнению А. А. Шахматова, что оно раньше свидетельствуется для начальных слогов (XI и XII вв.): написания вроде *князь*, *всеволодѣ* вм. *князъ*, *всеволодъ*, и только позже (со второй половины XII в.) — для срединных *пожни*, *божниця* (вм. *пожьни*, *божьница*), то, по-видимому, следует согласиться с проверочными наблюдениями И. Фалева, О редуцированных гласных в древнерусском языке, — Язык и литература, II, вып. I, Л., 1927 г., стр. 111—122. Как правдоподобно доказывается в этой статье, «сопоставление фактов опущения ѣ, ъ в разных рукописях (рус-

¹ Для упрощения набора фонетически передан только последний звук.

² В конце XVII в.: «...Говорил, что он и в иных домах детей от притки с шептами лечивал» (Розыскн. дела о Фед. Шаков., II т., X, 22). Областн. *пошепт* — продукт отвлечения из влиятельной формы твор. падежа *пошептом*; так еще, напр., у Пушкина.

ских и старославянских) ведет к предположению о том, что «падение глухих» началось в русском языке (и в старославянском) с некоторых корней, в которых редуцированный звук не играл никакой роли, не поддерживался другими формами с сильным глухим, был, так сказать, «лишним», «пустым» с языковой точки зрения. Ср. постоянное в одних и частое в других рукописях написание *многѣ*, *князь*, отчасти *кто* в противопоставлении более частому *зѣло* и т. п. ...перед нами имеются несколько корней, «склонных» к употреблению без глухих и ряд других корней, долго удерживавших глухой; ясно и более долгое удержание глухого в префиксе, предлоге, суффиксе» (стр. 120).

Кроме положения перед слогом с *ъ*, *ь* слабыми, *ъ*, *ь* были сильными еще под ударением; ср. *дѣски*, откуда *доски*, *тѣща*, откуда *тѣща*.

В ряде случаев первоначальные отношения, характерные для рефлексии редуцированных, затерты действием смысловых сближений (ассоциаций). Так, в современном литературном языке выступают *жнеца* вм. «женца» под влиянием именительного ед. ч. *жнецъ* (из *жъньць*), *чтеца* вм. «четца» под влиянием *чтецъ* (из *чьтьць*), *ропот* вм. «рпот» (так, напр., в Ев. 1307 г.) — ср. древние фонетические формы косвенных падежей *ропта*, *ропту* и т. д.¹; в соответствии, например, нынешней нефонетической форме дат. падежа ед. числа *расчѣту* (под влиянием именительного-винительного падежа ед. числа) в XIV веке еще — старая фонетическая форма *розочту*: «А прибудет ли, убудет ли, ино *по розочту*»; «...а то ны подъянати то тому же *по розочту*» (Докончание вел. князя Дмитрия Иван. с княз. серпух. и боровским Владимиром Андр., 1389 г.), т. е. «по расчету»: *розъчьть: род. пад. *розъчѣта* и т. д.: *розчет: *розочѣта*; *Смоленск* и длинный ряд других подобных наименований вм. *Смоленьск* (из *Смоленьскѣ*) и под. под влиянием косвенных падежей (*Смоленска* из *Смоленьска* и под.); ср. еще в XVII в.: *Брянскѣ*, *Мишанскѣ* и под.

Отношения, характерные для редуцированных, отчасти оказались перенесенными на случаи, где раньше были обыкновенные *о*, *е*: *ров* — *рва* (вм. старых *ровѣ* — *рова*, ср. укр. *рів* — *рову*)², *лед* — *льда* (вм. стар. *ледѣ* — *леда*, ср. укр. *лід*, *льод* — *леду*, *льоду*), *потолок* — *потолка* (вм. ст. *потолок* — *потолска*: «...а подволоки или *потолоков* не будет, то не будет тепла (Инстр. дво-

¹ Что касается древнерусской формы род. падежа от «шесть» — *шти*, широко представленной в памятниках, начиная с XIII в. и до самого XVIII в., то ее не следует рассматривать как продукт аналогии. Ягич, мне кажется, справедливо объяснял ее (Крит. заметки, 66), говоря, что «в шести ш поглощает с и образует косвенные падежи *шти* (вм. *шести*)». Он подразумевал при этом, видимо, наряду с моментом ассимиляции, условия специального темпа произношения количественных числительных. Ср. современное произношение «дѣсьтьи» (десяти) и др.-русск. *чьть* (из косвенных падежей *чти* и под.) «четверть».

² Так уже в Лавр. списке летописи: «...на поли потчеса конь въ рѣвъ (под 6523 годом); ...избави мя от рва сего» (под 6576 г.).

рецкому, 18), Иметь для жеребят особливый покой ... и с *потолоком*, однакож наверху на *потолоке* прорубить небольшое окно...» (Регула о лошадях, 6); ср. «руки в боки—глаза в потолки»), *камень*—*камня* (вм. ст. *камы*—*камене*, ср. укр. *камінь*, *каменя*)¹.

В большинстве подобных случаев (*потолка*, *камня* и под.) влиятельно оказалась ассоциация с соответствующими суффиксами (*ъкъ*—*ъка*: *кусок*—*куска* и под.; вероятно, *ьнь*—*ьня*: *баловьнь*—*баловья*, *увальнь*—*увальня* и под.). Ср. еще нефонетическое *заяц* (произносится «заец») — род. п. *зайца* (по аналогии ец — род. п. *йца*); *пепел* — род. п. *пепла* (ср. *козел*—*козла* и под.).

В случае *сот*, род. п. *сота* и т. д. из *сътъ*, *съта* и т. д.—формы типа *сота* (др.-русск. *ста*) установились, видимо, из-за отталкивания от омонима *ста* и т. д. «сотня».

В других случаях выравнивание в пользу гласного поддерживалось тем, что иначе образовался бы в отношении звукового сходства слишком большой разрыв между формой именительного (ед. или мн. ч.) и другими: *дѣска* фонетически изменялась в «дска» и далее в «цка» [форма, хорошо засвидетельствованная в памятниках — см., напр.: ...а с лодьи со цки по алтыну... (Догов. в кн. Юрия Дм. с в. кн. ряз. Ив. Фед., 1434). Ожерелье на цкахъ, на золотых, моск. грам. 1509 г.; ...писаны на одной цке..., писц. книга 1621—1629 гг. по Нижн. Новгород. ...На железных четырех *дсках* написав всю ту грамоту, на том столпе те *дски* со всех четырех стран прибили — «Созерц. краткое С. Медв.], но потом под влиянием *дѣска* — «доска» восстанавливалась *доска*.

В искusstвенном употреблении даже еще в XVIII в. можно, напр., встретить: «Подписано на *дске* — крылатой сей Пегас» (Чулков, Плачевн. падение стихотворцев).

К *тъсть* род. п. звучал *тъсти*, откуда далее «тсти» и «цти» (Иофора сти своего.— Папдекты 1296 г.); Или ми речеш: женися у богатаго цтя... (Слово Дан. Заточ., по сп. втор. полов. XVI в., XXXVII).

Играли роль и мотивы избегания трудных сочетаний: *чернеца*, *мертвеца* вм. фонетических: «чернца, мертвца», *двери* вм. «дври» (так, напр., в Новг. Кормчей ок. 1282 г.) и под.

В *сосать* из *съсати*, вероятно, имеем влияние *съсъка* > *соска*.

Другие случаи употребления с *о* предлогов и префиксов—*во имя*, *во веки*, *совет*, *совесть* и под., где за *ъ* предлога или префикса не следовало слога с редуцированным же, большею частью представляют собою результат книжного, искусственного чтения писавшегося *ъ*. В отдельных случаях можно думать о сохранении *ъ* > *о* по аналогии.

¹ Иначе А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. гор. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941, стр. 180—181.

Группы **ръ, ль, рь, ль**, по-видимому, в русском переходили независимо от ударяемости и открытости или закрытости слога в **ро, ло, ре, ле**: *крошить* из «кръшити», *бросать* из *«бръсати», *блоха* из «блѣха», *глотати* из «глѣтати», *тревога* из «трѣвога», *блестеть* из «блѣстѣти» и под.

Из др.-русск. *Пльсковъ* ожидалось бы действительно существовавшее *Плесковъ*. Что касается современного *Псков* (уже в XIV в. *Пьсковъ*), то, по объяснению Шахматова, это «изменение принадлежит к числу тех особенностей, которые ... отличали псковское наречие от севернорусского, сближая его с польским» (Очерк древн. пер., § 374).

В результате утраты **ъ, ь** после **р, л, м, н**, которым предшествовали согласные, имели место следующие изменения:

1. В конце слова **л** фонетически утрачивалось: *моглъ* > *мог*, *пеклъ* > *пек* и под. Там, где под влиянием аналогии, напр., в именительном пад. ед. ч. и родительном мн. ч., **л** восстанавливалось или удерживалось вопреки фонетической тенденции, перед ним являлось **е** (так, как будто ему предшествовал **ь**, что и засвидетельствовано в памятниках), а после **к, г, х — о** (так, как будто звуку **л** здесь предшествовал **ъ**, тоже засвидетельствованный в памятниках): *вѣсел* из «вѣслъ», *узел* из «узлъ»¹, *стѣкол* из «стѣклъ» (род. мн. ч.). При этом есть основания думать, что **ль** в таком положении, переходя до выделения перед собою редуцированного звука в слоговое **л**, фонетически в говорах утрачивало мягкость; ср. в Ипатьевском списке летописи *Теребовль* и *Теребовль* — под 6605 годом; а сам пойте к *Теребовлю* — под 6661 г.; *Теребовель* — под 6662 г.; опухоль (Домострой, 23) из «опухль», гибель (дважды в грамоте 1605 г. — Строев II, стр. 54) — из *гибль (ср. укр. *гибель* без перехода **е** в **и**); соврем. сев.-русск. диал. *земѣл* из «земль» и под. (Морф., § 13).

Для остальных сонорных, кроме утраты, которая не засвидетельствована, рефлексии параллельны: из «вѣтръ» явилось *ветер*, из «сестръ» (род. мн. ч.) — *сестѣр*, из «хитръ» — *хитѣр*, из «свекръ» — *свѣкор*, из «угръ» — *угорь*. *Вихор* (ср. *вихры*) из «вихръ» дает право подозревать переход **ръ** в **ър**.

Осмь (род. п. *осми*) > *восемь* (с сохранением мягкости под влиянием косвенных падежей и отношений *семь*: *семи*; к стадии «осьмь» ср. *восьмой*). *Пльсьнь* > *плесень* (с мягкостью из косвенных падежей). Род. мн. *баснь*, *пльсьнь* изменился фонетически в

¹ Что касается др.-русск. *узоль* (см., напр.: А кто повезет из Суздаля воск, и им имати у таможников узолки, кольцо крушков, только и узолок, — Уставн. грам. о сборе тамож. пошлин, 1606—1610 гг.), укр. *вузол*, то слово это в своей рефлексии отразило, вероятно, влияние созвучного *угол*. Об этом явлении ср. и А. А. Шахматов, К истории звуков русского языка, — Изв. II Отд. Акад. наук, VIII (1903 г.), кн. 2, стр. 322—323.

Ср. еще: «... а поселской Илеменской ГенADEи тем крестьяном дает узолки за своею печатью...» (Грамм. угличск. кн. Андр. Вас. 1487 г.) ...и им имати у таможников узолки... (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писанн. в 1571 г.).

басен, песен (см. Морф., § 13). Ср. и *огонь* из *огнь* (с мягкостью и из косвенных падежей)¹.

В очень значительном числе случаев, относящихся к рассматриваемому положению, в литературном языке приняты книжные нефонетические формы: *кругл, смугл, журавль, мысль, рубль, быстр, остр, вепрь, волн* (род. мн.), *игр* (род. мн.) и под.

2. В середине слова в основном имели место все те же переходы, что и на конце слова, видимо, кроме утраты л.

К утрате мягкости ср.: *гуселки* (от «гусли»), сев.-русск. *капелька, басенка, песенка* (см. также Морф., § 13). Ср. и аналогическое *петелка* (при *петелька*)².

Связанные с былыми редуцированными гласными явления у предлогов и префиксов.

Старые фонетические отношения при редуцированных гласных во многом определили особенности, наблюдаемые теперь у предлогов и префиксов. В настоящее время мы имеем: *во мне, предо мною, со мною, но в тебе, с тобою* и под., отношения, восходящие к былым *въ мнѣ, прѣдъ мною, съ мною* и под., т. е. с выпавшим впоследствии редуцированным гласным, выпадение которых вызвало вокализацию **ъ** в предлоге, и *въ тебѣ, съ тобою*, где за предлогом не следовал слог с редуцированным. Подобным образом *во, со* перед формами склонения *весь* (из *всь*) и *всякий* (из *всьакъ*), *многий* (из *многъ*): *во весь голос, во всех городах, во всяком случае, во многих положениях, со всеми, со многими товарищами*, и в ряде имен существительных типа *во сне, со сна* (ср. др.-русск. *сънь*), *во лбу, со лба* (др.-русск. *лъбъ*), *со зла* (др.-русск. *зъло*), *во втором, со вторым* (ст.-слав. *въторый*) и под. Сходные отношения имеем также при предлогах *объ, отъ*.

После утраты редуцированных аналогия распространила указанную вокализацию **ъ** также на случаи с начальными группами согласных, между которыми в прошлом не было редуцированных: *во власти, во владение, во дворе, со стороны, со страху, со скоростью* и под.

Известную роль сыграл, по-видимому, при этом также момент фоноэстетического порядка — стремление разъединить гласным те же или схожие звуки: предлог **в** вокализируется преимущественно перед **в** и **ф** (ср., в частности, заимствования — *во фраке*,

¹ В случае с группой **гн** возможно, впрочем, специальное смягчение; ср.: Л. Л. Васильев, Об одном случае смягченного звука **п** в общеславянском языке, явившегося не посредством следующего за ним древнего **ј**, — Русск. филол. вестн., 70 (1913 г.), стр. 71—76; N. van Wijk, Alt kirchenslavisch о г н ѣ, — Zeitschr. f. slav. Philol., 1932, XI, 1—2, стр. 98—102.

² Из литературы — А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, 1915, § 369, 370, и К. Н. Меуер, Zur Entstehung der sekundären Halbvoikale im Ostslavischen, — Arch. f. slav. Philol., XXXVIII (1923), стр. 250—257.

во фразе, во Франции), с — перед с, з, ш, щ: со смеху, со стариком, со стола, со стипендией, со значением, со звездой, со шрамом, со шнурком, со щеткой, со щукой и под. В относительно многих случаях возможно параллельное употребление: со слезами и с слезами и под.

Аналогией в : во, с : со захвачены и предлоги, первоначально не оканчивавшиеся на гласный: *изо дня в день, безо всего* и под.

Несколько сложнее отложения былых фонетических отношений у префиксов в- : во-, с- : со-, об- : обо-, от- : ото-, под- : подо- (пред- : предо-); без- : безо-, из- : изо-, воз- : возо-, раз- : разо-.

Фонетическими являются случаи вокализации, вроде: *вобрать, собрать, отобрать, подобрать* (ср. *брати*), *сорвать, оторвать* (ср. *рвати*), *вогнуть, согнуть, отогнуть, подогнуть* (ср. *гнати*); под их влиянием и *разобрать, разорвать, разогнуть* (раз-, роз-, из-; *огз первоначально не имело, как и другие префиксы на з, окончательного гласного).

Фонетическими же, вероятно, являются во, со и под. в положении перед слогом с ъ из былого напряженного редуцированного гласного (см. § 3): *вобую, волюю, вошью, собую, солюю, сошью, отобую, отолую, избуюю, изолую, разобую, разолую* и под.; и в глаголах *войти, сойти, отойти*, где й — из первоначального редуцировавшегося и.

Продуктами аналогии надо считать префиксы типа во-, со-, ото- и т. д. в случаях, где в отглагольной части слова в прошлом не было редуцированного гласного. Обычно такого рода огласовки выступают перед двумя и более согласными только в книжных словах (церковнославянизмах и близких им новообразованиях): *вовлечь, совлечь, совладеть, составить*; хотя с о вошло в литературный язык и разговорное *обокрасть*.

Упомянутый фоноэстетический момент заявляет о себе в *вовлечь, составить, состричь*, хотя существует, напр., *исстрадаться* и под.

Влиянию форм совершенного вида обязаны своей огласовкой некоторые формы вида несовершенного, типа: *сбирать* (ср. фонетическое *собрать*), *созывать* (ср. *созвать*) и др. Но ср. и *сбировать, сзывать*. При этом только — *срывать, отрывать* (хотя *сорвать*), *сбировать, отдирать* (хотя *содрать, отодрать*).

Вошел, отошел и под. своим о обязаны другим формам того же времени женского и среднего рода, а также множественного числа: *вошла, вошло, вошли*.

Чисто книжными по происхождению являются глаголы с префиксом с- : со-, где следующий слог начинается одним согласным: *содержать, сожалеть, сочинять* и под. (см. выше — об именах)¹.

¹ Об употреблении вариантов с о и без него у писателей первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 7—9.

У писателей, особенно поэтов, XVIII и первых десятилетий XIX в. и в предлогах, и в префиксах сравнительно много огласовок, расходящихся с нынешними. Известная часть встречающихся у поэтов должна быть отнесена к более широким, чем теперь, возможностям выбора; ср., напр.: Сова увидела *во зеркале* себя... (Сумар., Сова и зеркало). Бежати в запуски *со зайцем* черепаха... Хотела... (Сумар., Заяц и Черепаха). ...*Со подлинником* та статуя всем равна (Сумар., Статуя). ...*Во сонме* всадников блистал И в смертный черный одр упал (Держ., Водопад). *Во лесах* ли вы тенистых,—И леса дают прохладу... (Держ., К грациям). ...*Со ребр* лиется пот реками... (Держ., Колесница). Наш долг *со Музами* беседу мирну весть (Костров, Ода на день откр. Общ. любит. учености). ...А он тотчас свернулся *во клубок*... (Сумар., Лисица и Еж). ...Изображает ясно То пламень *во крови*... (Сумар., Любовь). ...И потянулася со всем она содомом: *Со брюхом, со спиной* и с домом (Сумар., Заяц и Черепаха). Не сыщешь рыбы в луже, *Колико во трудах* прилежен ты не будь (Сумар., Непреодолеваемая природа). Как огонь, *со пламенем* сближаясь, Един составить хочешь луч! (Держ., К Каллиопе). ...*Со брозд* кровава пена клубом И волны от копыт текут (Держ., Колесница). ...Ни злом ни благом не приметный, *Во гробе* погребен живой (Держ., Мой истукан). ...Пред зеркалом их в ряд поставь, *Во знак*, что с сердцем справедливым Не скрыт наш всем и виден нрав (там же).

Важно живое свидетельство XVIII века: Фонвизин в «Опыте российского сословника» пишет: «Некоторые писатели почитают в писать перед словом, начинающимся с гласной буквы, например, в опасности, в естестве, в Очакове; а во пред словом, начинающимся с согласной, например, во Франции, во славе, во гневе; но мне кажется, что обычай и слух делают такое множество исключений из сего правила, что одного и правилом называть нельзя.

Смешно было бы говорить и писать: во Москве, во пороке, во глине. Напротив того, в самых важных сочинениях читаем: во услышание, во Апостолах, во Израили и проч.»

ъ в положении перед гласными.

1. После падения редуцированных гласных начальный в слове звук и стал изменяться в ы в положении после твердого согласного предлога: в ыную землю (Смол. грамота 1230 г.); *вызбъ* (Домостр., 58) — в избе, с темъ вечеръ а сынымъ ипои вечер (57); в ызбу к царю (Мат. путь Ив. Петлина, 275); и с-ыныхъ посадцкихъ людей (Котош., 88).

Явление это полностью существует и теперь: *сыскать, сыграть, отыскать, отыгаться*.

Подобным же образом в *избу, с Иваном, от Ильи* произно-

сятся *вызбу́, сыва́нам, атыль(й)и́* (от Ильи) и даже по аналогии таких сочетаний — *Госиздат* читается «госыздат»¹.

2. В предложениях и префиксах **ъ** перед следующим **о**, по свидетельству уже древнейших восточнославянских памятников, переходил в **о**: изо обою (13 слов Григ. Богосл. XI в.), ся изоостанеть (Мстисл. грам., ок. 1130 г.). Ср. еще даже в XVII веке: Ото осады свободиль (Мат. Раз., III, № 3), — особенность, находящая соответствие себе также в старославянском: безо оца, изо облака (Зографск. еванг.)².

Явление это представляет собою факт очень древней ассимиляции гласных, действовавшей уже после падения глухих только по аналогии установившихся древних отношений.

Представляя редкий в системе русской фонетики случай нового зияния, это явление в дальнейшем вообще не выжило, но в словах чисто литературных (церковнославянизмах) следы его остаются и теперь; ср.: *вообще, сообщца, воображать, сооружать, воочию*.

Спорные случаи соответствий русских **ъ, ь** редуцированным старославянским.

Древнерусские **ъ, ь** исторически восходят, как уже упоминалось, соответственно к вероятным более древним **и** (***у** краткому) и **і** (***і** краткому): лит. *budrùs* — ст.-сл. и др.-русс. *бѣдръ*, лит. *duktė* — ст.-сл. *дѣщи*, др.-русс. *дѣчи*; лит. *linas* — ст.-сл. и др.-русс. *льнѣ*; санскр. *vidhāvā*, лат. *vidua*, ст.-сл. и др.-русс. *вдова*.

Но есть несколько спорных случаев, где рефлексy русских редуцированных не соответствуют качеству редуцированных в ста-

¹ Как предполагает А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. городск. педаг. инст., Каф. русск. яз., I, том V, 1941 г., стр. 180, сочетания с **ы** вм. и появлялись «в разное время после утраты конечных редуцированных гласных; при сохранении твердости конечного согласного в слове, объединявшемся в произношении с другим словом, начинавшимся с гласного и, появилась артикуляция **ы**, так как в фонетической системе русского языка не было сочетания твердого согласного с гласным **и**: были **ти** или **ты**, — *з братом — ываном*. То же фонетическое явление отражается и на современном языковом материале: *гос-выспекция*. Такой параллельной возможности, конечно, тоже отклонять не следует.

Что касается другого высказывания Селищева, связываемого им с данным, будто и в древнерусском и действовало на предшествующий **ъ** так же, как и **ј**, т. е. переходило в **ы**, подобно тому, что имело место в старославянском (взлюбиты и, вы истинѣ), и затем редуцированный **ы** ассимилировался с **и** в один гласный **ы**: «выстинѣ», — то догадка о существовании подобного промежуточного звена для всего состава древнерусского языка не опирается на какие-либо надежные данные.

² Как видим, этой особенности подчиняются и предлоги на **з**, первоначально употреблявшиеся без конечного редуцированного гласного. Ряд важных и интересных справок об этом явлении — в статье Л. Л. Васильева — «О влиянии нейтральных гласных на предыдущий открытый слог», ИОРЯС, XIII (1908), стр. 181—255.

рославянском и др.-русском. Важнейшие относящиеся сюда факты *довьльнѣ* (ст.-сл. и др.-русск.) — русск. *доволен*; ст.-сл. *мѣдльнѣ* — др.-р. *мѣдльнѣ* (*мѣдльлити*), современ. *медленный*, *медлить*; ст.-сл. *трѣсть* — др.-русск. *трѣсть*, современ. *трость*; ст.-слав. *тънѣкъ*, пол. *cieńki* — др.-вост.-слав. *тънѣкъ*, современ. русск. *тонкий*.

Первый легко объясняется влиянием слова *воля*. В случае *медлить* и под. можно думать, как уже отмечалось в научной литературе, об уже древнейшем славянском варианте низшей ступени чередования *о—е*. Вариант, соответствующий ст.-слав. гласному *корня*, отражен в др.-русск. *моччание* «замедление», *моччать* «замедлить» (в моск. грам. XV—XVI в.) из *мѣдъча-.

На вариант *и—ју* для *трѣсть* — *трѣсть* определенно указывает литовск. *trušis* при *triušis* «тростник».

В арханг. говоре (онежск.-шенкурск.) до недавнего времени сохранялся соответствующий *ь-ю* вариант *трѣста*, *трѣсть*. Ср. и олон.: Да поженка в Патровском ободѣ за трѣстяным болотом... 1684. (Крепостн. мануф. в Росс., II, Олон. медн. и железн. заводы, стр. 159).— Что касается *тонкий*, отношение его к ст.-слав. *тънѣкъ* неясно.

Падение редуцированных гласных происходило, по-видимому, не одновременно в разных говорах русского языка. Еще даже в начале XX века существовали некоторые, правда очень немногочисленные, говоры с сохранением рефлексов былых редуцированных гласных в слабых позициях.

Рефлексы былых редуцированных гласных в слабых положениях иногда сохранялись довольно долго в жанровом — духовно-песенном языке. В таком виде записан, например, «Стих старика за пивомъ» (в списке XV века рукописи, включающей «Задонщину»)¹. В этом «стихе» читаем, например: «Плакася Адамъ пред раемо сѣдя...»; «мене бо ради сътворенъ еси и Евгы ради затворено бысте»; «Увы мнѣ грѣшному и безаконенному!» и под.

Севернорусский говор с тенденцией в некоторых слабых положениях сохранять рефлексы былого *ь* отражен, вероятно, в грамоте XVII века, опубликованной в «Актах... древней России», I. А. Федотовым-Чеховским под № 65-ым. В этой грамоте часты написания вроде «к рѣчекѣ, отъ рѣчки» (при «рѣчки» и под.); «Лучека кѣкаревъ» (т. е. Лучка); «розпахивали тое пашеню» (т. е. пашню); «да Красному мошеку» (при «отъ Красного мошку»); «на монастырской землѣ» (при «земля монастырская»).

Если «ищуть на всѣхъ старцахъ» и «мошеку» в этой грамоте могут производить впечатление форм, отразивших индукцию именительного падежа ед. числа, то, с другой стороны, надо отме-

¹ См. «Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Росс. академии наук», том С, № 2, П., 1922, Памятники старинного русск. яз. и слов. XV—XVIII столетий... Павел Симоны, вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий. Задонщина Вел. князя господ. Димитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича по Кириллобелозерск. списку 1470 г.

тить в ней же и колебание *старцъ* — *старецъ* едва ли не как результат утраты в говоре чутья к различению *старца* : «*старца». Ср. и колебание написаний *старожилцы* : *старжилцы* (последнее чаще); написания вроде: *къ вортцамъ*, *людмъ* и под.

Характерно, что говор — с отражениями так называемого второго полногласия: «а сверехъ правые грамоты», «въ верехъ къ покосомъ»; ср.: «отъ вереховья того врагу» («от верховья того оврага»); ср. там же: «къ верхвию»; «четвереть» (при *четверть*).

§ 3. Напряженные редуцированные гласные.

Специальный вопрос представляют русские соответствия отношениям при **ы** и **и** всех славянских языков в положении перед **ј(і)**. Эти звуки с большой вероятностью возводят (Шахматов) к первоначальным **ъ** и **ь**, приобретшим иную окраску перед **ј** (к так называемым «напряженным редуцированным»); ср.: *новъ + јь*, *скоръ + јь* > ст.-сл. *новый*, *скорый*; *синь + јь*, *давнь + јь* > ст.-сл. *синий*, *давний*. Другие восточнославянские языки (белорусский и украинский) в рефлексах этих звуков не совпадают с русским, который, как свидетельствуют и памятники и говоры, рефлектирует такой **ъ** (условно его обозначают **ѣ**) и **ь** (**ѣ**) соответственно как **о** и **е**: *новой*, *скорой*, *синей*, *давней*. (Литературные написания *новый*, *скорый*, *синий*, *давний* — церковнославянизмы, удержавшиеся из тенденции избегать омограмм *новой*, *синей* и т. д. род. и твор. ед. ч. жен. р.). Ср.: Да ферези бархатъ червчатъ гладкой да кафтанъ отласъ золотной (Отчет Я. Молв.). Исподъ пластинчатой соболей (Выходы). Хорунжей Григорей Пенской (Мат. Раз. III, 60) ...Одинъ бояринъ ись первые статьи родовъ третей или четвертой человекъ... до околичней, или два, да думной посолской діакъ (Котош., 65). Ломоносов пишет в своей «Росс. грамм.» (§ 156): истинный *или* истинной, но только прежней, божей. — Написания типа *маленькой*, *великой* и под. встречаются еще до последней четверти XIX века. На *ой* указывает и литературное произношение: *робкэй*, *упругэй*, *тихэй* и под.

Под ударением и на письме выступает **о**; ср.: *молодой*, *живой*; к е ср.: *чужой* из *чужей*, *большой* из *большей*.

Вероятно, звуки такого же происхождения имелись и в формах типа ст.-сл. *мыѣ*, *крыѣ*, *бриѣ*, *биѣ*, *лиѣ*; ср. укр. *мию*, *крию*, *брию*. В русском, кроме упоминаемых ниже случаев, соответственно выступают *мою*, *крою*, *брею*.

В сильном положении, т. е. перед слогом со слабыми редуцированными, рефлексация в виде **о** и **е** проведена в русском последовательно: *молодой*, *живой*, *мой*, *крой*, *бей*, *лей*, *брей*, *соловей*, *гостей* (род. п. мн.), *путей* из *молодѣ + јь*, *живѣ + јь* и (с ослабившимся конечным **и**)... *брѣји*, *соловѣјь*, *гостѣјь* и под. В слабом положении, с одной стороны, имеем *вою*, *крою*, *мою*, *ною*, *брею*, с другой — *бью*, *лью*, *шью*. По-видимому, для слабого

положения имела значение ударяемость или неударяемость предшествующего йоту гласного; так, из мѣѣж, рѣѣж, вѣѣж, брѣѣж и под. являлись мѣю, рѣю, вѣю, брѣю (ср. прош. вр. мѣла, рѣла и под.), т. е. под ударением напряженные редуцированные сохранялись. В неударяемом положении напряженные редуцированные выпадали: вѣѣж, лѣѣж, пѣѣж (ср. прош. вр. вѣла, лѣла и под.) изменялись во вѣю, лѣю и под. В диалектах известна и рефлексация м'ю, ум'ю «мою, умою»; ср. в «Хожд. на Восток Котова»: «...И перед светом в банях мьются», 111. Сомнительно, чтобы в этих формах была отражена старина. Скорее это аналогические образования.

Формы литературного языка бью, шью вместо ожидаемых «бею», «шею» (ср. прош. вр. бѣла, шѣла) тоже аналогического происхождения: возникли они под влиянием других слов — типа лью к «лить», пью к «пить» и под. Ср. фонетические шѣя из шѣја и укр. шійю, белор. шью «шыю».

Примечание 1.

Возможно, однако, что аналогическое образование представляет в русском языке только шью, а бью — форма фонетическая. Так можно думать на том основании, что, как показывает др.-чешский язык, в слове «шить» наст. вр. имело *i* другого происхождения — из *i*, а не из напряженного *ь*; что же касается бью, то оно могло занять особое место в системе, как единственный глагол, у которого при исходной ударяемости коренного гласного последнему предшествовал несонорный согласный звук.

К шея ср. др.-русск. шѣи в Новг. I лет. Синод. сп. (старые отношения могли быть им. ед. ч. шѣя, вин. п. ед. ч. шѣю по аналогии отпощений вода : воду, зима : зѣму и под.).

Примечание 2.

Ряд ученых¹ возводит формы типа крѣю, мѣю, брѣю, бью и т. д. к изначальным *кры(ю), *мы(ю), *бри(ю), *би(ю), т. е. видят здесь в *ы* и *и* всех славянских языков, кроме русского, старину и, следовательно, рефлекс перед *j* древнейшего долгого *у* (латин. буквою *ū*), а в *и* — долгого *i*. В пользу этого мнения говорит, в частности, сохранение ударения на корне (редуцированные гласные, если в противоположном направлении не влияла грамматическая аналогия, на себе ударения не удерживали).

§ 4. Отражения звука ѣ.

Древнему славянскому и древнерусскому звуку ѣ в литературном русском соответствует е (с его вторичными изменениями в неударяемом положении): лѣто, сѣно, дѣло теперь звучат как лето, сено, дело.

¹ Ср., напр., А. Шахматов, Очерк древнейшего периода ист. русск. яз., 1915, § 37; А. М. Селницев, Учен. записки Моск. городск. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941 г., стр. 178—180.

Отступления *гнёзда, звёзды, приобрёл, надёванный, издёвка, прозёванный* и под. из *гнъзда, звъзды, приобрѣль* и под. представляют собою продукты грамматической аналогии; ср.: *вєслѣ: вєсла — гнєздѣ: х; вєсна: вєсны — звєздѣ: х; плєлѣ: плєл — приобрєлѣ: х; жєвѣть: жєванный — надєвѣть: х* и под.

В просторечии таких случаев замены рефлексов старого ятя новым *ѣ* больше, чем в строгом, архаизированном нормативном употреблении. Ср. варианты произношения: *зев* и *зѣв*, *издєвка* и *издѣвка*, *слєжка* и *слѣжка*, *отцвєтшій* и *отцвѣтшій*, *осєдлый* и (редко) *осѣдлый*, *осєкся* и *осѣкся*, редко, наряду с правильным *опєка*, — *опѣка*. Еще больше их в севернорусских говорах.¹

Надо заметить, что в отношении *ѣ:е* уже предреволюционное правописание, хотя и строго держалось этимологии в принципе, далеко не во всех случаях практически соответствовало действительному происхождению слова. Так, через *е* писались *голень, песок, дремать*, которым в других славянских языках соответствуют рефлексы «*ятя*»: ст.-слав. *голѣнь*, серб. *голијен*, словен. *golęn*; ст.-слав. *пѣськъ*, укр. *пісок*, серб. *пијесак*, словен. *pešek*, пол. *piasek*; ст.-слав. *дрѣмати*, укр. *дрімати*, серб. *дријемати* и т. д., и, наоборот, *ѣ* писался иногда в словах, где его исторически не было: *сѣкира* (др.-русск. *секры*), *змѣя* (ст.-слав. *зми*), и под.

Возможно, что в некоторых случаях, где произношение *ѣ* вместо ожидаемого *е* из «*ятя*» представлялось старым грамматикам исключением, оно было закономерно, так как восходило не к старому «*ятю*», который писался в некоторых словах ошибочно — вопреки этимологии, а к древним, забытым в правописании этих слов, звукам *е* или *ь*. Так, форма *сѣдла*, безусловно, закономерна, поскольку, как свидетельствуют старославянское и древнерусское написание *сєдло*, сербская краткость в *сѣдло*, словенская открытость *е* — *sédlo*, практика позднейшего русского правописания — *сѣдло* была ошибочна и основывалась на произвольном домысле этимологического характера (*сѣл, сѣсть*). «*Цвѣл*» фонетически может восходить не к «*цвѣль*», а к «*цвьль*» (ср. ст.-слав. *цвѣт-нѣ-ти*, серб. *цват* — из **свьть*, *цватити* — из **свьтити*, **слов.*, *свѣсти* с рефлексом *ь*, а не *ѣ*, устар. укр. *цвисти* из **свьсти*, и под.).

Есть серьезные основания думать, имея в виду факты памятников, свидетельства грамматиков и под.², что в Москве произношением ударяемого *ѣ* до самой середины XVIII в. было *је*,

¹ См. С. П. Обнорский, *Переход е в ъ в современном русском языке*, — Сборник Трудов комиссии по ист. АН СССР, вып. 3, А. А. Шахматов, 1947 г., стр. 295—315.

² Викт. Виноградов, *Исследования в области фонетики севернорусского наречия*. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук» (1919, XXIV, стр. 188—348). — К приведенному у него материалу стоит прибавить еще «*Лиродидактическое послание кн. Е. Р. Дашковой*» Н. Николаева («Русская поэзия» С. Венгерова, V, стр. 792 и след.).

а не е, как теперь, причем до XV в., по-видимому, не имело значения даже различие ударяемости и неударяемости ъ. Дифтонгическое произношение ударяемого ъ, по всей вероятности, было особенностью только высшего слоя носителей литературного языка, сохранившего его как архаическую черту в конце концов еще старого киевского произношения, поддержанного на новой почве сходными чертами севернорусских говоров. С таким произношением рано начала конкурировать в Москве окончательно победившая только в XVIII в. южнорусская (южновеликорусская) рефлексация ъ > е, носителями которой были широкие городские слои, уже ранее отразившие в своей речи влияние южнорусских говоров.

Особый вопрос представляет судьба ъ после j в конечных слогах (положение, которое мы имеем в родительном падеже ед. числа женского рода, в именительном-винительном мн. ч. женского рода и в винительном мн. ч. мужского склонения местоимений и членных прилагательных). Здесь, по-видимому, имело место, как принимал Шахматов, изменение jѣ в je, откуда под ударением jo; ср.: *jejъ > jeje > jejo*. Принятию такого перехода, по моему мнению, не противоречит факт, смущавший специально обследовавшего вопрос об ъ В. В. Виноградова, — наличие при окончании оѣ замены в грамотах XIV в. ятя буквою е и сохранения ятя (или замены его через и) в окончании иѣ. В случаях с оѣ (из оjѣ) в ряде слов произносилось (под ударением) jo: *тоѣ, самоѣ* и под., тогда как при ыѣ, иѣ (из ыjѣ, иjѣ) подобного перехода не было, так как не было случаев конечной ударяемости.

Специальный вопрос представляет и ранняя (уже с XIV в.) замена ъ звуком е в слове *целовать* и дальнейший переход *целовать* в *цоловать*, откуда — почти до конца XIX в. встречающееся написание *цаловать*. Вполне удовлетворяющего объяснения этих переходов нет; возможна догадка о специальной роли л, оказывавшего исстари в русском языке свое влияние в направлении перехода ь в ъ, е в о. В данном случае эта тенденция могла осуществиться особенно под влиянием последующего ударяемого у (*целую, целуешь* и под.).

После звуков ш, ж, ч, j — ъ или, вернее, долгое е, из которого этот звук возник, уже в более древнюю пору перешел в а; ср. в классе с инфинитивами на ъ-ти (при настоящем времени с приметой i) — *слышать, дрожать, молчать, стоять*. Единственное отступление в русском языке представляет глагол *кишеть* (*кышьти*), принадлежащий только восточнославянским языкам и являющийся в них, видимо, относительно поздним приобретением неизвестного происхождения.

Давним фонетическим ограничением рефлексации ъ > е является переход ъ в и.

Переход ъ в и перед слогом с ударяемым и — явление общевосточнославянское и, возможно, относится уже ко времени до

появления первых восточнославянских памятников. Переход этот мы видим в случаях:

Сидишь, сидит и т. д. из **сѣдѣши, сѣдѣть** (сѣдѣть) — ср. др.-русск. *сѣдѣти* и параллели в других славянских языках: пол. *siedzieć* и под.

Вития, др.-русск. **вити** из **вѣтии**¹ (так в старославянском); ср. группу *отвѣтътъ, вѣче* и т. п.

Дитина — пишут, однако, *детина*², — (ср. укр. *дитина*, а не «дітина»), откуда и *дитя* при *дѣти*. Ст.-слав. **дѣтъ**. Ср. подобное правописание в др.-русском: ...А жонка в то время дѣтя выверже... (Пск. судн. грам., 98); ...А останецца дѣтя вотчичь... (Судебн. 1589 г., 35).

Мизинец из **мѣзиньць** (ср. в ст.-сл. и в живых славянских языках: ст.-сл. *мѣзиньць*, серб. *мезимац* «младший сын» и под.). В укр. *мизинець* (Гринч.) и *мізінець*, т. е. с отражениями и и ѣ, что, быть может, стоит в связи с былыми колебаниями ударения; ср. белор. *мѣзинец*, *мѣзенец*; но сев.-русск. *мезинец* (М. А. Колосов, Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, № 3, 1877 г., стр. 69).

В др.-русских памятниках, «не знающих перехода **ѣ** в **и** или знающих этот переход в очень ограниченном размере», известны случаи: *надивѣчье горѣ* (Царств. Лет. XVI в.); ср. другое ударение *дѣвища*; *синица* Алф. (от «сѣнь»; ср. **сѣ**'ницам — там же, и дольную **сѣ**'ницу, Сборн. 1647 г.)³.

Что касается случаев, где ожидаемого перехода нет, то они находят свое более или менее правдоподобное объяснение. Так, слово **зѣница**, во-первых, имело колеблющееся ударение **зѣни́ца** и **зѣни́ца** (ср. серб. *зјѣница*) — Слов. русск. языка Акад. наук, II, вып. 9, стр. 2953, — а во-вторых, вряд ли было исконным словом у восточных славян (ср. *зѣнки*, укр. *зі́нка*, белор. *зяно́к*).

Пѣвица сохранило свое **ѣ** под влиянием *пѣвьць*.

Бѣжишь и т. д., видимо, имело давнюю параллель в системе форм, относившихся к *бѣгу*, *бѣгут*, инфинитиву *бѣчи* (ср. укр. *бігти* и русск. диалект. *бечь*), т. е. *бѣжеш, *бѣжеть и под.

Формы вроде **грѣшайшь**, **грѣшайть** и т. д., **грѣшійть**, **смѣшійшь**, **смѣшійть** и т. д., **смѣшійть**, как производные от *грѣхъ*, *смѣхъ*, не порвали с ними связи; **спѣшійшь**, **спѣшійть** и т. д., **спѣшійть** были поддерживаемы такими образованиями, как *спѣшьно* и под.

В инфинитивах, вроде **лѣпійть**, **мѣсійть**, **замѣніть** и под., и формах повелительного **лѣпї**, **лѣпите** и под. **ѣ** сохранилось под влиянием форм настоящего времени *лѣплю*, *лѣпишь* и т. д.

¹ К этимологии слова ср. теперь E. Lewy u. M. Vasmer, Zeitschr. f. slav. Philol., 1931. VIII, 1—2, 129—130.

² Так уже в др.-русском: *дѣтина* малъ (Судебн., 1497₅₂).

³ Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. — Сборн. по русск. яз. и слов. Акад. наук СССР, I, вып. 2, 1929, стр. 101—102.

Слово **снигирь** из **снѣгирь** (чаще писали этимологически; в укр. **снігур**) не представляет примера закона о переходе **ѣ** в **и** перед слогом с ударяемым **и**, так как переход **гы** в **ги**, по всей вероятности, — явление более позднее, чем действие этого закона. Написание **снигирь**, по-видимому, — результат забвения этимологии слова, с одной стороны, а в говорах, где неударяемое **ѣ** отличалось своим отражением от **и**, продолжение старой тенденции — с другой.

Примечание. Совпадение в произношении букв **е** и **ѣ** для многих случаев уже с XVIII века представлялось основанием для реформы орфографии — упразднения **я**, как излишней буквы. Все время выдвигались, однако, по этому поводу различные сомнения, решительно откинута, как известно, только лишь в 1918 году, когда орфографическая реформа была проведена официально.

Из старинных рассуждений об **я**те специальный интерес представляют соображения Н. Г. Курганова, изложенные в его известном «Письмовнике» (отдел «О различии и происхождении букв», примеч.). «Можно бы, — писал Курганов, — оставя букву **ѣ**, везде писать **е**, да понеже выговором, а паче писанием в надлежащих словах буквы **ѣ** вместо **е** различаются слова разного знаменования, а сходного звучания, как: *лечу*, *лечить* от *лѣчу*, *лѣтѣть*¹; пеню имя в винительном от *пѣню* глагола; плен родит. множест. имени *плѣна*² от *плѣнѣ*, то есть полон, и другие многие слова сими двумя буквами различаются как в письмах, так и в произношении, а особливо у малоросов, кои, хотя в том и великие знатоки, однако оную букву **ѣ** гораздо мягче надлежащего произносят, превращая ея в **ье** и в **и**, как место или мисто за мѣсто... Впрочем, предписанное³ затруднение в различении **е** от **ѣ** кажется совсем излишним и обходимым мудрованием, а сие, как видно, и в славенский язык сначала введено от киевлянских переводчиков, подражая греческому и польскому произношению. Лучше бы остаться при одной букве **е**, уничтожа помянутое различие слов, кое по смыслу речи само собой вразумительно. Сего ради многие наши писцы, несмотря на те правила, всегда одно **е** употребляют, потому что для себя, а не для иноземцев пишут, которые не за свои деньги сему легко обучаются»⁴.

¹ В предреволюционной орфографии писалось наоборот: «врачую» — *лѣчу*..., но «несуь на крыльях» — *лечу*.

² т. е. пелена в церковнославянизированной огласовке.

³ т. е. «раньше упомянутое».

⁴ Текст Курганова воспроизводится, кроме характерных частности, по новой орфографии и с нынешней пунктуацией.

§ 5. Отражения е.

Из е, восходящего одинаково к старым е и ъ, в русском под ударением в положении перед твердым согласным и на конце слова фонетически возникало ё (о со смягчением предшествующего согласного): *весёлый* (но *веселье*), *мёд*, *лён*, *прочёл*, *бельё*, *моё*.

Чтобы уяснить себе типичные особенности, относящиеся к русскому е, нужно принять во внимание еще несколько специальных условий.

Характерны вариации группы *-ер-* (из *-ьр-*) между согласными. В этой группе е переходит под ударением в ё только тогда, когда за р следует твердый зубной, т. е. *твёрдый*, *чёрный*, *мёрзнуть*, *мёртвый*, *зёрна*, но *четверг*, *первый*, *верх*, *церковь*, *верба*, *смерть* (ср. произношение «*в^ьэр^ьх*, *читв^ьэр^ьк*, *цэр^ькѣф^ь*, *в^ьэр^ьбэ*, *п^ьэр^ьвый* и под.).

Сумароков, напр., писал: «Лучи светила померькают... И страшны молнии сверькают...»

Заметим, что произношение «*читв^ьэр^ьк*, *в^ьэр^ьх*» и под. как литературное не узаконено. Ср. Е. Будде, «Очерк истории современного русского языка. XVII—XIX век», 1908 г.: «Ныне мы уже не пишем и не печатаем ь после р в этих и подобных словах, хотя и произносим р мягко, наблюдая в то же время и произношение твердого р в этих случаях у лиц с литературным образованием и даже у уроженцев города Москвы» (стр. 32—33) ¹.

Далее, хотя звук ц теперь в русском литературном языке (в отличие от украинского) всегда тверд независимо от положения, в прошлом он был мягким и действует на предшествующее е именно как мягкий. Поэтому мы имеем *молодец*, а не «молодѣц», *скупец*, а не «скупѣц», *сердец* (род. мн.), а не «сердѣц» и под.

С другой стороны, тоже бывшие в прошлом мягкими звуками ш, ж, память о мягкости которых отчасти сохраняет до сих пор орфография (*ши*, *жи*, *шь*, *жь*), влияют на предшествующее е как твердые: мы произносим ё в *ведёшь*, *вернёшь*, *грабёж*, *лёжа*, *дѣшев*. К влиянию диалектного твердого ш следует отнести и литературное *тѣща*; перед долгим мягким ш московского говора, на письме, обозначаемом буквою щ, ожидалось бы е, но в ряде говоров, где щ произносится как долгое твердое ш, ё вполне естественно; из них-то оно, по-видимому, и заимствовано ².

¹ Ср. и А. Соболевский, «Лекции», 4 изд., стр. 64. Произношение в этих случаях р перед задненебными распространеннее, чем перед губными.

² Ср. диал. в Пудожской Горе (бывш. Повенецкого уезда) Карело-Финской ССР.— Труды Комис. по диал. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 88.— *дешево*, *тештя*.

Отдельные отступления *чешет*, *тешет*, *брешет* (ср. диалект. *чошет*) могут отражать влияние родственного типа *мечет*, *щечечет*. поддержанное говорами, где ж, ш отвердели поздно и не влияют, как твердые, на предшествующее е (ср. диалект. *нѣис^ьѣш* и под.). Из подобных диалектов в литературный язык попало, вероятно, *головсика*.

По поводу нашего произношения *женский, деревенский, смоленский* следует припомнить, что отвердение с здесь — относительно новая черта, чуждая, напр., многим севернорусским говорам (ср. и укр. *людський, сільський* и под.).

Слоги *ги, ки, хи* влияют на предшествующее подударное *е* как твердые, т. е. соответственно своему древнему произношению *гы, кы; хы*; поэтому имеем *щѣки* (форму, повлиявшую и на *пощѣчина*). Менее доказательны случаи вроде *кровоподтѣки, жохи*, где возможно также влияние единственного числа¹.

Нет перехода *е* в *ѣ* в начальном *не-* в префиксальных существительных и под. и в случаях переноса на него ударения с глаголов: *нѣмочь, нѣхотя, нѣ дал*.

В случаях вроде *нѣ дал* и под., вероятно, издревле ударение не отличалось устойчивостью.

Нужно также принять во внимание, что в словах *нѣнависть, нѣдоросль* мы имеем продукты старославянского влияния.

Древнеболгарский (церковнославянский) язык не знал изменения *е* в *о* с предшествующей мягкостью (*ѣ*). Поэтому многочисленные заимствованные из него слова произносятся до сих пор на древнеболгарский лад, с тем, однако, отличием, что *ѣ* смягчает, как вообще в русском, предшествующий согласный и неударяемое *е* произносится близко к *и*. Таковы: *небо, перст* (но *напѣрсток*), *дерзкий, серна, пещера, полезный, лев* (но собственное имя онароднилось, ср. вариант — *Лѣв* ²).

В старом литературном языке (почти вплоть до половины XIX в.) церковнославянское произношение было в употреблении значительно больше, чем теперь. В ряде слов, где, напр., Пушкин произносил (или мог произносить) *е*, теперь, подчиняясь общей фонетической тенденции русского языка, мы произносим только *ѣ* (*о*): «На холмах пушки, присмирив, Прервали свой голодный рев» («Полтава»). «И ты пришел, сын лени вдохновенный, О Дельвиг мой, твой голос пробудил Сердечный жар, так долго усыпленный, И бодро я судьбу благословил» (19 окт. 1825 г.). Особенно многочисленны случаи такого чтения в его юношеских стихах. Ср. также у его современников рифмы вроде *Лафайэт* и *кладет* (Д. Давыдов), *небес* и *нес* (Ф. Тютчев) и под. У Батюшкова в стихотворении «В обители ничтожества унылой» на расстоянии нескольких строк рифмы: «слѣз — роз» и «небес — слез»³.

Довольно консервативными мы остаемся в произношении некоторых слов книжного происхождения, вероятно, непосредственно не восходящих к старославянскому; ср. *учебный, вра-*

¹ Трудность представляет, однако, *щепки* (щепьки): влияние смягченного *п*? Под влиянием множественного числа — *е*, а не *ѣ* и в единственном: *щепка*. Объяснение Соболевского — *щепка* — под влиянием *щепь* остается только отдаленной возможностью; другое дело — *щелка* (при *щолка*) — под влиянием *щель*.

² Баратынский рифмует «Лев» (имя брата А. С. Пушкина) с «плов».

³ Вообще о произношении первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 15—17.

чебный, душевный, плачевный. Правда, акад. А. И. Соболевский (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XXVIII, стр. 398) толкует их как правильные русские формы перед былым *-ьн-* (стар. *тьмьный*), но широкое распространение произношения *тёмный* (ср. еще, напр., народн. *неуёмный*) и книжный характер приведенных им примеров не позволяют считать его мнение бесспорным.

Сказанное об *е* в словах, заимствованных из церковнославянского, относится к заимствованиям из других языков: *пекарь*, *опека*¹, *конверт* (канв^бэрт), *газета* (газ^бэтэ), *рента* (р^бэнтэ), *лента* (л^бэнтэ), *момент* (мам^бэнт), *пресса* (пр^бэсэ), *секция* (с^бэцыйэ), *тема* (т^бэмэ), *проблема* (праб^бэмэ), *метр* (м^бэтр), *спектр* (сп^бэктр) и под.

Наряду с отмеченными особенностями фонетического происхождения или объясняемыми заимствованием мы найдем известное количество случаев, обязанных действию смысловых ассоциаций и производящих впечатление отклонений от общих фонетических законов. Таковы:

1. Переход *е* в *ё* (*о*) перед мягким согласным в дательном и местном падеже ед. ч., оканчивающемся на *е*: *обжора* (*обжоре*), *берёза* (*берёзе*), *подолёка* (*подолёке*). Ясно, что фонетические формы утрачены под влиянием остальных форм склонения, где *е* находилось перед твердым согласным.

2. Другой тип выравнивания имел место в творительном падеже ед. ч. женского склонения на *я*: под влиянием «стороною», «рекою» и под. вместо ожидаемых «землею», «свечюю», «вожжею» имеем *землём*, *свечюю*, *вожжею*. Ср. фонетические формы *моею*, *твоею*.

3. Под влиянием «несёт», «несём» и под. вместо фонетических «несете», «плетете», «рвете» явились и получили в литературном языке исключительное господство — *несёте*, *плетёте*, *рвёте*. Под влиянием «тёр», «тёрла», «тёрло» и во мн. ч. имеем «*тёрли*».

4. Иногда *ё* (*о*) проникало в близкородственные слова: *тётя* — под влиянием *тётка*, *горшочек* — под влиянием *горшок*, *мешочек* — под влиянием *мешок*, *околёсица* — под влиянием *околёсная* (ср. «понес околесную») и под.

5. Под влиянием *дёрнуть* явилось нефонетическое *дёргать*². Новое литературное *подчёркивать* (ср. параллельное *подчеркивать*) могло возникнуть по аналогии с *отдёргивать* и под.

6. Наоборот, отсутствие *ё* (*о*) в *шест* (вм. ожидаемого «шост») с известной вероятностью объясняется (Зеленин) влиянием род-

¹ Польск. Ср. и *невод* — по-видимому, финское слово.

² Фонетическая форма встречается в говорах; ср., напр., Матер. для изучения великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, 1903.

Ср. и диал. *нашесть*: «Бабы что куры: ничего им не надо, окромя двора да нашиести» (Ф. Гладков, Вольница, изд. 1951 г., стр. 10). В окрестностях Тихвина, Черепов. обл., — Труды Комисс. по диал. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 78, — *ошосток*, белор. *шост*.

ственного по смыслу слова *насет* (из «насъсть»). Фонетическая форма — *шост* засвидетельствована, напр., в брянском говоре (Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, LXXVI, № 4, 1904, стр. 94).

Вопрос о рефлексии в древнерусском конечного неударяемого *е* представляет значительные трудности. По-видимому, в ряде влиятельных в истории литературного языка говоров в положении (**ь**)*йе* — *е* переходило в *а* (или качественно близкий к нему звук); так можно (хотя и не необходимо, см. Морф. § 5) объяснять, напр., формы им. мн. ч. *кѡлье* > *кѡлья*, *гвѡздые* > *гвѡздыа* и под. В других положениях, по-видимому, как бесспорно свидетельствует произношение *прѡсѣ'итѣи*, *знѣитѣи*, «просите, знаете», в говорах, легших в основу литературного языка, неударяемое *е* произносилось как звук, близкий к *и*.

В некоторых морфологических категориях, как напр., в им. п. ед. ч. средн. р. *море*, *поле*, произношение *мѡрѣа*, *пѡлѣа*, говорит о промежуточной стадии — «морѣо, полѣо», отражающей влияние параллельного твердого склонения; ср. *дело*, *сено* и под.

Из частных случаев отметим:

1. Если даже принять вместе с Шахматовым, что старые формы род.-вин. п. ед. ч. *мене*, *тебе*, *себе* часто выступали как безударные (ср. случаи вроде «просил меня», «звал тебя»), то, при отсутствии надежных данных в пользу того, что конечное *е* фонетически отражалось в виде *а(я)*, для данной категории естественно предпочесть другое возможное объяснение.

Меня, *тебя*, *себя* — явление общесевернорусское, тогда как переход *е* > *я* принимается только для части севернорусских говоров. Уже Ягич догадывался о том, что изменение *мене*, *тебе*, *себе* в *меня*, *тебя*, *себя* — явление, все-таки связанное с действием аналогии: «Тут, мне кажется, — писал он, Крит. зам., стр. 49—50, — втихомолку влияла аналогия не исчезнувшего сразу винительного падежа «*ма*, *та*», Ср. особенно — *са*.

2. В светских памятниках, начиная с XIV в., особенно в московских (с конца XIV в.), в употреблении форма 1 л. ед. ч. *есмя*. Но ср. и: «И иных святых мощей много во златых палатах цѣловали же есмя» (Путеш. Антония конца XII в. по списку XV в.). Реже (с XVI в.) употребляется форма 2 л: мн. ч. *естя*. Ее мы имеем, например, в Никоновской летописи, где слова нижегородского князя Бориса Константиновича к своим боярам передаются так: «Господіе мои, и братіа, и боаре, и друзи. Помните, господіе, крестное цѣлованіе, как *естя* цѣловали ко мнѣ и любовь нашу и усвоеніе къ вамѣ». В ответе старшего боярина Василия Румянца — более обычное *есмя*: «Вси *есмя* единомыслени къ тебѣ и готови за тя главы своа сложити и кровь изліати» (47).

Обе формы, вероятно, звучали чаще всего как энклитические, безударные.

Теоретически рассуждая, если *есмя* можно было бы рассматривать как архаизм, форму эту естественнее всего было бы

сблизить с др.-греч. окончанием 1 л. мн. ч. — *теп*. *Естя* тогда нужно было бы толковать как результат влияния *есмя*, причем частые формы *есте* следовало бы в этом случае рассматривать как фонетические, поддерживаемые к тому же многочисленными глаголами других классов с их окончанием *-те*¹. Скорее, однако, *есмя* — искусственный случай передачи болгаризма — *есме* (ср. такую же искусственную форму 1 л. ед. ч. *есми*), может быть, первоначально отразивший чье-либо индивидуальное якаящее произношение и традиционно закрепившийся только в канцелярском языке².

3. Др.-русск. *крестьяня, бояря* и под. — из *крестьяне, бояре; татароя, бусурманоя* — из *татарове, бусурманове*. Эти формы появляются в памятниках с XVI в.; ср., напр., *древьяня* (в Лавр. сп. летописи), но характерно, что их недавнее распространение в диалектах было неодинаково: *-аня, -яня, -яря* и под. относились (относятся) едва ли не исключительно к средневеликорусским и южнорусским говорам, а редкие *-овя* — к севернорусским. В первых можно подозревать или узкий фонетический закон — «переход неударяемого *е* в *я* за ударяемыми *а, я*», или влияние образований на *-ья* типа *братья, друзья* (первоначально собирательных, засвидетельствованных издавна); в *татароя* и т. п. (ср. и параллельное *татаровья*) — скорее всего — влияние *сыновья* и под.³.

Неустойчивость употребления отражена в таких, напр., текстах, как: «А которые выборные, столники стряпчие, *дворяня* московские, и жильцы, и городовые *дворяне* же, и дети боярские от всех чинов челобитье доносили...» (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.). Не исключена также возможность, что формы на *-аня, -яня, -яря, -овя* вошли в старую письменность как контаминации прежних на *-ане, -аре, -ове* и новых на *-ана, -ара, -ова* и под. Широко представленные в севернорусских диалектах, последние вряд ли, хотя почти и не отражены в древнерусских памятниках⁴, уступают по древности формам на *-аня* и т. д.; есть даже основания думать, что они древнее их⁵.

¹ А. Шахматов, Исследование о двинских грамотах XV в., 1903, стр. 98—99, объясняет отличие *есте* тем, что окончание *-те* находило себе поддержку в глаголах с подударным этим окончанием.

² Пример *есме* см., хотя бы, в грамоте кн. Юрия Дмитриевича вел. князю Василию Васильевичу 1428 г.: «...опрочъ тѣхъ волостей, што ся *есме* ступили своему брату молодшему, князю Костянтину Дмитриевичю».

³ Как аналогию отметим, что в чешском тоже именно тип на *-ané, -ové* и под. с долготой подобного конечного *е* позднейшего происхождения: *Mogavané, Pražané, párodové, stavové* — дает повод к догадке о влиянии типа с окончанием *ье* и что в словацком вся совокупность относящихся сюда фактов очень напоминает русские отношения: *Slovania, Turčania, dedinčania, rapovia, kmotgovia* «кумовья», *supovia* под влиянием *bratia, zatia*.

⁴ Из старых примеров см.: «...да яз, Ерема Панкратов сын, и все крестьяна Тавренские волости...» (Заповедная крестьян Тавр. вол., 1598 г.).

⁵ Что касается происхождения форм типа *крестьяня, бояря, сватовя* (ср. и литер. *хозяева*), то это продукты влияния собирательных. Ср. с первым: *господин* — *господа*, со *сватова* и под. — *татарва* (литер. *листва, плотва*).

§ 6. Аканье и иканье.

Аканье — широко распространенное в русском и белорусском языках явление изменения этимологического *о* в безударном положении — переход его в *а* или близкие к последнему редуцированные гласные звуки. Охватывая белорусские говоры полностью, аканье в русском языке характеризует только литературное произношение, южнорусское наречие и переходные говоры, но отсутствует в севернорусском наречии. По говорам условия проявления аканья не одинаковы и характеризуются довольно значительными различиями. Зарождение этой фонетической особенности следует, по-видимому, относить ко времени, значительно более раннему, чем она обнаруживается в памятниках (середина XIV века). В пользу такого мнения говорит широта распространения и фонетическое разнообразие этой особенности (см. и ниже соображения об иканье и яканье, которые развивались в большей или меньшей мере параллельно с аканьем).

Под московским аканьем в узком смысле термина разумеется явление перехода *о* непосредственно перед ударением в *а*, а в других положениях неударяемости — в редуцированный звук ряда *а*, производящий на слух впечатление звука, близкого к *ы* (*э*): *парок* (порók), *важу* (вожу́), но *кэласок* (колосók), *гэласок* (головók), *высока* (высоко), *тиха* (тихо) и под.

Первые немногочисленные случаи аканья (спорные) отмечаются (Соболевским) в списанном в Москве с украинского оригинала Сийском ев. 1339 г. Из них наибольшее доверие внушает «въ *Анустѣвши* земли» в записи к нему. Переписчик Пролога Моск. синод. типографии № 172 1383 г., по-видимому, новгородец, название Москвы пишет через *а*, вероятно, так, как он слышал по местному произношению: «того же лѣта взяшь (sic!) тотари *макву* город на руси».

Случаи вполне надежные, не оставляющие сомнения в своей природе, относятся к Московскому ев. 1393 г.: *прикаснуся, правдающимъ* и под., и ряду памятников более поздних. Косвенные указания на аканье извлекаются и из «духовных» московских великих князей, в которых собственные имена, не имевшие опоры в церковнославянской традиции, обнаруживают или колебание *о* — *а*, или *о* против этимологии; ср.: *Брошевую* (назв. деревни) в духовной Ивана Калиты, но *Брашевая* в духовных вел. кн. Ивана Ивановича, Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича; *Шагатыю* (тв. ед.) и рядом *Шаготью* во второй духовной Дмитрия Донского.

Столкновение аканья с севернорусским оканьем позже отражается в многочисленных памятниках частыми гиперизмами вроде: «князь велики *прикозал*»; «и выб, государи, пожаловали, *показали* милость» (Наказн. речи, в списке князя Андрея Иоанн. Старицкого, писанн. в 1573 г.).

Одновременно с аканьем, как переходом *о* в *а*, и в говорах и в памятниках выступает переход неударяемых *е*, *ѣ*, *я* в *и*: упо-

ваите вм. уповае, имати вм. имате, радости вашаия вм. вашаея (Сийск. ев.), послушаите вм. послушае, бесѣдуите вм. бесѣдуе, всяя земля (род. ед.) вм. всея, и под. (Паремейник 1378 г.).

В говорах представлено еще яканье — возможный переход этих же гласных в том же положении в а после мягкого согласного, в некоторых говорах полный, в других (таких большинство) — в зависимости от характера последующих звуков¹.

Несомненно, что в некоторых русских говорах распределение рефлексов гласных звуков, переходящих в и и я (а со смягчением предшествующего согласного), зависело от характера последующего гласного. В частности, для хронологии явления важны показания обоянского говора, в котором, например, как заметил Л. Л. Васильев, Изв. Отд. русск. яз. и слов., том II (1904 г.), кн. I, различно влияют на гласный предшествующего слога ударное о из общеславянского о и о из общеслав. ъ: *сяло, крѣсто́вий, мяст-о́в*; но *тило́к* («телёк»), *силóм* (тв. пад.) — др.-русск. сельмь, и под.² Это заставляет думать, что особенности аканья — иканья в данном говоре сложились до того, как ъ перешел в о в закрытом слоге.

Якающие говоры в истории литературного языка заметной роли не сыграли, хотя отражения яканья в письменности (напр., в грамотах) относительно нередки. И иканье и аканье в южно-русских говорах представлены значительно различающимися типами, но московской письменности, отражающей говор с последовательным иканьем в слоге, непосредственно предшествующем ударению, и эти вариации, вообще говоря, чужды. Что касается различия в характере неударяемого е, отмечаемого (Д. Ушаков) еще для начала двадцатого века в качестве приметы двух поколений (старшее производило е^н, т. е. как закрытое е, близкое к и, младшее — чистое и), то этот факт можно толковать как свидетельство, что московское е в таком положении вполне в звук и перешло только в самое последнее время и что и памятников передает в подобных случаях только акустическое впечатление писцов. Меньше имело бы за себя предположение длительного влияния графики.

Проникновение аканья в письменность, несмотря на традиционность этимологического правописания, сказалось в том, что в дальнейшем установились некоторые неэтимологические написания (главным образом в словах этимологически изолированных и заимствованных):

Барсук — вм. др.-р. *борсукъ*; ср. пол. *barsuk*, укр. *борсук* из тюркск. *barsuk*.

Бразды «возжи» (ср. *бразды правления*, выражение, бывшее в употреблении в царской России в торжественном языке и сде-

¹ Подробно см. П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., 1951, стр. 112—114.

² См. и А. А. Шахматов, Очерк древнейш. периода ист. русск. яз., § 509.

лавшееся ироническим уже в середине XIX в.); ст.-сл. *брѣзда*, в Погод. Прол. XIV в.: брозды в уста вложеше. Еще Ломоносов пишет (о коне Елисаветы): Крутит главой, звучит броздами, И топчет бурными ногами, Прекрасной всадницей гордясь (Ода 27 авг. 1750 г.). У В. Петрова (К вел. государыне): Сколь твой ни жарок конь, послушен будь брозде.

У Державина колебание: Чтоб конь ... бурно брозды опенял (Изобр. Фел.); Со брозд кровава пена (Колесн.) и Где пламенны меж туч бразды (Конч. Орл.). Бразды держащие в руках (Кол.).

Возможно — *забота* вм. «зобота» к глаголу *зобать* «клевать»¹.

Завтрак — вм. др.-русск. *заутрок* из *заутрѣкъъ*; ср. др.-пол. *zajutrek*, род. *zajutřka* (-е- в польском из ъ).

Заря; ср.: *зѳрю*, укр. *зоря*, пол. *zorga* и под.

Кавычки вм. *ковычки* (изредка пишут и так); ср. *заковыка*.

Калач, при *колач*; ср. сев.-русск. *колач* и параллельные факты в других славянских языках. Родственно со словом *коло* «круг» (ср. *колесо*).

Каракатица — вм. *корокатица* (корень *корок*; ср. болг. *крака* «ноги»). *Корокатица* было рекомендовано как правильная форма Я. К. Гротом.

На карачках и **на корачках**; ср. серб. *корак* «шаг».

Карман; ср. др.-пол. *kołman* — род верхней одежды, из тюрк. *karman*.

Более давний источник слова надежно не установлен; ср. Ф а с мер, REW, I, стр. 534.

Касатка вм. *косатка*; ср. *коса*.

Наименование ласточки от *коса* (орудие) дано ей, как думают, по форме хвоста.

Качан, при *кочан*, ср. *кочень*, др. русск. *кочанъ* «*testiculum virile*», серб. *качань* и под.

Крапива, при *кропива*; ср. укр. *кропива́*. И то и другое из «коприва» (ст.-сл. *коприва*, болг. *коприва* и т. д.).

— О других родственных словах — Ф а с мер, REW, I, стр. 655—656.

Лапта; ср. чеш. *lopta*, хорв. *lopta*.

Лапша; ср. укр. *локша*, русск. диал. *локша* и *лохша* из тюрк. *lakša*.

Махровый вм. «мохровый» (ср. *махры* «бахрома, лохмотья по краям одежды», *махорка* «курительный табак низшего сорта»). Корень слова находится в родстве с *мохна* «пучок, клок, кисть» и *мохнатый* и, предположительно, — с *мох*.

Палаты вм. *полаты*; ср. ст.-сл. *полата*, вероятно, из лат. мн. ч. *palatia*. Возможно, что с этим словом в родстве и *палач*².

¹ Подробнее — Я. К. Грот, Филолог. разыскания, I, 3 изд., 1885, стр. 590, В. К. Чичагов, Учен. зап. Моск. унив., 137, стр. 116 и след.

² Н. М. Каринский, За историзм в науке о языке. «Революция и язык», № 1, 1931, стр. 36—38.

Паром, при *пором*, укр. *порон*, др.-р. *поромъ*; как указывают чешск. *prám*, пол. *próm*, — форма с полногласием.

Работа вм. *робота*; ср. сев.-русск. *робота*, укр. *робота* и под.

Ракита вм. *рокита* (из древнейшего **orkyta* с циркумфлексивым *og*: укр. *рокита*, чешск. *rokyta*).

Расти вм. *рости*; ср. *вырос*, *рост* и под.

Славяне вм. *словяне*; др.-русск. *словѣне*¹.

Стакан из *дѣстѣканъ*; ср. *достоканъ* (Дух. в. кн. Ивана Ивановича); пять достоканцевъ да рюмка, стеклянные (Дело Ник., № 105), но там же: дюжина стакановъ; четыре чашки да пять стакановъ среднихъ. Сев.-русск. *стокан*.

Тараторить; ср. чешск. *trátořiti*, указывающее на полногласие в русском, т. е. *тороторить*.

Тарахтеть — укр. *торохтіти*.

Тароватый, при *тороватый*; ср. обл. *тѣрово* — «шедро».

В собственных именах: **Авдотья**, **Алена** вм. древних *Овдотья*, *Олена*; **Вазуза**, **Масальск** вм. древних *Возуза*, *Мосальскъ*.

Некоторые слова, заимствованные из тюркских языков, издавна, вероятно, колебались в произношении и писались двояко: **барань** — **борань**, **казакъ** — **козакъ**; ср. и **камыш** при укр. *комиш*.

К аканью восходит в своих основах (вопреки утверждению Соболевского, Лекции, 4 изд., стр. 83) и диалектное явление замены старинного *а* под ударением новым *о* в настоящем времени глаголов: *плотит*, *дорит*, *содит* и под.; ср.: *платит*, *дарит*, *садит* и под. Здесь мы имеем расширенные аналогией отношения типа «нашу» (пишется *ношу*): *носит*. В литературном произношении узаконялось (со времени Грота) «плотит» (еще Буслаев считал, однако, его относящимся к «просторечию») и «пасодит» (Шахм.). Все глаголы, в которых мы наблюдаем эту замену, раньше имели ударение на примете *и*: ср. укр. (диал.) *платити* (3 л. ед. ч.), словен. *pláti* и под., русск. же *дарит*, *садится* и т. д., и соответствующие изменения гласного стоят в связи с аналогическим же изменением места старого ударения. Соответствующие факты в севернорусских говорах (окающих), по всей вероятности, как и само новое в них место ударения, занесены из южнорусского наречия. — Вм. старинного *а* нефонетически *о* внесено в слово **ласковый** (ср. укр. *ласкавий*), — под влиянием суффикса *-ов* (ый).

В склонении узаконенной в литературном языке считается замена этимологического *а* аналогическим *о* только в слове *кайма*: *кайма* (вм. *каймы*).

Произношение безударного *е* как *и* закреплено орфографией в слове *свереп*: ст.-слав. и др.-русск. *сверѣпъ*.

Отражение произношения *я* как *е* (далее — *и*) имеем, напр.,

¹ Этимология имени спорна. Наиболее правдоподобно толкование (Розвадовского) — от названия реки Slova. Суффикс — *ьн* (*-ин*) указывает на «житель, обитатель» и под. Подробности VREW, II, стр. 656—657.

в написаниях: *ветчина* из *вядчина* «вяленое, копченое мясо»¹, *десна* из *дясна*, так в др.-русск. (XIV—XV в.); ср. укр. *ясна*; пол. *dziaśto*; под влиянием отношений «*весна*: *вёсны*» и под. возникло и *дёсны*; *ресница* (раньше писали также неправильно *ръсница*; др.-русск. *рясница*, ст.-сл. *расьница*, пол. *rzęsa* «сереежка у растения»); *тетива* (ст.-сл. *татива*, укр. *тятива*, пол. *cięciwa*); *ястреб* (др.-русск. *ястрябъ*, Русск. правда по сп. около 1282 г. и др., пол. *jastrząb*).

В отдельных словах **е** вм. **я** своим проникновением обязано еще влиянию схожих суффиксов: др.-русск. *Вороняжь* (Лавр. сп. лет.) — нынешнее *Воронеж* (ср. суффикс **-еж-**), *колодязь* > *колодезь* и *колодец* (ср. суффикс **-ец-**, род. п. **-ц(а)** из **-ьць**, **-ьца**). Слово *заяц* (ст.-сл. *замць*, пол. *zajac*), сколько можно судить по укр. *заєць* — *зайця*, подвергалось влиянию суффикса **-ьць-**, **-ьца** в косвенных падежах, может быть, и независимо от перехода **я** > **е**. Формы типа «*заець*, *заицы*» засвидетельствованы: первая — с XV в., вторая — с XVI. У Сумарокова, как отметил Чернышев, в басне «Совет боярской» *заяц* имеет косвенные падежи с сохранением **я**, в соответствии с диалектным употреблением.

Как результат приравнения к «**я** > **е** (**и**) без ударения — **е** (**ё**) под ударением» явились неэтимологические **е** (**ё**) в случаях *запречь*, *запрёг* вм. *запрячь*, *запряг*, устар. *потрёс* вм. *потряс* (ср. у Пушкина: «кобылку бурую запречь» и рифма — «печь»; у Державина: «Магомета ты потрес», рифма «Росс»)².

В *метель* — *мятель* разница написаний стоит в связи с различием этимологии: первое связывается с *мету*, второе — со старинным *мяту* (ср. *мятущаяся душа*, *сумятица* и под.).

§ 7. Чередования гласных³.

Унаследованные чередования гласных русского языка, т. е. отношения гласных, которые встречаются в родственных словах или формах, свое осмысление в большинстве получают в явлениях глубокой древности.

Самое распространенное в индоевропейских языках чередование — так называемое качественное (чередование **е** и **о**) —

¹ Подробные относящиеся к слову справки см. в статье Г. А. Ильинского — «Славянские этимологии», — Изв. Отд. русск. яз. и слов. АН, XXIV, 1923, стр. 129—133.

² Но в *лежу* — *лягу*, *сел* — *сяду*, по-видимому, сохранена старина: ст.-сл. *лєжѣ* — *лєжѣ*, *сѣлѣ* — *сѣдѣ*. В формах *лєжѣ*, *сѣдѣ* новый гласный в корне явился из сочетания старых **е** с так называемым инфиксальным (вставным) **п** (**н**), выполнявшим морфологическую функцию. Последний хорошо засвидетельствован в санскрите, латыни и др. индоевропейских языках.

³ Чередования гласных условно относим (по вероятному их происхождению) к фонетике, хотя в настоящее время во всех индоевропейских языках они являются уже только средством характеристики отдельных слов или морфологических категорий.

признанного объяснения не имеет. Зато в основном ясны другие чередования — количественные (чередования краткости и долготы), которые способны обозначать, например, в глаголах различия длительности действия (видовые различия), — см. «Морфология», § 31.

Приняв во внимание, что долготу *e* других индоевропейских языков соответствует старослав. **ѣ**¹, получаем ряд *e : o*: **ѣ : а**, засвидетельствованный или полностью: ст.-слав. *текж : токъ : истъ-кати : растачати* «расточать» — собственно «разливать»), или частично: *скачити : скакати*; *лъзти : лазити*; *ръзати : разити*, *сѣсти : садити*. В русском, подставляя соответствующие рефлексы, имеем: др.-р. *теку* (совр. произношение «тику»): *ток : вытекать* (произносится «вытикать^б»); *вскочить* (произносится «фскачит^б»): *скакать*; *сквозь*; *скважина*; *сесть : садить*; *лезть : лазить* и под. Другой тип отношений объясняется для славянских языков, и в их числе для русского, старой системой чередований дифтонгов. Как позволяет отчетливо различить еще, напр., древнегреческий, дифтонги (т. е. сочетания типа *aj*, *oj*, *ej*, *au*, *ou*, *eu*), кроме качественного чередования, чередовались еще со второй своей частью, выступавшей в долготном или краткостном виде, т. е. исходные отношения представляются в виде: 1) *oj : ej : i : i*, 2) *ou : eu : u*. Представляя рефлексы соответствующих звуков², получаем для славянских языков 1) **ѣ : и : и : ъ**, 2) **у : ю** (у со смягчением предшествующего согласного) : **ы : ъ**.

¹ **ѣ** в старославянском письме — знак особого звука. Этому звуку в других языках соответствуют определенные отражения: в литературном русском под ударением *e*, в украинском — *i* и под. Примеры соответствий индоевр. **ē** (долготу *e*) в виде **ѣ**: лат. *vēgus* «истинный», готск. *tuz-wērjan* «быть недоверчивым» — *въра* (русск. *вера*, укр. *віра*); лат. *sēmen* «семя», литовск. *sėmens* «льняное семя» — **сѣма** (русск. *семя*, укр. *сім'я*).

² Примеры соответствий: ***ō** — славянскому ***ā**; греч. *zōstós* «подпоясанный» — ст.-слав. *по-ясъ*; греч. *dōron* — ст.-слав. *даръ*; греч. *gi-gnō-skō* «знаю», лат. (*g*)*nō-sco* — ст.-слав. *знати*.

***o**_i — слав. ***ѣ**: греч. *lóiros* «остальной» — ст.-слав. *отълѣкъ* «остаток»; греч. *oida* из «*uo*ida» — ст.-сл. *вѣдѣ* «я знаю». ***ej** — сл. ***i**: греч. *steichō* «ступаю» — ст.-сл. *стигати* «достигать»: литовск. *šeigys* «вдовец» — ст.-сл. *сирь*.

***i** — сл. ***ī**: др.-инд. *grīvā* «затылок», латыш. *grīvis* «высокая трава» — ст.-сл. *грива*; греч. *īlys* «ил» — ст.-сл. *илъ*.

***i** — слав. звук **ь**: литовск. *svitėti* «блестеть», др.-инд. *ṣvitrás* «белый» — ст.-сл. *свѣтъти*: греч. *ripāx* «балка», «доска», др.-инд. *ripākam* «ствол» — ст.-сл. *пнь*.

***ou** — слав. **у**: греч. *tauros* «бык», лат. *taurus* — ст.-сл. *турь*.

***eu** — слав. **ѹ** (ѹ со смягчением предшествующего согласного): греч. *peithomai* «узнаю, осведомляюсь» — ст.-слав. *блюдъ* «стерегу, блюду»; греч. *a-keūō* — ст.-сл. *чу-ти*.

***ū** — слав. **у** (ы): др.-инд. *mūṣ* «мышь», греч. *mūs*, лат. *mūs* — ст.-слав. *мышь*; др.-инд. *sūpūs* — литовск. *sūpūs* — ст.-сл. *сынъ*.

***u** — сл. звук **ъ**: лит. *budgūs* «бодрый» — ст.-сл. *бѣдрь*; лат. *mus-cus* «мох» — ст.-сл. *мъхъ*.

Примеры: 1. Ст.-сл. *свѣтъ*: *свитати* «рассветать»: *свѣтъти* «светить».

2. Ст.-сл. *будити* (будити) : *блѹсти* : *вѣз-быдати* «просыпаться» : *бѣдѣти* «бодрствовать».

Др.-русск. *соп* «насыпь, вал», *посоп*, *посп* «хлеб зерном» : *сыпать* (ср. и чеш. *sutŭ* «насыпанный» с **и**); *ков-ать* : *кую* (ку-зница).

Первоначальные дифтонгические сочетания **ом**, **оп**, **ол**, **ог**, т. е. сочетания **о** с сонорными, в основном входили в подобные же чередования **ем**, **еп**, **ел**, **ег**: вторая часть их», которая становилась слогообразующей — **п**, **р**, **л**, **г** и в славянском отражалась в положении перед гласными или в виде **ѣп**, **ѣр**, **ѣл**, **ѣг** в качестве продукта редукции **о** (сокращения, сопровождавшегося качественным изменением), или в виде **ѣп**, **ѣр**, **ѣл**, **ѣг** — в качестве продукта редукции **е**.

Перед согласными **ом**, **оп**, **ем**, **еп**, **ѣп**, **ѣр**, **ѣп**, **ѣр** превратились в носовые гласные: **ѡ** из тех, которые в первой части имели **о**, **ѣ** и **ѣ** — из тех, которые в первой части имели **е**, **ѣ**. Таким образом, наиболее древние чередования этого типа выступали на славянской почве в виде:

I. **он** (**ом**) : **ен** (**ем**) : **ѣн** (**ѣм**) : **ѣн** (**ѣм**) : **ж** : **а**

II. **ол** : **ел** : **ѣл** : **ѣл**

ор : **ер** : **ѣр** : **ѣр**

Переводя эти древние отношения на русские рефлексy, получаем:

I. **он** (**ом**) : **ен** (**ем**) : **ѣн** (**ѣм**) : **ѣн** (**ѣм**) — перед гласными,

у : **я** (**а** со смягчением предшествующего согласного) — перед согласными.

II. **ол** : **ел** : **ѣл** : **ѣл** — перед гласными,

оло : **ѣл** — перед согласными,

ор : **ер** : **ѣр** : **ѣр** — перед гласными,

оро : **ере** : **ѣр** : **ѣр** — перед согласными.

Из них наиболее редки **ѣм**, **ѣн**, **ѣл**, **ѣр**.

Иллюстрируют эти чередования такие примеры (следует иметь в виду при этом, что обычно один и тот же корень бывает представлен только отдельными — не всеми возможными — рефлексами):

I. *Искони*; *коньць*¹ — *начати* из (**па-кен-ти*), русск. *начать* — *начѣнѣ*, русск., с выпадением **ѣ**, *начну*. *Жѣнѣ*, русск. *жну* — *жѣти*, русск. *жать*; *жѣмѣ*, русск. *жму* — *жѣти*, русск. *жать*. *Вѣзѣти*, русск. *взять* — *вѣзѣмѣ*, русск. *возьму*. *Надѣмѣнѣнѣ*; русск. из церк.-слав. *надѣмѣнѣнѣнѣ* (первоначальное значение — «надутый») — *надѣтисѣ*, русск. *надуться*. *Гонити*, русск. *гонять* — *женѣ* — *гѣнѣти*, русск., с выпадением **ѣ**, *гнать*. *Трѣсѣ*, др.-русск. *трус* («землетрясение») — *трѣсти*, русск. *трясти*.

¹ Значения «начало» и «конец» во многих языках восходят к тому же корню: ср. серб. *начети* «начать» и *дочети* «окончить».

Русск. *помол* — *молоть* — *мелю* (ст.-сл. *помоль* — *мльти* — *мелѣ*). *Полоз* — др.-русск. *пѣлзти* (ст.-сл. *плавъ* — *пльзати* — *плѣзти*). *Воротить* — *веретено* — др.-русск. *вѣртѣти* (ст.-сл. *вратити* — *врѣтено* — *врѣтѣти*). *Раздор* — др.-русск. *дѣрати*, русск. *драть* — *деру* (ст.-сл. *раздорѣ* — *дѣрати* — *держ*). *Середа* — др.-русск. *сѣрдыце*, русск. *сердце* (ст.-сл. *срьда* — *срьдыце*).

Колоть — русск. *клык* (из **кълыкъ*) (ст.-сл. *клати*).

В случаях удлинения гласного в морфологических целях — возникают чередования **ь — и** (т. е. **і* : **і̄*) и **ь — ы** (т. е. **и* : **ӣ*); ср. ст.-сл. *начьнѣ* — *начинати*, русск. *начну* — *начинать*; ст.-сл. *бѣрати* — *забирати*, русск. *братъ* — *забирать*; ст.-сл. *рѣвати*, русск. *рвать* — *разрывать*¹.

§ 8. Замечания о некоторых мелких явлениях в области гласных.

1. В соответствии диалектному *робѣнок* и др.-русским *робя*, *робенокъ* (уменьшительное от *робѣ* «раб»; к семантике ср. др.-русск. *паробок*, укр. *парубок* из «паробок», «парень, молодой человек»; укр. *хлопецъ* «парень» — пол. *chłop* и русск. *холоп*, чешск. *otrok* «раб») литературный язык имеет *ребѣнок*. Фонетический ли это факт, сказать определено трудно. Единственная параллель подобной ассимиляции — *теперь* из *топерь* (ср. др.-русск., Лавр. спис. лет. — *топѣрьво*); диал. *топерь* (без *-ва*) — встречается уже, напр., в Путеш. Даниила игум. (Срезн. III, 979). Как бы ни объяснять последний случай (*теперво* засвидетельствовано уже в Прологе XIII в.)², по поводу первого возможна догадка о нефонетическом влиянии слова *жеребѣнок*.

2. Русские говоры, наряду с этимологическим **ри**, знают переход его в **ры**: *гриб*, *скрыпка* и под.³ Видимо, из таких именно говоров в литературный язык попало вместо старинного *крило*

¹ Подробную характеристику древнейших славянских чередований см., например, в книге А. Мейе, «Общеславянский язык» (русск. перевод), 1951, стр. 152 — 159.

Из новейшей литературы: André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, I. 1950, стр. 296—308.

Вдумчивый и содержательный очерк чередований гласных, важных специально для русского языка, дает статья П. С. Кузнецова. — «О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке», — Изв. АН СССР, Отд. литер. и яз., 1952, том XI, вып. I, стр. 73—75.

² Возможно, что известное влияние на изменение *топерво* в *теперво* — «теперь» оказало сходное по значению сочетание в *те поры*, широко распространенное в говорах. К возможной сближенности значения ср., напр.: «Не пригож(е) вамъ в тѣ поры («теперь») прочь от(ъ)ехати, а меня вам, государя, покинути одново в Киеве» (Барсовский список «Сказ. о киевских богатырях» перв. пол. XVII в.). Дело не обходится, однако, без больших трудностей — в украинском, напр., *тепер* (из «те + перь»; ср. *те* из «тоје»).

³ В одних эта черта проведена последовательно, в других — в отдельных словах, причем условия изменения точно не установлены (ср. Изв. Отд. русск. яз. и слов., XXXII (1927), стр. 325).

(ср. ст.-сл. *крыло*, пол. *skrzydło* со смягчением $g > rz$) нынешнее *крыло*. Так уже в старинном языке; ср.: напр.; «*крылы* своими» — в Житии Нифонта 1219 г.; исполнь крылѣ львовыхъ ногтей (Сказ. о Псковск. взят., 12)¹.

Старинному ст.-слав. и древнерусскому *користь* «добыча», с которым этимологически совпадают, напр., чеш. *kořist* «добыча», пол. *korzyść* «польза», в современном языке соответствует форма с **-ры-** — *корысть*. Последняя засвидетельствована уже, напр., в XVII в.: «И струги у приезжих у торговых людей для своей *корысти*»... (Челобитье чернослободцев рязан., 1611 г.).

Другие слова с подобным переходом в литературном языке не удержались; напр.: «Уже бо скрипѣли телѣги» (Задонщ.). Ср. еще у Державина, напр.: «Рев ветров, скрип дерев дебелых» (Водопад), у Пушкина: «И ревом скрипок заглушен...» (Евг. Онег.), и др. Или у Баратынского — «Подобен он *скрыжали* той...», у Кюхельбекера — «И что ж ? — изгладьте счет с своей *скрыжали*». Употребление с **-ры-** в этом слове известно уже памятникам древнерусского языка; ср.: «Во святѣй же Софьи сохранени быша *скрыжали* Мойсеова закона» (Путеш. Антония конца XII в., по списку XV в.).

Но *барышня* — конечно, не прямо из *барична*, а под влиянием *барыня* (ср. и *сударыня*; суффикс **-ын-и**). В говорах, где *барони*, *сударыни*, там и *барошни* (см., напр., «Матер. для изучения великорусск. говор.», VIII, 1903 г., стр. 97).

Что касается частого в др.-русском (и диалектного теперь) *товарищ* при *товарищ*: И те сторожи, Обрамко Иванов с товарищи, сказали... (Пам. Смутн. врем., 185). Стоял он на карауле с товарищи (Дело Ник., № 36). А с товарищи, целовальники и сторожи... (Котош., 93), то тут скорее следует думать о влиянии суффикса **ыш** (щ произносилось здесь как **ш**), чем о фонетическом диалектном отвердении **р** и переходе **и** в **ы**.

В большинстве случаев положение **-ри- > -ры-** наблюдается после **к** или **г**.

3. Русское *серебро* не представляет собою отражения полногласия; ср. ст.-сл. *сьребро* (сьребро). На вариант *сьръбро*, *сьръбро* указывает укр. *срібло* (древнеукр. *сръбро*). Возможно предположительное объяснение **-ере-** в этом слове как результат влияния на необычную группу многочисленных полногласных форм. Относительно этимологии слова см. Преображенский, Этимол. слов. русск. яз., II, стр. 278 — 279; VREW, II, 613.

4. В литературный язык несколько слов вошло в оболочке так называемого второго полногласия. Второе полногласие, по видимому, явление диалектное (особенность некоторых севернорусских говоров), и заключается оно в том, что рефлексы былого

¹ Ср.: «И тое верблюжью голову перед крылцом перед шахом...подняли...» (Хожд. на Вост. Котова, 108), хотя в другом слове у него же **-ры-**: *крычат* (100).

тълт в закрытых словах получают за звуком л добавочное о: *молонья* (ст.-слав. мльнии) «молния»; *посолонь* (ср. ст.-слав. сльньце) «по солнцу, по направлению от востока к западу»; *золовка* (ср. ст.-слав. зьлва, впрочем при более новом зьльва); а рефлексy *тълт при том же условии, за р получают е: *веревка* (ст.-слав. врьвь); *черемный* «рыжий» (ст.-сл. чрьмьнъ «красный»); *черен* (ст.-сл. чрьнъ). Ст.-славянским лъ, рь в этих случаях фонетически соответствуют древнерусские њл, њр.

Из относительно многочисленных случаев, встречающихся в сев.-русских памятниках, в нынешнем литературном употреблении остались совсем немногие: *долог*, *золовка*, *пѡлон* (при *полн*); может быть, *остолоп* (к *столп*); *веревка*, *сумеречный*. Но *селедка*, при *сельдь*, восходит, вероятно, к *сьльд-(ь)ка.

§ 9. Отношения задненебных согласных.

Ряд различий в согласных, которые мы встречаем в родственных русских словах и формах, представляет факты уже дорусской древности. Чередования к и ч определяютя древнейшим законом перехода к в ч перед гласными переднего ряда (палатальными): *наука*: *учить*, *волк*: *волчий*. Чередование к (ч) и ц восходит к двум разным законам: а) переходу к в ц перед ѣ или и (последнее только в конечных слогах) из *oi, *ai: др.-русс. местн. пад. ед. ч. *вълицъ*, имен. пад. мн. ч. *вълци* (ср. греч. oikoí «дома»: oikoí «домá»)¹ или б) переходу к в ц после гласных переднего ряда, если за ним не следовало гласных звуков ѣ, ы или согласных: *лик*: *лицо*, др.-русс. *овьця*: *овьчий* (ср. др.-инд. avikā); *крикнуть*.

Параллельно этим выступают чередования г—ж: *друг*: *дружина*, др.-русс. *дружба*; *лгать*: *ложь*; г—з (из дз̄): *луг*: др.-русс. местн. пад. ед. ч. *лузъ*, им. мн. *лузи*; *друг*: др.-русс. местн. пад. ед. ч. *друзъ*, им. мн. *друзи*; *княгиня* (из к̄нагыни): *князь*; х—ш: *слух*: *слышишь*, *ухо*: *уши*; х—с: др.-русс. *послухъ* «свидетель»: местн. пад. ед. *послушь*, им. п. мн. ч. *послуси*; др.-русс. *духъ*: местн. п. ед. ч. *душъ*, им. п. мн. ч. *дуси*, и под.

Примечание 1. Для ряда случаев предполагаются уже древнейшие выравнивания, напр., падежей с разными рефлексами. Так, весьма вероятно, что два родственных суффикса для на-

¹ Различие интонации начального слога здесь указывает, соответственно закону др.-греческого языка, на разный характер количества (долготы) конечного гласного.

Вероятно, ѣ в окончании местного падежа единственного числа мужского склонения не первоначально (конечное древнейшее, «индоевропейское», *oi фонетически в славянских языках отражалось, по-видимому, только как ī), а представляет результат очень древнего влияния склонения типа ржа, нога, соха — с местными ржцѣ, носѣ, сосѣ, где ѣ из древнейшего дифтонга *aī.

званий растений **-ик(а)**: *земляника, клубника, ежевика* и **-иц(а)** (ср. в «Инструкции дворецкому Ив. Немчинову» XVIII в. «... и чтоб во всяком саду было гряды по три клубники, земляницы и костяницы») представляют в отношении согласных отражения разных положений: *iku (может быть, также *ikǫ — винит. падеж ед. ч.), откуда **-ик-** и **-ика**, **-исё**, откуда **-ис-**. Заметим, что русский язык обобщил преимущественно **-ика**, а украинский **-иця**: *суниця* «земляника», *полуниця* «клубника», *костяниця* и под.

Примечание 2. В слове *нелъзя* (ср. вышедшее в литературном языке из употребления *льзя*) корень *-льг-* с переходом **г** после былого **ь-** редуцированного гласного в мягкое **з** (через промежуточную стадию мягкой аффрикаты **дз**). Русск. *польза*, с твердым **з** — церковнославянизм; в говорах есть *пользя*.

Старая огласовка корня отчетливо сохранена в белорусском *нелъга*. Старую же огласовку корня находим и в русск. *льг-ота*, укр. *пільга*. Ср. и русск. XVIII века: «Молебен пет, а польги нет» (Кург., стр. 154).

Примечание 3. Др.-русс. и диал. *цель* при литер. современном *цель* (из *цльь*) в их взаимоотношениях не выяснены. С *цель* ср. укр. *зачепити, чіплятися* и под.

Примечание 4. Остатки старинного изменения велярных в предложном падеже иногда встречаются и в нецерковнославянизированных (и вообще неархаизированных) текстах еще даже в XVI веке. См., напр., судебную грамоту времени Иоанна Грозного — Фед.-Чех., 1, № 45: *к нозѣ, на дорозѣ, в саадацѣ* (хотя ниже — *в саадакѣ*).

§ 10. Роль былого звука *j* (*i*).

Под влиянием последующего *j* (*i*) уже в пору, предшествующую образованию русского языка, произошел ряд изменений согласных. Частично эти изменения до сих пор определяют характер живых чередований русского языка. Сюда относятся:

1. Изменения **к, г, х** в **ч, ж, ш**: *токарь* — *точу, точить*; *мокнуть* — *мочу, мочишь*; *логовище* — *положу, положишь*; *друг* — *дружу, дружить*; (на)*спех* — *спешу, спешишь*; *сухой* — *сушу, сушишь*, т. е. *точу, мочу, положу, дружу, спешу, сушу* из *tokjǫ, *tokjǫ, *logjǫ, *drugjǫ, *spěchjǫ; ср. **i** как примету класса во 2 л. ед. ч. и далее. Соответственно: *плáчу* из *plakjǫ, *кольшиу* из *kolychjǫ и под.

2. **с, з** — в **ш, ж**: *писать* — *пишу, опоясать* — *опояшу, вязать* — *вяжу, грузить* — *гружу*. Древние слав. формы: *pisjǫ, *vezjǫ и под.

3. **р, л, н** — в **р, л, н** мягкие: *говорю, творю, солю, пилю, женю* (ср. *говоришь, творишь* и под.) — вероятные: *govǫgǫ, *tvorǫ, *solǫ и под.

4. Изменения группы **т + й, д + й** (tj, dj) относятся тоже к до-русскому, и рефлексация их в отдельных славянских языках

разная. В русском языке т + й дало ч, д + й — ж: *свечу*—*светишь*, *плачу*—*платишь*, *хочу*—*хотеть*, *брожу*—*бродишь*, *гляжу*—*глядишь*.

5. В существенном эти же замечания относятся к группам ск + й, ст + й, зг + й, зд + й. В литературном русском языке их рефлекс — долгое мягкое ш(щ) — из ский, стй, долгое ж — из згий, здий: *искать* — *ищу*, *пустить* — *пущу*, *прощить* — *прощу*, *визг* — *визжу*, *ездить* — *езжу*. (Московское литературное произношение — иш^ьу, виж^ьу и под.).

Ср. еще в памятниках: «...Или тот лес обводной ... стоял порозжен...» (Межев. обыск 1606 г.); литер. *празд-ный* в народном русском соответствии должно иметь корень *пород* — (другое образование — *порожний*). Иногда, видимо, этот самый звук передавался через жд, напр.: «А хто приедет *приеждей* человек с каким товаром нибуди...» (Уставн. грам. 1606 — 1610 г.), и под. Встречаются и написания вроде: «...ни конюхи мои с моими конми *не въежжают*» (Грамм. в. кн. Марьи Благовещ. Киржацк. монаст. 1453 г.) или: «А волостели мои в околицю в его *не въещають*» (Грамм. ряз. в. княг. Анны, между 1464 и 1501 гг.). В одном, например, списке Новгородской 5 летописи пишется: «...но паки на зиму стоя вся зима пеплом, и *дождем*, и громом» (под 6669 годом), а в других — «*дождем*».

В «Сказании о семи русских богатырях» по списку XVIII в. «*перееж(ь?)дают* богатыри Смугру реку...» и «*приеждает* к нам другой богатырь».

6. Явлением же дорусской древности следует считать изменение групп стр + й, зн + й и под. (т. е. зубного + зубной, сонорного + j) (strj, znj) в штр^ь, жн^ь (štř, žń) и под.

Отражения этого явления представляет книжное (церк.-слав.) *изоцрєнный*, *изоцрю* и под. из *izostrjєнь, *izostrjє and под. Продолжение этой самой тенденции имеем в старинных формах вроде: ...Быти от государя *кажнєну* смертию (Наказ ямск. стройщику, 1585 г.). ... тех еси *кажнєных* людей. ... о чем передо мною не поставил? (XVI в., Фед.-Чех., 1, № 45). А в котором числе он *кажнєн* будет, и тыб отом писал к нам, великому государю (Мат. Раз., 1, № 4). Стенка Разин и с товарищи поиманы и смертию *кажчєны* (Дело Ник., № 94). ...И за то они, по их, великих государей, указу, *кажчєны* будут смертию безо всякия пошады (Розыскн. дела о Фед. Шаклов., IV, Дополн., № 20). ... А кто дерзнет оное учинить... шелмован и из числа добрых людей извержен или и смертию *кажнєн* будет (Приг. Прав. сената кн. Гагарину, 1721 г.). Ср. русск. диал. и укр. *дражню*. В «Юн. чест. зеркале» (29): ... Их пересмехая, тем *дражняют*.

После выпадения ъ вновь образованная группа сл перед ю, є перешла тоже в шл: *слать*, но *шлю*, шлкт из *сълж*, *сължть* и под. Ср. подобный переход исконного сл в книжном слове: «Аще и *помышлю* быти патриархъ...» (Дело Ник., № 19). Совр. *мышление*, *промышлять* и под.

7. Восточно- и южнославянским является смягчение губных в положении перед *й — j (i)* в виде *бл^ь, вл^ь* и т. д.¹

По аналогии остальных губных это же смягчение распространилось и на звук *ф*, полученный в заимствованных словах; ср.: *люблю, леплю, ловлю, ломлю, графлю* к *любишь, лепишь, ловишь, ломишь, графишь*.

Специальный вопрос представляет отношение *ск — ст* в нескольких словах: *блеск — блистать, пускать — пустить, ласка — ластиться* и др.

По-видимому, формы типа ст.-сл. *блѣстѣти* — продукты аналогии: этимологической является группа *ск*; ср. лит. *blyškėti*; по аналогии отношений *ст — щ* при формах вроде *блищати* (ср. словен. *bliščati*) возникали новые со *ст*. То же самое имеем в *ластиться*. Отправной пункт аналогии сохранен в белор. *прылашчыцца*. Наоборот, при *пускать — пустить* более первоначально *ст*, так как *пустить* представляет собою отыменное образование к *пуст* «пустой». При *пуцать*, др.-русском и преобладающем в народном русском, возникло по аналогии отношений *щ — ск* новое *пускать* (встречается уже в Новгород. лет. по Синод. списку).² Ср. подобным образом возникшее при *пужать* к *пудить* «гнать» нефонетическое, вполне установившееся в литературном языке только с XIX века, *пугать*³. У писателей XVIII и даже начала XIX в. еще вполне обычны и *пуцать* и, реже, *пужать*.

Подобные же отношения существуют между др.-русск. формами *ристати, ристаешь* и т. д. и *рицо, рищеишь* и т. д. — с одной стороны, и *рискати, рицо* «бегать, скакать, носиться» — с другой. К первой группе ср. *ристаллице*. Не вполне выяснена связь этих слов с *рыскать* и *рысь* (укр. *рись* и *ристь*). Варианты *-ст-: -ск-* известны уже старославянскому, — ср. Miklosich, Lexicon palaeoslov.-graeco-latīn., стр. 800.

Не объяснена бесспорно нынешняя русская форма *перчатка*. В основе слова лежит *перст* «палец»⁴ — **пърст-ятъка* > *перщатка*. Ср. др.-русск.: Рукавицы перщетыя вязеныя, шолкъ шемоханской съ золотомъ (Выходы, под 1675 г.). Рукавицы перщатыя съ кистями серебряными, низаны по мѣстамъ жемчугомъ, подложены атласом лазоревымъ (Дело Ник., № 105).

¹ Полностью ли характеризовал этот переход древнеболгарский язык (в современном он отсутствует вовсе) и не был ли он ограничен специальными условиями, остается до сих пор не вполне решенным.

² К неустойчивости употребления ср. в Уложении царя Алексея: «бояром и воеводам ратных людей без государева указу с службы *нероспускати*» (гл. 907) и там же: «будет бояре и воеводы... ратных людей згосударевы службы учнут *ро пуцати* попоулом».

³ Б. Ляпунов, Отзыв о сочинении Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПБ, 1909 г.), — Сборн. отчет. о прем. и наград. за 1909 г., 1911, стр. 525—526.

⁴ Ср. в «Материалах для терм. слов.», 307: Дати ... тивуну волочьскому рукавице *пърстаты* готские (Смоленск. грам. 1229 г.). Рукавичь *перъстатый* готский (Русско-ливон. акты, 445).

К тому же звуку восходит и известное до сих пор на севере архаич. (б. Пинежск. уезда) *персыцятки* (Труды Комисс. по диалект. русск. яз., вып. II, стр. 15) и (напр., в псковском наречии) *першатки*¹. Возможно, что в данном случае имела место позднейшая подстановка русского **ч** вместо **щ**, ощущавшегося как книжное. Ср. *падчерица* вм. «падщерица» (падщерица).

Отсутствуют ожидаемые результаты йотации в причастных формах литературного языка *вонзенный*, *пронзенный* и *(за)клея-менный*. Первая представляет только кажущееся отклонение, так как является образованием не от основы глагола *пронзить*, а от вышедшей из употребления формы настоящего-будущего *пронзу*; ср. «Словарь церк.-слав. и русск. яз., составл. Втор. отдел. Акад. наук», т. I и II, 1869 г.: «**Нзать** и **Нзить**, нзу, нзишь, *гл. ср.*, вышедший из употребления...». В др.-русск. ср.: Аг, призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемь (Лавр. спис. летоп., 58).

В *заклейменный* обычное отсутствие **л** при **м**, по-видимому, результат диссимиляции с предшествующим **-ле-** в корне.

§ 11. Последствия утраты редуцированных гласных для качества предшествовавших им согласных звуков.

Вследствие отпадения редуцированных гласных предшествовавшие им согласные оказались в абсолютном конце слова. Результаты такого положения сказались в следующих явлениях:

1. Конечные звонкие стали звучать в случаях, если за ними не следовали во фразе звонкие же, как глухие: *бобъ* > *боб* > *бон*; *городъ* > *город* > *горот* и под.

В ближайшей связи с этим стоит появление нового звука **ф**: *домовъ* теперь произносится «дамоф», *улов* — теперь «улоф».

Примечание 1. В отдельных случаях новые фонетические формы с глухим согласным на конце слова узаконились во всей парадигме; ср. *тулуп* из старого «тулуб» — укр. *тулуб*, род. *тулуба* «туловище».

Примечание 2. Под влиянием отношений «звонкий — перед конечным гласным : глухой на конце слова» некоторые заимствованные слова получили в русском звонкость согласного, отсутствующую в слове-источнике; ср. франц. *service* — русск. *сервиз*, род. ед. ч. *сервиза* и т. д.; фр. *esquisse* — русск. *эскиз*; фр. *caprice* — русск. *каприз*, род. ед. ч. *каприза*; греч. *tomos* «втупка» — русск. *тормоз*, род. ед. ч. *тормоза*.

2. Конечные губные отвердевали во всех случаях, где их не поддерживала аналогия других форм: *дамъ* изменилось в *дам*, *тъмъ* в *ем*, *возъмъ* (твор. пад. ед. ч.) — в *возом*, *рукавъмъ* — в *рукавом* и под.

Как свидетельствуют памятники, явление это относительно

¹ В. Чернышев, Псковское наречие. Труды Комиссии по русскому языку, 1931, т. I, стр. 197.

Ср. и сиб. *перстянки* «перчатки» в «Говоре старожильского населения северной части Туруханского района», — АН СССР, Инст. языкозн., Доклады и сообщения, IV (1953), стр. 11.

позднее, значительно более позднее, чем отпадение звука ъ. В московском говоре оно засвидетельствовано только с XIV в.

Показания памятников убеждают, что и те факты, которые мы констатируем теперь, не представляют собою фонетического явления одной эпохи: отвердение губных наступило как результат своеобразной диссимиляции, раньше после палатальных гласных, чем после гласных велярных, т. е. некоторое время было еще *дамь, возомь*, но уже *ѣмъ* (ем), *конемъ*¹.

В единственной большой категории, где теперь литературный язык сохраняет конечные мягкие губные, — им.-винит. падеже ед. ч. образца *кровь*, сохранение мягкости — результат влияния других форм парадигмы (*крови*), с одной стороны, и мягкости окончания в этом типе склонения при других согласных (*плеть, грязь*) — с другой.

Что касается наречий типа *вновь*, то в них мягкость конечного согласного — явление, по-видимому, времени после отвердения конечных губных: здесь мягкость — результат редукции конечного гласного полного образования; ср.: ... Чтоб им в своей монастырской вотчине... учинити торг вновь [«вновь»] (Грамота ц. Бориса на Белоозеро, 1602 г.).

Выпадение редуцированных сопровождалось такими изменениями согласных:

1. Глухие, оказавшись в положении перед звонкими, стали произноситься звонко: *молотьба* стало произноситься с мягким д, *кошьба* — с мягким з, *сѣдоровъ* — «здароф» и под.

Древнейшие примеры отражения этой ассимиляции в памятниках встречаются с XIII в. Все они относятся к памятникам севернорусским.

2. Звонкие, оказавшись в положении перед глухими, переходили в глухие: *бъчела* (к старинной форме ср.: мед в бчелках, Лавр. спис. 43 об., укр. *бджола*) изменилось в «пчела», *узъко* изменилось в «уско», *коробъка* в «коропка» и под. В памятниках этот переход находит свое отражение несколько позже, чем первый, — с XIV в. Аналогия украинского языка позволяет предполагать, что он и фактически совершался позднее.

В связи с ассимиляцией звонких согласных стоит появление звука ф: *ковъка* > кофка, *ловъко* > лофко.

3. Губные и зубные согласные (кроме л) отвердевали в положении перед зубными: *ровный* из *ровьн-*, *славный* из *славьн-*, *верный* из *вьрьн-*, *грязный* из *грязьн-*. Отвердели эти же согласные перед *-(ь)ск, -(ь)ств*: *бабский* (из *бабьск-*), *земский* (из *земьск-*), *земство* (из *земьство*), *родство* (из *родьство*), *женский* (из *женьск-*) и под.².

¹ Ъ и ѣ в таких написаниях, конечно, уже только знаки мягкости или твердости согласных.

² В сев.-русских говорах (отчасти и в других) изменение этих групп совершилось в другом направлении — они отразились в виде «ськ», «сьво»: *женьской, отецьво*.

4. Согласные, разные в разных диалектах, получили смягчение перед следующими мягкими. Наиболее распространено в таком положении смягчение **с** и **з**: з^дб^дэл^т (сделать) из «сѣдѣлати», с^вв^вэс^вит^в (свесить) из «сѣвѣсити». Перед **ј** (**й**) смягчались все согласные, способные выступать как мягкие: аб^вйав^вит^в (пишется *объявить* или *объявить*), раз^вйас^ннит^в (пишется *разъяснить* или *разъяснить*), п^вйаный (*пьяный*).

5. Звук **к** подвергся диссимиляции в **х** в положении перед **к** и **т**: из *мякѣко* получилось «мякко», из *ногѣти* — «ногти», из *къто* — «хто». В памятниках читаем, напр.: А пред ним висит крест злат полутора *лохтий* (Путеш. Ант., стр. 77). ...Лета 7094-го *охтября* в ... день (Наказ новгор. воевод стройщику Вышневолоцк. яма Матв. Крекшину, 1585 г.). Пришедше же к государственой грановитой палате *х красному* крыльцу, со оружием стояша много... («Созерц. краткое» С. Медв.)¹.

Контаминацию старого *мягок* и форм типа *мякко*, старого *ноготь* и форм типа *ногти* представляют мянок и ногот^в.

В литературном языке произношение «хто» почти полностью уступило место орфографическому *кто* (ср., вероятно, более раннее параллельное изменение **гд** в **нд** — *когда*, *тогда*; — группа **гд** существовала уже в ст.-слав.: *къгда*, *тъгда*).

Обращает на себя внимание контаминированное написание: «...в посошных людей имати со всех без омены, чей **к**хто ни буди» (Дела Тайн. приказа, II, стр. 578, 1602 г.).

6. **ч** перед **т** диссимилировалось в **ш**: *чьто* перешло в *што*.

7. С XIV—XV вв. памятники свидетельствуют переход **чн** в **шн**: Не любю потоковщика, любю *встрешника*. (Стар. сборн. пословиц, XVII в.).

...добрыя кони на *окарашки* падают..., (Барсов. список «Сказ. о киевских богат.», первая пол. XVII в., 464—465) — из *окарачки (ср. нар. *окарачь*).

...опричь душегубства и тадыбы и разбою с полишным (грам. XVIII в., — Крепост. мануф., III, № 43, IV). Ср. там же: ...а кому у них лучитца вынати личное...

Колетание между орфографической и произносимой формой отражается, напр., в том же самом документе — отписке новгор. воеводы 1602 г. (Дела Тайн. приказа, II): «...и верхновному (sic!) человеку проехать *не мочно*» и «...и мосты и по ся места не мощены и проехать ими *не мошно*».

Сохранение в литературном языке **ч** перед **н** находим теперь или в результате действия грамматической аналогии: *начну* —

¹ Ср. из старинного языка примеры изменений предлога **к**: ...Две скобы железные лужены к дверем к избным и х клетным... (Книги расхонд. Болдина-Дорогобужск. мон., 1585 г.). ...И ссел с лошади на ступень большие лесницы х красному крыльцу... (Выписки о приезж. на Москву царевичах... с 1552 г. по 1618 г.). ...И та грамота, которая писана х королю... (Спис. с грам. к ц. Ивану Вас. от Констант. патр. Иоасафа, 1561 г.).

начинать, ночной — ночь, или как факт книжного влияния: *вечно, млечный* (путь) и под.

В нескольких случаях установлению книжных форм могла способствовать и опасность омонимии: ср. *научный, точно* и под.¹.

В народной речи количество форм с переходом *чн* в *шн* значительно больше².

8. Сочетание *чч* диссимилировалось в *тч*: *кабачьчик* изменилось в *кабатчик, потачьчик* — в *потатчик*, причем подобные формы оказались в дальнейшем, за единичными исключениями, законными в письме.

9. *щ* перед согласными изменилось в *ш*: «клешня» (ср. *клеици*) перешло в *клевня* (у рака); из «пешня» (ср. *пест*) явилось *пешня* «лом для колки льда»; из «пригоршня» (ср. *горсть, пригръщъ* — в Жит. Феод. Печ. по сп. XII в.) — *пригоршня*; из «тышно» (ср. *тоска*) — *тошно*; из «плюшка» — *плюшка*; из «горшка» (род. ед.) — *горшка*, откуда затем, по аналогии подобных форм, — *горшок* (ср. укр. *горщок*); из «плашья» (ср. др.-русс. *плащъ* «пластинка») — *плашмя; к плющка* (напр., в грамоте в. кн. Софьи 1450 г.: «...ни с варниц плошок не емлют...») — *плюшка*. — Заслуживает внимания, что это единственное фонетическое явление в области согласных, вызвавшее последовательную деэтимологизацию (разрыв старых смысловых связей)

Примечание. *Потчевать* «угощать» восходит к корню «чьсть», ср.: *почивается* (Григ. Богосл. XIV в.), *потчиваху* (кн. Паралипоменон в перев. с лат.); сев.-русс. *потшую*. Видимо, *чщ* давало подобно *чч*, переходившему в *тч*, — *тщ*. Установление в литературном (народном) языке ч отражает, вероятно, или дальнейшую (не общерусскую) диссимиляцию, или русификацию этого слова под влиянием создаваемого отношения «церковнослав. щ: русск. ч» (см. в § 10 о слове «перчатка»).

10. Относительно большую категорию представляет упрощение группы *бв* в *в*: *объвъртка* > *обертка*, *объволочька* > *оболочка*.

¹ Вопросу о переходе *чн* в *шн* посвящено специальное исследование С. П. Обнорского — Сочетание *чн* в русском языке. Труды Комиссии по русскому языку Ак. наук СССР, 1931, стр. 93—110. Обнорский думает, что «ударяемость слова на слог непосредственно за сочетанием *чн* фонетически обеспечивала сохранность *ч* в данном положении». Мнение это, однако, не подтверждается фактами: фонетическую форму *ношной* см., напр., в «Делах Тайн. приказа», III, стр. 11, 1669 г.: «177 г. июня в 23 день, и отдачу часов ношных, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... изволил витьт (sic!) в монастыри в Знаменской, в Златоустовской... и в Петровскую Богадельню...»; «Ношному шемахинскому асабашею дано пара соболей...» (Дела Тайн. приказа, III, книги перс. товаров, 1663—1665 гг.). «Ношная какушка денную перекоковывает» (Стар. сборн., № 1792). Если теперь у нас обычно *мучной*, то в рукописях И. А. Крылова было *мушной*; укр. *рушниця* «ружье» указывает на стар. «рушный» и под. К речной «решной» ср. название речной выдры — *порешня* (Больш. совет. энцикл., I изд., «Выдры»; у Дала — *поречня* «норка»).

² Характерны в памятниках гиперимизма — употребление *чн* вм. *шн*, где *ч* не существовало и в прошлом; так, пишут, напр.: *Купил порочницу* («порочницу» — от слова «порох») *нову на зелья, дано за порочницу* шесть денег (Книги расхонд. Болдина-Дорогобужск. мон., 1585 г.).

Ср.: обетшала (Домостр., 58); обетшальные (Ломон.); ...и мне, князю великому, того *обинити*... (Догов. грам. вел. кн. Василия Вас. с галиц. князьями Дмитр. Шемякой и Дмитр. Красным, Юрьев., 1434 г.); ...приговорил истца Семена Маркова *обинить*... (Суд. дело, 1649 г., Фед.-Чех., II, № 118); ...а их Михайла и Федора приговорили по тем же крепостям и досмотрам и сыскам *обинить* делом (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134); «...дабы *обыкали* круче голову держать» (Регула о лошадях, XVIII в.).

11. Не получила в литературном языке значительного распространения довольно широко распространенная в говорах диссимилиция $n^n > l^n$; см. в грамотах XV—XVII вв. частую замену *жалованная* (грамота) — *жаловальная*, причем, впрочем, не исключена и роль семантического момента (образований на *-альн-*); *свящельник* из *священник*, *послальник* из *посланник* (в грамотах XVII в.); ...и *десятильники* [десятинники] не судят их ни в чем... (Жалов. грам. ц. Василия, 1606 г.). Изредка, напр., у Пушкина в «Послании Галичу», встречается *песельник* вм. *песенник*; ср. и у Давыдова, Взятие Дрездена, 1836 г.: «Тогда мы подвинулись вперед, и *песельники*, ехавшие впереди Бугского полка, залились...»; *москотильный* (товар) — «красильные и разные аптечные припасы, употребляемые в ремеслах, фабричных и промысловых производствах» (Даль); ср. *москотина* (в грамоте до 1491 г. — *москотинник*); путь изменения, по-видимому, **москотина* (корень — из перс. *mušk* «мускус») — «москотинный» и под.; *-тельный* — под влиянием известного суффикса. Из *москатильный* «москательный» позже отвлечено имя существительное *москатиль*, *москатель*. А. И. Соболевский (Лекции, 4 изд., стр. 109) диссимилиацию $n^n > l^n$ видит также в *остальной* (ср. диал. *останный*). Возможно, что диссимилиацией n^n и n на расстоянии является просторечное *напраслина* из **напрасина*.

Кроме тенденции собственно-фонетической, во всех подобных случаях надо принять дополнительное влияние образований вроде: *целовальник*, *гусельник* и под.

12. Слово *назойливый* (из **на-золь-лив-ый*, — ср. укр. *назола* «строптивый, непослушный», *назолити* «досадить»¹) дает основания догадываться о диссимилиции $l^2 l^2 > йл^2$; что касается народн. *гульливый*, *шалывый* (Грот *шалливый* считал литературным), то в них *л*, видимо, восстановлено ассоциацией с соответствующими глаголами. — Иначе Фасмер, REW, II, 1941.

Из случаев *выпадения* согласных (главным образом — зубных), оказавшихся после выпадения редуцированных гласных в положении перед другими согласными, отметим еще такие, которые могут представлять затруднения при истолковании:

¹ Менее вероятна этимология А. Преображенского, Этим. слов. русск. яз., I, 252, под *зиять*: «диал. арх. зой *крик*, шум. Сюда же *назойливый*, *назойливость*». Ср.: «Продают товар збойством, а купят *назойством*» (Старин. посл., XVII в.; написано *назо'ством*).

Берцовый — из «бедрьцовый». Ср. **бёрце**, **берцо** «голень»: «... у другова на правой ноге поперег *берца* рубец посечено...» (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.).

Гончар — из «горньчар»; ср.: у горнчара, в моск. грамоте до 1460 г. В Новгород. зап. кабалн. книге за 1596 г. встречается фамилия *Горончаров*.

Почва. Потешня, К истории звуков, IV, Русск. филолог. вестн., 1883, стр. 82, объяснял это слово как восходящее к подъшва — подошва. Семантическую параллель представляет диал. (олонецк.) *подошва* «почва». У Державина: «Быть может, горы провалятся. *На пошве* их моря явятся».

«Пошва» в значении «почва» употребляет и П. А. Вяземский (Остаф. архив, II). Трудность со стороны фонетической (из «подъшва») закономерно могла возникнуть только форма *подошва*) устраняется догадкой о том, что первоначально соответствующее образование звучало **подъшьвь*, откуда в им. п. ед. ч. должно было явиться **подшьвь* > **почевь*, а в косвенных — **подъшьви* > **подошви*. Параллель к русск. *почва* представляют диалектн. чешск. *pošev*, род. ед. ч. *pošvi*, и *pošva*, род. п. ед. ч. *pošvu* «подошва». Форма *пошва*, свидетельствующая Державиным и Вяземским, может быть, отражает диалектную рефлексацию образовавшейся группы «дш»: «В тот миг, как с *пошвы* до конька... Мое строение слегка С своим обозревая рядом...» (Держ., Ко втор. соседу).

Стакан (др.-русск. *дъстѣканъ*); *досканец* — из «дъстѣканецъ», напр., у Державина, Видение мурзы. На параллелизм форм с *дъ* и без *дъ* указывает текст из «Дела Ник.», № 105: Пять достоканцев да рюмка, стекляные и: Дюжина стаканов, Четыре чашки да пять стаканов среднихъ.

Хорь, **хорек** — из *дъхорь*; ср. укр. *txir*, пол. *tchórz* и под.

Чан. Первичная форма *дъщанъ* от *дъска*. В грамоте XV в. засвидетельствовано *тщанъ* (Собол.), в «Домострое» — во *тчанехъ* (60), во *тщанехъ*, *тчаны* (Собол.). В № 102 «Дела Ник.» читаем: *тщанъ* квасной, 2 *щана*, в № 105 — *щанъ* елевой тритцать ведръ.

Форма *щан* до сих пор сохраняется в олонецком говоре (Собол.). По-видимому, литературная форма — продукт отвлечения и сочетания *из щана* — «ишчана» — с осмыслением *из чана*.

Очнуться. Слово родственно с *очутиться*, ст.-слав. *оштютити*, пол. (о)сисиć и восходит к **ot-jyt-nq̄ti sę* (ср. литов *atjus-ti* «ощущать, чувствовать»); *t* фонетически выпало перед *p*¹.

Примечание. Славянские языки на древнейшей стадии не имели закрытых слогов. Последние образовались на почве отдельных славянских языков в результате отпадения и выпадения редуцированных гласных. Но предлоги-префиксы типа *из-*, *раз-* и *под-*, как свидетельствует еще старославянский, были

¹ А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. городск. педаг. инст., каф. русск. языка, вып. I, том V, 1941 г., стр. 83. Другие объяснения см.: А. Преображенский, Этим. словарь русск. яз., I, стр. 673.

известны и без редуцированных. Наша орфография узаконила в одном случае старое образование с выпадением *з* при префиксе *раз-* в положении перед корнем, начинающимся с *з*: *разинуть*—ср. болг. (*да*)*зина* «открыть рот», сербск. *зинуть* и под.

Что касается слова *разорить*, которое Ломоносов, напр., писал с двумя *з*: «Воззрим на венценосну внуку, Что злых советы *раззоря*, Приемлет скиптр в Геройську руку...» (Ода II) и в параллель которому существует диал. *зорить* «разорять» (ср. у Державина: «... *Зорят* жилища, жгут...», — Умиление), то *з* в корне его не первоначально и явилось в результате народного переосмысления префиксального глагола *разорить*. Правильная этимология слова ясна из ст.-слав. *орити* «ронять, заставить падать», серб. *орити* «разрушать»; литов. *ardyti* «разделять»: *irti*. См. еще стр. 130.

Относительно редкие случаи выпадения *й* представляют явившиеся в ускоренном темпе произношения *поди-ка* и *небось* (частица). Параллель к последнему отмечалась (Э. Френкелем) в литовск. *pebjok* — *pebijok*.

§ 12. Ассимиляция и диссимиляция согласных; метатеза, выпадение, вставка.

1. **Ассимиляция согласных**¹, непосредственно не соприкасающихся, характерна главным образом для случаев забвения этимологии слова. Сюда относятся немногочисленные слова литературного языка: *чечевица* — из др.-русск. *сочевница*; *почечуй*—из «пotechуй» (Собол.); *шершень* — из «сършень»: ст.-слав. *сръшень* (сръшень); ср. и др.-русск. *серша* «оса», чеш. *sršeň*, пол. *sierzeń* и под.; *шершавый* — из «сършавъ»; ср. *серхъко* (Mikl., Lex. palaeoslov., 877).

Все примеры, относящиеся к литературному языку, представляют, как видим, ассимиляцию зубных (гл. обр. *с*) последующим шипящим.

2. **Диссимиляция** на расстоянии встречается в литературном языке почти только в заимствованных словах и относится главным образом к случаям с плавными не перед подударным гласным: *верблюд* — из ст.-слав. вельблѣдъ (древнейший известный восточнославянский пример в Помянн. Киево-печ. лавры XVI в.); *февраль* — из лат. *februarius*, новогреч. *februarios* (засвидетельствовано с XIV в. в южнорусск.); *флюгер* — из швед. *flögel*. Ср. и случай выпадения *р*: *кочегар* — из «кочергар». Осталось диалектным «прулубь» из *прорубь*, ср.: ... Иные прорубали большие и малые пролуби... (Болотов, письмо 20). Прорубили для сего маленькую пролубочку... (там же).

Перепелица возводят к «пелепелица»; ср. *Пелепелкинъ* в грамоте конца XV в. и *пелепелка* в песнях начала XVII в., записанных для Рич. Джемса; *пелепелица* (так 3 раза) при *перепелицу* в Сбор. XVII в., Бусл. Хрест., 1409 стр., но случай этот спорен, потому что почти во всех славянских языках в начале *р*. — Об ассимиляции соприкасающихся согласных см. § 11.

¹ О диссимиляции гласных см. выше.

В *пожёлкнуть*, *пожёлклый*, из жьлт-, вероятно, осуществилась диалектная диссимилиация непосредственно соприкасающихся согласных в группе *лтн*, *лкн* (зубной согласный среди двух зубных изменился в велярный).

Параллель слову *пожелкнуть* представляет вышедшее из употребления *болкнуть*; ср. у Сумарокова (Мид): «Но чтоб о том болкнуть, Он ямку прокопал И ямке то болкнул!» От *болкнуть* в этой же басне производное *болклив*.

Диал. *досточка* из дѣскъчка возникло диссимилиацией двух *к*.

Шерсть из сърсть (ст.-слав. *сръсть*), вероятно, возникло не диссимилиацией, а в результате влияния *шершавый*¹.

О диссимилиации *кк*, *кт*, *чч* см. § 11.

3. Немногочисленны в русском литературном языке случаи *метатезы* (перестановки), относящиеся главным образом к заимствованиям. Таковы:

Канифоль — из итал. *colofonia* или нем. *Kolophonium*. Ср. *колофония* у Ломоносова.

Марганец — нем. *Manganerz*. Метатезе способствовало осмысление конца слова как суффикса (*-ец*), часто сочетавшегося с суффиксальным элементом *-ан(-анец)*.

Мольберт «подставка, на которой помещается холст на подрамнике или доска для работы художника» — нем. *Malbrett* — собственно — «рисовальная доска». При метатезе в этом слове, возможно, действовал какой-то иностранный образец, даже вовсе не связанный с данным словом по смыслу.

Сниток (снеток, сняток) «небольшая рыбка, водящаяся в северной Европе, озерная корюшка». Ср. нем. *Stint*, пол. *stynka*. Первоначальность именно *и* (а не *е* и *я*), как заметил Я. К. Грот, Филол. разыск., 4 изд., 1899, стр. 926, подтверждает старинная форма *снитейный*.

Тарелка — пол. *talerz*, нем. *Teller*. Ср.: пять тарелей (Дело Ник., № 105) и торелка, четыре торелки оловяных (там же), но: на талерке, около своей талерки (Юности честн. зерц., 14).

Футляр — пол. *futeral*, нем. *Futteral*. Метатеза, особенно частая вообще при плавных, поддержана в данном случае, видимо, влиянием окончания *яр* (адаптированного в ряде заимствованных слов под суффикс).

Что касается *крокодил* и *мрамор*, то вероятнее, что они уже заимствованы с перестановкой: ср. греч. *krokódeilos* при средн.-греч. *korkódeilos*; в др.-русс., впрочем, встречается *коркодилъ*; русскому *мрамор* соответствует греч. *μάρμαρος*, лат. *marmog*, но форма *мраморъ* была уже в старославянском. «...Ни расцветена мраморами саду» у Кантемира, вероятно, новый латинизм.

¹ Специальная работа о диссимилиации в русском — С. П. Обнорский, Заметки по русской диалектологии, 3, *Slavia*, XI, 1932.

По-видимому уже с перестановкой заимствовано из украинского *бондарь* (ср. русск. диал. *бодня* «род бочки», пол. *bednarz* «бондарь» и под.).

Из русских метатезную форму обнаруживают: *жмурить* из *«мъжурити», *ладонь* из «долонь», *сыворотка* из «сыроватка». (О всех их как явлениях народной этимологии см. в § 14). Ср. еще: *тверёзый* из «терезвый», обычно — *трезвый* (из ст.-слав.); предполагают для этого слова влияние *твёрдый* (характерно в этом отношении псковск. *патверёже* «потверже») и былинное *гусли яровчатые* из «яворчатые» в результате утраты этимологического понимания слова.

4. Гаплогические факты, относящиеся к целым словам, представляют только немногочисленные случаи: *дикобраз* (из «ди-кообраз»), *радушный* (из «радодушный»), *сиворонок* (из «сивоворонок»), *залихватский* (из «залихохватский»), *курносый* из др.-русск. *корноносый*, ст.-слав. *крънонос* (ср. *окорнать* «обрезать»), *шиворот* из *шивоворот (с первой частью Соболевский сравнивает в Чудовск. Новом завете XIV в.; жесткошвины — «жестоковейные»). Ср. и *пряник* из «пыпряникъ» (в корне слова — пьпьярь из греч. *réregi* «перец»).

Своеобразной гаплогией является заимствованное из греческого слово *литавры*. В греческом оно звучало **polytauréa*, откуда *tauréa*. Из постоянного употребления «бить по политаврам» (ср., напр., в «Хожд. на Восток Котова» начала XVII в., где это сочетание встречается особенно часто, или еще в XVIII в. — у В. Петрова «К вел. государыне»: «... То в политавры он, то в барабан ударит») через гапологию получилось «бить политаврам», откуда «по литаврам» и «литавры»¹.

Слова *минералогия* (собственно «минералогия»), *трагикомедия* (ср. «трагико-» и «комедия») в гаплогическом виде существовали уже в языках-передатчиках. *Трагикомедия* в таком виде выступает уже у римского комика III—II в. до нашей эры Плавта.

В условиях ускоренного произношения вместо родительного и других одинаково звучащих падежей от числительного *шесть* в древнерусском и в нынешних говорах явилась форма *шти*. Форма эта в древнерусских текстах господствует. Засвидетельствована она с 1284 г. в «Рязанской кормчей» и, может быть, позднее отмечена еще даже в XVIII в.: «...свеч салных по шти пуд» (Инстр. дворецкому).

5. К случаям вызванной фонетическими условиями вставки согласных относится появление звуков *т*, *д* в группах *сп*, *зр*².

¹ М. Фасмер, Греко-славянские этюды, III. Греческие заимствования в русском языке, 1909, стр. 115.

² «В «встретить»... (ср. *сретение*), «остров», «струя», «страм»... и т. д. т явилось в артикуляции перенимающих потому, что кончик языка, поднимаясь из зазубного положения для *с* в положении для *р*, слегка задевает десну и этим производит акустический эффект, несколько похожий на слабый альвеолярный затвор, что могло вызвать у перенимающих полный зубной затвор,

В слове *встреча* т вставлено после выпадения редуцированного гласного, находившегося между с и р; ср. церковнокиш. сретение (сърѣтениѣ): корень—рѣт (обрѣсти «найти»). Устрѣтоша, устрѣте уже в Прологе 1262 г.

В говорах и мещанской речи распространены в измененном виде церковнославянизмы *ндрав* (*нрав*), *страм* (*срам*). Несколько реже вставка т, д в русских словах: *стражаться*, *струб* и др. Те и другие отражены в памятниках разного времени. Своеобразный случай вставки д имеем в «Сказ. о кѣвск. богатырех» нач. XVII в. — «И всю свою *здбрую* богатырьскую...» (ср. обычное *збруя* — полонизм), где между з и р находится еще согласный б.

§ 13. Звук *h*.

В дореволюционном литературном произношении в нескольких словах был известен звук *h* вне комбинаторных условий¹. *Бог*, *господин*, *благо*, *богатый* у людей, последовательно произносивших г как лат. *g*, звучали с *h* (на конце слова — с *x*). Такое произношение существовало не только в литературном языке², но было известно и народным говорам. В этом убеждают, напр., сделанные на севере записи былин, где слова с звуком *h* по преимуществу те именно, которые так произносились и в литературном языке.

В корне «господ-», где *h* начинало слово, оно в диалектах отпадало и заменялось звуком *в*. *Восподи*, *восподин*, напр., в Пермском окр., Уральск. области (раньше — Оханск. уезд, Пермск. губ.), восходят, по всей видимости, к таким именно формам. А. А. Шахматов (Очерк. соврем. русск. литер. языка, изд. 3, стр. 45—46) в звуке *h* указанных слов видит наследие древнекиевского произношения, получившего широкое распространение среди духовенства других восточнославянских областей³. Эта

облегчающий артикуляцию» (А. И. Томсон, Общее языковедение, 2-е изд., 1910, стр. 266).

Дорусской древности принадлежат такие факты, как *пестрый* из *ръс + г (ст.-слав. пьстръ; корень — *ръс «писать»: ст.-слав. пьсати, пишж, собственно — «исчерченный»); *острый* — к корню ср. греч. akis «шип», лат. асег «острый» и под.; *струя* — санскр. sṛavāti «течет» (того же корня в иной огласовке — *о-стров*: внутренняя форма — «обтекаемый»); *ноздры* (ср. нос и литов. pasrai «пасть»); уже в старославянском — *ноздри* (им. п. ед. ч. *ноздрь*). Вставное *d* выступает и в других славянских языках; А. И. Соболевским (Лекции, стр. 115) отмечены, впрочем, в Ряз. кормчей 1284 г. и диал. «современ.» *нозри*.

¹ О *тогда*, *когда* и под. см. стр. 118.

² О нем в настоящее время см. Д. Н. Ушаков, «Звук г фрикативный в русском литературном языке в настоящее время», Сборн. статей в честь акад. А. И. Соболевского, 1928.

³ Возможно, что явление того же порядка представляет др.-русск. *княини* («княгини»): «...и яз, княини великая, сужу их сама» (Грам. в. кн. Марьи Благовещ. Киржацк. монаст., 1453 г.), — ср. там же: «А через сю мою грамоту великие княини...»; но, конечно, при словах этого рода необходимо также считаться со специальной ролью темпа их произношения.

догадка очень правдоподобна (ср. *оспода*, *осподинъ*, *осподарь* и под. в московских и под. памятниках XIV в. и позднейшего времени¹), хотя приходится также, говоря о звуке **h** в литературном русском произношении, учитывать и роль высшего духовенства из украинцев, влиявшего в этом же направлении в XVII и XVIII вв.

§ 14. Звук ф.

Звук **ф** (глухой губно-зубной спирант) не принадлежит системе согласных древнейшего славянского языка. В русском, как и во всех славянских языках, в положении перед гласными звуками **ф**, как правило, является в настоящее время соответствием такого же звука (или похожих на него) в тех иностранных языках, из которых заимствовано слово, где он выступает: *физика* (греч.), *фауна* (лат.), *фельетон* (франц.), *фойе* (франц.), *фагот* (итал.), *феномен* (греч.), *фирн* (нем.), *фата* (тюрк.), *фарс* (франц.), *феска* (араб.), *морфология* (греч.), *шафран* (араб.).

В дореволюционном письме для обозначения губно-зубного спиранта в положении перед гласными звуками употреблялись, в зависимости от происхождения этого звука, две разные буквы **ф** и **ѳ** («фита»). Первая употреблялась в случаях, когда передавался звук **f** или **ph** (аспирированное **p**) соответствующих языков, например: *фонтан* (итал. fontana), *филигрань* (франц. из итал.), *фаворит* (франц.), *фактор* (лат.), *филолог* (греч., в латинской передаче — philologus), *фонетика* (греч.), *филиппики*, *фазан*; вторая — для передачи греческого **ϕ** (**th** — аспирированного **t**), в позднегреческое время произносившегося также как **ф**. Два разных имени, например, — *Евфимий* (*Ефим*) — греч. *Εὐφύμιος* — первоначально, вероятно, «произносящий речи с хорошим предназначением» и *Εὐθύμιος* «доброкадящий; благовоновый» и под. на русской почве звучали одинаково. До 1918 года писалось (почти исключительно в собственных именах греческого и в немногих древнееврейского происхождения): *Фаддей*, *Фалалей*, *Фома*, *Фракия*, *Фукидидь*; *Голгова*, *Голиафъ*, *Юдифъ* и под². В первой половине XIX века часто там, где греческое **ϕ** теперь читается как **т**: теократия, лабиринт и т. д., писалась и произносилась как **ф** — фита.

Очень невелико, можно даже сказать — ничтожно, количество случаев, когда звук **ф** в таком положении (перед гласными) встречается не в иностранных по происхождению словах, а в словах чисто русских, но междометного происхождения — *тьфу!*

¹ Лихобитно «знаменитое известие новгородской летописи под 1476 годом: «Той же зимы некоторые философые начаша пѣти: О господи помилуй, а друзѣи Господи помилуй» А. Н. Пыпин. История русской литературы, изд. 4, 1911, том II, стр. 64).

² Список соответствующих слов см., например, в известном руководстве Я. К. Грота «Русское правописание», девятнадц. изд., СПб, 1910, Справочный указатель, стр. XLII—XLIII.

фыркать, *фифи* (название птицы); очень редко также — в некоторых словах темного происхождения — *филин* (птица), *дрофа* (дрохва) (птица).

Как звук русской фонетической системы **ф** появился в ряде говоров после утраты (отпадения и выпадения) редуцированных гласных, вследствие чего этимологическое **в**, раньше находившееся в положении перед соответствующими редуцированными гласными, оказывалось или в абсолютном конце слова, или в положении перед глухими согласными в начале и в середине слова: рыбаковъ (род. падеж множ. числа) — рыбаков — рыбакоф, новъ — нов — ноф; любовь — любовь — л^вубоф^в; стави — ставъ — став^в — стаф^в; давъка — давка — дафка; *рывъкъмь — рывком — рыфком и под. Такой переход стал стойкой особенностью фонетики и литературного языка.

§ 15. «Народная» этимология

Так называемая народная этимология проявилась, можно предполагать, в таких словах, установившихся в качестве литературных:

Белокурый восходит, вероятно, к *белокаурый (ср. *каурий* — «светло-каштановый, желто-рыжий», — масть лошадей), хотя не исключена и возможность, что *кур-* здесь первоначально значило «птица — курица».

Близорукий — из *близорокий, в свою очередь восходящего к *близозорокий (корень тот же, что и в старославянском зракъ), подвергшемуся действию гаплогонии; осмыслилось ассоциацией с *рука*.

В памятниках можно встретить примеры и другого направления в осмыслении слова, напр., в одном из документов Новгородской записной кабальной книги (1603 г.) читаем: «Жона его Улита ростом середняя, рожем смугла, глаза белы, *призорока*, лет в полтретьяцать».

Веер — нем. Fächer. Под влиянием *вять*.

Верстак — нем. Werkstatt. Осмыслилось сближением с *верстать*.

Всклоченный (наряду со *всклоченный*). В основе слова лежит понятие о клоке, клочьях; ср.: «И всякой, как дитя, чесать волос не хочет, Пока их всклочет» (Крылов, Гребень). Ассоциировалось с чуждым по смыслу *клокотать*.

Вязига «высушенное сухожилие красной рыбы». Как показывают другие славянские языки: укр. *виз* «белуга», *визина* «осетрина». пол. *wyza*, *wyzina*, чеш. *wyza*, первоначально корню этого слова, заимствованного славянами из нем. Hausen «белуга», г.-верх.-нем. *huso*, принадлежало **ы**. *Вязига* (ср. и *визига*) — продукт осмысления при прощии *взять*.

Гортань вм. грътань «гортань» под влиянием *горло*. Форма *грътань* засвидетельствована с XIII в.

Государь, откуда далее **сударь**. Слово восходит к первоначальному *господарь* (ср., например, др.-русск. *господарь*, *осподарь*, серб. *господар*, болг. *господар* и под.). На русской почве оно, вероятно, как-то ассоциировалось с *суд* (*судья*) и подверглось соответствующему изменению¹.

Жмурить — из *мъжурити: русск. диалектн. (пермск.) *замжурить*, чешск. *mžourati*; др.-русск.: «Он же *сомжаривъ* очи, предаст дух в руцѣ божии» (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом). *Мъжити* ассоциировалось с *жму* («сжимать»); группа *жъм-* широко представлена и в других славянских языках; ср. Преображ., Этим. слов., I, 235).

Зимородок «птица, *Alcedo*, например, «голубой зимородок — *Alcedo atthis* L». С рождением зимою птица не имеет ничего общего. По разъяснению, устно полученному от известного орнитолога профессора Н. В. Шарлеманя, название представляет искажение — осмысление польского названия этой птицы (названия, впрочем, вряд ли широко распространенного) *ziemiorodek*, т. е. «родящий на земле»; ср.: «Любимые места обитания зимородка — берега речек, ручьев, а также озер и прудов, при наличии обрывистых песчано-глинистых берегов, в которых птичка роет свои норы. Иногда она устраивает их в черноземной или известковой почве» (Животный мир СССР. С. А. Бутурлин, В. Г. Гептнер, Г. П. Дементьев и др. Птицы, М. Л., 1940, стр. 187). Народная этимология возникла, по-видимому, уже на самой польской почве — *zimorodek*.

Казовый «выставленный напоказ». Это устарелое теперь слово сближено народной этимологией с глаголом «казать». Я. К. Грот рекомендовал произносить и писать *хазовый*. Основное значение — «хазовый конец ткани», — по Далю: «заток, который делается пощипом, и этот конец оставляется сверху, напоказ»; слово — персидского происхождения, усвоенное через татарское посредство; по Гроту, перс. *хез* — «шерстяная или шелковая материя».

Крестьянин; первоначальное значение «христианин» ассоциировалось с *крест*. Ср. в древнерусском: А христианом отказыватися из волости ... за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего (Судебн. 1497 г., 57). А срочные им, крестьяном, отписывать и безсудные дават и неволокитно, а от безсудных им у христиан не имати ничего (там же, 36).

Любопытно в качестве параллели сообщение об отношении слов *крестьянин* и *христианин* в болховском говоре недавнего прошлого (А. И. Сахаров, Язык крестьян Ильинск. волости, Болх. уезда, Орл. губ., — Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, LXVIII, № 5, 1900 г., стр. 3): «Слова *крестьянин* и *христианин* всегда смешивают. Скажут: «Становой приказывал похоронить

¹ Иначе (маловероятно) — Ф. Е. Корш и склонный согласиться с ним Э. Бернекер, SEW, I, 235: предполагается иноязычное посредство. Подробно VREW, I, стр. 299—300.

по крестьянскому обряду» и «дала в приданое всё, что полагается по христианскому нашему положению». (Настолько смешивают эти слова, что однодворцев-крестьян,— государственных крестьян, имеющих земли четвертных прав,— называют «беспоминными душами», говоря, что при литургии на великом выходе священник поминает православных крестьян, а однодворцев не поминает)».

Кропива (чаще пишут **крапива**). Южно- и западнославянские языки свидетельствуют о более первоначальном *коприва* (ст.-слав., болг. и др.). Ср. укр. *окріп*, род. ед. ч. *окропу* «кипяток», пол. *укгор* «кипяток», *окгорпу* «ужасный».

Кустарь. Искажение нем. *Künstler* «искусник» и под.

Ладонь — из *долонь* (ср. др.-русск.: «А папа в то время, как поклонился Яков, долонью благословил», Отч. Я. Молвян.), укр. *долоня*, ст.-слав. *длань*, болг. *длан*, серб. *длан* и т. д. Перестановка в настоящее время общерусская. Решающей была, вероятно, ассоциация с *ладить* (ср. детск. *ладушки*, диал. *ладонька* и *ладбонька*). Считают, что перестановка совершилась раньше осмысления (ср. Слов. русск. яз. Акад. наук, V, I, 1915, стр. 82), но это вряд ли так: судя по материалу этого же словаря (стр. 83), *лодонь* в говорах засвидетельствована очень слабо — приводится только вытегорск. *лодонь* при *ладонь* — и может быть вторичным фактом. В качестве известной параллели заслуживает внимания, при обычном *долоня*, укр. *ладка* «ладонь, ладошка», *плескати в ладки* «бить в ладоши».

Муравей вм. «морвей»; ср. ст.-слав. *мравий* и под. Слово осмыслилось ассоциацией с *мурава*.

Оплеуха, вероятно, вм. «оплевуха». Ассоциировалось с *ухо* (Собол.). Это объяснение подтверждают псковские и тверские *поплевок*, *поплевуха* «оплеуха».

Паутина вм. «паучина»; ср.: диал. *паучина*, укр. (диал.) *павчина* и т. д. Догадка Соболевского о влиянии тут диал. *паут* «овод», имеющего очень узкое распространение и далекого семантически, не убеждает.

Скорее на изменение внешнего облича слова повлияло, например, существовавшее в древности такое, напоминавшее его по смыслу, как *путина* «пута» (ср. в «Слове о полку Игореве» — «... А самую опустоша, — ошибка вм. «опуташа», — въ путини желѣзны»). Конечно, и при этом допущении остаются серьезные трудности, связанные с вопросом о широте распространения слова в новой форме (так, *павутина* — и в украинском языке; хотя в говорах сохраняется и более старое *павучина*).

Паучина могло иногда представляться имеющим значение «большой паук». Ср. и диал. название паука *тенетник* к «тенета».

Проньра. Уже в старославянских текстах *проньръ*, *проньривъ* и т. д. передают греч. *ροπήρος* «злой, лукавый»; ассоциация с *нырять* возникла при этом народноэтимологически. По-

дробнее Б. М. Ляпунов, РФВ, 1916 г., № 4, стр. 21, он же — «О некоторых примерах имен нарицательного значения».

Противень «род большой четырехугольной сковороды». Слово с этим значением известно с XVII в. (см. Дело Ник., стр. 388). Вероятно, искажение нем. *Bratpfanne* «сковорода».

Проховост. Заимствовано с XVII в. не непосредственно из нем. *Profoss* «тюремный унтер-офицер, наблюдающий за арестованными солдатами», а, по-видимому, из голландского или из диалекта, близкого к голландскому, где *provoost*: «Полковнику профосту, стоварищи и споданными по сту флоринов». Кн. о ратн. строен. (Смирнов, Сб. Ак. наук, 88, стр. 247). Ассоциация с «хвост» чисто внешняя. Ср. и укр. *підчихвіст* «проховост».

Еще Я. К. Грот допускал в качестве формы, параллельной к *разорять*, — «раззорять», хотя и объяснял (Русск. правоп., 13 изд., 1898 г., 77): «Начертание «раззорять» неправильно, как показывает др.-слав. глагол *орити* «разрушать». Форма «раззорять» является продуктом народной этимологии, сближением, вероятно, с *озорной* или под. Из «раззорить» декомпозицией (переразложением) создана широко распространенная в говорах неэтимологическая форма *зорит*. См. и стр. 122.

Свидетель — ст.-слав. и др.-русск. *свьѣдѣтель*. Изменение произошло в результате очень естественного осмысления через *видеть* вместо *въдѣти* «знать».

Сердолик «род камня, сардий» — народное переосмысление гр. *sardónux*, ст.-слав. сардониксъ. В древнерусском (см. Срезн., Мат., III, стр. 335), наряду с *сердолик*, засвидетельствована еще форма менее искаженная — *сердоничьныи*.

Слюна. Большинство славянских языков, в том числе близкородственный украинский, свидетельствует о первоначальной форме *слина*, засвидетельствованной и в самом древнерусском, напр.: «...дондеже вся злоба изыдет слинами изо уст» (Путеш. архиеп. Антония, стр. 70). Ср. и сев.-русск.-диал. *слини* (Труды Комис. по диал. русск. яз. Акад. наук СССР, вып. 12, 1931, стр. 80).

В этом слове ю вм. и — из глагола *плюнуть*. Показательны в данном отношении болгарские варианты: *плюнка*, *плюмка*, *слюнка*, при *слина*, *слинка* (в словарях Герова, Вейганда и др.).

Смирный. В др.-русском *сѣмьренѣ* и *сѣмиренѣ*, ст.-слав. *сѣмьрити*. По-видимому, более первоначальные образования от корня «мѣр-а» в смысле «умерять» осмыслены ассоциацией с *мир*.

Сздам, создаст и под. Корень *здѣ-*; ср. *здание*, ст.-слав. *здание*, серб. *зидати* «строить» и под. Слово осмыслилось как «со-с-дать» и перешло в спряжение по образцу *дать*, *дам*. Осмысление относится уже к др.-русск. языку: създаде Адама (Тихонрав. — Преобр.).

Сорокоуст «сорокодневная заупокойная церковная служба» — ср. греч. *sarakostē* «сорокодневие». Внешняя связь с «уста».

В памятниках встречается рано (ср. Дух. Арт. черн. ок. 1350 г.,— Срезн.).

Шалопай (ср. диалект. *шалопан*). В основе восходит, вероятно, к франц. *sheparap* «негодяй». Осмыслилось ассоциацией с *шалить*, *шалун*¹.

¹ Не останавливаясь на народной этимологии в дальнейшем, отметим здесь попутно случаи еще семантического порядка. Этимологизировались, не изменив своего внешнего вида, такие, например, заимствования:

Колика из лат. *colica* «резь в кишках». Ассоциация с «колоть» чисто внешняя.

Пекло из ст.-слав. *пѣкло* «ад, преисподняя». Корень тот же, что в лат. *pix*, греч. *pissa* «смола».

Сальный «грязный, циничный». Заимствовано из фр. *sale*. Ассоциируется с «сало». Ср. и выражения вроде: «В этом анекдоте больше сала, чем остроумия».

Другие примеры см.: М и х. С а в и н о в, Народная этимология на почве языка русского,— Русск. филолог. вестн., 1889 г., том XXI, стр. 15—58, Н. С. Д е р ж а в и н, Народная этимология,— Русск. яз. в школе, 1939 г., № 2, стр. 39—49.

III. МОРФОЛОГИЯ.

Русский язык выступает на историческую арену в своих памятниках вполне сложившимся почти во всем том, что касается его морфологических категорий, констатируемых для нашей современности. Единственная крупная категория, образование которой относится в нем уже только к позднему времени, — деепричастие. Эта сложившаяся морфологическая система русского языка, само собой разумеется, имела свою предысторию, предысторию, восстанавливаемую сличением близких к русскому языкам. Реконструкция ее в подробностях не входит в задачи настоящего курса. Мы в существенном удовлетворимся там, где это понадобится, сопоставлением фактов русского языка с древнейшими дошедшими до нас письменными свидетельствами старославянского (древнеболгарского) языка. Что до наиболее древнего состояния, то и морфологическая система русского языка в существенном предполагает путь развития категорий, лишь довольно приблизительно поддающийся восстановлению по тем данным, которые можно извлечь из показаний и живых славянских языков вообще, и их памятников, а также, работая с большой осторожностью и оставаясь в области только более или менее правдоподобных гипотез, построенных на привлечении к сравнению других языков так называемой индоевропейской системы (главным образом санскрита, древнегреческого, латинского и литовского). Есть, например, достаточно серьезные основания думать, что дифференциация имен на имена существительные, прилагательные и числительные, хотя она налицо уже в древнейшем состоянии всех славянских языков и ее же отражают и другие языки индоевропейской системы, представляет собою явление, которому предшествовал единый тип (или типы) имен вообще. Несомненно, что и местоимения и имена исхони, т. е. насколько позволяют проникнуть в глубь истории наши приемы сравнительно-исторического анализа, развивались в постоянном взаимодействии (прилагательные — в более тесном, чем имена существительные). Вполне надежно предположение, что флексия глагола отразила в себе былые связи с личными местоимениями,

часто заявлявшие о себе и в позднейшей жизни (подновления под местоимения). Нет никакого сомнения, что наречия явились как продукт определенных перерождений прилагательных или падежей существительных (с предлогами или без них) и т. п.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

§ 1. Склонение имен существительных.

Старославянское склонение имен существительных, в основном близкое, как показывают живые славянские языки и их памятники, к склонению в древнейшем славянском языке, характеризуется наличием трех чисел (единственного, двойственного и множественного), падежными окончаниями именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и местного падежей (последний в отличие от нынешнего «предложного» мог употребляться без предлога) и специальной формой обращения — звательной.

Падежные окончания выступают как различные у разных типов имен существительных. Типы эти со сравнительно-исторической точки зрения позволяют с известной прозрачностью различить основы¹, к которым присоединялись те или другие окончания, причем надо, однако, иметь в виду, что далеко не всегда окончания, присоединявшиеся к разным основам, можно признать одинаковыми даже для глубокой древности, когда фонетические изменения еще не сделали их в ряде случаев трудноопознаваемыми в их составе. Если взять окончания, легко выделяющиеся и теперь, то можно видеть, напр., что слова *влькъ*, *рабъ*, как и ряд подобных, первоначально принадлежали к о-основам: ср. ст.-слав. тв. п. ед. ч. *влькомь*, *рабомь*, т. е. влько-мь, рабо-мь; а *медъмь*, *сынъмь* — к ъ-основам. Зная, что славянский ъ возник в соответствии и (короткому у) других индоевропейских языков, а, напр., в литовском звук о перешел в а, легко видеть, что наличие двух славянских склонений мужского рода типа *влькъ* с творит. п. ед. ч. *влькомь* и типа *медъ* с твор. п. ед. ч. *медъмь* восходит к старинному различению двух типов основ, различению, существующему в санскрите, латинском и других языках.

Ср. литовские типы склонения имен мужск. рода: им. п. ед. ч. *vilka-s* «волк» из **vilko-s* и *medu-s* «мед».

Подобным же образом обнаруживается тип ь-основ; ср. ст.-слав. *гость-мь*, *гвоздь-мь* и под., которым по форме соответствует лит. тв. п. ед. ч. *vagi-mi* от им. п. ед. ч. *vagi-s* «вор» и под.

¹ Т. е. характеризовавшиеся, как определенными морфологическими метрами, рано утратившими свое грамматическое значение окончаниями материальной части слова (главным образом — гласные: а, о, и, і, у, иц; ј и гласные за ним; реже — согласные или сочетания гласных с согласными — *en, *ent и под.).

В склонении на *-а, -я* (а со смягчением предшествующего согласного или с предшествующим *ј*) основа определенно выступает в самом именительном пад. ед. ч. То же окончание (только с указанием на долготу) выступает и в родственных языках. Со сравнительно-исторической точки зрения отчетливо можно различить, напр., что нынешний винительный падеж ед. ч. на *-у* восходит к старому окончанию, свидетельствуемому старославянским — *ж*: *женж*, *водж*, а последнее в свою очередь восходит к более старой форме *-ām*; ср. — лат. *silvam* «лес» (им. п. ед. ч. *silva* из более старого **silvā*). Сличая лат. формы винительного падежа ед. ч. *servi-m* «раба», *fructu-m* «плод», *ge-m* «дело», *silva-m*, выделяем *m* как приметку винительного падежа ед. числа при различных основах; основа *silva* (**silvā*), таким образом, отслаивается и при этого рода сопоставлении.

Важнейшие типы старославянского и древнерусского склонения даны на стр. 447—454. На основании сравнительно-исторических данных они с известной условностью систематизированы по выделяемым для них древнейшим основам.

Из изменений падежных окончаний, совершившихся на русской почве, специальных замечаний заслуживают главным образом характеризующие в следующих параграфах.

§ 2. Родительный падеж ед. ч. имен существительных муж. рода на *-у*.

Совершенно ясно, что окончание род. падежа ед. ч. *-у* у большинства имен существительных, при которых оно употребляется в литературном русском языке (всегда наряду с *-а*), проникло из *ъ*-основ, т. е. из старого склонения муж. рода, параллельного *о*-основам, — из парадигмы: им. ед. *сынъ*, род. *сыну*, дат. *сынови* и т. д. Не случаен поэтому факт, что род. пад. ед. ч. типа *снегу* (при *снега*), *духу* (при *духа*), *меду* (при *меда*) образуется только от имен мужского рода, но не известен в литературном языке, при всей близости парадигм, от имен среднего рода. С вопросом о влиянии на родительный падеж ед. ч. мужского склонения *ъ*-основ связаны однако значительные трудности. Не вполне ясна причина, почему в ряде славянских языков относительно малочисленная группа *ъ*-основ¹ образовала, несмотря на наличие одинакового окончания в дательном, для родительного падежа параллельный ряд с семантической дифференциацией сходного направления. Исчерпывающего разрешения относящихся к этому вопросу трудностей в науке еще нет, но в пределах русского языка можно указать на одно обстоятельство, проливающее известный свет на вопрос об образовании данной

¹ Это слова: *сынъ*, *воль*, *връхъ*, *домъ*, *медъ*, *поль*, *ледъ* и, вероятно, *чинъ*, *санъ*, *садъ*, *ядъ*, *радъ*, *разъ*, *солодъ*, *пиръ*, *даръ* и, может быть, некоторые др.

морфологической категории. Все типические черты ее употребления (только от неодушевленных и собирательных: *пуху, на-роду*; от названий предметов, употребляющихся по мере и весу при определенном или неопределенном указании на последние: *воску, чаю*; от абстрактных: *шуму, доходу*; в сочетаниях с предлогами, близящихся к наречиям: *из лесу, с краю*) объединяются в одной общей: кроме сочетаний наречного типа, род. падеж ед. ч. на *-у* образуют главным образом слова, обычно не имеющие множественного числа. Можно, таким образом, предполагать, что утилизация старого семантически не мотивированного параллелизма прошла по линии выделения особой смысловой категории слов, имеющих одно только единственное число. Из вещественных понятий среди *ъ*-основ, вероятно, оказались особенно влиятельными *меду, солоду*¹. Что касается сочетаний с предлогами, то для них тоже довольно легко указать конкретный путь аналогии: среди старых *ъ*-основ такие, напр., слова, как *домъ, разъ и верхъ* (ст.-слав. *врѣхъ*) в сочетаниях вроде *из дому*², *съ разу, съ верху* могли рано стать образцом для сочетаний наречного типа. Что касается оморфемности родительного на *-у* с дательным, то она никакого серьезного отрицательного значения не имела, так как дательный падеж, не управляемый предлогом, у имен абстрактных, собирательных и под. очень редок в фактическом употреблении.

Влияние *ъ*-основ на *о*-основы в родительном падеже единственного числа датируется в восточнославянских памятниках очень рано (XI в.). В памятниках говоров, определенно легших в основу великорусского языка, — с XIII: отъ лну (Новг. грам. 1265 г.).

§ 3. Предложный и местный падежи ед. ч. мужского склонения.

Устранение старых форм местного (предложного) падежа на *зѣ, цѣ, сѣ* от основ, оканчивавшихся на *г, к, х* (*друзѣ, вѣльцѣ, дусѣ*), шло с древнейшего времени, по-видимому, двумя путями: отчасти так же, как в женском склонении на *а*, являлись формы

¹ К значению в древней Руси культуры меда ср. хотя бы «Русск. правду» — статьи «о бърти» и «рѣзѣ» (процентах). Из древнейших примеров распространения влияния *меду* и *солоду* особенно интересны: от воску, от хмѣлю в Полоцкой грамоте ок. 1331 г. Подробнее в статье «Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах», — «Мовознавство», № 8, 1936, стр. 49 и дал.

² Как остаток старины и простое *дому* употребляется еще, напр., Ломоносовым и Карамзиным.

Безразличие употребления форм *года* — *году* приводит к тому, что Афанасий Никитин пишет, например, в своем «Хождении» даже при названии числа: «...а стоял под городом два году».

с г, к, х, заимствованными из других форм парадигмы¹, отчасти, как справедливо указывал Шахматов, потребность освободиться от форм с з, ц и с открывала больше, чем в других случаях, дорогу замене их формами на -у из ъ (у)-основ. Ср. в договоре Новгорода с тверским князем 1265 г. — на Торожку; в Пандектах 1296 г. — на снѣгу; в духовной Ивана Калиты — на шелку, и под.

Форма на -у с ударением на нем, отвечающая на вопрос *где?* (местный падеж)², представляет приобретение, вероятно, уже эпохи русского языка, предшествующей памятникам. Это окончание усвоено словами, допускающими его из основ на ъ (у), причем первоначально, главным образом, теми, которые имели так называемую циркумфлексовую (долгую нисходящую) интонацию или рефлекс краткости в подударном гласном корня³. Последнее обстоятельство, по-видимому, следует поставить в связь с тем, что основы на ъ (у), от которых шла индукция, почти сплошь принадлежали именно к такому интонационному типу. Другая особенность — принадлежность окончания -у только «неодушевленным» — объясняется, во-первых, малой употребительностью у «одушевленных» предложного падежа в значении, функционально близком к местному; во-вторых, тем, что два слова среди ъ (у)-основ, относившиеся к названиям существ, — *сынѣ и волѣ*, — раньше, чем явилась тенденция к образованию новых форм местного падежа, подверглись влиянию о-основ и не могли служить образцом для новых форм такого типа.

С. П. Обнорский полагает (Именное склонение в современном русском языке, I, 1927 г., стр. 230—233), что для древнейших отношений не имели значения те черты, которые позднее в литературном языке стали ограничительной приметой местного падежа: не играли сначала роли ни определенных предлоги пространственного значения (в, на) — формы на -у были известны после различных предлогов; ни велярный исход основы (г, к, х); ни наличие или отсутствие между предлогом и именем существительным имени прилагательного. С этими утверждениями вряд ли следует согласиться безоговорочно. Для новгородского

¹ Остатки старинного изменения велярных в предложном падеже в склонении былых а-основ иногда встречаются, однако, и в нецерковнославянизированных (и вообще неархаизированных) текстах еще даже в XVI веке. См., напр., судебную грамоту времени Иоанна Грозного — Фед.-Чех., I, № 45: к нозѣ, на дорозѣ, в саадацѣ (хотя ниже в саадакѣ).

² Обычно от слов, не имеющих в других падежах конечного ударения. Случай, вроде *в полку, в углу*, в древнерусском, по-видимому, не представляли исключения; показания других славянских языков говорят об ударяемости корня у них в ряде падежей.

³ Циркумфлексовая интонация в формах полногласия отражена в русском в виде ударения *бро, сло, ёре: пѣрох, гѣлод, бѣрег*.

Рефлексами краткости в древнейшем славянском были звуки о и е, как восходящие: первый — к а и о кратким: а) греч. *ἀξίς*, лат. *axis* — *ось*; лат. *agare* — *орать*; б) греч. *δόμος*, лат. *domus* — *домъ*; греч. *ὁδός* «дорога» — *ходить*; второй — к е: греч. *μέθυ*, лит. *medùs* — *медъ*.

говора древнейший материал, приведенный Соболевским, говорит, кроме старых основ на ъ (и) — *миръ, пиръ*, как раз о преимущественном появлении форм на -у еще у основ на велярные. Далее, древнейшие севернорусские примеры относятся именно к предлогам *в* и *на*, и притом без промежуточных прилагательных. То, что мы найдем в позднейших памятниках¹, уже отражает, по всей видимости, отчасти новые аналогические влияния (род. падежа), отчасти диалектный сдвиг в литературном русском языке в целом — влиятельную примесь стихий южнорусской. Южнорусская стихия определена только с XVIII в рассматриваемой группе фактов, действительно, под книжным церковнославянским влиянием, как справедливо утверждает Обнорский, отступает снова, и таким образом в литературном языке факты снова вводятся в рамки, отложившиеся в основном в севернорусских говорах², но не без значительных отклонений в ту и другую сторону³.

¹ В памятниках XVI—XVII в., а отчасти и в XVIII в., круг форм на -у вообще шире, чем теперь в литературном языке. Ср.: а) сохранение окончания старых основ на ъ (и): о святительском и священническом чину (Домостр., 12); А бывает та печать у думного дьяка беспрестанно повешена на вороту и в дому (Котош., 114); б) -у у слов с циркумфлексовой (в прошлом) интонацией, теперь выступающих с е; см. *на вороту* в примере из Котошихина, 114; в пороку zelное осмотрение... имети (Пис. и бум. П. I), (ср.: *вóрот, нóрох* и под.); в) при неударяемом окончании: на том починку (при обычном — починкѣ), Лихачев, Сборн. актов, 1529 г.; в списке — обычно в документах XVI в. (реже — в спискѣ). Названия городов на -скъ, как правило, имеют в местном падеже -у; г) при предлоге о: а о возу отмовлвити (Памяти. дипломат. сношений Моск. государства с Польско-литовским государством, т. I, 1495 г.); а о мыту отвечаю (там же, 1494 г.); Прежние наши гости о лодыжном мозгу юрта деля своего разбранилися (Памяти. дипломат. сношений Моск. государства с Крымск. и Нагайск. ордами и с Турциею, т. I, 1487 г.); о сыску чести (Котош., 88), о сыску изменников (102). ...Чтоб они о том государском и святейшаго патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94). О никакомому миру с шведами слышати не хочет (Ведом. Росс. гос.), просить о корму (Пис. и бум. П. I); д) у слов с исконным конечным ударением: при моем животу (Путеш. Ант., стр. 78), на суду (Судебн. 1589 г., 13), в вышеписанном суду (Указ об учрежд. правит. сената, 1711), и под.

Были, по-видимому, и говоры с особым пристрастием к такому окончанию; ср., напр., формы — «на том же Володкине жеребью», «а в ответу сказал», «выску (в иске) и владенье себе на душу взял» (Челобитная боярину Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.).

² О специальных отклонениях в псковском говоре см. Соболевский, стр. 172.

Реже случаи окончания е (ѣ) там, где теперь установилось у вроде: «ни зуба во рте, ни глаза во лбе» (Стар. послов.—XVII в.).

³ Только диалектно, притом в очень редких случаях, влияние бывлых ъ-основ переходило границы имен существительных мужского рода. Так, в «Старинном сборнике русских пословиц...» читается — «Не изобидь *на делу*, а *после делу* хо[т] все отоним» (№ 1675).

Имена существительные среднего рода, вообще говоря, оказались вне влияния ъ-основ, так как в древнейшем периоде в составе последних не было слов этого рода. Отдельные немногочисленные случаи такого влияния отмечались только в говорах.

§ 4. Именительный падеж множ. числа 0-основ.

Именительный падеж мн. ч. 0-основ оканчивался истари на и, перед которым, как происшедшим из дифтонга (см. Фонет. § 9), велярные согласные г, к, х соответственно изменялись в восточных и южнославянских языках в дз̄, откуда позже з, ц, с. В русском языке подобное изменение рано было вытеснено влиянием других падежей. След его сохранился только в формах множественного числа — *друзья, друзей* и т. д. Ср. и укр. *друзі* и т. д.

Употреблявшиеся еще даже в письменности XVII в. формы вроде *священници* «священники», *монаси* «монахи», *послуси* «свидетели» (ед. ч. — *послух*) не более, однако, как искусственно сохраненные грхазмы. К тому, что некоторые из них морфологически иногда уже не осмысливались, ср., напр., в Закладной 1517—1518 г. (Акты юр., II, 126, V): А на то послусь Иван Вяткин Большой.

Старое окончание -и сохранилось в литературном языке только в формах *соседи, черти* и архаич. *холопи*, которые, однако, были восприняты как формы мягкого склонения и получили поэтому при себе родит. мн. *соседей, чертей, холопей*, дателън. мн. *соседам, чертям, холопям* и т. д.¹

Что формы *соседам* и под. — новообразования, а не остатки старины, ясно, кроме всего прочего, из примет фонетических: *соседам*, а не «сосежам» (дй отразилось бы в виде ж), *чертям*, а не «черчам» (тй отразилось бы в виде ч), *холопям*, а не «холоплям» (пй дало бы пл^в).

Окончание -и после г, к, х — фонетического происхождения: ы после звуков г, к, х перешло в русском в и и свидетельством сохранения былого и не является: *волки, долги, страхи* восходят к прежним формам винительного падежа мн. числа: *вѣлки, дѣлгы, стрѣхы* (см. стр. 81).

Вытеснению в подавляющем большинстве слов старого -и окончанием винительного -ы могли способствовать такие моменты:

1) У слов, основа которых оканчивалась на г, к, х, именительный множ. имел согласный, отклонявшийся от остальных

¹ Форма *соседей* свидетельствуется уже, напр., одним из списков «Домостроя». Шахматов в своем литогр. «Курсе истории русск. яз.», III (1910—1911), стр. 414, отмечал, кроме того, ряд других случаев в памятниках, где к старым формам им. пад. мн. ч. этого типа образовывались формы род. п. мн. ч. на ей; большинство таких форм относится к XV—XVI вв.

Менее правдоподобно объяснение Соболевского (Лекции ⁴), предполагавшего, что соответствующие слова с им. п. мн. ч. на -и принадлежали в прошлом к основам на -ь. Из фактов литературного языка так следует объяснить только род. п. мн. ч. *тетеревей*, так как в форме *тетеревь*, засвидетельствованной в вологодском говоре, при отвердении губных, действительно, было благоприятное условие для перехода в другой образец склонения. Унбегаун (ук. соч., 189) приводит из памятников конца XV в. три *тетереви*, и под., из памятника 1495 г., наряду с им. мн. *тетереви*, — род. мн. *тетеревей*.

форм: *вълци, дѣлзи, страси*. Форма винительного (*вълкы, дѣлгы, страхы*) могла поэтому представляться предпочтительной и быть заведена по аналогии именительного-винительного ед. числа.

2. Сильно влияла в направлении обобщения окончания *-ы* аналогия мн. ч. женского рода: *сестры, избы*.

3) По-видимому, действовала тенденция проводить в «твердом» склонении окончания, не вызывавшие смягчения предшествующих согласных.

Отражено вытеснение форм именительного мн. на *-и* формами винительного на *-ы* в восточнославянских памятниках уже с XI в. (отдельные примеры), но на русской (великорусской) почве оно выступает отчетливо главным образом в севернорусских памятниках,— с XIII в.: Чины раставлены быша (рост. Жит. Нифонта, 1219 г.); Быша ми осьли и рабы (Паремейн. 1271 г.).

Именительный падеж множ. числа мужского рода на *-а* с ударением на нем, хотя отдельные исходные моменты грамматической аналогии, приведшей к его появлению, не возбуждают сомнения, не имеет бесспорного объяснения для всех деталей процесса. Господствующее объяснение сводится к тому, что окончание *-а* в именительном-винительном падеже множ. числа у имен мужского рода, вытеснившее окончание *-ы* (вм. старого *-и*), представляет собою историческое продолжение формы двойственного числа, в период его отмирания у большинства существительных осмыслившейся у названий парных предметов как множественное; ср. *берегá* (первоначально — «оба берега»), *бокá, глазá, поводá, рогá, рукавá, обшлагá*.

Роль двойственного числа можно принять в данном случае за очень вероятную; дело, однако, тут не без серьезных трудностей, и главная из них та, что спорно исходное место ударения именительного-винительного падежа двойственного числа у *о*-основ с подвижным ударением. Доверяя свидетельству словенского языка, единственного из живых славянских сохранившего в полной мере и самую категорию двойственного числа и четкие следы былой акцентологической системы, пришлось бы признать, что ударение именительного-винительного двойственного у *о*-основ с подвижным ударением падало не на окончание, т. е. соответствующие формы звучали *бѣрега, *бѣстрова и под., совпадая с родительным ед. ч. С этим предположением в согласии стояло бы и ударение местоименного слова *оба* (а не *обá), несомненного носителя формы двойственного числа. Если так, то оказывалось бы неясным, как по образцу форм двойственного числа типа *бѣрега, глазá* могли возникнуть формы множественного числа, выступающие всегда именно с конечным ударением¹.

¹ Подробности — в статье «Интонация и количество форм Dualis именного склонения в древнейшем славянском языке», — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., V, вып. 4, 1946 г., стр. 301—306.

В таком случае нужно признать еще (вслед за Ягичем), как индуцировавшие отношения, характерные для имен среднего рода: род. ед. и остальные падежи ед. ч.— *поля, полю* и т. д.: им. мн. *поля*; *зёркала, зёркалу* и т. д.: им. мн. *зеркала*.

Сравни. и, правда немногочисленные, слова с колебанием рода между мужским и средним: стар. *облак* и *облако*, *колокол* и диал. *колоколо*.

Индукции среднего рода должны были благоприятствовать отношения места ударения в о-основах, параллель к которым представляет, напр., украинский язык: *острова* (род. ед.) — *острові* (им.-вин. мн. ч.), *гблоса* (род. ед.) — *голосі* (им.-вин. мн.), и под.

Вопрос, однако, об исходном месте ударения в именительном-винительном двойственного числа основ на о, как сказано, до сих пор не решен окончательно. Вопреки данным словенского языка многие лингвисты принимают за исходное ударение о-основ данного типа в им.-вин. дв. ч.— конечное. Основания для такого предположения они видят в свидетельстве литовского (*abù, abù-du* «оба» — имен.-вин. дв. ч.), акцентологически идущего обыкновенно параллельно с фактами славянскими, и в самом русском — в его *два разá, три часá, три рядá*.

Важнейшее свидетельство славянского *оба* отклоняется различными соображениями, из которых наиболее удачным является письменно высказанная догадка И. М. Эндзелина: *оба* может, по его мнению, восходить к более старой форме *оба-дъва, в которой побочное ударение, приходившееся на первый слог первой части, затем, при изоляции ее, стало основным.

Если бы совокупность этих догадок в конечном счете могла стать теорией, для объяснения -а в именительном множественного числа достаточно было бы признать индукцию одного двойственного.

Но и эти аргументы не устраниют всех сомнений, и даже главнейший из них — указание на *два разá, три часá, три рядá, четыре шагá* — может быть отведен ссылкой на то, что соответствующие факты, весьма возможно, не представляют в исходе о-основ, а сохранили ударение двойственного числа основ на -ъ(и), к которым, по ряду данных, относились в древнем славянском.

Как бы тут ни обстояло дело с ударением, толчок к тому, чтобы в именительный-винительный множественного проникло окончание *á*, мог действительно идти от форм двойственного числа; далее же ударение могло распределиться по аналогии отношений в словах среднего рода. Слова с конечным ударением, вроде *сноп* — род. ед. *снопá, труд* — род. ед. *трудá*, остались вне действия подобных влияний, вероятно, из-за того, что в среднем роде типа с конечным неподвижным ударением не было, и он в данном случае индукции не осуществлял.

Для старых основ на -ъ (-и) ни одно из указанных влияний

действительным не было (не имелось условий для индукции), и потому им. мн. от них звучит *меды, сады* и под.¹

Формы имен.-вин. мн. ч. на *-а (-я)* в памятниках появляются с конца XV в. и представлены в них немногочисленными примерами. Старейший — Рукава же риз их широци (рукоп. 1470—1477 г.) — вероятно, прямое наследие старого двойственного (ср. совр. *рукава́*, единственное слово такого типа с ед. ч., имеющим конечное ударение)². Далее приводились, напр.: жернова новые запасные (Грам. 1568 г.), тагана и решеточки (из Домостр. по сп. XVI в.), те леса (Улож. 1649 г.). В оброчной Двинского уезда 1551 г. имеем: «...дали на оброк в Двинском уезде по морскому берегу *леса* и пожни», но ниже: «а те им *леса*, которые против пожен и варниц, сечи...»³

Слово и форма *глаза* (без параллельной «глазы») довольно часто встречается в новгородских записных кабальных книгах самого начала XVII в. (ср. *глазатый* в Прологе XIII—XIV вв., поясняемое Срезневским, Матер. для словаря др.-русс. яз., I, стр. 518, как «*oculos habens*»).

Очень последовательно им.-вин. мн. ч. *моста* употребляется, напр., в наказе подьячим 1602 г. (Дела Тайн. прик., II, стр. 575—578), но в отписках этого же года мостовых досмотрщиков и копорских воевод последовательно — *мосты*.

¹ Подробности см. в статье «Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах», I, — «Мовознавство», № 8, 1936, стр. 50—51.

Тому факту относительно слова *час*, что в XVIII в. и в начале XIX в. оно у поэтов обычно с ударением на флексии, нельзя придать серьезного значения: такое ударение возникло, видимо, по образцу *два часа́, три часа́* и под., т. е. представляет собою явление вторичного порядка. Важнее другое — свидетельство всех славянских языков, способных это обнаружить, что *час* имело корень искони с т. наз. акутовой интонацией (см. главу IV, § 1), Принадлежало оно поэтому к типу с неподвижным ударением, и, таким образом, ударение *два часа́* и под. представляет собою явление, возникшее только уже на русской почве и не показательное для древнейших отношений.

С позиций тех, кто не принимает влияния отношений форм среднего рода, важно еще объяснение Шахматова (литограф. «Курс ист. русск. яз.», III, стр. 505), почему в ряде слов сохранился им. п. мн. ч. на *-ы*: Шахматов указывает, что всё это большею частью слова, не употребительные после числовых наименований и потому бывшие свободными от влияния формы двойственного числа. Любопытно, однако, что это объяснение очень близко соприкасается с предшествующим: понятия, обычно не сочетающиеся с числами, как указывалось выше (§ 2), рано вошли в сферу влияния *ъ*-основ. Ср. и указанную статью автора, стр. 306.

² *Обилага́* (из нем.) получило свое ударение от него.

³ Ср.: великие леса темные (Ист. об Азовск. сид., 4). ...И тебе б отнють в мордовские леса не посылать... (Хоз. Мороз., II, Акты, № 11).

С этим фактом интересно сопоставить указание С. П. Обнорского, Именное склонение, вып. 2, 1931 г., стр. 53, на то, что для бывш. Ржевского уезда, Тверской губ., отмечалось, при отсутствии вообще форм на *а*, только *лесá*. — Возможно, что на это слово повлияло созвучное *плесо* с его множ. числом *плеса* (ср. колебание *плес : плесо*).

Унбеган, ук. соч., стр. 212 из грамоты 1529 г. приводит *луга* (при *луги*).

Уже в «Путеш. новгор. архиеп. Антония» конца XII в. (по сп. нач. XV в.): ...а в колокола латыни звонят (по изд. Археогр. комис. 1872 г., стр. 84); ...и в полунощи служивыя зазваниша в набатныя колокола... (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.).— Ср. диал. *колоколо*.

В литературном языке первой половины XVIII в., у Кантемира, напр., с -а употребляются только им. п. мн. ч., относящиеся к парным предметам: *глаза, брега, рога* (при *роги*); *края* и еще *леса* (ср. укр. *ліса* при *лісі*). По Ломоносову (§ 190), только -а имеют опять-таки парные — *рога, бока, глаза*, а колеблются: *береги — берега*, тоже название парных предметов, *колоколы — колокола*, известное в московских грамотах с XVI в., как форма к им. ед. ч. средн. рода, *леса и леса*, и кроме того *луги* и *луга*, возможно, со старинным вариантом среднего рода во мн. ч.; ср.: чешск. *louky* и *louka* к им. ед. ч. *louka* ж. р., при м. р. *luk*, и — с другим согласным — *luh*; *островы — острова*; ср. ст.-слав. (серб.) — *острово; снеги и снега, струги и струга*, — т. е. отношения, в основном, похожие на положение в этой категории, например, в украинском (где только *рукáва, вúса*; диал. *берегá* при *берегí*; диал. *ліса* при *лісі*; *віса* «овсы» и под.)¹.

Относительно недавно вопрос об именительном падеже множ. числа мужского рода с окончанием -а пересмотрен Унбегауном, ук. соч., стр. 212 и далее. Унбегаун появление этого окончания приписывает в основном только влиянию среднего рода, осуществившемуся после того, как имена мужского рода получили дательный мн. ч. на -ам, местн. мн. ч. на -ах и под.

Влияние двойственного числа, хотя он и разделяет мнение об исходном для него ударении **берегá* и под., ему представляется сомнительным по хронологическим основаниям: если двойственное число, судя по памятникам, исчезло в русском в XIII—XIV вв., как могло оно влиять на флексию множ. числа в XVII—XVIII? Различие *труды, снопы*, но *городá, годá* и под. он объясняет большей сопротивляемостью в первом случае подударного окончания. Доводы его решающего значения, однако, не имеют: двойственное число, исчезнувшее в литературном языке, могло еще долго в тех или других остатках сохраняться (формой, а не значением) в говорах, позже усилившихся в своем влиянии и наконец отразившихся в письменном языке.

Особый случай представляют примеры с новым -а, -я в именительном множественном у названий лиц типа *учителья, лекаря*, за которыми пошли многочисленные названия профессий вроде *докторá, профессорá*.

Исходные формы имели, как есть основание думать, старое различие в ударении между единственным и множественным числом: *учитель — учителé, лѣкаръ — лѣкарé*. Эта особенность сбли-

¹ Подробно в статье «Порівняльно-історичні уваги до українського наголосу», — Збірник Центр. держ. курсів українознавства, Харьк., 1928, стр. 27—28.

зила их с образованиями типа *бѣрега* (род. ед.) — *берега́* (им. множ.), *острова* (род. ед.), — *островá* (имен. мн.). Дальнейшее пополнение этой категории существительных (не прекращавшееся в течение всего XIX в. и не прекращающееся до сих пор) совершалось уже по мотивам семантическим (названия профессионалов); поэтому *профессора́*, *доктора́*, но не «оратора́», «мучителя́» и под. Древнейший случай, если это не опечатка издания, — *мастера* (1509 г. — Унбегаун, ук. соч., стр. 212). Для постепенности охвата окончанием а имен существительных этого рода характерны, напр., у В. Н. Татищева (1768) — «*Доктора́ и Лекари* в самом том покое присутствуют» (стр. 577).

§ 5. Имен. пад. мн. ч. м. р. на -ья.

Не возбуждает никаких сомнений, что касается его происхождения, из этой категории форм только нынешний им. п. мн. ч. *братья*. Это собирательное имя существительное женского рода (ед. ч.), которому в нынешнем литературном языке соответствует церковнославянизм *братия*. По-видимому, влиянию этого слова обязаны своим появлением *мужья́*, *князья́*¹, сохранившее еще з именительного пад. мн. ч. *перед* и (*друзи*) *друзья́* (ср. соврем. диалектн. *дружья́*) и другие названия лиц. Ударение последних, отступающее от ударения *братья́*, объясняется в связи с принадлежавшей их корням особой давней интонацией (так назыв. циркумфлексовой).

Остальные подобные образования спорны: те, кто принимает фонетический закон о переходе конечного неударяемого е в я, толкуют формы вроде *колосья́*, *уголья́*, *колья́* (*каменя́*, *коренья́*), как фонетически образовавшиеся из собирательных «колосье», «уголье» и под.²

¹ Если доверять свидетельству др.-русск. *князья́* (с ж из древнейшего г), формы ед. ч., то *князья́*, выступавшее так же, как форма ед. ч., могло бы восходить прежде всего к влиянию первой. Подобное образование известно, как указывал Шахматов, также и др.-польск. — *księża*. Древнерусские примеры см. в Лавр. сп. летоп.: Послани от Игоря, великого князя рускаго, и от всякого князья (11 об.). Не ходили со всею князью (134 об.). Святослав възвратися г. Киеву со всею князью (134 об.). (К а р с к и й, Изв. по русск. яз. и слов., II, 1929, стр. 5).

Собирательное *зятья́* (ед. число) имеем, например, в духовной в. князя Ивана Иван. около 1358 г.: «А кого ми дасть б(ог)ъ *зятю*, по чепи им зол(о)те да по поясу по зол(о)ту»; «...а в твое есми место велел быти на свадьбе казначеем своим... и твоеи шурье» (Грамм., в списке, царя Иоанна Вас., — писани. в 1547 г.). Ср. в Судебн. 1589 г. (54) *дядья́* как собирательное: «...И детям их и з дядью дел [часть] по отце... Другие примеры собирательных *дядья́*, *зятья́*, *шурья́* и под, см. Соболев, Лекции⁴, стр. 219 и след. Не сохранилось старое *попья́* «попы»: «А что моих поясов серебряных, а то роздавать по *попьям*» (Духовн. моск. кн. Ив. Даниловича, 1327—1328 гг.).

² К переходу собирательных в множ. число ср., напр.: А пить в стол носили молоко коровье топлено... а в нем листья, неведомо какие (Мат. пут. Ив. Петлина, 277). ...А у лавок брусье велеть отнять и приделать новые с выемками на подставках... (Грамм. архиеп. Волог. Симона, 1676 г.).

Еще проще объясняются отношения, если такой фонетический закон ограничить положением неударяемого *e* после *j*; сравн. укр. *зілля*, *гілля* из «зелье» (-*ьje*), «голье» (-*ьje*), где, однако, ударяемость или неударяемость, по-видимому, роли не играла.

Заслуживает внимания, что все вошедшие в литературный язык такие образования от имен «неодушевленных» имеют ударение на основе, а не на окончании, как большинство названий лиц (ср. диал. даже «братья́» под влиянием таких, как *друзья́*, *мужья́* и т. д.). Это различие в месте ударения указывает, что соответствующие формы у «неодушевленных» появились не под влиянием *мужья́*, *друзья́* и под., а под другим влиянием. Таким с известною вероятностью можно считать, если сомневаться в фонетическом характере перехода *e* > *я*, множ. число имен среднего рода типа *крылья́*, *перья́*, *поленья́*, *звенья́* и т. д.

В древнерусском собирательные к именам мужского и среднего рода одинаково оканчивались на -*ие* (-*ьje*): гроздие, клиние, колие, и также: перие, полъние и под. Когда соответствующие образования от слов среднего рода стали осмысливаться как множественное число и усвоили под влиянием такого осмысления типическую примету среднего рода — *я*, т. е. «перие» изменилось в *перья́*, «полъние» — в *поленья́*, то в параллель им подобным образом могли измениться и образования от слов мужского рода. Ср. древнерусск. примеры с колебанием: ...И пух и перья́ и *крылье́* гусиные прислать все имянно к Москве ж...

Примеры др.-русских собирательных, послуживших основанием для именительных мн. ч. на -*ья*: «... И которые стрелцы стоят на вахте на дворе царском, провожают царя или царицу ... без мушкетов, с *путьем*» (Котош., 91). «И ты б, староста, бил ево, Ларьку, на сходе перед крестьяны батоги нещадно, чтоб судило *кнутья́* за то, что он мой указ забыл» (Хоз. Мороз., I, № 177). «...Дано за *брусье́* и за *бревенья́* девять алтын три денги» (Прих. расх. кн. Болдина-Дорогобужск. мон., 1587 г.). «...И *вотчинное строенья́* и крестьянская ссуда по своей сказке...» (Закладная 1648 г., Акты юр., II, 126, VII). «...И в огороде с *яблонным деревьем* и с хмелевыми гнезды» (Закладная 1669 г., Акты юр., II, № 126, X). «...и *старое деревье негодное* вырубить, а вместо того новых насадить...» (Инстр. дворецкому, XVIII в., разд. 20). «Их брони, шлемы позлащенны, Как лесом, *перьем* осененны, Мне тмили взор...» (Держ., Афинейскому витязю). «...И *перьем* бы твоим постельку их устлять» (Крылов, Добрая Лисица).

К редким случаям нужно отнести обратное производство — ед. числа из множественного. Так, по-видимому, следует понимать *ружье*. Слово первоначально являлось собирательным: «...денежное жалованье и *ружье* давать жильным козакам» (Акты Моск. гос., I, 162) и звучало, вероятно, *ружьье* из более древнего *оружье*. *Ружье́* превратилось затем в *ружья́*, к которому образовано во второй половине XVIII в. нынешнее единственное число (Б. У н б е г а у н, *Revue des ét. slaves*, XV, 1938, стр. 231—234).

О том, насколько собирательные этого рода в севернорусских и белорусских говорах до сих пор представляют живую категорию, соотносительную с именами существительными единственного и множественного числа, см. В. В. Виноградов, О формах слов,— Изв. Отд. лит. и яз. АН СССР, III, вып. I, 1944, стр. 39 и В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949, стр. 29 и дал. (там же указана предшествующая литература).

(Хоз. Мороз., I, № 18); И потрохи да и перье, и пух, и *крылья* все прислать имянно (Хоз. Мороз., I, № 17).

Распределение фактов, относящихся к именительному множественному у «неодушевленных» между окончаниями **-а(-ы)** с одной стороны и **-ья** — с другой в существенном (но не без колебаний) проходит по различию семантическому: представления четко обособленных единиц, взятых во множественности, получают окончание **-а**, множественное число к представлениям совокупного характера — **-ья**: *домá, городá, пояса́, островá, желобá, но колья, сучья, зубья, листья*, т. е. в ясном отношении к отсутствию собирательности или ее наличию. Отклонения, вроде *стулья, полозя*, вошедшие во вторую группу (ср. диалект. арханг.-шенкурск. *стулье, полозье* и под.), немногочисленны.

В XVII веке еще обычна древнейшая форма — *стулы*: И начальные велят поддатням всех птиц посадить *на стулы*... (Урядник, статья 10).

Окончание **-овья** в современном литературном языке имеем у слов *сыновья* и устарелого *кумовья*. В древнейшее время слово *сынъ*, как **ь(и)**-основа, выступало в именительном множ. числа в виде *сынове*, подвергшемся, по-видимому, влиянию типа *братья*. За *сыновья* последовало далее, уже по аналогии, *кумовья* и теперь вышедшее из употребления в литературном языке *зятевья*.

§ 6. Имен. пад. мн. ч. среднего рода на **-и (-ы)** и др.

Имен. пад. мн. ч. сред. рода у слов, оканчивающихся на **ко**, звучит, если окончание не под ударением, — **ки**: *окошки, веки, яблоки* (ср. *войска́, облака́*). По существу перед нами факт узаконения в письме произношения, параллельного формам с конечным неударяемым **-ы (ки из кы)**: «сёлы», «вёслы», «кóльцы» и под.¹ Последние формы обычны в Москве и почти на всей территории русского языка, кроме некоторых северных говоров. Возникли они давно (первый пример Соболевский приводит из начала XV в.). Сюда же, вероятно, следует отнести: чады своя поминаючи (Задонц.); ср. из XVI в.: блюда (Домостр., 48); из XVII в.: селищи и замища (Акты 1616, 1691 г.), деревьи годны (Купчая 1657 г.) и др. (Обнорск., II, 110)². Форма *яблоки* засвидетельствована уже в «Путеш. архиеп. Новгород. Антония» нач. XII в., по списку нач. XV в.: «Овощ же патриархов всякий, дыню и *яблоки* и груши...» (по изд. Археогр. ком. 1876 г., стр. 106).

Представляют эти формы результат влияний имен мужского и женского рода, вероятно, после того как в среднем и мужском роде установилась во множественном числе (в дательном, твор-

¹ К борьбе с такими формами в письме ср. Ломоносов, Рос. грам., § 115.

² У н б е г а у н, указ. соч., стр. 163—165, анализируя отдельные примеры таких форм на **-ы (-и)** до XVII в., все их считает по тем или другим основаниям ненадежными.

тельном и предложном падежах) система склонения, параллельного именам женского рода.

Форма *очки* восходит, по-видимому, к тем говорам, где и под ударением *ки*: *озеркй, ушкй*. Сходство этих форм с мужским родом привело, между прочим, и к тому, что в родительном множ., наряду с *яблок*, установилось *яблоков*¹, а также *очков*.

Остатками форм двойственного числа являются: *очи, плечи, уши, колени* (из «колѣнѣ»).

Еще в начале XIX века у писателей могла употребляться как архаизм форма двойственного числа *криль*: «И веселью и печали На изменчивой земле Боги праведные дали Одинакие криле» (Баратынский, Наслаждение). Особенно часта она у Жуковского.

§ 7. Родительный пад. мн. ч. мужского склонения.

Род. мн. типа *вълкъ* (ст.-слав. *влькъ*). Распространение в этом склонении окончания *-ов*, заимствованного из основ типа *сынъ*, соответствует тенденции сообщить форме примету, отличающую ее от именительного падежа единственного числа. Появление форм на *-ов* и даже *-ев* (в мягком склонении), при этом в большом числе, свидетельствуется для былых *о*-основ уже памятниками XII в. Старинная форма родительного удерживается в литературном языке только в случаях:

а) Где слово обозначает парный предмет, т. е. употреблялось часто после слова «пара» и относительно мало нуждалось в падежной характеристике: *сапог, чулок*. Этому же образцу последовало и *глаз*; ср. стар. и диал. *глазов*.

б) Где слово относится к понятиям меры, веса и под.: *раз, аршин, грамм*: сколько раз, десять аршин, десять грамм. Еще в начале XIX в. так же употреблялось *пуд*: А в те поры все важны в сорок пуд (Гриб.), хотя и намного раньше было известно также *пудов*.. с десяти пудов московских... (Уставн. грам., в списке, царя Феод. Иоанн.,— пис. в 1587 г.). (Ср., напр., Хоз. Мороз., I, 17: Сколько... уломано пудов поташу). Востоков, Русская грамматика, § 29, *десять пуд* считал нормативной формой. Изредка эту форму можно встретить и позже (напр., у Гончарова — Взвалил тысячи пуд себе на плечи, Обрыв, I, гл. 18,— Обнор.). В говорах встречается также *два, три, четыре раз* (см., напр., Материалы для изуч. великорусск. гов., VIII, стр. 154).

В древнерусском число слов, склонявшихся таким образом, было больше; так, в памятниках и у писателей XVIII в. встречаем: *месяц* — И ту же бых 5 месяць... (Хож. Афан. Никит.). И удержали меня в Самборе пять месяць (Пам. Смутн. врем., 24), больши трех месяць (Улож. 1649 г.); *рог* — без рог (Держ.); *фут* — глужбе восьми фут, хотя — *по пяти футов* (в языке

¹ *Яблѣковъ* уже в Синод. списке Новгород. летописи XIII в.

Петра I, — Обнор.). Возможно, что у Курганова (XVIII в. —) шаг: «*Стадія*, мѣра о 125 шаг».

Неясно, почему *фунт* издревле встречается только с окончанием **-ов**: ср. уже у Аф. Никитина: ...по 10 тысяч фунтов золотых (Срезн., III, 1358).

Что касается *часов*, то, вероятно, **-ов** в нем — след диалектной принадлежности в прошлом этого слова к **ъ-(у-)** основам. Это же можно подозревать и для *рядов*.

Отсутствие от *вершок* род. мн. без **-ов** стоит, надо думать, в связи с наличием суффикса, ассоциировавшегося с длинным рядом слов на **-ов** в этой форме. (Особый случай имеем в группе в).

в) В нескольких словах с суффиксом **-ок, -ек** (род. ед. **-к -а**): *зубок* — род. мн. *зубок*; *рожок* — род. мн. *рѳжек*; *глазок* — род. мн. *глазок*; *сапожок* — род. мн. *сапѳжек*. — К трем последним ср. а).

Форма род. мн. в этих примерах была достаточно выразительно отличена от именительного единственного числа ударением.

г) В старых названиях частей войск и под.: *гусар*, *драгун*, *кирасир*, *солдат*. Эта группа слов отчасти может рассматриваться как параллельная группе б); сравн. наиболее обычные сочетания: *полк солдат*, *эскадрон гусар*, *рота кирасир* и под. Сюда же вошло *партизан*.

Но, кроме того, имеет значение еще тот факт, что по крайней мере слова на **-ар**, вроде старинного *рейтар*, далее — *гусар*, могли подвергнуться аналогии многочисленных слов типа *татары* — род. мн. *татар*, *болгары* — род. мн. *болгар*, где нераспространение окончания **-ов** имело свое специальное основание (имен. ед. на **-ин**). Форму род. мн. *солдатов* см., напр., в «Делах Тайн. приказа», III, стр. 103, 1672 г.

д) В названиях народов. Тут, конечно, решающим было влияние многочисленных имен, принадлежавших к старинному склонению на согласный основы с единственным числом с приметой **-ин** и с родительным множественного без окончания: *славян*¹, *римлян*, *египтян*, *татар*, *болгар*. Ср. и др.-русск. примеры вроде: Две сотни костромичь дворян и детей боярских (Мат. Раз., III, № 25); ед. ч. — *костромитин*.

е) Род. мн. *волѳс*, где ударение отличало именительный ед. ч. от родительного мн. ч. (ср. в). В старинном, как и народном, языке и здесь встречалось *волосов*: Ино силы с пашами под вас прислано больше волосов на главах ваших (Ист. об Азовском сид., б)². Ср. укр. *чѳбит* «сапог» с родительным мн. ч. *чѳбит*.

¹ Как поэтическую вольность Ломоносов разрешил себе форму *славенов*: «О чада ревностны, усерды, Славенов в свете славный род» (Ода 18). За ним ее употребили с русской огласовкой суффикса Державин — «Доколь Славянов род вселенна будет чтить» (Памятник), Дмитриев — «Где ты, Славянов храбрых сила?» (Освобождение Москвы) и Пушкин — «Хмельна для них Славянов кровь» (Бород. годовщ.). — См. Я. К. Грот, Сочин. Держ., т. 1, 1868, стр. 536.

² *Волосов* нередко даже у писателей первых десятилетий XIX в. — Н. Полевого и др.

ж) Род. п. мн. ч. *человек*, выступающий в такой форме только после названий чисел.

з) В некоторых заимствованных словах со старым колебанием в разговорном языке флексии и грамматического рода: *апельсин, фрукт, мирт* (старинные разговорные — *апельсина, фрукта, мирта*); ср. *апельсинов, фруктов, миртов* и под.

и) Еще в третьей четверти XIX в. иногда, видимо, под влиянием *губ — зуб*. Примеры такого употребления встречаются у Пушкина, Л. Толстого, Лескова, Гл. Успенского и др.

к) К фразеологическому употреблению относится, напр., др.-русск. *меж двор* «между дворами, по дворам»: ...и жены и дети скитаются тут же в Агенсеевской вотчине меж двор (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118).

Влиянием твердого мужского склонения не охвачены в литературном языке основы типа *конь, пахарь* в родительном множественного числа; ср.: *коней, пахарей*, где отражено засвидетельствованное с XIII в. влияние не *о*-основ, а основ на *-ь (-i)*; ср.: ст.-слав. *зятый, медвѣдий* и под. Отсутствию влияния здесь в литературном языке *о*-основ с проводимым ими окончанием, перенятым от основ на *-и (-ъ) (сыновѣ, домовѣ)*, способствовали: близость к *-jo (je)*-основам ряда окончаний (в том числе таких влиятельных, как именит. ед. ч. и именительный мн.) в *ь*-основах, очень раннее исчезновение *ю (ju)*-основ (*мъжевь*), результатом чего было, что окончание *-евъ* в родительном множественного, как оно должно было бы звучать в системе *jo*-основ, не имело непосредственного образца¹.

Влияние твердого склонения охватило только слова с окончанием основы на *-ц* — *молодыць, купыць* и на *-й* — *край*. С первого взгляда представляется странным, что именно основы, оканчивающиеся на *ц*, которое отвердело позже, чем *ж, ш*², усвоили окончание *о*-основ, тогда как основы с конечными *ж, ш* подвергались влиянию мягкого склонения (*ножей, ужей, шалашей, малышей*)³. По-видимому, причина различия здесь — в узости, конкретности пути влияния *ь*-основ на *-jo(je)*-основы. Среди *ь*-основ были слова на *-жь, -шь*, которым могло уподобиться склонение *jo*-основ вроде *ножь, сторожь*, но не было слов на *-ць*. Слова с таким окончанием в *jo*-основах оказывались,

¹ В диалектах, однако, формы на *-ев* по образцу *-ов* твердого склонения нередки. В памятниках форму на *-ев* сравнительно часто встречаем при слове *товарищ* (влияние основ на *ш*² — см. выше — Фонет., § 8): И те языки на Москве у товарищев ваших взяты... (Царская грам. на Дон, 1629 г.). Сыскать и товарищев их (Котош., 115). Посылать товарищев своих (Мат. Раз., I, № 22), — но там же: Послать в те места товарищев своих.

² Ср. Фонет., § 1.

³ Так обстоит дело в современном литературном языке. В говорах и древнерусском от слов типа *ериш, стороже* род. мн. нередко выступает с окончанием *-ев (-ов)*. Зачастую в том самом памятнике на расстоянии нескольких строк можно встретить, напр., *сторожев* и *сторожей* (ср. Памятн. Смут. врем., 185 и 186, и под.).

таким образом, «выталкиваемыми» в сферу влияния других близких им основ — основ на **-о**: *молодцов, отцов; братцев, горцев* (е вм. **о** графически); ср. в памятниках: *чюдотворцов* (Письмо в. кн. Вас. Ив. 1550—1552 г.), *иноземцов* (Котош., 30), *злочинцов* (Котош., 115).— В диалектах, однако, известны и формы на *-ц-ей*: Будде, Лекции, 2 изд., 115, приводит, напр., ряз.—скоп. *месяцей*. Такие формы особенно распространены в северных говорах, сохраняющих мягкость в согласном **ц**.

Сказанное относится и к словам типа: край — *краёв*, лентяй — *лентяев*, герой — *героев*, кий — *киёв*, поцелуй — *поцелуев*: **ь**-основ с окончанием **-жь** (**-й**), как известно, в древнейшую пору не было.

§ 8. Влияние винительного множ. на имен. мн. в склонении **о**-, **ѵ**- и **ь**-основ мужского рода.

Совпадение во множественном числе именительного **о**-основ с винительным, вытеснившим старые формы именительного на **-и**, кроме влияния отношений единственного числа, которые могли в этом случае быть только благоприятствующим обстоятельством, стоит, видимо, в связи с влиянием множественного числа женского рода (имен.-вин. *коровы, травы*). При этом установлению **-ы** в именительном множ. **о**-основ, вероятно, благоприятствовала тенденция в «твердых» основах удержаться во всех падежах в пределах окончаний, не вызывающих смягчения предшествующих согласных.

В основах на велярные (заднебные) такому направлению аналогии способствовало еще стремление освободиться от **ц**, **з**, **с** (*вълци, струзи, гръси*), чтобы обобщить в парадигме те же **к**, **г**, **х**, которые характеризовали основу в других падежах.

В ряде случаев и при проникновении окончания винительного падежа в именительный множественного дифференциация падежей обеспечивалась долгое время разницею в ударении, так как, по-видимому, у слов с односложной основой (или с двусложной полногласной), имевших в древнейшем славянском так называемую циркумфлексовую интонацию или краткость корневого гласного¹, а также у некоторых других многосложных, ударение в винительном падеже переносилось на окончание; ср. укр. им. мн.: *дубі, стогі, голосі, острові, берегі, городі*, — формы, вероятно, являющиеся потомками винительного множ. и относительно ударения.

Самостоятельность старого именительного падежа множ. ч. отражена до сих пор: а) в сохранении форм его *соседи, черти*, стар. *холопи*, получивших при себе во множественном числе остальные формы по мягкому склонению (*соседей, соседям* и т. д.);

¹ Возможность определить древние интонации нам дают главным образом сербский и словенский языки. В формах полногласных ударения *бро, ёре, ёло* — след былой так называемой циркумфлексовой интонации, *ојб, ере, олоб* — акутовой (см. главу IV, § 1).

б) в ударении корня в тех словах, обозначающих «одушевленные» предметы с циркумфлектированным или краткостным гласным корня в прошлом, которые фонетически в форме винительного падежа должны были бы перенести его на конечный гласный: *бѣсы, бѣги, волки, вѣры, дѣхи, мѣты, плѣты, трусы* вместо ожидаемых фонетических «бесы́», «боги́» из «богѣ́», «волкѣ́» из «вѣлкѣ́» и под. (под влиянием старых *бѣси, бѣзи, вѣлци* и под.). Ясно, что бо́льшая стойкость форм именительного падежа у названий существ сравнительно с названиями предметов стоит в связи с их более частым употреблением в роли подлежащих, — факт, имеющий многочисленные параллели в других языках. Аналогия о-основ повела за собою ъ-основы: вместо старинных «им. мн. *волове*: вин. мн. *волы*» установилось для обеих форм *волы* (форма винительного падежа позже снова отошла от именительного, см. § 10).

У ъ-основ им. мн. ч., ст.-сл. *медвѣдие, людие*, тоже подвергся в русском влиянию винительного — *медвѣди, люди*. Тут, как и при *ю*-основах, свою роль сыграл, видимо, параллельный ряд имен женского рода: *кости, мыши* и под. с одинаковыми формами именительного и винительного.

§ 9. Замечания о женском склонении основ на *ĵā* (*ĵā*).

Характерную особенность этого склонения, как и принадлежащих к нему слов типа *рабыни* «рабыня», *ладии* «ладья», в древневосточнославянском составляло, сравнительно со старославянским, окончание -ѣ в род. падеже ед. ч. и имен.-винительном множ., окончание, которому в старославянском соответствовало -ѡ, при отвердении шипящих — ѡ, т. е. *земль, души* при ст.-слав. *земль, души*. Такое же окончание, как в древневосточнославянском, свидетельствуется и западнославянскими языками, т. е. перед нами, по-видимому, — очень давняя диалектная морфологическая особенность этих двух славянских ветвей. По поводу происхождения этого окончания высказан ряд догадок, направленных на устранение большой фонетической трудности: ѣ обычного, широко известного происхождения (в соответствии долготу е (*ē*) или *oj*, *āj* и под. других родственных языков) после *j* (*i*) не встречается, так как в первом случае этот звук переходил фонетически в долгое а (*ā*), а во втором — через стадию *ej* — в долгое *i* (*i*). Как факт, однако, независимо от его истолкования, окончание -ѣ в родительном ед. ч. и имен.-винительном мн. ч. этого склонения по отношению к древневосточнославянскому не возбуждает никаких сомнений. Он установлен прочно, и, характеризуя возникновение позднейших русских форм, надо исходить из него.

Род. пад. ед. ч. этого склонения теперь оканчивается на -и: *земли, души*. Такие формы в новгородских и киевских памятниках выступают с начала дошедшей до нас письменности; древ-

нейший пример — *из отроковичи* (ср.: отроковицѣ) (Новгор. Миняя 1095 г.); проникают они, однако, в письменный язык медленно, и еще в XIV в. старые формы на **-ѣ** в памятниках в широком употреблении. Появление окончания **-и** нужно считать продуктом влияния параллельной формы твердого склонения (основ на **-а**): *жены, головы*, оканчивавшейся на **-ы** после **г, к, х**, по соответствующему фонетическому закону; около (не раньше) XIV в. это **ы** перешло в **и**: *ноги, руки, снѣхы* — *ноги, руки, снохи*.

Подобному же влиянию твердого склонения нужно приписать замену старых форм имен. -винительного падежа мн. ч. новыми на **-и**. В памятниках новое окончание встречается у этих форм позже, чем в родительном падеже ед. ч. Соболевский отмечает их с начала XIII в. (Милят. еванг., 1215 г.); старые окончания еще часты в памятниках XVI в.

Украинский язык в своих формах *землі, душі* сохранил до сих пор рефлексацию старого восточнославянского **ѣ** (если бы здесь было старое **и**, то, по законам украинской фонетики, оно должно было бы перейти в **ы** (укр. **и**)).

Дат. и местн. п. ед. ч. в типе *земля, душа* имел древнее окончание **-и**. Нынешнее окончание **-е**, восходящее к старому **ѣ**, перешло в мягкое склонение из параллельного твердого: *женѣ, головѣ*. Древнейшие примеры относятся к концу XI в.: *въ ветѣсѣ одежѣ; святѣи госпожѣ* (Миняя 1095 г.).

В XVIII и начале XIX в. в слове *земля* еще относительно часто употреблялась старинная форма: Ты сыплешь щедрою рукою Свое богатство по земли (Ломон.). Ты мне все блага на земли (Жуковск., Песня). Мой дар убог и голос мой не громок, Но я живу и на земля мое Кому-нибудь любезно бытие... (Барятинский) ...Я, царь земли, прирос к земли (Тютчев).

Тв. пад. ед. ч. *землѣю, душою*, что касается **ѣ** (**о** со смягчением предшествующего согласного) и **о** после отвердевших шипящих, — формы, обязанные тому же влиянию параллельного твердого склонения, которые мы констатировали в род. и дательном падежах ед. ч. и имен.-винительном множественного. Ср. фонетические формы местоимений в творительном падеже ед. ч.: *моею, твоею*.

§ 10. Винительный = родительному в ед. ч. мужского рода и во множ. ч. мужского и женского.

Именительный и винительный падежи ед. ч. фонетически совпали уже в глубокой древности в **ъ-** и **ь-**основах: им. ед. ч. **sūnus*, вин. п. ед. ч. **sūnum* превратились одинаково в *сынѣ*, им. ед. ч. **ghostis*, вин. п. ед. ч. **ghostim* — в *гость*. Спорен вопрос о том, фонетически или нефонетически совпали в древнейшем славянском им. п. ед. ч. и винит. п. ед. ч. **о-** и **jo-**основ:

¹ Об интонациях см. IV, Ударение, § 1.

*bhrātros и *bhrātrom — *брат(р)ъ*, konjos и konjom — *конь*, но, независимо от того или другого объяснения, нет сомнений, что самое совпадение и этих форм — факт уже древнейшего периода. Современное, отличное от древнейшего употребление винительного падежа у имен существительных «одушевленных», притом охватившее и другие славянские языки, — как совпадающего с родительным, свидетельствуется, наряду со старым (винительный = именительному), уже древнейшими нецерковными памятниками. В качестве наиболее влиятельной формы, вызвавшей новые отношения, указывают (Вондрак и др.) на местоименную — *кого*, издревле служившую родительным и винительным и употребляющуюся в роли вопросительной только по отношению к «одушевленным» именам. Эта догадка хорошо объясняет разницу в путях влияния на единственное число и множественное, во многих языках в винительном падеже не совпавшее с родительным: вопрос *кого?* о множественном употребляется гораздо реже, чем об единственном. Что касается самого *кого?* то оно представляет, по-видимому (догадка Мейе), древнейший славянский продукт совпадения родительного **ко* (из **ка* под влиянием *коти* и др.) и винительного **ком* в положениях перед частицею **go*.

Замена старых форм винительного падежа формами родительного свидетельствуется в русских памятниках для множественного числа редкими примерами; начиная с XIV в. С XV в. такие формы становятся обычными, но до самого XVIII в. под влиянием традиционного книжного языка наряду с ними выступают нередко и формы, совпадающие с именительным.

Колесание в употреблении отражают тексты: «А коли ми будеть слати *свои данцики...*» (Догов. грам. вел. кн. Дмитрия Иван. с кн. серпух. и боров. Влад. Андр., около 1367 г.) и там же: «...тобе послати *своих воевод* с моими воеводами вместе...»

Наиболее долго держатся в литературном языке, отражая не только влияние церковнославянского языка, но, вероятно, и живых говоров (ср. укр. *пасти коні, виганяти корови* и под.), формы винительного множественного, совпадающие с именительным, у названий животных: *А соломка под лошади слати* (Домострой, 56). *А кормятка зверем, бьют лоси и олени и козы* (Мат. пут. Ив. Петлици, 272). ...И тут в казmine кормят *шаховы звери — слоны и бабры* [род тигра] (Хожд. на Вост. Ф. Котова, 89). *А досталные лошади велят им продавати* (Котош., 92). *Лошади их водити заказано* (Котош., 30). *А бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли, и на иные птицы, и на зайцы* (Котош., 85). И персичкой шах *те птицы* от царя *принимает* за великие подарки (86). Да на корм тем птицам... *емлют* они, кречетники и помощники, *голуби* во всем Московском государстве (86). *А куры прислать к Москве сушеные...* (Хоз. Мороз., I, № 17). *А коковы лошади купишь...*, и то записывать в книги (Хоз. Мороз., I, № 170).

Сюда же — и слово *дети*: А приказываю по своем животе свою жену и свои *дети* своему свату Овдею Кондратову... (Духовная Панкрата Ченея, 1482 г.).

Рядом, однако, в употреблении и формы винительного-родительного: А ловят *тех птиц* под Москвою и в городех и в Сибири (Котош., 86). А на Москве, взяв у них *тех лошадей*, на царском дворе ценят против их тамошней цены (Котош., 92). А *лошадей* бы тебе на зеленую воску¹ купить... (Хоз. Мороз., I, № 170).

Условием, благоприятствовавшим сохранению старинного окончания, являлось предложное управление:... имывал у нас даточных людей и лошадей многих *под стрельцы* и *под козаки* (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.). ... и в те походы имал у них даточных людей и *под стрельцы* и *под козаки* лошади многие (там же). ...И стругов подо всякие наши царские обиходы и *под воеводы* и *под гонцы* и *под стрельцы* и *под пушкари* и *подо всякие наши служилые люди*... у них не имати (Грамм. XVII в.—Крепост. мануф., III, № 43, IV). ...и на всех городцких людей: *на протопопы* и *на попы*, и *на слуг шатцких*... (XVI в., Фед.-Чех., I, № 57).

Форма винительного падежа, одинаковая с именительным, сохранена в литературном языке также в специальных сочетаниях при предлоге **в** и винительном множ. числа с означением новой должности, нового состояния и под.: *быть произведенным в лейтенанты*, *быть принятым в члены партии* и под. Сохранению старых окончаний здесь способствовало постоянное положение формы при предлоге.

Дольше, чем в обычном употреблении, формы, одинаковые с именительным падежом, во множественном числе сохраняются у имен женского рода при числах **два, три, четыре (объ)**:... такому дать *две лошади*... (Инструкция дворецкому Ив. Немчинову, XVIII в.). Вдруг На них он выменял *борзые две собаки* (Грибоедов). Ср. и у имен мужского рода: «...да за *два коня* 45 рублей» (Судеб. дело Т. Маркова, 1648 г., Фед.-Чех., II). Далее подобное употребление стало распространяться, медленно пробивая себе дорогу, и на формы мужского рода на **а, я**; ср., напр., у Пушкина (Сказка о царе Салт.): «...Море вдруг Всколыхалось вокруг... И оставило на бреге *Тридцать три богатыря*».

Естественно, что старинное окончание сохранялось и в некоторых фразеологизмах, напр.: ...будет... лучитца для какова праздника, или для свадьбы, или родни, или *родители помянути* меду поставити... (Грамм. из Ярослав. четв Ж. Микулину, 1611 г.). ...или *родители помянуть* пивца сварити и меду поставити... (Челобитье серпуховитина Т. Семенова, 1611 г.). Но ср.: ...для праздника или для родни, или *родителей* помянуть (Челобитье откупщика Т. Шипова, 1611 г.).

¹ «Зольную возку» — «возку золы».

Остатки старых именительных-винительных мужского рода ед. ч., из которых современный литературный язык знает только *замуж* и *на конь*, в древнем языке многочисленнее; ср., напр.: ...и поворотного не дают и *на медведь* не ходят (Грамм. Дмитровск. кн. Юрия Иоанн., 1509 г.). А целое блюсти про государя и про государыню и *про гость*¹ (Домострой, 49). ... Да писал ты, господине, ко мне, что сказывал тебе брат мой Михайло Иванович Вельяминов *про кобель борзой*, Литвином зовут, и чтоб его мне к тебе прислать; и яз, господине, тебе, великому пану, за свой живот не постою, не токма что *за кобель*, и послал его к тебе... (Пис. Ив. Годунова к гетм. Яну Сапеге, 1608—1609 г.).

Реже в др.-русском случаи имен.-винительного ед. ч. в беспредложном управлении: Да челом, государь, бью, к тебе, государю, послал *бобр карь* с Степаном с паном Перфлинским... (Пис. окольного кн. Дан. Долгорукого к гетм. Яну Сапеге, 1608—1609). *Опален бобр* не наси в торг (Старин. посл., XVII в.).

Для довольно долго длившегося возможного колебания в употреблении форм этого склонения, совпадающих в единственном числе с именительным и с родительным, в памятниках русского языка XIII—XV вв. характерны, напр., случаи: А оже убьють *новгородца посла* за морем или *немецкий посол* новгороде то за ту голову 20 гривен серебра (Список с мирной грам. новгородцев с немцами при кн. Яросл. Волод. 1199 г. в догов. грамоте Алекс. Невского и новгор. с немцами 1262—1263 г.).

С развитием категории одушевленности древний русский язык даже обнаруживает иногда тенденцию шире, чем теперь, практиковать одушевленность, приписывая ее некоторым собирательным. Так, например, в одной судебной грамоте времен царя Алексея пишется: «...да и в челобитье своем Михайло и Федор писали Чудова монастыря властей, и писца, и подьячего ворами...»

Расхождение (и очень значительное) в хронологии установления винительного-родительного в ед. ч. и в числе множественном стоит, вероятно, в связи с тем, что во множественном совпадении именительного с винительным в ряде склонений — явление значительно более позднее, чем в единственном числе (*волъ, рабъ, конь, гость* восходят уже к древнейшему времени, а *волы, рабы, кони, гости*, как формы именительного-винительного, возникли на восточнославянской почве).

§ 11. Формы множ. числа на *-ам, -ами, -ах, -ям, -ями, -ях* и *-ьми*.

Формы на *-амъ, -ами, -ахъ* первоначально принадлежали только основам на *ā* (долгое а) и в доисторическое время повлияли на *ы*-основы (тип *свекры*, род. *свекръве*, см. § 12). Перенесение

¹ Так и в собирательном значении: «Ярослав же и тех не пусти, а *гость новгородьский* весь прия» (1-ая Новг. лет., стр. 163).

окончаний **-ам, -ами, -ах** (**а** — из основы, **-мъ, -ми, -хъ** — старинная флексия) в другие типы склонения — явление относительно позднее.

Есть основания думать, что раньше всего дательные на **-амъ, -ямъ** появились в склонении имен среднего рода, где проникновению **-амъ, -ямъ** вместо старинных **-омъ, -емъ** способствовало окончание именительного-винительного мн. ч. Ср. древнейшие примеры из сев.-русских памятников: беззакониям (Парем. 1271 г.), селамъ (Двин. грам. XV в.).

Вероятно, очень близко по времени эти окончания появились у слов склонения типа *боярин* — *бояре*, может быть, раньше всего в говорах, где последняя форма заменилась, под влиянием собирательных, формой *бояра*¹: египтянам (Парем. 1271 г.), к латицам (Ряз. Кормч. 1284 г.), боярамъ, дворянамъ (Новг. грам. 1371 г.)². Унбегаун предполагает (указ. соч., стр. 202) в первую очередь влияние слов мужского рода женского склонения типа *воеводам, слугам, судьям*.

Формы на **-ом** изредка встречаются еще и в XVIII в., по-видимому, только в начале его: «Десятским и всем *крестьяном* накрепко приказать...» (Инструкция дворецкому) ...при том же и *крестьяном* позволение дайте подчищать сучья... (там же).

Влияние им.-вин. падежа мн. числа сказалось и в местном (старинные окончания — **-ѣхъ, -ихъ**): на сборищах, на сонмищахъ (Еванг. 1339 г.), в гробищахъ (Нов. Прол. 1356 г.), ловищахъ (в Двин. гр. XV в.), лицах (Лавр. летоп.).

Что касается творительного падежа с его окончанием **-ы (-и)**, совпадавшим у имен мужского рода с винительным (и новым именительным, ср. § 8), то он шел, вероятно, особым путем и окончание **-ами** в нем распространилось независимо от характера основы: съ клобуками (Парем. 1271 г.), хмелниками (Двин. гр. XV в.)³.

По-видимому, неслучайно параллельно с формами типа *боярам* раньше всего выступают родственные им со смысловой стороны: матигорьцамъ (Парем. 1271 г.), купцамъ (Дог. 1373 г.), княжо-островьчамъ (Двин. рядн. XIV в.), чернцамъ (Двин. купч. XIV в.). Очень немногочисленные случаи других категорий см. у Соболевского, Лекции, 4 изд., 177 и след.

Все старинные формы разбираемых падежей мужского склонения **-омъ (-емъ), -ы (-и), -ѣхъ (-ихъ)** в русской письменности

¹ Такие формы в памятниках засвидетельствованы относительно поздно, но могли, не проникая в письменность, существовать в говорах.

² Старинное склонение этого типа, сколько можно судить по ст.-слав., имело в дат. мн. **-емъ** (или **-омъ**). тв. **-ы**, местн. **-ехъ**. Нерешенным остается вопрос о формах типа др.-серб.: дубровьчамъ (дат. мн.), др.-чеш.: *Dolás* (местн. мн.). Их имел и др.-русс., поэтому уже в случаях вроде *египтямъ, египтясъ* (*египтяхъ*) были известные условия для распространения **-а (-я)** в этих типах.

³ Ср. и свидетельство для конца XVII в. Генр. Вильг. Лудольфа о том, что в разговорном языке у русских в употреблении *городами, древами*, но *городом, деревом, горodem, древех*.

держатся очень долго, заходя даже в начало XVIII в. Еще у Кантемира встречаем: ...везде примечает, что в *домех*, что в *улице*, в *дворе* и в *приказе* Говорят и делают (Сат. III). Искусственный характер таких форм особенно ясен из ошибок, когда подобною флексией снабжаются слова склонения на *-а*, исконно оканчивавшиеся на *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*; ср., напр.: ...и ты бы те все денежные доходы прислал к нам в полки к Москве *с старосты* и *с целовальники* тотчас наскоро (Грамм. бояр из Владим. чети во Влад. к воеводе, 1611 г.). А подволоки у полатъ выпичано травами, красками розными; а украшены полаты *различными красками*... (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). Да *своими сабельки вострыми* (Ист. об Азовск. сид., 12). Со всякими угоды и *съ рыбными ловли* (Дело Ник., № 192). А как де кречатник Данило Григорьев *со птицы* на Донъ приехал... (Мат. Раз., IV, 11). ...и тебе *б нашими государевыми птицы* промышлять и быть к Москве *со птицы* июля к 16 числу (Письмо ц. Алексея 1660 г.); ...что он [князь Ив. Хованский] кинулся *з двумя тысячи конными*... (там же). ...послан Федор Протасьев в Переяславль к наказному гетману к Якиму Самку... *с его, великого государя, грамоты* и *с милостивым словом* и *с жалованьем* (Стат. список пребывания в Нежине и в Переясл. двор. Фед. Протасьева, 1661 г.). ...и тех ротмистров *с их роты* ведати старшему ротмистру... (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). А и буду вас жаловать Златом, серебром Да и *женки прелестными*, *А женки прелестными* — И душами красными девицами (Кирша Данилов, «Во Сиб. во украине»).

Во всяких торговлехъ (Домострой, 64) вм. «торговлях»; и в поварнях и в хлебнях (57); ср. в заголовке: В поварнях и в хлѣбнях. Нередки и случаи, обнаруживающие, что пишущему явно безразлично, какую форму употребить, напр.: ...Говорилъ, что онъ ево зналъ в *попехъ*, а в *митрополитах* не знаетъ (Дело Ник., № 39). Митрополить посылалъ ево к *ключарямъ* (Дело Ник., № 40) и там же: И он де, дьяконъ Иосифъ, *ключаремъ* говорилъ...

Унбегаун, полагаясь всецело на данные памятников, считает, вопреки мнению Шахматова, — что в языке Москвы творительный стал звучать *-ами* значительно позже, нежели *-а-* проникло в дальний и местный (указ. соч., стр. 203 и след.).

Не исключена, однако, возможность, что господствующий творительный на *-ы* являлся в московской письменности фактом только книжным, поддерживавшимся в этой форме более резким расхождением форм традиционной — книжной и живой, нежели это было у *ом — ам, ех — ах*.

Формами твор. падежа на *-ы (-и)* еще относительно свободно пользуется Ломоносов, но уже у Державина Обнорский нашел только один случай старинного употребления: «И цельты с мидяны, с египтяны поправны».

Из редких случаев в XVIII в. у В. Петрова см., напр.: «Кто

взглянет на такую картину не хуля, Где с парусы корабль написан без руля?» (К вел. государыне). Как остаток старины форма твор. пад. мн. ч. на **ы** заходит глубоко в XVIII в. в фразеологизме; ср.: «Один бедняжка искал счастья своего во всем и *всеми* образы...» (Хемн., план басни)¹.

Как характерные для языка приказных, такие формы Н. Р. Судовщиков употребляет в речи своего комического персонажа — Подьячего еще даже в начале XIX в. («Опыт искусства»): Читал я объявление...: Построил я театр с *партеры, со кулисы*: Потребны мне теперь актеры и актрисы...

Проникновение окончаний **-ями** в **ь**-основы женского рода — явление, не закончившееся еще и теперь: *костьми, лошадьми* и под. Наибольшую стойкость здесь обнаружили слова, имевшие **-ми** под ударением. В XVII и XVIII вв. еще пишут: печатьми, пицальми и под. (Улож. 1649 г.), тремя печатьми (Дело Ник., № 41); мозольми (Кант.); свирельми (Лом.) и под., не говоря уже о словах с ударением на **-ми**, ряд которых держался еще в продолжение XIX века. Ср. рѣчми (Дело Ник., № 39).

В древнерусском можно еще заметить довольно отчетливую тенденцию творительный множ. мягкого мужского склонения (**-и**) сближать с **ь**-основами: мечьми булатными (Задонщ.); И покрыты пеленою шитою да соболями (Котош., 7).

В XVIII в. этой тенденции подчиняются главным образом слова на **-тель**: жителями, приятельми (Ломон.), победителями, правителями (Фонв.); реже—другие: коньми, со рыцарьми (Держ.): (ср.—соседьми, Болот., письмо 20).

В XIX в. и здесь окончательно устанавливается **-ями**.

§ 12. Изменения в составе **ь**-основ.

Состав слов, принадлежащих к склонению на **-ь** (**i**-основы), в исторической жизни русского языка сильно сократился. Прежде всего приходится констатировать почти полный переход в основы на **-је** (**jo**-основы) слов мужского рода, некогда входивших в основы на **-ь**.

Уже внешняя оболочка слов, вроде *медведь, теть, зять, голубь*, говорит об их непервоначальности в составе основ на **-је** (**jo**): *медведя, тетья, зятья, голубя*, а не «медвежа», «теща», «зьяча», «голубля», как ожидалось бы по закону перехода **дй** в **ж**, **тй** в **ч**, **бй** в **бл**^в. Это соображение о непервоначальности подобных слов в **je**-основах полностью подтверждается и свидетельствами других славянских языков, и данными памятников. Ср., напр., соответствующие ст.-слав. слова, идущие по склонению

¹ У Державина встречаем уже совсем невольную — неверную архаизацию: «Тогда тебе дочь тирска длани Прострет *со многоценны дани*» (Песнь брачная): в слове *дань*, жен. рода, подобного окончания никогда не было.

ь-основ, и еще такие, как: *гость* (род. *гости*)¹, *гвоздь*, *лакоть*, *ноготь*, *тать*, *чрвь* и т. д. К этому же склонению относились *звьрь*, *огнь*, *жель*, *печатъ* (м. р.), *грѣтань* (м. р.). Единственное слово мужского рода, сохранившееся в литературном языке в составе склонения на -ь, — *путь*; в говорах (гл. обр. севернорусских) и оно, однако, уже переходит в другой род (*эта путь*), или же (гл. обр. в южнорусских говорах) склоняется как *яе*-основа: *путья*, *путью* и под.

Трудно ответить определенно на вопрос, почему именно оно не разделило в литературном языке судьбы других слов мужского рода, принадлежавших к тому же склонению. С известной вероятностью тут можно выдвинуть только указание на роль местного падежа у слова со значением «дорога» (*в пути*, *на пути*), тогда как все остальные слова мужского рода этого склонения в местном падеже употреблялись только редко или относительно редко. Эта особенность могла препятствовать переходу *путь* в *яе*-основы; влияния же женского рода слово могло избежать, как стоявшее особняком по своему ударению; ср. род. *путьи*, дат. *путьи*, но *кѣсти*, *рѣчи* и под.

Слово *днь*, первоначально являвшееся основой на согласный (родительный падеж единственного числа *дъне*), затем подверглось на русской почве влиянию ь- и *яе*-основ. В литературном языке возобладали формы последнего типа: родительный падеж единственного числа *дня*, дательный падеж единственного числа *дню* и т. д. В старинном языке нередки: родительный падеж единств. числа, дательный падеж единств. числа *дни* и под.; ср., напр.: ...часу в пятом дни... (Розыскн. дела о Фед. Шакловит., II, VIII, № 5).

С другой стороны, в состав ь (i)-основ женского рода вошли в исторической жизни русского языка некоторые слова, раньше принадлежавшие к основам на -ы (инд.-евр. *й*, долгое *у*) перед гласными -ъв (инд.-евр. *йц*). Это слова, вроде *кровь*, *любовь*, *свекровь*, восходящие к старинному склонению им. ед. ч. *кры (ср. соврем. словенское *kri* «кровь»), *любы* (ср., напр., в Лавр. списке летоп., 43 об.: И бѣ миръ межю ими и любы), *свекры*², род. ед. *крѣве*, *любѣве*, *свекрѣве*, дат. ед. *крѣви*, *любѣви*, *свекрѣви*, вин. ед. *крѣвь*, *любѣвь*, *свекрѣвь* и т. д.: «Аще который брат в етеро прегрешенье впадаше, утешаху и епитемью [единого разделяху]

¹ Ср. напр.: «...то князю явя и людем, взяти свое у гости» (список с мирн. грам. новгородцев с немцами 1199 г. в догов. грамоте Алекс. Невского 1262—1263 гг.), хотя там же: «а в том миру ити гостю домовь». — «А гости нашему гостити по Суждальской земли без рубежа...» (Догов. грам. Новгорода с вел. княз. тверским Ярославом Ярославичем, 1270 г.).

В говорах в качестве остатков старинного склонения отмечались еще род. п. ед. ч. *гуси*, *огни* (Обнор., Именн. склон., I, стр. 81).

² Ср. в народной поэзии: А и билася-дралася свекры со снохой (Сборн. Кирши Данилова). Форма *свекры* распространена была до недавнего времени в говорах.

3 ли 4, за великую *любовь*: такова бо бяше *любы* в братьи той...» (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом)¹.

Сближение этих немногочисленных основ с относительно многочисленными словами типа *кость* совершилось очень легко благодаря сходству со склонением Ъ-основ винительного ед., рано (для ряда слов еще до эпохи восточнославянских памятников) вытеснившего именительный ед. ч., и именительного-винительного множ. ч.

Стоит внимания, что некоторые формы множественного (и двойственного) числа Ъ-основ, какими мы их знаем в древнейших старославянских памятниках, открывали довольно легкий путь влиянию очень многочисленных основ на -ā; ср. род. мн. *свекръвъъ*, дат. мн. *свекръвамъ*, тв. *свекръвами*, мест. *свекръвахъ* и под. Тем не менее русский язык в единственном числе почти не отразил подобного влияния: в древнерусском и в говорах выступает лишь слово *церква* (литер. *церковь*); ср. «ходилъ по соборной церквѣ» (Дело Ник., № 40) и под.² (хотя в данном тексте и пишется имен. ед. *церковь*). У протопопа Аввакума встречается контаминированное: *въ церковь* (№ 25, стр. 82).

Формы типа *церковь* устанавливались вместо *църкы* (цръкы) не без колебания; характерна, напр., контаминированная форма *церкви*: «и есть та *церкви* у Понтократора монастыря» (Путеш. Антония конца XII в. по списку XV в.). Ср. там же — *церковь*.

Или: Того же лета свершена бысть *церкви* святая Богородица в Володимире благоверным князем Андреем... (Новгор. 5 летоп., под 6668 годом).

Остаток старинного склонения имеем в литературных архаизированных формах *церквам*, *церквами*, *церквах*. Родительный множественного *церкваей* отошел от старины под влиянием древнего именительного-винительного *церкви* (ст.-слав. *цръкви*).

§ 13. Родит. пад. мн. ч. от слов на -ня.

Родительный падеж множ. ч. от слов на -ня с предшествующим согласным имеет обычно окончание -н: *басен*, *песен*, *спален*, *боен*.

Существует попытка морфологического объяснения этих форм. С. П. Обнорский (Именное склонение., II, 213 и дал.) указывает на параллельные областн. *спальна*, *купальна*, *колокольна*, восходящие к старым образованиям на -ъна, и видит в родительном множ. ч. с твердым н потомка форм типа *спальнѣ*, *купальнѣ* и под.

¹ В памятниках нередки случаи род. падежа по старому склонению: «...и для отмщения невинных *крове*...» (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.).

Своеобразно осмысление старого русского *жърны* «жернов» как множественного числа в говоре Опочки (б. Псковск. губ.); ср. в «Опыте областн. великорусск. словаря», 1852 г.: «*жорны*, *родит.* жерён и жерён, *дат.* жернѣм, *с. ж.* мн. Жернова или ручная мельница Псков. *Опоч.*».

² Возможно, что частое написание *въ церкве* (там же) представляет собою традиционный факт; ср. ст.-сл. *цръквѣ* (местн. пад.). Сходные факты — также и у Котошихина и в других памятниках.

Объяснение Обнорского в пределах морфологии дает возможность вполне убедительно истолковать случаи вроде *спаленка*, *купаленка* и под. Неясным остается, однако, при нем, почему замена старого окончания *-на*, идущего от прилагательного, новым *-ня* не захватила только родительного множ. Ср. и польские факты, не подходящие под предлагаемое Обнорским объяснение: *wiśnia* — род. мн. *wisien*, *suknia* — *sukien*.

Обнорский выдвигает еще и фонетический момент: по его мнению, смягчение суффиксального *н* было вызвано «ассимилирующим влиянием со стороны непосредственно предшествовавших мягких согласных», влиянием, отсутствовавшим в родительном множественного.

Это дополнение к морфологическому объяснению может быть принято только с серьезными ограничениями. В русских говорах, действительно, встречаются факты смягчения согласных перед гласными заднего ряда после мягких согласных, за которыми выпал былой *ь*, но, кроме широко известного специального смягчения велярных типа *Федькя*, *сверьхю* и под., имеющего свою территорию распространения¹, соответствующий материал относится только к случаям смягчения зубных после *л*²: *льню*, *льдю*², *больнё*. Принимая объяснение Обнорского, пришлось бы очень большое количество случаев типа *конюшня*, *вишня*, *песня* и т. д. рассматривать как продукты аналогии к *спальна* — *спальня*, *колокольна* — *колокольня* и под. Дело не обходится, однако, без трудностей; мы имеем, напр., в тех же самых говорах, — село Колобово, бывш. Колинского уезда, Вятск. губ. (Матер. для изуч. великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, № 52): *больнё*, но *колокольна*.

Возможна поэтому и другая догадка: исходный пункт изменения можно искать в тех случаях, когда как раз в родительном падеже множ. числа выступало вновь образовавшееся за согласным слоговое мягкое *н*, которое фонетически утрачивало затем свою мягкость: им. ед. ч. *песня* (русское новообразование из «пѣсьнѣ»), по род. мн. «пѣсьнѣ», имен. ед. ч. *басня*, но род. множ. ч. «баснь».

Пѣсьнѣ, *баснь* затем через форму со слоговым мягким *н* изменилось в духе тенденции мягких слоговых к отвердению в *песнь, *баснь и далее уже в *песен*, *басен*. Ср. и *песенка* из «пѣсьнька», *басенка* из «баснька».

Можно думать, таким образом, что здесь оказались встретившимися: старое морфологическое колебание *спальна* — *спальня*, *купальна* — *купальня*³ в одних словах и фонетические отношения

¹ См. ценную книгу Д. К. Зеленина — «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных», С.-П., 1913. — Рецензия А. А. Шахматова, Изв. Отд. русск. яз. и слов., XX, 3 (1916 г.), стр. 332—358.

² В этом слове *ль* — вм. старого *ле*.

³ К связи их с прилагательными ср.: объдную отслужив (Посл. новгородск. архиеп. Геннадия митрополиту Зосиме). Очень характерный материал

пльсня, басня, но род. множ. *пльсьнь, баснь* — в других. В результате имело место установление в литературном языке нынешней системы форм.

По всей вероятности, факты в том виде, в каком они существуют в литературном языке, восходят к явлениям севернорусских говоров, в которых, как свидетельствует материал, приводимый Обнорским же, есть достаточно ясные следы отвердения и других мягких слоговых сонорных: *кудер, ноздер, ясел, капел, земёл*¹. Ср. и литературные *петел* (устарелое) при *петель, вихорь* «ключок торчащих вверх волос» при книжном *вихрь* «порывистое круговое движение ветра»; др.-р. *вихърь, вихорь*. Заслуживают по этому поводу внимания и факты, отмеченные Чернышевым (Правильность и чистота русской речи, стр. 44—45). «Иногда, впрочем,— пишет он, и в литературном языке, по влиянию народного, мы слышим произношение с твердым л: *капелка — капелок — капелочка, петелка — петелок — петелочка, колыбелка — колыбелок — колыбелочка*. Формы с твердым л не вполне чужды и письменному языку... Род. мн. ч. от *капля, петля* в живом языке иногда слышатся с твердым л: *капел, петел*, но в смысле такие формы совсем не допускаются». Исходными в подобных случаях являются, надо думать, только случаи, восходящие к *капля — каплька* > *каплка, по аналогии которых явились и *колыбелка* и под.

Естественно возникает вопрос о причине сохранения *нь, ль* и под. в случаях вроде им. ед. ч. *плесень* из «пльсьнь», *опухоль* из «опухль» и под. Он решается, кажется, с большою вероятностью ссылкой на влияние на именительный-винительный остальных форм парадигмы и многочисленного типа *тень — тени* и под.

Фонетическую форму *опухол* можно, однако, указать в Домостр.: оток и опухоль на все оуды (23), хотя там же имеем: кашель².

Памятники для род. пад. от слов на *-ня* отражают обычно окончание, соответствующее нынешнему литературному употреблению: *земель* и *пожен* (Акты юрид., № 19, 1532 г.). Род. пад. мн. ч. *пожен* выступает, напр., трижды и в оброчной Двинского уезда 1551 г. (им. мн. там же — *пожни*)³. Светилен куплено на шесть денег (Кн. расх. Тур. остр. 1622—1623 г.). Три бочки по полуведру вишен в патоке (Дело Ник., № 105); челобитен (Гр. 1681—1689 г.). Но и: Ваших деревен (Акты юрид., № 6 ок.

заключает Хоз. Мороз., I; ср., напр.: И я, холоп твой, велел ему, священнику Михаилу, служить у Благовещения богородицы вечерну, и завтрину, и обедну (№ 76). Ехал Дементьев сын Щербачев в деревну брата своего... (№ 93). До твоего государева двора до конюшны (№ 131). Вишны мелки гораздо. Вишны самые мелкие отбираны, и под.; но — 9 вишинь (дважды) (№ 70).

¹ Факт этого порядка представляет, напр., *конопел*: «Июня в 10 день купили в Николское осмину съ четверикомъ конопель на сѣмя...» в Приходо-расходн. книг. Болдина-Дорогобужск. мон., 1585 г., стр. 81.

² О данном явлении ср. также «Мовознавство», 1936 г., № 7, стр. 75—76.

³ Случай с и коренным, показывающий распространение аналогии.

1490 г.). Реже можно отметить: Да семь пешень (Отп. спис. 1551 г., — Обнор.), семь пешень (Дело Ник., № 105), с таможень (Котош., 88—91). Ср. и к обычному *царевна*: государынь царевен (Дело Ник., № 41) и там же: государынь царевень.

Остатком старины является ст.-русское, напр.: «...с письма Мирона Хлопова... по 135 году минуло тем крестьяном 12 лет и 5 месяцев и 10 *ден*» (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118), и диал. *ден*. Ср. также: «...и в полдень брать на двор и кормить кошеною травую, а после *полден* паки на корм выводить» (Регула о лошадях, XVIII в.). Эти формы тоже могли оказать свое влияние.

Примечание. К слову *сажень* современный литературный язык имеет род. пад. мн. ч. *сажён* и *сажёнёй*. Форма *сажень*, известная уже из таких памятников, как Дан. иг., Новг. I летоп., наряду с более редкими *сажень* и *сажений* — *саженей* (ср. и выписки Унбегауна, из памятников XVI в., указ. соч., стр. 192), возникла, по-видимому, в параллель отношениям *басни*: *басен* и под.

§ 14. Родительный пад. мн. ч. с именительным мн. ч. на *-ья* у слов мужского и среднего рода.

Специальных замечаний заслуживают еще окончания родительного падежа в образованиях мн. ч. на *-ья* мужского и среднего рода. В мужском роде усвоение в родительном мн. ч. окончания *-ев* в случаях вроде *братьев*¹, *колосьев*, *угольев* объясняется влиянием мужского склонения типа *соловьев*, *муравьев*, причем следует принять во внимание, что в случаях односложных основ с конечной ударяемостью оказалось все-таки предпочтенным окончание *ь* (*i*)-основ *-ей*: *друзей*, *князей* и под.

Труднее объяснить установившееся в литературной речи различие в среднем роде: ружье — *ружей*, соленье — *солений*, именье — *имений* (т. е. *ий* — *ей* к образованиям на *-ье*), но крыло — *крыльев*, звено — *звеньев*, дерево — *деревьев* (у имен, не относящихся в ед. числе к основам на *-ье*). По-видимому, причина этого различия в том, что первый тип в большинстве представляет образования книжные, церковнославянского типа и сохраняет более архаическую падежную примету, а второй, как представлявший известный параллелизм с именами мужского рода, у которых тоже был разрыв в способе образования между единственным и множественным числом (*кол* — *колья*, *клин* — *клинья*), подвергся с течением времени влиянию этих последних.

Что касается родительного множ. *сыновей*, то его *-ей* в м. ожидаемого «*-ьев*», существующего в говорах, следует поставить в связь с группой имен лиц — *друзей*, *зятей* и под. Ср. обратное влияние — диал. *зятвей*.

Род. пад. мн. ч. *полей*, *морей* в м. старинных и диалектных сев.-русских *поль*, *морь* представляет относительно поздний про-

¹ Ср. в старинном языке: ...А братьи де в той пустыне пятнадцать братьев... (Грам. царя Бориса дьяку Дм. Алябеву, 1600 г.).

дукт, по всей вероятности, южнорусского уподобления слов среднего рода мягкого склонения мягкому склонению мужскому (*коней, людей*). В различных актах XVI и XVII вв. еще обычно *поль* (ср., напр.: Езжу, государь, я, холоп твой, беспрестанно и посылаю с поль збивать [галок].— Хоз. Мороз., I, № 96). ...лесу непашенного около поль пятнадцать десятин (Купчая, выданн. бояр. Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.). Встречаются еще *морь* и *поль*, напр., у Ломоносова и Державина. Позднее появление форм на *-ей* доказывается, между прочим, и тем фактом, что этой аналогией не были захвачены слова на *-цо* — ср. *яиц, лиц* и под. (*ц* в русском отвердело, сколько можно судить по памятникам, в XVI в.).

Родит. пад. мн. ч. на *-ов* у слов *судов, облаков* соответствует мужскому роду их в прошлом: др.-русск. *судѣ* — «судно», *облакѣ*,

Параллельная «яблок» форма *яблоков* явилась, вероятно, как уже замечено выше, благодаря переходу им. падежа мн. ч. *яблока* в *яблоки*, т. е. в форму, внешне совпавшую с формами мужского рода. Форма *яблоков* свидетельствуется уже «Путешествием новгор. архиеп. Антония в Царьград в конце XII века», по списку не позднее начала XV ст.: «*Яблоков* золотых множество» (изд. П. Савваитова, 1872 г., стр. 73).

§ 15. Основы на *-ен-* среднего рода.

Древнее славянское склонение парадигмы *имѣ*, по-видимому, еще сохранено в старославянском: ед. ч. род.-местн. *имене*, дат. *имени*, твор. *именьмь*, мн. ч. им.-вин. *имена*, род. *именѣ*, дат. *именьмѣ*, твор. *имены*, местн. *именѣхъ*. В проведенных ими нарушениях исходной системы основы на *ен (ен)* (в имен. ед. ч. *ѣ* — *я*) обнаруживают влияние *ь*-основ муж. рода в ед. ч. и *о*-основ средн. рода — во множественном. Первому влиянию обязаны род.-предл. ед. ч. *имени, времени* (вм. старых форм на *-е*), второму — совпадение с поздними отношениями в *о*-основах средн. рода (*именам, временаам, именами, временаами, об именах, временах*).

В севернорусских памятниках, начиная с XIV в., часто встречаются формы вроде *сѣмяни* и под.: ...И умолиста сестру свою имянем Аньну (Лавр. спис., летоп. 38); Чтобы всякий чести себе добывал и имяни славнаго (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.); знаян (Жалов. грам. 1542 и 1579 г., Арх. Строева. 1); Всеуму роду моему и племяни (Вкл. 1567 г., Арх. Строева, I, 476); 2 гряды капусного семяни, гряда репного семяни, гряда ретешного семяни (Дело Ник., № 102); месяц времяни (Котош., 92); в скором времяни (100); Имян их не упомянат (Мат. пут. Ив. Петлина, 272); Имян их не написано (Улож. 1649 г.); А иным имянем не помнит (Дело Ник., № 40); Пролыгался чужим имянем (там же). Подобным образом склоняют еще в XVIII в.

Современные севернорусские говоры почти полностью устранили склонение на **-ен-**, переводя его в образец *поле*, т. е. в них имеем: *полё — имё, времё* (поле — име, време), род. п. *поля — имя, время* и под. Там в говорах, где сохраняются формы типа *имя, время*, существуют и параллельные древнерусским формы вроде *имяни, времяни*, отражающие влияние именительного-винительного падежа ед. ч.

В литературном языке склонение основ на **-ен-** сохраняется главным образом в результате влияния школы, поддерживающей в данном случае традиционные формы. Писатели XVIII и начала XIX вв. относительно свободно употребляли живые народные формы: *неблагодарного имя, от того время* (Кант.); *до вышоты темя* (Радищ.); *чуждого племя, по имю, по времю* (Держ.); *...То к темя их прижмет* (Крыл.); *выше темя гор* (Кольцов); *Пламя в мертвом сердце нет, ни даже имя своего* (Лерм.); ср. и у Л. Толстого — ...с огромным выем («Война и мир», I, ч. 2, гл. 7)¹.

Специальный вопрос представляет родительный мн. ч. на **-ян** в словах *семян* и *стремян* (наряду со *стремён*)², отклоняющийся от других слов такого склонения (*имен, времен*). Ломоносов (Росс. грамм., § 154) параллельными формами этого падежа считал *сьмень* и *сьмянъ*. Ту и другую форму употребляет, напр., Державин: «...Духи... Суть вечны чады сих семян»; но: «...От брошенных его рукою семян...» (Бессмертные души). У писателей начала XIX в. еще можно встретить и *имян* (Карамзин, Судовщиков³, Грибоедов), *времен* (Батюшков, Пушкин) и под. Севернорусские формы, поддерживавшие такое употребление у писателей, ввиду ограниченности говоров, где они встречаются, должны были скоро утратить всякую влияние в литературном языке, и их, естественно, сменили формы старославянского образца. *Семян* удержалось прочнее других, может быть, как предполагают, по мотивам избегания омонома «Семён». Так как дело идет о регулировании литературного языка, то, вероятно, этот мотив выступал не как факт языкового сознания, а был выдвинут самими грамматиками.

§ 16. Изменения в склонении основ, оканчивавшихся на согласный, мужского и женского рода.

Тип мужского склонения им. ед. *камы*, род. ед. *камене*, дат. ед. *камени*, вин. ед. *камень*, тв. ед. *каменьмь*, местн. ед. *камене*, им. мн. *камене*, род. мн. *камень*, дат. мн. *каменьмь*, вин. мн.

¹ Большая коллекция примеров у Обнорского, Именное склон. I, стр. 302.

² *Стремян* может быть остатком старого *стремяно*, слова, отражающего, как естественно у парного предмета, влияние множ. числа (старинного типа на *-яно*). Ударение слова *стремяно*, видимо, падало на второй слог.

³ Ср. Позабыл я двух — как звали; Средний, помню, Емельян. Как бы их не величали, Дело нам не до *имян* (Три брата-чудака).

камени, твор. мн. *каменьми*, местн. мн. *каменьхъ* (родствен ему представленный словом *днь*, род. ед. *дъне* и т. д., и только в творительном мн. ч. *дъны*, при *дъньми*) — стал подвергаться нарушению очень рано: уже в старославянских памятниках не от каждого слова представлена в первоначальном виде вся система старинных форм.

Винительный падеж типа *камень* легко перебрасывал мост между основами на согласные мужского рода и издавна на них влиявшими *ь*-основами, и в дальнейшем эти оба склонения, за исключением родительного множ. ч. у слова *днь*, дольше других сохранявшего старину (ср. диал. *дѣн*, 5 ден и др. в Мат. пут. Ив. Петлина, 280 и др., ...16 днь в Ист. об Азовск. осадн. сид. 18, и др.), вошли вместе в сферу влияния *je*-основ: *камня*, *дня*¹ и т. д.

Ряд слов мужского склонения с *-ен-* во второй своей части (*корень*, *олень*, *ремень* и под.) по своему происхождению относится именно к этому склонению.

Вопрос представляет причина перехода нескольких слов типа *камень* в склонение с «беглым» *е*: *камня*, *гребня* и под. На том основании, что такие формы принадлежат южному, а не северному наречию, С. П. Обнорский (I, стр. 243) ставит их в связь с аканьем (редукцией). Известная роль фонетического момента здесь, действительно, вероятна, но существеннее то, что такие отношения могли быть заимствованы от параллельных образований с суффиксом *-ьнь*, род. *-ья* (ср. укр. *камінь*, род. *каменя*, *ремінь*, род. *ременя*, но *січень*, род. *січня*, *блазень*, род. *блазня* и под.)². К колебанию в языке XVII в. ср.: ...И того Футенского монастыря крестьяне того камню мимо себя иным никому возить не дают (Челобитная иноземц. Андр. Бутенанта и Хр. Марселиса, 1685 г.), но: ...И того Футенского монастыря крестьяне того камня мимо себя иным никому возить не дают... (Грам. царей Иоанна и Петра по поводу челобит. Бутенанта и Марселиса, 1685 г.)³.

Слово *корень* еще в XVII веке склоняется, не обнаруживая влияния суффикса *-ень*, род. падеж *-ня* и т. д.: «...две олхи на одном корени...» (Фед.-Чех., № 134). ...и у него нашли в коробье

¹ Между старинным род. ед. ч. *дъне* и новым *дня* промежуточную формуою была возникшая по аналогии *ь*-основ — *дни*; ср.: И они шли Киргискою землею половину дни... (Мат. пут. Ив. Петлина, 285). Ср. и старые формы, вроде: Сделаны из того ж камени кресла изрядные (П. Толстой).

² *Mutatis mutandis* это наблюдаем и в *пепел*, род. *пепла* (ср. ст.-сл. *пепель*, род. *пепела*): *козел*, род. *козла*, *котел*, род. *котла* и под. *Заяц*, произносимое как «заец», получило род. *зайца* по аналогии слов с суффиксом *-ец*, род. *-ьца*.

³ Лишь слабое отражение в письменном (литературном) языке нашли диалектные формы, подвергшиеся влиянию *ь*-основ — род. п. ед. ч. *камени*, *корени* (ст.-слав. *кора*, род. п. *корене*); ср: Собака есть, а камени нет (Старин. посл., XVII в.). Да на том же берегу признак — две сосны из одново корени (1645 г., Фед.-Чех. II, № 112) и под. Такие формы отмечены С. П. Обнорским и Имен. склон., I, 82 и у писателей XVIII в. (Ломоносова, Державина).

за замком траву багрову да *три корени...* (Дело о свящ. Иакове, 1626 г.).

Особняком стояли в системе старых склонений два слова женского рода — *мати* и *дъчи* (ст.-сл. *дъштити*), имевшие суффиксальную примету *-ер-*.

Остаток старины см. в языке былин: «Уж ты ой еси, моя дочи любимая!» («Лука Дан., змея и Наст. Салтан.», зап. Ончук.).

Формы *мати*, *дочи* до недавнего времени встречались и в отдельных говорах; см., напр., Мат. для изучения великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, 1903, № 48, № 52.

В говорах известны также формы им.-вин. ед. ч. *матерь*, *дочерь*. В литературном языке эти слова, после перехода (вероятно, нефонетического) именительного падежа в тип *ь-основ* — *мать*, *дочь* — кроме суффиксальной приметы, целиком вошли в обычное склонение последних.

Архаическое *матерь*, по происхождению вин. пад. ед. ч., как форма именительного-винительного иногда употребляется в придантом стиле:—И вспомнится тогда не мать санюлотов, Несущая сама винтовку и плакат... (Безыменский).

Разговорный язык часто слово *дочь* переводит в распространенный тип склонения путем присоединения суффикса *-к-а* — *дочка*; ср. «Капитанская дочка».

И другие, кроме уже упомянутых, типы склонения в тех или других остатках сохранялись до недавнего времени в говорах. Заслуживает упоминания, напр., в сев.-русских говорах им. пад. ед. ч. женского рода на *-ни* (в литературном языке *-ня*): *барони*, *сударони*, *барошни* (Матер. для изуч. великор. говор., VIII, №№ 52, 56)¹.

§ 17. Из словообразования имен существительных.

1. Из огромного количества аффиксов, употребляющихся в русском языке, особый интерес представляет группа суффиксов, связанных с отношениями чисел и особенностями склонения. При помощи их образуются так называемые *сингулятивы* — выражения единичности. Сюда относятся:

Суффикс *-ин-* к названиям народов, сословий и под., имеющим *-е* в имен. множ.: *-анинъ* — *-ане*, *-ѣнинъ* — *-ѣне* (*-янинъ* — *-яне*).

Образование таких сингулятивов — явление уже древнейшего времени; ср. ст.-сл. *граждане* — *гражданинъ*, *словъне* — *словънинъ*; ср. еще, вероятно, продукты уже дальнейшего развития: *властелинъ* — *властеле*, *бояринъ* — *бояре*, *воинъ* — *вои* и под. Вы-

¹ Обзор теорий (неполный) и примеры форм склонения из памятников дает статья С. В. Фроловой «Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий», — Учен. зап. Куйбыш. гос. педаг. и учит. инст. им. В. В. Куйбышева, фак. яз. и лит., вып. 9, 1948, стр. 175—194.

сказывавшаяся раньше догадка о том, что это **-ин-** по происхождению родственно с *инъ* «один», не может считаться обоснованной (ср. отмечаемые Вондраком образования типа литов. *kaĩtu-nas* «сосед», лат. *vicīnus*)¹.

В древнем языке, наряду с образованиями, принятыми в литературном языке теперь, были в ходу еще, напр.: *тверитинъ* — к *тверичи*, *псковитинъ* — к *псковичи* и под. Ср.: И переняша псковичи полоняную свою вестъ отъ Филипа отъ Поповича, от купчины, от псковитина (Сказ. о Псковск. взятии, 8). Ср. и *нльминъ* к *нльмици* (от *нльмыць*).

Вся эта категория образований отражала, очевидно, в отличие от обычного отношения единицы к множественности, восприятие известного коллектива как понятия первичного, а индивидуума по отношению к нему как вторичного.

Для влияния в этой категории имен существительных множественного числа на единственное характерно, напр., «печенѣзинъ» (Лавр. спис., 42 об.) вм. «печенѣжинъ» (ср. им. мн. ч. «печенѣзи» из «печенѣси») ².

-ина к собирательно-материальным; ср.: *горошина* — к «горох», *жемчужина* — к «жемчуг», *изюмина* — к «изюм». Ко многим только **-инка**: *песок* — *песчинка*, *снег* — *снежинка*, *порох* (ср. укр. *порох* «пыль») — *порошинка*, *пыль* — *пылинка*.

В родстве с этими образованиями сингулятивы к словам *люди*, *дѣти*. В украинском есть и первое и второе (*людина*, *дитина*). В русском с суффиксом **-ина** есть только второе — «дитина» (неправильно пишется *детина*)³, получившее вторичное значение в результате осмысления **-ина** как суффикса увеличительности (ср.: *купчина*, *молодчина*, *казачина* и под.), а первое с суффиксом **-ин** имеем в *простолюдин*, к которому не образовывалось множественного числа иначе, как «простые люди»; позже — *простолюдины*. (В ст.-слав. встречалось и отдельное *людинъ*).

¹ В XVIII в. довольно часто встречается вместо слова *простолюдин* — *простолюдим* (ср. *нелюдимый*) и потому вместо мн. числа «простые люди» — *простолюдимы*. Ср. в «Сувороиде» Ир. Завалишина (в «Истор. предуведомлении») — «обольщая умы легковерных простолюдимов».

² Эта категория социальных понятий — характерное проявление языковой тенденции.

-ѣнин, **-ѣне** — факт старославянского языка, **-янин**, **-яне** — восточнославянских. Некоторые ученые (Шахматов и др.) это различие объясняют фонетическим законом восточнославянских языков — переходом **ѣ** недифтонгического происхождения (или даже гласного звука, из которого он образовался) в **а** со смягчением предшествующего согласного перед носовым; ср.: ст.-сл. *егуптъѣнинъ*, *ледѣнь*, *дрѣвѣнь*, *помѣнѣти*, *прѣмо*; русск. *египтянин*, *ледяной*, *деревянный*, *помянуть*, *прямо*.

Не исключена, однако, возможность, так как при этом законе много фактов представляют значительные трудности, что относящиеся сюда случаи — аналогические образования, рано сделавшиеся особенно в восточнославянской языковой группе. Формы на **-янин** могут толковаться как продукты обобщения звуковой группы в положении после шипящих и **ј**: *гражданин* (горожанин), *римлянин* и под.

³ «Дѣтина» обычно, однако, и в памятниках.

Древность образования *дитина* свидетельствуется переходом **ѣ** в **и** перед слогом с подударным **и** (ср. укр. *дитина*) и влиянием его на *дитя* вм. *дѣтя*.

Возможна большая древность формы сингулятива *штанина* к *штаны*, имеющейся и в украинском.

~ К собирательному *господа* ср.: (О)же закоупъ бѣжитъ от гды... (Русск. Пр., 540—541), образовано *господиѣ*, к *челядь* — *челядинѣ*, к *Русь* — *русинѣ*, к *мордва* — *мордвинѣ* и под. Ср. старинное употребление: Сентября в 20 день за Свягою рекою под селцом Куланги дожидались его воровские казаки, Татаровя, и Чюваша, и Черемиса, и Мордва — болши трех тысячь конных и пеших людей... (Мат. Раз., III, № 3), но: Да одного человека Чювашенина приведчи к шерти, велел отпустить для уговору иных Чюваш и Черемисы (там же, III, № 7)¹.

2. Русскую особенность составляют новообразования муж. рода на **-енѣкъ**, род. **-енѣка** от прежних имен существительных среднего рода типа *козьля*, *теля* и т. д., множественное число от которых до сих пор почти в исключительном употреблении в литературном языке: *козлята*, *телята*. Исчезновение форм *козля*, *теля* и косвенных падежей от них (ср. ст.-сл. род. ед. ч. *козьляте*, *теляте*, дат. *козьляти*, *теляти* и т. д.); др.-русс.: «...а живота и хлеба нет ничево, и *курети*, государь, нет» (Челобитная кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.); «...а животины у меня нет никаковы, ни лошади, ни коровы, и *куряти*, государи, нет...» (Челобитная кн. Одоевскому, 1673 г.), допускавшихся еще в XVIII в. (Ломон., Росс. гр., § 154 и 200) в виде *козляти*, *теляти* (род., дат. и предл.), *козлятем*, *телятем* (твор. ед.), — единственный остаток старины — *дитя*, *дитяти* и т. д., — стоит, видимо, в связи с относительной уединенностью их в системе русского склонения и значительным что касается звучания разрывом формы именительного ед. ч. с остальными. Укр. образования вроде *козеня*, *кошеня* и под. помогают установить исходный тип, из которого явились русские формы ед. числа: он развился, видимо, из форм типа *козленя*, осложнившихся уменьшительным суффиксом мужского рода **-ѣкъ** в параллель роду слова, от которого образовывалось название детеныша. В дальнейшем распространение **-енок**, род. **-енка** шло уже главным образом по аналогии².

¹ Из литературы см. O. Grūnenthal, Diminutiv und Singulativ, — Arch. f. slav. Phil., XXXVIII (1921), стр. 137—138.

² Материалы к характеристике эволюции соответствующих форм дают исторические факты, недавно сообщенные С. И. Котковым в книге «К изучению орловских говоров», — Орл. гос. педаг. инст., Ученые зап., том VII, Каф. русск. языка, вып. 3-ий, 1952 г., стр. 115—116. В документах второй половины XVII века, относящихся к Ельцу и Чернавску, обобщены формы на **-ен(о)к**; но старое **-ят** стойко держится в форме родительного падежа множ. числа от слова *теля* «теленок», причем все, довольно многочисленные, примеры относятся к положению слова после собирательных числительных (двое, трое...).

Характерно, что в памятниках, хотя тип на **-енок** теперь является общерусским и, вероятно, возник очень давно, форм на **-енькъ** почти не отмечено: Соболевский (Лекции, 4 изд., стр. 91) упоминает др.-русск. *робенькъ* без точного указания на памятник и на время; им же приводится в параллель др.-пол. *robionek* из Шаршпатацкой Библии (XV в.)¹.

Возможно, что именно это слово возникло раньше других подобных и явилось для них образцом.

3. Суффиксы презрительности и уничижительности в современном языке играют относительно небольшую роль. Их роль еще в первые десятилетия XIX в. могла возмущать Белинского, гневно спрашивавшего в письме к Гоголю из Зальцбрунна (1847 г.), есть ли еще язык, где б они в такой мере были принадлежностью собственных имен. Для языка Московской Руси они характернейшая черта ее стиля, выступающая с исключительной рельефностью на фоне подчеркнутого права одних именоваться с «вичем», других — лишенных его и называемых просто по именам, и третьих (самая большая категория даже среди «служилых») — чьи имена могли выступать только в сопровождении суффиксов уничижительности².

Ср. и: «Малороссийские фамилии на **-ич** подвергались там [в московских приказах], тоже в виде умаления личности, урезыванию. Так, в московских столбцах, в исходе XVII века, гетмана Самойловича писали только Самойлов; другие малороссийские

¹ Б. Унбегаун (ук. соч., стр. 76) обратил внимание на интересный момент — образования типа *теля* в древнерусском встречаются только в названиях детенышей домашних животных; детеныши диких зверей обычно называются общим *щенья* (ср. Срезн., Матер., III). Образование на **-енок** он приводит (стр. 185) в двух примерах из «Памятников дипломат. сношений Московского государства с Крымск. и Нагайскою ордами и с Турциею», II: то ся кажут не лисицы. — волченки, 1516; мы пошутили, называли их волченки (там же). Если слова последнего типа в др.-русских говорах, в отличие от того, что имеем в памятниках, встречались действительно нередко, то это делает понятным, как в результате борьбы между типами: *теля* — мн. *телята* и *волченок* — *волченки* установились нынешние отношения: *теленек* — *телята*, *волченек* — *волчата*.

² А. М. Селищев, Учен. записки Моск. город. пед. инстит., Каф. русск. яз., вып. I, 1941 г., стр. 190, указывает на довольно многочисленные в русских памятниках «XV—XVII веков» собственные имена с суффиксом **-енок** (**-енк-**): *Борзенек*, отчество *Борзенков* (1525 г.), *Вороненок* (1629 г.), *Гусенок* (XVII в.) и под. примеров, однако. более ранних, чем XVII в., им почти не приводится: из XV в. — их нет у него вовсе; есть два — из XVI в. (один — из самого конца, 1595 г.): *Окоренок* (1544 г.) — вероятно, производное от *корень* и никак не свидетельствует о суффиксе **-енок**. По-видимому, таким образом, более архаический тип, отраженный и в собственных именах: князь Данило Щеня Васильевич (1476 г.), князь Иван Курля Оболенской (1503 г.), сменялся новым в течение XVI в. Некоторые (очень немногочисленные) собственные имена вроде «князь Борис Михайлович Туреня» (1493 г.) дают Селищеву повод предполагать, что «формы имен уменьшительного значения, образованные с разными суффиксами одинакового значения, употреблялись в одной и той же социальной среде и оказывали влияние одни на другие. В особенности близки не только по значению, но и по виду суффиксальных элементов были имена на **-еня** и на **-ок** (из **-ъкъ**)».

фамилии, например: Мокриевич, Домонтович, Якубович, Михневич обращались под пером московских приказных в Мокриев, Домонтов, Якубов, Михнев и т. д.»¹.

Полное имя, не говоря уже об отчестве с **-вичем**, являлось честью, которую надо было заслужить; так, напр., царь Алексей «жалует» одного из сокольников: «И мы, великий государь за твое службу и потеху, наипаче же за твое к началству доброе послушание, жалуем тебя Ивана Гаврилова, сына Ярыжкина, сею новою честью, в пятые новые начальные сокольники... И велели тебя писать полным именем...» (Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути 1656, статья 7).

Вот, напр., различия в наименовании бояр и даже наиболее высоко стоящих по своему положению дьяков: «И указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси то все собрати и вдоклад написать бояром князю Никите Ивановичю Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да околничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяком Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову» (Улож. ц. Алекс. Мих.).

Большое разнообразие употребительных в XVII в. средств оттенить в именах превосходство одних и низкое служебное положение других отражает, напр., «Урядник Сокольничья Пути с целою гаммой оттенков называния пишущих лиц при обращении высших к низшим и наоборот. Вот отдельные примеры:

Егда же приспее час государской милости к нововыборному, тогда подсокольничий Петр Семенович Хомяков велит переднюю избу Сокольничаго Пути нарядить к государеву пришевию...

...А за ним итти старым сокольникам рядовым, двум человекам, которые с ним были, Микитке Плещееву да Мишке Ерофееву...

А в тое пору явит верховный их соколенный подьячий Василий Ботвиньев и молвит: «Великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, нововыборный твой государев сокольник Иван Гаврилов сын Ярыжкин вам, великому государю, челом бьет».

И нововыборный, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, и с товарищи, поклонится государю до земли. И мало поноровя, подсокольничий молвит старым рядовым сокольникам, двум человекам, которые с ним были: «Рядовые Никита и Михайло, поставьте нововыборного, Ивана Гаврилова сына Ярыжкина, на поляново». И взяв его те рядовые два сокольника, Никита и Мишка, под руки, поставляют на полянов, между четырех птиц, сиречь на попоне.

¹ Е. П. Карнович, Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими, СПб., 1886, стр. 33—34.

И пришед, первая статья первый поддатень, Кирсанко, скажет подсокольничему: «Нововыборный сокольник Иван Ярыжкин на государской милости челом бьет и идет тотчас».

Ср. также: «...Первый поддатень, Федька Кошелев, держит вабило второй поддатень, Наумко Петров, держит воцагу; третий поддатень, Кирюшко Маслов, держит рог серебряный; четвертый поддатень, Елисейко Батогов, держит полотенца».

Или вот в торжественном документе XV века: «А фонарь великого князя со свечю носить: Володе Васильеву сыну Поппевина — Морозову да Ивану Федорову сыну Карпова; а над другою свечю фонарь нести Алеше да Васильку Михайловым детям Нагова. А коровай нести великаго князя: князю Игнатью Жулебину, Ивану Михайлову сыну Тютчеву, Василью Волынскому, Михальцу Нагому; а другой коровай нести Василью Михайлову сыну Тютчеву, Семенке Жеребину, Федьке Немому Михайлова сыну Нагова да Юшке княж Иванову сыну Кашину...» (Разряд бояром и дет. бояр., как быти на свадьбе у в. кн. Василья Ив., статья 5).

Полной урегулированности, обязательности употребления соответствующих форм не было, но границы колебания в выборе имен и их сочетаний были достаточно узки. Ср.: Се аз, Кирило игумен, черньчищо грешный, пишу сию грамоту при своем животе и в своем смысле (Духовная Кирилла, Белозерск., 1427 г.). ...И всему святому собору чернец Симонище да чернец Илинархище челом бием (Донес. чернецов Симеона и Иринарха Троиц. Сергиева монаст. архимандр. Кириллу, 1594—1605 г.), или вот, напр., имена в «сказках» неименитых свидетелей по делу патриарха Никона: ...Большаго собора поп Киприан сказал. ...Скаску писал сам я, поп Киприан, своею рукою; ...Большаго собору поп Маркиян сказал: ...К сей скаске поп Маркиян руку приложил; ...Богородицкой дьякон Михайло сказал: ...А скаску писал я, дьякон Михайло, своею рукою; ...Патриарш дьяк Денис Дятловской сказал: ...А меня, Дениска, простил от гневу своего на Воскресенском подворье ...А скаску писал я, Денис, своею рукою; ...Сказал подьякон Петр Федоров сын Новгородец: ...А скаску писал я, Петр, своею рукою; ...Патриарш подьякон Матвеище Кузмин сказал: ...А скаску писал я, подьякон Матвеище, своею рукою¹; ...Певчей дьяк Нестерко Иванов сказал: ...И я, Нестер, в то время не был у обедни... А сказку писал я, Нестерка, своею рукою; ...Певчей дьяк Исак Андроников сказал: ...К сей сказке Исачко Андроников руку приложил; А скаску писал певчей Игнашка своею рукою;

¹ К уничижительности суффикса *-ище* ср.: Аз же, рабище божие Афонасие, сжалися по вере (Хож. Афан Никит.). Боже... не отврати лица от рабища своего (там же). Вообще, однако, этот суффикс употребляется как обозначающий уничижительность духовных лиц: У Афанасия Никитина «рабище», как понятие церковной сферы.

...Того ж числа патриарш подьяк Иван Федоров сказал: ...К сей скаски Ивашко Федоров руку приложил; ...Сказал патриарш подьяк Матвей Степанов: ...К сей сказки Матюшка Степанов руку приложил, и т. п. (Дело Ник., № 13).

Стоит заметить, однако, что, как показывает факт довольно свободного употребления вместо пренебрежительных суффиксов — суффиксов просто уменьшительных (иногда даже производящих на нас теперь впечатление ласкательных), требования «этикета» в языке челобитных и под. удовлетворялись уже и одной словесной «уменьшенностью» лица. Ср., напр., в Новгородских записных кабальных книгах конца XVI и начала XVII в. «К сей записке кабальной послух Жданец Пупынин руку приложил». «И губные старосты спросали того Ондрюши». «...земской дячок Первуша Борисов принес к записки служивую кабалу на Гришу на Максимова... и его, Гришу, к записки с собою ж привел...» и под.

В обращении к царю общее холопство уравнивает представителя высшей аристократии, который пишет, напр.: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцу холоп твой Гришка Ромодановской челом бьет» (Донесение воеводы князя Григория Ромодановского, Мат. Раз., I, № 1, стр. 4), и последнего бесправного человека, способного вообще подать челобитную. Уничижительность стиля требует не только презрительности в именах обращающихся с челобитными лиц, но и всего к ним относящегося. Суффиксы **-ишко** и **-ишка** буквально испещряют речь просителя. Вот, напр., отрывки из прошения села Мещерские Горы попа Ивана: «...А в то, государь, время без меня, богомольца твоего, воровские люди попадьишко мое посадили в тюрьму и с детишками... А ныне, государь, попадьишко мое с детишками сама сема в Гороховце скитаются по миру и помирают голодом... И о том моем мучении и раденьишке и конечном разорении дати мне отписку, чтоб мне, богомольцу твоему, с попадьишкою и с детишками голодом не умереть и в конец не погибнуть...» (Мат. Раз., III, № 35).

Или из челобитной боярину Б. И. Морозову братьев Чеглоковых: Государю Борису Ивановичу бьют челом Фектисто да Петрушко Чоглок(о)вы. Деревнишко, государь, у нас подмоск(ов)ное блиско твоей боярской вотчины села Павловсково. Людишка, государь, наши и крестьянишка ездят к нам з запасишком и с сенишком и з дрови(шка)ми. Умилосердись, государь Борис Ивановичь, п(ожа)луй нас, бедных, не вели, государь, мостов(щи)ны имать с людишек наших и с крестьянишек (Хоз. Мороз., I, № 42).

К разнообразию форм ср. еще: Государю Борису Ивановичу бьет челом твоей государевы арзамаския вотчины села Екшени последний сирота твой крестьянинец Терешко Осипов (Хоз. Мороз., I, № 26). А я, холоп, твой человекенка, у тебя, государя,

новой, не отписать к тебе, государю, о таком деле не посмел (Хоз. Мороз., I, № 152)¹.

Напомним попутно и относящуюся к фамилиям особенность, характерную специально для собственного величания духовенства. Как отметил А. М. Селищев в своей книге «Полог и его болгарское население», София, 1929 г., стр. 393, среди великорусского духовенства XVIII и начала XIX века «была весьма распространена манера образовывать фамилии не по-народному на **-ов** или **-ин**, а на **-ский**, с ударением на предпоследнем слоге, по образцу книжному и западнорусскому (русско-польскому): Ивановский (а не Ива́новский или Иванов), Сокольский, Бенеманский, Сухопрутский, Коринфский, Диамантский, Иорданский, Писаревский, Дмитриевский и длинейший ряд других фамилий на **-ский**»².

МЕСТОИМЕНЯ

§ 18. Местоименное склонение.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица. С XV в. древнейшие славянские формы личных и возвратного местоимений родительного-винительного падежа ед. ч. *мене, тебе, себе* и русские новообразования *мень, тебь, себь* сменяются формами *меня, тебя, себя*, характерными теперь для севернорусского наречия и литературного языка. Их обычно толкуют или как фонетические (принимая переход конечного **е** в **я**), — так, напр., понимает их Шахматов (о сомнительности такого объяснения см. Фонет., § 5), — или как результат влияния именного мужского склонения (*коня* и под.), — напр., Соболевский; при второй догадке (Соболевского) можно было бы принять, что известное значение принадлежало при этом переходу имен с родительным на **-е** в склонение с окончанием на **-я** (ср. Морфол. § 16). Более вероятно, однако, по нашему мнению, третья догадка, в несколько нерешительной форме (ср. Фонет., § 5) высказанная уже Ягичем, а именно — что формы *меня, тебя, себя* возникли под влиянием параллельных форм винительного ед. ч. *мя, тя, ся*. Ср. употребляющиеся до сих пор диалект. *у мя, у тя* и былинн.: «...Я ушел от тя к Салтану вместо сына же» («Лука Дан., змея и Наст. Салтан.», зап. Ончукова на Печоре). Эти формы очень часты в поэзии Сумарокова: «Но ты отечество толико прославляешь, Что *мя* в безмолвии восхитив оставляешь» (Стихи гр. П. А. Румянцову) и под.

¹ Такого рода иллюстративный материал см. также у А. А. Потебни, Из записок по русской грамматике, III, 1899 г., стр. 92—93.

² Добавим к этому, что едва ли не большинство духовных фамилий на **-ский** оставалось, однако, связанными с церковностью — названиями церквей по соответствующим праздникам и святым (Богоявленский, Преображенский, Богородицкий, Георгиевский и под.) и в этом случае не обнаруживало тенденции усваивать западнорусское ударение на втором слоге от конца слова. Русскому типу образований оставались верными «профессиональные» типы духовных фамилий — Попов, Протопопов, Дьяконов. Цюномарев.

Особенно, конечно, легко принять в данном случае влияние *ся*. В пользу подобной догадки очень сильно говорит аналогия словацких фактов, где имеем сходные формы род.-вин. *mĭa, mĕ, tebĕ, t'a, sebĕ, sa*¹.

Формы типа *тобе, собе, тобя, собя*, конкурировавшие с *тебя, себя*, — продукт влияния дат.-предл. *тобѣ, собѣ* и творительного *тобою, собою*.

К неустойчивости употребления см., напр.: «А мнѣ тебе, своего господина, великого князя держати собѣ братом старшим» и «А чѣмъ, господине, князь велики, благословиль тебе отець твои...» (Догов. грам. вел. кн. Вас. Вас. с княз. верейским и белозер. Мих. Андр., 1450 г.). «А похочеш нам служити, и мы тебя жаловати хотим; а не похочеш у нас быти ... и мы тобя отпустим добровольно, не издержав» (Грамм. вел. кн. Иоанна Вас. 1484 г. в Кафу Захарю Скаре).

В дательном-предложном литературные *тебе, себе* из *тебѣ, себѣ* установились после продолжительного колебания между ними и параллельными *тобѣ, собѣ*, отражающими давнее влияние *тобою, собою*. Окончательное установление в литературном языке форм *тебѣ, себѣ* > *тебе, себе*, может быть, не без поддержки старославянского языка, было облегчено наличием окончания *-я*, а не *-е* в родительном-винительном, исключавшим совпадение форм².

¹ Иначе, но малоубедительно — А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. городск. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941, стр. 182.

В древнейшей славянской системе личных (1 и 2 лица) и возвратного местоимений различались (не во всех, однако, падежах) формы полные и краткие (энклитические). С особенной отчетливостью это различие выступает в древнерусском в формах дательного падежа всех чисел: *мнѣ, тебѣ (тобѣ), себѣ (собѣ)*: ми, ти, си — ед. ч.; намъ, вамъ : ны, вы — мн. ч.; нама, вама; нава — двойств. Для краткой (энклитической) формы винительного падежа ед. ч. *мѧ, тѧ, сѧ* (русск. *мя, ты, ся*) с большой вероятностью принимается, что это по происхождению — основные формы винительного падежа, получившие функцию кратких при *мене, тебе, себе* — формах родительного падежа, которые стали употребляться также в значении винительного.

Нынешний литературный язык не сохранил различия полных и кратких форм, кроме ставшего важным в морфологической системе употребления *-ся* как приметы возвратных глаголов. В говорах, наряду с последним, большую роль играет остаток дательного падежа *си* (ср. в других славянских языках глаголы типа болг. играя си «играю», чеш. zapamatovati si «запомнить»); довольно часто встречается также *ти*.

Старинный русский язык энклитические формы употребляет как вполне живые: Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудных повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? (Слово о полку Иг.). Что волости (sic!) новгородскихъ тѣхъ ти волостей, княже, тобѣ своими мужи не держати... (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александром Мих., 1325—1326 гг.). А... ци имуть искати татарове которых волостей, а отоимуться, вамъ, сыномъ, моимъ и княгини моей, подѣлити вы ся опять тѣми волостми на то мѣсто (Дух. моск. кн. Ив. Дан., 1327—1328 гг.). Формы *мя, ты, ся* нередки у поэтов XVIII в., особенно первой его половины. Реже краткие формы дательного падежа.

² Вопрос об отношении форм дательного-предложного падежа *тобѣ, собѣ* к позже прочно установившимся в литературном русском языке *тебѣ, себѣ* недавно внимательно пересмотрен в статье М. А. Гадиной, — «Труды

Личное местоимение 3-го лица, по происхождению анафорическое (отсылающее к предыдущему) местоимение-прилагательное, представляло в своем склонении уже в древнерусском т. наз. супплетивную (составную) систему: именительные падежи в единственном и множественном числе образовывались от основы **он-** (**он-**), в остальных падежах — от основы **je-** (с ее усложнениями).

Супплетивность для личных местоимений — явление уже глубокой старины, оказавшееся в истории языка очень стойким (ср. *я, мене, мы, насъ; ты, тебе, вы*), и перенесение этой особенности на старые основы с анафорическим значением, семантически вошедшие в систему личных, не представляло ничего принципиально невозможного.

О причинах вытеснения старых именительных возможны такие догадки:

Имен. ед. звучал: **и** (**jь**) — м. р., **я** — ж. р., **е** — ср. р.; имен. множ.: **и** — м. р., **ѣ** — ж. р., **я** — ср. р., имен. дв.: **я** — м. р., **и** — ж. и ср. Неудобны были главным образом совпадение единственного и множественного числа — **и** и омонимность его к очень употребительному союзу. Это приводило к частым заменам данной формы (**и**) синонимической — **онь**. Последнее употребление благоприятствовало такой же замене и других форм, особенно **я**, хотя принципиально и не отличавшегося флексией от других местоимений, но достаточно многозначного и потому легко уступившего место новым влияниям.

Кроме того, в языках нередко дает о себе знать тенденция избегать для полнозначных слов слишком коротких форм. Роль этого мотива (отнюдь не абсолютного значения — ср., напр., *я* в 1 л. ед. ч. при старом *азъ*) ясна в данном случае из параллельного употребления относительных *иже, яже, еже* и употребления **и** (вин. ед.) в роли энклитики — *погубитъ и* «погубит его» или после предлогов; ср. ст.-слав. *вънь* — «в него».

Института языкознания АН СССР», V (1954), стр. 61—70. Автор поддерживает давно уже высказанное Б. М. Ляпуновым и С. П. Обнорским мнение, что формы **тобъ, собъ** являются по своему происхождению общерусскими, а **тебъ, себъ** представляют собою преимущественно книжные, занесенные из старославянского языка. В пользу такого понимания фактов говорит старинное употребление: в относительно большом количестве памятников формы **тобъ, собъ** находим в текстах бытового или близкого к бытовому содержания, а **тебъ, себъ** — в окрашенных отборочно-торжественно и под.

При этом серьезными остаются, однако, сомнения, в какой мере для таких широкоупотребительных и в народной речи форм, как **тебъ, себъ**, можно допустить их книжное происхождение без какого-либо благоприятствовавшего их распространению специального условия. Следует поэтому серьезно принять во внимание возможность, на которую указывал в свое время Б. М. Ляпунов, — что изменение **тобъ, собъ** в **тебъ, себъ** обязано (в первую очередь?) индукции форм родительного-местного падежей *тебе, себе*, причем тут могла действовать еще и ассимилятивная тенденция.

Что касается вопроса об употреблении форм **тобъ, собъ** преимущественно в древнейших южнорусских памятниках — см. в моей книге «Питання походження української мови», 1956, стр. 68—69.

Заслуживает внимания и такое объяснение, предложенное акад. Шахматовым в его литограф. «Курсе истории русского языка», часть III, 1910—1911 г.: «По-видимому,— говорит он (стр. 240), — ...исчезла связь между формами именительного падежа и формами косвенных падежей потому, что последние стали употребляться только постпозитивно (за другими словами, не впереди предложения), между тем как формы именительного падежа по самому значению своему употреблялись антепозитивно; утрата связи между формами косвенных падежей и формами именительного падежа повела к полной утрате последних».

В общей системе склонения обращает на себя внимание вин. пад. ед. ч. среднего рода **его**, совпадающий с родительным ед. ч., а не с именительным, как в других случаях у форм среднего рода. Причина здесь, видимо, в общей супплетивности косвенных падежей местоимения 3 лица, подчинившей себе отдельную форму, которая нарушала бы специальную особенность вновь образовавшихся отношений.

Из форм косвенных падежей местоимений-прилагательных и родственных им внимания заслуживают особенно такие:

Форма родительного ед. ч. мужского и среднего рода имела у ряда местоимений в древности окончание **-go (-го)**, хорошо сохранившееся в некоторых славянских языках. По своему происхождению это, скорее всего, частица, родственная с *že* (из **ge*). В родстве с обеими частицами, как предполагают, состоят др.-инд. *gha*, *ha* и греч *ge* (ср. *eté-ge*, гот. *mí-k*). Влиянию этого окончания **-go (-го)** подверглось особняком стоявшее в системе **-so (-со)** родительного единственного от **что—чесо** (ср. греч. *τέο* из **kuesio*), позже замененное формой **чего**. Дialectы русского языка знают формы на **-го** и в большем числе или на **-но**, **-оо** (главным образом, южнорусские), или на **-во** (севернорусские). Попытки в последних (**-но** и **-во**) в соответствии с особой консервативностью местоимений видеть остатки глубокой старины оказались малоубедительными. Значительно больше имеют за себя объяснения их как новообразований на русской почве из **go- (-го)**. З. К. Плотникова (К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. м., ж. и средн. рода местоимений и сложных прилагательных, — Изв. по русск. яз. и слов. Акад. наук, XXIV, I, 1919, 285—304), тщательно обследовав севернорусский материал (говоры Заонежья, Муромльский и др.), показала, что переход **ого > оho > оо > ово** — явление, в них совершающееся еще и теперь, и что нет оснований искать здесь особого, как думали, исходя из аналогии кашубского языка, уже древнейшего славянского звукового варианта. Еще раньше эту мысль на основании аналогий греческого, германских и кельтских языков защищал Мейе¹, правдоподобно объяснявший специфический переход **g** в **h** слабой ударяемостью соответствующих место-

¹ Sur la prononciation du génitif *togo* en russe.—Mémoires de la Soc. de ling., XIX (1914).

именных форм. Этой же слабой ударяемостью и темпом произношения подобных слов объясняется в дальнейшем выпадение **h** (ср. укр. произношение *у коо* вм. *у кого*), причем образовавшееся зияние позднее устранялось «вставным» **ц** и затем **в** (**v**).

Путь развития замены **г** через **в** отражают, вероятно, те говоры, в которых **в** выступает в прилагательных, но сохраняется в местоимениях *того* и под.

Примеры **-во** вм. **-го** в памятниках встречаются, только начиная с XV в. В памятниках XVI в. число их делается очень заметным. В XVII в. их свободно употребляют наряду с поддерживаемыми церковнославянским языком формами на **-го**.

Родительный и винительный падежи женского рода. Русский язык восходит вместе с другими восточными (украинским и белорусским) и западными (чешским, польским и т. д.) к тем древнейшим говорам, которые, в соответствии падежным окончаниям **ѡ** мягкого склонения в южнославянских языках, имеют рефлекс **ѣ** невыясненного происхождения. Свидетельствуемые восточнославянскими памятниками XII в. формы **тоѣ**, **еѣ** и под. (ст.-сл. *тоѡ*, *еѡ*) в дальнейшем не остались неизменными, и в истории их есть спорные моменты.

В литературном и разговорном **еѣ** (писавшееся для родительного падежа до реформы 1917 г. **ея**) было чисто искусственной формой — русской передачей старославянского **ѡ**¹ нуждается в объяснении **ѣ** из **ѣ**. Наиболее правдоподобно понимание (Шахматова) этого **ѣ** как (диалектного?) фонетического рефлекса **јѣ**. Сочетание **јѣ**, существовавшее в очень немногих морфологических категориях и стоявшее особняком в русской звуковой системе (древнейшее ***јѣ** из **јѣ** перешло в **ја**: ***stojěti** перешло в *стоять*, ***bojěti se** — в *боиться*), было маложизнеспособно и изменилось в **је**, откуда, по известному закону о подударном **е**, переход в **јо** (**ѣ**). Примеры из памятников, подтверждающие такую догадку (памятники относятся к не смешивающим **ѣ** и **е**): единое, единое — род. ед., различные — вин. мн., Чудов. Псалт. XI в., в алѣлоугиѣ мѣсто — «вместо аллилуи», Типогр. Уст., № 142, XI—XII в., еуфиміѣ, Мин. 1095 г., и др.

В дальнейшем форма род. ед. ч. **еѣ** стала функционировать и как винительный ед. ч. Древнейший восточнославянский пример **еѣ** в функции винительного падежа — «Умысли създати църкъвь и създавь еѣ» (Сказ. о Борисе и Глебе по сп. XII в.). По-видимому, в этом отношении решающую роль сыграла аналогия *кого?* (родительный-винительный для муж. и женского рода), т. е. сначала такое употребление должно было распространиться по отношению к названиям существ, а далее — и ко всем остальным. Ср. и **самоѣ**, ограниченное в фактическом употреблении катего-

¹ В некоторых говорах фонетические соответствия им, впрочем, сохраняются и теперь (Кузнецов, Истор. грамматика, стр. 136).

рией «одушевленности» («встретил ее самое», но «взлез на самую верушку скалы»). В диалектах имеем и **тоё, всеё, одноё**, уже, по-видимому, что касается функции винительного падежа, под влиянием **её**.

Утрате старой формы винительного **ю**, с XVI в. в памятниках уже не встречающейся, могла способствовать ее малая фонетическая «весомость» (ср. выше замечания об утрате форм ***яь, *ја, *је**). В языке былин и в говорах она, однако, встречалась еще в недавнее время¹.

В памятниках засвидетельствованы: старославянские формы типа род. п. **ѣм**: А кто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огонь выидеть (Хож. Аф. Никит.); под влиянием русских отношений: в значении винительного: наказавъ ея, бивъ ея (Сборн. XIV в. Рум. муз., № 1548); Елини имяхуть ея [ехидну] аки богыню (Сборн. 1490 г. Уваров., № 613); А згонитце собака зьедиста на дорогу за челоуѣкомъ, и хто ея ушибеть и на смерть, тому вины неть (Судебн. 1589 г., 53). ...А пистоль не стрѣлила. Онъ же бросил ея на землю и из другія запалил паки (Аввак., № 25, 78); Далъ намъ четыре мешка ржи за нея (там же, 87).

В значении винительного падежа **ея** встречаем, например, у Сумарокова: «Вульф бросился на Смерть и поразил *ея*» (Стихи г. Хирургу Вульфу). — «**М.** А какая есть славнейшая добродетель? **К.** Военная храбрость. **М.** Но твердость мирного союза *ея* превосходит» (Кург., стр. 291).

еѣ: Колко воды ни пить, а пьяну с неѣ не быть (Стар. сборн., 1363). — И змея де лежит на дороге и через еѣ перешелъ возъ, и тут еѣ затерло... На еѣ возложила... (Лечебн., Синод. рук., № 480).

Позднейшее изменение в роли родительного — **ее (еѣ)**: на **ее** имя (Домостр., 16); у **ее** слуг (Домостр., 49); как пошелъ отъ нее (Дело Ник., № 65), и винительного: ...И тыбъ ту запись прочла и держала **ее** у себя (Пис. в. кн. Вас. Иоан. 1526—1530 г.); ино мужу на нее бранити (Домостр., 51); ино **ее** надѣлкомъ поминають (Домостр., 16).

Под влиянием склонения членных прилагательных, заменивших в неударяемом положении **ѣ** родительного падежа ед. ч. женского рода на **и** > **й** [*новыѣ, утрьнѣ* сменились в отдельных диалектах др.-русского языка формами *новой, утрьнеѣ*: коньць утрьнеѣ (Минея 1097 г.), смърти тоѣ пагубноѣ, на мѣстѣ ветъхоѣ деревяноѣ (церкви) (Успен. Сборн. XII в.), рядом с **тоѣ, тоѣ** и под.² явилось **той** и под. в родительном ед. ч. Ср.: И всѣ

¹ Ср. и диал. вин. п. ед. ч. **яю** (напр., в говорах б. Тихвинского уезда, — «Труды Ком. по диал. русск. яз.», вып. 12, 1931 г., № 131а). Др.-русск.: «...Другая полоса земли в лесном же поли, выменял *ею* в Селюши в Павлова...» (Дух. двинская, Сергея Мануилова сына, серед. XV в.).

² Ср. и искусственное, книжное **тоя**: «...и тем птиц отоя привады отгонит» (Улож. 1649 г.). Один из наиболее поздних примеров — «То высунет из вод Неря с кочергой, То с изумрудною жену его серьгой; Поставит имянно и вес *тоя* и цену...» (В. Петров, К вел. государыне).

наши громадныя крѣпости потряслися от стрѣльбы ихъ *той* (Ист. об Азовск. сид., 4); А *у тое* де мы у великіе реки вершины и устья не вѣдаемъ (Мат. пут. Ив. Петлина, 295), и там же: А *изъ за той* де великіе реки приѣзжаютъ къ намъ манцы со всякимъ товаромъ. — А *отъ тое* березы стоитъ столбъ противъ сосны на лѣвой сторонѣ (Межев. выпись на помест. казанск. жителя Девятого-Змеева, 1631 г.—Бусл.) и там же: А *отъ той* березы отъ ивова куста прямо на березу на безверховую. — А доходовъ *съ тое* Малыя Росіи не бываетъ ничего (Котош., III), и там же: И *исъ той* Малой Росіи для всякихъ дѣлъ присылаются посланцы¹.

В роли винительного ед. ч. в XVII в. преобладает *тое* (нередко наряду с *ту*): ...И *тоъ таможенную пошлину* збирали с великимъ радѣньемъ (Грамм. царя Бориса на Белоозеро, 1602 г.). Что к нам писали братья наша, и мы *тое грамотку* къ вамъ послали... (Воззв. москов. людей). Да *тоъ судовую снасть* велеть отдать Андрею жъ и Василью (Мат. пут. Ив. Петлина, 267). ... И *на тоъ гору* восходу нѣтъ никому (Хожд. на Вост. Котова, 116—117). Но у него же: ...А шахъ велить *на ту тешь* [забаву] всѣмъ людемъ быти в лутчемъ платьѣ (105). — И *в тое* де пору сѣверные двери отворились съ великимъ громомъ... (Дело Ник., № 36). ... А *в тое пору* явить верховный ихъ соколенный подьячий Василій Ботвиньевъ... (Урядн.). Ср. и в начале XVIII в.: ... И *тое крѣпость* на свое государское имянованіе, прозваніемъ Питербургомъ, обновити указалъ (Ведом. 1703 г.). Тут же рядом в употреблении и *ту*: ...Покаместъ *ту крѣпость* овладѣють. — Подобная неустойчивость употребления в некоторых говорах встречается и в новейшее время; ср., напр., Труды Комисс. по диалект. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 12.

Специальный вопрос представляет вариант, встречающийся в литературном языке почти исключительно при предлоге *у* — *у ней* (изредка — при *для*). Ср.: И то *у ней* на домашней обиходъ перекроено (Домостр., 30). И сама бы хмелново питья отнюдь не любила и дѣти и слуги *у ней* того не любили же (Домостр., 64). Благоприятным условием для утраты флективной приметы здесь было, конечно, употребление после предлога. Образцом могли служить местоименные прилагательные, у которых совпали в ед. ч. женского рода дательный и предложный.

Ср. в древнем языке также *от ней*, теперь встречающееся только в говорах и в просторечии: ...*От ней* преждѣ выступить не хотятъ, покамѣста имъ укажутъ иное жилище... (Куранты, 2).

У Ломоносова и др. встречается и *без ней*: Дураки, враги, пролазы Были бы без ней безглазы (Гимн бороде), и под.

¹ Ввиду колебания *тое—той* в род. ед. ч. *тое* по аналогии изредка выступает как форма дательного ед. ч.: «...А велено по *тое* твоей, государь, грамоте крестьянину Антропу Леонтьеву и детям его сказать...» (Хоз. Мороз., II, Акты, № 21).

Ср. и при предлоге-наречии: Вместо того, чтоб по намерению моему ударить *подле* самой *ей* и в пустое место, попади я прямо в нее... (Болотов).

Вообще надо заметить, что у авторов XVIII и первой половины XIX в. такие формы, отошедшие теперь к просторечию, встречаются еще и при большом количестве предлогов. Из представителей стихотворного языка XIX в. свободнее других их употребляли Крылов, Грибоедов, Мятлев, Баратынский. Кроме последнего, как видно, всё это авторы с речью, близкой к разговорной.

Любопытна как факт истории языка, и, по-видимому, не только графический, каким он может представляться с первого взгляда, широко известная в ранней письменности московского периода форма **ини** «и они»: ...и нам отослали своих бояр, *ини*, съехався, учинят исправу (Догов. грамота вел. кн. Юрия Дмитр. с вел. кн. рязанским Ив. Фед., 1434 г.). Ср. там же: ...и нам отослали на то своих бояр, *и они*, съехався, учинят исправу.— А ясти же сядятся, *ини* омывають руки да и ноги... (Хожение Афан. Никит., по Троицк. списку XVI в.). А на Турьскаго послал рати своей 40 тысячъ, *ины* [т. е. «и оны】 Севастъ взяли...» (Хож. Афан. Никит.); «...много раздаша брынцу, да перцу, да хлебы ефиопом, *ины* судна не пограбили (там же).

Через значительные колебания прошла в литературном языке форма родительного и винительного ед. ч. от местоимения *сама*. Ломоносов (Рос. грамм., § 431) для родительного принимал за нормативную форму **самыя**, явно церковнославянизированную, а для винительного — **самую**, контаминацию *саму́* и окончания членных прилагательных, воспринимавшуюся тоже как церковнославянизм (ср. Востоков, Русская грамматика, 12 изд., 1874 г., § 53, пункт 4). Востоков, узаконяя в качестве нормы винительного падежа **самое́** и родительного **самой**, по поводу первой формы еще замечает: «Сие окончание, принадлежащее просторечию, заменяется в церковнославянском языке окончанием *самую*».

Н. Греч (Практическая русская грамматика, 1827 г., § 139) в парадигму вводит «**саму** (или **самое́**)», употребление, далее уже удержавшееся до наших дней. Форма **самое́**, — несомненно, результат приравнения к *её*, слову, с которым она обычно и употребляется. В говорах подобные образования представляют еще *тоё*, *всёё*, *одноё*.

Ср. у Державина: И просветит *всее*, как света бог, Россию (Прор. Сим.); у Крылова: ... *Тое* ж Лису-злодейку.

По аналогии *мою*, *твою*, *свою* с окончанием, не выпадающим из системы склоняемых прилагательных, в говорах явились и *ею*, *всеею*, *тою* и под. (первые примеры в памятниках XV в. Двинск.: вымѣняль *ею*).

Ср. у Л. Толстого пример в «Анне Карениной»: Неловко за самую себя.— В первой половине XIX в. подобные формы нередки.

Творительный пад. ед. ч. от местоимения **кто́** звучал в древнейшем славянском (как и в старославянском) *цѣмь* (по происхож-

дению *koitъ с переходом к в ц (с) перед ѣ из дифтонга oi). Согласный **ц** в дальнейшей истории языка, как выпадавший из системы, устранен и заменен звуком к, заимствованным из остальных форм. Замена эта датируется впервые в памятниках XIV в.: ни над кѣмъ же (Лѣствица, 1334 г.) и характерна как явление морфологическое (вместе с формами именного склонения типа *рукъ, на облакъ*), переступившее границы унаследованной фонетической системы: сочетаний **ке, кѣ** вне морфологических категорий такого происхождения русский язык искони не знал, так как уже в древнейшее время, как упомянуто, *ке переходило в *се; ср. уже др.-русск. зват. форму *вълче*; *кѣ с ѣ из древнейшего долгого е в *са: *тыкѣти* > *мълчати*, а *кѣ с ѣ из *oi, *ai — в *се.

Характерно, что потребность устранить выпадавшую из системы данной парадигмы форму привела в говорах к другому пути аналогии — в качестве формы творительного падежа от *кто* в памятниках XIII в. употребляется **кымъ**: повѣжь съ *кымъ* бесѣдовав (Ростовское житие Нифонта, 1219 г.), съ *кымъ* бесѣдуеши (Новгородский Пролог; 1262 г.) и под. Ср. и позднейшее **ни кимъ** (с переходом **кы** в **ки**) в первой духовной Ивана Калиты. Вместо *чимъ* (от *что*) по аналогии *кѣмъ* установились **чѣмъ** — **чем**. В памятниках, как отметил Соболевский, Лекции⁴, стр. 187 — 188, в духовной Семена Гордого и первой духовной Дмитрия Донского — **чимъ**, во второй духовной Дмитрия Донского уже **чѣмъ**; ср. позже: «А через сю мою грамоту . . . хто что у кого возмет или *чим* изобидит, быти от мене в казни» (Грамм. в. кн. Софьи, 1450 г.); но — «...и сей у них грамоты рушити не велел никому *ничем*» (Грамм. в. кн. Марьи, 1453 г.).

Именительный множ. числа. Формы **те, все (тѣ, всѣ)**, соответствующие старославянским и древнейшим формам мужского рода *ти, вси*, — продукт уподобления остальным формам парадигмы множ. числа: *тѣхъ, тѣмъ, тѣми, о тѣхъ* (ср. и жен.-ср. р. дв. ч. *тѣ, вѣсьхъ, вѣсьмъ* и т. д.

Влияние форм косвенных падежей на именительный, оказавшееся в конечном счете победившим, объясняется в случае **всѣ** еще и поддержкой женского рода (др.-русск. *вств* в соответствии старославянскому *вса*).

Появление новой формы **тѣ** свидетельствуется отдельными примерами в памятниках XIII в. и нередкими в памятниках XIV в. (Новг. Кормчая ок. 1282 г., Духовная вел. кн. Семена Иван. и др.). Первоначальное расхождение путем аналогии **тѣ—тѣхъ**, но **всѣхъ, всѣмъ** и т. д. в древнейших московских памятниках основание имеет, по-видимому, в восприятии старинным языковым сознанием **ѣ** как приметы «твердых» склонений, а **и** — «мягких»; ср. единственное число основы **вс-**, шедшей по мягкому склонению.

В отличие от нынешнего **сами** (ср. и новые формы косвенных падежей **самѣх, самѣм** и т. д.), в памятниках находим и **самѣ** (Пролог 1356 г.). Ср. и косвенные падежи: И впредь бы вамъ са-

мѣмъ Ноугородцкаго государства въ землю не вступатца... (Грам. Новгор. государства воевод каргопольцам, 1612 г.). Установились в литературном языке также формы именительного множ. числа **одни** (ср. и **одних**, **одним** и т. д.) и **они**.

Что касается последней, то она непосредственно не поддерживалась влиянием косвенных падежей с приметой **ѣ** и потому могла измениться в **онѣ** только уже в результате уподобления формам *тъ, всть* и не иметь равной им стойкости.

Одни могло пойти своим путем сравнительно с другими словами местоименного склонения ввиду звуковой его близости с **они**.

Сами могло утратить **ѣ** фонетически в неударяемом положении в конце слова (ср. **эти**, по происхождению указательная частица **э** и **тѣ**) и повести за собою остальные падежи, которые легко могли этому подчиниться, так как были под сильным влиянием *их, им* и т. д. (ср. *самоѣ* под несомненным влиянием *еѣ*).

Существовавшее в грамматиках до 1917 года различие: **они**, **одни** — имен. мн. ч. мужского и среднего рода; **онѣ**, **однѣ** (**однѣхъ**, **однѣмъ** и т. д.) — женского, — как и более ранее **они** — мужского, **онѣ** — женского и среднего, явилось чисто искусственно и никогда не имело опоры в живом языке¹. В говорах (об этом же говорят и памятники) было и есть или **онѣ**, **однѣ** для всех родов, или для всех же родов — **они**, **одни**.

Утрата старого различия рода во множественном числе прилагательных [в старославянском муж. р. — **ти**, женск. — **ты**, средн. — **та**, соответственно в мягком склонении — м. р. **всьи**, ж. р. **всьа** (др.-русск. **всьѣ**), ср. р. **всьа**, **всья**] — результат общей тенденции к утрате рода у прилагательных, не нуждавшихся в дополнительной характеристике при своем согласовании с существительными, тенденции, широко распространенной и в других языках.

Косвенные падежи множественного числа. Кроме замечаний, сделанных попутно по поводу форм именительного множ. ч., отметить еще следует немного. Вероятно, влияние склонения прилагательных (членных) приводило в говорах к формам вроде *тыми* — Дух. Ив. Калиты, *ис тыхъ селъ* — Дух. в. кн. Ив. Иван. (если последние не являются остатками местоимения *той, тая, тое*). Тесная ассоциация *сей* и *тот* вызывала, напр., *до стѣхъ мѣстѣ* (в моск. грамотах XV—XVI вв.; ср. *до тѣхъ мѣстѣ*): ...А на большое утверженье и крестъ есмя цѣловали, что инако мимо *стѣхъ* нашихъ договорныхъ записей до того сроку не быти (Договорн. запись о перемирии со шведами, 1585 г.). К *семъ* обыскънымъ рѣчемъ ... Яковъ Григоревъ сын Ондрѣва руку приложилъ (Суд. дело 1643 г., Фед.-Чех., II, № 116).

В говорах подобные формы известны до сих пор, но в литературном языке они были явлением преходящим. Ср., впрочем, рече-

¹ Ср. замечание в «Российской грамматике» Ломоносова: «Различіе рода во множественном не весьма чувствительно, так что без разбору один вмѣсто другаго употребляются; однако лутче в среднем и женском *онѣ*, а в мужеском *они*» (§ 431).

ние (*оказаться*) ни в *сех* — ни в *тех* — «ни при чем», употребляемое иронически и заимствованное, как можно предполагать, из диалекта.

Приставное -н- у местоимения 3-го лица. Появление в косвенных падежах форм местоимения **и, я, е** после предлогов начального **н** — явление уже древнейшего времени. Возникло оно на фоне отношений звукового характера как результат так называемого переразложения. Как есть основание думать, некоторые предлоги, а именно соответствующие нынешним **в, с, к**, первоначально звучали **вън, сън, кън** (ср. гр. еп; лат. in; др.-инд. sam; др.-инд. kam). В положении перед согласными (кроме **ј**) **н** фонетически утрачивалось, поэтому в случаях вроде, *вън — јемь, сън — јимь, кън — јему*, где все сочетание звучало «вънемь, сънимь, кънему» (с мягким **н**), предложная часть легко осмыслилась как **въ, съ, къ**, а местоименная стала пониматься как *немь, нимь, нему* и под. В дальнейшем это так называемое приставное (эпентетическое) **н** стало особенностью сочетаний местоимения **и, я, е** со всеми предлогами и позже распространилось и на наречия-предлоги (ср. *кроме их — кроме них* и под.). В начале XIX в. еще, например, пишут *между ими, между их*¹.

Кроме косвенных падежей местоимения третьего лица, это приставное **н** оставило след в словах: *недра* (из ст.-слав. *нѣдра*), ср. гр. *ἔτροп* «чрево» и *нутро*, ср. *утроба*. Оба слова искони особенно часто сочетались с предлогом **въ(н)** — ср. *внутрь, внутри*. Как на аналогию стоит еще указать на серб. *нугао* «угол» (ср. частое сочетание **н** в углу).

След былого **-н-** при предлогах имеем и в префиксах глаголов: *занять* (ст.-слав. *ѡти*) — ср. *взять* (ст.-слав. *въз-ѡ-ти*), *занудать* (ср. *узда*), *внушить* (ср. *ухо*) — из ст.-слав. *вънушити, снискать* (ср. *искать*). В XVIII и в начале XIX века в ходу был глагол *сньдать* — (о тоске, грусти); ср. устар. *снедь* «еда». Ср. и ст.-слав. *вънити* «войти»².

При именительном и винительном **сколькo, стoлькo, нескoлькo** и косвенных падежах старого именного склонения — род. п. (*до*) *сколькa*, дат. п. (*по*) *сколькy* — теперь обычны в косвенных падежах окончания членного склонения прилагательных множествен-

¹ Изредка эпентетическое **н** может переходить границы своего нормального употребления, появляясь за предлогом, от которого не зависит, например, в сочетании *в него место*: «Сядящо Святополку в него место Новогороде...» (Лавр. спис. летоп., под 6586 годом), — «в его место»; ср. нынешние «вместо его» и «вместо него».

² В старославянском приставное **н** у глаголов ограничено префиксами **въ, съ**, т. е. теми именно, которые первоначально в своем древнейшем виде оканчивались на **н**. — *Вън уши* выступает как простое сочетание предлога с винительным падежом двойственного числа.

Диалектно из образований вроде *занять, принять* извлекается в роли основной (беспрефиксной) формы *нять*: «...да Сидору с того жеребья яровой хлеб нять полевой, да гряда капусты» (Передач. запись крест. С. Демидова, 1604 г.).

ного числа. Совершившийся, таким образом, разрыв между формой именительного (винительного) падежа и остальными является результатом различия в частоте употребления: несравненно чаще нам приходится пользоваться при слове **сколько** его формой именительного-винительного, чем всеми остальными, вообще говоря, практически редкими. Влияние склонения членных прилагательных на косвенные падежи объясняется, вероятно, содействием в этом отношении склонения первых чисел: *двух, двум, трёх, трём, четырёх, четырём*.

С отношениями **сколько : скольких** ср. **много : многих** (с дифференциацией значения — «многие»).

§ 19. Из словообразования местоимений.

Тот представляет собою удвоенное **тъ—тътъ**. Так уже с XIII в. Потребность в таком образовании возникла в результате фонетического совпадения **тъ** с **то** среднего рода. Ср. параллельное древнерусское образование **сесь** из *«сьсь»*: Передо князем Данилом Васильевичем судьи ... *сесь* список положили... (Прав. грам., между 1485—1505 г.). ...Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ... *сесь* Судебник уложил (Судебн. 1550 г.)¹.

Местоимения **кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-где** и под. образовались присоединением спереди к основной части — именительного падежа средн. рода от вопросительного (относительного) местоимения *кой*. Независимость частей еще проявляется при управлении предлогами: *кое о ком, кое о чем, кое у кого*.

Ни со значением отрицания представляет препозитивный элемент в местоименных словах *никто, ничто, никакой, нигде...* и в устаревшем *никоторый*. Предлоги отделяют это **ни** от местоименной части: *ни о ком, ни о каком, ни к чему* и под. Ср. и старинное правописание: «А клепати ему татю не велѣти ни кого» (Судебн. 1497 г., 34).

Нѣ со значением неопределенности входит в состав нескольких книжных, заимствованных из старославянского местоимений: *некто, нечто, некоторый, некий, несколько*. Этимология этого **нѣ** — спорна. К. Бругман, — и такая догадка со стороны фонетической правдоподобна, — сближает это **нѣ** с лат. *nē*, видя в нем первоначальное отрицание, приобретшее затем значение неопределенности².

В старинном языке это **нѣ** еще сохраняет свою обособленность, обнаруживающуюся при числительных в самостоятельном его употреблении в значении «около»: И бѣ у неи людій нѣ 300 (Лавр. лет. — Бусл.) и в сочетаниях с предлогами; ср.: Монахъ Филагрий сказалъ: нѣвкоторое де время ... случилось ему быть и

¹ О диалектной принадлежности *сесь* см. И. Я г и ч, Критические заметки, стр. 27, 124. Б. Ляпунов, Отз. о соч. Н. Каринского, 531.

² Подробнее см. А. П р е о б р а ж е н с к и й, Этимологический словарь русского языка, I, 620; VREW, II, некий, стр. 209.

объдать у еромонаха Доробя... (Дело Ник., № 84). Кто похочеть чего вѣдать от тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по сколько денегъ (П. А. Толст.). Ср. и в народной речи — «не в котором государстве»¹. В современном литературном языке **не** (из **нѣ**)² отделяется предлогом только у слов, где оно имеет значение сказуемого «нет»: *не у кого, не за кем, не для чего* и под., но это **не** стоит с первым, если принять толкование Бругмана, только в отдаленном родстве: восходит оно к старому сочетанию *не е* (ср. *нѣту* из «не е» + «ту» = тут; *нѣтути* из «не е ту» + «ти» = тебе; *нѣт* из *нѣту* или *нѣ* и усилительной частицы *тѣ*).

-либо; кто-либо, что-либо. Этот суффикс возводит с большою вероятностью к союзам-частицам *ли* + *бо* (к последнему ср. ст.-сл. *небо* «потому что»). Издавна сходство его со словом **любо** приводило к переосмыслению его как *любо... любо...*, т. е. «хочешь... хочешь...»; ср. в Русск. правде (8—10): Мьстити брату брата, **любо** отцю, **любо** сыну, **любо** браточаду, **любо** братню сынови; в Пск. судн. грамоте (107): А кто коли заклад положит в пенезех, что **любо...** (Другие многочисленные примеры у Срезн., II, 84). — Несколько иначе VREW, II, стр. 39.

-нибудь: кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, где-нибудь и под. Этот суффикс восходит к сочетанию **...ни буди**, не примыкающему в древнерусском языке обязательно к местоимению: ...мастеры, каковы ни буди (Ярлык хана Узбека 1315 г.). А которого татя поймают с какою татбою нибуди впервые... (Судебн. 1497 г., 10). А которого татя дадут на поруку, в какове деле ни буди, и им исцов и ответчиков не волочити... (там же, 36). А ищя пошлется на послуси в заемном деле без кабалы или в какове деле ни буди... (Судебн. 1550 г., 15). Или какое платно ни буди (Домостр., 29). К переходу **буди** в **будь** ср.: Или порядни домовитая *какая ни буди* дворовая (Домостр., 56) и там же: *Где што ни будь* попортилося.

Глагольного же происхождения более или менее близящиеся к роли формальных элементов сочетания: *кто бы (то) ни был, что бы (то) ни было, какой ни есть, какой на на есть* и под.

Что касается последнего, то его **на**, скорее всего, представляет собою **най** («най есть»), префикс преегосходной степени «какой ни най есть лучший» и под.

Очень прозрачно происхождение частицы **то** в *кто-то, что-то, какой-то, где-то*, представлявшей собою первоначально указательное местоимение. Семантический сдвиг — в духе распространенной языковой тенденции к переходу определенности в неопределенность, здесь имевшей еще особенно благоприятствующее условие в вопросительных предложениях.

¹ Другие примеры — В. И. Чернышев, Отрицание «не» в русском языке, Л., 1927, стр. 97.

² Ср. древнерусск.: ...И над воровскими... людми у засѣкъ тѣми пѣшими людми промышлять вскорѣ нѣкимъ (Мат. Раз., III, № 58). ... Росправы промежъ нами чинити нѣкому (Мат. Раз., III, № 47).

Тяготеющей к сращению частицей является *за* при *что*: *что за человек* и под. Как ни разителен параллелизм этого сочетания с немецким *was für ein*, о заимствовании тут, как и в других славянских языках, трудно думать. Правдоподобнее, что исходный момент этого оборота — сказуемое с *за* в значении «в качестве чего-нибудь»: *что за диво*, напр., могло сначала значить — «что такого, что идет за диво, принимается за диво», а после переосмыслиться в духе нынешнего значения, причем *за* стало сочетаться в других подобных фразах и с именительным падежом лиц. В пользу того, что это факт вторичный, говорит употребление только *что за* и никогда не «кто за».

Официальный (законодательный, судебный) язык пользуется нередко формами, не имевшими, по-видимому, оснований в живом, разговорном употреблении и вошедшими в официальную практику по более или менее случайным поводам.

Так, вместо формы мужского рода *сей*, в судебных грамотах иногда употребляется форма *си*; ср., например: «По великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси *си* суд судил великого князя писец белозерской Василей Григорьевичь Наумов с товарищы» (Суд. грамота № 19 в «Актах», изд. А. Федотовым-Чеховским); «По государеве великого князя Василья Ивановича всея Русии грамоте *си* суд судил Михайло Губа Микулин сын Стогинина» (там же, № 20). Родительный падеж ед. числа женского рода часто выступает в виде *всеа* (позднее церковнославянское написание) в формуле «всеа Русии».

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

§ 20. Склонение членных прилагательных.

Уже в древнейшее время в славянском образовалось два рода прилагательных: одни — не ч л е н н ы е (и м е н н ы е), склонявшиеся так же, как соответствующие имена существительные (ср. старослав. *новъ, нова, ново, синь, синя, синѣ*), другие — ч л е н н ы е (м е с т о и м е н н ы е), образовавшиеся сочетанием первых с местоимением *јъ, ја, је* = «тот, та, то» (*новый, новая, новое, синий, синя, синѣ*). Даже древнейшие памятники старославянского языка в системе склонения членных прилагательных отражают уже нарушение старого принципа их образования: падежи твор. ед. муж.-средн. рода *новышмь*, дат. мн. *новышмъ*, твор. мн. *новышми*, местн. мн. *новышхъ*, дат.-тв. дв. ч. *новышма* не сохраняют в целостности первой части образования (*-омь, -омъ, -амъ, -ами, -ома, -ама, ѣхъ, -ахъ*) и заменили его заимствованной из других падежей приставкой *ы*.

Как видим, все эти упрощения представляют факты гаплогогические — выпали звуки, имевшие более или менее схожие соответствия во вновь присоединившихся окончаниях: тв. ед. муж. и ср. р. *-омь, -имь*, дат. п. мн. ч. м. и ср. р. *-омъ, -имъ*,

старого различия форм именительного падежа множ. ч. *новые, синие* (м. р.), *новья, синія* (жен. и средн.). Формы типа *новые, живые* восходят к старому винительному падежу мн. ч. мужского и женского рода — *новыѣтъ, живыѣтъ*, где *ѣтъ* фонетически перешло в *ѣ* (ср. *ее* из *еѣѣ*); *синие, дальние* — продукт аналогии к твердому склонению. Окончание *-я* в *новья, синия* представляет русскую передачу ст.-славянского *ѣ*, т. е. соответствует той же самой форме, искусственно расчлененной (*ые, ѣе* — мужской род; *ья, ѣя* — женский). Ломоносов (§ 156) во множественном числе приводит как параллельные формы (без различия рода) *истинные* и *истинныя*, *прежние* и *прежня*. Востоков (§ 40) считает уже обязательной дифференциацию, которую Ломоносов только намечал очень осторожно: «Сие различие букв *е* и *я* в родах имен прилагательных никакова разделения чувствительно не производит: следовательно обоих букв *е* и *я*, во всех родах, употребление позволяется; хотя мне и кажется, что *е* приличнее в мужеских, а *я* в женских и средних» (§ 112)¹.

Очень распространено в XVIII в. и заходит в XIX в. (Жуковский, Крылов и др.) употребление, главным образом в поэзии, формы родительного пад. ед. ч. женского рода на *-ья, -ия*, представляющей русифицированную в фонетическом отношении церковнославянскую форму. Ср.: ...Веселясь бы не встречала Полуночные звезды (Дмитр.). Досталось мне пасти иное стадо На пажитях кровавая войны (Жуковск.)².

¹ К истории вопроса см. «Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. Сухомлинова», т. IV, 1898, стр. 1—4 и 3—26.

² В памятниках такие формы, хотя подобные (на *-ые, -ие*) до недавнего времени были известны и некоторым говорам, в большинстве случаев, вероятно, церковнославянизмы. Для того, что за ними фактически скрывалось чтение *-ой, -ей*, показательны гиперизмы (мнимо правильные формы), вроде, например: Велено, государь, мне, холопу твоюму ... быти на Московские дороге (Отписка строителя Хотельского яма Конст. Загоскина, 1585 г.), т. е. формой на *-ие* заменено окончание предложного падежа. ... и тамошником у нх имати с стяга *по денге новгородския* (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писанн. в 1571 г.). ...а поверил вашей *безъверные веры* и вашему крестному целованю... (Вымышл. статейный список посольства Андр. Ищенина 1750 г.). ... и о том государь был в *великие кручины*... (там же).

В том же самом документе пишется, например: «...А з гостями и гостинные и суконные сотни с торговыми людьми впредь никаких им служеб московских и отъезжих не служить» и: «... И им перекупной пошлины в померной избе и в таможе и в мытне не давать» (Грамм. XVII в., — Крепост. мануф., III, № 43, IV); «А для той меры и описи взять ему с собою Кадашевские слободы старост...» и: «...меж Кузодом[ьянской] и Якиманской улиц против Красной церкви...» (там же, № 83).

Характерны и гиперизмы, встречающиеся в былинах, — замена формами на *-ья* и под. не только дательного и предложного падежей ед. ч. женск. рода: Уезжал Сухмантий ко синюю морю, *Ко тоя ко тихия ко заводи*. Как приехал *ко первая тихия заводи*, — Не плавают ни гуси, ни лебеди... (Сухман). ... Да ложилась спати *во ложне теплыя* (Смерть Чурила). *На мягкой перине на пуховья* (там же), но даже именительного (звательного) ед. ч. муж. рода: Говорил ему *родитель да рожденя* (Исцеление Ильи), Тутко о путь *камень* есть *неподвижныя*.

Склонение нечленное в современном русском языке, кроме некоторых притяжательных прилагательных, вымерло. Во множественном числе косвенные падежи полностью перешли в обычное склонение (членное): *отцовых, отцовым* и т. д., *сестриных, сестриным* и т. д., а в единственном — из старинного склонения сохранились только родительный и дательный падежи мужского рода и винительный падеж женского *отцова, отцову; отцову*.

Процесс утраты остатков совершается на наших глазах. Ср. у писателей: В первые два дня Петькиного пребывания на даче... (Л. Андреев). Левинсон распорядился, чтобы к вечеру собрался для обсуждения Морозкиного поступка сельский сход вместе с отрядом (Фадеев).

Лучше других сохраняет старину винительный падеж женского рода, еще не подчиняющийся каким-либо аналогическим влияниям.

Древние формы предложного падежа ед. ч. на **ѣ** и родительного женского рода на **ы** обычны в старой письменности: А на Микифоровѣ наволокъ на берегу близко воды поставлен вновь столб дубовый для признаки (Суд. дело 1645 г., Фед.-Чех., II, № 112). А он, Терюшной, ...против Семеновы исковыя челобитныя в его, Семеновѣ, в явном иску келаря старца Тихона тѣм своим приговором винит не дѣлом (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118), и рекомендуются грамматикой приблизительно до середины XIX в. (Востоковым и др.).

Естествен вопрос о причине, почему раньше всего утрачены в именном склонении формы твор. пад. ед. ч. муж. и средн. рода и дательный-местный ед. ч. женского, — утрата, о которой свидетельствуют уже грамоты XIII—XIV вв. В качестве догадок тут возможны такие. Повод избегать форм тв. ед. ч. типа *новомь, синемь* давало их совпадение с предложным ед. ч. прилагательных членных. Раннее отмирание нечленных форм дат.-предл. падежа жен. род. могло начаться прежде всего у тех, которые меняли **к, г, х** на **ц, з, с** (*льгѣка, нага, лиха — льгѣць, назъ, листь*), и потом распространиться и на все другие.

Утрата косвенных падежей множественного числа стоит в связи с широко распространенной в языках тенденцией ограничивать для него выбор форм минимальным числом. Последняя особенность в свою очередь связана с значительно меньшей сравнительно с единственным числом употребительностью множественного.

В качестве форм именительного падежа множественного числа нечленных для всех родов употребляются вместо старых — муж. рода *нови*, женского *новы*, среднего *нова* — или **-и** (так в некоторых памятниках, начиная с XIII в.; ср. и современные формы прошедшего времени — *знали, вели* и под.), или **-ы**.

В современном литературном языке в употреблении от основ на твердый согласный только формы на **-ы**. У писателей XIX в. иногда еще встречалась форма *ради*: Это кресло у меня уже

ассигновано для гостя; *ради* или не *ради*, но должны сестъ (Гоголь, Мертв. души),— архаизм, выживший так долго благодаря тому, что слово *рад*, если не считать малоупотребительного *горазд*¹,— единственное в русском (и в некоторых других славянских), выступающее только в нечленной форме. Относительно нечастые (кроме слова *ради*)² уже в документном языке XVI и XVII вв. формы на *-и*: А наши послы *не виновати* ни в чем... (Спис. с грам. Иоанна Гр. шведскому кор., 1573 г.). ...А сказывают, что *голодни* и лошадей у них нет (Грамм. из Новгород. Чети 1602 г.). ...а остались немногие людишка, и те наги, и *боси*, и голодны (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.), ... на бой и на караулы ходим, а *голодни*... (Челобитье казаков приказа С. Караулова, 1611 г.). А с того погрому мы, холопи твои, стали наги, и *боси*, и пеши (Челоб. атаману Ив. Толстого, 1614 г.). Том-де [sic!] они перед великим государем *виновати* (Дело Ник., № 36). Да они ж *повинни* работать всякие дела на царском дворе, что прилучится, безденежно (Котош., 88). ...Еще не совершенно *богати* (там же, 101). И они, стрелци, *повинни* ходить все на пожар (91). Да на святой, государь, неделе в понедельник, напився *пьяни*..., билиси кулачки... (Хоз. Мороз., I, № 67). ...От тово оне *сыти* и *богати* были (Хоз. Мороз., I, № 181). ...и к посылкам будут готовы и *поспешни*... (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.). Волки бы *сыти*, а овцы бы целы (Стар. сборн., 442),— являются, вероятно, продуктами диалектного влияния (ср. южнорусск. *молоди*, *сыти*, *богати*, *ради*, *пьяни*, *голодни*, Орл., Тул., Ряз.,— Будде). Пословица: *Чем богати, тем и ради* восходит к подобным диалектам. К ним же— встречается у Крылова (Пир) *сыти*: «Вы *сыти* будете...» Ср. еще у Кантемира (Сатира V): «...Ниже брак хулю *честны*, его же любви Пламень, нрав сходство вина; но сии *готови* Неизвестну с край света в жены себе взяти, Лишь бы в редкой росписи было что читати». В «Письмовнике» Курганова, стр. 191, еще встречается *прости*— «мы прости...» в значении «квиты». Музыкант жаловался на игрослушателя, который обещал, а ничего ему за то не дал. Но тот сказал: мы *прости* («=квиты»); ибо ты утешал мой слух приятным звуком, а я тебя моим обещанием (Кург., стр. 191).

Характерно, как отмечено Унбегауном, что прилагательные, сохранившие именительный падеж множ. числа на *-и*, почти сплошь принадлежат к сочетающимся с названиями лиц (существ).

Писатели XVIII в. (особенно поэты) свободно пользуются нечленными формами и в функции атрибутивной.

¹ Как и естественно, во множ. числе в древнерусском в употреблении *горазди*: ...А 2, государь, у нево сына грамоте умеют по книгам и петь *горазди* (Хоз. Мороз., I, № 84).

² См. напр: ...И мы своего государя *ради* всем сердцем, что нас не погубил до конца (Сказ. о Псковск взят., 10). И приезде есмя твоему добре *ради* (Отч. Я. Молв.). *Ради* там все концу нашсму (Ист. об. Азовск. сид., 10).

§ 21. Из словообразования имен прилагательных.

1. Как известно, имена прилагательные с суффиксом **-ян-** в настоящее время выступают в большинстве слов без удвоения **н** основы. Исключения представляют *деревянный, оловянный, стеклянный, жестянный* (напр., мастер) (при *жестяной* «сделанный из жести»), причем, как отмечено Д. Н. Ушаковым («Родн. яз. в школе», 1926, № 10, стр. 64), под их влиянием в произношении встречаются и «песчаный» и под. (формы с ударением на суффиксе).

У нас нет оснований думать, что эти исключения установлены произвольно в новое время: орфография светских документов XVI—XVII вв., во многих отношениях фонетическая, выдерживает их с довольно большою для нее последовательностью.

Удовлетворительного объяснения упомянутого распределения фактов нет, но условия специального положения слов с двумя **н** могут быть указаны: *деревянный и оловянный*, трехсложные по основе слова, стоят среди других особняком в том отношении, что они фонетически имели в древнем языке ударение на флексии: «деревяно́й» «оловяно́й»¹ (из первоначальных *дѣревян-, *о́ловян-; ср. *дѣрево, о́лово*), а затем, когда по неизвестной причине (может быть, благодаря длине слова) ударение в них оказалось оттянутым на суффикс **-ян-**, этот процесс был осуществлен так, что его сопровождало приобретение дополнительного суффикса **-ьн-**: *деревяньный, оловяньный*, откуда — *деревянный, оловянный*.

Характерно, между прочим, что подобную оттяжку ударения обнаруживает и украинский: *дерев'яний* (при, видимо, более старом *дерев'яний*, — ср. «Словарь укр. языка» Б. Гринченка), *олов'яний*.

Что касается *стеклянный*, то в этом слове приобретение суффикса **-ьн-** тоже связано, как есть основания думать, с изменением места ударения. Старая основа *стѣкл-ян-* в соответствующих формах членного прилагательного фонетически звучала без гласного в корне и с ударением на флексии, т. е. *скляно́й*; ср. укр. *скляний*; в др.-русском встречаем, напр.: ...И во всякой клетки поставленной по стопке скляной (Хожд. на Вост. Котова, 95). Под влиянием имени существительного *стекло́* возникла форма *стекля́нный* с новым ударением и с дополнительным суффиксом, как в случаях *деревя́нный, оловя́нный*. К фонетичности образования с ударением на флексии при корне с редуцированным ср.: *льняно́й* (имя существительное в древнем языке — *льнѣ*, род п. *льна*).

¹ Определенное свидетельство такого ударения имеем в разных списках «Домостроя»; ср. «Домострой по Коншинскому списку и подобным», А. Орлова, 1908 г., стр. 148, где приводятся встречающиеся в них формы типа *деревяно́е, деревяно́е, и деревянное, деревянные*, и стр. 157: *оловяно́й, оловяно́е при оловя́нной, оловя́нное*; «которые денежные мастера учнут делати воровски медня, или оловяныя или укладныя денги» (Улож. 1649 г., — печатн. изд. 1649 г.). — О движении ударения в членных прилагательных см. в главе IV, стр. 246.

В пределах тех же тенденций к появлению второго **н** при новом ударе находится, вероятно, и факт, наблюдаемый в случае *жестяной* и — с дифференциацией значения — *жестянный* (напр., мастер).

2. Различие окончаний **-ный, -ная, -ное** и **-ний, -няя, -нее**, наблюдаемое в современном литературном языке: *полный, полная, полное, верный, верная, верное*, но *летний, летняя, летнее, давний, давняя, давнее* (временное значение), *дальний, дальняя, дальнее*, *здешний, здешняя, здешнее* (пространственное значение) — в своей основе, как ясно из сопоставления с другими славянскими языками, является фактом глубокой древности.

В меньшем употреблении в наше время третья категория образований на **-ний, -няя, -нее** — производные от названий родства, свойства и под. *Мужний, дружный* «принадлежащий другу», *сыновний* звучат теперь архаично; чаще других, без налета архаизации, употребляется *соседний*. В XVIII и в первой половине XIX в. всё это еще довольно обычные слова. Ср.: «Супружню, Ольга, смерть отмщая, Казнишь искусством Искорест» (Ломон., Ода II). Любовь ею *супружня* мучит (Аблесимов, Быль 4). ...И сердце *матерне* себя тем утешает (Ломон., Ода 13).

Вместе с тем, надо отметить, что само различие **-ний...: -ный...** под влиянием школы в настоящее время строже, нежели в древности и даже в первой половине XIX в. В памятниках и у старых авторов читаем: ...с Николина дни *вешнаго* 112 году да до Николина ж дни *вешнаго* 114 году (Льготная крест. Демидову, 1604 г.). Ср. в передаточной записи этого же крестьянина того же года «вешнаго».---...*нынешнаго* де 112-го году... (Дозорн. память на посадск. челов. С. Поздеева и дьяк. С. Бабина, 1604 г.). ...а сее *прежнюю* жаловальную грамоту ... указали отдать Вяжицкого монастыря игумену Генадия з братьею (Жалов. грам. ц. Василия, 1606 г.). ...взяв с собою *тутошних сторонних* попов и дьяконов... (Межев. обыск 1606 г.), но ниже: И мы ... с *тутошними сторонними* людьми и старожильцы... тех межей ... и граней досматривали; ...и *тамошним* жителем тот платеж перед московским отвозом и платежом будет легче (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.), ниже: ...а *тамошным* жителем от неприятельских приходов будет надежность и безопаство...; ...истец уличал *прежними* уловками (Челоб., поданная бояр. Ф. И. Шереметеву, 1639 г.); ...для своего *многолетнова* здрравия... (Челоб. из Покров. волости к кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.). Что вы, о *позные* потомки, Помыслите о наших днях? (Ломон., Ода 6). Исполни то над *поздным* светом... (Ломон., Ода 12). Приди, мой благодетель *давний*... (Держ., Приглаш. к обеду). И ты, наш Нестор *долголетний*... (рифма — «неприметны», — Держ., На конч. благодворителя). ... Блажат свой *внутренний* покой (Ломон., Ода 14)¹.

¹ Материал, относящийся к первой половине XIX в., см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 91—93.

Два замечания о частностях:

Слово *искренний* принадлежит к прилагательным мягкого окончания не по своему нынешнему, а по старинному значению — «ближний».

Дневной, ночной; диал. *денный; восточный, западный, северный, южный*, арханч. *полночный, полуденный* — в большинстве представляют отклонения уже дорусской эпохи. *Восточный* и *западный*, по всей вероятности, свой суффикс получили в этом виде под влиянием господствующего типа префиксальных образований вообще и могли далее уже по смысловой ассоциации уподобить себе *северный* и *южный*.

3. Обращает на себя внимание довольно широкое распространение в древнерусском языке членных имен прилагательных с суффиксом *-ьн-*, заменяющих нынешние наши причастные формы, т. е. там, где мы теперь употребили бы соответствующую форму с признаком времени, вида и залога, древнерусский человек прибегал к привычным для него образованиям прилагательных.

Развернутое толкование такого прилагательного при помощи параллельной причастной формы имеем, напр., в фразе: А которого человека приведут истцы без пристава с поличным же, а тот *приводной* человек, которой приведен с поличным, учнет битичелом... (Улож. 1649 г., гл. 21, § 54). А которые *объискные* люди... в объиску скажут, что у них разбойников и татей нет... (Улож. 1649 г., гл. 21, § 61), т. е. «обыскиваемые», «подвергающиеся обыску»; ...и счетныя списки — что по тем счетным спискам доведется взять *недоборных* денег — и то все присылать к Москве (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). А как по преставлении... В. Г. Св. П. Филарета Никитича... переписываны Судной и Дворцовой приказы, и те *переписные* [«переписанные»] росписи из Судного и из Дворцового приказов взяты в Приказ Большого дворца (XVII в., Фед.-Чех. I, № 122).

Несколько реже случаи образования прилагательных, заменяющих наши активные причастия. К таким случаям относятся, напр.: А которых людей разбойники розобьют или тати покрадут, и за теми разбойники и за татьми истцы собрався следом придут в село или в деревню, и те люди, к которым следом придут, следу от себя не отведут, и про то объискати, и *погонных* [т. е. «гонящихся»] людей роспросити (Улож. 1649 г., 21, § 60). А на дачю им хлеб иметь в тех же городех с помещиков и вотчинников вместо *недостаточного* хлеба... (Из актов при «Созерц. кратк.» С. Медв.), т. е. «недостающего».

§ 22. Сравнительная степень.

Сравнительная степень прилагательных рано утратила свою флексию (см. Синт., § 8) и приобрела функции наречий. С точки зрения словообразовательной нуждаются в замечаниях такие установившиеся в литературном языке формы сравнительной степени:

Окончание -е (исторически им. пад. ед. ч. средн. р.), обычное после д, т, г, к, х непроизводной (несуффиксальной) основы, как восходящее к старому сочетанию *je*, вызывает переход д в ж, т в ч, ст в щ; г изменяется в ж, к в ч, х в ш: *тверже, моложе, круче, проще, гуще, дороже, мяче, тише*¹.

Из основ, оканчивающихся на губной, слово *дешевый* образует сравнительную степень *дешевле* по образцу *вл* перед былым *je*.

От старых прилагательных на -к(ий) с предшествующими зубными — д, т, з — сравнительная степень образуется непосредственно от корня с рефлексацией соответствующих зубных перед *j*: гладкий — *глаже*, гадкий — *гаже*, короткий — *короче*, близкий — *ближе*, узкий — *уже*. Причина того, что суффикс сравнительной степени в этих образованиях присоединяется непосредственно к корню, а не к суффиксальному *к*, лежит в том, что старые слова с суффиксальным *к* (-ък-) получили последнее, когда уже образования сравнительной степени существовали в языке. Надо однако иметь в виду, что эти отношения — факт очень давний, ибо формы с -ък- образовались уже в древнейшую пору. К характеристике предшествовавших им ср.: лит. *glòdùs* — ст.-слав. *гладѣкъ*, санскр. *ḍhúṣ* — ст.-слав. *жѣкъ*, готск. *hardus*, лит. *kartùs* — ст.-слав. *кратѣкъ*.

Подобным образом *высокий* и *широкий* с суффиксом -ок- образуют сравнительную степень в виде *выше*, *шире*. Но от *глубокий* не *глубле*, как ожидалось бы (ср. *дешевле*), а *глубже*, быть может, под влиянием слов с пространственным значением *ниже*, *ближе*. От слова *сладкий* (в русском языке церковнославянизм) сравнительная степень наряду с диалектным *слаже* звучит *слаще*, что восходит к «слажче» (контаминации *слаже* и *сладче*)².

Больше, *горше*, *дальше*, *дольше*, *меньше*, *старше*, *тоньше* имеют суффикс в форме имен. мн. ч. муж. р. (или ед. ч. среднего рода аналогического происхождения); ср. ст.-слав. склонен-

¹ Высказанное А. М. Селищевым мнение (Учен. зап. Моск. гор. пед. инст., каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941 г., стр. 188—189), по-видимому, принимаемое и В. В. Виноградовым (Докл. и сообщ. филол. фак. Моск. унив., вып. 4, 1947, стр. 41), — будто «анализ форм сравнительной степени в истории славянских языков обнаруживает, что суффикс -jes (-jъs) применяется в корневых бессуффиксных прилагательных, предлогах (*perd*—*jes*), наречиях (*rak-jes*) с нисходящей интонацией. Во всех прочих случаях суффиксом служил -ĕjes (-ĕjъs)» (сделана ссылка на предполагавшийся к изданию «Старославянский язык»), — мне не представляется доказанным, хотя, действительно, среди старославянских образований на -ĕjъ- преобладают такие, у которых гласный корня — акутированный или подударной была флексия (о древнейших славянских интонациях см. в главе IV, § 1). Русские образования, во всяком случае, прямой связи с такой приметой теперь не имеют; ср.: серб. *чѣст*; русск. сравн. степень — *чище*; серб. *тѣх*: русск. *тише*; серб. *пáче*, *пáче*: русск. устар. *паче*; с другой стороны: серб. *грѹб*: *грубее*; *крѹв*: *кривее*; *скѹп*: *скупее* и под.

² Ср.: ...Да накопють ти слажше меду словеса уст моих (Слово Дан. Заточн. по Акад. списку, XXIX). ...сладчая меду (Памятн. Смутн. врем., 764).

ние м. р. им. п. ед. ч. *мьный*, род. ед. ч. *мьныша* и т. д., ж. р. им. п. ед. ч. *мьныши*, род. пад. *мьныша* и т. д., ср. р. им. п. ед. ч. *мьне*, род. п. *мьныша* и т. д., им. п. мн. ч. муж. р. *мьныше*, род. п. *мьнышь* и т. д. Параллельные архаизмы *боль*, *даль*, *тяжелъ* — вероятно, неправильные под влиянием форм на *-ѣ*, написания вместо *боле* и под., представляющих по происхождению им. пад. сред. род. ед. ч. Ср. приводимые А. И. Соболевским (Лекции, стр. 227) формы из Чудовского нового завета: «нѣсть ученикъ боле учителя», «еда ты боле еси отца» и под.

В других случаях выступают образования *-ѣ*, *-ѣй*: *новее* (*новѣ*), *новой* (*новѣй*) и под. Первые формы восходят к именительному падежу ед. ч. среднего рода основы на **ēj*, вторые — к именительному же падежу ед. ч. мужского рода или к той же форме средн. рода, утратившей конечный гласный в духе обычной деформации наречий.

Нынешнее литературное произношение форм сравнительной степени: *сильнее*, *светлее* с редуцированным гласным на конце позволяет возводить их к старейшим формам *сильнея*, *светлея* (ср. Фонетика, § 5).

В памятниках засвидетельствованы с окончанием *я* главным образом формы, где этому окончанию предшествовало *я* (*а*). Соболевский высказывал поэтому догадку, что «современ. великорусск. крепчая, сильняя, красная, сильнея, краснея — едва ли не есть результат ассимиляции конечного *е* с предшествующим *а* (легчая) и следовавшего затем действия аналогии...»

После *ж*, *ч*, *ш* — *ѣ* фонетически должно было перейти в *а* (ср. *ближайший*, *величайший*, *тишайший*¹), но в литературный язык вошли аналогические формы — *свежее*, *ловчее*, *звончее* и под. В севернорусском наречии им соответствуют фонетические формы на *-ае*, *-ае*, которым, наоборот, уподобились остальные: *сильняе*, *добряе*. Последние были в употреблении и в литературном языке почти до конца XVIII в. Ср. из др.-русского: Выше станут потому: Воротынский церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепчае (Посл. Ив. Гроз. игум. Кир.-Белоз. мон., 6). Суд о них Ломоносова (Рос. грам., § 213) констатирует их отмирание даже на последних позициях: «Не рѣдко ради двухъ или трехъ *е*, первые склады составляющихъ, вмѣсто *ѣ* употребляется *ае*: *блекляе*, *свѣтляе*. Однако и *блекльѣ*, *свѣтльѣ* равное или лутчее достоинство имѣють». Из конца века: скоряе (Эмин, 1792 г.). Из относительно поздних примеров — *А дурный* всего есть красть (Аблесимов, Быль, 6).

В ряде случаев в литературном употреблении долго конкурировали от многих прилагательных параллельные формы сравнительной степени; ср.: *твердѣе*, *громчае* (Ломоносов), *богатѣе*, *простѣе* (Карамз.) и под.

¹ У Болотова, Письмо 20, интересна форма: Время было тогда *наилутчайшее* в году.

Утвердившееся в нынешнем литературном языке образование сравнительной степени *младший* (церковнославянизм) при *моложе* (образование наречного типа) представляет собою продукт относительно позднего отбора из предшествовавших вариантов. Так, например, в «Челобитье старицкого князя Андрея. Ив. в. князю Вас. Ивановичу», 1533 года, читаем: «Бил челом великому князю Василию Ивановичу всеа Русии *моложий* брат его Андрей Иванович... И великий князь, выслушав речи, велел *моложему* брату своему князю Андрею Ивановичу искать себе девку».

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 23. Склонение наименований чисел.

Замечания о склонении *один* сделаны выше (§ 18). *Два* и местоимение *оба* искони тоже склонялись, как местоимения типа *тъ, та, то*, т. е. так как *два* и *оба* по значению могли принадлежать только к двойственному числу, им. пад. м. р. звучал *два*, женск. и средн. — *двъѣ*, род.-местн. — *двою*, твор.-дат. — *двѣма*; параллельно — числит.-местоимение им. м. р. — *оба*, жен. и средн. — *обѣ* и т. д.

Усвоение средним родом формы муж. рода явилось как естественный результат близости вообще склонения имен среднего рода к мужскому.

Замена старого род.-местн. *двою*¹ формой *два* отражает влияние флексии имен; ср. др.-р. *вѣлку, жену* (род.-местн. дв. ч.). Это *два* держится в письменности очень долго. В XVII в. оно еще довольно часто: в *дву* закромах (Дело Ник., № 103); олова в *дву* бочках (там же, № 105); в *дву* лукошках (там же); *дву* камок вишневых четырнадцать аршин (там же); сотни случаев в Мат. Раз.; — Ср. и в XVIII в.: ...Послать ис Колегии канцеляриста (имя) и с ним *два* человек салдат с инструкцією (Указ Мануфактур-коллегии 1752 г.). *Между дву* Наголе (Кург., стр. 155). Но появление в живой речи *двух* свидетельствуется уже, напр., списками П. и И. «Домостроя»: в *двух* сих главизнах (см. Орлов, 124). И взять у властей *двух* старцов искусных и добрых (Дело Ник., № 94). Писал ко мне... полковник Федор Зыков и прислал *двух* мужиков (Мат. Раз., III, № 58). Прошу его королевского величества милости о том, чтобы мне господа была отведена на *дву* Маскалей и на *двух* хлопца и челядника моих (Котош., XXV). И медведей *двух* великих отнял (Аввак., № 25, стр. 79). Унбегаун (ук. соч., стр. 412) приводит единичные

¹ Из поздних примеров, см., напр.: ...Да пять бревен сосновых *двою* сажен к воротам же (Прих.-расх. кн. Болдина-Дорогобужск. мон. за 1585 г.). ...Или всего иного товару без весу на два рубля или больше *двою* рублей... (Уставн. грам. о сборе таможен. пошлин в Суздале, между 1606—1610 гг.). Ср. и редкую форму *двую*, контаминацию *двою* и *дву*, встречающуюся в одном из «Розыскн. дел о Фед. Шакловитом» (II, VIII, 4).

случаи формы *двухъ* из дипломатических документов конца XV и начала XVI в.: *тѣхъ двухъ* полоняниковъ (1490 г.), и под.

Сохраняется *дву* до сих пор в сложных словах типа *двудольный, двужилый*, при более новом *двух* — в случаях вроде: *двухэтажный, двухлетний*.

Остаток более давней старины имеем в *двоюродный*.

Нынешняя форма род.-предл. *двух* представляет, с укреплением в литературном и разговорном языке в роли определений членных прилагательных (*сильных. тихих*), продукт уподобления склонению их, причем форма эта осталась контаминационной — *дву-х* (из род.-предл. прилагательных). Правдоподобно, что решающая роль тут принадлежала ближайше родственным семантически формам *трѣхъ* (трех) и *четырьхъ* (четыре).

Не лишен примечательности случай контаминации *двух* и *двоих*, который встретился в «Отписной книге села Федоровского» 1615 года: «В. Василей Ондреев да Митя Степанов, на *двух* две девятых...»

Дат. *двум*, отражающий такое же влияние, прошел, кроме того, через влияние родительного-местного, откуда его *-у-* (ср. и *трем* из древнего *трѣмъ*). Древнейшая форма — *двѣма*; ср., напр.: А будетъ людыамъ добрымъ *двѣма* или *тремъ* *въ*домо (Судебн. 1497 г., 46). Под влиянием *трем* иногда возникало и *двем* (*двѣмъ*): ...И изошло дорогою до монастыря денегъ себе да слугамъ *двѣмъ* ...десять алтынъ и три денги (Прих.-расх. книги Болдина-Дорогобужск. мон. за 1585 г.).

Дат.-твор. *двумя* вместо *двѣма* (ср. и *двѣма*): ...а одному, и *двѣма*, или *трема* целовальником в ларцы не ходити, и денѣг не печатати...— Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писана в 1571 г. И собрався пошли с Олоторя подъ Саранскъ декабря въ 11 день *двѣма* дорогами (Мат. Раз., III, № 32). ...И без меня снаху мою из дворишка взял з *д(в)емя* сыны... (Хоз. Мороз., I, № 27), что касается его *-мя*, теперь почти повсеместного в севернорусском наречии и переходных говорах (*-у-* тут тоже из родительного-местного), обычно толкуют вслед за Авг. Лескином как контаминацию окончаний *-ма* (дв. ч.) и *-ми* (тв. мн.)¹.

¹ Унбегаун (ук. соч., стр. 145) вносит существенную поправку в предпологавшуюся Лескином последовательность явлений (**двума > двумя* под влиянием *трема, четырма*, у которых *-мя* из *-ма*, отразившего флексию слова *два* и подвергшегося воздействию тв. п. *-ми*): для литературного (московского) языка он по памятникам намечает такую: тв. п. *треми, четырьми*, затем — *трема, четырма* (под влиянием двойственного числа) и, наконец, *тремя, четырма*, — старейший отмеченный им пример относится к 1571 г. Но основной мысли Лескина о влиянии окончания *-ми* на *-ма* он совсем не отбрасывает, предполагая, по-видимому, при возникновении форм на *-мя* некоторую довольно отдаленную аналогичную отношений у имен существительных и прилагательных [«On a là probablement l'extension de l'alternance consonantique m/m' qui est par ailleurs caractéristique pour le rapport existant entre le datif (finale — *мъ*) et l'instrumental pluriel (finale — *ми*)...»]. Здесь, как и в других случаях, Унбегаун слишком прямолинейно представляет себе смену фактов

Древнейшие примеры форм на **-мя** от **три** и **четыре** в памятниках (XIV—XV вв.) тоже одинаково относятся к творительному и дательному: **тремя** имены (Ипат. сп. лет.), **прешедшимъ** **четырьмя** **лѣтомъ** (Жит. Мих. Клопского по Синод. сп. Макара. Миней, янв.), и под.

В говорах бывших Вологодской, Пермской и Вятской губ. это **-мя** является приметой творительного и — реже — дательного падежей склонения местоимений и прилагательных: *имя, всемя, темя, своимя, добрымя*.

Что формы на **-мя** остались в литературном языке приметой творительного, а дательный пошел путем уподобления прилагательным, это, вероятно, следует объяснить бóльшим сходством с **-ма** окончания тв. пад. **-ми**, нежели окончания дательного **м**. Ср. укр. *очима, дверима* и под. только в функции творительного, тогда как первоначально окончание **-ма** было приметой творительного и дательного.

Оба — муж. и средн., **обѣ** — жен. в род.-местн., как и *два, двѣ*, наряду со старым **обою**, получили новую форму **обу**. Но рано в памятниках появляется и другая, отражающая влияние именительного падежа — **обѣю**: *Изъ обѣю очюю яко слезы течаху* (Новг. I л. 6847 г. по Арх. сп.—Срезн.), по-видимому, еще при поддержке старой формы дат.-твор. — *обѣма*.

В дальнейшем эта форма подвергается влиянию прилагательных и сменяется новообразованием **обѣих**: *И того жъ дни или на иной день обѣихъ, мужика и жонку...*, *бють кнудомъ* (Котош., 116):

В XVIII в. узаконяются как параллельные **обоихъ** (собственно от «обое» или «обои») и **обѣихъ** (ср. «Рос. грам.» Ломоносова, § 258), а в XIX в. Н. Греч произвольно устанавливает (Русск. грамм., 1827 г., § 128), что первое соответствует мужскому и среднему, а второе — женскому роду, — употребление, дожившее до наших дней¹.

С историей родительного-предложного (местного) параллельна история дательного и творительного. Ср.: *И въ приказѣ по исцѣ и по отвѣтчикѣ соберуть поручные записи, что имѣ к суду обѣимъ стать на указной срокъ* (Котош., 118). *И черной дьяконъ Варлаамъ имѣ, ключаремъ обѣимъ, нигдѣ не говариваль...* (Дело Ник., № 40).

На вопрос о том, чем был вызван разрыв в дальнейшей судьбе между **два, двѣ**, с одной стороны, и **оба, обѣ** — с другой, можно

в литературном языке, не считаясь с тем, что новые формы могут не быть продуктом непосредственного развития на данной языковой почве, а притекать в литературный язык уже готовыми, сложившись другим путем из усилившихся в своем влиянии говоров, ранее не отраженных в литературном языке.

¹ Продукт контаминации старейшего *обѣю* со склонением членных прилагательных представляет др.-русск. диал. *обѣюхъ*: у в-обюх рук мизинцы кривы (Новг. записн. кабалн. кн. по Бежецк. пят., 1603 г.); ...ус высидает у в-обюх (там же).

ответить, кажется, только соображением о том, что **оба, обѣ** были свободнее от влияния чисел (*трѣхъ, четырьхъ*) и по значению и по употреблению («они оба», «их...», «им...») входили в сферу влияния местоимения «они».

К склоняемым прилагательным в прошлом принадлежали и **трѣе** (м. р.), **три** (жен. и ср.), **четыре** (м. р.), **четыри** (ж. и ср.), но в русских памятниках нецерковных не отражены ни древнейшее различие родов, ни формы род. мн. *трѣй* (трей)¹, *четырь* (четырь).

Формы род. п. **трехъ, четырехъ** установились как заимствованные из местного падежа (ст.-сл. *трѣхъ, четырьхъ*), но (вероятно, в отдельных говорах) некоторое время выступала еще и другая форма — **трею** (трею ангель, — Чудов. Нов. Зав. XIV в., трею, — Мстижское ев. XIV в., трею сотъ, — Посл. арх. Новг. Геннадия 1489 г.)², явный продукт влияния склонения *два*.

Творительный падеж **тремя, четырьмя** вм. старых *трѣми, четырьми*³ тоже отражает влияние флексии двойственного числа (с усложнением, о котором упоминалось при *двумя*), причем, как и при *двумя*, первоначально и дательный и творительный, видимо, в говорах совпадали (ср. дат. п. *чотырма человеком* в моск. грамоте ок. 1575 г. и примеры, приведенные при «двумя»⁴). Изредка встречается в др.-русском **треими** (Бусл.) — вероятно, под влиянием *объими*. Вполне прозрачно воздействие *пятью, шестью* и под. на форму *четырью*, которую еще Буслаев считал принадлежащей литературному языку его времени. Державин употребляет форму *четыремя* (Алмазна сыплется гора С высот четыремя скалами), отражающую влияние остальных падежных форм.

Числа **пять, шесть...** склонялись, как имена существительные женского склонения на **ь**, и такое склонение сохранили до сих пор. Ср. и согласование: ...и дати ему вязебную 10 кун (Русская правда пространной редакции), т. е. дать ему («отроку, который свяжет задерживаемого хозяином холопа») десять «вязебных» кун, десять кун «вязебного». У патриарха посол *в ту пять* дней по упросу трижда ел (Вымышл. статейный список посольства Андр. Ищеина 1570 г.). ...и *на другую пять* человек велети дати на сенокос луг... (Царск. грам. по челоб. охотников Пчевского яма, 1601 г.). ...и вино курили и на винокурнях *во всю в 5 лет...* (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.).

¹ В Новг. I лет. — безъ трѣи мѣсяць, 8 (Бусл.), следует, по-видимому, *трѣи* считать церковнославянизмом.

² См. А. Соболевский, Русск. Фил. Вестн., LXIV (1910), стр. 129. Ср. и пример Унбегауна (указ. соч., 416) из угличского акта 1572 г. — храм трею святителей.

³ Ср. еще в XVII в.: А по роспросу де унжан посадских людей, с тем вором Илюшкою под четырьми знамены было воров человек с четыреста... (Мат. Раз., III, № 84).

⁴ У Унбегауна (указ. соч., стр. 413—414) подобные примеры — из грамот начала XVI в.

Из исторических отклонений характерно частое употребление, очевидно, по аналогии *трех, четырех*, вин. падежа при названиях лиц в форме, совпадающей с родительным, у *пяти, шести* и под.: Да мы же, государь, кормим переяславцев детей боярских, Ивана Коздавлева да Володимира Савлукова с товарищи, *десети человек* (Челобитн. Лжедмитрию старосты и крестьян Закубежск. волости, 1608—1610 гг.). Да убили у них с города *добрых семи панов...* (Отписка кн. Гр. Долгорукова и Алексея Голохвастова царю Вас. Шуйск., 1609 г.). Послал де он к великому государю бити челом товарищей своих казаков *семи человек* (Мат. Раз., II, № 26). ...И велел ему прислать в Дербень для пропитанья Астраханского листа подъячего и для проведыванья вестей прапорщика да *осми человек* солдат (там же, № 30). ...И живых воровских людей на том бою взяли *пяти человек...* (там же, III, № 28). На нынешних неделях призывали они нас к себе в дом *девяти человек* пехотного чина да *пяти человек* посацких людей... (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.). Ср. современное диал. «убил пети уток» (Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, ХСІХ, № 5, 1922, стр. 40, 49). Но ср. и: ...Кызылбашской шах собирает своих ратных людей двенадцать тысяч (там же, II, 30). А в язысах взял двадцать человек (там же, III, № 5).

Под влиянием *двумя* и под. в говорах появлялись: А в суде велети с собою быти тех погостов старостам и целовальником, и волостным лутчим людем, человеком пятмя или шестья (Отрыв. наказа управителю заонежск. погостов между 1598—1605 г.).

Более архаичны: ...даны им было пожни *пятьма* человеком блиско двора... (Царск. грам. по челоб. охотников Пчевского яма, 1601 г.). А земли де им всем *десетма* человеком дано... (там же).

Под влиянием склонения *двадцать* форму двойственного числа в склонении усваивало иногда и *тридцать*: А охотников, государь, яз с теми лошаденками, с тридцатьма поставил на яму... (Отписка стройщ. Хотеловск. яма Конст. Загоскина, сентябрь 1585 г.). А поставил, государь, яз охотников на яму с теми с тридцатьма мерины... (его же отписка 5 октября 1585 г.).

О род. п. мн. ч. -десять см. в «Замечаниях о словообразовании».

В системе чисел восточнославянских языков особняком стоит название четырех десятков *сорок*.

Нет серьезных оснований сомневаться в том, что это первоначально имя существительное с материальным значением «рубаха»; в «сорок» или «сорочок» вкладывалось 40 шкур соболей на полную шубу. Аналогии подобного перехода счета конкретного в абстрактный — в языках не редкость: датск. *ol*—80, собств. «шест, жердь», по числу носимых на шесте рыб, словац. *теги*—40, заимствованное из венг. *тего*—мера зерна, состоявшая из сорока более мелких единиц (Грюненталь), и под. Древнейшие тексты еще вполне отражают старинный характер слова: Се за-

ложи Уласен ... пол села ... в десяти рублех ... да в трех сороках белки (Закл. Вл. Степ. 1349 г.). А друг у друга между переорет или перекосит на одном поле, вины боран, а между сел межа тридцать бел, а княжа межа три сороки бел (Уст. Дв. гр. 1397 г.). А дал... на тих трех селех полшестидесять сороков белки, а пополонка конь ворон в пять сороков (Новг. купч. XIV—XV вв.). ...В Мореве сорок куничь да два сорока бел да петровыщине рубль... (Догов. в. кн. Литовск. Казимира с Вел. Новгород., XV в.). Сорок соболей, цена сто пятьдесят рублей, а послан тот сорок в Литву (Расходн. кн. 1584—1585 г.), и под. (Ср. Срезн., II, 465—466) ¹.

В XVII в. мы имеем колебание между склоняемостью и устоявлением в косвенных падежах (кроме винительного) единой формы **сорока**: Сотникомъ по *сороку* и по 8 рублевъ (Котош., 90). ...въ *сорока* алтынахъ (Дело Ник., № 105). А то де село отъ Шатцкого въ *сорока* верстахъ (Мат. Раз., III, № 67), но: ...И учили собираться в селѣ Мамлѣвѣ, от Арзамаса в *сорокѣ* верстахъ (Мат. Раз., III, № 22). В селѣ Борках, от Шатцкого въ *сорокѣ* верстахъ (Мат. Раз., III, № 67). Возможна в старинном народном языке даже форма винительного падежа ед. числа от слова **сорок** при одушевленном имени существительном в виде **сорока**: «...и всю силу татарскую побили и *тех сорока богатырей побили...*» (Барсов. список «Сказ. о киевских богат.», первой пол. XVII в., 504—505) ².

В XVIII в. Ломоносов узаконяет склонение со старинным этимологическим ударением: род. *сорока*, дат. *сороку*, тв. *сорокомъ*, предл. *о сорокѣ*; мн. ч. *сороки*, *сороковъ* и т. д. (§ 255), но не точно; это правило, соответственно фактическому употреблению форм, уточняется Востоковым (Русск. грам., § 44) в том смысле, что такое склонение (он дает, однако, ударение уже современное), как — *сорока́*, *сороку́* и т. д., имеет место лишь при независимом употреблении слова. При сочетании с именем существительным родительный, дательный и творительный звучат одинаково **сорока**: *сорока человекъ*, *сорока человекам* и т. д., но *о сорокѣ*

¹ Нужно ли при этом предполагать заимствование слова из др. сев.-герм. *serk* (Педерсен) или русск. *сорок* — слово, восходящее к древнему славянскому корню, — в данном случае не имеет значения.

Решающие аргументы против заимствования слова из греческого приведены М. Фасмером в *Rozpr. slaw.*, V, 1912 г., 121—122. Со средн.-греч. *σαράκοντα* «сорок» его во всяком случае сближать нельзя: совпадение первой части случайное, а отсутствие второй и различие в месте ударения говорят против такой догадки. К литературе, указанной в «Этим. словаре» Преображенского, теперь можно прибавить еще заметку Грюненталя в *Arch. f. sl. Phil.*, XLII (1929), 318. Многочисленные другие примеры см. в «Материалах для терминологического словаря древней России», сост. Г. Е. Кочинным, 1937, стр. 334, ср. и VREW, II, 698—699.

² К склонению слова **сорок** см., в частности, в Барсов. списке «Сказ. о киевских богат.» (первой пол. XVII века): «...и как съѣжаютца злыми полки татарскими и с *сороки двѣ богатыри* ц^арегра^ацкими (456—459).

человѣках; в составе сложных чисел и в этом падеже выступает *сорока*: *въ ста сорока пяти рубляхъ*. Как отступление у Востокова отмечается при этом сочетание на вопрос *по скольку?* — *по сороку человѣкъ*. Эти достаточно пестрые отношения упрощаются и в фактическом употреблении и в грамматиках приблизительно только к середине XIX в. Множ. число от *сорок* встречаем только в архаизме *сорок сороков*; специальное употребление с по сменяется сочетанием с винительным: *по сорок рублей* (ср. и *по пять рублей* при *по пяти рублей*); предложный утрачивает свою обособленность. Причину установления именно формы родительного следует искать в аналогии *девяти*, *десяти*, повлиявших, между прочим, и на изменение места ударения; ср.: *дѣвять*—*дѣвятй*, *дѣсять* — *дѣсятй*.

Сѣто в старославянском не имело никаких отличий от обычного склонения о-основ среднего рода.

С XVI в. в русском известны примеры нарушения этого склонения: *сту саженми* (великор. грам. 1588 г.).

Примеры правильного склонения: *полуполковникомъ рублевъ* по *сту* (Котош., 90), *человѣкъ* по *сту* (131), по *сту рублевъ* (Котош., XXIII), во *стѣ пудахъ мѣди* (Дело Ник., № 42), а отъ Темникова во *стѣ* в двадцати верстахъ (Мат. Раз., III, № 64). Да съ нимъ же, Михайломъ, быть служилымъ людемъ *сту* *человѣкомъ* (там же, № 450). А на *тѣхъ засѣкахъ* стоять *человѣкъ* по *сту* (там же, № 59), ...от Вологды в девяностѣ, отъ Бѣлаозера во *стѣ* в дватцети верстахъ... (Царск. грам. пошехонск. воеводе Ем. Лутохину, 1676 г.). *Азовъ* не о *сте* *глазовъ*... (Стар. сборн. XVII в., 30). Еще Державин склоняет: «*Били* *тысячи* *вы* *стомъ*» (Пот. празд.).

С предлогом у Крылова — «*К* *ним* *на* *день* *ходит* *по* *сту* *разъ*» (Дикие козы).

В истории литературного языка XVIII и XIX вв. **сто** идет параллельно склонению *сорок*. Это же замечание относится и к **девяносто**.

Собирательные **двое**, **трое**, **четверо** и т. д. представляют собою средний род в прошлом склонявшихся в согласовании с существительными прилагательных **дѣвои**, **дѣвои**, **дѣвои** ... **четверъ**, **четвера**, **четверо**. Средний род в именительном падеже установился, вероятно, под влиянием *скольку*. Склонение косвенных падежей подверглось влиянию членного склонения прилагательных во множественном числе. С **двое**, которое в древнем языке имело и склонение по единственному числу, ср. и вышедшее из употребления **обои** (сохраняется теперь только в поговорке: *обои рябои* и в выражении *обоиго пола*).

Древнерусские формы типа **двои**, **трои**, **четверы** и т. д., как количественные числительные при именах существительных, названия которых употребляются во множественном числе (ср. Синт., § 9), — по происхождению прилагательные. В косвенных падежах от склонения **двое** ... **четверо** они отличались только местом уда-

рения: *двѣих, двѣим* и т. д., *чѣтверы, чѣтверых, чѣтверым* и т. д. (Восток., § 44).

Параллельное им *обои*, напр., *обои очки, обои ножницы* (Восток., § 53), в косвенных падежах отличалось от *оба* тоже только ударением: *обоих, обоим* (от *оба* во время Востокова литературным ударением в дательном и творительном было *обойм, бойми*, существующее теперь только как диалектное).

§ 24. К словообразованию числительных.

Русск. один из **јед-инѣ* — новообразование, заменившее старое **јед-ынѣ* под влиянием параллельного *инѣ* «один» (ср. *ино-рог* «единорог»). Первая часть — *јед-* имеет значение «только». Форма им. п. ед. ч. муж. рода подвергалась влиянию *инѣ*, тогда как другая осталась вне его благодаря отличию по ударению. К параллелизму ср. серб. *јѣдан* (из **једьнѣ*), *јѣдин*¹.

В др.-русском можно встретить, под влиянием именительного падежа ед. ч. мужск. рода, и формы вроде: ...Ови бо попове *одиною* женою оженѣвъся служить... (Лавр. спис. летоп., 39). В московских грамотах очень часто встречается выражение в значении «вместе» — с *одиного*.

Аналогическую или контаминированную форму представляют *одио* и под., например, в Новгородской 5 летописи и многих других подобных памятниках: «Еще же ... не то *одио* зло устависа...» (под 6669 годом); ср. в других списках — «одно зло».

Числа *одиннадцать, двенадцать* и под. исторически представляют собою сочетания *одинѣ, дѣва* и под. с предлогом *на* и соответствующим видоизменением *десять* (ср. ст.-славянск. на *десаѣте* — местн. пад.), совершившимся, по-видимому, в условиях специального темпа произнесения числительных уже на восточно-славянской почве.

Сознание некоторой обособленности частей отражалось еще в XVII в. во встречававшихся случаях склонения первой части: ...дочь его Овдотьца, прозвище Досатка, *трехнацати* лет... (Новг. каб. кн., 1602 г.). Максимко *трехнацати* лет (там же). А рядили охотники у казначея у старца Еустратия с монастырские вотчины на ямскую гоньбу, на год, и на лошади по *пятинатцати* рублев денег (Поручная костромских посадск. людей, 1604 г.); по *девятнадцати* алтын (Моск. грам. 1621 г.); в *трехнадцати* семьях (Грамм. 1637 г.); ...будут лет *пятнадцати* или *семинадцати* (Котош., 33); ...служилых людей на лицо нет *пятнадцати* человек (Мат. Раз., II, № 24); ...и секли их, воров, на *пятнадцати* верстах (там же, III, № 32); ...а грузом, государь, то его Антропово вешнее судно из Астрахани шло *трехнадцати* пядей с лишком... (Хоз. Мороз., II, № 21).

¹ Важнейшая литература вопроса: Б. М. Ляпунов, Исслед. об языке Синод. сп. I Новгор. лет., 1900, стр. 286—287; E. Вегнекер, Slav. etymol. Wörterbuch, I, 262 и N. van Wijk, Indogerm. Forsch., XXX (1912), стр. 382—388.

Названия десятков первоначально представляли сочетания склонявшихся два, три и т. д. со склонявшимся же как основы на согласный числительным *десять* мужского рода. К происхождению последнего ср. литовск. род. мн. *dešimtų* с явным следом твердого склонения на согласный.

Первоначально эти сочетания звучали: *два десяти* (дв. ч. им. п.), *три десяти* (мн. ч. им. п.), *пять десятъ* (род. п. мн. ч.). Два первых, стоявших особняком (старое название четырех десятков вообще вышло из употребления), изменили трехсложную вторую часть с окончанием на мягкий согласный в *-дцать*, не без влияния, вероятно, чисел *одиннадцать*, *двенадцать* и под. *Пять десятъ* и под. сохранились и сохранили независимость склонения частей, но в косвенных падежах вторая часть утратила характер управляемой формы родительного падежа множ. числа и стала склоняться по типу *двадцать*, род. *двадцати* и под. В XVII в. еще сохраняется старина; ср.: в семидесят судех (Мат. Раз., II, № 21). Стоит в обозе от Арзамасу во штидесят верстах (там же, III, № 16). Более древний пример—хотя бы: *А свињи ти, княже, гонити за шестьдесят верст около города; а в той шьстидесят новгородью гонити...* (Договор. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 г.).

Вопрос о **девьяносто**, засвидетельствованном в восточнославянских памятниках с XIV в., остается до сих пор не решенным. Остроумна догадка Ф. Ржиги о том, что оно восходит к «девять-до-ста» (и могло быть продуктом диссимилиации зубных, поддержанной влиянием *девятнадцать* и под.). Ф. Прусик, указывая на параллель греч. *enenékonta* (из **neuenē-kōntā*), лат. *pōnāginta*, возводит «девьяносто» к древнейшему **neueno-(d)kmtō*. Если так, то из всех славянских языков только восточнославянские оказались бы сохранившими глубокоую старину, причем архаическая форма лишь относительно поздно проникла в письменность¹).²

¹ Более убедительным вариантом этимологии Ржиги является гипотеза акад. И. М. Эндзелина, сообщенная автору письменно: «форма *деса (= лит. *dešim(t)s*) +до-с(ъ)та (ср. лат. *undeviginti* «19») путем диссимилиации изменилась в *десяносто, и так как эта форма была уже этимологически непонятна, то она затем изменилась в теперешнее *девьяносто*. Эта этимология недавно опубликована Эндзелином в «*Lingua Posnaniensis*», 1949.

Иначе А. А. Потехня, Из зап., IV, стр. 250, предполагавший за *-о* значение префикса вычитания (*от?*): «Счет: без- — *undeviginti*; девьян-о-сто = 9 (десятков) от ста».

² Справки о старинном счете по 90 и фольклорном *тридевяты* см. в статье С. П. Обнорского, Заметки по русским числительным, стр. 330,— Ак. наук СССР ак. Н. Я. Марру, 1935 г.

Ср. и примеры *тридевяты* из грамот XVI в., приводимые Унбегауном, указ. соч., 418: И ты бы мне прислал тридевяты кречетов молодиков (1515 г.); Да та тридевяты поминков запросных чтоб было узорочье (1517 г.). Примеры относятся, по его объяснению, к документам сношений с крымскими татарами, у которых *девять* являлось «круглым» и притом «счастливым» числом; ср. слова крымского хана послу И. Мамонову: «И нечто [если] к тебе приедет, и ты б его умел гораздо потчивати, а по нашему хотя бы у него девять ног было, а не ведаю, к тебе и одною ступит ли» (1516 г.).

Двести восходит к старому **дѣвъ сътъ**, вероятно, с фонетическим изменением конечного неударяемого **ѣ**. **Триста, четыреста, пятьсот** и под., как свидетельствует склоняемость первой части,— старые сочетания *три съта* и под. **Пятьсот** и под. в косвенных падежах, как и *пятьдесят* и под., утратило старую управляемость второй части.

Полтора восходит к «поль втора» (половина второго). Первая часть склоняется как старая **ъ-основа** *полу* (род. ед.), эта форма закрепились и за остальными падежами. Вторая часть слова изменяется соответственно роду — *полторы* (жен. рода). В начале XIX в. еще склоняли: м. р.: род. *полтора*, дат. *полтору*, тв. *полторым*, пр. в *полторе*; ж. р.: род. *полторы*, дат. *полторе*, тв. *полторыми*, пр. в *полторе*.

Еще в XVII и отчасти в XVIII в. в широком употреблении образования типа *полтретья ведра, полтретьи версты* ($2\frac{1}{2}$), *полпята, полпяты* ($4\frac{1}{2}$) и под.: Противо дверей седают три болвана великие женской по сажени по полтретье (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). Ср. еще, напр., *съ полъ-30* (Больш. Черт.) = 25 (20 и половина третьего десятка). Изменялись они подобно *полтора, полторы*.

Ср. др.-русск.: И посечено от безбожного Мамаю полтретья ста тысяч и три тысячи (Задонщ.); ...ино по полтретья алтына на день харчу идет (Хож. Аф. Ник.). К уже старинной тенденции утрачивать склонение ср.: ...И жили в Шемахе полпять недели (Мат. Раз., II, № 31).

ГЛАГОЛЫ.

§ 25. Глагольная флексия (в связи с основами).

1. Русский язык, сравнительно с древнейшим славянским состоянием, претерпел очень значительные изменения в составе своих глагольных форм. Им утрачены из старых синтетических (цельных) формы переходящего, или имперфекта (прошедшего времени, описывающего со значением повторного действия или действия длившегося), аориста (прошедшего, описывающего со значением момента совершения действия вне отношения к длительности), и значение прошедшего приобрела причастная часть старой аналитической (сложной) формы имперфекта (результативного настоящего). Формы констатации факта совершения действия: (*при*)шьлъ, -а, -о *есь*, (*при*)шьлѣ, -а, -о *еси* и т. д. (*при*)шьли, -ы, -а *суть*, утратив вспомогательный глагол, перешли в современный язык в виде (*при*)шел, (*при*)шла и т. д.

В диалектной речи отмечены (в северных говорах) редкие случаи сохранения при этих формах вспомогательного глагола (*е, есь*)¹.

¹ Подробности в статье В. И. Чернышева — «Описательные формы наклонений и времен в русском языке», — Труды Инст. русск. яз. Акад. наук СССР, I, стр. 215—216.

Утрачены в русском языке также другие сложные формы этого типа со вспомогательными глаголами, вместе с ними выражавшие значения предшествующего прошедшего (с *бяхъ*, *бяше* и т. д., с *быхъ*, *бы* и т. д. или с *есмь* и т. д. *быль* и т. д.: *бяхъ велъ*, *бяше вела* и под.; *есмь былъ велъ*, *еси былъ велъ* и под.): ...тъи бо ѣздѣль бяшетъ ко Лвови и вѣдаеть вси рѣчи (Ипат. спис. летоп., под 6797 годом); предшествующего будущего (обыкновенно с оттенком условности): ...а не на мнѣ та кровь будетъ, но на виноватомъ, кто будетъ криво учинилъ (Ипат. спис. летоп., под. 6797 годом); формы условного (сослагательного) наклонения со спрягаемым вспомогательным глаголом — *быхъ*, *бы* и т. д., сменившим еще засвидетельствованные в старославянском языке специальные вспомогательные формы условности — *бимь*, *би* и т. д.: летоп. аще быхъ вѣдѣль, не ѣхаль быхъ.

Русский язык в данном отношении пошел путем, близким к тому, который мы находим в ряде других славянских языков — напр., в чешском, польском, словенском, утративших старые синтетические формы прошедшего времени и выдвинувших за их счет, с теми или другими изменениями, аналитические формы перфекта. Причем в русском соответствующие изменения пошли, сравнительно с другими славянскими языками, дальше, так как в нем в конечном счете утратились и спрягаемые вспомогательные части прежних составных форм¹.

Распространенность схожих тенденций говорит за относительно устойчивые мотивы, определившие данные изменения. В качестве таковых можно выдвинуть следующие: значение флективных примет в аористе и преходящем в конечном счете при основах совершенного и несовершенного вида или приводило, при расхождении со значениями основ, к малосущественным (слишком тонким) оттенкам видовых значений, или, при совпадении с ними (приближении к ним), дублировало то, о чем говорила уже сама основа.

При общей тенденции языка освобождаться от несущественных формальных значений формы перфекта имели то преимущество перед синтетическими, что при единстве окончания для обоих видов давали возможность различить их одною основою: *поводил* и *повел*, *убил* и *бил*, *видел* и *завидел* и под. В памятниках светской письменности мы находим поэтому очень рано утрату аориста и преходящего и замену их формами перфекта. Уже в ряде древнейших восточнославянских памятников аорист и преходящее как живые формы не употребляются.

¹ См. и ниже — стр. 232. Подробный анализ значений древнерусских аналитических (составных) форм дан А. А. Потебнею — «Из записок по русской грамматике», II, 2 изд. 1888 г., стр. 126—298. О значении перфекта сравнительно с аористом в старославянском см., напр., А. Вайян (Vaillant) — «Manuel du vieux slave», 1948, § 249b (стр. 330), русский перевод — 1952 г., стр. 381—382.

Раньше всего утрата вспомогательного глагола в прошедшем времени совершилась в 3 л. всех чисел. Такого рода явление наблюдается не только в древнейших русских памятниках делового характера, но известно уже и памятникам старославянским.

Возможно, если судить по интересным аналогиям материала, собранного С. Слонским¹ и друг., что и в русском борьба между синтетическими и аналитическими формами прошедшего времени проходила еще при влиянии известного отталкивания от морфологической омонимии: раньше свое место уступили аналитическим формам второе и третье лицо единственного числа аористов и преходящих, где формально лицо 2-е и 3-ье совпадали: *несе*— «ты понес» и «он понес», *несъаше* (*несяше*) «ты нес» и «он нес», *видъ* — «ты увидел» и «он увидел», *видъаше* (*видяше*) — «ты видел» и «он видел», и только позже их судьбу разделили и остальные формы.

Не может быть сомнения, что исчезновение аориста и преходящего, если даже их раннее отсутствие в актовом языке толковать только как отсутствие повода употреблять их по характеру самых текстов², к середине XV в. представляло во всяком случае совершившийся факт³.

¹ St. Słon'ski, Tak zwane perfekturn w językach słow., — Prace filolog. X (23), 1—33. В. Погорелов, Употребление форм прошедшего сложного в тексте Еванг.— Sb. fil. fak Univ. Komen., Bratisl., III (1925), стр. 217—224. Ср. Н. Ван-Вейк, Slavia, V, 2 (1926), стр. 348—350.

² Ср. повествовательный характер аориста и преходящего при констатирующем — перфекта. Подробно вопрос рассматривается Е. С. Истриной — «Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи», «Изв. Отд. русск. яз. и слов., XXIV, 2 (1923), стр. 97—125. У нее же ссылки на предшествующую литературу. Ср. еще А. А. Потемня, Из записок по рус. грамм., II² (1888), стр. 231 и дал.

Процесс утраты, как можно судить, напр., по аналогиям сербского языка, до сих пор сохраняющего старые аналитические формы, но при известных оттенках в значении допускающего отсутствие вспомогательного глагола (чаще всего — в 3 лице ед. ч.), был, вероятно, постепенным и совершавшимся с теми или другими частными ограничительными условиями. О сербских фактах см. замечания Люб. Стояновича — «Реченичне конструкције без *verby-a finitum-a*», — Южнословенский филолог, III (1922—1923), стр. 7—10.

³ Ср. в XVI в. такой, напр., случай непонимания аориста: Послах де есми по всем градом на еретики грамоты (Посл. новгор. архиеп. Геннадия митрополиту Зосиме).

Люди, пишущие еще с установкой на церковнославянский язык, естественно, и в XVII в. употребляют формы преходящего и аориста, но характерно, что даже такой по своему времени образованный человек, как Сильвестр Медведев, пишет, не представляя себе точно уже самой природы аориста: «И тогда паки благородная царевна София Алексеевна глагола им «Добре есте днесь соделасте, яко покорно придосте...» (Созерц. краткое).

Дольше всего в древней письменности и у писателей XVIII в. держится в употреблении аорист 3 л. ед. ч. от глагола «умереть» — *умре*, очевидно, с оттенком известной благоговейности.

Не что иное как переключенную в стих цитацию из Евангелия представляет: «Ты вечен; — но твой *изиди* дух» у Державина (Христос).

В шутовском стиле возможны: «Охотно мучатся, но естьли ночь *наста*, Тогда и их раздор, как прочих брань, *преста*» (Чулков, Стихи на качели). Ср. и в эпиграмме Пушкина на Булгарина: «Фаддей *роди* Ивана, Иван *роди* Петра. От дедушки болвана Какого ждать добра?»

Отмечалось (ср., например, Е. Будде, Лекции по ист. русск. яз., изд. 2, 1914, стр. 286—287), что в светских памятниках аорист употребляется намного дольше, чем преходящее.

2. Изменения внешнего вида унаследованных форм глагола отчасти — фонетического, отчасти — аналогического происхождения.

В 1-ом (-е-) и 2-ом (-не-) классах фонетическим отражением является в настоящем времени -у в 1 л. ед. из старого носового о: *несу, веду, двину*; соответственно — в 3-ем и 4-ом — ю; фонетическое же отражение старых *несемъ, ведемъ, тълкнемъ* имеем в *несём, ведем, толкнём* (ср. Фонет., § 5).

Никаких сомнений не возбуждает как аналогическая форма 2 л. мн. ч.: вместо известных из говоров фонетических *несете, ведете, толкнете* литературный язык знает только *несёте, ведёте, толкнёте*, обязанные своим возникновением влиянию *несёшь, ведёшь, толкнёшь, несём, ведем, толкнём*.

2 л. ед. ч. не объяснено бесспорно: древнеболгарские (старославянские) памятники имеют сплошь окончание -ши, в древнерусских памятниках XII—XIII вв. с сильным церковнокнижным влиянием тоже господствует -ши, в светских XIII в. — -шь; о последнем окончании свидетельствуют также живые славянские языки и древнейшие их памятники. Относить, однако, последнее окончание к древнейшему времени как параллельное окончанию -ши уверенно нельзя ввиду того, что -шь может быть продуктом особой жизни славянских языков, и думать так можно по следующим основаниям:

1) хотя в древнеболгарском сплошь имеем -ши, в современном болгарском выступает только окончание -ш, которое могло явиться из -ши в результате уже отмечавшейся выше тенденции сокращать окончания, обеспечивающие и в сокращенном виде нужную морфологическую очерченность;

2) близко родственный русскому языку украинский одинаково имеет окончание -ш, но без перехода предшествующего е в і, хотя при исконности -шь такой переход должен был бы иметь место (ср. фонетически схожие формы: *вів, віз, грабіж* и под. из *вель, везь, грабежь*).

Переход *несшь* в *несёшь* и под.— чисто фонетический (е перешло в о со смягчением предшествующего согласного перед отвердевшим ш; см. Фонет., § 5).

Старинное окончание 2 лица ед, числа -си у трех глаголов атематического класса [с основой (корнем), оканчивавшейся еще в дославянский период на d] заменено новым, перенятым из тематических классов — -шь¹.

¹ Объяснение отношения между собою обоих, несомненно родственных, окончаний, которые с полной определенностью (если не считать вопроса о -ši-(šь), — см. выше) должны быть приписаны уже древнейшему славянскому языку, — в аспекте сравнительно-историческом не представляет больших трудностей. Согласный звук первого окончания должен был иметь своим предшественником звук sh, а этот звук—s в положении за і. Следовательно, дан-

Наиболее спорным является вопрос о 3 л. ед. ч.

Сопоставление фактов старославянского языка и живых славянских склоняет к мысли, что древнейшие отношения, из которых развились современные, близко соответствовали тому, что мы в настоящее время имеем в литературном украинском: в I, II и III классах (т. е. классах с приметами *-е-*, *-не-* и *-j (i) -е-* — отсутствие окончания (чистая тема), в IV (*-и-*) и V (на согласный) *-ть* в соответствии древнейшему *tī*: **несе*, **веде*, **могне*, **тълкне*, **чеше*, **ръже*, но *носитъ*, *водитъ*, *дасть*, *ьсть*. Позже окончание *-ть* в большинстве русских говоров распространилось и в классах I, II и III.

В объяснении нуждается следующее. До второй половины XIV в. в памятниках, отражающих русский язык, пишется 3-е лицо ед. ч. исключительно с *-ть*, а не с *ть* (которое, кстати сказать, подкреплять могли бы и влияния церковнославянского языка); *-ть* появляется впервые как бесспорный факт в Духовной Дмитрия Донского: *вѣдаеть*, *перемѣнить*¹.

Некоторые склонны изменение *-тʰ* в *-т* толковать как фонетическое, совершившееся параллельно в 3 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч., где вместо, как можно догадываться, исходных *nesō*, *vedō*, *тъknō*, *česō*, *ръžō*, *posētъ*, *vodētъ*, *dadētъ* обобщилось *-ть*, выступающее затем в виде *-ть* в то же самое время и в тех самых памятниках, что и *-ть* 3 л. един. ч. Ср. в Дух. Дмитр. Донск.: *имуть*, *потянуть*.

Фонетическое объяснение сталкивается со значительными трудностями: если отсутствие отвердения в *кость*, *грудь* и под. можно объяснять влиянием всей системы склонения основ на *-ь*, то совсем трудно понять отсутствие отвердения в морфологически изолированных наречиях *вспять*, *опять* или в слове *есть* — «имеется»². С этой же точки зрения привлекают к себе внимание и факты некоторых говоров бывш. Олонецкой губернии и немногих других: *идуть*, *несуть*, *глядять* и под. при *идет*, *несет*, *глядит* и под.³

ное окончание в его нынешнем виде, по всей видимости, первоначально должно было возникнуть у глаголов только одного класса — с приметой *-i-*, а на остальные могло распространиться уже только аналогически.

¹ А. А. Шахматов (Очерк древнейшего периода истории русск. яз., 1915, 486) приводит несколько отдельных примеров *-ть* из новгородских памятников XIII в.

² Об отталкивании от омонима *ест* не приходится думать, поскольку то же самое мы имеем в говорах, где *ьст > ист*. — Что касается др.-русского *назадъ* («...и он отдасть назадъ все», «...и им так же тот грабежь весь отдати назадъ», — Догов грам. вел. кн. Вас. Вас. с княз. галиц. Дмитр. Юрьев., 1436 г.), к которому может восходить позднейшее *назад*, то это случай ненадежный: *назад* и *назадъ* могут быть по происхождению различными образованиями.

³ На фонетическом объяснении перехода *ть* в *т* вновь энергично в недавнее время настаивал А. М. Сел и щев (Учен. зап. Моск. городск. педаг. инст., вып. I, том V, 1941, стр. 182), не внесший, однако, в вопрос новых решающих аргументов.

Даже наречия, оканчивающиеся на губные, не обнаруживают в севернорусских говорах тенденции к отвердению; там, где говорят *вновь*, *впрямь* и под., вряд ли действовала тенденция *ведеть* и под. изменять в *ведет*. Аналогии болгарского и чешского языков (добавлю и указание на диалектное отверде-

Более вероятно поэтому морфологическое объяснение: -тъ, вероятно, существовало в отдельных северных говорах как наследие уже древнейшего славянского диалектного дробления, и только относительно поздно такие говоры, далее усилившиеся вообще в своем значении, проникли в письменность. Как и старославянское -тъ в 3 л. ед. ч., русское т-, может быть, восходит к очень древнему влиянию 3 л. ед. ч. аористов типа *пимъ* (ср. *пи*), *умрътъ* (ср. *умръ*), в которых *тъ* по происхождению параллельно др.-прусским формам 3 л. ед. ч. на -*ts* из -*tas* (*dinkauts* и под.), в свою очередь представляющего указательное местоимение (Фортуатов)¹. Не исключена также (но никак не больше) возможность, как допускал В. А. Богородицкий (Очерки по языковед. и русск. языку, 3 изд., стр. 431), что в данном случае отразилось в древнейшем славянском языке влияние окопчания 3 л. ед. ч. повел. наклон.: санскр. *bhāga-tu*. Под влиянием форм 3 л. ед. ч. изменилось и окончание 3 л. мн. ч., и только отдельные архаические говоры, о которых упоминалось выше, может быть, сохраняют еще следы первоначальных отношений.

Возможна и догадка, что отверждение -тъ совершалось в севернорусских говорах только в положении перед твердым согласным следующего за глаголом слова (*несет дрова, ходит по полю* изменялись в *несет..., ходит...*). В дальнейшем формы на -т обобщались, причем *несет* и под. в соответствии со старой фонетической тенденцией изменилось в *несёт* и под. Приведенные факты различной судьбы окончания единственного и множественного числа в олонечких и других говорах пришлось бы при этом объяснять как семантическую утилизацию вариантов.

Возможно, наконец, и такое объяснение: тенденция к отверждению *т* перед твердыми согласными следующего слова могла оказаться тем более естественной, что теоретически вероятен еще и специальный момент в развитии формы 3 л. ед. ч.: когда под влиянием совершавшегося в XIV в. отвердения *ш* во 2 л. ед. ч. образовались формы на -*ѣш*, из них «*ѣ*» стало переноситься в 3 л. ед. ч.; сочетание -*ѣть*, как чуждое отношениям русской фонетической системы, в северных говорах стало обнаруживать стремление к замене конечного мягкого согласного твердым. Затем из форм вроде *идѣт, ведѣт т* было усвоено глаголами с накоренным местом ударения: *режет, знает* и такими, как *носит, ходит* и под.

С. П. Обнорским относительно недавно (Изв. Отд. литер. и яз., 1941, № 3) в статье «Образование глагольных форм 3 ли-

ние *тъ* в *т* в украинском) мало что доказывают, ибо болгарский и украинский языки обнаруживают специальные тенденции к отверждению согласных, а чешские инфинитивы, на отверждение в которых конечного *t* указывает Селищев, могли находиться под влиянием супинов с их твердым *t*.

¹ Старославянское *тъ* в третьем лице глаголов, Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XIII₂, стр. 1—44.

Ранее гипотезу о влиянии местоимения *тъ* поддерживал Р. Ф. Брандт в «Грамматических заметках», II, 2 изд. 1886 г.

ца настоящего времени в русском языке» (стр. 29—48) высказано предположение, что оба окончания — *ть* и *тъ* — реликты былых указательных местоимений, присоединенных к соответствующим формам глагола. В *тъ*, по его предположению, можно было бы видеть окаменевшую форму им. падежа ед. ч. муж. рода, или подвергшуюся редукции форму того же падежа жен. рода (*та*), или же даже ту или другую форму множ. числа женск. и средн. рода (*ты*, *та*); подобным образом в *-ть* могла бы усматриваться испытывавшая редукцию форма местоимения в им. мн. ч. мужского рода (первоначально *ти*). Подтверждение своей догадки он видит в отмеченном выше диалектном распределении фактов — *-т* — в 3 л. ед. ч., *-ть* — в 3 л. мн. ч. Высказанные акад. С. П. Обнорским предположения мало убеждают, однако, уже по одному тому, что вопрос о русских формах без окончания и с окончаниями *-ть* — *-т* им отрывается от ближайше родственных — в других славянских языках и далее. Древность, таким образом, о которой надо вести речь, значительно глубже той, которую он имеет в виду. Не подкреплены аналогиями и отдельные принимаемые им вариации (деформации) окончаний. При всем этом, конечно, остается правдоподобным, как думают и некоторые другие лингвисты, что, действительно, глагольная флексия вообще возникла в связи с местоименными элементами¹.

В памятниках иногда встречаются теперь только диалектные глагольные формы изъявительного наклонения, главным образом I класса, без окончания (на *-е*). В литературном языке след их остался только в уже тоже теперь вышедшем из употребления союзе *буде* «если». А. А. Шахматов в «Исследовании о двинских грамотах XV в.», 1903, стр. 117, отметил, что все попадающиеся в последних случаи находятся только в придаточных — условных предложениях. Обнорский дополнительно к этому наблюдению обратил внимание на то, что, начиная со старейших русских памятников, глаголы без *т* употребляются часто в безличных конструкциях: *достои*, *подобает* (много примеров в южнорусских «Пандектах Никона Черногорца», XII — XIII вв.).

Вполне удовлетворительно ни тот ни другой факт не объяснен. Обнорский думает, что «в этой функции, в безличном употреблении соответственный предикат должен был обслуживаться глагольной формой без *-t*, так как в соответственных конструкциях предложений не мыслилось связи предиката с каким-либо субъектом» (стр. 45). Шахматов свое наблюдение не сопровождает каким-либо объяснением, а Обнорский по поводу него думает, что суть дела заключается в сочетании глагола с субъектом, выраженным неопределенным местоимением *кто*, а в одном случае соответствующая форма употреблена в предложении бессубъектного типа, и, кроме того, почти во всех предложениях с лич-

¹ Обширные диалектологические справки и более подробное развитие этой мысли см. и в его книге «Очерки по морфологии русского глагола», М., 1953, стр. 118 и дал.

ными конструкциями подлежащее и сказуемое стоят в непосредственной близости друг к другу (там же).

Факты допускают, однако, и другое понимание. Буде, особенно в функции, близкой к союзу, легче других форм могло деформироваться (ср. семантически родственное ему *е* «есть»). В большинстве примеров из двинских грамот соответствующие глагольные формы стоят перед словами, начинающимися с зубных согласных: «а изоиде та 5 лет...», и под., т. е. может быть, перед нами здесь только фонетико-графический факт — «изоиде(т) та...», и под.

Достои, подобае легче других глаголов могли утратить свое окончание в обычных именно для них сочетаниях *достоить ти, подобають ти*.

Нескольких дополнительных замечаний требует V (атематический) класс: кроме *есть* (3 л. ед. ч.), к нему относятся в русском литературном языке в настоящее время только два глагола: *дам* и *ем*. Изменения, которым они подвергались исторически, — главным образом аналогического порядка; фонетическим является только переход конечного *мь* в *м* (отвердение) в 1 л. ед. ч.: *дамь, ѣмь* > *дам, ем*. Последнее изменение привело к стойчивой потребности устранить совпавшие таким образом с 1 л. ед. ч. формы 1 л. мн. ч. (*дамъ, ѣмъ*). Это устранение в русском языке совершилось сравнительно с другими славянскими языками своеобразно: как формы 1 л. мн. ч. настоящего времени стали употребляться формы 1 л. мн. ч. повелительного наклонения — *дадимъ, ѣдимъ*, откуда современные *дадим, едим*. Хотя такое изменение мы видим только в русском языке (и в одном говоре болгарского языка — у банатских болгар), смысловые основания для него, рассуждая теоретически, были вообще благоприятны: глагол *дамъ* искони имел значение будущего времени, значение, близко соприкасавшееся с адгортативным (пригласительно-побудительным) 1 лица мн. ч. повелительного наклонения. Что касается *ѣдимъ*, то путь для его проникновения в настоящее время зависел уже от влияния сходного принадлежностью к тому же классу *дадимъ*.

Замена старых *дамъ, ѣмъ* новыми формами настоящего времени — *дадимъ, ѣдимъ* благоприятствовала далее усвоению и 2-го лица повелительного наклонения *дадите, ѣдите* в роли настоящего времени. Стало это тем легче, что вместо формы *дадите* рано в той же функции повелительного наклонения начали употреблять образования от параллельной основы: *дай, дайте*, и форма *дадите* тем самым оказалась поддающейся использованию для новой морфологической роли¹. Что именно таков был путь

¹ Благоприятствовала ли еще усвоению форм *дадим, дадите* форма 3 л. мн. ч. *дадять* (ср. *простим, простите: простят* и под.), нельзя сказать определенно, так как данные памятников не позволяют решить вопроса, что установилось раньше — *дадите* и *дадим* при *дадять*, или *дадуть* (см. ниже) еще при *дамъ, дасте*. Теоретические соображения, однако (о которых ниже), скорее ведут к последнему предположению.

аналогии (сначала в значении будущего времени изъявительного наклонения стала выступать форма 1 л. мн. ч. повелительного наклонения, а затем и 2 л. мн. ч.), об этом говорят и факты белорусских говоров, отражающие подобный процесс вытеснения в первую очередь старой формы 1 л. мн. ч. «*дадзём, ядзём*» (с приравнением к I классу) при сохранении 2 л. мн. ч. *дасьце, ясьце*.

Хронологические данные, которые извлекаются из памятников, в общем согласуются с высказанными предположениями.

Отверждение конечных губных свидетельствуется определенно в новгородском и московском говорах с XIV в., причем раньше после слогов палатальных, чем непалатальных. Первые случаи появления основы *дад-* в роли будущего времени встречаем с XIV же века: не выдадите (Новгор. летопись).

Старинное окончание 2 лица ед. числа *-си* у трех глаголов атематического класса [с основой (корнем), оканчивавшейся еще в дославянский период на *d*] заменено новым, перенятым из тематических классов — *-шь*: т. е. вместо *даси, яси, (вьси)* позже стали выступать формы *дашь, ешь, (вешь)*. Старое *-си* дольше всего держалось во вспомогательном глаголе архаического употребления — *еси*, слившись с *-с-* основы (*es-*); ср. в фольклорном употреблении — «Ох ты гои *еси*, добрый молодец». Формы *даси* и *еси* в наше время еще встречаются в очень немногих говорах, почти исключительно северных.

Соболевский (Лекции, 4 изд., стр. 251) толкует новые формы на *-шь* как переосмысление старых форм повелительного наклонения *дажь* — *дашь, ѣжь* — *ешь*. Роль форм повелительного наклонения тут, действительно, вероятна (ср. усвоение русским языком форм 1 и 2 л. множественного числа повелительного наклонения в качестве форм изъявительного), хотя в ряде славянских языков распространение окончания *-ш* у этих глаголов совершилось и без подобной поддержки.

В форме 3 л. ед. ч. в севернорусских говорах произошла замена старого *-ть* новым *-т*, заимствованным из других классов: *даст, ест*.

Окончание *ть* у этих глаголов держится дольше, чем у других.

Обращают на себя, напр., внимание формы «а отводу не даст» (39); «А у кого во дворе или под окном на улице и в ызбе собака изъестъ стороннаго человека» в «Судебнике» 1589 г. (53) (список конца XVI — начала XVII в., так наз. Барсовский) [при очень многочисленных формах на *-т* других классов. Единственное отступление — «А крестьянин у крестьянина на одной деревне между перекосит или переореть... (26)], или *дасть* при формах «построит», «розчистит» и под. в Закладной 1648 г. (Акты юр., II, № 126, VII). Все это, по-видимому, в тех или других гово-

рах сохранившиеся и отражавшиеся в письменном языке черты старины¹.

Наименее ясны условия, вызвавшие замену в 3 л. мн. ч. старого *дадять* (я из носового е) новым *дадутъ* (*дадутъ*)². Предложенные объяснения не устраняют трудностей: так, указывалось (Вондрак) на возможность влияния *будутъ*, — такая догадка хорошо бы объясняла различие *дадутъ*, но *едятъ*, так как значение будущего времени принадлежит только первому, но при ней остается сомнительным влияние слова с другим местом ударения (*будуть* — *дадять*).

Высказывавшаяся догадка о влиянии причастий настоящего времени (ср. ст.-слав. им. ед. ч. муж. р. *дады*, род. *даджита*, им. ед. ч. жен. *даджити*, род. ед. ч. жен. р. *даджитѣ* и т. д., чему соответствуют русск. формы — *дадуча*, *дадучи*, *дадучь* и под.) убеждает еще меньше ввиду малой употребительности этого причастия именно от данной основы.

Замена в литературном языке и в говорах формы *дадять* господствующей теперь *дадутъ* совершилась, вероятно, еще до проникновения в парадигму форм *дадимъ*, *дадите*, которые поддерживали бы старинное окончание *-ятъ* по аналогии IV класса (*хвалимъ*, *хвалите*, *хвалятъ* и под.), и с таким предположением в согласии стоит укр. *дадутъ* при *дамо*, *дасте*.

Смена старой формы *дадять* новой литературной *дадутъ* отражена, например, в «Уставе князя Ярослава Владимировича вост.-русской редакции» (Пам. русского права, вып. первый, М., 1952). Так, в статье 31-ой еще пишется: «Аже девка всхочеть замужь, а отецъ и мати *не дадятъ...*», а в статье 22-ой уже «Аже девка не всхочеть замужь, а отецъ и мати силою *дадутъ...*»

Слабая убедительность догадок о форме 3 л. мн. ч. *дадутъ*, *дадутъ* как обязанной своим появлением позднейшим морфологическим влияниям заставляет серьезно считаться с другой возможностью. Такого рода формы в настоящее время полностью охватили все восточнославянские языки, болгарский и сербохорватский³, в которых на существование форм *дадять*, *дадать* указывают только древнейшие памятники. Факты, сохранные санскритом, — 3 л. мн. ч. *dād-ati* «даютъ», но *ad-ānti* «едятъ», свидетельствуют о старинном морфологическом различии в 3 л. мн. ч. наст. вр. между корнем со значением «дать» и корнем со значением «есть». Не вдаваясь в сложные детали вопроса, такие, напр., как

¹ В севернорусских говорах известно употребление *даст* также в значении настоящего времени. Ср. такое употребление и в памятниках; напр., в «Хожении» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.): «...ветр нас встречает и не даст нам по морю ходити» (стр. 50). «... в(з)ял у ме)ня на перехватку 2 рубля денег ... и мерина ... моево и дву рублев ден(ег) и по)ся места не оддаст» (Челоб. посадск. человека С. Перекислова, 1611 г.).

² В приписке, напр., к духовной грамоте моск. князя Ивана Даниловича Калиты (1327—1328 гг.) еще пишется: «а то раздадять по попяямъ», «а то роздадять по църквемъ» (в значении повелительного наклонения).

³ В словенском *dadō* и *dadē*, *jedō* и *jedē*.

славянская рефлексация слоговых носовых, можно предполагать, что современное русское отношение — *дадут*, но *едят* — принципиально восходит к глубокой старине, причем наряду с *дадѣть существовал параллельный ѣдѣть дублет дадѣть, раньше проникший в памятники, но в подавляющем большинстве восточно- и южнославянских говоров вытесненный более в них издавна распространенным дадѣть.

О чисто книжных формах 1 л. ед. ч. *есми* и 1 л. мн. ч. *есмя* см. выше (Фонетика, § 5). Непонимание искусственной формы *есми* в XVII в. выступает, напр., в случаях смещения ес с формой 1 л. мн.: ...Заняли *есми*... Николских казенных монастырских двадцать рублей денег Московских ... а в тех *есми* деньгах мы займшики... (Закладная 1668 г., Акты юр., II, № 126, IX); ср. и № 126, X (1669 г.), № 127, I (1606 г.), III (1622 г.), или, наоборот, — «Се яз ... отступился *есмя* ... великого князя земли, а своего посиля...» (Н. С. Чаев, Северн. грам. XV в., 159). Се яз, Никифор Борисов сын Попов, ...занял *есмя* у Матфея Федорова сына Левского денег 3 рубли московскую... (Новгор. зап. кабалнь. книга, 1596 г.). «...да приехал *есмя* ... с тем Софоном, да и с теми понятыми в монастырскую деревню на Науково; аж ... монастырской человек Иванко лежит мертв (XVI в., Фед.-Чех., I, № 45). К колебанию ср. также: «Се яз князь великий Иван Васильевич дал *есмь* Илемну...» и «А дал *есми* Илемну манастырю...» (Грамм. в. кн. Ив. Васильевича, 1467); во множ. числе: Сами *есми* себе два брата, а внуки *есмя* Едимантовы... (Задонщ., 217 об.)¹.

Превратившееся теперь в сказуемое неизменяемое слово *нет* (по старой орфографии — нѣтъ) представляет исторически продукт стяжения — *не е* (3 л. ед. ч., параллельное *есть*), осложненный приставным *ту* «тут»: *нету*, откуда позже, с утратой конечного гласного, — нынешнее окончание. В говорах *нету* усложнилось еще добавочной частицей *ти* — *нетути* — из энклитического местоимения 2 л. ед. ч. (дат. п.). Из *нетути* издавна возникла сокращенная форма *нетуть*. В памятниках, уже таких, как «Русская правда», засвидетельствованы *нѣту* и *нѣтуть*; *нѣтъ* см. в «Повести врем. лет» и в других. Точно соответствующие русским образованиям *nieću* и *nieć*, ныне вымершие, часто употреблялись и в польском языке в XV и XVI вв. (см. А. Brückner, Słownik. etymol. jęz. polsk., стр. 359); в словацком и сейчас имеем *nieť*, *nieťo*.

¹ Обращает на себя внимание в юго-западных и русских грамотах относительно частое употребление *есмь*, *есмя* и под. при формах деепричастий прошедшего времени, являвшееся, по-видимому, одной из грамматических фикций торжественности канцелярского языка. См., напр.: «...яз князь великий Олег Ивановичь, сгдав *есмь* с своимь отцемь с владыкою с Васильемь и с своими бояры ... дал *есмь*...» (Грамм. в. кн. Олега Ив. Рязанск., 1356 г.).

Ср. употребление, видимо, в живом языке: «...а вина *есми* не пивал, ни сыты» (Хож. Афан. Никит.).

Нѣсмь (из не есмь), **нѣси** (из не еси) и под., по-видимому, только книжные формы.

Форма 3 л. мн. ч. **суть** может считаться живою только в древнейших памятниках русского языка, напр., в «Русской правде»: «А оже будутъ холопи татье, любо княжи, любо боярьстни, любо черньчи, их же князь продажею казнить. Зане *суть* не свободьни, то двоици платити истьчю за обиду» (436—443).

Позже *суть* в его точном грамматическом значении не всем понятно:

Тыже, буй сыи, а утроба буюго яко изгнившіи сосуд; ничто же удержано им *суть* (Посл. царя Иоанна Вас. князю Андр. Курбскому). ...а то *суть* обыкность курсаров турецких, когда не смеют с кем биться, тогда выставляють бандеры, или знамена христианских знаков (Путеш. П. Толст.). А тот вышепомянутый капитан Виценций служит в Венецкой Речи Посполитой из платы, а служба его *суть* такая (там же). У П. А. Толстого такое употребление особенно часто: ...Пред Ним лишь преклоняйте И дух ваш и главы; Но суетны *суть* вы! (Держ., Умиление).

Распределение форм настоящего времени по классам в существенном в русском языке продолжает отношения, унаследованные из древности. Обращает на себя внимание сравнительно с другими языками относительно небольшое:

1) **Хочу, хочешь, хочет** (III класс), **хотим, хотите, хотят** (IV класс), при инфинитиве **хотеть**, предполагающем образования IV класса. В подавляющем большинстве славянские языки свидетельствуют о том, что настоящее время этого глагола шло по спряжению III класса и только 3 л. мн. ч. выступало в форме IV класса; ср. ст.-слав. *хотѣтъ* при остальных формах с основой *хоще* — из **chotje* — и укр. *хоче* и т. д., *хочуть* при *хотять, хтять*. Такое смешение обоих классов — явление уже глубокой древности. По-видимому, в русском языке влиянию именно 3 л. мн. ч. обязаны своим появлением **хотим, хотите**, — факт, аналогичный которому находим, напр., в болгарском говоре Ахрѣчелеби (в Родопских горах). Высказывалось мнение (Вондрак, Vergleich. slav. Gramm.², II, 120), что первоначально именно отношения русского литературного языка, но такая догадка имеет против себя слишком много показаний других славянских языков.

Нынешний супплетивизм в спряжении глагола «хотеть» — факт, хорошо засвидетельствованный в древнерусском; см., напр.: ...Да и то нам говорил, что *хочеш* быти неприятелем нашим, Казимеровым детем королевым, неприятель: и мы с божиею волею *хотим* то дело делати, как бог *захочет*, так то дело будет (Статейный список сношений в. князя Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1493 г.). ...*Хотят* ли опять к нему или не *хотят* (там же).

Ср. с этим «...а в которой день *похочете* в которое поле ехать

для гаю, и вам в тот день заказать в той украине охотником, чтоб не ездили...» (Письмо ц. Алексея 1650 г.), и под.

2) Бегу, бежишь, бежит, бежим, бежите, бегут.

К инфинитиву *бежать* и в соответствии формам 2 л. ед. ч. и под. ожидалось бы 1 л. ед. ч. «бежу» и 3-е л. мн. ч. «бежат», известные в старославянском и в диалектах. Ср. и в памятниках: И от великого князя Дмитрия Ивановича стязи ревут, а поганые *бежат* (Задонц.). ...И все люди с того места скоро поедут и пешие *побежат* (Хожд. на Вост. Котова, 107).

По-видимому, парадигма настоящего времени в том виде, в котором мы ее теперь имеем в литературном языке, представляет продукт спайки двух разных: на спряжение типа *бегу, бегут* указывает, напр., украинский инфинитив *бігти*, которому соответствует русск. диал. (по)бечь. Ср. из литературного языка XVIII в.: Так должны ямщики тогда все были бечь (Вас. Майков, Елис.). У В. Петрова — «Румянцов гром занес — враг должен пасть иль бечь». Формы *бежешь, бежет*, и под., однако, фактически не засвидетельствованы и предполагаемую контаминацию можно принять только как явление очень раннее.

Параллель к супплетивизму русских литературных форм представляют в украинском угрорусском говоре села Убли: *бігти: бігу, біжу: біжиши* и т. д.: *бігуть, біжуть* и *біжать* (Исследования по русск. яз., т. II, вып. I, изд. Отд. русск. яз. и слов. АН, 1900, стр. 117). Ср. и лит.-укр. *бігти: біжиши* и т. д.

3) Чту, чтишь, чтит, чтим, чтите, чтут.

Чтишь и под. представляют собою образования к *чтить*. Формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. заимствованы из другой парадигмы; ср. *про-чту, про-чтут (про-чтет, про-чтем...)* к инфинитиву *про-чсть*. Известная роль при отклонении могла принадлежать тому обстоятельству, что фонетически возникшее «ччу»¹ было воспринято как необычное в общей системе языка (ср. не вошедшие в употребление формы *тчешь, тчет* и под. к *тку*, которые фактически звучали бы как «ччош» и под.). Вслед за *чту* в употребление вошло и *чтут* благодаря обычному сходству 1 л. ед. ч. и 3 л. мн.: *берегу — берегут, толку — толкут* и под.

4) Формы настоящего времени к *дышу* — инфин. *дышать* — относятся исторически к IV классу, т. е. звучали *дышишь, дышитъ* и т. д. с ударением этого класса у глаголов, имевших инфини-

¹ О такой украинской форме упоминает Соболевский, Лекции по истории русского языка, 4 изд., стр. 108.

В говорах встречаются формы, в которых звуковая трудность обойдена иначе: *точёт* и под. (ср., напр., говор с. Арати, б. Нижегородск. губ., Арзам. уезда.— Труды Комисс. по диалектол. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 5); ср. и др.-русск.: «Работаем мы, холопи твои, тебе, великому государю, на хамовном дворе точем всякие твои государские полотна денно и ночью безперестанно...» (челоб. XVII в.— Крепост. мануф., III, № 88),— рядом с более частым *точет — ткет* (говор сел Крутой-Майдан и Салалей того же района, стр. 7 и др.). Но есть и такие, где имеем фонетическое *тчет* (ср. говор дер. Ратманово того же района, стр. 19).

тивы на *ěti*, после шипящих — *ati*: дышйшь и т. д. Такое удаление действительно засвидетельствовано у поэтов XVIII в. (В. Майкова, Державина). Параллельно существовали формы III спряжения: *дышу, дышешь, дышет...*, *дышут* к инфин. *дыхать* (ср. укр. *дїхати* — *дїшу, дїшеш*). В результате слияния двух спряжений установился инфинитив *дышать*, но со спряжением настоящего времени по III классу.

5) Два спряжения: *гудеть, гудишь* и т. д. — *густы, гуду, гудешь* с фактической утратой инфинитива *густы* слились теперь в одно; *гудеть* является инфинитивом к обоим типам; *гуду* и т. д., впрочем, тоже вымирает.

6) К инфинитиву *гнать* вместо принадлежавшей ему системы форм настоящего времени первого класса (ср. укр. *жену, женеш* и т. д.) установились формы *гоню, гонишь*, в прошлом соотносительные с инфинитивом *гонити* (ср. укр. *гонити*), ср.: И сентября, государь, в 29 день гонил из Новгорода назад к Москве князь Федор Туренин... (Дело Тайного приказа, II, Ямск. дела, № 45, 1575 г.). Ближайшая причина утраты форм типа *жену, женеш* и т. д. — вероятно, их звуковая отдаленность от *гнать* и вызванный этим разрыв былой ассоциации.

7) К инфинитиву *реветь* настоящее время — *реву, ревьешь...*, *ревут*, а не «ревлю», «ревишь» и т. д. Как показывают другие славянские языки, флексия настоящего времени соответствует старине, а нов в русском языке инфинитив, вытеснивший старое *рютти*. Ср. новообразования и в украинском языке, — *ревити* и *ревіти*, в белорусском *раўці*.

8) К инфинитиву *ушибить* будущее — *ушибу, ушибешь...*, *ушибут*. Нов, видимо, инфинитив, заменивший прямое соответствие *шиб-ти, которое фонетически совпало бы с «шити».

Из старинных форм заслуживают внимания: вместо современного *зашиблено* (от *зашибить*) — «...на левой стороне на лбу значечко невелико, зашибено» (Новгор. записн. кабалн. кн., 1597 г., стр. 444). ...на левой стороне бывало зашибено (там же).

9) *Живу, живешь* и т. д. при *жить*. Звук *в* здесь, как в ряде других языков, из прилагательного *жив*.

10) *Даю, даешь...* при инфинитиве *давать* и повелительном *дай*. Старославянский язык имеет *датыти* и *раз-давати* и под., при настоящем времени *давши* и *роздаваѣши* и под. И в древнерусском и в говорах нередки формы настоящего времени типа *даваю*.

Формы повелительного склонения *дай, давайте* своим появлением обязаны были тому, что *дай, дайте* оказались уже использованными в значении совершенного вида.

Даю при *давать* — нередкое в истории языков супплетивное разрешение былого параллелизма форм.

Подобные отношения имеем и при *вставать* и *встаю* и других образованиях этого корня; ср. др.-русск. и диал. *вставаю*: ...Не из Риги, из иного места, где корабли приставают... (Статейн.

список сношений в. кн. Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1493 г.). ...И те де надорожные волости от той новой дороги от гоньбы ставают впусе... (Грамм. царя Бориса на Белоозеро, 1601 г.) ...И против его царского величества имени и поклона вставают... (Статейн. список посольства в Бухарию двор. Ивана Хохлова, 1620—1622 г.,—Сборн. Хилкова, 400).

Русский язык изменил старые отношения в корневой части форм: *плути: пловж, пловеши...* и т. д., *слути: словж, словеши* и т. д. В настоящее время вместо них выступают *плыть: плыву, плывешь...* и т. д., *слыть: слыву, слывешь* и т. д. Звук *ы* проникает у этого слова в систему инфинитива раньше, чем в формы настоящего времени; ср., например, судебную грамоту № 55, воспроизведенную в Актах, изданных А. Федотовым-Чеховским, стр. 83: «...что старцы называют Холмом деревни, и то не Холмом, то *словет* Михайловское Ново...; а тот лес *слыл* Михаила Гневашова по Средней ручей...», или в том же издании № 96: «...сказал, что та треть вотчины Сурвоцкого, ... *словет* Самсоновская ... а прозвием та треть *слыла* Володимеровская...»

Появление *ы* для системы инфинитива глагола **plu-* характерно также и для двух других восточнославянских языков — укр. *плисти*, белор. *плыць*. По-видимому, это же имело в них место и для *slu-* (ср. укр. *сливе* «почти» — вероятно, из **сливс и*, заимствованным из системы инфинитива). Можно думать, судя прежде всего по украинскому *плинути* (ср. пол. *plupać*), что *-ы-* проникло из этой параллельной формы. Другой образец указать трудно: отношение *крыть: кровля* вряд ли могло стать исходным для отношения *плову: плыть*.

§ 26. Повелительное наклонение.

Сравнительно с древним состоянием русский литературный язык отражает ряд упрощений (выравниваний).

Мена велярных согласных типа *пыци, тыци, жыси* в языке исчезла, и современные формы звучат *пеки, теки, жги*.

В формах 2 лица мн. ч. *-ѣ-*, составлявшее особенность I и II классов, вытеснено окончаниями 2 л. ед. ч. в параллель отношении в III и IV классе: *несите, ведите, толкните* вместо старых *несѣте, ведѣте, тѣлкънѣте*.

Глаголы, имевшие в соответствии *-е-* корня настоящего времени перед *к*,— в повелительном наклонении *ь* перед *ц*, теперь звучат с *-е-* и в этом последнем: *пеки, теки* вместо старых *пыци, тыци*.

Отражение старинной огласовки корня представляет, напр., *со-рките* «выговорите» в грамоте в. кн. Василия Васильевича И. Сыроедову (середины XV в.): «А каково слово вам о каком будет деле, и о том вы себе срок *со-рките* волной перед Федора».

В IV классе вместо старых отношений *ъжь — ѣдите* установилось *ешь* (фонетически вместо «ежь»), *ешьте*. К основе *дад-* установилось повелительное наклонение от основы *дай — дай, дайте*. Ср. уже в записях к Оstrom. и Мстислав. ев.: в первом: *даи* ему господь богъ; во втором: *даи* же ему господь богъ¹. Ак то давалъ куны на сия книги, *дай* богъ ему здоровья (Пролог Моск. Син. тип., 1383 г.).

К колебанию между формами старую *дадите* и новую ср., напр.: ...И паки *продаите* именья ваша и *дадите* нищим (Лавр. список, 43).

Колебание при установлении в качестве нормативной нынешней формы повелительного наклонения множ. числа между нею (от основы глагола *даю, дашь*) и старую (от основы *дад-*) отражает, например, и употребление в новгородской «Духовной» Климента середины или второй половины XIII века (издана в последний раз М. Н. Тихомировым и М. В. Щепкиной — «Два памятника новгородской письменности», М., 1952 г.). В ней, этой духовной грамоте, читаем: «а жена моя... стрижеться в чернице, то вы дайте ей ...» (27—28), но ниже: «а нѣчто мѣньшее дадите ей...» (29—30).

К явлениям фонетико-морфологического порядка относится имеющее многочисленные параллели в других славянских языках историческое отпадение в классах I, II и III конечного и во 2 л. ед. ч. и выпадение старого и или и вместо **ѣ** в форме 2 л. мн. ч., если ударение искони падало не на них, а на корневой слог: *будь, будьте, стань, станьте, режь, режьте*, из древнейших *буди, будьте, стани, станьте, рѣжи, рѣжите*^{2,3}.

Распространенность этого явления в славянских языках, и среди них — в русском, объясняется тем, что формы повелительного наклонения вообще, в силу своей специфической аффективности легко подвергаются изменениям, не идущим линией фонетических законов, действующих по отношению к другим словам; в частности, среди тенденций, свойственных этим формам, очень характерно частое изменение интонаций сравнительно с этимологическими (исходными)⁴ и сокращения вроде констатированного.

¹ А. Соболевский, рец. на «Критич. заметки по ист. русск. языка» И. Ягича, Русск. филолог. вестн. XXII, 1889 г., стр. 304.

См., однако, и случаи этимологического написания вроде: «Ори до тины, а ежь мякны» (Старин. посл., XVII в.), «Хлеб соль ежь, а правду говори» (там же).

² Ср. и диал. *полбжь*, в литературном языке известное в фразеологизме «вынь да положи»; из говоров с ударением «полбжить».

А. М. Селищев (Учен. зап. Моск. гор. пед. инстит., Каф. русского языка, вып. I, том V, 1941, стр. 186) толкует форму множ. числа как вновь образованную к единственному.

³ В XVIII в. в поэзии довольно свободно употреблялись формы с опущенным конечным гласным и в тех случаях, где возникают сочетания согласных, воспринимающиеся теперь как необычные: «Наполнь одним Европу чувством...» (Держ.).

⁴ О последних см. гл. IV, § 1.

Особняком стоящие в системе русских глаголов формы повелительного наклонения **ляг, лягте** объясняются как результат действия последовательно проведенной аналогии настоящего времени (1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) — *лягу, лягут*, звук **г** которых вытеснил **дз (s)** повелительного наклонения; ср.: *береги, стереги* и под. вместо старых форм типа *берези, стерези*, — и отпадения **и**, не находившегося под ударением.

Подобно *береги, стереги* явились и **беги, бегите к бегу, бегут**. Наряду с ними, однако, в говорах широко распространены отражающие влияние настоящего времени *бежишь, бежит...* и инфинитива *бежать* формы «бежи, бежите». Ср. и в древнерусском: Побежи ты, поганый Мамай, от нас (Задонщ.).

В глаголах на **-аю, -ею, -ую** и в таких, где окончание **и** приходилось после гласного основы или **й**, **и** фонетически изменилось в **й**: *давай, давайте, умей, умеите, толкуй, толкуйте, бей, бейте, пей, пейте, мой, мойте* из древнейших *даваи, даваите, умъи, умъите* и под.

В глаголах IV класса (**-и-**) характерно различие между повелительными формами от глаголов с основой на **о**, имеющих инфинитивы на **-ять**, и теми, которые имеют инфинитивы на **-ить**: **стой — стойте, бояться — бойся, но доить — дои, кроить — крои**, где, по-видимому, известная роль принадлежала влиянию ударяемого **и** в инфинитиве. Впрочем, в просторечии и *дои, крои* часто произносятся уже с **й**.

Утрата формы повелительного наклонения от *поѣду*, бывшей в употреблении еще в литературном языке XVII в.: И он мне сказал: *поѣдь* де с великим государевым делом (Дело Ник., № 41), И *поѣдь* прямо в церковь соборную (там же), «...а в грамотках пишет строитель Мисаил к нему Семену: «Пожалуй, Семен Александрович, *приѣдь* в дом Великаго Чудотворца Алексея Митрополита помолиться...» (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II). «...да и сам *приѣдь* ко мне с голубми теми на день на другой...» (письмо ц. Алексея 1663 г.) и замена ее соответствующей от «поѣзжать» — **поезжай** вызвана специальным мотивом. В говорах формы типа *поѣдь* нередки.

Важный для морфологии и с нею для синтаксиса факт представляет историческое перерождение формы 2-ого лица ед. числа повелительного наклонения глагола *пустить*. Вместо сохраняющейся и сейчас в собственном значении формы единственного числа повелительного наклонения *пусти* функцию частицы повелительного наклонения в соединении с 3 лицом обоих чисел настоящего или будущего времени приобрело **пусть** (из *пусти, вероятно, под влиянием ударения будущего времени *пустишь*). Процесс перерождения можно себе представить в виде, например: «Пусти его делать, как (он) хочет», «Пусти их делать, как (они) хотят» → «Пусть его делает, как хочет», «Пусть их делают, как хотят» и под. Замена инфинитива настоящим или будущим временем однозначного глагола предполагает имевшую место

некоторое время независимость и с нею паузу при употреблении *пусти*, перерождавшегося в *пусть*.

Пригласительная форма («адгортатив»), одновременно являющаяся и «инклюзивом» (включительной формой — со значением «я, мы» и «вы») образуется с окончанием *-мте* обыкновенно только от немногих глаголов, чаще всего — движения: *идемте*, *едемте*. Это форма специально-русская, и притом только разговорная. Не все ее происхождение толкуют одинаково. Всего естественнее видеть в окончании *-мте* соответственно его инклюзивному значению относительно позднее сочетание окончаний 1-ого лица множ. числа (*-м*) и 2-ого этого же числа (*-те*). Обращает, однако, на себя внимание, — надо заметить, — что такого рода сочетание двух глагольных окончаний представляет собою в индоевропейской системе вообще исключительное явление¹. Позволительно поэтому догадываться и о возможности другого происхождения этого окончания: вполне вероятно, что *-те* — слившаяся с формой 1-ого лица множ. числа частица, возникшая, например, из *-тѣ* (тебѣ), *-ти*, дательного падежа ед. числа местоимения 2-ого лица. Любопытно, что, хотя и очень редко, в языке фольклора может быть отмечено употребление в этой форме *-те* после вставленной частицы *-ка*.

В повелительном наклонении, как указывалось, напр., Д. В. Бубрихом (*Zeitschr. f. slav. Phil.*, III, 1926, стр. 479), *-те* в русском народном языке сочетается с основой слова относительно свободно (ср. просторечн. «*вали*, ребята!» и под.).

Для ощущения промежуточного характера формы показательно, напр., «*Уж вы поедемте*, дружина моя хорошая...» в былине «Глеб Володоевич».

§ 27. Формы прошедшего времени.

Нуждающиеся в объяснении факты структуры нынешних форм прошедшего времени (по происхождению причастий) немногочисленны. В важнейшем они — фонетического характера. Сюда относятся: отпадение *л* после согласных (кроме *т*, *д*) на конце слова (в форме мужского рода ед. ч.): *мог* из «могль», *пек* из «пекль», *вез* из «везль», *греб* из «гребль», *умер* из «умьрль» и под.; упрощение групп *тл*, *дл* в *л*: *шел*, *шла* из «шьдль, шьдла», *плел*, *плела* — из «плетль, плетла», — явление очень давнее, общее восточнославянским языкам с южнославянскими и хронологически во всяком случае довосточнославянское. Отношение форм *запер*, *умер*, *вытер* и под. из «запърль, умьрль, вытьрль» и под.

¹ «За исключением сложных слов каждое слово может включать только один корень и только одно окончание; если такая форма, как русское *пойдемте*, исключительная даже и в русском языке, как бы содержит два окончания ..., то это новообразование странного и неожиданного характера», — А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевроп. языков, — русский перевод 1938 г., стр. 172.

к инфинитивам *запереть, умереть, вытереть* и под. (древнейшие *-per-ti, *-mer-ti, *-ter-ti) отражает факты уже старейших чередований (см. Фонет., § 7).

Сочетание форм прошедшего времени на л с формами вспомогательного глагола **был** имели значение давнепрошедшего времени или обозначили прерванное начало действия. Формы такого типа и сейчас живы, например, в украинском языке, отчасти в русском языке: «... и иноземца... Федора Скоростинского ссекли казаки в Белоозерском уезде, а *приехал был* с Вологды... в свое поместье на время...» (Отписка Белоозерского воев. Чихачева, 1614 г.).

В соответствии с производным характером II глагольного класса с приметой **-ну(-нж-)** в инфинитиве (с относительной продуктивностью приметы), в формах прошедшего времени определенного типа она может отсутствовать. Древность этого явления подтверждается и украинским, где, однако, чаще, чем в русском, формы прошедшего времени влияют на инфинитив: *замерзти, охляти* и под. (прош. вр. *замерз, охляв*).

В русском подобными случаями являются: *достигну : достиг : достичь, стыну : стыл : стыть*.

Со сравнительно-исторической точки зрения **-ну-** (из **-нж-**) в инфинитиве и прошедшем времени должны рассматриваться как новообразования уже древнейшего времени. Факты других индоевропейских языков указывают, что подобные суффиксы первоначально с определенными оттенками значения характеризовали только настоящее время. Древнейшее состояние на славянской почве сохраняет глагол *стану* (со значением будущего времени): суффикс **-нж-** — **-не-** у него одного остался вовсе не вовлеченным в систему инфинитива — прошедшего времени: *стати (стать)*. В русском языке подобное отношение представляет собой еще *дену: деть*. У других глаголов из настоящего времени его усвоили уже в глубокой древности инфинитив и прошедшее время, причем в последнем он оказался, однако, обусловленным рядом ограничительных моментов.

Отсутствует **-ну-** только в случаях, когда оно не стоит под ударением и имеет или имело перед собой согласный и когда соответствующий глагол не обозначает мгновенного действия: *мёрз, мок, сох, увял, поиб*. Почти до самой середины XIX в. нередко употреблялись формы с **-ну-**, где теперь мы это **-ну-** опускаем.

§ 28. Условное и сослагательное (желательное) наклонения.

Формы прошедшего времени (предварительного прошедшего) условного наклонения выражались сочетанием причастий на **-л** и изъявительного наклонения — *будет* и под.: «А рубеж отчине моего господина деда, великого

князя Витовта, по старине, а которы места порубежны *потягли будут* к Литве или к Смоленску, а подать *будут давали* ко Тфери, ино им и нынеча тягнути подавному, а подать давати подавному. А которы места порубежны *потягли будут* ко Тфери, а подать *будуть давали* (к Литве) или к Смоленску, ино им нынеча тягнути подавному, а подать давати подавному» (Договор в. кн. Тверск. Бориса Александр. с в. кн. Литовским Витовтом 1492 г.).

Сходны по образованию и возможные формы предположительного условного: «А кто *будет учинилося* («учинится») в нашей ласби и в наших перемирьях, тому всему суд и исправа без перевода» (там же).

Формы условного и желательного наклонения, выражавшегося в древнейших старославянских памятниках сочетанием причастий прошедшего времени на л и особых форм **бимь** (1 л. ед. ч.), **би** (2—3 ед. ч.), **бимь** (1 л. мн.), **бисте** (2 л. мн.), **биша** (3 л. мн. ч.), в русском языке не засвидетельствованы: они в нем вышли из употребления еще до появления первых памятников. Что привело к исчезновению во всех славянских языках вообще и в русском в частности именно их, трудно сказать, но вытеснившие их параллельные формы — причастий на л и **быхъ**, **бы**, **бы**, **быхомъ**, **бысте**, **биша** — уже в древнейших памятниках выражают те самые значения, и ясно, что в языке должно было выжить только или то, или другое употребление.

Предшественниками нынешних форм условного наклонения с частицей **бы** являются, таким образом, в древнерусском языке старинные аналитические формы, состоявшие из причастий прошедшего времени на л (**лъ**, **ла...**) и форм аористного типа от глагола **быти** — **бых(ъ)** — 1 л. ед. числа, **бы** (**бысть**) 2 и 3 л. ед. числа и так далее; ср.: «*Аще ли быста ведала* (они оба, два волхва), *то не быста пришла* на место се, идеже ятома има быти» (Лавр. список лет. под 6579—1071 г.) = «Если бы они (оба) знали, то не пришли бы на это место, где им суждено было (должно было) оказаться захваченными»¹.

Восточнославянские памятники до XIV в. включительно пользуются формами такого типа, но в некоторых из них уже проявляется своеобразная «рационализация», с течением времени охватываящая весь русский язык: согласование с подлежащими собственно глагольной части утрачивается, центром глагольности становится бывшая причастная часть, а из всей системы форм вспомогательного глагола удерживается только 2—3 л. ед. ч. **бы**, превращающееся для всех лиц и чисел в тяготеющую к союзам формальную частицу, носительницу модального значения. Первые примеры новой структуры формы Соболевский указывает в Новгородском Милятином ев. 1215 г.: *Аще бы в Турѣ быша силы*

¹ Подробности см.: А. А. Потебня, Из записок по русск. грам. ², II, стр. 269 и след.

былы,— где **бы** при *быша* свидетельствует об искусственности употребления последнего, и в Московском ев. 1339 г.: Аще бы слѣпи были (при искусственном сочетании, параллельно приведенному из Милят. ев.: Аще бы мя бысте вѣдали, и др.). Лихихъ бы есте людии не слушали (Дух. в. кн. Сем. Ив., 1353 г.).

Наряду с употребительной и сейчас формой сослагательного наклонения, древнерусскому в более редких случаях было известно употребление в той же роли в безличных предложениях при *мочно* — «можно», *пригоже*, *пригож* — «уместно, полезно» и под., *довелось* и под. слова **было**, функционально равного частице **бы**: ...и говоря то, проливает многие слезы. А и то *было* тебе, милостивый королю, *мочно* разумети: как толке твой холоп тебя, или брата твоего, или сына у тебя истеряет, да завладеет твоим царством, каково тебе в те поры будет? (Памятн. Смутн. врем., 23). А и то *было* вам *пригоже* знати, какое утеснение от изменника нашего Бориса Годунова было вам... (там же, 45). А судныя дела по смерть его не вершены, а по тем судным делам *довелось* было его обвинити и истцом по тем делам велети... (Улож. 1649 г.). ...и по такой глухой челобитной и суда *было* ему, Семену, на келаря старца Тихона с братиею в тех крестьянх давать *не довелось* (Суд. дело, Фед.-Чех., II, № 118). А гостя, которого дом разграбили, пожаловал царь, не велел с него имать пятые денги, а *довелось* было с него взять болши 15 000 рублей (Котош., 104). А ныне, оставя паству свою, *не довелось* было ему о таких делах и поминати (Дело Ник., № 5). И Стенка де ему, Леонтью, говорил: которыя де знамена и пушки отдал он и в Астрахани, и те отдать *было* не *довелось*: по грамоте де великого государя милостивой велено им, казаком, идти на Дон, а об отдаче де знамен и пушек ничего не написано (Мат. Раз., II, № 24). Невежди же зело ему в церкви досождали всякими словесы, чesого *было* им и мыслити *не довелось* («Созерц. краткое» С. Медв.). А они, воры, то наше, великих государей, жалованье имали с великою наглостию по своим скаскам, кому *было* и *не довелось* (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). Ср.: «И тем челобитчиком сказано, что тех, пятисотного и пристава, им отдати *не довелось*, а будет им их, великих государей, указ по сыскному делу» (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.).— И того *было* им без их, великих государей, указу и без повеления их царского величества делать *не годилось* (Из актов при «Созерц. кратк.» С. Медв.).— Тебя *было* в совет и принимать *не надлежало* (Сумар., Чудовищи)¹.

Возможно, что такое **было** = «бы» представляло собою своеобразную гапологию из обычного **было бы**, но не исключена и другая возможность, что в данном случае имеем остаток мо-

¹ Сюда же, по-видимому, относится и пример, неверно понимаемый Будде (Очерк истории, стр. 104) как редкий для XVIII в. случай плюсквамперфекта— давнопрошедшего: «Ему *надлежало* было, ее сначала на берегу положив, надеть свою епанчу» (СПб. Вести, 1778 г.).

дальнего употребления форм на л,— употребления, относительно широко известного и другим славянским языкам. Ср. и *пойти было* и под. с тем же значением *было* = *бы* при инфинитиве.

Наряду с формами, из которых в настоящее время образовались сослагательные с частицей **бы**, существовали в старославянском и в древнерусском еще употреблявшиеся обыкновенно в значении условного наклонения (с союзами условия и без них) аналитические формы будущего времени, состоявшие из **буду**, **будешь** и т. д. и причастия, чаще всего — совершенного вида, на **-л**, **-ла** и т. д.¹ Употреблялись эти формы, соответственно такому своему значению, не самостоятельно, а в сочетаниях предложений. Примеры: *Будеть ли стал* на разбой без всякой свады, то за разбойника людьѣ не платять... (Русск. пр., 83—87). А кто *будет купил* села в всей волости в Новгородской... кто *будеть даром отъял*, или сильно,— а то поидеть бес кун к Новугороду; а кто *купил будеть* в Новгородской волости, знати им своего истъца (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 гг.).

Около середины XVII в. (ср. Котош., 114: И кто *будет был* на разбое и *учинил* убийство, или пожар и татбу, а товарищи их разбежались и не пойманы, и таких злочинцов в празники и в-ыные дни пытаются и мучат без милосердия...) эта форма окончательно выходит из употребления.

§ 29. Инфинитив и супин.

Строением основы инфинитивы в русском, как и в других славянских языках, обычно совпадают с формами основ причастий прошедшего времени, получивших на русской почве значение глаголов (см. § 25), без их специфической приметы л.

Внешний вид инфинитивов, имеющих окончание **-ти**, с переходом его без ударения в **-ть** (явление, датирующееся уже XI в. и объясняющееся как утрата в конце слова приметы, не существенной в качестве морфологической характеристики)², в ряде случаев представляет результат действия известных фонетических законов: д, т перед т > с: *вед-ти* > *вести*, *прад-ти* > *прядти* — *прядть*, *плет-ти* > *плести*, *гти*, *кти* > *чи*: *мог-ти* > *мочи* — *мочь*, *пек-ти* > *печи* — *печь*. Ср.: «Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник...» (Крылов). — «Какие же там калачи! Уж немцам так не *испечил!*» (Измайлов, На отъезд приятеля в Москву).

¹ А. Потехня (Из зап. по русск. гр., 2, II, стр. 291 и след.) приводит случаи, где эта форма, по его мнению, выступает «без союза условного и без оттенка какой-либо условности». Последнее утверждение вряд ли справедливо: почти все приведенные им примеры имеют оттенок условности типа: «а если кто-нибудь...» и под.

² Условность в выборе формы отражают, например, сочетания: «...в ысковых делех самим им, кадашовцом, креста не ставить и не *целовать*, а *целовати* крест и ставить в их место людям их (Грамм. XVII в., — Крепост. мануф. III, № 43, IV). Ср. и стр. 211.

Формы на **-чи**, естественно, часты в памятниках: «А хто учнет тот лес *сечи* через сию заповед...» (Грамм. в. кн. Вас. Вас. в списке серед. XVI в.).

Специальных замечаний требует инфинитив **итти**.

Нынешнее правописание *идти* (*итти*) отражает влияние на старый инфинитив **и-ти** настоящего времени: **ид-у**, **иде-шь**¹. Что формы **идти**, **итти** не исконны, ясно из того, что группа **дт** фонетически должна была бы уже в древнейшую эпоху измениться в **ст** (ср. *прясть* — *пряду*, *класть* — *кладу* и под.). Как живое произношение с долгим **т** хорошо засвидетельствовано в говорах. В памятниках великорусского происхождения **дт** свидетельствуется с XIV в. После предлогов, оканчивающихся на гласный, в языке и на письме: *найти*, *пройти*, *выйти* и под.

Под влиянием *найти*, *пойти* и под. в говорах возникала форма **ийти**. Ее Соболевский нашел в Прологе 1432 г., и встречается она, как отметил он же, и позже в литературе XVIII в. Ср.: «Хранит смиренного владыко, Куда б ни восхотел **ийти**» (Сумар.).

Формы **итить**, **иттить** и под. представляют случаи нового усвоения окончания **-ть** в силу затемнения этимологического состава слова — осознания **ити** частью корня. Ср., напр., Дело Ник., № 40: И патриарх велел ему **итить**, **Чтоб к нему иттить** на совет, и под.; **розыйтться** (там же, № 41), **войтить** (там же, № 40), **притить** ему во смирении (там же, № 41).

Характерны они главным образом для языка грамот XVII в., где употребляются нередко вперемешку с формами без **-ть**. Встречаем их в сочетании с **-ся** еще у писателей первых десятилетий XIX в.: Не разойтться ль полюбовно? (Пушкин, Евг. Онегин). ...Им не сойтиться никогда (Лерм.).

В четырех образованиях — *умереть*, *переть*, *тереть*, *простереть* — сравнительно с прошедшим временем (*умер*, *пер*, *простер*, *тер*) различие в структуре основы уже древнейшее; ср. ст.-слав.: *умрьль* и под. — *умръти* и под.

В нескольких случаях в др.-русском обычное отношение прошедшего времени к инфинитивам проявлялось в перенесении основы прошедшего времени в инфинитивы: *вытерть* (Домостр., 33), *перетерть* (там же, 49), однако такого рода выравнивание, нередкое и в языке XVIII в. (см., напр.: Зияет время славу *стерть*, Держ., На смерть кн. Мещерск.), фактом современного литературного языка не стало.

Нефонетическими являются современные инфинитивы *грести* (ср. ст.-слав. *погрети* «похоронить» с выпадением **б**), *клясть* вместо *клять*, отразившие влияние инфинитивов с основой на **д**, **т**.

¹ В настоящем времени **д** — остаток представленного древними языками глагольного суффикса. Кроме *иду*, суффикс этот с утратой былой значимости сохранился в *кладу*: лит. *klóju* и под. Ср. и «Мовознавство», 1936, № 7, стр. 79.

В случаях вроде *глотнуть* подлежащий выпадению согласный восстановлен под влиянием параллельных форм — *глотать*, *глотая* и т. д.

Мотивы избегания омонимии вызвали к жизни инфинитив *ошибиться* к *ошибуьс*, *ошибеьс*. «Ошибтисся», как звучал бы правильный инфинитив, должно было фонетически дать «ошитисся», которое напоминало бы образование от корня *иши* — «шить». Ср. ст.-слав. *ошити сѧ* «удерживаться» к 1 л. ед. ч. изъяв. накл. *ошибѣ сѧ*.

Переход окончания инфинитива *-ти* в *-ть* — явление очень давнее¹, но, по-видимому, охватившее не все говоры древнерусского языка. Известно *-ти* и до сих пор ряду севернорусских говоров. В памятниках *-ти* господствует до XV в., когда наряду с ним чаще начинает выступать *-ть*². К колебанию между формами на *-ти* и *-ть* ср., напр.: А в прибавку с сох к ямским подводам до указа *послати збирать* не смеем (Отписка новгор. воеводы, 1602 г.). И царевич де ему велел *сести* и велел поставить *ести*; а *ести* поставили по лепешке, да по полудыне перед чело века, да рыбы сазан жареной... (Статейн. список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 г.).

Распространение окончания *-ть* на случаи с исходным конечным ударением свидетельствуется московскими памятниками XVI—XVII вв. для префиксальных образований, вроде *донесть*, *довесть* (ср., напр., Дело Ник., № 140, стр. 166).

Явление это, по-видимому, следует понимать как результат влияния форм прошедшего времени муж. р.: *донёс* — «донёсти» — *донесть* и под. В качестве аналогии к тому, что префиксальные инфинитивы легче подвергаются влиянию ударения форм изъявительного наклонения, чем непрефиксальные, можно сослаться, напр., на укр. *приходити*, *привозити* при *ходи́ти*, *вози́ти* (ср. *приходи́ши*, *привози́ши*, наряду с таким же ударением в *ходи́ши*, *вози́ши*).

Различие в некоторых говорах и в литературном языке между *печь*, *течь* из *печи́*, *течи́* и *несті́*, *весті́* стоит в связи с большей стойкостью конечных гласных после групп согласных.

Не получившие в литературном языке широкого распространения формы типа *несть*, *везть* отражают, по-видимому, влияние подавляющего большинства глаголов, в которых *-ть* из *-ти* фонетически выступает после гласных.

Довольно свободно формы на *-ть* употребляются в поэзии XVIII в.: Что мне мешает *ползть* смиренной черепахой? (В. Пе-

¹ Вопреки мнению некоторых исследователей, считать его уже издавна диалектным нет убедительных оснований; польские формы типа *brać*, *pieść*, как видно из данных памятников, — продукт исторического развития, а не исконные факты (Улашин).

² По-видимому, живой факт языка и в положении без ударения представляет, напр., в общем хорошо выдержанное в нескольких севернорусских грамотах XVII века (например, в челобитных из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. Н. Одоевским) различие *пить*, но *ести* — в формуле «пить, ести нечево».

тров, К вел. государыне). Чтоб нежность всю *соблюсть*, и Рифме быть богатой... (там же), и под.

В древности существовала особая форма, параллельная инфинитиву,— так называемый **супин** (достигательная форма). Если инфинитив по происхождению представлял собою¹ местный падеж отглагольных существительных основ на *-ti*, то супин был по происхождению винительным цели от основ на *-tu* сходного значения, и фонетически и семантически первоначально совпадал с хорошо известною, напр., из латинского языка формой супина (инфинитива цели после глаголов движения) на *-tum*. Формы супина в славянских языках образовывались, вообще говоря, от основ несовершенного вида и управляли родительным падежом в тех случаях, где соответствующий инфинитив требовал винительного: *Идъ ловитъ рыбы* — иду ловить рыбу. Как формы, легко заменяемые инфинитивами в своей специальной роли (в значении цели), притом встречавшие в последних соперников в образованиях совершенного вида, синтаксически отличавшиеся еще от общей системы глаголов и управлением, они вымерли в большинстве славянских языков, в том или другом виде совпав с инфинитивами (иногда при этом оказав влияние на форму последних). Исчезать супины начинают в русском, по свидетельству памятников, уже с XI в. (Остр. ев.), но даже в грамотах они еще встречаются до XIV в.

Многочисленные в памятниках этого времени случаи форм на *-ть* вместо *-ти*: Володимер же посла Дуная возводить Литвы (Ипат. спис. лет. под 6790 г.) = «Владимир же послал Дуная поднимать Литву» (*возводить* — несовершенный вид; значение намерения и управление родительным падежом заставляя предполагать былой супин); Телебуга же еха обзирать города Володимера (под 6791 г.), — по-видимому, представляют в значительной своей части уподобившиеся инфинитивам по мягкости конечного согласного супины. Ср. в списке договора Руси с Византией 911 года: «Посла Олег мужи свои *построити* мира и *положити* ряд межи Греки и Русью...». Формы супина не употреблены здесь, так как соответствующие глаголы — совершенного вида. Но ассоциированность выдает себя тем, что первый в предложении инфинитив управляет не винительным, а, как супины, родительным падежом — *мира*.

Примеры супинов: Русину не звати латина на поле *битъ ся* (Догов. грам. смол. князя Мстислава Давид. с Ригою и Готским берегом, 1229 г.). В лето 6643 ходи Мирослав посадник из Нов-

¹ К его происхождению ср. многочисленные отглагольные образования абстрактного значения с суффиксом *-ti* — в других индоевропейских языках: др.-инд. *dāti* — «даяние, дар», гр. *dōtinē*, лит. *duotis* с тем же значением; др.-инд. *matiṣ*, *mātiṣ* «мышление, мысль», лит. *at-mintis* «память», и под. Происхождение славянского инфинитива из местного падежа *i* (ь)-основ предполагается по акцентологическим основаниям, в рассмотрение которых здесь не входим.

города *мирит* кьян с черниговцы... (1-ая Новгород. лет. по Синод. списку). А в Русу ти, княже, ездити на третью зиму... а лете на Озвэд зверий *гонит* (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 г.). Ср. и в записи к Скитскому патерику 1296 г.: «Мнози худии идяху в Новгородскую волость *кормиться*».

Диалектно супин употреблялся, по-видимому, и позже, как свидетельствует хотя бы указанный А. А. Кочубинским список второй половины XV в. Новгородской 4-ой летописи XV в. Вероятные остатки супина отмечались диалектологами в некоторых северных говорах даже в XIX в. и позже.

§ 30. Возвратные формы глагола.

Восточнославянские языки одни среди всех славянских имеют синтетические формы возвратного и родственных ему залогов: *одеваться, ложиться, торопиться, биться, лениться*. Такого рода прочные сращения глаголов с возвратным (по происхождению) местоимением *са*, русск. *ся* — продукты исторического развития восточнославянских языков.

С точки зрения исторической заслуживает быть отмеченным, что балтийские и славянские языки (и это, по-видимому, указывает на большую древность данного явления) одинаково утратили при 1 и 2 лицах соответствовавшие им местоимения винительного или дательного падежа; ср.: *одеваю-сь, одеваешь-ся, одеваем-ся, одеваете-сь*, так же как *одевает-ся, одевают-ся*; литовск. *daryti* «делать, действовать» — *darytis (daryti-s)* «одеваться»; *darau-s* — 1 л. ед. ч., *darai-s* — 2 л. ед. ч. и под.

Параллельные отношения имеем в выражениях вроде *называю себя, называешь себя* (не «меня, тебя»).

Уже в древнейшую эпоху *са* не представляло возвратного местоимения в строгом смысле слова, а скорее — частицу, выполнявшую определенные формальные функции: по крайней мере, во всех славянских языках мы найдем образования типа *боюсь, моюсь, надеюсь* и под., где *-ся, -сь* не равняется «себя», а образует с глаголом нерасторжимое смысловое единство или же модифицирует значение глагола, который может быть и самостоятельным, в том или другом значении формально-залоговом. Чисто формальный характер этого *са* объясняет факт, что такому типу глаголов в исторической жизни ассимилировались немногочисленные сочетания, вроде *си жалити (жалити си), си просити (просити си)* и др.

По-видимому, первоначально место употребления *са* зависело от старого принципа славянских языков, согласно которому частицы употреблялись чаще всего после первого полнозначного слова ритмического отрезка. Такие примеры имеем в древнейших памятниках восточнославянских языков, вроде: Донелъже *ся* мирь *състоитъ*; Кто *ся* *изоостанеть* в монастыри (Мстисл. грам.,

1130 г.). И реша унейшии Урособе; аще ты боишия Руси, но мы *ся не боим* (Лавр. сп. летописи, под 6611 г.).

Ср. из более позднего времени: ...А о што *ся сопрут* судьи, ино положити им на моего господина деда, великого князя Витовта (Догов. вел. кн. тверского Бориса Александр. с вел. кн. лит. Витовтом, 1422 г.). ...чтобы *ся* у их у Троецкого соловара *не наймовал* ништо на дрова... (Грамота царя Ив. Вас. Ф. Корове, 1474 г.) ...А после грамота месяц не воевату. А как месяц изойдет, то же *ся воевати* (Догов. в. кн. лит. Казимира с Новгород., XV в.). ...А ездоки *ся* у них в том селе и в деревнях у их людей *не ставят*... (Жалов. грамота в. кн. Вас. Вас., 1456 г.). ...а слухом слыхали, что *ся* они о починках *тянут*» (XVI в., Фед.-Чех., I, № 55); «...дайте вы нам Третьяка или его человека Кирилка, которой *ся ставил* за списком у доклада» (там же). ...а в ответчиково в Третьяково место стали люди его — Кирилко Семенов, которой *ся ставил* у доклада за списком, да Фомка Немиров» (XVI в., Фед.-Чех., I, № 55). ...г(с)дари мо () товарищи ср^дце *ся* у меня *ужаснуло* (Барсов. список «Сказания о киевских богатах», перв. пол. XVII века, 473—474).

Сколько в подобном употреблении живого и сколько традиционного, нельзя сказать определенно. Скорее, однако, это живые факты. Сомнение в значении подобных примеров возникает только применительно к памятникам более поздним, когда искусственность *ся* на втором месте отрезка выступает на фоне глагола с *ся*, примкнувшим к нему. Такие случаи отмечаются Соболевским с XV—XVI вв.: христиана *ся нарицаешися* (Погод. сборник XV—XVI вв., 853), на розъезжчика *ся*, господине, ...не *шлюся* (Великор. грамота. 1518 г.); ср. еще: А как *ся* у них *делалось* в Риме и у цесаря... А се список, как *ся* у них государево дело *делалось* (Отчет Я. Молв.). ... и в том *ся* при понятах *повинил*... (Дозорная память и приговор по челоб. 1604 г.).

Характерно и параллельное употребление: Во Индейской же земли кони *ся* у них *не родят*; в их земли *родятся* волы да буйволы (Хож. Аф. Ник.).

Но даже в древнейших восточнославянских памятниках, наряду со случаями *ся* на втором месте ритмического отрезка фразы, решительно преобладают случаи постановки *ся* за глаголом, и чем далее, число таких примеров возрастает всё больше¹.

¹ Вопрос о месте *ся* в древнерусском языке в последнее десятилетие был несколько раз предметом специального изучения (Б. Гавранек, Г. Гуннарссон и др.). В общем убедительны уточнения, которые в качестве итога исследований считает возможным предложить Ф. Славский в рецензии на труд Гуннарссона «Studien über die Stellung des Reflexivs im Russischen», Уппсала, 1935, — Roczn. slaw., XXV, 1939, стр. 78—79. В летописях проявляется всё усиливающаяся тенденция к фиксации энклитик. Если случаям свободного употребления *ся* в древнейших памятниках — в памятниках более поздних соответствует контактное положение (прикрепление к глаголу), то противоположного не наблюдается. Середина пятнадцатого века является временем, после которого свободное *ся* может встречаться только в качестве исключения. В XIV и XV вв.,

Изменение *-ся* в *-сь* после гласных, как результат редукции конечного гласного, не существенного для характеристики формы, датируется XIV в.: учинилось (Новгор. грам. 1373 г.); проситься на извод (Грамм. 1399 г.—Срезн., I, 1568 г.) и под.¹.

Нынешнее литературное произношение *-ся* как *-са* представляет собою распространение явления, относительно широко известного в диалектах (во владимирских и поволжских говорах), и возникло в таком виде, по всей вероятности, из форм на *-тсья, -тсья*, где получалось *-ца*, и *-лсья*, где *с* ассимилировалось предшествующему *л* (ср. северн. говоры с *-лса*, но мягким *с* в других формах прошедшего времени).

§ 31. К образованиям несовершенного вида.

В качестве великорусской особенности издавна (ср., напр., *прикладывает, складывает* в «Русской правде» по сп. 1282 г.) выступает, вместо более старого *-ова-*, суффикс несовершенного вида *-ыва-*, усвоенный, вероятно, в первую очередь, при поддержке глаголов на *-ивать* (*похваливать* и под.), под влиянием глагола *бывать*, несмотря даже на различие в месте ударения. Было *-ова-* в безударном положении в современном литературном произношении обнаруживается только в случаях с окончанием корня на *к, г, х*: *отталкивать, отпугивать, стряхивать* (орфоэпически произносятся: атталкѣват^б, атпугѣват^б, стрѣхѣват^б)²; но формы

как указано, однако, выше, иногда и в XVI в. встречаются примеры двойного рефлексива (т. е. одновременно — закрепленного за глаголом и энклитического *ся*), свидетельствующие о наступлении в XV в. соответствующего перелома.— По вопросу об ударении рефлексов в прошедшем времени глаголов см. Ударение, § 3, стр. 275.

¹ Наиболее поздняя категория, в которой *-ся* перешло в *-сь*, — деепричастия: Греч еще поучал (§ 247), что «в глаголах... кончающихся на *ся*, деепричастия прошедшего времени употребляются только в полном окончании; например: *мыслися, делавшися, сражавшися* и пр.».

Причастия и сейчас сохраняют *-ся* без изменения. Лишь отдельные случаи перехода его в *-сь* могут быть отмечены у поэтов первой половины XIX в.: У нас в земле найдут могилу Враги, гордившися над ней (Катенин, Мстислав Мст., 1819). Глазами молча провожала Среди блистательного зала Пред нею выходясь четы (Барат., Цыганка, 1842), и под. Другие примеры см. РЛЯ пп. XIX, II, стр. 124. Один из наиболее поздних примеров — в «Дон-Жуане» А. К. Толстого. Ср. и стр. 235.

² Соответствия старейшим формам на *-овать* имеем, напр., в письме царя Алексея 11 апр. (1663 г.): «...ане вабили с вервьью, а без верви отнудь у них [«сокола»] не летавали ни поварачивали; так мы поехали отвдавать на Васильев пруд...».

Что касается указываемых Н. С. А в и л о в о ю (К вопросу о суффиксальном образовании русского глагола в XVIII в.— Материалы и исследования по истории русск. литер. яз., II, 1951, стр. 275) из «Нем.-русского и латин. лексикона (Вейсмана) 1731 г. форм *наказовати, воспитовати, обязовати* (к наст. вр. изъяв. накл. *наказую, обязую* и под.), и под., то это не что иное, как церковнославянизмы. Для первой половины XIX века принимать прямое отношение их к формам типа *указую* и под., как это делает она, нет оснований: архаические формы этой системы могли в определенной стилистической функции еще употребляться в настоящем времени изъявительного наклонения, а в системе инфинитива здесь уже вполне возобладали русские на *-ыва-*.

основы настоящего времени к этим глаголам образуются подобным же образом (не на *-ую*, *-уешь* и т. д., как у *толковать* : *толкую*, *тосковать* : *тоскую* и под.). Вероятно, установлению форм типа *прикладывать* в соответствующих говорах предшествовало обобщение форм системы настоящего времени типа *«прикладоваю, *угадоваю» к инфинитивам *«прикладовать, *угадовать».

Русскою же (великорусскою) особенностью является при образованиях на *-ыва-*, *-ива-* очень распространенная в памятниках XIV в. и позднейшего времени мена гласного в корне *-о-* на *а* под ударением: *колоть*: *раска́лывать*, *пороть*: *распа́рывать*, *ходить*: *ха́живать*, *спросить*: *спра́шивать* и под. Ср. в московских грамотах XIV века: А тебе, господине князь великий, без нас *не доканчивати* ни с ким (догов. грам. вел. кн. Семена Ив. с князьями Ив. Ив. и Андр. Ив., около 1330 г.). Так же ми *не канчивати* с твоим братьничем, со князем Васильем... (Догов. в. кн. Юрия Дм. с в. кн. ряз. Ив. Фед. 1434). Эта особенность не известна, например, украинскому языку, в котором к *колоти* соответствующее образование — *розколювати*, к *пороти* — *розпорювати*, к *просити* — *запрошувати* и под.

В ряде слов эта мена осуществлялась в течение последней четверти XIX в.: *удостаивать*, *удваивать* и др. Еще Я. К. Грот в своем «Русском правописании» (13 изд., 1898 г., стр. XXXIV) давал, напр., только *усвоивать* (ср. нынешнее *усваивать* при устарелом *усвоивать*), а к колеблющимся случаям относил *успокоивать* и *успокаивать*. К вовсе недопустимым колебаниям он относил случаи замены *о* звуком *а* только в образованиях, заменивших *озабочивать*, *рассрочивать*, *уполномочивать* (в последнем случае теперь, однако, в разговорном языке тоже возобладало *а*).

Мена *о:а* в образованиях, о которых идет речь, проникла в них, вероятно, из форм глаголов на *-ати* со старым чередованием *о:а*, восходящим к былым отношениям «*о*: долгое *о*», символизировавшим во втором случае длительность (повторяемость) действия: *колоти* : *зака́лати* «*закалывать*»; *покорити ся* : *покаря́ти ся*; *ложити* : *полагáти*; *гонити* : *изганя́ти*; *просити* : *праша́ти*.

Это особенность, которую со старинным русским языком, а отчасти даже и с орфографией конца XIX века, до сих пор частично разделяет украинский язык: *ганяти*, *помагати*.

Еще в конце XIX века русской орфографии были известны, например, написания типа *сгарать*.

Чередования *о:а* характеризуется в образованиях последнего рода безударным положением корня, но получило в глаголах на *-ыва-*, *-ива-* распространение именно в подударном положении, вероятно, первоначально в образованиях типа **удвбивати*, **устроивати* и под. к *удвбить*, *устроить* и под.

Практика русского литературного языка в различные периоды в отношении тех или других не одинакова. Мы имеем, напр.: ...а на Русь нам уже ратью *не хоживати*, а выхода нам у русских князей *не прашивати* (Задонщ., 73 об.); в конце XVII в.:

А впредь надворные пехоты и в салдацких полках пушечные станки и колеса *скавивать...*» (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.); «...того ради многим *граживали* смертью и копиями» (там же). «...а Семен де Хлопов те воровские грани *понавливал*» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134).

Заметим, что связь образований на *-ива-* с глаголами на **-ја-* очень ясно опознается по мене конечных согласных корня вроде заходить : *захаживать*, крутить : *покручивать*, просить : *распраскивать* и под.¹

§ 32. Причастия.

Употребляемые в русском литературном языке склоняемые причастия, т. е. глагольные прилагательные, характеризующиеся специальными синтаксическими отношениями, едва ли не сплошь представляют заимствования из церковнославянского языка. О том, что они чужды обычной разговорной речи, определенно знал уже Ломоносов; ср. у него: «Сколько в высокой Поэзии служат одним речением Славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном Российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы» (О пользе книг церк.). Стоит вспомнить и замечание Пушкина: «Причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: который скачет, который метет и пр.—заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом». (См. «Атеней», кн. I—II, 1924, стр. 6—7).

Формы причастия настоящего времени действительного залога на *-щий*, *-щая*, *-щее* не оставляют сомнения в том, что они заимствованы, самой фонетической стороною: в соответствии основе, представленной другими индоевропейскими языками, ср.: лат. *ferens*, род. пад. *ferent-is*, греч. *phéōn*, род. пад. *phéōntos* — группа «t+, как и в балтийских языках, выступающий здесь .j» должна была в русском отразиться в виде *щ* (ч). Ср. отглагольные прилагательные, представляющие собой продолжателей старых русских причастных форм: *зрячий*, *горячий*, *стоячий*, *могучий*, *жгучий*, *летучий*.

Еще в 30-х годах XIX в. формы причастия прошедшего времени на *-ший*, *-вший* воспринимались как церковнославяннизмы².

¹ Ряд подробностей, относящихся к различным образованиям несовершенного вида, в русском языке затронут в рецензии П. С. Кузнецова на книгу С. П. Обнорского «Очерки по морфологии русского глагола», 1953 г., — Вопросы языковед., 1955 г., № 2, стр. 114—116.

² Одна частность образования: к инфинитиву *приобрести* и к формам изъявительного наклонения *приобрету* и т. д. причастие на *-ший* образуется двояко: *приобретший*, — форма как единственно литературная называется, например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, и *приобрёвший*, — форма, как более новая, сравнительно с допускаемой — *приобретший*, рекомендуемая «Тол-

Это же ясно, что касается форм страдательных на **-имый, -омый, -аемый**, из характера их употребления, их относительной редкости и семантической окраски.

В формах на **-ся** в современном языке не допускаются и после гласных сокращения в **-сь**. XVIII в. свободно употреблял такие формы: Томящаясь Москва в унынии дрожит (Сумар.). ...Но самое тогда случившееся бытие (Сумар.). Когда бы стали все судящиеся мириться, На что б казне тогда другим судам платиться? (Капнист, Ябеда). ...Чтоб увяли алы розы, Распустившиеся в весну (Иппокрена, 1799 г.). Как архаизм такая форма выступает неожиданно в «Дон-Жуане» А. К. Толстого: «...Струющаяся ...сила борется со тьмой».

В страдательных причастиях прошедшего времени останавливает на себе внимание употребление в членной форме двух **н**: *посланный, принужденный, заработанный* и под. Это удвоение **н** существует и в произношении, не с тою, однако, последовательностью, с какою его приводит наша орфография. Так, по наблюдению А. И. Соболевского, «обыкновенно, когда ударение находится в 3-м слого от конца, нами предпочитают формы с одним **н**: *писанный, брошенный, связанный*, а когда ударение стоит на втором слого от конца, мы употребляем чаще формы с двумя **н**: *принесённый, приведённый, спасённый, почтённый*».

По своему происхождению формы с удвоенным **н** — продукт влияния отлагольных прилагательных; ср. ст.-слав. повелѣнная (Савв. кн.), неизглаголаненъ, неисписаненъ, осжжденъна (Син. требник), укр. *невблаганный* и под. По свидетельству памятников, таким влиянием были охвачены причастия и в др.-украинской и белорусской области, но прочные результаты отложились в живой речи только русской. Древнерусское правописание, хотя и непоследовательно, с частыми отклонениями, отражает для всех положений произношение с удвоенным **н**: заключенных (Домостр., 6); по преже писанному (там же, 33) и там же: по преже писаному; зграбленными животами (Мат. Раз., I, № 8), убиенного (8 раз там же), грабленные товары (Мат. Раз., II, № 24), десять струговъ цѣлых и испорченныхъ (там же). ...Сделано на его государевых заводах в Приказ Тайных Дел 1.000 досок железных кованых... (Память из приказа Больш. дворца 1676 г.), но там же: ...Грановитую палату покрыть таким же кованым дощатым железом...

Более других разговорный характер обнаруживает только небольшая группа на **-тый, -тая, -тое**: *битый, шитый, взятый* и под.

XVIII век, усугубляя книжность причастий, допускал даже в атрибутивной их функции краткие (нечленные) формы на **-яй**¹,

ковым словарем» под редакцией Д. Н. Ушакова. *Приобрѣвший* представляет новообразование от форм прошедшего времени глагола: *приобрѣл, приобрела* и т. д., в которых **т** фонетически утрачено перед **л**.

¹ Характерно при этом, что, например, Радищев, пользуясь формой на **-яй** (муж. р. ед. ч.), понимает ее, по-видимому, как деепричастие: «Седля во власти, да смятутся От гласа твоего цари».

-щ, -ща, -ще, -ши и -вш, -вша, -вше, -вши: Не писав, летящи дни века проводити Можно... (Кант.), И ломит так, как ветер, Бунтующ многи дни, Возсед из земных недр (Сумар.). Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ... (Сумар.). Герои Севера, виновники сих бед, Как претерпевши вред, Как побежденны, стонут (Петров).

С XIX в. такие формы, о которых уже Ломоносов (Рос. грам., § 447) говорил как о «слуху досадных», не имея никакой опоры в живой речи, совершенно исчезают из употребления.

Краткие формы страдательных причастий, не имевшие в функции сказуемых определений соперников в деепричастиях, удержались, оставшись, однако, в XIX в. особенностью торжественного и архаизирующего слога: Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга (Пушк.). За мглой ветвей синеют неба своды, Как дымкою подернуты слегка (Фет).

В роли сказуемых нечленная форма страдательных причастий на **-но** и **-то**, по-видимому, как факт живого русского языка издавна известна в безличных предложениях: *сказано—сделано, взято* и под., и притом не только от основ совершенного вида, но и несовершенного: *говорено, смолоду бито-граблено*; от основ многократного вида — в соединении с отрицанием: *не видывано, не слыхивано*.

Старинный язык допускал подобные образования не только от глаголов, управляющих винительным падежом, но и от переходных, и даже от возвратных.

Вот несколько древнерусских примеров: А ведаеш и сам, что не богатством *жито* з добрыми людми (Домострой, 64). И со всеми теми мастера в сорок лет ... *разлезенося* без остуды... (там же). Ни кому ни в чем не *сьлыгивано*, ни *манено*, ни *пересрочено* (там же). А у меня де уже *говорено* з Григорием с Микулиным (Памятн. Смутн. врем., 78—79). А с калмыками де у них *помиренось* же (Мат. Раз., IV, № 22). И на судах (= сосудах) твоих *подписывано* также (Дело Ник., № 94).

Ср. в былинном языке: ...*Розорено*-де все да *надруганось* («Данило Борис.», зап. Ончуковым на Печоре). Да у моего родимого у брателка Да конями с Чурилом-то *поменянось*, Да цветным-то платьем *побратанось* (Смерть Чурила).

Характерно, что, в отличие от современного русского литературного языка, древнерусский, в параллель украинскому, допускал при безличных оборотах на **-но**, **-то** винительный объекта: ...и *учинено* сквозъ мрамор проходи (Путешествие Антония конца XII в. по списку XV в.). ...И скорбново словом *ползовано* (Домострой, 64). ...А остатки *сверчено* и *связано* (30). И огурцы и лимоны и сливы так же бы *очищено* и *перебрано* (49). ...То бы было все у ключника в мере и *запиано* [sic!], а хмель, и мед, и масло, и соль *вешено* (там же, 52). И домы их будут *раззорены* и имения их *пограблено* будет (Памятн. Смутн. вр.,

790). А подволоки у полат *выписано* травами (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). А *вырезано* на той печати инорог зверь (Котош., 89). И по отписке и по росписи Микифора ж и Петра те деньги на 123-й год *взято* сполна (Прих.-расх. кн. золотых, 1616 г.). ...чертеж и роспись у крестьян *принято* ... (Письмо кн. Я. Н. Одоевского, 1684 г.). ...у другога на правой ноге поперег бедра рубец *посечено*... (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.)¹.

Впечатление живых конструкций производят также древнерусские сочетания именительного падежа существительных со страдательными причастиями несовершенного вида на *н, т* в функции сказуемых (обычно без вспомогательных глаголов): В прошлом 167 году апреля в 1 день... *посылан* я да думной дьяк Алмаз Иванов к святейшему Никону патриарху (Дело Ник., № 5). Микита ж *допрашиван* (там же, № 4). А которая лошади *иманы* из монастырей, то все роздать по тем же монастырям с росписками (там же, № 94). И на домовой обиход всякой лес *вожен* (там же, № 114). А что ты ко мне писал, что на мой обиход покупал лошади, кони и мерины, и в какову цены *покупаны*, и про то мне ведомо (Хоз. Мороз., II, Акты, № 20). ...А которые товары привезены, а не проданы, или тут на торжку *покупаны* будут, и с тех непроданных и с покупных товаров таможенных пошлин им в монастырь не собирать... (Царск. грамота пошехонск. воеводе Лутохину, 1676 г.).

Сравнительно с древнерусским современный литературный язык, как мы знаем, помимо сдвигов синтаксического характера, отличается еще со стороны морфологической значительным сужением способности образовывать страдательные причастия несовершенного вида. Характерно, что особенно редки и в роли атрибутивной членной формы и в роли сказуемых причастия страдательные несовершенного вида на *н, т* и им предпочитают даже, не говоря о глагольных и причастных формах на *-ся*, формы на *-м*; ср.: *Продукты посылались почтою*, книжное и тяжелое — *Продукты были посылаемы почтою* и совсем невозможное — «Продукты были посланы почтою». Однако и среди самих страдательных причастий на *-н* не все одинаково вышли вовсе из употребления: хотя малоупотребительны, но возможны образования: *несен, веден, копан, колочен* и под.; не образуются же соответствующие формы от тех глаголов, у которых примета вида отличается в корне: *посылать, призывать, отрывать, заби-*

¹ Высказано мнение (П. С. Кузнецов, Русск. яз. в школе, 1951, № 2, стр. 71), что этот оборот свойствен едва ли не исключительно тем московским памятникам, которые испытали на себе польское влияние. Доказанным его, однако, считать нельзя.

В нынешних говорах, почти исключительно севернорусских, встречаются также сочетания таких форм в безличной функции с творительным падежом действующего лица — архаический тип здесь *волками хожено*; ср. Ф. П. Филин, «Бюллетень диалектолог. сектора Инст. русск. языка», вып. 4, М.—Л., 1948, стр. 40—47.

рать, затирать (ср. *послать, призвать, оторвать, забрать, затереть*).

По-видимому, в ряде говоров русского языка, влиявших на развитие литературного, страдательные причастия на *-н* и в тех функциях, в которых они были живой категорией, свелись только к образованию совершенного вида, — явление, параллели которому известны из многих языков (ср. страдательные причастия латинские, немецкие и др.). Когда, отчасти под иностранными влияниями, явилась тенденция воскресить систему страдательных оборотов, относительно легко восстановленными оказались формы, структурно близкие к причастиям совершенного вида; формы же, от них отличавшиеся самой основой, оказались восстановленными по старославянским образцам: (был) *посылаем, забираем, призываем* и под. и нашли себе сильных соперников в более близких разговорной речи *посылался* (посылается), *забирался, призывался* и под.

В целом для истории причастий на русской почве большой интерес представляют замечания Ломоносова (Рос. грам., §§ 435, 437, 439, 442), упорно подчеркивающего их непродуктивность. Как пример «весьма непростойных Российских, которые у Славян неизвестны», у него фигурируют *говорящий, чавкающий; брякнувший, нырнувший* он характеризует как «весьма противные», а *трогаемый, качаемый, мараемый*, по его мнению, даже «весьма дики и слуху несносны». Как видим, вся эта извне занесенная в русский язык морфологическая категория, вопреки отношению к ней авторитетнейшего грамматика XVIII в., не только выжила, но и, за некоторыми исключениями, развилась на русской литературной почве, оказавшись полезной хотя бы как способ сжатия придаточных предложений.

§ 33. Деепричастия.

Деепричастия настоящего времени.

И формально и синтаксически русские деепричастия восходят к старым формам причастий (см. Синт., § 15). Последние в именительном падеже в настоящем времени имели окончание: *-а* в I (*-е-*) и V (атематическом) классах для ед. ч. мужского и среднего рода: *зова, мога, дада, ъда*; *-учи* — для женского: *зовучи, могучи, дадучи, ъдучи*; *-уче* — для множ. ч. мужского рода: *зовуче, могуче, дадуче, ъдуче*.

Окончания от основ III (*-је-*) и IV (*-і-*) класса звучали: *я* (из *а, ја*) в ед. ч. муж. рода; *-ючи* (III кл.), *-ячи* (IV кл.) — в им. пад. ед. ч. жен. рода; *-ючи, -яче* — в им. п. мн. ч. м. р.: *зная, знаючи, знающе; пытая, пытаючи, пытающе; хваля, хвалячи, хваляче; лазя, лазячи, лазяче*.

Перерождение причастий, тяготевших к глаголам, в деепричастия (глагольные наречия) свидетельствуется утратой былого

согласования; ср., напр.: ...Се слышавше, Торци убо яшася, про-
бѣгоша и до сего дне и помроша бѣгаючи (Лавр. список летоп., 55).
...И не всхотѣша Половци мира и ступиша Половци воюючи (Лавр.
список лет., 72 об.).

В древнерусском влиятельными оказались, частично сохра-
нившиеся в диалектах, формы ед. ч. женского рода; в современ-
ном литературном — в употреблении почти исключительно формы,
восходящие к окончанию **-я**.

Свобода в выборе форм на **-чи** и без него отражена, напр.,
в «Уложении» царя Алексея, где можно в том же параграфе
встретить: «а которые сторонние люди слышачи крик и воп раз-
битых людей ...и те люди на крик и воп не пойдут...» и
«...да будет на них в сыску скажут, что слыша крик разбитых
людей на пособ к ним не пошли...» (гл. 21, § 59).

В XVIII в. формы на **-учи**, **-ючи** от основ несовершенного
вида еще в широком употреблении; ср.: Набегли тучи, Воду
несучи... (Тредиак.). Имеючи отца, хотя по натуре доброго чело-
века, однако в крайнем невежестве воспитанного... (Ломон.),
и мн. др.

В древнерусском некоторое время с формою на **-чи** (по про-
исхождению им. п. ед. ч. жен. рода) соперничала форма на **-че**
(множ. ч. муж. рода); ср.: Фоминѣ недѣлѣ исходяче... (1-ая
Новг. лет.). Тѣм поуць изверяче учинити... (Смолен. грам.
1330 г.), — ...Бѣ бо въздано ея [церковь] при немь [Мстиславе]
възвыше яко на кони стояще досящи (Лавр. спис. лет., 51).

С XIX в. устанавливается то употребление деепричастных
форм, которое мы имеем в настоящее время. Исключительное
распространение получают формы на **-я (-а)**, причем вообще от
ряда глаголов деепричастия не образуются: не образуют их основы
на велярный (заданебный) согласный, где **г, к** оказались бы
перед **я** (сочетания, несвойственные русскому языку)¹, и ряд
таких глаголов, в которых основа настоящего времени отлича-
лась от инфинитива; ср. пишу — писать, режу — резать, тру —
тереть, жну — жать, мну — мять и под. Отсутствуют также
формы деепричастия наст. вр. от глаголов типа гибну, тяну
и под.

Вытеснение окончанием **-я** старого **-а** свидетельствуется уже
отдельными случаями в церковных памятниках XII в.: *идя, чьтяя*
(Устав Петр. б-ки, сев.-русс. список с южнорусского оригинала),
но представляло, — судя по формам, в большом числе встречаю-
щимся в памятниках русского языка последующих столетий, —
явление областного распространения. Победа подобных форм
в литературном языке и вытеснение ими и форм на **-учи** обя-
заны, по-видимому, преимуществам более единообразного и ко-

¹ В др.-русском, однако, они по диалектам возникали: река (Новг. лет.),
повьрга (новг. грам. 1305 г.), как мोगя (Закладн. кабала XIII или XIV в.,
сев.-русс., Акты юрид., II, № 126), рка (двин. гр.).

роткого окончания. Нужно, однако, принять во внимание, что, как уже было отмечено в науке, формы на **-чи** вообще в великорусском в новое время сравнительно редки. Характерно, что в первой четверти XIX в., когда формы на **-учи**, **-ючи** еще допускались в литературном языке, их однако уже не рекомендовали; Греч (§ 247), упоминая их, отводил им место только в просторечии и считал их «неупотребительными на письме и в возвышенном слог».

Употребление их относилось по преимуществу к отдельным словам: *живучи, ездючи, смеючись*. Ср. из языка XVIII в.: В немецком языке, *живучи* и в сей раз в Петербурге, я ничего не поправился... (Болотов), ...*ездючи* с зятем в маленьких санях по тонкому и трещаему еще льду... (Болот.)¹.

Неясной остается причина избегания форм деепричастий на **-я (-а)** в случаях расхождения между основой настоящего времени и инфинитива (*пишу — писать* и под.). Суть дела тут, кажется, с одной стороны, в механическом обобщении запрета на формы типа **-учи** как простонародные (отсюда отказ, напр., от «пишучи») и, с другой — в подсказанной школьными влияниями осторожности при производстве многих форм, фактически не осуществлявшихся в практике предшествующего времени. В классе **-не- | -ну-** (II) деепричастия настоящего времени не образовывались, так как состав его почти сплошь охватывал только глаголы совершенного вида.

Деепричастия прошедшего времени.

Причастия прошедшего времени действительного залога, из которых получились впоследствии деепричастия прошедшего времени, имели в основах на согласный, включая и носовые, **ъ** в им. ед. ч. м. р. и ср. р., **-ъш-и** — в им. ед. ж. р., **-ъш-е** — в им. мн. м. р., **-ъш-ѣ** (ст.-слав. **-ъшѣ**) — в им. мн. ж. р. В основах на гласный и **л** между ними и окончанием вставлялось еще **в**. В дальнейшем относящиеся сюда факты распределились следующим образом: в м. старых *въземъ* из *възьмъ*, *сънемъ*, *примьмъ* с XVII в., судя по Котошихину, в употребление входят **взяв**, **сняв**, **приняв**, образуемые от основ инфинитива (прош. время). Ср. также современные **прокляв**, **начав** в м. старых *прокльнѣ*, *прокльнѣши*, *начьнѣ* — *прокленѣ*, *прокленѣши*, *наченѣ*.

Еще в XVII в. от других основ на согласный в употреблении формы на **-ъ** (т. е. фонетически без окончания): ...Атаман Корней Яковлев, *прочет* твою ... грамоту в кругу донским казакм, говорил... (Мат. Раз., IV, № 7). ...Те казаки, *пришод* на Волгу, погребли на низ (там же, II, № 12). А *пришед* к царю на двор сильно, и привели того Шоринова сына перед царя (Котош., 103).

¹ Об их употреблении в первой половине XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., т. II, стр. 126—127.

Рядом, однако, встречаются и формы на **-ши**, реже на **-ше**: ...деньги *счѣтши* (Домостр., 35). *Складши* и свертев хорошенько положить (там же, 38). И ты *пришедши* да неподельно на наших послов грабеж и бесчестье и сорому учинил, по лживому посланью брата твоего и всех Свейских людей, оманкою *заведши* наших послов да мучити... (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. королю, 1573 г.). И *вывезши* на площади, подъячие роздают милостыню нищим (Котош.). И *слезши* с лошадей, послы и их дворяне шпаги с себя снимут (89 об.). И, *озябше*, встав еще попойду (Аввак., 114).

Еще чаще в XVII в. употребляются от основ на **д**, **т** формы на **-чи**. Последние, по-видимому, представляют фонетический продукт слияния **т** основы с **ш** окончания, причем и в письме и в произношении корневая часть так или иначе восстанавливалась, не без влияния, вероятно, окончания деепричастий настоящего времени:

И тое прибыль, *счотчи* против иных городов прибылей, берут на них самих (Котош., 140). *Вшедчи* в церковь, того мы не застали (Дело Ник., № 36). И оне, *свѣдчи*, опять лямку потянут (Аввак., 87). И *етчи* и пив за здоровья их государские, того дня бояре и все чины розъедутца по домом (Котош., 13). Поп да петух *едчи* поют и не *едчи* поют (Старин. посл., XVII в.). И *покрадчи* и пограбя бояр своих, уходят на Дон (Котош., 135). И *приведчи* в город, собрался их, воров, болши 5000 человек (Котош., 103). И *вычетчи* великого государя грамоту, великому государю атаманы и казаки ... челом ударили (Мат. Раз., IV, № 4). А *виодчи* ... в город... (там же, III, № 61). И послал под Шатцкой к атаману к Максимку Дмитриеву не *четчи* (там же, III, № 44). Ожил Федос, *забриодчи* в овнос (Стар. сборн., XVII в.). К колебанию ср.: ...Мы де, *прошед* таборы, да постоим и к тебе, постояв, все воротимся. И *прошедчи* оне таборы и постояв в лесу, и пошли дорогою к большим таборам... (Отписка кн. Гр. Долгорукова и Алексея Голохвастова царю Вас. Шуйск., 1609 г.).

Так как основы на **д** (**т**) в причастиях прошедшего времени на **л** их утрачивали и в виде основы выступала часть, оканчивавшаяся на гласный, — *с-ел*, *е-л* и под., то к этим влиятельным формам стали образовываться деепричастия и типа основ на гласные; ср.: И *евши* и пив, царь царевну отпустит к сестрам своим (Котош., 7). Ср. совр.: *сев*, *поев*, *украв*.

К инфинитивам с гласной приметой образуются, как и теперь, деепричастия на **-в**: *замкнув* двери (Дело Ник., № 94); *взяв*... четыре лошади (Мат. Раз., II, № 5). *Приехав* те донские казаки в Астрахань, сказали... (там же, № 8). И атаман де Корнило с казаками, *выняв* из Дону жильца Герасимова тело, погребли у себя в Черкасском городке... (там же, IV, № 4).

Реже встречаем окончания **-вши**: А послухом не видев не послушествовати, а *видевши* сказати правду (Судебн. 1497 г., 67).

И пошли есмь в Дербент *заплакавши* (Хож. Аф. Никит., — Кудр.), ...*остряпавши* дело (Домостр., 35), и *-вше*: *Видевше* же то боярин князь Василей Ивановичь... и боярин князь Василей Ивановичь склонился на их моление (Памятн. Смутн. врем. 833). *Усмотривше* времени час, упоиша его отравами (Котош., 4).

Влияние деепричастного окончания настоящего времени IV класса *-я* в старинном языке было больше, чем теперь: наряду с употребительными и теперь или близкими к нам формами, вроде: А кельи ево в Ферапонтове монастыре, *осмотря* все и изнутри *укрепя*..., запечатать (Дело Ник., № 94) ...*всех порубя* (Мат. Раз., № 4).— И *разграбя*, поехали на низ Волгою (там же, № 7) ...*встретесь* в дороге (там же, III, № 69). И *отпустия* я, холоп твой, обоз... (там же, III, № 7). И *розъездясь* я, холоп твой, и *разсмотря* места, велел пешим полкам и приказом с обозом со всем двором и с пушками на них наступать (там же, III, № 6)¹. И они, *покиня* свои таборы, побежали к своим кораблям и каторгам (Ист. об Азовск. сид., 27). *Скиня* с себя доброе платье, вздел крестьянское (Котош., 102). И, *покиня* обозы свои, побежали в Муром (Мат. Раз., № 22). ...*Острог покиня*, побежал в рубленой город (там же, III, № 16). Она, *вздохня*, отвещала (Аввакум, 89). Сам у него, *протяня* руку, и кореты доставал (там же, 95)².

Интересны оригинальные формы: *соимя*: соимя колпак (Домострой, 3), соимя рубашка (37); *взя*, продукт новой этимологизации: И государеву грамоту ему подал, он *взя*, чет, поворотился в вотчину свою Толмачеву (Мат. Раз., III, № 77); ср. *взяв* (там же, № 49) и *выня*: Конюшей ездит ... *выня* мечь наголо (Котош., 11); *выняв* цитировано выше.

Характерно также для старинного языка, что деепричастия прошедшего времени от возвратных глаголов оканчиваются, главным образом, на *-вся*, а не на *-вшись*, как теперь:

А которые немногия передние люди *оторвавься* да так учили... (Спис. с грамоты Иоанна Гр. к шведск. королю, 1572 г.). *Взял-де забавься* (Дело Ник., № 36). Царица, от великого страху *испужався*, лежала в болезни болши году (Котош., 105). И так те злые люди, которые от царя шли к Москве, встретились с теми людьми, которые шли к царю с Шориновым сыном, *собрався* вместе, пошли к царю (Котош., 103). *Недождався* его Василья, с Унжи ... побежали на утек на спех (Мат. Раз., III, № 84). И они, *испужався*, из под Синбирска побежали (там же, IV, № 16).

¹ Колебание в выборе форм на *-ив* и *-я* возможно для одного и того же лица; напр.: «...взяти по них поручные записки в том, что они, *не намостя* мостов, не збегут...» и «...а *не намостив* мостов, посошных не отпустить» (Дела Тайн. прик., II, Отписка мостов. дозорщиков, 1602 г.). И те де ... драгуны, *уведая*, твой, великого государя, указ, из полку его многие *розбежались* (Мат. Раз., III, № 69). ...*уведав* (там же, № 47).

² Из наиболее поздних примеров: К р и в о с у д о в (*разверня*): О, о — да это, брат, исправной документ (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.).

Реже: Борзее *отделавшись*, да домой (Домострой, 35) и под. В XVIII в. устанавливается для возвратных глаголов (глаголов на -ся) в форме прошедшего времени окончание -вшись; для глаголов без -ся возможны формы на согласный и на -ши, -вши (первые решительно преобладают).

Случайность выбора тех или других видна, напр., из примеров параллельного употребления: *Подошед*, медведь долго обнюхивал мнимо умершего и, убедившись в его смерти, ушел. Тогда друг, *сошедши* с дерева, спросил с шутливостью товарища... (Фонвизин, Два друга и Медв.).

Соображения о причинах распространения за счет форм, восходящих к причастиям прошедшего времени, форм с окончаниями настоящего (-я), выдвинутые Кудрявским¹, во всем существенном убедительны. Указывая на то, что суффиксу причастий прошедшего времени принадлежало, по-видимому, значение завершения действия, выражаемого глагольной основой, он для случаев, как, напр., «Услышавше половци, яко умерл естъ Володимер князь, *присунувшася* вборзе» (Лавр. 280, 17), подчеркивает дублирование того самого значения как глагольной основой, так и формой причастия и заключает: «Такая роскошь является, конечно, излишнею, и ничего нет удивительного в том, что уже в древнерусском языке появляются случаи употребления причастия настоящего времени от основ совершенного вида в значении завершения действия до наступления действия, обозначаемого сказуемым», употребление, «которое становится все чаще и чаще и доходит до современного языка в виде таких деепричастий, как «увидя, отойдя, взгромоздясь» и т. п.» (стр. 71).

От такой же «роскоши» язык освобождается, ликвидируя в течение XIX в. (главным образом во второй его половине) деепричастия прошедшего времени несовершенного вида и заменяя их формами деепричастий «настоящего времени», точнее, деепричастиями со значением одновременности сказуемому; ср. теперь уже не употребляющиеся сочетания вроде: Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер, Который пел, не *знав* галиматии мер (Сумар.). Как! *быв* честным котом до этих пор, Бывало за пример тебя смиренства кажут... (Крылов). Но Ленский, не *имев*, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегинным желал сердечно Знакомство покороче свесть (Пушкин). *Способствовал* временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические (Достоевский)².

¹ Д. Н. Кудрявский, К истории русских деепричастий. Вып. 1, Деепричастия прош. вр. Ученые записки Юрьевск. универс., 1916 г., № 10, стр. 78.

² В отдельных случаях такие формы, как иногда в современном украинском, могли употребляться даже в значении настоящего времени: И, дерево теперь, *стоявши* на вершине, Трепещет о своей судьбине (Хемн.). Крестьянин, ни-

Современное распределение форм деепричастий прошедшего времени, кроме случаев с окончанием **-я**, — окончание **-ши** в основах на согласный (*рассекши, сберегши*)¹, окончание **-в** в глаголах невозвратных (*сказав, заметив, выстрелив, толкнув*) и **-вшись** — в возвратных (*укутавшись, встретившись, столкнувшись*), — представляет, по-видимому, своеобразный компромисс между вариантами **-в** и **-вши**. Если «с формой на **-в** мы соединяем представление большей книжности, литературности», то «форма на **-(в)ши** считается более народной и разговорной» (Кудрявский, стр. 14). Последняя и сохранилась в возвратных глаголах, будучи защищена аффиксом **-сь**. Что касается первой, то, вероятно, она возобладала в литературном языке ввиду преимущества своей краткости, хотя это и привело к нарушению единства окончания в родственных случаях².

чего не *думавши*, идет (Хемн.). И подстрекаем *быв*, бодрится (Держ.). Возсядь — и в гуле гор игривом На арфе древние следы Из праха *извлекая* забвенья... Грянь... (Держ., Новгородский волхв Злогор). Волк *вши* никогда костей не разбирает (Крылов).

Большее количество в памятниках XVII в. форм на **-я** соответствующих тем, где у нас возможны еще или исключительно в употреблении формы на **-в (-вши)**, объясняется, вероятно, прежде всего тем, что современный письменный язык менее свободно в данном случае выражает факты живых говоров, нашедшие себе выражение уже в ранних памятниках восточнославянской письменности (ср. в Мирн. грам. новгородцев 1195 г.: Оже не правять, то князю яви людем взяти свое у гости; в Русск. правде: Да аще будя [будеть] обидя...) и перешедшие в позднейшую письменность как литературные.

Примеры вроде *скиня* не выжили из-за отсутствия поддержки в параллельных формах несовершенного вида.

Случаи типа *уведая, прочитая*, первые ласточки тенденции и в III классе провести черту, получившую свое развитие в IV классе, немногочисленные и в XVII в. (ср. колебание *уведаю — уведав*): А прочитая сее нашу царскую грамоту... отдавати им назад (Грамм. царя Феодора Иоанн. князю Вымской земли Лугую, в списке, — пис. в 1586 г.), не распространялись. Иногда они встречаются в XVIII и еще реже в XIX в.: На ту беду у них был в доме дворный пес, Который обоих хозяев *не узная*, Вдруг бросился на них, как Цербер адский лая (В. Майков, Елис.). Ах! многим бы желал то правило принять, Чтоб, вес *узная* свой, высоко не летать (Судовщиков, Опыт искусства). Покуда, страсть *уразумя* Под лаской вкрадчивой реза, Ответным взором Галатея Не увлечет... К победе неги мудреца (Барат.). Известны такие параллельные образования от форм будущего времени изъяв. наклонения других глаголов; ср., напр.: А уду червяком *прикроя*, Поймаешь лучшего из рыб героя (В. Майков, Рыбак и Шука). Лиса глядь, глядь, туда, сюда, Как будто совести *почувстаюя* улику... (Дмитр., Лиса-пропов.). Примеры из писателей первой половины XIX в. — РЛЯ пп. XIX в., 1954, стр. 135.

О распределении деепричастных форм прошедшего времени в литературном языке первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., стр. 133—134.

¹ Основы на **д**, **т** здесь совпали с основами на гласный, так как **д**, **т** выпало перед **л** прошедшего времени: *сел, прял — сев(ши), напряв(ши)*.

² Считаю прогноз Кудрявского «...живую формой следует считать форму на **-в(ши)**, которая, быть может, и станет впоследствии единственной формой деепричастия прошедшего времени» — решительно расходящимся с фактами. Господство форм на **-в** уже для конца XIX в. — факт, не возбуждающий никаких сомнений.

§ 34. Замечания о префиксах.

1. С точки зрения сравнительно-исторической некоторые русские префиксы вообще представляют любопытный факт. По происхождению и в основном по употреблению именными являются **па-, пра-,** отчасти су- (sq-): *память, падчерница, прадед, праотцы, супруга, сутки* (*sq-ть-ку) и под. Их соответствия в системе глагола выступают как **по-, про-, съ-** (из *сьп-). Имена с **по-, про-, с-** представляют уже производные от глаголов, т. е. в аспекте сравнительно-историческом — относительно новый слой префиксальных образований. С точки зрения происхождения соответствующих гласных звуков (см. «Фонетика», § 7) различие между первой и второй группой префиксов количественное: первые восходят к дославянским *rō-, *rgō-, sōp-, вторые — к *ro-, *rgo-, *sm̥ (s + слоговое m). В славянских языках, до сих пор сохраняющих количественные различия гласных, например, в чешском или в сербском, противопоставление долготности именных префиксов сокращению их гласных в системе глагола проведено вообще с большой последовательностью¹.

2. **Оби-**. Вопрос об этой форме префикса естественно встает в связи со словом *обиход*. Относительно недавно он был рассмотрен В. И. Чернышевым в статье «О некоторых русских префиксах и предлогах», — Язык и мышление, XI, 1948, стр. 376 и сл., но, несмотря на привлеченный автором богатый материал, главным образом диалектный, — без этимологических результатов. Хотя этот префикс может быть отмечен и вне восточнославянских языков, — серб. *обилазити* «ходить кругом; обходить», свой вид он, вероятно, приобрел на восточнославянской почве. По-видимому, это — аналогическое образование, возникшее так или иначе в связи с *ити* «идти»: *об-йти, с дальнейшим перераспределением *оби-йти. Прежде всего по этому образцу возникло *обиходити* (*обишьль* и под.), относительно широко распространенное в разных говорах и засвидетельствованное в памятниках; за ним последовал ряд других глаголов со значениями той же смысловой сферы; в памятниках: *обистояти* «окружать; осиливать»; *обисъсти, обисяду* «окружить, обойти»; *обитекати* «обходить» (в «Житии Феодора Студийского», XIII в.); *обиступати, обиступити* «обступать, обступить». Что касается *обизаряти* «озарять», то эта форма отмечена в южных «Пандектах Антиоха», а *оби-*

¹ Подробности см. в статье автора — «Отношения глагольных и именных образований в чешском языке», — Филол. сборник, № 3, 1951 г., Киев, унив. им. Т. Г. Шевченко, стр. 47 и сл.

Новые серьезные соображения об этимологическом отношении **съ-** и **сж-** недавно высказаны в труде известного польского ученого Е. (Jerzy) Курьоловича — «L'arophonie en Indo-européen» (на французском языке). Wrocław, 1956, § 26, стр. 233. То и другое он одинаково возводит к древнейшим *SON или *SUN (<*SN). В независимом употреблении (иначе говоря, в конце слова) из *SON, *SUN фонетически получалось *сь, в составе слова (иначе говоря, в срединном положении) — *сьп-.

зрѣти «осмотреть» — в западном памятнике — грамоте рижан около 1300 года. В обоих памятниках эти образования могут отражать специальное условие — приставное и перед двумя согласными (сначала — при *зрѣти*, потом — у родственных по смыслу). С южной или западной почвой могут быть по своему происхождению связаны и редкие случаи (два) *обизрѣтися*, отмеченные в «Материалах» Срезневского, II, стр. 506¹. Уединенное *обисияти* «окружать сиянием» не ясно, но обращает на себя внимание, что форма это отмечена как раз в том памятнике (в «Житии Феодора Студийского»), где встречается и уединенное *обитекати*.

3. Элементы слова, которые мы называем префиксами, исторически, в чем нет никакого сомнения, восходят к предлогам. Обращает на себя внимание префикс **роз-** (**раз-**), не имеющий себе соответствия в виде особого предлога. В некотором родстве с ним состоит только древнерусское наречие, по-видимому, только книжное, **развѣ** (развѣ), употреблявшееся иногда и в функции предлога со значением «кроме» (ср. и нынешнее *разве, разве что*)². В качестве предлога в настоящее время *raz* известно только диалектно словенскому языку в значении «с (сверху)»: *raz kopja stopiti* «сойти с коня» и под. (ср. и наречие *gazen* «кроме»). Очень немногочисленные северные диалектизмы в виде **разо** отмечены Чернышевым в упомянутой статье, стр. 386; значение — «через»: «что ты разо всю улицу кричишь?» (черепов.); «У меня разо все платье пятно-то масляное расплылось» (ярослав.).

4. Префикс **вы-** (**ву-**) представляет особенность восточнославянских и западнославянских языков сравнительно с южными (из- в качестве префикса в русском языке характеризует заимствования из старославянского). Отдельные примеры *vu-* известны, впрочем, словенскому. В качестве предлога оно нигде не сохранилось. Среди других префиксов **вы-** занимает особое место по своему ударению: кроме него, глагольные префиксы, как правило, не имеют на себе ударения в инфинитивах и формах системы настоящего времени, тогда как **вы-** в образованиях совершенного вида подударно. Для объяснения его специальных особенностей недавно выдвинута мысль, будто этот префикс — германского происхождения³. Согласиться с этим трудно, так как такого рода догадка предполагает очень глубокое проникновение германского влияния в древнейший период жизни славянских языков, а этого до сих пор никто убедительно доказать не смог.

¹ Диал. *обизор* «позор; стыд; поношение» и производные, возможно, поздний факт — контаминация с *обида*.

² Подробнее см. «Синтаксис», § 14. К этимологии — А. Преображенский, Этим. словарь русск. яз., II, стр. 174—175.

³ A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, I, 1950, §§ 83, 92.

§ 35. Замечания о супплетивных формах.

С самых древних известных нам состояний языка семантически объединенные группы форм могли быть представлены образованиями от разных корней. Старейший пример — хотя бы *есмь* — *быти*, лит. *esmi* — *būti*, лат. *sum* — *fui* (perf.), др.-инд. *ásmi* — *babhū'va* (perf.) и под. В языках, однако, в том числе и русском, не всё, что относится к фактам этого рода, представляет наследие старины.

Мы и сейчас можем наблюдать в отдельных случаях нарождение новых супплетивных отношений и на них видеть по крайней мере отдельные мотивы, вызывающие супплетивизм.

Явление конца XIX и начала XX в. представляет фактическая утрата косвенных падежей ед. ч. от слова *дитя*, выпадавших из общей системы русских склонений и заменившихся соответствующими формами от слова *ребенок*. Характерно при этом, что как раз прямое соответствие слову «ребенок» множественного числа — *ребята* семантически отчасти порвало с ним связь и получило значение интимного или фамильярного «парни» («Ребята, не Москва-ль за нами?...» Лерм.), а ближе к нашему времени — «школьники» и под.

Распространена в языках тенденция образовывать от другого корня множественное число к слову «человек». Ср., напр., принятие болгарским языком уже после XVI в. греческого *хора* «страна» в значении «люди». В русском употреблявшиеся еще в книжном языке XVIII в. в торжественном слове *человеки*, *человеков* и т. д. теперь окончательно вытеснены существовавшим издревле параллельным *люди*. *Человек*, *человекам* и т. д. осталось в употреблении только при числах *пять* ... *десять* и под.

В случае *год*, *года* и т. д., но род. мн. *лет* — с *этих лет*, *шестидесять лет* — супплетивная форма — результат старого семантического параллелизма (ср. «въ лѣто...»).

Многочисленны параллели супплетивности форм сравнительной (превосходной) степени в других языках и как раз у наиболее употребительных слов (ср. хотя бы лат. *bonus* — *melior* — *optimus* «хороший — лучший — наилучший», нем. *viel* — *mehr* — *am meisten* «много — больше — всего более»). Тут решающая роль, видимо, принадлежала обилию вариантов, из которых часть получила позже морфологические признаки сравнения. В качестве сравнительных первоначально могли выступать прилагательные, обозначавшие просто большое содержание определенного качества. Ср. обратное — нынешнее *большой* — по происхождению форма сравнительной степени — при *больший* (ц.-слав.) со значением сравнительности.

Насколько в этом отношении возможен был выбор, показывает хотя бы сравнение со старославянским, где для значения «лучшего» в употреблении были слова: *лучий*, *уний*, ср. и *сулий* «лучший, более подходящий», *рачий* (в наречном значении «лучше,

скорее, охотнее), *льпльый* «более красивый» и под. (четыре первых не имели при себе однокоренных в положительной степени). Заметим еще, что русское *хороший*, видимо, факт в языке более поздний, чем сравнит. *лучший*¹.

В русском глаголе, если исключить отношения видовых форм, супплетивизм мало распространен: при *иду*, *идти* мы имеем прошедшее время *шел* (корень *шъд-*, родственный *ход-*; ср. **схъд-*), при *еду* — инфинитив *ехать*. Оба эти факта представляют явления уже дорусские. Раннему супплетивированию корня *і* — «итти» способствовала его краткость. Как в *иду*, так и в *еду* -д- представляет собою утративший продуктивность формальный элемент; ср. др.-инд. *уā-tī* «он идет, едет», лит. *jō-ju* «еду». Примета -х-, спорного происхождения, в инфинитиве могла явиться, как в других случаях, для усиления слишком короткого корня.

О *поезжай* упоминалось в § 26.

О супплетивности личных местоимений см. в § 18.

Иной вид супплетивности представляют нарушения обычных отношений между числами имен тем, что каждое число имеет свои суффиксальные приметы. Две большие категории таких отношений описаны выше (§ 17).

Частные случаи представляют: *курица*, но *куры*, *кур* и т. д.

Различные основы единственного и множественного числа явились, по-видимому, в результате того, что *куры* первоначально употреблялось как общее имя и для «куриц» и для петухов (им. ед. ч. *куръ*). В «Домострое» читаем: у свиней или у гусей, или у курав... (42), ...ни куром, ни гусем, ни уткам... (44). Ср. еще: двадцать куров (Юрид. акты, 1610 г.).

В XVIII и первой половине XIX в. еще свободно во множественном числе употреблялись формы с суффиксальным *-иц-*: Не думал никогда увидеться я с вами — Бедняжка *курицам* сказал... (В. Л. Пушкин, Ощипанн. петух). Ощипанный Петух, собрав остаток сил, От *куриц* лыжи навострил (там же). Но и: «Какое дело нам до шалостей твоих? Все *куры* в голос закричали».

Ед. ч. *судно* — множ. ч. *суда*, род. *судов*. Такие отношения были уже фактом для XVI в., а установились, вероятно, еще раньше: Пошли есмь к Дербенти двама суды: в одном судне посол Асамбег..., а в другом судне 6 москвичь да 6 тверичь (Хож. Аф. Никит., — Срезн. III, 609). Но известно было и «правильное» образование множественного: ...А было де их восемь суден, а в суднях человек с двести и болши. И как де будут у них на куренях, его Петровых товарищей и иных Острогожских казаков, которые для рыбных ловель были на речке Черной Колитве, и с суднами и с ружьем и запасы побрали с собою насилно 23 человека (Отписка царю Федору курск. воеводы кн. Петра Хованск., 1682 г.).

¹ По вопросу о нем см. С. П. Обнорский, Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке, — Язык и литер., III (1929), стр. 241—251. Предположения автора, впрочем, сомнительны.

Судъ и *судно* первоначально одинаково обозначали «сосуд, посудина». Ср.: Прислал к нему с послы его судна с три серебряных (Мат. пут. Ив. Петлина, 279). Слово могло также иметь значение «орудие, оружие для боя».

Судно как единственное число могло возобладать из-за отталкивания от омонима (в им.-вин.) *суд* «суд», употребительного главным образом в единственном числе. Нынешнее *суда* — вм. старого *суды* муж. р., как можно заключить по родительному на -ов.

Цветок, но *цветы*. Ср. и укр. *квітка*, но *квіти* (при *квітки*). В ст.-славянском *цвѣтъкъ* имеет значение «цветочек», *цвѣтъ* «цветок». *Цветок* вытеснило прежнее *цвет*, вероятно, из тенденции к различению значений «окраска» (цвет) или «часть растения, рождающая плод и семя» и «цветок» (цветок). Во множественном это достигалось различием форм *цветы* и *цветá*. К тому же, по видимому, нередко в древнерусском слово *цвѣтъ* употреблялось в значении собирательном.

Употребление *цветы* в значении «цветá» возможно было еще в первой половине XIX в.; ср.: «Все радужны *цветы* мелькают и блестят И яркостью своей Щегленка взор прельщают» (А. Измайлов, Павлин, Щегленок и Воробы).

Особая основа в одном только родительном множественного у слов *борьба*, *мечта*, *мольба* установилась в литературном языке, вероятно, ввиду сомнений, как должны звучать соответствующие формы при прямом их образовании: *борѣб* или *борьб*, *мечѣт* или *мечт*, *молеб* или *мольб*. Слова все эти книжные, и подход к ним был у тех, кто впервые хотел ими воспользоваться, конечно, искусственный. Чтобы выйти из затруднения, пишущие прибегли к однозначным *борений*, *мечтаний*, *молений*.

Впрочем, издавна встречалось и *мечт*, ср., напр., у Державина: «Не все ли виды нам природы Лишь бывших мечт явятся сонм?» (Бессмертие души).

Слюна и *слюни* (мн. ч.) не представляют действительного супплетивизма: это разные образования, не различающиеся по смыслу. Супплетивны в суффиксальной части слова отношения: краткие формы — *сблон*, *солонá*, *сблono* ... (из **solnъ*, **solna*; ср. серб. *слáн* и под.), но членные (полные) — *солёный*, *солёная* и т. д. восходят к причастиям страдательного залога прош. времени от глагола *солить*.

По поводу глагольных отношений типа *ошибиться*: *ошибуся* и под. см. §§ 25 и 29.

§ 36. Итоги исторических изменений в склонении и спряжении.

Состав синтаксических форм¹ нынешнего литературного русского языка сравнительно с его прежним состоянием позволяет констатировать такие изменения:

¹ О «синтаксических» формах говорим здесь, имея в виду такие, которые играют роль в связях.

1. Из употребления вышел ряд категорий узкого семантического значения или специальной психологической окраски. Сюда относятся: утрата двойственного числа (полная — в глаголе и с различными отложениями — в именах существительных), звательных форм¹, супинов (достигаемых форм), числительных типа *двои*, *трои*, относившихся к именам существительным, которые употреблялись только во множественном (*pluralia tantum*) или представляли названия парных предметов, энклитических местоимений: *мя*, *тя*.

2. Сократилось разнообразие примет склонения в тех же самых падежах и числах: вымерло почти полностью мужское склонение типа *гость*, род. п. *гости*, типа *камы*, род. *камне*, типа *днь*, род. *дње*, типа *судии*, род. *судий*, сред. р. *тъло*, род. *тълесе*², женского рода — типов *богын*, *пустын*, род. *богынъ*, *пустынъ*, *буки*, род. *букъве*, *телл*, род. *теллте*, и др.³.

3. Утрачено именами прилагательными и родственными им по флексии категориями бывшее различие грамматических родов во множественном числе.

4. Сократилось количество форм, служивших передаче родственных (близких) временных значений в глаголе (ср. утрату аористов и имперфектов — § 25).

5. Старая система аналитических (составных) форм спряжения претерпела ряд изменений.

а) Форма перфекта — ...Послася изяславъ к нему, река: ци сам есмь съл кыевъ? посадили мя кыяне (Лавр. сп. Сузд. лет., 105), утратила свой аналитический характер благодаря опущению вспомогательного глагола (что встречается уже с начала восточнославянской письменности).

б) Утраченными оказались: формы давно прошедшего (прошедшего предварительного), состоявшие из вспомогательного глагола *бѣхъ* или *бѣахъ* и т. д. (ср. еще специально вост.-слав. 1 л. ед. ч. *бяхъ*, 3 л. ед. ч. *бяхеть* и под.) и причастий на *-лъ*, *-ла*, *-ло*:

Матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ еще бо не бяху ся оутвердили вѣроу. Но акы по мертвецѣ плакахся [sic! — плака-

¹ Звательная форма в живой ее функции вымерла в русском языке очень рано. Искусственное возрождение фактически уже вымершей формы представляют, например: «Тако рече князь великы *Дмитрие* Иванович...» (Задонщ. по сп. XV в., 83—84). С явной стилистической установкой звательную форму *старче* вводит Пушкин в свою «Сказку о рыбаке и рыбке»: «Чего тебе надобно, *старче*?».

² Остатки его — только формы мн. ч. *небеса* и т. д., *чудеса* и т. д.

³ В XVI и XVII вв. как живая категория вполне еще обычны формы на *-я* среднего рода; ср., хотя бы: «...так *понаслось одно утя* шилохвость...» (Письмо ц. Алексея 1663 г.); «...*первое утя* убил...» (там же).

хуся] (Лавр. спис. летоп., 41)¹. И рече ему Олга: «видиши ли мя болну сущю? камо хощеша от мене ити? бѣ бо уже разболѣлася (Новгор. 5 летоп., под 6477 годом). ...И несѣше погребша ю на мѣстѣ, идеже повелѣла. И бѣ заповѣдала Олга не творити трызни над собою» (там же). ...а Святослава Ростиславлица выгнаша, зане бѣ Ростиславъ, отечь его, изморилъ братю в погребѣ и много имѣния их взялъ» (Новгор. 5 летоп., под 6668 годом)², и формы будущего предварительного (употребляющагося часто также в условном значении): ...Кого буду прикупилъ, или кто ми ся будетъ въ винѣ достал... или кто ся будетъ у тыхъ люди женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ даль есмь волю (Дух. в. кн. Сем. Ив.). Оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите, исправливая бога дѣля (Лавр. спис. Сузд. лет., 173а). Или не будетъ и истѣца... целовав ему крест, куны ему взяти у Новагорода, колько будетъ дал... (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 г.).

в) В форме условного (сослагательного) наклонения (ср. § 28): Еда быхъ ся постриглъ (Лавр. сп. Сузд. лет., 104 об., β). Людѣмъ силно налегшимъ а быша легко дошли църкве (там же, 96 об., α) — вспомогательный глагол превратился в частицу **бы**.

г) Из образывавшихся в древнерусском форм давнопрошедшего времени типа *отняли были, имали были*¹ [ср. еще в начале XVII в.: Поехал был к государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и к тебе к государю... архимандрит Феофил с образы и святой водой челом ударити; и мы с Петром Головичем (sic! — Головиным), не допуская Ростова, с дороги его воротили, для бездорожищи... (Письмо Ив. Волынского к гетману Яну Сапеге, 1608—1609 г.) ...И к тебе, государю, мы, нищие богомольцы, из Ярославля поехали были, и, недоехав, государь, до Ростова, стретили нас Иван Иванович Волынской да пан Петр Головин, и по твоему государева слову нас воротили (Письмо архим. Ярославск. Спасск. монаст. Феофила гетм. Яну Сапеге, 1609 г.). ...писали... что генваря в 11 день пошли были из Смоленска полковник Тумашевской со многими с польскими и с литовскими людьми на Бельскую дорогу стоять и отнимать дороги (Прих.-расходн. книга золотых, 1623—1629 гг.). ...Сидели они от Тюрхменцов в осаде, укрепясь, 20 ден, и с ними были помирились... И после де того, те Тюрхменцы опять с ними задралися и почели их грабить... (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова 1620—1622 г.)] — обособился

¹ Не выжила в дальнейшем в старом виде и древнерусская замена форм давнопрошедшего: был отъял (Новг. грам. 1265 г.); Тимофей был, господине, нам ту землю и с житом отдал (Юрид. акты, 1490 г.), и под. Возможно, что к аналитическим формам (сочетаниям) этого рода восходит известная сказочная формула *жили-были*.

вспомогательный глагол-частица **было** со значением начавшегося, но не закончившегося, не увенчавшегося успехом и под. действий: *пошел было, сказал было* и под.: ...Воров камнем з города отбили; и они уж были у Каличьих ворот и ворота было отняли (Письмо чернеца Семиона к келарю Авраам. Палицыну, 1608 г.)¹.

В целом, таким образом, русский язык проявил тенденцию к сокращению употребления глаголов-связок или к превращению их в частицы.

д) В форме будущего времени несовершенного вида над всеми другими связками, бывшими раньше в употреблении (*иму, начну, учну*² и др.), возобладали наиболее абстрактная **буду** (в этой роли не засвидетельствованная вообще в древнейших памятниках) и реже — с эмоциональной окраской *стану*; ср. из старинного языка: ...И внидемъ в роту а ты к намъ, да ни вы начнете бояти ся насъ ни мы васъ (Лавр. сп. Сузд. лет., 120 β—120 об., α). Кто иметь держати споръ с своимъ баскаком, тако ему будетъ (там же, 170а).

б. Значительно выравнялась дифференцированная по характеру согласных перед переднеязычными флективными приметами основа (материальная часть слова); ср.: *руке, о волке, ноге, о друге, сохе, о страхе* (др.-русск. *руць, вълць, нозь, друзь, сось, страсть*) — рука, рукою, волка, волку и под.: *волки, боги, страхи* (др.-р. *вълци, бози, страси*) — волков, богов, страхов; *пеки, зажги, стереги* (ст.-сл. *пѣци, жьси* и под.) — пеку, жгу, и под. Заслуживает внимания при этом, что выравнивания

¹ В украинском языке составные формы вроде *ходив був, помічав був* и сейчас факт живого употребления и в значении давнопрошедшего времени или предварительного прошедшего, и, в зависимости от контекста, — начато, но не закончившегося действия. Относительно нередки подобные формы и в русских говорах. В. И. Чернышев (Труды Инст. русск. яз. Акад. наук., 1, 1949, стр. 218—220), думаю, вполне справедливо толкует *было*, заменившее в таких случаях согласованные *был, была* и т. д., как простую утрату согласования, а не как остатки безличных в прошлом предложений с двумя актами мысли (Потебня).

² Ср. еще даже в XVII в.: ...А впредь, государь, чаеть, и больши не учну(т) ходить на работу (Хоз. Мороз., 1, № 88). Изредка такое употребление встречалось в говорах даже в еще совсем недавнее время: С. А. Еремин., напр., в Описании Уломского и Ваучского говоров Черепов. уезда Новгород. губ., — Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, ХСІХ, № 15 (1922) упоминает, что здесь наряду с *буду* «совершенно на равноправном положении» употребляются *иму, стану, хочу, начну, почну* и др.

Новейшая теория (K. Rösler, Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slavischen, — Wiener slavist. Jahrbuch, II, 1952, стр. 103—149, согласно которой аналитические формы — *буду*... с инфинитивом представляют, будто бы, результат осуществившегося с XVII века (в конечном счете) немецкого влияния («...совпадения западных литературных влияний с вызванными распространением царского государства на запад непосредственными взаимовлияниями между русскими, украинцами, и белорусами», — стр. 145) не убеждает: ареал этих форм слишком велик, и проходят они в народную речь слишком глубоко, чтобы их можно было отнести за счет какого-либо иноязычного литературного влияния.

совершались даже вопреки фонетическим особенностям русского литературного языка: **ке, ге, хе** существуют в нем, оставляя в стороне заимствованные слова, только в морфологических группах (упомянутой, *кем и ткешь*) и появились еще даже до перехода **кы, гы, хы** в **ки, ги, хи** (XIV в.): Дъмкъѣ — в сев.-русск. Минее 1095 г.

7. Под влиянием тенденции к уменьшению фонетической весомости конечных слогов с звуковой характеристикой, не существенной для различения соответствующих категорий, изменились приметы: твор. ед. ч. женского рода существительных и прилагательных на **-ою, -ею** изменился в **-ой**: *рукой* из *рукою*, *землёй* из *землёю*, *сильной* из *сильною*, *синей* из *синию*¹; утратилось неударяемое **и** в повелительном наклонении: *стань, поставь*; **-ся** в глаголах после гласных изменилось в **-сь**: *родилась, казалось* и под.; неударяемое окончание инфинитива **-ти** перешло в **-ть**: *видѣти* — *видеть*. Сюда же, вероятно, надо отнести и переход во 2 л. ед. ч. **-ши** в **-шь**.

В исторических (совершившихся на русской почве) изменениях форм склонения имен существительных вообще охранялась дифференциация признаков отдельных категорий (ср. имен. мн. мужского склонения на **-á, -я́** при родительном ед. ч. с **-а, -я** без ударения; род. мн. мужского склонения без окончания при именительном ед. ч., имеющем другую примету (§§ 3, 6); местный ед. с ударяемым **-у** обычно при неударяемом **-у** в родительном, — § 2).

Отступающий случай представляет частичное распространение на **о**-основы окончания род. пад. ед. ч. **-у**, при дательном ед. ч. с таким же окончанием, — падеже у той категории имен существительных, на которую распространилось окончание **-у** в родительном ед. ч. (материальные, абстрактные), без предлога малоупотребительном. — Что касается вытеснения именительного мн. ч. винительным в **о**-основах, то этому отклонению способствующими оказались несколько моментов: 1) отсутствие подобного различия во множественном числе у **а**- и **ь**-основ; 2) давнее неразличение именительного и винительного в ед. ч.; 3) тенденция к устранению смягчающих окончаний.

¹ Из ранних примеров такого изменения формы творительного падежа ед. числа женск. рода см.: «что будешь у мене взял *воиной* в тот месяц...» (Догов. грам. вел. кн. Дмитрия Иван. с вел. кн. тверским Мих. Александр., 1375 г.). Ср. там же: «А что еси поимал в Торжку *воиною*...»

В местоимениях-прилагательных — параллельное явление: *которою* — *которой*, *тою* — *той*; но в местоимении **ею**, не употребляющемся в качестве определения, хотя форма **ей** иногда и выступает у писателей первых десятилетий XIX в.: И подшел Филон к прекрасной, *Ей* не встречен в первый раз (Гриб., Молодые супруги). Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога! Зачем же *ей* играть и так неосторожно? (Гриб., Горе от ума). Найдется тысячу несчастных от нее На одного, кто не был *ей* обманут... (Крылов, Пастух и Море), — старое окончание уступило место новому только после предлога — *с ней*, так как предлог очерчивал значение, иначе становившееся нечетким: ср. дат. пад. ед. ч. *ей*.

Омонимными стали, однако, окончания ряда форм в склонении имен прилагательных, знаменательных и местоименных, — черта, имеющая параллели в других языках и объясняемая природой прилагательных как категории, сопровождающей имена существительные. Существительные сосредоточивают в себе суть падежных различий, тогда как для прилагательных последние имеют гораздо меньшее значение.

9. Приобретения в области флективных морфологических категорий сводятся: к появлению частичной дифференциации падежей предложного и местного в склонении ед. числа мужского рода (ср. § 3), к частичной же дифференциации родительного вообще и родительного «количественного» (определенного и неопределенного количества), — ср. § 2. И то и другое приобретение представляют результаты семантической утилизации избыточных примет падежей, принадлежавших разным основам.

10. Новыми категориями нефлективными, развившимися из старых флективных, являются: деепричастия и сравнительная степень наречного типа, обе возникшие за счет категорий исчезнувших (причастий действительного залога и склоняемых прилагательных в сравнительной степени).

11. Книжным путем из родственного чужого языка введены: причастия действительного залога и страдательного на **-нный**, полезные главным образом для целей более экономного выражения усложненного фразного содержания, и получившие относительно слабую продуктивность причастия наст. врем. страдат. зал. на **-мый**. Этим же путем вошли в литературный язык формы превосходной степени (*сильнейший, величайший*) и не выжившие такие же формы сравнительной.

IV. УДАРЕНИЕ.

§ 1. Вводные замечания.

Ударение русского литературного языка, рассматриваемое вне его истории, производит впечатление исключительно прихотливого: им. ед. ч. *голова́*, род. ед. ч. *голови́*, дат. ед. ч. *голове́*, но вин. ед. *голову́*; или имен.-вин. мн. ч. *голови́*, но род. мн. ч. *голов*, дат. мн. ч. *голова́м*, тв. мн. ч. *голова́ми*, предл. мн. ч. *голова́х*; ед. ч. м. р. *мо́лод*, ед. ч. ср. р. *мо́лодо*, мн. ч. *мо́лоды*, но ед. ч. ж. р. *молода́*; 1 л. ед. ч. *хочу́*, но 2 л. ед. ч. *хóчешь*, 3 л. ед. ч. *хóчет*; прош. вр. м. р. ед. ч. *по́нял*, ср. р. ед. ч. *по́няло*, мн. ч. *по́няли*, но ед. ч. ж. р. *по́няла́*, а инфинитив *по́нять* и под.

Собственно исторический материал, т. е. материал, извлекаемый из памятников русского языка (важнейшее относится к XIV веку), хотя и позволяет констатировать некоторые значительные изменения в месте ударения слов в позднейшее время, не дает обыкновенно достаточно убедительных данных для истолкования ряда своеобразных фактов, относящихся к этой области. Значительно больше дает сравнительно-исторический метод, т. е. сличение показаний русских наречий, других славянских языков и отчасти некоторых индоевропейских.

Далеко не всё, однако, из прихотливых отношений в системе современного литературного русского языка может быть легко объяснено и таким путем: ряд фактов еще не получил своего объяснения в науке вообще; другие, объясненные с большой правдоподобностью, требуют для своего истолкования привлечения очень большого и специального материала из родственных языков, притом материала, указывающего на то, что причины этих явлений в большинстве лежат в пластах глубокой древности.

Полезно поэтому, не претендуя на объяснение в данной области всего и даже многого, ограничиться использованием положений наиболее отчетливых, построенных на материале, относительно легко доступном проверке. Вот важнейшие из таких положений.

Индоевропейские языки в их древнейшем состоянии имели подвижное ударение, т. е. ударение, которое могло приходиться на самые различные части слова — и материальную, и формальные (разные части основы и флексию). Те ограничения подвижности ударения, которые наблюдаются, напр., в известных нам древних языках — греческом и латинском¹, явно вторичны, т. е. представляют собою результат позднейших фонетических процессов жизни данных языков. Еще менее соответствуют старине такие черты позднейшего развития, как ударение в основном на материальной (корневой) части слова — в германских языках или фиксированное конечное — в французском. Славянские языки (в большинстве) с теми или другими ограничениями сохранили былое свободное ударение, и как раз восточнославянские языки, и в их числе русский, менее других отклонились в этом отношении от первоначального типа.

Важно знать, — эта особенность очень отчетливо представлена санскритом и отчасти сохранена в литовском языке, — что подвижность ударения характеризовала индоевропейские языки в доступном нашей реконструкции более древнем состоянии также и в том, что касается состава парадигм склонения и спряжения: по месту ударения могли противопоставляться друг другу не только те или другие слова вообще, но и разные слова того же корня и даже больше — разные формы того же самого слова или те же формы, но разных типов (основ) склонения и спряжения.

Так, напр., в санскрите в тематических формах глаголов ударение в парадигме неподвижно, но формы настоящего времени изъявительного наклонения выступают с разным местом ударения в единственном и множественном числе: *émi* «иду», но *imáh* «идем»; *véda* «знаю», но *vidmá* «знаем»; односложная основа *rā́t* «нога» в винительн. пад. ед. ч. имеет ударение на корне — *rādam* и так же в им. падеже мн. ч. — *rādaḥ* и в им.-вин. падеже двойственного — *rādā*, а в других формах склонения — на флексии: *radí* (мест. п. ед. ч.), *radáh* (род. п. ед. ч.) и т. д.

Лишь относительно редко известны нам семантические основания былых вариаций ударения. Есть серьезные основания предполагать, напр., что различие места ударения в отглагольных о-основах соответствует различению активного и пассивного признака: вор — род. п. ед. ч. *vóra*, мот: *móta*, трус: *trúsa* (действующее лицо), но кол, род. п. ед. ч. *kolá*, плот: *plotá*, стол: *stolá* и под. (предметы действий; ср.: *колоть*, *плести*,

¹ В латинском не может быть ударяем последний слог слова; предпоследний слог имеет на себе ударение, если он долог; ударение не может быть ближе к началу слова, нежели на третьем слоге от конца слова. В древнегреческом ударяемыми могут быть только три последних слога слова. Восходящие ударения (акуты) только в том случае могут стоять на третьем слоге с конца слова, а облученное (сперва повышающееся, а потом спадающее) на предпоследнем, когда последний слог по своей природе краток.

*стать*¹. Ср. в греческом различие — имя прилагательное : производное от него существительное: leukós «белый»: leúkos «белая рыба» и под., и по месту ударения противоположное славянскому отношению в отглагольных именах существительных: tomós «режущий, острый»: tómos «разрез, отрезок», fogós «несущий, (о ветре) попутный»: fógos «взнос, дань, подать».

Едва ли не в большинстве случаев мы вынуждены, если не хотим обращаться к более или менее смелым гипотезам, ограничиваться констатациями определенных давних особенностей места ударения в тех или других смысловых и формальных категориях и устанавливать фонетические условия позднейших отражений в доступных нашему изучению живых языках.

Так, в основном мы можем, напр., согласиться, что глаголы на -ěti (-ѣти) при изъявительном наклонении на -i- первоначально имели накоренное ударение: слышать (из *slýšěti), укр. ві́сити (при более новом русском ударении висéть), а формы типа глядéть, лежáть и т. д. возникли в результате фонетического передвижения ударения на следующий слог.— Факты литовского языка с его sũpũs: вин. п. ед. ч. sũпи и под. заставляют подозревать у и-основ имен существительных исходную подвижность ударения в склонении, и под.

Как доказывает сопоставление славянских показаний с тем, что обнаруживается в других индоевропейских языках, славянские гласные а и ы первоначально были долгими, как соответствующие звукам: первый — ā (долгому а) или ō (долгому о) других индоевропейских языков; второй — как восходящий к ū (долгому u). Ср.: la) русскому ба-ю «говорю» соответствуют др.-греч. fā-mi «говорю», лат. fā-gi «говорить»; русск. брат, чеш. bratr — др.-греч. frātōr «член братства», лат. frāter «брат». lb) Русск. по-яс — др.-греч. zōstós «подпоясанный» (z — из более раннего j), литов. juostas с тем же значением (литов. uo из ō); русск. зна-ть — др.-греч. gignōscō «знаю», лат. (g) pō-sco. 2) Русск. мышь — древнеинд. mīṣ, др.-греч. mūs (др.-греч. ū (ü) — из ū); русск. быть — древнеинд. bhūtiṣ «бытие», литов. būti.

Долгими же были гласные: i, соответствующее долгому i(i) или дифтонгу ei, ēi других индоевропейских языков; ср.: 1) русск. грива — древнеинд. grīvā «затылок»; русск. ил — др.-греч. īlys; русск. льнь — литов. lūnas (в литовском письме у — долгое i); 2) русск. до-стиг-ать — др.-греч. steichō «ступаю, иду»; русск. зима — др.-греч. sheīma, литов. žiemà (литов. ie — из *ēi); e (ѣ), соответствующее долгому e или дифтонгам ai, oi (āi, ōi), ср. ст.-слав. вѣра — лат. vērus «истинный», готск. tuz-wērjan «не доверять»; ст.-слав. сѣмя — лат. sēmen «семя», литов. sėmens «льняное семя» (литов. ě — из ē); 2) ст.-слав. лѣвъ «левый» — др.-греч.

¹ Первоначальное значение слова *стол*, как и сейчас в арабском, — «то, что простлано».

laiós из *laiuos; ст.-слав. *берѣте* (повел. накл. мн. ч.) — др.-греч. féroite «чтобы вы несли» (желательность), «несите»; *ī*, соответствующее дифтонгам аѳ, оѳ (со смягчением предшествующего согласного еѳ); ср. русск. *сухой* — др.-греч. айос (из *saucos), литов. saūsas; русск. *тур* «дикий бык с громадными рогами, вошедший в Европе до XVII в.» — др.-гр. таѳгос, лат. taugus.

Краткими первоначально были звуки *о* и *е*; первый — как соответствующий *а* (краткому *а*) или *о* (краткому *о*) других индоевропейских языков; ср.: русск. *ор-ать* «пахать» — др.-греч. агоб «пашу», лат. agāte «пахать»; русск. *дом* — др.-греч. dōmos, лат. domus; второй — как соответствующий краткому *е*; ср. русск. *небо* — др.-греч. péphos «облако», лат. nebula «туман», нем. Nebel с тем же значением; русск. *мёд* — греч. méthy, литов. medūs, др.-верхненем. metu.

Редуцированными, т. е. звуками, более короткими, чем нормальные краткие гласные, были звуки *ъ* (из краткого *и*) и *ь* (из краткого *і*), в определенных положениях в славянских языках отпадавшие или выпадавшие, а в других положениях переходившие в те или другие, в отдельных языках разные, гласные полного образования.

Кроме сопоставления с другими индоевропейскими языками, положение о том, что звуки *а*, *у* (*ы*), *і*, *и* (*у*), *ѣ* были искони долгими, а *о*, *е* и *ъ*, *ь* — краткими, может легко быть доказано показаниями самих некоторых славянских языков, в первую очередь — сербского (сербохорватского), где соответствующие факты особенно прозрачны. Во всех славянских языках, еще сохраняющих количественные различия или достаточно определенные отражения этих различий, в положении перед конечным ударением первая группа (долготных гласных) выступает в виде долгих, вторая группа (краткостных) — в виде кратких. Вот, например, как эти отношения иллюстрирует чакавское наречие (говор Нового) сербохорватского языка: род. пад. ед. ч. plāstà: русск. пласта́; род. пад. ед. ч. plāščà: русск. плаща́; krādè: русск. краде́т; dājè: русск. дае́т; līcè: русск. лице́; krīlò: русск. крыло́ (из *крило*); vīpò: русск. вино́; dūšà: русск. душа́; slūgà: русск. слуга́; сѣпà: ст.-слав. цѣна; zvězdà: ст.-слав. звѣзда; stĕpà: ст.-слав. стѣна.

Для рефлекса *у* (*ы*) примеры этого положения (перед ударением) редки; см. штокав. с оттянутым восходящим ударением сѣта: русск. сыта́ (медовая).

Но: gorà: русск. гора́; dobrotà: русск. добротá; kosà: русск. косá; čelà: русск. пче́ла; ženà: русск. жена́; pečè: русск. печёт; selò: русск. село́; veslò: русск. весло́; buhà: ст.-слав. бѣха; daskà: ст.-слав. дѣска.

Заметим, что исходную долготу по соображениям, аналогичным тому, что только что сказано, надо принять и для рефлексов носовых гласных, а также рефлексов звуко сочетаний, пред-

шествовавших восточнославянскому полногласию (**tort*, **tolt* и под.) и группам **tъrt*, **tъlt* и под.; ср. серб.-чак. : *trēs`è`* : русск. *трясёт*, ст.-слав. *трасеть*; *gŭk`à`* : русск. *рукá*, ст.-слав. *ржа*; *mŭk`à`* : русск. *мукá*, ст.-слав. *мжа*; *glāv`à`* : русск. *головá*; *brá-d`à`* : русск. *бородá*; (*d*)*lēt`ò`* : русск. *долотó*.

Долгота былых **tъlt* и под. ясна из шток. *жу́ња* : русск. *желна́* «дятел» из **žьlpa`*; имен. падеж ед. ч. жен. рода русск. *тверда́*; шток. *твр̀да* из **tъvrda`*.

Как позволяет заключить сличение славянских языков между собою, с одной стороны, и с балтийскими (литовским и латышским) — с другой, в древнейшем состоянии все они различали интонации (движения тона) как определенную принадлежность ударяемых и неударяемых слогов каждого слова. Из славянских — этимологическая (историческая) тональность до сих пор сохранена, как сказано, в сербохорватском и в диалектах словенского языка, которые поэтому являются важнейшими источниками наших сведений об интонационной старине. Сохранили интонации и оба живых балтийских языка (литовский и латышский). Косвенные данные, иногда не уступающие по значению прямым свидетельствам сербского и словенского, дают языки чешский, словацкий, польский, кашубский, памятники вымершего полабского и болгарский.

Распределение старых интонаций было тесно связано с количеством и происхождением соответствующего слога. Рефлексы долгих монофтонгов искони имели интонацию восходящего характера (условно называемую акутовой «острой» или акутированной), рефлексы дифтонгов — интонацию нисходящего характера (условно называемую циркумфлексовой «загнутой» или циркумфлектированной)¹. Нужно, однако, иметь в виду, что наряду с обыкновенными дифтонгами существовали еще и дифтонги с долгой слоговой частью (*āi*, *ōi*, *ēi*, *āu*, *ōu*, *ēu*), указания на которые извлекаются из свидетельств др.-индийского, др.-греческого и других языков. Рефлексам таких дифтонгов, в отличие от обыкновенных, принадлежала акутовая интонация. Гласные краткие имели свою интонацию, которая, судя по косвенным данным, качественно напоминала циркумфлексовую.

Всё существенное, касающееся характера интонаций и отношений дифтонгов в чередованиях, проявляется в природе очень распространенных в славянских языках *дифтонгических сочетаний*, условно реконструируемых в виде: *tort*, *tert*, *tъrt*, *tъrt*, *tolt*, *telt*, *tъlt*, *tъlt* (т. е. *or*, *er* и т. д. между двумя согласными), причем здесь и русский язык, вместе с украинским и белорусским утративший старые интонации и только наиболее

¹ По терминологии акад. Ф. Ф. Фортунатова, распространенной главным образом среди ученых так называемой «московской» школы, — *длительная и прерывистая долгота*.

верно из всех славянских языков, как показывает их сличение с другими индоевропейскими, сохранивший старое место ударения слов, оказывается в случаях полногласия отчетливо сохранившим и следы старых интонаций. Это доказывают сопоставления хотя бы с сербским и словенским:

1. Русск. *горóх, порóг, морóз, берèза, колóда, ворóна, дорóга, сорóка*; сербск. гр`а`х, пр`а`г, мр`а`з, бр`е`за, кл`а`да, вр`а`на, др`а`га «долина», свр`а`ка; словенск. gr`ah, род. gr`aha. pr`ag, род. pr`aga, pt`az, род. pt`aza, br`eza, kl`ada, vr`ana. dr`aga «долина» и под.

2. Русск. *вóлос, гóлос, кóлос, гóлуд, вóрот, хóлод, вóрон, мóлод, дóрог, зóлото*; сербск. вл`ас, гл`ас, кл`ас, гл`ад, вр`ат, хл`ад, вр`ан, мл`ад, др`ag, зл`ато; словен. vl`as, gl`as, kl`as, gl`ad, vr`at, hl`ad, vr`an, ml`ad, dr`ag, zlat`o (из zl`ato), т. е. в полногласных сочетаниях русского языка, развившихся из старых односложных групп (*tort* и под.), прежнему движению тона в пределах слога стали соответствовать различия в месте ударения теперь ставших двусложными сочетаний.

Различие интонаций в рефлексах групп *tort*, *tert* и под. объясняется различием количества сонорного звука в них: *tort*, *tert* и под. рефлексировались с циркумфлексовой (русск. *оро, ере, оло*), а *tořt*, *teřt* и под. (т. е. с долгими *г* и *л*) — с акутовой интонацией (русск. *орб, ерб, олб*).

Так же, как различались интонациями *tort*, *tert* и т. д. и *tořt*, *teřt* и т. д., различались ими и другие дифтонгические сочетания: сочетания редуцированных гласных с плавными согласными: *tɔřt*, *tɔřt*, *tɔřt*, *tɔřt* (с циркумфлексовой) и *tɔřt*, *tɔřt*, *tɔřt*, *tɔřt* (с акутовой); носовые гласные: \bar{q} , \bar{e} (из *om*, *en* и под.) с циркумфлексовой и \bar{q} , \bar{e} (из *om̄*, *en̄* и под.) — с акутовой интонацией. Ориентацию в соответствующих случаях дают опять-таки языки сербохорватский и словенский; ср.: русск. полный — серб. п`ун, русск. долгий — серб. д`у`г; но русск. волк (др.-русс. вълкъ) — серб. в`ук, словен. v`olk; русск. торг — серб. тр`г «товар», словен. t`rg; русск. м`ука — серб. м`у`ка, диал. словен. m`oka; но русск. дуб — серб. д`уб, словен. d`ob; русск. м`ясо — серб. м`есо, словен. me`so (из *mešo*).

Сказанное об интонациях в основном относится к слогам подударным и неударяемым, начальным, срединным и конечным. Нужно, однако, иметь в виду, что главным образом последние в роли флективных элементов (примет склонения и спряжения) очень часто представляют большие усложнения первоначальных отношений. Объясняется это тем, что гласные флексии в ряде случаев являются продуктами различных стяжений (типа *o + i*, *o + i* и под.), характеризовавшихся новыми особенностями интонирования, во-первых, — и, как носители определенных смысловых функций формального порядка, легко подвергались действию разных уподоблений родственным формам — во-вторых. Важно еще и то, что фонетические законы конца слова (в мень-

шей мере — начала) нередко специфичны, отличаются от законов слогов срединных (срединное, напр., *oĭ* рефлектируется всегда как *ě* (ѣ), но конечное в зависимости от специальных условий может выступать и как *i*). Всё это вместе взятое не позволяет безоговорочно применительно к конечным слогам прилагать установленные положения об отношении характера интонации срединного слога и происхождения гласного славянского из соответствующего древнейшего. Важные указания на характер интонации конечных слогов, независимо от былой интонации корневых слогов, дают полабские тексты: в полабском ударение перетягивается на конечные циркумфлексовые и краткостные гласные и не переносится на акутовые.

На славянской почве явились новые интонации (они неизвестны как соответствия ни древнегреческому, ни балтийским языкам). Их три. Называются они *новоакутовая* (долготная), *новоциркумфлексовая* (долготная) и *вторая*, или *новоакутовая*, интонация краткостей. Из них для восточнославянских языков не представляет интереса явившаяся в специальных условиях из акутовой и опознаваемая главным образом по показаниям словенского и кашубского языков — *новоциркумфлексовая*; но две другие определенным образом отложились в истории русского языка.

Новоакутовая интонация по своему происхождению обычно восходит к старой циркумфлексовой. Условия ее появления почти во всех случаях, где она наблюдается, спорны, но опознается она без всяких затруднений по показаниям чакавского наречия и посавских говоров штокавского наречия сербохорватского языка, где выступает как особая долготная восходящая интонация, и эти показания косвенным путем, но тоже вполне отчетливо, находят себе подтверждение в соответствующих фактах языков словенского, чешского, словацкого, польского, кашубского и др. В восточнославянских языках *новоакутовая* интонация внешне совпала с акутовой: чакавск. *vrátiš*, *mlátiš* — русск. *ворóтишь*, *молóтишь*, укр. *ворóтиш*, *молóтиш*; чакавск. *grája* — русск. диал. *горóжа*, укр. диал. *горóжа*; чакавск. (род. п. мн. ч.) *gláv*, *brád*, русск. *го́лов*, *бо́род*, укр. *голів*, *борід* и под.¹

В тех же самых морфологических категориях, где на долготных по происхождению гласных появилась из циркумфлексовой *новоакутовая*, на гласных по происхождению краткостных (*o* и *e*) являлась *вторая* (*новоакутовая*) интонация краткостей. Наиболее ясные указания на нее дает словенский язык, в котором, кроме конечных слогов, краткие гласные удлинены и выступают в соответствии древнейшей славянской *новоакутовой* — с восходящей долготой: *nočí* «но́сит», *vočí* «во́зит» и под.

¹ О специально-украинских отражениях этой интонации см. в статье автора «Порівняльно-історичні розвідки в ділянці укр. наголосу», — Мовознавство», № 7, 1936 г.

(в других случаях, при старой интонации краткостей, удлиненные *о* и *е* в словенском выступают с нисходящей интонацией): им. ед. *vólja* «воля», *kǒža* «кожа»; род. мн. *sóv* «сов» и под.

В ряде говоров русского языка, преимущественно — северных, в начальном слоге слова вторая интонация краткостей опознается по переходу *о* в *у̇о*; ср., напр., в говоре Леки, бывш. Егор. уезда, Рязанской губ.: губнит «гонит», прубóвут «просят», вубл'а, кубжа; в николевском говоре, описанном Мансиккою, — род. мн. суоф, нуок (сов, ног) и под.

В литературном языке след этой интонации отражен только в нескольких словах архаического и стилистически народного слога, в которых перед начальным подударным *о* явилось *в*: *вотчина*, *вотчим*, *вострый* и в слове *восемь* (старинное *осмь*); ср. словенск. *ǒtčim*, *ǒster*, *ǒsem*. Подробности ниже, стр.

§ 2. Основные явления, предшествующие памятникам.

Важнейшие явления ударения и интонации славянских языков, уясняющие современные отношения русского языка, следующие:

1. Явления, охватываемые так наз. законом Фортунатова — де Соссюра. Согласно этому закону, ударение с циркумфлексового (циркумфлектированного) долгого или с краткостного слога переходило на долгий акутовый.

В славянских и балтийских языках отсутствуют поэтому, как правило, возможные фонетические положения: в двухсложных словах — «начальный циркумфлектированный подударный гласный или краткостный гласный и следующий за ним неударяемый акутированный по происхождению слог», или, иначе говоря, «подударный гласный, являющийся по происхождению простым дифтонгом или краткостным гласным, и следующий за ним гласный неударяемый, исторически восходящий к монофтонгу или дифтонгу с первой долготной частью»; в трехсложных словах — «подударный начальный циркумфлектированный или краткостный гласный и следующий за ним акутированный гласный».

Переносу ударения на долгий акутовый не препятствовал промежуточный слог, если его гласный был редуцированный, краткий или долгий циркумфлектированный.

Отражающие этот закон категории:

1) Борода́ : бóроду, боронá : бóрону, полосá : пóлосу, водá : вóду, горá : гóру, косá : кóсу.

Соответствующие формы именительного падежа ед. ч. восходят к древним **bordá* **borná* и под., **vodá*, **gorá* и под.¹ (x — здесь знак подударной нисходящей интонации, ' — восходящей безударной).

¹ В отступающих случаях, вроде *воля*, *кожа*, словенский указывает на особый характер интонации *о* — *vólja*, *kǒža*.

2) Бѣрег : на берегѹ, вѣрот : на воротѹ (см. поговорку — «Брань на воротѹ не виснет»), нос : на носѹ, воз : на возѹ, род : на родѹ, мед : на медѹ.

3) Литер. род. и дат. ед. ч. груди : местн. пад. ед. ч. в груди (им. мн. ч. груди); сев.-русск. род. и дат. ед. ч. волости : местн. пад. ед. ч. : в волостѣ; литер. род. и дат. ед. ч. кости, печи, ночи : местн. пад. ед. ч. на костѣ, на печѣ, в ночѣ.

Перенос через циркумфлексивный слог иллюстрируют сев.-руск. — на площадѣ, в очереди; ср. род. и дат. ед. ч. площади, очереди¹.

Швед. Да где ж, у трона, впереди, иль назади? Русский : Совсем не там, — на площадѣ (Держ., Разг. русск. с шведом).

Такие ударения встречаются у поэтов приблизительно до последней четверти девятнадцатого века: На роковой стою очереди (Тютчев). Там сбыт малеваному хламу, На этой затхлои площадѣ (рифма — *не подходѣ*) (Фет), и др. Их узаконяла грамматика А. Востокова («Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная», 1874, 12 изд. § 184).

4) В твор. падеже мн. ч. Ъ-основ по этому же закону: людѣмѣ, костѣмѣ, плетѣмѣ; ср. им. мн. люди (сербск. љѹди), кѣсти, плѣти.

5) В нечленных формах прилагательных перенос на окончание ед. ч. жен. рода: мѣлод, мѣлоды : молодѣ, вѣсел, вѣсѣлы : веселѣ, зѣлен, зѣлены : зеленѣ.

6) Акутовым характером окончания 1 л. ед. ч. настоящего времени глагола объясняется передвижение: хочѹ : хочѣшь, хочѣт; могѹ : можѣшь, можѣт... мѣгут.

7) Этот же закон отражен в случаях: рѣдовѣть (сербск. рѣд), мѣловѣть (сербск. мѣло), рѣтовѣть (сербск. рѣт «война»), но зимовѣть (сербск. вин. п. ед. ч. зѣму), пировѣть (сербск. пѣр), горевѣть, ночевѣть и под.

Закон этот обнаруживается и в длинном ряде иных случаев, но требующих специального углубления в материал других языков и учета действия многочисленных выравниваний (грамматической аналогии).

2. Закон А. А. Шахматова — Авг. Лескина. Циркумфлексивная интонация и старая интонация краткостей под ударением первоначально встречались только в начальном слоге. Это заставляет предполагать, что в тех случаях, когда они ранее были на срединных, они оттягивались к началу. Так же, как в

¹ К важнейшим из давних ограничений переноса таких ударений через слог относится до сих пор не имеющая вполне удовлетворительного объяснения категория — образования с суффиксом -ѣк(а), -ѣк(а): борѣдка, голѣвка, рѣчка, нѣжка, ср. вин. п. ед. ч. борѣду, голѣву, рѣку, нѣгу, т. е. слова с циркумфлектированными и краткостными корнями.

Ожидаемое фонетическое отражение имеем, однако, в близко родственной категории: пыльѣ, рысьѣ (ѣ-основы — *пыль*, *рысь* и др. исторически обобщили циркумфлексивную интонацию), сольѣ с утраченной подвижностью ударения (вин. пад. ед. ч. пыльѹ, сольѹ и под.).

сербохорватском и словенском языках, этот закон особенно отчетливо проявляется в русском языке в случаях оттягивания ударения на предлоги. Последние воспринимались как нечто единое со словом, которым они управляли, и поэтому начальный слог слова фонетически действовал как срединный; ср. *на́ берег* (бэрег), *за́ волосы* (вблосы), *за́ мостом*, *на́ мост* (ст.-слав. мость). (Ср.: Чем *на́ мост* нам итти, Поищем лучше броду (Крылов, Лжец), *по́ снегу* (сербск. снѣг), *за́ воду*, *на́ гору*, *на́ поле*, *на́ море*, *за́ лесом* (сербск. лѣс), *на́ зуб* (сербск. зѹб): *Зуб на́ зуб* не попадает.

Действием этого же закона объясняются, может быть, отношения в префиксальных образованиях прошедшего времени: *на́чал*, *на́чало*, *на́чали*, но ед. ч. ж. р. *начала́*, *у́мер*, *у́мерло*, *у́мерли*, но ед. ч. ж. р. *умерла́* и под.¹

3. Ударение со слога краткостного или циркумфлексового перетягивалось на следующий циркумфлексовый, если за ним следовал слог с редуцированным гласным. Ср.: *де́сять* — *деся́тка* (древн.— десатъка), *у́пряжь* : *упря́жка* (упрѣжка), *слу́чай* : *случа́йно*² (древн.— сълуча́жно), *у́жас* : *ужа́сно* (древн.— ужасно).

То же имело место в тех немногих случаях, где слог, следовавший за циркумфлексовым или краткостным, был краткостный: *колоко́льня* (ср. *коло́кол*), *пяте́рка* (ср. *пя́теро*, серб. *пѣт* «пять»), *шесте́рка*.

4. Ударение в пределах рядом находящихся слогов со вто-

¹ Наблюдая действие данного закона в этой морфологической категории, следует, однако, иметь в виду, что уже в древнейший период в нее вошло много слов, получивших циркумфлексовую интонацию вторично — по аналогии. Показанная языков сербского и словенского не оставляют сомнений, что такие, напр., глаголы, как «был», «дал», «жил», «пил», и ряд других, имели раньше не акутовую интонацию корня в соответствии происхождению своих корневых гласных из долгих монофтонгов, а циркумфлексовую. Это всё глаголы, имевшие когда-то в формах на -л- конечное ударение, т. е. звучавшие *жилѣ, *жилá, *жилó, *жили, но уподобившиеся типу с подударной циркумфлексовой интонацией корня и переносом ударения (по закону Фортунатова — де-Соссюра) на конечный акутированный слог в форме ед. ч. женск. рода, во мн. ч. средн. рода и др. Подобно *на́чал*, но *начала́* теперь имеем *пробы́л*, *прóдал*, *за́дал*, *прóжил* и т. д. — *пробыла́*, *прóдала*, *задала́*, *прожила́* и т. д.

Только в результате смыслового разрыва с простым глаголом *забы́л*, *забы́ла* выступает с неподвижным ударением.

Специально об этих явлениях в прошедшем времени глаголов — «Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы», — Доклады и сообщения Института русского языка Акад. наук СССР, 1948, стр. 18—48.

Параллельны переносу ударения с корня на префиксы отношения, наблюдаемые при частице не: *не́ дал*, *не́ жил*, *не́ пил*, но не *би́л*, не *бри́л*, не *зна́л*, и под. — К действию данного закона не относится, однако, подударность префикса *вы-*, не связанная с характером интонации корневого гласного; *вы́бил*, *вы́брил* и под. — Подробно о законе Шахматова см. в изданном Акад. наук СССР сборнике статей и материалов — «А. А. Шахматов», 1947, стр. 399—434.

² Свидетельства сербского, словенского и др. языков согласно говорят, что в префиксальных образованиях *ь*-основ и *о*-основ, если они имели краткостный или циркумфлексовый префикс, заударная долгота носила циркумфлексовый характер.

рого редуцированного гласного переносилось на первый: гумьно́: *гумьнь|це : гумѣнце, лукъно́ : *лукънь|це : лукѡнце, полотьюно́: *полотьюнь|це : полотѣнце, кольцо́ : *кольчь|ко : колѣчко, крыльцо́: *крыльчь|ко : крылѣчко.

5. Переход нечленных прилагательных в членные сопровождался такими изменениями (метатониею) в словах с односложной основой: 1) акутовые подударные долготы корневых слогов, изменив интонацию в новоциркумфлексовую, остались на старых местах¹; 2) ударение с циркумфлексовых долгот и с краткостей перешло на членную часть слова; 3) в словах с ударяемой флексией ударение оказалось оттянутым на корень².

Ср. к 1) сербск. дѹг, сѣв, мѣо, тѣх — русск. долгий, сивый, милый, тихий; но 2) сербск. млѣд, драг, злат, сѹх, тѹп, бѡс — русск. молодой, дорогой, золотой, сухой, тупой, босой; к 3) сербск. ср. р. — бѣло < бело, црно < черно, гѡло < голо, дѡбар (ср. р. — добро < добро) — русск. белый, черный, свежий, хороший (ср. р. белѡ, чернѡ, свѣжѡ, хорѡшѡ); гѡлый, дѡбрый.

Принципиально те же отношения, но с некоторыми специальными усложнениями имеем у прилагательных на -ьнь, -ьна, -ьно:

1. Вѣрньй, сѣльньй, слѣвньй, болѡтньй, морѡзньй, ср. — вѣра, сѣла, слѣва, болѡто с накоренным неподвижным ударением, что указывает на акутовую интонацию корня, и сербск. вѣра, сѣла, слѣва, блѣто, мрѣз.

2. Ручнѡй, леснѡй, мяснѡй, головнѡй, смешнѡй, роднѡй, трѡйнѡй, ср. — рука, лес, род, голова с подвижным ударением (рукѣ — рѹку, лес — в лесѹ — лесѣ, головѣ — гѡлову, со смеху) и сербск. рѹку (вин. ед.), лѣс, мѣсо, главу (вин. ед.).

3. Трудньй, грѣшньй, кѡнньй, сѡнньй, ср. — род. ед. трудѣ, грѣхѣ, коня, сна (из съна).

Часть слов типа второго, так как в именительном падеже ед. ч. женского рода, по закону Фортунатова — де-Соссюра, им принадлежало в нечленной форме конечное ударение, в членной уподобилась типу третьему. Так, вероятно, объясняются голодньй, холѡдньй (ср. гѡлод, хѡлод) с рефлексамии новоакутовой в русском и в некоторых других языках.

Производные от непрефиксальных дву- и многосложных существительных со срединным ударением или начальным акутовым сохраняют ударение существительных: кручѣна — кручѣнньй, гвоздѣка — гвоздѣчньй, жалѡба — жалѡбньй, ѹлица — ѹличньй.

При циркумфлексовой или краткостной интонации первого слога ударение переносится на членную часть: кружевнѡй, островнѡй³ — кружево, ѡстров.

¹ В русском языке эти соответствия представляют только сохранение старого места ударения.

² Принцип в важнейшем обоснован А. Беличем (Аккенацке студије, 1913).

³ Теперь в *остров* о уже не воспринимается как префикс.

Производные от префиксальных существительных (абстрактных или слабо конкретизировавшихся) распределяются по таким основным группам:

а) приво́з — привозно́й, вход — входно́й, прое́зд — проездно́й. Эта категория, теперь очень производительная, видимо, первоначально не существовала и развилась под влиянием образований группы б);

б) о́тпуск — отпускну́й, при́куп — прикупно́й;

в) сбор — сбóрный, спор — спóрный, упо́р — упóрный, позо́р — позо́рный, уга́р — уга́рный, уда́р — уда́рный, пожа́р — пожа́рный;

г) старин. покóра — покóрный, укр. угóда — угóдный, опóра — опóрный.

Префиксальные образования, не производные от существительных, сплошь вошли в сферу типа а): затыжно́й: обложно́й, отставно́й, покупно́й.

Группа префиксальных прилагательных с именным корнем имеет сплошь накоренное ударение: подру́чный, подкóжный, поимéнный, побóчный, нагóрный.

По-видимому, в очень большом количестве случаев русский язык пользуется книжными старославянскими и по их образцу созданными формами с ударением основного слога; таковы, напр., вéчный (ср. сербск. *вѣк*, которое дает повод подозревать, что русская форма имела бы конечное ударение, — и *вѣчну́ю* в Чудовом Новом завете XIV в.), за́падный (тип за́пад, судя по аналогиям словенского и сербского, имел циркумфлектированный префикс и заударную циркумфлексовую долготу, что заставляет ожидать ударения на членной части прилагательного), опы́тный (то же самое), о́блачный (то же).

Обращает на себя внимание также тот факт, что у прилагательных на **-н-** аналогия в большой мере распределила факты ударения в зависимости от семантико-синтаксических моментов, а именно: тип на **-ой, -ая...** возобладал у прилагательных, употребляющихся главным образом в роли определений, тип — на **-ый, -ая...**, т. е. с ударением на основе, употребляющихся также (в нечленной форме) в функции сказуемых: шально́й, шальна́я и т. д., мучно́й, мучна́я и т. д., свечно́й, свечна́я и т. д., отставно́й, отставна́я и т. д., но блéдный, блéдная : блéден, грязно́й, грязна́я : грязен, го́дный, го́дная : го́ден и под.

Отступления, вроде больно́й : бо́лен, смешно́й : смешо́н, многочисленны.

В ряде случаев, как отчасти ясно из уже сказанного, первоначальные фонетические отношения в области ударения сильно затерты действием грамматической аналогии. Не описывая многих таких грамматических категорий, ограничимся упоминанием большой и влиятельной одной: переносу типа молодá, дорогá (ср. мо́лод, до́рог) в ед. числе жен. рода подвергались почти сплошь

имена прилагательные с односложной основой — слаба́, чиста́, сыта́, малá и т. д.; но ра́да, не имеющее параллельной полной формы, осталось свободным от воздействия этого образца.

§ 3. Исторические изменения в месте ударения.

Изменения места ударения на флексии, которые могут быть прослежены по памятникам и старым авторам, не очень многочисленны. Из них важнейшее относится к склонению имен существительных женского рода на -а (-я), в которых тип с неподвижным конечным ударением всё больше подвергался в именительном множ. ч. влиянию типа «водá : во́ду, им. мн. во́ды». Так, в памятниках мы еще имеем: жены́, игры́, свечí, скалы́, слугí, сумы́ (вин. мн.), трубы́, шлей (вин. мн.) — (Домострой), жены́, сестры́ (Уложение 1649 г.) и под.

У писателей XVIII в. (частично и XIX в.) с конечным ударением выступают именительные пад. мн. ч.: беды́, вдовы́, вины́, войны́, доски́, дуги́, жены́, игры́, колбасы́, луны́, метлы́, норы́, поры́, свечи́, сестры́, сироты́, скалы́, скирды́, скорлупы́, слуги́, совы́, судьбы́, судьи́, сумы́, толпы́ и др. (ср. современ. вин. ед. ч. беду́, вдову́, вину́ и т. д.). Ср.: Ах, когда б я прежде знала, Что любовь родит беды́ (Дмитр.). Беды́ со всех сторон (Крылов, Два гол.). Война́ми укроти войны́ (Ломон., Ода 15). ...Ударив об доски́, заросши мхом, железны (Держ., Евг.). Когда в дуги твои сребристы Глядится красная заря... (Держ., Ключ). Захочешь, нечево, как с полночи пырнут Во все тебя дыры́, — как хочешь пробивайся! (Судовщикова). В него-то были все распутные жены́ За сластолюбие свое посажены́ (В. Майков, Елис.). К тому же дело шекотливо Любовницу себе в жены́ такую взять (Хемн.). С тобой игры́ и смехи, С тобой веселье, радость (Сумарок.). Я праздности оставлю узы, Игры́, беседы, суеты (Держ., Благодарность Фел.). В задоре иногда в игры́ зело горячи Играем в карты мы, в ерошки, в фараон (Держ., Евг.). ...Радости, игры́ и смехи В век останутся с тобой (Нелед.-Мелецк.). Огнем и жупелом наполнены усы, О, как бы хорошо коптить в них колбасы́! (Ломон.). Берлину фабришь ты усы... Коптишь голландцам колбасы́ (Держ., На счастье). Цветами разными возженные свещи Являют каждая веселие души (Ломон., Ода 13). Зачем горят свечí? Стократ милей кинкет (И. Долгорукий, Нечто для весельч.). Сестры́ и бабушки вокруг ее постели В безмолвии сидели (Дмитр., Причудн.). В плену сестры́ ее увяли (Лерм., Хаджи-Абрек). Дробясь о мрачные скалы́, Шумят и пенятся валы (Пушкин, Обвал). Уж проходят караваны через те скалы́, Где носились лишь туманы да цари-орлы (Лерм., Спор). И, право бы, в слуги́ к себе негоден был, Когда бы родом он боярином не слыл (Хемн.). Судьи́ приказных дел у нас не помечали (Сумарок., Эпигр.). Тогда судьи́ им говорили: Мы дело ваше уж решили... (Хемн.) Судьи́, дьяки и прокуроры... Умильные мне мещут взоры

(Держ., На счаст.). Судьёй всему, везде, над ними нет судей (Гриб.) — но у него же: А судьи кто? — Несем пустые лишь сумы (Дмитр., Мышь, удал. от света); Се он! и вслед за ним тех ратников толпы (Княжнин). ... Так за слонем толпы зевак ходили (Крылов, Слон и Моська). Вели в трубы гласить и на врагов восстань (Сумар., Хор.), но там же и: «И трубы их в крови противичей тонули». — Так точно, как среди камина Теперь огонь щепы палит... (И Долгор., Нечто для весельч.)¹.

Если даже известное число случаев конечного ударения в именительном множ. числа, как вполне вероятно, нужно отнести на счет церковнославянского влияния, то маловероятно, чтобы значительное число слов — бытовых понятий сохраняло у писателей только книжное, а не живое разговорное ударение. Наоборот, тип с конечным ударением оказался победившим в винительном ед. ч. в словах *овцу, свинью, семью*, которые, по грамматике Востокова, должны были иметь ударение на корне; ср. у писателей: «А в семью не включают — На нас не подиви» (Гриб.). «Из стада серый волк в лес овцу утащил» (Крылов). На ударение *свинью* указывает рифма в Стар. сборн. XVII в., 241: Бьют быка да свинью не все то про Оксинью. Из поэзии XVIII в.: Из изб все люди побежали, И свинью ну травить... (Хемн., Два соседа); Со всех сторон на свинью напустили (там же). ...И с свинью был у них кулик (Н. П. Осипов, *Виргил. Енейда*, вывороченн. на изнанку, 1791 г.).

В женском склонении на согласный у двусложных (в им. ед. ч.) существительных с ударением на первом слоге утрачена сохраняющаяся и теперь в говорах севера ударяемость окончания предложного падежа: ср. *на площади* у Востокова и примеры у писателей до последней четверти XIX в.

Подобные ударения хорошо засвидетельствованы в севернорусских говорах.

Немногие имена существительные старого склонения на *-ѣт-(-ят-)*, употреблявшиеся с ударением на корне, подвергались влиянию множ. числа тех, бывших в большинстве, у которых ударение падало на примету *-я*; ср.: Благими нравами богата, Прекрасных внучат приведет (Держ.). Ловецки раздаются роги, И выжлят лай и гул гремит (там же). У Грибоедова колебание: Извольте посмотреть на нашу молодежь, На юношей — сынков и внучат... В пятнадцать лет учителей научат, и: ...Пережил детей, внучат.

Ряд нечленных (кратких) прилагательных подвергся влиянию членных (полных). Так, по Востокову, в употреблении были еще в его время: *волён, грузён, красён* (о цвете), *ровён, короток, легок, резов*; по Гречу, сред. род в

¹ Другие примеры см. у С. П. Обнорского, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, 1931, стр. 380—382 и РЛЯ пп. XIX в., 1954, стр. 150 и сл.

ед. ч. звучал: *красно́, синё́, черно́* и под. У писателей XVIII в. и начала XIX в. находим: Умерен в хижине, чертоге, Равен в покое и тревоге (Держ., На умеренность). Не знаю, от чего, я как-то стал умен, Спокоен мыслями и нравом стал равен (Н. А. Львов, Гавриле Ром. ответ). А нос у журавля не очень короток (Сумар. Лисица и Журавль). Рассказ мой будет короток (Крыл., Ягненок). Срок буйства юных лет быть должен короток (Дмитр., Перев. Ювенал. сатиры о благородстве). Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег? (Пушкин, Песнь о вешем Олеге). А кошелек, как пух, и тонок и лёгок (Полежаев, День в Москве). Ребенок был резов, но мил (Пушкин, Евг. Онегин). Ребенком он упрям был и резов, И гордо так его смотрели глазки... (Огарев, Характер). Конечно, смирен — все такие не резвы (Гриб.). Всё что-то видно впереди: Светло, синё, разнообразно (Гриб.) Ср. еще у Некрасова — черён, смирен: Гришуха черён, как галчонок, Бела лишь одна голова (Мороз-Красный нос)... Медведь смирен — Видно, стар годами (Мих. Топт.). Теперь: *волен* (ср. *во́льный*), *гру́зен* (ср. *гру́зный*), *ро́вен* (ср. *ро́вный*) (*ровён* только в фразеологизме. «Не ровён час»), — движение аналогии, отражающее общий процесс замирания нечленных форм¹.

Ударение членных прилагательных с дву- и многосложной основой, в сравнительной и превосходной степени падавшее в книжном языке на корень, в ряде случаев сменилось под влиянием разговорных форм с ударением на *-ёе* — ударением *ёйший*, *-ёйшая*, *-ёйшее*: ...Лице всходящая денницы И бодрость быстрья Орлицы И в нежнейших являлись днях (Ломон., Ода 7). Тем вяшше озарили нас, Чем были мрачнее печали (Ломон., Ода 15). Среди разгнанных мрачных бурь Всего пресветлее сияет Вокруг и злато и лазурь (Ломон., Ода 15). Ее одели там, как царскую особу, В богáтейшую робу (Богданович). ...Для Душеньки, когда из мрачнейшей пустыни Она во образе летящей вверх богини Нечаянно взнеслась... (Богданович). ...И что продлится то до по́знейших времен (В. Майков). А ныне просьбу я повáжнее имею (В Майков). А слáвнейших певцов стихи пребудут громки (В. Майков). Ты ведаешь, что я для нúжнейших потреб Живущих на земли учила сеять хлеб (В. Майков). Без дáльнейших Эней хлопот Экзамен сдав на скору руку... (Н. П. Осипов). ...первое, что буду я стараться Без дáльнейших чинов скорей вас обвенчать (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.).

Тредиаковский упрекал Ломоносова в том, что он нарушал это правило ударения².

Причастия страдательного залога на *-нный*, *-нная*, *-нное* от односложных основ, оканчивающихся на *а*, в префиксальных формах под влиянием церковнославянского языка имели не оття-

¹ Ср. РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 194—196.

² Ср. РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 210.

нутое на префикс ударение. У классиков XIX в. и у их последователей еще в широком употреблении остаются формы типа *избранный, убранный, издранный, изгнанный*: ...Что есть избранные судьбами Людей священные друзья (Пушкин, Евг. Он.); Ни музы, легкие подруги прежних дней, Изгнанного певца не уладят печали (Пушкин, К Овидию); И под издранными шатрами Живут мучительные сны (Пушкин, Цыг.); И труп, от праведных изгнанный, Никто к кладбищу не отнес (Лерм., Беглец)¹.

Страдательные причастия в нечленных формах женского и среднего рода ед. числа и в формах множественного, употребляемые в качестве сказуемых, выступают в поэзии XVIII в. и в самом начале XIX в. с удвоенным *н* и ударением перед ним тогда именно, когда первоначально соответствующая форма имела конечное ударение, т. е. *ведённа* (ср. веденá), *ведённы* (ср. веденý), *рождённа* (ср. рожденá), *рождённы* (ср. рожденý), *брáнна* (ср. бранá) и под. Примеры: «...Да здравствует Елисавет, Для Росской славы днесь рождённа, да будет свыше укреплённа Чрез множество счастливых лет!» (Ломон.). Не уповайте на князей: Они рождённы от людей (Сумар.). Она прияла то, к чему мы все рождённы, А ею дни мои толь стали огорчённы (Сумар., Артистона). Что ж делать, коль судьбой вам так определённо? От вас веселие навеки удалённо (Сумар., Ярополк и Демиза). Мной будут все цари Ордынские прельщённы (Херасков). ...Басма твоя попрáнна Стопами храброго монарха Иоанна (Херасков). Во мне и хладен дух, и мысли расточённы (Нелед.-Мелецк.).

В памятниках и у писателей XVIII и начала XIX в. фонетический перенос ударения с существительных на предлог — обычное явление²: *на́ дочь, на́ друга, на́ сторону, по́ чину, при́ людех, про́ гости, про́ гость, про́ гостя, про́ семью, со́ страхом и др.* (Домострой), *по́ чину, во́ веки, на́ площадь, во́ страсе* и под. (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож. II.), *на́ бой* (при набóй), *от́ города, по́ряду, на́стань* (серб. стáн с разными значениями) и т. д. (Учение и хитр. ратн. строения), *по́ сыску* (Улож. 1649 г.), и под. Ворона сыру кус когда-то унесла И *на́ дуб села* (Сумар., Ворона и Лиса). Сыр выпал *из́ роту* Лисице на обед (Сумар., там же). Ан стала *без́ мужа* пустехонька кровать (В. Майков). Забились *по́д печи* и спрятались в конуры (В. Майк.). Приходит только мне, что *об́ печь головой!* (Судовщиков). Ребята *у́ моря* со стариком гуляли И как-то на челнок напали (Хемниц.). Как *из́ лука*, стрела пустившись завизжала (М. Чулков). Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток; Там в шахматы, в шары иль *из́ лука* стрелами, Пернатый к потолку лаптой мечу леток И тешусь разными игра́ми (Держ.). Кубарить не любили Дел *со́ дня* на другой

¹ Ср. РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 236.

² Все примеры относятся к случаям нисходящей (циркумфлексовой) интонации или бывлой краткости корневых гласных (по происхождению).

(Держ., Афинейск. витязю). Как стрелы из лука пущенны, Летят они во весь опор (Держ., Колесница). Припав к луке летит, как из лука стрела (Дмитр., Причудн.). Но серна легкая все силы натянула: Подобно из лука стреле Над пропастью она махнула (Крылов, Лев, Серна и Лиса). Но на сына вдруг стал гонитель По наговорам злой жены (Н. П. Осипов). Сарматы множатся: грудь на грудь в бой идут (Завалишин). Друг на друга глядят, но говорить не смели (Дмитр., Лиса-пропов.). Сам думает: «Молчи ж — уж я тебя, воструху!» И, у друга на лбу подкарауля муху, Что силы есть, Хватя друга камнем в лоб (Крылов). От слова до слова прошение прописала... (Измайлов, Скотск. правосудие).

Поздний, аналогический случай представляет «из стали» у Державина (Целение Саула): «Как искра, от кремня и из стали воспрянув, Так солнце излилось из мрака, возблеснув».

В течение XIX в. эта особенность заметно замирала. Востоков (§ 182) считал, что «переход ударения с существительных на предлоги ... употребителен только в просторечии». Русские стихотворцы первой половины XIX в. своей практикой не подтверждают этого мнения. Пушкин, напр., в этом отношении показывает себя еще вполне северянином и не только в вещах, стилизованных под народную речь: Город у моря стоит (Сказка о царе Салт.); Люди из моря выходят (там же), но и в таких, как «Евг. Он.»: Прямым Онегин Чильд-Гарольдом Вдался в задумчивую лень: Со сна садится в ванну со льдом...; Ввести друг на друга курок..., и под.

Перенос ударения на не у прилагательных: не люб, не весел, не дорог, не молод, не солон, нефонетический, к слову сказать, только в случае не мил (ср. Востоков, § 182)¹, по-видимому, в литературном языке окончательно вымер.

Паролькин: Да что-то не весел. Хватай ко: Ведь наш он челобитчик (Капнист, Ябеда). Вы что-то не веселы стали» (Чацкий в «Горе от ума») встречает реплику Фамусова, где ударение уже падает на прилагательное: Ах, батюшка! Нашел загадку — Не весел я... В мои лета Не можно же пускаться мне в присядку.

Среди других заслуживает внимания перенос ударения на предлог со слова это, лишь очень редко еще встречавшийся в XX в. в говорах: Младенец молоко у матери сосет, И за это он мать еще и больше любит (Сумар., Эпиграмма). Болклив цырюльник был: молчати не умеет, А людям об этом сказати он не смеет (Сумар., Мид). Послушай, черт хромой! Ты знаешь, каково пошучивать со мной: Я за это тебе сверну к затылку рожу (Судовщиков, Неслыханное диво, 1802 г.) О, в этом, может быть, я вас обеспокою: Решиться на это никак не соглашусь (там же).

¹ Кроме последнего случая (не мил), все примеры относятся к циркумфлексовой интонации или к краткости.

Покойник бы мой тесть и за́ этим не гнался (там же). И на́ это, сударь, тотчас ответ я дам (Судовщиков, Опыт искусства). Как за́ это Змею Свиныя благодарила! Боялись все замаранного рыла (А. Е. Измайлов). Есть свиньи из людей, которые невежд так превозносят, Да за́ это у них чего-нибудь и просят (Изм., Кулик-астроном). Да он молчал, так за́ это бесились... (Изм., Утопленница).

Вымершим следует считать оттягивание в прошедшем времени у глаголов с подвижным ударением при двух начальных согласных. До середины XIX в. такая оттяжка встречалась. Из старых примеров см.: Я не́ спал, — и со звоном лиры Мой тихий голос соглася, «Блажен» — воспел я — «кто доволен...» (Держ., Вид. мурзы). А дома не́ спали лишь я да петухи (В. Майков). Не знаю, не́ драли они бы тут чего (В. Майков).

В русском литературном языке, кроме явно уже устарелых *при́дет* — *при́дут* и книжн. *у́зришь* — *у́зрят*, нет случаев передвижения ударения на префикс. В памятниках имеем в соответствии древности, подтвержденной свидетельствами живых славянских языков — сербского, украинского и др., в том числе говоров русского: *во́змешь*, *во́змет*, *на́чнется*, *недо́имет*, *не́имет*, *по́имет*, *по́шлешь*, *по́шлют*, *у́мрет* (Домостр.), *на́чнут*, *по́чнет*, *по́шлет*, *обо́шлемся* и под. (Слав. рукоп. б. Синод. библи., № 703, Шпаков, Прилож.); *во́змет*, *на́ймется*, *учнет* (Улож. 1649 г.).

Заметим еще, в XVIII в. в употреблении были, кроме упомянутого *при́йдешь* и т. д., еще *на́йдешь* и т. д., *по́йдешь* и т. д. Вот примеры: Варлам смирен, молчалив, как в палату во́йдет, Всем низко поклонится, к всякому по́йдет... (Кант.). Здесь нимфы Невской Ипокрены, Видения ее лишены, Сердцами по́йдут вслед за ней. Сердцами по́йдут, и устами В восторге сладком возгласят... (Ломон.). Куда не во́йдем мы, тот час Хороший стол, хороши вины... (Сумар., Подушка и Кафтан). Не на́йдет ли еще он в доме жидких тел (В. Майков). Слух про́йдет обо мне от Белых вод до Черных (Держ.). Но только лишь при́дет весна И роза вздохнет лишь румяна... (Держ.). Я Ангела пишу: пусть в виде он Арапа, Для сходства, вместо ног, медвежья по́йдет лапа (В. Петров). Тут на́йдешь то, чего б не хитрому уму Не выдумать и век... (Дмитр.). Бесплодные до́йдут до кончины, Не зная алчной десятины (Радищев). Более редки — с другими корнями, в прошлом заключавшими в себе редуцированные гласные: Ниспо́шлет милость он свою В лучах божественного света... (Сумар.). Так его запальчивость тут во́змет угрюма (Кант., Сатира IX). И любимец Счастья во́змет свои покой (Держ.). Не со́рвется вовек, кто б ни был как удал (В. Майков). Медведи, тигры, львы, услыша нежной тон, Повесят морды вниз и во́змут угомон (В. Петров). Как ястреб голубей врозь на́чнет дум пярять И во́змет по строкам туда сюда пынать (В. Петров).

С Кавказом на Неву вдруг двинется Рифей, Альп, Етна, Апеннин, их сорвет с мест Орфей (В. Петров). Дух! — и те дела не умрут, Производят что добро... (Держ., Время). Ср. еще у Дельвига: Отóпрешься ль? — Нет отзыва! Мы час стоим, другой стоим... (Две звездочки).

Под влиянием узришь, узрит и т. д. у Сумарокова это место ударения и в 1 лице ед. числа: ... Как узрю то во лжи, что в правде мне бывало (Элегия 9). Но в этом же стихотворении и обычное ударение узрю: «...В которых [местах] я тебя узрю в последний раз...»

Видимо, бесследно исчезла из литературного языка и диалектов очень древняя особенность, еще довольно отчетливо отраженная в памятниках, — передвижение ударения в прошедшем времени глаголов класса **-и-** типа: говоришь, творишь (с ударением на примете класса во всех формах, кроме 2 л. мн. ч., где ударение падало на окончание **-тѣ**). Как и в тех славянских языках, которые сохранили ее непосредственно (чакавское наречие сербохорватского и словенский) или сберегли ее отчетливые следы (кашубский), древнерусские памятники представляют эту особенность в таком виде: женский род в единств. числе имеет иногда ударение на **-а**, а во всех остальных формах ударение отходит на первый слог, не исключая префиксальных образований. Примеры из памятников: сотворил (Апост. 1564 г.); на́поил, на́садил, по́садил, по́ложил¹, со́творил и под. (Псалт. 1619 г.); при́ложили (Улож. 1649 г.). В современном языке единственный остаток такого ударения — ж. р. *родила́*, — форма специфически-женская по значению².

Значительно увеличилось в литературном языке число глаголов с приметой **-и-** в настоящем (будущем) времени, вместо ударения на ней (и **-я-** в 3 л. мн. ч.), получивших ударение на корне, — явление, отражающее усиление в литературном языке элементов южнорусских за счет северных и церковнославянских: *ва́лишь*: Унес ли черт его? Да нет не провалится (Судовщ., 1802 г.); у Пушкина: Снег на землю ва́лится; *ва́ришь* (ср. у Пушкина: Ты пицу в нем себе ва́ришь), *га́сишь*, *гу́бишь* (ср. у Сумарокова: Но кто меня губи́т, того не внушено (Синав и Трувор; у Хемницера: Ведь ты красу лица совсем тем погуби́шь...); *ка́тишь*, *ко́пишь*, *ко́сишь* (Он яростной рукой в дыму врагов ко́сит (Завалишин); *ку́тишь* (ср.: Жены бедные страдают, А мужья-глупцы — ку́тят (Судовщиков, Три брата-чудака); *ле́нишь-ся* (ср. у Державина, Лето: Мышлю, *ле́нишь-ся* петь в хоре прелестном); *ле́чишь* (ср. у В. Майкова: Нет, знать, скорей судьба Мой краткий век промчит, Чем просвещение те нравы излечи́т); *пу́тишь* (ср. у Держ.: С бре́гов суда спущены́; еще у Пушкина:

¹ *-ложить* в настоящем времени раньше имело ударение на примете класса — *-ложишь* и т. д. (ср. соврем. *ложиться*).

² Ср. Н. Ван-Вейк, Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XXIII, 1918, стр. 106—112.

Огромный запущенный сад, Приют задумчивых дриад)¹; *тащѣшь*: А глупыя писцы их [рифм] ищут будто клад: В кривой тащѣт их путь (Сумар.); И все сокровища из моря Тащѣт повергнуть ей к стопам, — Богданович (такое ударение еще обычно, напр., у Некрасова); *туѣшьшь* (ср. у Держ.: И солнцы ею потушѣтсѣя); *вѣрѣшьшь* вытесняет еще недавно широко распространенное *верѣшьшь*, и под. Изредка наблюдается урегулирование в сторону конечного ударения; ср. у старых авторов: Мы просим, вѣпим и желаем (Хераск.). Вѣпит Марко несчастный в темнице, Вѣпит жалобно, гласно зывает (Востоков). День прошел — царица вѣпит (Пушк.). Еще Грот (Русское правописание, V) именно *вѣпят* выставлял как нормативную форму, хотя в «Словаре русск. яз.» 1891 г. под его редакцией отмечалось только *вопят*; теперь установились: вопѣшь... вопѣят².

Слово *дышѣть*, формы наст. времени которого издавна принадлежали и к тому и к другому классу, имело в них соответственно ударения *дышѣшь...*, *дышѣт* и *дышѣшьшь*, *дышѣт*: ...Противный воздух, которым ныне дышу, Я гласы совести ежеминутно слышу (Сумар., Вышеслав). — А царь и не дышѣт, и не зевает (В. Майков, Лягушки, просящ. о царе). У Державина: Или средь рощицы прекрасной В беседке, где фонтан шумит, При звоне арфы сладкогласной, Где ветерок едва дышѣт... (Фелица). Любовью сердце умерщвлено. Но ей еще оно дышѣт (Цирцея). Под жемчугами драгими Груды нежные дышѣт (Русские девушки). У него же встречается, однако, и нынешнее ударение: «Как сседшая морская пена, Зефиром зыблется и дышѣт...» (Провидение). Дышѣт пока сады ароматно, Розы спеша собирать (Весна). Чуть дышѣт ветерки, Чуть слышан стон (Персей и Андромеда). — ...К Латину вдруг тогда примчались от Турна грозные гонцы, С весьма нерадостною вестью, Что Турн дышѣт... (Осипов). ...Отравую дышѣт и смертью угрожает (П. Гулак-Артемовский, Недоверчивость). Теперь, независимо от принятой орфографии, ударение в формах 2 л. ед. ч. и далее падает только на корень³.

Многочисленны различия с современным нам языком в отношении глаголов класса *-ну-*: *-не-* у писателей XVIII—XIX в.:

¹ Ср. и в письме ц. Алексея 1650 г.: «Салдан *пуцоное* одинова добыл..., а Казак *пуцоное* одиново добыл. .», т. е., вероятно, «пущенное».

² Заслуживает быть отмеченным, что в подклассе *-и-* к инфинитивам на *-ѣть*, *-ать*, судя по широте распространения данной особенности, вероятно, еще раньше, — кроме уже упомянутого *вѣрѣшьшь*, в формах настоящего-будущего времени изъяз. наклонения глаголов *терпеть* и *держать* в русском языке установилось, начиная со 2-го лица ед. числа, новое — накоренное ударение: *тѣрпишь*, *дѣржишь* и т. д.

О том, что это ударение новее, чем укр. *терпиш* и т. д., *держиш* и т. д. (при вытесняющих их *тѣрпиш*, *дѣржиш* и т. д.), свидетельствуют показания всех южнославянских языков; ср., например, болг. *търпиш*, *държиш* и т. д.

³ Материал, относящийся к первой половине XIX в., см. РЛЯ пп. XIX., М., 1934, стр. 213—219.

...Так равномерный слог согласен, плавлен, сладок... Как утка, в нем Пиит не тряхнется, плывет (Петров, К вел. государыне). Не вздохнет горлица и соловьи не шелкнут (там же). ...Наклонит—изумруды блещут. Повёрнет—яхонты горят. (Держ., Павлин). Куда ни вёрнется: браздой сармат лежит... (Завалишин).

...Хоть и видел всё то дело, Как кокетка нечто смело Вдруг изволила склонуть... (Аблесимов, Быль 6).

В условиях различения былых интонаций корневых слогов (акутовой в одних случаях и циркумфлексовой и краткостной в других) в особой жизни русского языка развилось в возвратных формах прошедшего времени глаголов различение с одной стороны неподвижного ударения, с другой — факультативной подвижности: 1. бѣлся, брѣлся, мѣлся; 2. лился : лился, лилось : лилось, лились : лились; сжѣлся : сжѣлся, сжѣлось : сжѣлось, сжѣлись : сжѣлись; сбѣлся : сбѣлся, сбѣлось : сбѣлось, сбѣлись : сбѣлись.

Различение это, однако, вряд ли восходит к непосредственному различению интонаций, по-видимому, в период закрепления **ся** в русском языке при глаголах — уже утратившихся. Скорее, в данном явлении обнаруживается поддержанное новой тенденцией, при изменении состава слова, обобщение ударения ед. числа женского рода: бѣлась, мѣлась, но лилась, сжѣлась, сбѣлась, сначала проникшего в формы типа лилось, лились, сжѣлось, сжѣлись, а потом перешедшее в ед. число мужского рода¹.

Сходное явление имеем в формах деепричастий типа обнявшись : обнявшись, опершись : опершись; ср. у авторов XVIII в. также: «В три краты извившись флот сильный на волнах, Возмог бы всем навесьть отчаянье и страх...» (Херасков, Чесмесский бой); «Пред фрунтом извившись по топкому болоту, Ручей предохранял от наступу пехоту» (Завалишин, Сувороида, 1796); «Слезамя облившись, объемлет он его» (Херасков, Чесмесский бой).

По показаниям близкого родича славянских языков — языка литовского, — форме им. падежа мужск. рода ед. ч. причастий наст. времени класса **-i-** действ. формы принадлежала циркумфлексовая интонация приметы класса. В древнейший период, в соответствии закону Фортунатова — де-Соссюра, в этой форме ударение с циркумфлексовых и краткостных слогов поэтому не переносилось на окончание. Лучше всего след этой былой особенности сохранили в русском языке происшедшие из таких причастий деепричастия т. наз. настоящего времени глаголов со старыми инфинитивами на **-ѣ-ти** (*сидеть, глядеть* и под.) и на **-а-ти** с **а-**, восходящим к древнейшему долготому **е** или **ѣ** после шипящих (*лежать, стоять*): *сто́я, гля́дя, ле́жа, сидя* (ср. аналогические формы *сидя́, глядя́* и под.).

¹ Подробнее см. в статье — «Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы». АН СССР. — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. I, 1948, стр. 18—48.

Еще в XVIII и в первые десятилетия XIX в. в нередком употреблении была с таким ударением и форма *смóтря*: ...И смóтря на других, он сына тож послать Учиться за море решил (Хемницер, Метафизик). Кощей мой, смóтря на него, Себя не помнит, утешает (Хемн.) ...Но утешаюсь тем, на наши смóтря соты, Что в них и моего хоть капля меду есть (Крыл., Орел и Пчела). Напрасно, смóтря на собачку, Ты вздумал, что тебе я также дам потачку (Крыл., Лев и Волк). Смóтря на желтые листья, На лик помертвельный окрестной страны, Со вздохом себя вопрошаю... (В. И. Панаев). И сердцем далеко носилась Татьяна, смóтря на луну (Пушк.).

Параллель нынешнему *сúдя* по... (к *судить*) представляло *хóдя*: Там, хóдя б вместе с ним, цветы себе рвала (Сумар.). Я, хóдя целый день, ни разу не споткнулся... (Хемн., Конь и Осел). ...Часто хóдя Меж кустами, тебя стану покликать (Кург.) Ср. в «Бове» Пушкина (1815 г.): Вот уже народ бессмысленный, Хóдя в праздники по улицам, меж собой не разговаривал...

По Востокову (изд. 12, стр. 212): «Правильное ударение смóтря, сидя, ходя свойственно важной речи».

Деепричастия настоящего времени от глаголов класса **-je-** с подвижным ударением (конечное ударение в 1 лице ед. ч. и оттянутое, начиная со 2 лица ед. ч.) выступают в языке писателей первой половины XIX в. зачастую не с конечным ударением, как теперь, а с ударением на предпоследнем слоге. Особенно выдержано такое ударение у Пушкина: Блéща средь полей широких, Вот он льется!.. Здравствуй, Дон! (Дон). ...И дрéмля едем до ночлега, А время гонит лошадей (Телега жизни). Мрачный вал Плескал на пристань, рóпща пени... (Медн. всадн.). — ...И солнце вновь... на землю жар свой благодатный Льет с высоты лазури необъятной И, блéща, продолжает подвиг свой (Кюхельбекер). Красивый выходец кипящих табунов..., Топóча хрупкий снег, нас по полю помчит (Вяземск.). Трeпéща, жены близ мужей Держали плачущих детей (Лерм.).

Со сравнительно-исторической точки зрения это вряд ли более старое ударение. Скорее оно отражает влияние на эти формы, почти сплошь книжные, ударения большинства форм настоящего времени.

У В. Майкова (Отец и дети) — спúстя: «...Когда не хотите вы спúстя рук сидети, Наставлю вас на лад...»

Ударение заимствованных слов

Ударение слов, вошедших в русский язык извне, значительным колебаниям на путях их исторического развития, вообще говоря, не подвергалось. Обыкновенно ударения заимствований на русской почве соответствуют ударениям языков, из которых определенные слова поступили в русский язык. При этом надо, однако, иметь в виду, что, так как заимствования в значитель-

ной своей части перенимались не прямо из иностранного языка, являющегося первоисточником соответствующего слова, а через языки-посредники, возможны и даже относительно нередки отклонения от места ударения слов в языке-источнике за счет особенностей ударений языков, из которых соответствующие слова фактически усвоены.

Наиболее определенно в русском отражено место ударения **тюркских** (турко-татарских) языков и **французского**, характеризующихся на родной своей почве постоянным ударением — на последнем слоге слова. Для заимствований из французского языка не сыграло при этом никакой роли то обстоятельство, что ударение отдельных слов в нем вообще слабо выражено¹.

Для тюркизмов (и переданных в своем большинстве через тюркские языки монголизмов) можно ограничиться сделанным общим замечанием и примерами: изю́м, ба́льк, башлы́к, калита́, кисея́, казна́, чугу́н, кайма́, камка́, ба́рыш, каранда́ш, армя́к, кафта́н, арбу́з, кио́ск, батра́к, бахча́, карау́л, каланча́, колпа́к и под.

К тюркизмам надо, по-видимому, отнести в значительном числе и те слова из нетюркских языков (арабского, персидского), которые перешли в русский, вероятно, через посредство первых и поэтому с конечным же ударением: балага́н, баклажа́н, була́т, амба́р, гаре́м, исла́м, изья́н, алма́з и под.

В относительно немногих словах, почти исключительно таких, которые получили формы женского склонения на **-а (-я)**, ударение бывает и не на конце слова: бакала́я, бакла́га, вата́га, киби́тка; ги́ря (иранизм) и под.

Не на конце оно, конечно, и у прилагательных на **-ый, -ая** и т. д. вроде: а́лый, була́ный, кау́рый, ча́лый (ср. и ал, жен. род — а́ла, ча́л — жен. род ча́ла и под.). При усвоении слов тюркского (и монгольского) происхождения некоторые из них, с конечной частью, напомиравшею своими звуками славянские суффиксы, подобно им получили в склонении конечное ударение: каранда́ш — род. падеж карандаша́; ба́рыш — род. падеж ба́рыша́; ка́мыш — род. падеж ка́мыша́; чугу́н — род. падеж чу́гуна́; колпа́к — род. падеж колпакá; кума́ч — род. падеж кумачá; ср.: торго́ш — торгоша́; ма́лыш — малыша́; болту́н — болтунá; чу́дак — чу́дака́; уса́ч — усачá и под.

Из тюркизмов заслуживает специально быть отмеченной в истории русского литературного языка судьба ударения слова **жемчу́г**². В XVIII и в начале XIX века обычное ударение этого слова — конечное, причем, в отличие от большинства других тюркизмов, иногда даже и нафлексивное. Примеры: Там трон — жемчу́гами усыпанный алтарь (Ломон., Петр В.). Жемчу́гу бездна

¹ См. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, изд. 3, 1948 г., §§ 92—94.

² Этимологические соображения см. VREW, I, стр. 418.

и сребра Кипит внизу, бьет вверх буграми (Держ., Водопад). Под жемчугами драгими Груды нежные дышат (Держ., Русские девушки). Не трудно разумать, что для ее услуг Горстями сыпались каменья и жемчуг (Богд.). У И. А. Крылова место ударения слова колеблется: Ведь идет слух, что все у богачей лишь бисер да жемчуг (Свинья), но: Хоть жемчуг находить близ берега и можно... (Водолазы). У А. С. Пушкина обычное ударение жемчуг, в род. падеже ед. числа и далее — на флексии: Поэт бывало тешил ханов Стихов гремучим жемчугом. В «Русалке», впрочем, Змеей, змеею он меня — Не жемчугом опутал (вероятно, жемчугом).

Варианты ударения — жемчуг (ударение, естественное у слова тюркианто происхождения) и жемчуг (ударение, для которого скорее всего надо предположить какую-то передаточную среду) принадлежат разным говорам и из них попадали в литературную речь. К конечному древнерусскому ударению ср., в частности, в рукописи б. Синод. библиотеки № 703, Шпаков, Прилож., II, стр. 191: съ жемчюги, пелена... сажена жемчюгомь и под.

Галлицизмы, как хорошо известно, с XVIII века прямо поступали в книжный и в разговорный язык сначала через «верхушку» общества, в большей или меньшей мере двуязычную; главным образом со второй половины XIX века — частично через интеллигенцию, усваивавшую французский язык преимущественно книжным путем. Учет немецкого посредства необходим в известной степени для последнего периода; для более раннего времени немецкому посредству, по-видимому, принадлежала в этом отношении лишь очень небольшая роль. Таким образом, вошедшие в литературный русский язык галлицизмы характеризуются тут без исключений конечным ударением своей основы¹.

Случаи в русском языке неконечных ударений основы у галлицизмов, кроме слов на **-ия**, отражающих латинизацию — включение их в латинские образцы, и глаголов на **-фицировать**, тоже латинизированных и снабженных конечной русской суффиксальной частью (**-ов-**), очень редки. К таким относятся, например: адрес (франц. *adresse*), усвоенное, вероятно, через польское посредство — с польским ударением именительного падежа ед. числа (*adres*), кепи (фр. *keri*, керу), при котором можно подозревать немецкое посредство — **Кәрпи**; паспорт (при вышедшем из употребления около конца XIX века паспорт (фр. *passee-port*); новое ударение обязано, вероятно, польскому посредству — *paszport*, род. падежа *paszportu* и т. д. (ср. и устарелое, ставшее теперь простонародным, произношение «пашпорт»); профиль (фр. *profil*); если это отклонение не отражает польского посредства —

¹ Ср. багаж, экипаж, тираж, балет, портрет, этюд, лейтенант, бюллетень, канделябр и под.

grófil (им.-вин. падеж ед. числа),— оно могло возникнуть на русской почве в результате того, что в первой половине XIX века слово склоняли по женскому роду и, вероятно, поэтому оно оказалось попавшим в сферу влияния похожих префиксальных образований на мягкий согласный (прóпасть, прóрубь и под.). Распространенное неправильное ударение «пáртёр», вместо партёр (фр. parterre «задние ряды партера»), появилось, надо думать, как приравнение к многочисленным германизмам на -er. Наоборот, в XVIII и в первые десятилетия XIX в. французское ударение иногда влияет вообще на некоторые европеизмы, усвоенные русским литературным языком, и они получают конечное ударение, отклоняющееся от языков-источников.

Так, у известного современника Пушкина — П. А. Вяземского встречаем в гречизме *метафора* (ср. нынешнее ударение, тоже отступающее от греческого — метáфора) ударение метафóра: «Хочу заснуть без метафóр, но мне и в том успеха мало...» («Прелести деревни», 1824 г.), у Е. Зайцевского — фосфóр: «Тень кипариса, солнце юга, фосфóром искристый залив...» («Вечер в Тавриде»), не говоря уже о И. П. Мятлеве: профессор: «Приехал к нам из-зá моря француз — магнетизёр. Какие шутки строит он! Сказать — что профессóр («Коммеражни», 1836); у него же — сенатóр и под.

Ударение слова мáршал (фр. maréchal) представляет собою отклонение от французского под влиянием немецкого Márschall. Слово трáнспорт, близкое к французскому transport, на самом деле усвоено, по-видимому, не из французского, а из английского — tráns-port. Рапорт (фр. rapport) на русской почве известно с двумя ударениями: конечным — рапóрт — в языке моряков и обычным (начальным — ráпорт), может быть, через польское gáport (хотя с родительным garórtu и далее с таким ударением).

Имена существительные славянского типа, которые есть серьезные основания считать полонизмами, обыкновенно, как и в польском языке, имеют ударения на предпоследнем слоге слова: вéнзель, зрáзы, кóзлы, опéка, местéчко, сбру́я, лéкарь, пéкарь, пíсарь.

Ударение во многих других словах (иноязычного происхождения в самом польском языке) тоже большею частью приходится на предпоследний слог; например: аптéка, бля́ха, дра́тва, зámша, карéта, ко́фта, по́чта, ро́та, фраму́га; ва́хмистр, кйвер, кла́виш, рóтмистр, трéнзель; дýшло. Но многие слова при усвоении их русским языком получили новое ударение — в духе русского ударения созвучных суффиксов: краковя́к, пастерна́к, темля́к; жупáн, рыдвáн; маля́р, столя́р (род. пад. маляра́, столяра́) и под.

Мéтрика выступает с ударением на первом слоге в соответствии исключению в самом польском языке [ударение на третьем слоге с конца европеизмов на -ука (т. е. -ыка)]. В связи с этой

особенностью польского языка стоит и история русского ударения слова *музыка*. Преобладающее ударение в этом слове в течение всего XVIII века — соответствующее французскому — *музыка* (фр.— *musique*); такое ударение заходит и в первые десятилетия XIX века, например к А. С. Пушкину, у которого нынешнее ударение встречается только в виде редкого исключения¹. Примеры из поэзии XVIII века: «Но ныне к обоим вы, Нимфы, собирайтесь и равно обоёй музыкой наслаждайтесь» (Ломон.); «Не любит Лев музыки сей и духу» (Сумар.); «Престаньте воспевать! Песнь ваша непрелестна, Когда музыка вам прямая неизвестна» (Сумар.); «Пилящие дрова свою музыку кинут» (В. Петров); «Повеселим царя, у нас изрядная вокальная музыка» (В. Петров); «Или музыкой и певцами, Органом и вольткой вдруг, Или кулачными бойцами И пляской весело мой дух» (Держ.). «Бранна музыка днесь не забавна» (Держ.); Одушеви моей музыкой песнопенье (Батюшков, Послание Г. Велеурскому), — ударение, долго державшееся, скорее всего, под немецким и французским влиянием. Музыка встречается приблизительно с третьей четверти XVIII в. [ср., напр.: Восстала музыка из разных тамо лир... Что с музыкой текло тут время золотое (М. Чулков. Плачевное падение стихотворцев). Там музыка гремит, в огнях пылает дом (Карамзин, Меланх., 1800 г.)], но входит окончательно в употребление только около середины XIX в.

Что касается слова *шерёнга* (в польском языке с XVIII века — из венгерского), есть некоторые трудности при объяснении его ударения. В упоминавшемся очень важном для истории русского ударения переводном памятнике — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647 г.) это слово употреблено много раз во множественном числе с ударением на начальном слоге, т. е. соответствует ударению слова — источника в его исходном виде — *széreg*. Само образование (женского рода) *шеренга* остается до сих пор не объясненным (что касается вставного *н*, то последнее возникло уже на польской почве, скорее всего — в Литве).

Некоторые иностранные глаголы с польским *-ować* уподобились русскому типу на *-ова́ть*: шлифовать, вербовать и под.

Глагол *клянчить* усвоен из польского языка с польским же ударением.

Вообще немногочисленные в составе русского литературного языка финнизмы (как и заимствования из родственных финскому языков) в большой своей части имеют в соответствии языку-источнику начальные ударения: *ка́рбас*, *ко́рюшка*, *мо́рда* «плетенка из новых прутьев для ловли рыбы», *на́рты*, *па́юсная* (икра), *пы́ексы*, *ту́ндра*, *па́хтать* и под. Но *сала́ка* (ср. более частое *сала́кушка*) усвоило, вероятно, по созвучию с ударением русских слов на *-а́ка*, ударение на срединном слоге

¹ Подробные справки см. РЛЯ первой пол. XIX в., 1954, стр. 190.

слова. Пельмѣнь образовалось из сложения пермско-вогульского *пель* «ухо» и *нянь* «хлеб» и могло быть усвоено с преобладающим ударением второй части сложения. Кáрбас «большая лодка, с высокими бортами, двумя четырехугольными парусами и 4—10 веслами» (см. ударение слова в академическом «Словаре русского языка», IV том, вып. 2, 1908 г.) по ударению соответствует своему вепско-финскому происхождению. Но в настоящее время, судя по новейшим словарям, это слово уже произносится и с ударением на конечном слоге¹. Не ясна причина конечного ударения в слове пургá.

Ударение грецизмов в ряде случаев соответствует ударению древнегреческих слов: агáт: греч. achátēs; Анатóлий: греч. Anatólios; áнгел: греч. ángelos; вáрвар: греч. bárbaros; гипóтеза: греко-лат. hypóthesis; гéнезис: греч. génesis; Димíтрий: греч. Dēmétrios; Евфíмий: греч. Euthýmios; кáтет: греч. káthetos; комéта: греч. komētēs; лáдан: греч. ládanon; левкóй: греч. leukóion; корáлл: греч. korállion; Лукá: греч. Loukás; мéтод: греч. méthodos; óрган: греч. órganon; óргия: греч. órgyia; óхра: греч. óchra; поли́п: греч. polýpous; нома́ды: греч. nomádes; Прóхор: греч. Próchoros; рíтор: греч. rētōr; тетрáдь: греч. tetrádion; уксус: греч. óxos; фáкел: греч. phákelos; флéγμα: греч. phlégma и под.

Немало, однако (можно даже утверждать, что большинство), случаев, когда те или другие слова обнаруживают в своем ударении признаки той промежуточной среды, через которую слово поступило в определенный восточнославянский язык (обычно — в русский).

Можно характерное в этом отношении отметить, например, для слов: автомат: греч. autómatos; автохтón: греч. autóchthōn; аксиóма: греч. axióma; глауко́ма: греч. glaukōma; гиа́цинт: греч. hyákinthos; гиена: греч. hyaina; гипно́з: греко-лат. hypnōsis; гипотену́за: греч. hypoteínousa; гиппопота́м: греч. hipporótamos; кашта́н: греч. kástanos; кио́та (киот, кивóт)—греч. kibotós; колóсс—род. падеж колóсса — греч. kolossós; ко́мик — греч. komikós; крáтер — греч. kratēr; мавзолéй — греч. Mausóleion; Маркéлл — греч. Márkellos; мегéра — греч. Mégaira; меду́за — греч. Médousa; мета́фора — греч. metaphorá; метеóр — греч. metéōron (metéōros); неофíт — греч. neóphytos; поéма — греч. poíēma; прозелíт — греч. prosélytos; прототíп — греч. prōtótýpon; сифóн — греч. síphōn; скaндáл — греч. skándalon; склерóз — греч. sclērōsis; скорпиóн — греч. skórpios; Стефáн (Степáн) — греч. Stéphanos («венок»); тра́гик — греч. tragikós (первоначально — «козлиный»); фимиáм — греч. thymíama; фитá (название вышедшей теперь из употребления буквы) — греч. théta; Херсо́н — греч. Chersōn; химéра — греч. chímaira; экзáрх — греч. éxarchos; э́хо — греч. echō и др.

¹ Под влиянием сходного по смыслу галлицизма *баркас*?

Эти отклонения своим появлением обязаны отчасти новогреческим образцам, в очень большой степени — латинскому посредству, иногда немецкому ученому посредству; в редких случаях — вероятно, французскому.

Обычно под влиянием латинского как языка-посредника отклоняются от древнегреческого ударения многочисленные слова на **-ия**: комедия — греч. *kōmō(i)día*; космография — греч. *kosmograp̄hía*; фантазия — греч. *phantasía*. В некоторых словах, преимущественно «ученых», наблюдается, однако, тенденция сохранить древнее греческое ударение на **-i-**, что приводит к наличию в языке дублетов вроде: демократия: демократія, афазия — афазія и ряда подобных.

В XVIII и в первой половине XIX века такое ударение иногда наблюдалось, по-видимому, под французским влиянием, даже и тогда, когда сам греческий язык не подавал к этому повода. Мы встречаем, например, ударение симпатія, несмотря на греч. *sympátheia*, у И. И. Дмитриева: «А уши, как у нас, и я по ним сужу, Что у него должна быть симпатія с нами (басня «Петух, Кот и Мышь»), у А. И. Полежаева: «Не симпатія двух сердец Святого дружества венец в счастливой жизни нам вила...» (А. П. Лозовскому 1828 г.), у В. И. Телякова и др. Академический словарь 1869 г. тоже еще давал только такое ударение.

Несколько примеров слов на **-ия**, ударение в которых колебалось в XVIII веке:

Поэзия:... Царящей Поезії Дела Твои превознесет (Ломон., Ода 7). Ср. нем. *Poesie*.

Химия: В земное недро ты, Химія, Проникни взора острой (Ломон., Ода 27 авг. 1750 г.). Ср. нем. *Chemie*.

Над этими ударениями Ломоносова, однако, иронизирует Сумароков (III ода вздорная): Из ада вижу Италию, Кастильски воды, Остьиндію...

Аллегория: Не Исо тут, Ерок, кавыка иль вария, Все Ероглифика да все Аллегорія (В. Петров, К вел. государыне).

Мелодия: И часто ангелы в небесных мелодіях На лирах золотых хвалили песнь твою (Карамз., Поэз.), — ударение, соответствующее греческому, французскому и немецкому и уступившее место новому мелодія под влиянием общей тенденции, идущей от латыни, не делать ударения на **-ия**.

С ударением, отклоняющимся от древнегреческого под влиянием латыни, в русский язык вошли слова на **-ика**: статика — греч. *statiké*, критика — греч. *kritiké*, косметика — греч. *kosmetiké*; клиника — греч. *kliniké*, механика — греч. *mechaniké* и под.

Говоря об ударении книжных грецизмов, следует учесть и то обстоятельство, что ряд их прошел в русском литературном языке через изменения и что нынешнее их ударение установилось не всегда сразу.

В XVIII веке и в первой половине XIX, наряду с возобла-
давшим теперь ударением áтом, соответствующим греческому,
едва ли не чаще употребляется конечное; так, например, в Вейс-
манновом Лексиконе 1731 года; у Н. И. Гнедича: «...Тот разум,
что сей шар и небо утвердил, А́тома с существом премудро
съединил («Общежитие», 1804 г.); у А. И. Полежаева: «О, обрати
опять в уничтоженье А́том, караемый судьбой» («Ожесточенный»,
1828 г.), и др.

И сейчас еще возможно, при более употребительном анапéст,
ударение, соответствующее древнегреческому (anápaistos)—анáпéст.

Барометр и другие слова на -метр, теперь не употребляющиеся
с ударением на второй части слова, в XVIII и XIX вв., прибли-
зительно до последней четверти второго, скорее всего под фран-
цузским влиянием, носили ударение на -метр (нынешнее ударение
соответствует немецкому—Barómeter): баромéтр указывалось,
например, в словаре 1780 г. Нордстета; с таким ударением это
слово употребляют К. Н. Батюшков: «Эпиктет не знал, Что бар-
омéтр пророчит непогоду...» («Послание», 1817 г.), П. А. Вязем-
ский: «Будь меньше слез, а больше смеха, Будь все на ясном
баромéтр («На новый, 1828 год») и др. «Словарь русского языка»
Академии наук еще в 1891 году как нормативные давал оба уда-
рения: барóметр и баромéтр.

Старое ударение **гекзамéтр** (вероятно, под французским влия-
нием; в немецком языке—Hexámeter) можно отметить, например,
у С. П. Шевырева («Послание к А. С. Пушкину», 1830 г.):
«...Тянули из его расслабших недр Зазубренный спондеем гекза-
мéтр».

Долго колебалось ударение слов со второй частью -граф.
В первой половине XIX века еще обычны биограф, географ, па-
раллельные французским и немецким: ср. «Собачий верный био-
граф, Я ждал от вас нетерпеливо Записок точных...» (Жуковский,
«К К. Ф. Голицыну», 1820 г.). Академические словари 1847
и 1869 гг. еще давали именно такое ударение. В словаре 1891 г.
оно отмечалось уже как параллельное. Географ: «...В России под
великим штрафом Нам каждого признать велят Историком и гео-
графом» (Грибоедов, Горе от ума, 1824 г.). Позднейшие акаде-
мические словари дают для этого слова уже современное уда-
рение.

Деспот. Нынешнее ударение на первом слоге слова не совпа-
дает ни с древнегреческим (despótēs), ни с французским, ни с не-
мецким; возможно поэтому, что в нем отражено ударение не име-
тельного падежа, а звательной формы древнегреческого языка
déspota,—формы, вероятно приобретшей влияние в извест-
ном церковном возгласии—eis pollá étē, déspota—«на многие
годы, господин!»

В первой половине XIX века, хотя Академический словарь
русского языка 1869 года еще давал только ударение деспóт
(вероятно, французского происхождения), слово выступает факти-

чески с обоими возможными ударениями; ср.: «За правду полную, за истину святую, За сих врагов царей, деспот Вельможу осудил...» (Д. В. Давыдов, «Река и Зеркало», 1803 г.); «Деспот сказал: Мои сыны! Законы будут вам даны...» (сатирическое стихотворение двадцатых годов): «...В Россию скачет Кочующий деспот» (сатир. стихотв. двадцатых годов). С нынешним ударением: «...К чему бесплодно спорить с веком? (вариант: «Что за охота спорить с веком?») Обычай — деспот меж людей (Пушкин, «Евг. Онегин», I, 1823—1825); «...Война и деспот в два меча Торопят медленное время» (Шевырев, Два духа, 1829 г.).

Евнух. Преобладающим в употреблении первых четырех десятилетий XIX века было ударение, соответствующее древнегреческому ευνούχος — еву́х: «Меж ними ходит злой еву́х, И убежать его напрасно» (Пушкин, «Бахчисар. фонтан», 1823—1824 гг.); «Пред ним отворялися двери, Встречал его мрачный еву́х» (Лерм., «Тамара», 1841 г.). Но с этим ударением и тогда конкурировало нынешнее неясного происхождения (влияние ко́нюх?): «Докучным ёвнухом ты бродишь между муз» (Пушкин, «Посл. цензору, 1822 г.); «...И ёвнухи кучей и жены толпой Теснятся, ревнуя друг другу» (Катенин, «Старая бль», 1828 г.).

Еще Академический словарь 1907 года допускал как параллельные ударения **еретик**, род. падеж еретика́ (соответствующие греческому *hairetikós*) и ере́тик (вероятно, под польским влиянием — *heretyk*). Трудность объяснения при последней догадке, однако, полностью не устраняется постольку, поскольку для украинского языка такое место ударения надежно не засвидетельствовано, а именно украинский язык должен был быть его передатчиком из польского. Можно поэтому догадываться и о другом — не отклонилось ли ударение слова от первоначального под влиянием многочисленных русских слов типа ёжик, но́жик, сто́лбик и под. Ударение, отклоняющееся от нынешнего, см., например, у Хомякова: «Но вспомни же, что он ере́тик гнусный» («Дмитрий Самозванец», 1833 г.).

Зефир. Обычное, хорошо засвидетельствованное, ударение этого слова на гласном **-и-** получено, вероятно, через французский язык. Иногда в XVIII веке и в первой половине XIX века встречается и ударение, соответствующее греческому и латинскому (*zephyrus, zephyrus*) — зе́фир. «Словно как зе́фир порывистый по морю зыбь разливаает...» (Гнедич, «Илиада», VII, 1829 г.); «Чуть зе́фир струясь березу колышет» (Дельвиг). Встречается такое ударение и у раннего Пушкина: «...Как в театре и на балах, На гуляньях иль в воксалах Легким зе́фиром летал» («К Наталье», 1814 г.).

Ударение **катастро́фа** расходится с греческим — *katastróphé*, и установление его надо отнести за счет латинского, французского или немецкого влияния. В языке духовенства и людей, учившихся в духовной школе, до относительно недавнего времени нередко встречалось ударение ката́строфа. Что вызвало его появление,

сказать трудно. В 4-ом издании «Толкового словаря» В. И. Даля (под ред. А. И. Бодуэна-де-Куртенэ) отмечаются как параллельные оба ударения.

Нынешнее ударение **ка́федра** попало в русский язык из латыни. Как верно отмечено в Акад. словаре, том IV, вып. 3, 1909 г., стр. 483, это слово «с ударением на втором слоге — кафе́дра — употреблялось преимущественно в старину, а теперь главным образом в духовном сословии». Такое ударение соответствует древнегреческому, французскому, немецкому и польскому. Оно употребительно у старых поэтов, хотя рядом встречается у них и кафе́дра, приблизительно до 70-ых годов. Несколько примеров: «...Так разве, как плохой с кафе́дры проповедник» (В. Петров, «Пис. к В. Гос. Екат. II»); «Как на кафе́дре врач глубоко-изученный» (Хемницер, «Лисица и Сорока»); «Помню я, как сон, твои кафе́дры, залы, коридоры (Лерм., «Сашка», 1839 г.); у Пушкина: «...Дерзаю за тобой занять кафе́дру ту, с которой в прежни лета Ты слишком превознес достоинства сонета» (черновые наброски, 1833 г.); но у него же: «Проснись, ленивец сонный! Ты не под кафе́дрой сидишь, Латынью усыпленный» («Пирующие студенты», 1814 г.).

Нынешнему ударению **кли́мат**, которое соответствует греческому *klíma*, противостоит в XVIII и в первой половине XIX века как более употребительное — клима́т, вероятно под французским или украинско-польским влиянием (ср. пол. *klimat*, но родительный падеж — *klimátu*, старое украинское — клима́т). Впрочем, Акад. словарь еще в 1909 году допускал клима́т как параллельное ударение, хотя уже в академическом словаре 1869 года оно не упоминалось. Примеры ударения клима́т: «Иные, избрав жарчайшие клима́ты, Хотели Душеньку во Африку везти» (Богданович, Душенька); «Во всей вселенной их единый стал клима́т, В ней прежде был эдем, а ныне стал в ней ад» (В. Майков, Елисей); «Ты сетуешь на наш клима́т печальный...» (Жуковский, Послание к Плещееву, 1812); «...И, как клима́т сибирский, стал В своей душе жесток и хладен» (Рылеев, Войнаровский, 1823—1824); «...Погнался за чинами, Переменил род жизни и клима́т» (Языков, Встреча нового года, 1840—1841). Уже у Карамзина, однако, клима́т: «...Что в каждом клима́те земном надежду смертных составляет» (Послание к А. А. Плещееву); ср. и у Грибоедова (Горе от ума, 1824): «Есть на земле такие превращенья Правлений, кли́матов, и нравов, и умов».

В первой половине XIX века предпочитали в сложениях с **-лог** (у названий лиц) в духе отчасти самого греческого, отчасти французского языков ударение на нем; ср.: «Хирург, юрист, физиоло́г, Идеоло́г и филоло́г, Короче вам — студент присяжный» (Пушкин, Череп, 1827). «...Все вокруг стола и скок В кипеть совещанья — утопист, идеоло́г, Президент собранья» (Давыдов, Современ. песня, 1836). У нас возобладало ударение, в отдельных словах известное самому древнегреческому — *philólogos* и под.

Ударение латинизмов в восточнославянских языках гораздо более соответствует языку-источнику, чем ударение грецизмов, и это понятно: латинский язык образованные люди с XVI—XVII века на Украине и после в России обычно изучали в школе непосредственно, тогда как непосредственное знание древнегреческого языка было редко, а в период господства классической школы в России последняя по целому ряду оснований уже не была в состоянии отклонить литературный язык от устоявшихся в нем, давно вошедших в обращение отражений промежуточной среды. Главное, с чем приходится считаться, говоря о точности соответствий в восточнославянских языках литературного ударения латинизмов древнеримским, — это некоторые условности передачи в случаях, где ударение, по законам самого латинского языка, не было одинаковым в соответствующих латинских словах; ср: *rórtio*, род. пад. *portiónis* и т. д.; *térrog*, род. пад. *terróris* и под.

Точно латинскому ударению соответствуют, например, в русском языке: постулат: лат. *postulátum*; дегенерат: *degenerátus*; оригинал: *originális*; интеллект: *intelléctus*; постскриптум: пост «после, за» и *scriptum* «написанное»; креатура: *creatúra*; мензюра: *mensúra*; интеграция: *integrátio*; мультипликация: *multiplicátio*; ревьюиз: *revisio*; пуста: *pustula*; президиум: *praesídium*; термин: *términus*; кодекс: *códex*; радиус: *rádus*; фурия: *fúria*; формула: *fórmula*; эксперт: *expértus* и под.

В тех случаях, где соответствующие слова в латинском языке имели в парадигме менявшееся место ударения, в русском языке установилось обыкновенно то или другое. Так, для типа *rórtio*: *portiónis* установилось обобщенное ударение на корне — *пóрция*, *миссия* и под.; для типа *reférens*: *referéntis* на последнем слоге: *реферэнт*, *инсургэнт* и под. Колеблется, впрочем, *агент*. Нормальным считается и для него *агэнт*, хотя в разговорном языке нередко можно слышать и *агент*.

Из других латинизмов с колеблющимся в практике ударением можно отметить: *сúффикс*: лат. *suffíxus*, *и́нфикс* (но только *пréфикс*); *кóмплекс*: *compléxus* (теперь нормативным считается первое ударение): *э́кскурс* (нормативным в настоящее время является второе); с определенно отклоняющимся от латинского — *и́мпульс*: *impúlsus*.

Поздние отклонения вроде *кóмплекс*, *и́мпульс* — скорее всего, проникли из английского языка (*сóplex*, *impúls*). Префикс, возможно, получило свое ударение на русской почве как результат отталкивания от созвучного употребительного *рiх fiхе* «твердая цена». Под его влиянием вместо *суффикс* возникло и *сúффикс*.

В отдельных случаях нужно считаться с отклонениями, вызванными преимущественно польским посредством при усвоении слова: документ «паспорт» (разгов.; литературное документ); но только *фунда́мент*.

Германизмы в узком смысле слова, т. е. заимствования из немецкого языка, за относительно небольшим количеством исключений, соответствуют особенностям этого языка — ударению корневого слога, иначе (поскольку среди таких заимствований очень мало слов с префиксами, которые в германских языках тоже бывают подударны при известных условиях) ударение в германизмах обыкновенно приходится на первый слог слова. Что касается других германских языков, то для англизмов надо учесть роль при проникновении их в литературный русский язык влиятельного французского посредства и вместе с ним случаев отклонения в сторону конечного ударения вместо обычного начального (начального). О скандинавизмах и заимствованиях из голландского языка см. ниже. Из немецкого языка получены с начальным ударением, например, слова: гáлстук, ла́цкан, ло́зунг, ва́хтер, што́пор, ште́пель, ка́фель, пу́дель, ра́шкуль, ра́шпиль, гле́тчер; префиксальные: а́бзац, а́брис, а́бшид и под. Редки случаи вроде обшлáг (нем. der Aufschlag); ландшáфт (нем. die Landschaft): ударение, вероятно, получено под влиянием прозрачных сложений вроде ландкáрта (нем. Landkárte), ландгрáф (нем. der Landgráf) и под. В настоящее время произносится и абзáц.

Совпадают с немецким ударением второго слога слова: ге-ше́фт: нем. Geschäft; ефре́йтор: нем. Gefréiter; фили́стер: нем. Philister и под. У сложений (composita) подударность второй части слова обычна: брандмéйстер, почтмéйстер и под., камерд́инер, штрейкбрéхер, почтáмт, бакенбáрды, парикмáхер, шлафрóк, гауптва́хта, мундштúк, аксельбáнт и т. д.

В глаголах, получивших славянский суффикс **-ова-**, **-у-**: фехтовáть : фехту́ю; вербовáть : вербу́ю; шнуrowáть : шнуру́ю ударение падает на **-овá-**: **-у́-**. У глаголов на **-ирова-**: **-иру-**, по отношению к которым немецкий язык исполнял только роль передатчика корней французских, латинских и др., ударение не одинаково: маршиrowáть, фаршиrowáть, пломбиrowáть и под., но аплод́ировать, блоки́ровать и под. У ряда таких слов ударение в употреблении неустойчиво.

Отдельные (очень немногочисленные) имена существительные, поступившие из немецкого литературным путем, прошли через исторические колебания в месте своего ударения. Таково, например, **бальзам**. Бальзáм, нововерхненем. слово, восходящее через лат. balsamum к греч. bálsamon, вероятно — арабского происхождения¹, у Карамзина еще носит ударение первого слога (может быть, греко-латинское): «О, Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель! Ты бáльзам в сердце льешь, суши́шь источник слез («Поэзия»).

Коротких замечаний требуют а н г л и з м ы. Они входили в русский язык обычно со своими ударениями: бю́джет: búdget; ср.:

¹ Ср. VREW, I, ств. 50.

«Хозяйство, урожай, плоды земных работ, В народном бюджете вы светлые итоги...» (Вяземский, Зимние карикатуры); крокет: *cróquet*; ср.: «...Придворные дамы играют В вошедшую в моду недавно игру; Ту — крокет — игру называют» (И. С. Тургенев, Крокет в Виндзоре, 1876); импорт: *ímport*; экспорт: *éxport*; транспорт: *tránsport*; комфорт: *сómfort* (так приблизительно до последней четверти XIX века); митинг: *méeting*; спиннинг: *spínning*; репортёр: *repórter* и др.

Часть их, однако, довольно скоро на русской почве стала получать новые, галлицизированные ударения: бюджет (теперь исключительно так), крокет (тоже); комфорт (тоже), репортёр (по поводу последнего слова см. замечание Я. К. Грота — «Русское правописание», изд. 1910 г., Справочный указатель, стр. XXXII: «**Репóртерь** (не «репортёръ»)»).

Что касается только несколько десятилетий назад вошедшего в обиход слова *стандарт* (англ. *stándard*), то оно вряд ли вообще при поступлении в русский язык имело ударение, отличное от нынешнего. По-видимому, при его усвоении действовало сходство со *штандарт* «кавалерийское и флотское знамя» (из нем. *Standard* < итал. *standardo*).

Не ясно, почему установилось ударение рóстбиф: англ. *roast beef* (два слова). Пушкин (Евг. Онегин) это слово писал по-английски и читал с ударением на второй части: «...Пред ним *Roast-beef* окрoвавлённый, И трюфли, роскошь юных лет...»

Займствованное из голландского языка слово *клинок* (голл. *kling*) не сразу получило свое нынешнее ударение. Последнее является, вместе с окончанием, уподобившимся суффиксу **-ок**, род. падеж **-ка**, результатом своего рода «народной этимологии». У И. А. Крылова еще обычно ударение на первом слоге слова: «Булатной сабли острый клинок Зброшен был в железный хлам» («Булат»), «Мужик мой насадил на клинок черенок» (там же).

Немногочисленные в русском языке скандинавизмы не дают цельной картины ударения. Я́беда (ср. старосканд. *ǣmbíti* «служба») соответствует ожидаемому начальному ударению. Нынешнее ударение аку́ла¹, судя по аккумуля Акад. словаря 1789 г., — позднейшее подновление. Архаич. тиу́н (ср. у А. К. Толстого: «За мной, мои тиуны, опричники мои!» Кн. Мих. Репнин) — вероятно, отразило частичное влияние русских слов на **-ун** (в остальных формах его, однако, не произносят с конечным ударением; но ср. белор. *ціву́н*, род. падеж *цівуна́* «приказчик»).

Как в свое время отметил уже В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5, М.-Л., 1935, стр. 348, голландизмы в общем отражают ударение языка-источника (корневое). «Однако, — ограничивает он это положение, — на почве русского языка некоторые заимствования [из голландского] получили ударение на конце, большею частью там, где конечный слог

¹ К этимологии — VREW, I, стр. 9.

содержал дифтонг»¹; ср. старое и обл. кардэль, род. падеж кардэли: kardeel; бушприт: boegspriet; плашкбут: plaatschuit, — хотя есть и стáксель, при голл. stagzeil. Слово гарпу́н в самом голландском языке имеет необычное ударение — на конечном слоге: harpóen. Так же и bezáan — биза́нь.

Италянизмы, почти сплошь поступавшие в русский язык через интеллигентную (культурную) среду, — не говоря уже о словах, точно воспроизводящих соответствующие итальянские, почти без исключений не отклоняются от ударений языка-источника: контра́льто (contráltó), контраба́с (contrabáссо), контраба́нда (contrabbánda), цистёрна (cistérna), макарóны (венец. maccheróni), вермише́ль (vermicélli) и под., хотя и есть все основания подозревать, что некоторые из них восприняты в русский язык через посредство других европейских языков — французского и немецкого.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ IV.

Для облегчения ориентации в инославянском материале, привлекаемом для объяснения русских особенностей ударения, здесь даются важнейшие соответствия (без уточняющих замечаний о частностях) между явлениями русскими, с одной стороны, и инославянскими — с другой.

1. Литературные сербохорватские ударения (што́кавские), сравнительно с восточнославянскими языками (русским, украинским и белорусским) и чакавским наречием сербского же языка, передвинуты на слог ближе к началу слова. При переносе на долгий по происхождению гласный [всякий, кроме о, е и а из ѣ (или ь)] при этом появляется на соответствующем слоге восходящая долгота (знак — ^ˊ); при перенесении на краткий по происхождению гласный — восходящая краткость (знак — ^ˋ). Примеры: хва́ла — русск. хвалá; си́та «род меда» — русск. сыта́; род. пад. ед. ч. вра́ча «знахаря» — русск. врачá; вода — русск. вода́; ко́са — русск. косá; ве́деш (2 л. ед. ч.), ве́де (3 л. ед. ч.) и т. д. — русск. веде́шь, веде́т и т. д. Во всех подобных случаях в чакавском наречии то же место ударения, что и в русском.

2. В словенском языке ударение с конечных слогов обычно передвинуту на предпоследние: о́па: русск. она́; род. пад. ед. ч. bóba: русск. боба́; skóta: русск. скота́ (краткие по происхождению гласные при этом имеют открытый характер); род. пад. ед. ч. kóta: русск. кута́; čudáka: русск. чудака́.

3. Нисходящедолгое ударение (см. ниже) в словенском языке фонетически переносится на следующий слог: zlatô: русск. зóлото, серб. зláто; mesô: серб. мѐсо; straž: род. пад. straži; žrd: žrdi; prosô: русск. прóсо; golq̂b: русск. гóлубь.

4. Старая долгота отчетливо отличается в сербском от старой краткости в открытом слоге перед былым конечным ударе-

¹ А так же полудолгий или долгий гласный — Л. Б.

нием (см. выше): хва́ла, си́та, род. пад. вра́ча, но во́да, ко́са, плѣтѣ́ (3 л. ед. ч.), ме́жа «межа́».

5. В чешском и словацком языках, имеющих теперь ударение на первом слоге слова, старое различие долготы и краткости, как правило, сохраняется в положении перед былым (древнейшим славянским) конечным ударением: чеш. chvála, mouka (словац. múka), brázda: русск. хва́ла, мука́, боро́зда, но voda, kosa, rosa, vedu, pesu (словац. vediem, nesiem), meze (словац. medza).

6. В словенском языке подударные гласные долги: vóda, kólje (3 л. ед. чис.), célo.

Краткими гласные могут быть (в относительно ограниченном числе категорий) только в конечных слогах dogléd (род. пад. doglédá), okròg (род. пад. okròga); bratàn (род. пад. brátána) или в односложных словах: ñit, brát, čist, kràj.

7. Былые подударные акутированные (акутовые) долготы опознаются по следующим приметам: в двусложных словах с открытым корневым подударным слогом — по восходящему ударению в словенском ('). Ему в этом случае должны соответствовать неподвижность ударения и нисходящая краткая интонация (") в сербском, долгота в чешском при краткости в словацком.

Примеры: словен. lípa, русск. ли́па, серб. лѝпа, чеш. lípa, словац. lípa; словен. vgrána, русск. воро́на, серб. врàна, чеш. vgrána, словац. vgrana; словен. síla, серб. сѝла, чеш. síla, словац. sila.

В словенском в односложных формах — краткость: pràg: русск. поро́г, серб. прàг, чеш. práh; mráz: русск. моро́з, серб. мрàз, чеш. mráz.

В закрытых слогах дву- и многосложных слов подударная акутовая долгота в словенском языке изменяется в нисходящую долготу (неподвижную; в историческом отношении ее называют новоциркумфлексовой).

Примеры: ñit : ñitka; miš : miška; kàd : kàdca; gospodìč : gospodìčna.

8. Былые подударные циркумфлектированные (циркумфлексивные) долготы опознаются в начале двусложных слов: по нисходящей долготе (—) в сербском; по переносу нисходящей долготы на следующий слог в словенском; по краткости гласного в чешско-словацкой группе; по подвижности ударения в морфологической парадигме — в восточнославянских языках (при полногласии — по ударению óро, éре, óло).

Примеры: серб. злáто, словен. zlatô, чеш. zlato, русск. зóлото; серб. мѣсо, словен. mesô, чеш. maso; вин. пад. ед. ч. серб. брáду, словен. bradô, чеш. bradu, русск. бóроду; серб. glávu, словен. glavô, чеш. hlavu, русск. гóлову.

9. Новоаккутовая подударная долгота опознается по соответствиям: восходящая долгота в чакавском наречии сербохорватского языка: нисходящая долгота в штокавском наречии (включая литературный язык): восходящая долгота в словенском:

долгота в словацком и чешском: о^ро́, о^ло́, е^ре́ в восточнославянских языках: о^рі́, о^лі́, е^рі́ в закрытых слогах в украинском.

Примеры: серб.-чак. mlátīš (2 л. ед. ч.), mlátī (3 л. ед. ч.) и т. д., серб.-шток. mlâtīš, mlâtī и т. д., словен. mlátīš, mlátī и т. д.; словац. mlátīš, чеш. mlátīš, русск. молóтишь, молóтит и т. д.; род. пад. мн. ч. серб.-чак. gláv, словен. gláv, др.-чеш. hláv, словац. hláv, русск. голóв, укр. голів; серб.-чак. dúš, словен. dúš, др.-чеш. dúš, словац. dúš: серб.-чак. grája, серб.-шток. grāja, чеш. hráze, русск.-диал. горóжа.

10. Интонации заударных долгот (кроме конечных гласных) опознаются: а) акутовая я (кроме рефлексивных носовых) — по краткости в сербском (1); акутовая со специальным удлинением — по переходу акутированного гласного предшествующего слога в нисходящедолгий — в словенском и в некоторых категориях — по сохранению заударной (исторически) долготы в сербском, в чешском и словацком (2); циркумфлексивная — по сохранению заударной долготы в сербском (3).

Примеры: 1) серб. sláviti, stáviti; pádati, mázati; kù-кавица, làставица;

2) словен. stáviš, stávi и т. д., серб. stávīš, stávī и т. д.; чеш. и словац. slavíš, slaví и т. д.; словен. kopītar (ср. kopíto), sītar (ср. síto); ср. чеш. puškář, gybár;

3) серб. pámēt, род. пад. pámēti (словен. pámet); серб. kòrīst, род. пад. kòrīsti (словен. korīst).

11. Былые краткости удлинены: в сербском и словенском — в односложных искони подударных формах: kòst (род. пад. kòsti), ròd (род. пад. ròda), pèš (род. пад. pèši), mēd (род. пад. mēda).

В положении перед гласными j, r, l, m, n, v былые краткие гласные вообще фонетически удлиняются в сербском: pētorka, dēvōjka «девушка», род. пад. ед. ч. lóvca (им. пад. lóvac) и под. Явление это, однако, прошло в сербском уже через значительные нарушения аналогического порядка.

В словенском краткие гласные удлиняются в закрытых подударных слогах вообще, кроме конечных слогов дву- и многосложных слов: kòst, pèš; dōjka, splētka, dvōrba.

В словацком удлинилось по происхождению краткое о при переносе ударения с былого (отпавшего) редуцированного гласного bōb, pōst, pōž, stōl, vōl, ср. русск. род. пад. ед. ч. бобá, постá, ножá, столá, волá.

12. Новоаккутовая интонация краткостей (вместе с их удлинением) опознается по словенскому восходящедолгому ударению (´), по ŭ (ò) в чешско-словацкой группе (в определенных категориях), по звуку ш (yò) во многих русских говорах: словен. vólja, чеш. vůle, словац. vól'a, русск. (диал.) вол'a; словен. vòdis, vòdi и т. д., pòsis, pòsi и т. д., русск. (диал.) водиш, водит..., носиш, носит...

V. СИНТАКСИС.

§ 1. Зависимость падежей.

Изменения, происшедшие в синтаксисе падежей в исторической жизни русского языка, многочисленны. Большею частью они очень специальные. Ограничиваемся рассмотрением только некоторых категорий более или менее общего характера:

1. Двойной винительный. Употребление винительного предикативного (второго винительного в функции признака, характеризующего объект — «в качестве кого») — особенность, проходящая через историю книжного русского языка от его начатков до первых десятилетий XIX в. Особенность эта принципиально идет параллельно употреблению в подобной функции двойного (второго) именительного.

Употребление второго винительного в одинаковой мере относится в древнерусском к именам существительным и прилагательным (причастиям): Поставлю *уношу князя* им (Лавр.) — «Поставлю юношу им князем». — На заутрье же налезосоша *Тугоркана мертва...* (там же, 76) — «На утро нашли Тугоркана мертвым». ...бог *неврежена* мя съблюде = «бог сохранил меня невредимым». Заутра же видеша людье *князя бежавша*, възвратишася Киеву и створиша вече (Лавр. спис. летоп., 58 об.). А осенесь сказали тебе *мертва...* (Спис. с грам. Иоанна IV шведск. королю, 1572 г.). ...Собрав повытно подводы на Хотеловском яму держали *готовы* (Наказ новгор. воеводы стройщику Конст. Загоскину, 1585 г.). Нынешняя конструкция с творительным падежом соответствует общей тенденции русского языка к обобщению творительного в качестве специфически предикативного.

2. Глаголы со значением длящегося восприятия (реже — чувственного восприятия вообще) в древнерусском управляли родительным падежом как падежом не вполне охваченного объекта (полный охват издавна выражался винительным)¹.

¹ Старославянские параллели см. В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис в перев. Н. Петровского, Каз., 1915, стр. 13—14.

Слушать: ...Так же и с своими государевыми бояры и соколничими и здумными людьми того *собрания слушал...* (Улож. 1649 г.). 168 года, февраля в 17 день, преосвященный собор *слушали сказок* (Дело Ник., № 9). И великий государь и власти и бояря *того писма слушали* (там же, № 34). *Слушали мы в соборной церкви... всенощного пения...* (там же, № 36). ...и он де, великой государь, остановитца и *челобитья вашего слушать* станет (Розыскн. дела о Шакл., I, 121). И велел он, Микитка, *слушать набату...* (Розыскн. дела о Фед. Шакл., I, 1, 1, 1689 г.). «...велеть *того дела и выписки слушать* бояром нашим...» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134).

Ср. у Крылова: И тот дурак, Кто слушает людских всех врак (Зерк. и Обез.).

С глаголом в совершенном виде: «...и *выслушав сю грамоту...* [пожаловал велел] им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя...» (Тарханн. и несуд. грамота в. кн. Марии, 1453 г.). «...и вы *тое нашу* царского величества *грамоту выслушали*» (Грам. ц. Мих. бухар. царю Надар Магомету, 1645 г.).

Очень определенно это различие выступает, например, в тексте жалованной грамоты царя Ивана Васильевича 1467 г.: «Лета 7059-го (мая) в 17 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси *сей грамоты слушел* и, *выслушав сю грамоту*, Троецкого Сергиева монастыря богомолца своего игумена Артемья з братьею... пожаловал...»

Чаять в значении «слышать»: А *побегу* де их *чаять* с казаками на Дон (Мат. Раз., II, № 43). ... Будет в них, по их роспросу, *почаеете* каково *доброво дела* и государствам нашим *прибыли* (Мат. пут. Ив. Петлина, 301).

Глядеть: Овечку стрыгут, а другая *тово ж глядит* (Стар. сборн., XVII в.); ср.: *того и гляди...*

Смотрить (смотреть) — (ср. наше *смотритель*): Всегда в торгу *смотрити всякого запасу* (Домострой, 38). И у торговых людей *смотрят товаров* (Больш. чертеж, 6). И я, холоп твой, был с ним на рудне, и *рудни он смотрил...* (Хоз. Мороз., I, № 78). Микита Зюзин, выслушав грамотки и *писма своего смотря*, сказал, что грамотка ево рука... (Дело Ник., № 141). ...а *смотря* тот кавалер *моих проержих листов*, дал мне свободу идтить с филюги в город Мисину... (П. А. Толстой). *Смотреть* во всем государстве *расходов...* (Указ Петра I Сенату, 1711 г.).

С совершенным видом: И тебе б *тое выписи высмотреть* и велеть с нее список списать... (Хоз. Мороз., II, Акты, № 10). ...послати тех мостов *досмотреть* и *домостить* из Новагорода... (Дела Тайн. прик., II, стр. 573).

Осматривать: И я, холоп твой, взяв с собою выборных крестьян, и *осматривал* его, Никиткина, *житься* (Хоз. Мороз., I, № 101). ...Присылан был из оптеки дохтур *болезней его осматривать* (Розыскн. дела о Фед. Шакл., II, № 1). Ты же ко мне писал, что послали вы с Корнилом Шанским в село Рождествен-

ное к Ивану Федорову *лесу осматривать* (Хоз. Мороз., II, Акты, № 11). Поутру рано... пошли мы в своей филуге подле берега и встретили ту барку, которую посылал капитан от галер *осматривать вышепомянутых турецких кораблей* (Путеш. П. Толст.).

Родительный неполного охвата употреблялся в древнерусском также при ряде других глаголов, теперь требующих винительного: ...и пошлют коего же *збирати царьских казны*, ...и оне на царя возмут 10 рублей, а на себя сто рублев (Пересв., л. 93, стр. 205—206).

Смечати «числить, исчислять»: И писарь говорил: мы де чаем тем путем едешь не для Ракоцы: *смечаешь* де ты *казачева войска и досматриваешь городов*, каковы наши города крепки... (Из актов, относ. к посольству двор. И. Желябужского, 1657 г.).

Примечать: И *всего того добра примечати* и внимати (Домострой, 34).

Ср. близкое к первой группе *дозирать* «наблюдать, досматривать»: ...И везде *всякой порядни* ключнику *дозирать* (Домострой, 41). — Более редко употребление с совершенным видом: ...*Тех меж дозрити* и по тем межам *ям и граней досмотрити...* (Межевой обиск, 1606 г.). — «И будет те конюхи... посыланы были... от вас *конюшенных лугов дозирать...*» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 98). Рядом, впрочем, можно встретить и: «...как они *дозирали* в Вологодском уезде *конюшенные луги...*» (там же).

Беречь: ...И велел бы тое *Петровой вотчины беречь*, чтоб наши ратные люди в загоны не ездили и крестьяном никакова насильства и грабежу не чинили (Грамм. Лжедмитрия, 1609 г.). И вы бы нынеча никуды не розежалися, *Берегли бы естя града Киева И всеё мое вотчины* (Сказ. о кѣвск. богатырех, нач. XVII в.). С совершенным видом глагола — Пригоже вам *моья вотчины поберечи* (там же). — И ехать с великим береженьем и раденьем — *судов беречь* накрепко... (Хоз. Мороз., I, № 30). Да Любиму ж *беречь вотчинных моих бортных лесов...* (Хоз. Мороз., I, № 169). Из поздних примеров см.: Полно, детушки, крушиться. *Берегите глаз своих* (Судовщиков, Три брата-чудака).

Оберегать: ...И *оберегать Нижняго и Арзамаса и понизовых городов*, смотря по тамошнему делу (Мат. Раз., III, № 25). И велел ему *оберегать Нижнего Новгорода и Арзамас [sic!] и тех и иных уездов* (там же). И *Нижнего и Нижегородского уезду и иных мест оберегать* (там же). И того числа отказали, в Полшу не пошли, станем де *своих мест оберегать...* (Отписка к царю дворян. Ив. Желябужск., 1657 г.).

Ср. *стоять* в значении «защищать» с род. падежом: А велит итѣти ко мне изгонею в Киев град к вам, богатырям, на кѣрепко *стоять столнаго града Киева* (Сказ. о семи русск. богат., по списку XVIII в.).

Стеречь:

...ангели божии небесныя силы, и те ни на един час пламеннаго оружия из рук своих не (ис)пускают, *стрегут рода че-*

ловеческого от всякия пакости... (Пересв., л. 92, стр. 205). А будет кто у кого наймется *стеречь двора, или лавки, или чего нибудь...* (Улож. 1649 г.). Денга рубля *стережет* (Стар. сборн., 665). Лугвица птица *путей стережет* (Стар. сборн., 140). Ср. выше — *дозирать*.

Испытывать: *Испытывал* своих я сил (Держ., Афинейскому витязю).

С совершенным видом: ...изобьем шоломы мечи: *испытаям мечев* своих литовьских о шеломы татарския, *сулиц немецьких* о байданы бесерманьския (Задонщ., 217 об.).

Кушать (значение «отведывать, пробовать»): И всякой семейной *ествы* господарыня или дворецкой сам *кушает* (Домострой, 51).

Просить: ...Про то они слышали ж, что он того *посоха* у патриарха *просил* (Дело Ник., № 36); ...Посылал де меня старец Боголеп и велел у того Ионы *прислати двенадцати алтын*» (Челоб. игумена Спасо-Прилуцк. мон. 1609 г.). В XVIII в.: ...*просит* по копейке за стих, да к святкам *кафтана* с плеча его превосходительства... (Фонв., Письмо унив. профессора к Стародуму). Ср. современное *просить* с род. неопределенного количества.

Спрашивать и под.: ...И тех *денег спрашивают* ныне в монастырской приказ в платеж (Дело Ник., № 114).

Возможны и случаи перенесения этой конструкции на лиц: Потом стольник Нардин-Нащокин приехал из гостей и *спросил* дочери своей *Аннушки*; и та мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь...» (Ист. о рос. дворян. Фр. Скобееве); ...И *вопросил сестры своей*: «Сестра, что я не вижу *Аннушки*?» (Запись кабалы. кн. по Новг., 1597). ...И стал *мамки спрашивать*: «Кто приезжал...?» И дьяк Дмитрий Алябьев, выслушав служилую кабалу, *спросил Якушки*... (там же). Ср. и *расспросить*: И про то, государь, *роспросити пана Юрья Мнишка и его дочери* (Памятн. Смутн. врем., 25).

Родственно с этими конструкциями употребление родительного падежа при *искать*. У нас сейчас при этом глаголе употребляется родительный падеж, если дело идет о поиске не определенного предмета, а предметов группового характера, абстрактных и под. В древнем языке и в первом случае обычно употреблялся родительный: «И вы той *отписи искали*, да не нашли» (Челобитная боярину Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.).

Жалеть: И мы... нагайским людем до нашего указу ходити не велели, *жалая* нашего *государства* (Памятн. Смутн. вр., 45). *Жалая Струны*, таковую пагубу приял (Аввакум, 83). Ср. современные *жалеть денег*, *жалеть сил* при объекте неопределенного числа.

Приподнять: И царь против государева имени *приподнял шапки* и спрашивал про государево здоровье (Мат. путеш. Ив. Петлина, 276).

Пахать: ...И тебе бы их заставить *пашни пахать*, а буде пашня не поспела, и ты б велел сохи изготовить, покамест пашня поспеет... (Хоз. Мороз., I, № 54).

Рубить: ...А мурашкинские и лысковские крестьяне ездить золы жечь и *дров рубить* далеко... (Хоз. Мороз., I, № 156).

Сечь «рубить». Также учнет кто ездит того села *лесу сечи* бес приказникова слова... (Грамм. в. кн. Вас. Вас. в списке серед. XVI в.), — но там же и: ...а хто учнет *тот лес сечи* через сию заповед... У Олонецких, государи, наших заводов наймаютца *дров сечь* на угольное зжение... (Челоб. Андр. Бутенанта и Христ. Марселиса, 1683 г.).

Возить: ...Да 4 крестьянина поехали на сергацкие майданы *дров возить*... (Хоз. Мороз., I, № 34). ...Да они же, государь, *возят поташу* до Нижнего по пя[ти] ж бочек (там же, № 156); но ср.: ...Велено крестьянам арзамаским в Павловском *возить* на берег *дрова* (там же, № 47).

Делать: ...И жалованье ему дано, что *горазд колес возковых и колымажных делать* (Хоз. Мороз., I, № 55); ...И тебе б о том отписать ко мне, хто у них мастер *колес делать* (там же, № 83). Но ср. тут же: ...и хотел на меня *колеса делать*; ...а *колеса б делать добрые*.

3. Родительный падеж целого (общего) при *кто*, *что*, *который* в древнем языке часто встречаем там, где мы теперь употребляем из с родительным: ...А *хто моих бояр* иметь служить у моее княгини, а волости имуть ведати, дають княгине моей *прибытька* половину (Духовная в. кн. Сем. Ив.). А *что моих людий деловых*... всем тем людям дал есмь волю (Духовн. в. кн. Сем. Ив.). ...Женам и девкам дело указати дневное всякому рукоделию, и *что работы*... (Домострой, 29). А *который нас* в лицах, на том денги (Юрид. акты, 1577 г.). И после пожару бывает им смотр, чтоб кто, *чего пожарных животов* захватя, не унес (Котош., 91). ...А *какой нас*, заимщиков, в сей кабале, в лицах на том и служба (Кабала 1606 г., Акты юр. II, № 127, II). ...*Что* де ни есть около моей вотчины *дворян и детей боярских, и татар, и мордвы*... (Хоз. Мороз., I, № 5). А будет *приезжих людей* учнут *хто что* продавать *воровской рухледи* и лошади, и тех людей велеть приводить к себе в съезжую избу и расспрашивать их *гораздо* (там же, № 149). ...а по окончании года обстоятельныя обо всем ведомости, *что* было посеяно *хлеба*... также *что старого племянного скота* и птиц, и *что* от чего *какого приплода* тот год; еще: *что* где поставлено *сена* и *что* пришло *каких денег*... (Инстр. дворецкому, XVIII в.). В последних примерах *что* близко соприкасается по значению со *сколько*¹.

4. Характерно для др.-русского языка употребление родительного падежа в фамилиях, произведенных от прозвищ типа при-

¹ О подобном употреблении в первой половине XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 380—381.

лагательных¹. Параллельно фамилиям на **-ов** от крестных имен (чей)? для фамилий такого типа берется родительный лица — единственного или множественного числа:

...боярину и воеводе нашему князю Александру Борисовичю Горбатого (Грам., в списке царя Иоанна Вас., писанн. в 1547 г.).

...И государь велел ево за посадом встретить боярину Ивану Петровичю Федорова да князь Дмитрею Федоровичю Палецково... (Выписки о приезж. на Москву царевых и... мурзах, с 1552 по 1618 г.). Князь Дмитрий Алексеевич Долгоруково (Дело Ник., № 34). И мы, великий государь, велели ево, патриарха, проводить с Москвы за Земляной город окольному нашему князю Дмитрею Алексеевичю Долгоруково... (там же, № 40). И сентября в 25 день писали они, боярин и воеводы, на Царицын к Левонтью Плохово (Мат. Раз., II, № 24). С товарищем своим с окольным и воеводою с князь Костянтином Осиповичем Щербатого (там же, III, № 22).

Реже случаи употребления родительного множественного от фамилий и под., произведенных уже не прямо от прилагательных. Они обозначали только нечто вроде «из семьи таких-то»: Потом, тоя же зимы, по мале времени поехал изо Пскова князь Псковский, Иван Михайлович Репня *Суздальских князей*, государю великому князю жаловатися на пскович... (Сказ. о Пск. взят., 5). Княжны старицы Александры *Гагариных* да старицы Федосьи *Давыдовых* (Юрид. акты, 1679 г., — Бусл.).

В настоящее время число фамилий типа родительного падежа сильно сократилось, и многие из них давно перешли в форму именительного падежа: уже в XVII в. вм. «Долгоруково» писали и *Долгорукой* (ср., напр., в «Улож. 1649 г.»), «Щербатово» заменили на *Щербатов* и под.

5. Родительный и творительный времени в древнерусском употребляются шире, чем теперь.

Примеры первого:

Родительный времени: *Тои же осени* много зла ся створи (1-ая Новг. лет., стр. 161). ...И тыб его отпустил к нам *часа того* (Грамота Иоанна IV царьградск. патриарху, 1558 г.). ... А *часа того* Обрам толмач отдаетца, и мы его тогды к тебе отпустим (Грамота Иоанна IV шведск. королю, 1573 г.). А *коевд дни* пир, *тово вечера* или порану самому государю пересмотрити, все ли по здорову (Домострой, 50). ...В роспросе сказали, что вы, атаманы и казаки, *нынешние весны* с Азовцы учинились в розмирье... (Царская грамота на Дон, 1629 г.). И *того ж часу*... митрополит Павел и бояря ... сказали ... (Дело Ник., № 34). *Нынешние де ночи* ... внезапно шум учал быть (там же, № 36). И *тог ж ночи* ... посох святителя Петра чудотворца подали великому государю (там же, № 39). Да *того ж дни* прислал к нам святей-

¹ Отчества на **-ово** типа «Семен Васильев сын Бородатово» (1484 г.), «Родивон Иванов сын Зеленово» (1485 г.) встречаются в др.-русском с конца XV в.

ший Ермоген... две грамоты (Отписка нижегородцев к вологж.).

...Потому что они *прошлой ночи* на свадьбе были в чужом жилище (Куранты). — ...И как скоро в город приеду, то *той же минуты* пойду в гавань и найму бот... (Эмин, Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда, 1792 г., стр. 24).

Примеры второго:

Творительный времени: А яз здесь ... *семи часы*, дал бог жив до божией воли и поздорову есми совсем (Пис. в. кн. Вас. Иоанн., 1530—1532 г.). ...И колоколо есть невеликое, а звонят *временем*, бояся бусорман (Хожд. на Восток Котова, 116). А ходу морем — *погодю* двои сутки, а не будет ветров своих, ино струги в тихое время переходят неделю (там же, 77).

Ср. еще в языке XVIII и начала XIX в.: О, коль *ночную темнотою* приятен вид твой при луне! (Держ.). Нечистый только лишь придет, И *тем же часом* пропадет (Хемн.). Пожалуй, разводи бобами. Слыхал я их *семи веками*, Красны они лишь на письме (И. М. Долгоруки.). Поди-ка, сын мой, *добрым часом* (Дмитр.). Я вот свой [дом] построил *сими днями* (Крылов). Туда *зарю* поспешаю С смиренным заступом в руках (Пушкин, 1815 г.).

Родительный времени, в ряде случаев нередкий еще в первой трети XIX в., сводится теперь к наречным формам *сегодня* (из «сего дня»), *третьего дня* (ср. народн. *третьёводни*) и к немногим случаям, вроде *первого мая*, *седьмого ноября* и под., где в родительном времени стоит *первого*, *седьмого* (числа). *Мая первого дня* теперь уже ощущается как архаизм.

Творительный времени ограничен существительными со значением времени, приближающимися всё больше к наречиям (ср. ослабление их способности согласовывать с собою прилагательные). Современное сужение употребления этих падежей отчасти — результат общей тенденции славянских языков значения временные и пространственные у имен выражать предлогами, сохранив старину при сочетаниях с числами, отчасти результат, так сказать, обреченности корней с временными значениями на сближение или совпадение с наречиями, выполняющими сложную роль, а в некоторых случаях — следствие естественной потребности дифференцировать выражаемые значения. Ср. с этим наблюдение Потебни (Из зап., II², 462): «Позднейший язык устанавливает большую разницу между протяжением времени, означенным творительным, и протяжением действия, падающим в это время. Теперь являются уже архаизмами выражения, как «...впервые годом [за весь год], да и то с горем», Даль, Посл., 47; «Она и в три часа напроказить может столько, что и веком [за век] не пособить», Фонв.; «Я в сорок пять часов, Глаз мигом [на миг] не прищура, Верст больше семисот пронесся» (Гриб.)¹.

¹ Такое употребление, впрочем, не было обычным уже и в грибоедовское время. В «Вестнике Европы» 1825 г. «глаз мигом не прищура» приводилось как пример плохого языка, как «уродливое выражение... которого нет ни в книжном, ни в разговорном слого...»

6. Дательный пад. беспредложный со значением *куда?* встречается только в письменности ранней: част он, напр., в «Повести временных лет»; ср. по Лавр. спис.: Иде Ольга въ Греки и приде *Царюгороду* (17, об.). Иде Володимер ... *Новгороду* (68, 8). Пошед Давыд воротися *Смолиньску* (76).

7. Творительный причины, орудия и средства:

И в кровли, и в суши,— и тому подворью и всякому обиходу домовному *старостию* обетшания нет (Домострой, 61). ...И старцу Кирилова монастыря Полиехту бил челом и прощался, что *самовольством* подкосил (Дозорная память и приговор по челобитной, 1604 г.). И вы, бояре наши и воеводы и всякие служилые люди, против нас, великого государя, стояли *неведомостью* и бояся от изменника нашего смертные казни... (Памятн. Смутн. врем., 44). Правильною *виною* посадил ево, Струну, на цепь за сие (Аввакум, 83 стр.). У Никона патриарха у благословения были они *простотою* своею (Дело Ник., № 36). Оставил де я патриаршество *собою*... (Дело Ник., № 6). А скаску де он, Григорей, писал *поспешанием*, исторопелся (Дело Ник., № 9). И летось твоим *нерадением* и *обленкою* много у меня потошу пропало (Хоз. Мороз., I, № 31).

Во многих случаях этот творительный в XVIII в. отражает влияние латыни. Соответствует он нынешним сочетаниям с из-за с родительным и **благодаря** с дательным:

Любовник легче *вином* в цель свою доходит (Кант., Сат. 1). Лукавствуй ты иль нет, Димитрий *мною* увянет (Сумар., Дим. Самозв.). Избавь Россию *мною*, о небо правосудно! (там же). Воспомни, что *тобой* злой рок меня унес, И вырони о мне хоть каплю слез... (Сумар., Песня XXXII). Страждешь *ею* так, как я тобой (там же). Лишился я *тобой* спокойства и забав (Сумар., Элег. 4). Я время, мысли, ум и все *тобой* гублю (там же). Представь мне щеголя, кто *тем* взывает нос, Что целый мыслит век о красоте волос (Сумар., Епист. о стих.). ...*Мною*, сколько можно было, Нешастие тебя под стражею щадило (Сумар., Хорев). Лишь *ветром* плыть (Держ., Вельм.), ...Как дерн бугрит соха, злак трав падет *косами*, *Серпами* злато нив... (Держ., Евг.). ...*Сим средством* не потеряем мы ни одной черты из ево похвальных дел... (Крылов, Похвальная речь дед.). Богатый вдруг чертог не *ветерком*, но сам *собою* растворился (Дмитр., Причудн.). С чего ж начать свою мне оду, Покамест жар мой не простыл, Чтобы попасться *ею* в моду? (И. Долгорукий, Авось).

8. Творительный при страдательных причастиях и родственных им аналитических формах:

Яко *речено бысть* древле Иисусу Наугину *богомь* (I Новг. летопись, 121 об.). А для каких дел, и то тебе *нами* будет *сказано* (Дело Ник., № 94).

Чаще, однако, в древнерусском (эта особенность встречается и в начале XIX в.) в параллель такому употреблению твори-

тельного выступает, по-видимому, по иноязычным образцам, от с родительным:

...а ныне *от них* же в таких великих и тяжких винах *поощажены* и *от смерти* свободны *учинены* (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). Без денег он *от всех оставлен* очутился... (Хемницер) — (См. и § 3)¹.

9. Местный падеж без предлога, не частый в старославянских памятниках, в древнерусском не редок; ср., напр., Лавр. спис. летоп.: *Бѣлгородѣ* затворился Мстиславъ Романовичъ (145). Поиди сяди *Кыевѣ* (45 об.).

Употребляется этот падеж беспредложно и во временном значении: *Томь* же *лѣтѣ* слаша ся по гюргя володимириця суждалю (1-ая Новгород. лет., стр., 38). Ср. *зиме*, *лете* («зимой», «летом») еще, напр., в XVI в.: А на Красном Станку и на Броничье и на Понеделье *зиме* новгородцам и рушаном с москвитином, и тверитином и смолянином, с новоторжцом солью не торговати; а *лете* в Руской реки солью не торговатиж (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писана в 1571 г.).

§ 2. Творительный предикативный.

Творительный предикативный (сказуемый и родственный сказуемому) — явление, характерное для славянских и балтийских языков. И в тех и в других он продукт исторического развития, хотя зародыши схожего употребления, возможно, восходят к более ранним эпохам (Ср. А. Потербня, Из записок по русск. грам., II², стр. 493 и след., И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, 1911, стр. 190—191, и E. Fränckel, Das prädikative Instrumental im Slavischen und Baltischen und seine syntaktischen Grundlagen, — Arch. f. slav. Philol., 40 (1926), стр. 77—117).

В памятниках — «Синодальном списке Новгородской летописи» и «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку творительный предикативный первоначально наблюдается почти исключительно с формой давнопрошедшего времени: Понеже *была бѣ* мати его *черницею* (Синод. сп., 29). Бѣ бо у Ярополка жена Грикинѣ, *бьяше была* прежде *черницею* (там же, 29). И *бьяше была чьрницею* (Лавр. сп., 90). В продолжении Новгородской летописи по списку Археографической комиссии выступает и: Преставися архіепископъ новгородчкый Семеонъ, *бысть владыкою* пять лѣтъ и три месяца (411). А *чернцомъ был* на сѣнѣхъ годъ и двѣ недѣли (413).

¹ Относящийся к этой конструкции прокомментированный (не во всем убедительно) материал см. и в статье Е. А. Седелникова «Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке», — в сборнике АН Казахской ССР, Инст. языка и литер. и Казахск. гос. унив. им. С. М. Кирова, каф. русск. яз., «Вопросы изучения русского яз.», Алма-Ата, 1955 г., стр. 154—158. — В этой же статье, стр. 112—178, — древнерусский материал и по другим функциям творительного падежа.

Большинство известных случаев при глаголе «быть» в прошедших временах — с творительным, обозначающим человека по его должности или сану. При полусвязочных глаголах вроде «стати», «творитися» в этих памятниках в тех редких случаях, где они встречаются, употребляется творительный: И самъ *царемъ ста* (Синод. сп. лет., 180), и под.¹

В позднейших памятниках в целом отражаются те же особенности, причем важно с точки зрения отношений, которые мы имеем в литературном языке и сейчас (*быть учеником, быть красноармейцем*), что даже памятники с сильным церковнославянским языковым влиянием имеют творительный предикативный при инфинитивах, т. е. в большинстве случаев не настоящих сказуемых².

Только в середине XVII в. (Котошихин) употребление творительного предикативного возрастает за счет именительного, но, при всем том, в будущее время он по-прежнему не проникает. Не выступают в форме творительного предикативного и имена прилагательные. Рост употребления творительных предикативных у писателей начала XVIII в. О. В. Патокова³, по-видимому справедливо, относит на счет украинско-польского влияния, видя в пишущих петровского времени в большей или меньшей мере выучеников юго-западной школы на Москве.

Явно к польским образцам восходят, напр., конструкции типа: «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерию войны» (Именной указ Сенату 1711 г.).

В период от Ломоносова до Карамзина происходят такие дальнейшие сдвиги:

Творительный предикативный в значении лица, занимающего должность, при *был* окончательно упрочивается, делаясь обязательным: ...Хотя бы он царем всея вселенной был (Сумар., Синав и Трувор).

За этим образцом начинают следовать (впрочем, не без сильного колебания в сторону именительного) слова *свидетель, смотритель* (зритель), *неприятель, предводитель, наследник*, главным образом, как видим, со значением лица, временно совершающего определенные действия: Вождь наш, который был смотрителем сего сражения... (Праздн. время, 1759 г., 11). Я теперь был свидетелем пресмешныя сцены (Фонвиз.). Свидетельницею, Элиза, ты была (Я. Б. Княжнин).

В духе тенденций, наметившихся уже у писателей петровского времени, учащается творительный предикативный в настоящем времени, в будущем и при повелительном наклонении. В круг слов включаются и отвлеченные, чаще всего — *причи-*

¹ Для «творитися» оба примера — сочетания с причастиями.

² В ст.-слав. творит. предикативный при *быти* свидетельствуется уже (для XI в.) Супрасльской рукописью.

³ См. статью О. В. Патоковой — К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке, *Slavia*, VIII (1929 г.), стр. 1—37.

ною. Ср.: Конечно, некто есть *причиною* ей мук сих (Сумар., Син. и Трув.). Города ныне суть печальными *знаками* непостоянства (Пр. вр., 298). Сие состояние, предвещающее разум, есть *источником* большей части наших познаний и заблуждений (Приклон., 35). Заслуживает внимания при этом различие жанров — творительный предикативный в общем чаще в это время в комедии, чем в трагедии, в беллетристике журнальной, нежели в эпосе, и это свидетельствует о продолжающейся борьбе стихии церковнославянской с разговорнорусской. Дальнейший рост употребления творительного предикативного характерен для языка Карамзина, у которого творительный предикативный оказывается предпочтительным именительному с вполне определенной последовательностью во всех случаях, где возможность его раньше только намечалась; ср. даже случаи (правда, отдельные) употребления в этом падеже прилагательных (в широком смысле термина): Боголюбский был, конечно, одним из мудрейших князей (Ист. гос. Рос., III, 19). Победа не была сомнительною (там же, 100), и под. Язык Карамзина — в основном решающая стадия в истории развития творительного предикативного. В дальнейшем не происходит ничего принципиально меняющего черты и частость оборотов с ним, наметившиеся у Карамзина, — лишь относительно небольшие отклонения в ту или другую сторону, под пером главным образом выдающихся писателей, получают стилистическую дифференциацию. Заслуживает, впрочем, внимания, что в течение XIX в. совсем выходит из употребления творительный предикативный с *есть* и, вместо случаев с отвлеченными существительными типа «Ах, этот человек всегда Причиной мне ужасного расстройства» (Гриб.), «Признайтесь, вы этому одни виною» (Лерм.), устанавливается или именительный, или сочетание с «является»¹.

Пути развития в литературном русском языке творительного предикативного отражают, по-видимому, тенденцию при соотношениях «именительный подлежащего — именительный сказуемого» или «именительный приинфинитивный» — специфицировать часть сказуемого или часть приинфинитивную, используя различия постоянного и переменного признака, — тенденцию, имевшуюся уже в глубокой древности.

Важным моментом того же порядка в истории синтаксиса славянских языков является развитие творительного падежа (творительного предикативного) вместо второго косвенного падежа имен существительных, особенно — винительного. Как отмечено А. А. Потембнею, «Из запис. по русск. грам.», II, стр. 508, — в русских памятниках, в отличие от старославянских, таких, напр., как Саввина книга и Остромирово ев., издавна наряду с двойным винительным у имен существительных: Елма же ты, брате мой, введя мя на стол мой и нарек *мя старейшину* себе,

¹ Ср. РЛЯ пп. XIX в., изд. 1954 г., стр. 331—332.

се аз не помяну злобы первья (Лавр. сп. лет.); а кого бог поставит князя, а с тем мира подтвердить (Список с мирн. грам. новгородцев с немцами при кн. Ярославле Волод. 1199 г.), выступают также обороты с винительным-творительным: ... и *отцем мя* назвал, и *яз его сыном* (Ипат. сп. лет.). Володимер же *великимь мужем* створи того и *отца* его (Лавр. сп. лет.).

Чем ближе к нашему времени, тем сильнее преобладание второй конструкции. Как верно заметил Потебня, указ. соч., стр. 509, в новом языке случаи второго винительного у существительных вроде: «Я брал *тебя жену* себе по разуму» (Барсов, Причит., I, 278) крайне редки.

Творительный предикативный имен прилагательных, как замена винительного предикативного, по наблюдению Потебни же (указ. соч., стр. 516—520), не известен старославянским памятникам и очень редок в древнейших русских памятниках: ...ти бо мимоходячи прославлять *человека* любо *добрым*, любо *злым* (Лавр. сп. лет.). Позже творительный становится, однако, в подобных случаях господствующей конструкцией¹.

Замена творительным предикативным в членной форме дательного падежа прилагательных в нечленной форме (т. е. конструкций типа: «Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царстве своем, а до воинников *быти*, яко отцу до детей своих, *щедру*» (Пересв., л. 92, стр. 205) совершается в русском литературном языке в основном на переломе XVIII—XIX вв., полностью устанавливаясь едва ли не только во второй его половине: А *правому*, батюшка, для чего *не быть виноватым?* (Фонв.) ...Кто, любезный друг, велел *тебе быть праздным?* (Гриб.) и под.

Подводя итоги своему исследованию, Потебня так характеризует значение установления в языке творительных предикативных падежей за счет их синтаксических предшественников: «В предложении древнего языка согласуемость (атрибутивность) играет большую роль, чем в новом... на месте двух одинаковых косвенных падежей, ставших друг к другу в отношении, отличное от простой атрибутивности, с течением времени становится винит. с твор., род. с твор., дат. с твор. На месте предикативного атрибута, согласуемого с подлежащим, лишь во многих, но не во всех случаях ставится твор., причем два прежние именительные (подлежащего и предикативного атрибута), где они остались, получают новый смысл². Перед нами здесь различие бывших

¹ К употреблению двойного винительного в литературном языке первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 338—340.

² Потебня имеет в виду свой анализ смыслового различия между конструкциями с именительным предикативным и творительным предикативным (стр. 521, 522 и 528).

Творительный предикативный, согласно его пониманию, выражает один из соподчиненных признаков, приписываемых данному подлежащему, но еще не вошедших в содержание его.— См. и И. Белоруссов, Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни, Орел, 1901, стр. 136.

прежде однородными функций членов предложения. Если в области внешней органической природы разграничение органов есть усложнение и в этом смысле усовершенствование жизни, то и здесь мы должны видеть усложнение душевной жизни и усовершенствование языка. Внесение в предложение рассмотренного тв. расширяет область несогласуемых падежей, т. е. грамматического объекта, на счет согласуемых, т. е. грамматического атрибута, но так как при этом в области объекта не только не происходит никакого смешения прежде существовавших категорий, но образуется новая, то стремление свести категорию атрибута на атрибут в тесном смысле, т. е. непредикативный, служит на пользу экономии языка» (указ. соч., стр. 534—535).

Заслуживает быть отмеченным среди прочего влияние и эстетического момента, сказавшегося в избегании сказуемых, формально одинаковых с подлежащими. В древнерусском мы находим, напр.: *А возмут на него в то веремя грамоту, ино та грамота не в грамоту...* (Догов. грам. вел. кн. Юрия Дмитр. с вел. княз. рязан. Иван. Федор., 1431 г.). А положит кто отпустную без боярского доклада и без дичаьи подписи... *ино та отпустнаа не в отпустную*, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и *та отпустнаа грамота в отпустную* (Судебн. 1497 г., 18), или:... *Ино ся моя грамота не грамотою, а дело не делом* (1448 г., Акты Зап. Росс., II, 55 — Потребня). ...и хоти кто возмет на них и безсудную мою грамоту, а не на тот их срок, и *та моя безсудная не в безсудную* (Грамм. митр. Макария, 1542 г.). Так же и *дворяне московские и городовые, и дети боярские, многие есть старые, издавна тех родов, которые прежде были во дворянх же при великих князех* (Котош., 28).

§ 3. Значение и управление предлогов и наречий-предлогов.

Сравнительно с составом древнерусских предлогов и наречий-предлогов современный литературный русский язык представляет относительно немного отличий. Вымирает в нем предлог **про**: *вм.* «говорить про что-нибудь» и *под.* мы решительно предпочитаем теперь: *говорить о чем-нибудь* и *под.*; не употребляются древние *дѣля*¹, *опричь*² и *под.*; *поровень*; *ср.*: *Будеть ли головник их в вьрви, то зане к ним прикладываеть, того же деля* им помогати головнику (Русск. правда, 59—65). А *доводчику ездити во стану без паропка и без простые лошади, своего деля прибытка* (Уставн. белозерск. грам. вел. кн. Ив. Вас.,

¹ След старого *деля* сохранился в устарелом слове *богадельня*.

² Этимологическое отношение слов *опричь* (*опрично*) и вполне ясного *опроче* «кроме» (*ср.*: *прок*, *прочий*) остается необъясненным. *Оприснь*, возможно, как-то отразило ассоциацию по противоположности с *присный* «близкий; родственный, ближний». Примеры вариантов *опричь*, *опришь* и др. см. в «Материалах» И. И. Срезневского, том II.

1488 г.) — ...и не судят их ни в чом, *опрочь душегубства* (Грамм. в. кн. Вас. Вас., 1447 г.). ...ни судят их ни в чьм, *оприч душегубства* (Грамм. в. кн. Вас. Вас., 1448 г.). ...и по сему моему третейскому приговору взять ево Семенову сыну Тимофею... Тех крестьян с женами и с детьми... *оприченно двух семей*... (Суд. дело 1649 г.). Оприснь (опрично) «без»: «Аще чернецъ, или черница, или поп, или попадьа, или проскурница впадутъ в блуд, тех судити епископу (,) *оприснь мирян*...» (Устав. кн. Ярослава вост.-русской редакции) А река Розумница вытекла близко, *поровень реки Кореня*, по Оскольской и по Ливенской дороге, из Разумного лесу (Больш. Чертеж); почти вымерло *промежъ*; ср.: Чтоб *промеж нас* какова дурна не учинилося (Дело Ник., № 40); *развѣ* «кроме»; ср.: А дворяном твоим по селом у купцов повозов не имати *разве ратной весте* (Догов. грамм. Новгорода с вел. княз. Ярослав. Ярослав. 1264 или 1265 года). А дворяном твоим у купцев повоза не имати, *разве ратной весте* (Догов. грамм. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих. 1325—1326 г.). А всегда бы жена без рукоделия сама ни на час не была *разве немощи* (Домострой, 64). «...*развее* бо того иного бога не знаем» (Хож. Афан. Никит.).

По-видимому, *развее* (развѣе) колебалось в употреблении между функциями предлога и союза. Ср., например, в союзном употреблении: «Иже поп дети крестит в чужем переезде, у иного попа, *развее нужда*, или при болезни... митрополиту в вине будет» (Устав кн. Ярослава Владимировича, 48).

Из старого сочетания «*въ* + родительный падеж имени существительного или местоимения — *мѣсто*» возникает наречие-предлог *въмѣсто*; ср. др.-русск. сочетания: А в того *место* новопоставленному даецца иный посох (Дело Ник., № 39). Возможны в старину и сочетания типа: Старой долг *за находки место* (Стар. сб., 2132). Бедному кус *за ломтя место* (Стар. сборн., 163).

Распространены также сочетания с посессивными (притяжательными) именами прилагательными и такими же местоимениями, согласующимися со словом место: А брата своего старейшего имети ны и чтити *в отцево место* (Догов. грамм. вел. кн. Сем. Ив. с князьями Ив. Иван. и Андр. Иван., около 1350—1351 гг.); А до толе ездит по моим селам брат мои Григорей *в мое место* («вместо меня») и людми моими владеет (Дух. Остафия ок. 1396 г.).

Насколько живо еще, например, в XVI веке сочетание *вместо* ощущалось как состоящее из предлога и зависящего от него винительного падежа имени существительного, видно из возможности не только постановки зависимых слов между предлогом и словом *место*, но и из того, что со словом *место* могут в это время согласовываться формы притяжательных прилагательных, относящиеся к соответствующим именам. Ср., например: «...ты ли отвечаешь в кириловских хрестьян *место*, в Насонково и в Намумково?» (Судная грамм. № 19, изд. в «Актах» А. Федотова-Чеховского). Имена крестьян — *Насонко* и *Наумко*.

Заметные изменения произошли в значениях предлогов: *для* с XIX в. получило вместо старого значения причины и интереса («ради») значение цели. Ср. у писателей XVIII в.: Мысли, которые тогда были тесно ограничены, для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных... (Ломон.), и под. Примеры старинного *для* — «за», «из-за»: А что писал еси о брате своем Ирике короле, будто нам *его для* было с тобою войною почать, и то смеху подобно: *того для* было нам с тобою нечего для войны починать; брат твой Ирик нам не нужен (Грам. царя Иоан. Гр. к шведск. кор., 1573). А которых людей попытают по тому обыску, и тем людям взяти безщестья вдвое *для лжи* их, чтобы впредь не лгали (Судебн. 1589 г., 42)... И в Латошино, государь, *для* пашенных лошадей посылал, и ис Латошина пригнали 15 лошадей павловских (Хоз. Мороз. I, № 52). И как Григорей Байков пришлет к тебе *для людей*, и тебе б послать к нему крестьян *для* валового дела... (там же, № 123).

Около конца XVIII в. *для* в литературном языке приобретает значение дательного, особенно при прилагательных и наречиях (сказуемых): *приятный для тебя, для меня трудно* и под.

Из употребления по самому своему значению вышли древнерусские конструкции: *за* с винительным и *из-за* с родительным падежом имени существительного в соотносительных значениях — «убежать (из подданства) к кому-нибудь» и «быть возвращенным от кого-нибудь»; например: «Да во 115-году села Варварсково из деревни Соколова *збежали* крестьяне Куземка, да Семейка да Васка Семеновы дети... *за сына боярсково за Петра Иванова сына Онучина* в деревню Нижнюю Роботку. Да в 114-м году села Варварсково из деревни Игрищ *збежал* крестьянин Макарко Данилов с чети выти в село Запрудное *за немку Варвару*. И те крестьяне по государеву указу *из-за Петра Онучина и из-за немки Варвары вывезены* и посажены на старых жеребьях (Свояная и дозорная книга 1614 г.).

Ср. *за* в значении кому?: «...для чего мужики Федору Ивановичу мясо платили, а как *за меня достались*, так и бедны стали? (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1650 г.).

Наречие-предлог *мимо*, употреблявшееся обычно с винит. падежом, лишилось значения «вопреки»: ...Только вы, атаманы и казаки, *мимо наше царское повеленье* и указа учнете на море ходить, и Турского салтана людей учнете громить..., и вам, атаманом и казаком, от нас, великого государя, быти в опале и в великом наказанье... (Грам. царя Мих. на Дон, 1629 г.), — форма «указа» —, вероятно, род п. ед. ч.; ...и имяна тем пустошам переложил *мимо писцовых книг* (Суд. дело 1647 г., Фед.-Чех. II, № 116). И третьейской Терюшново приговор Марышкина отставить потому, что *мимо дела* написан (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех. № 118).

Утратилось также значение «кроме» — только с родительным: ...и *мимо своих прямых дел* никому из них ни за кого на Москве

по приказом и в городех к воеводам для челобитья *не ходить...* (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.).

Из употребления вышло **на** с предложным падежом в значении лица, к которому предъявляется иск, требование и т. п.: ...и жеребца у тебя возму да 1000 золотых *на главе твоей* (sic! — твоей) возму (Хож. Афан. Никит.). ...а то вы... своровали, что *на мужиках* оброшнова мяса не доправили... (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1650 г.). ...и вам бы *на крестьянах* деньги доправить тотчас... (там же).

О, **об** с предложным падежом¹ почти полностью утратило свои приемные функции: значение приблизительности — «около»: И паде *голов о сте кметства* (Новг. лет., — Бусл.); значение состава — «квартира о пяти комнатах», «береза о пяти верхах»: ...У передней горницы *сени о дву житьях...* (Дела Тайного приказа, I, стр. 203). ...Другая *фузея* немецкая ж *о трех замках* (Розыскные дела о Фед. Шаковит., IV, стр. 129). ...Ворота большие, *об одном щиту* с калиткою (Закладная 1691 г.) — в настоящее время является отмирающим.

Утрачены и некоторые случаи прилагольного употребления вроде:

«...сперва ползал, потом *о себе*, а после *о посохе ходит*» (Кург., стр. 292). Вышли из употребления и др.-русск. *о чем?* в значении «почему?»: *О чом жо ты не искал* на Ивашке в ту шесть лет? (Юрид. акты, 1491 г., — Бусл.). ...И ты *о чем* к нам *послов своих не прислал* во все лето?.. (Грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.).

Приблизительно к концу XIX в. в речи младшего поколения стало замирать употребление предлога **о** с предложным падежом во временном значении: *о рождестве*, *о святках*. В старинном языке употребление предлога **о** с творительным во временном значении (когда?) было шире: ...И ты бы н-нча ко мне *о том* отписала, беременна ли еси, и как свое время чаеш, *о которых днех?* (Грам. вел. кн. Софьи Фомин. 1494 г.).

Исчезло употребление **от** с родительным падежом при пассивных конструкциях: Поместейцо, государи, за мною в Тверском уезде в Захожском стану *от литовских людей выжжено и разорено...* (Челобитье А. Царевского, 1611 г.). ...а ныне *от них же* в таких великих и тяжких винах *пощажены* и от смерти свободны учинены (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.). Он *убит от брата* за Христианство 971 году... Святослав I, сын Игорев... *убит от Печенег* 972 (Татищев).

Это употребление замирало в первые десятилетия XIX в.²

Перед перестало употребляться в значении «сравнительно с»; ср. др.-русск.: И от того соболи почали быть *перед* старую *це-*

¹ Изредка с винительным: А блюдо великое серебряное *о 4 кольца...* (Духовн. моск. кн. Ив. Даниловича, 1327—1328 гг.).

² РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 368—369.

ною дороже (Котош., 91). ...Чтоб *перед прошлыми годами* гораздо паташу на майданах было с лишком (Хоз. Мороз., I, № 170).

По с винительным падежом количественных числительных и с соответственными падежами существительных в старейших памятниках значит «в течение»: «...бьяху же ся крепко *по три дни...*» (Новгор. 5 летоп., под 6674 годом). Из очень архаичного употребления см., например: «Цесарь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, *имшеся по дань...*» («Договор Руси с Византией» 907 года), т. е. «взявшись уплатить дань» (*по характеру* установк на будущее).

Было из употребления **про** с винительным падежом в значении основания, причины; ср. др.-русск.: «...аше жена на мужа наведеть тати, велить покрасти двор мужа своего, или сам покрадеть... *про то их разлучити*» (Устав кн. Ярослава вост.-русской ред., 53).

Противу, противь утратили из принадлежавших им раньше — значения: 1) «накануне». ...*Вседше в лодия противу свету*, вступивша велми трубами... (Новгор. 5 летоп., под. 6476 годом) — «сева в ладьи пред рассветом...» Да писала еси ко мне наперед сего, что *против пятницы* Иван сын *покрячел* (Письмо в. кн. Василия Иоан. 1530—1532 гг.); ...*А против праздника* [«накануне праздника»] во всю ночь *не спят*: станут с вечера в трубы трубить и в суренки играть и по литаврам и по набатам бить... (Хожд. на Вост. Котова); 2) «сравнительно», «подобно», «соответственно» («в соответствии с»), «за»: Октября в 1 день принес к Якову и к Тишине Антоней Поссевинос от папы *жалованье и платье против Яковлевых и Тишинных поминков* (Отч. Я. Молвянин.). И свадебной чин и веселие бывает *против того ж* (Котош., 15). ...межи и грани *поновить против прежнего приговору...* (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134). «Велети *собрать* на себя села Мурашкина с приселки и з деревнями со крестьян и з бобылей *мое жалованье*, приказщиков доход..., *против прошлых лет и против наказу*, каков ему, Поздею, наказ дан» (Хоз. Мороз., II, № 23, 1651 г.) «И в нынешнем... во 160-ом году писано от тебя, государь, ко мне, холопу твоему, *против* моей, холопа твоего, к тебе, государю, *отписки...*» (Хоз. Мороз., II, № 36, 1651 г.). И вы де тех подчиненных людей *противу* нашего великого государя *указу* держите под крепким началом (Грам. 1663 г.). ...бояре, слушав сей выписки в передней, приговорили, *против Уложенья*, учинить тому стрельцу наказанье... (Дело об убийстве, соверш. стрельцом О. Кузьминым, 1676—1677 г.). «...межи и грани поновить *против* прежнего *приговору...*» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134). Дьякон Михайло про приход в церковь патриарха Никона... *сказал против товарищев своих речей* (Дело Ник., № 36). О которых делах указами ясно не изъяснено, о тех предлагать сенату, чтоб учинили на те дела ясные *указы, против указа апреля 17 дня 722 года*, которой всегда на столе держится (Указ о долж. ген.-прокурора, 1722 г.).

Через лишилось значений:

1) «вопреки»: *А через сю мою грамоту хто ся ослушаеть...* и мои наместники Белозерский возмутъ на том в мою казну два рубля заповеди, а от меня быти ему в казни (Жалованн. грамота белоз. кн. Мих. Андреевича, между 1448 и 1469 гг.). *А через сю мою грамоту* кто на них что возмет или их чем изобидит, быти от меня в казни (Жалованн. грамота вел. кн. Василия Вас., 1456 г.). Али чаеш, что по прежнему воровать Свейской земле, как отец твой Густав *через перемирье Орешок воевал?* (Грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1572 г.). А что послы твои *через обычай и через опасную* [охранную] *грамоту* так безчестованы и в поиманье были, и ты тому не дивися: за твое неподобное дело над нашими послы терпети было невозможно (Спис. с грам. Иоана Гр. к шведск. кор., 1573 г.). Ежели же президент, или кто вместо его отправляет, сие пренебрежет, то есть, ежели кого *через сей указа* [sic!] в пункте изъясненной впустить велит, или сам лишнее говорить или другим говорить не запретить, то за каждое преступление пятьдесят рублей заплатить должен (Генер. реглам., 1720 г.);

2) далее, временного «в течение»; ср. в XVIII в.: ...О непременном вашем ко мне снисхождении, которое я *через много лет* за великое между моими благополучиями почитаю (Ломон., Письмо к И. И. Шувалову). Приди, мой благодетель давний, Творец *через двадцать лет* добра (Держ., Приглаш. к обеду). *Через семь сот лет* едино племя Ты с Росским скиптром сохранил (Ломон., Ода 12). ...кормить чистым овсом с сечкою, чтоб сыты были *через всю зиму...* (Регула о лошадях). Малтийцы... положили его в порожнюю бочку и, *через долгое время* оную катая, источили из внутренности его воду (Эмин, Непостоянн. Фортуна, или Похождение Мирамонда, 1792, стр. 29). Не удивительно, будучи *через долгое время* носиму по волнам, в такую придти слабость (там же).

У племяни Волков и племяни Овец Велась война *через тысячные лета* (Озеров);

3) в течение XIX в. замирало и причинное значение (конструкция заменялась предлогом *вследствие* с родительным падежом и под.). В XV в. писали, напр.: Аврелий Кесарь... с великим гневом сказал: в этом городе собаки живой не оставлю. *Через сие ласкались* воины великою корыстью (Кург., 255); *Через то* изменник достойную мзду получил... (там же). ...нашу флюгу с якоря сорвало и отнесло в море, где с великим трудом и страхом *через великую силу* спаслись... (П. А. Толстой) — «с большим трудом».

Ср. еще у Грибоедова: Какими чудесами, *через какое колдовство* Нелепость обо мне все в голос повторяют?

Характерны также сдвиги в предложном управлении. Существеннейшее, сюда относящееся, можно свести к следующему:

По с винительным падежом в значении временнóм распределительном (дистрибутивном) сменилось в ряде случаев употреблением с дательным, наиболее обычным падежом при этом предлоге; ср. др.-русск.: А велено де на Белеозере по торгом в торговья дни биричу кликати не *по один день*... (Грамм. царя Бориса на Белоозере, 1602 г.). В великом Новгороде на посаде велети сю память вычитати всем людем вслух и биричу велети кликати по всем торгом не *по один день*... (Память новгородск. пятиконецким старостам, 1602 г.). А про меня холопа своего вели сыскать, как он мне грозит и бранит не *по один поем*... (Хоз. Мороз., I, № 59). ...И сидел с стрелцами, заперши в хоромех, *по многое время* (Розыскн. дела о Фед. Шакловит., II т., VIII, № 1).— Ср. и: К могиле мужниной *по всякий день* приходит... (Хемн.).

Изредка **по** управляет предложным падежом: Кого же по своему совету в государевых палатах не нашли, тех *по дворах* их по знакомым людем всюду, полками ходя, искали крепко («Созерц. краткое» С. Медв.).

При предложениях с двояким управлением, не мотивированным семантически, установился (или близок к окончательному установлению) только один падеж: **между, меж** в настоящее время управляют обыкновенно творительным; управление родительным остается чертою почти только архаизирующего стиля¹. Вышло из употребления с с винительным: ...*Да з другую сторону* от Лепника по Великую ниву... (Данная старца Авр. Внукова, между 1471—1475 гг.). А сидит круг папы *с правую сторону* шесть кардиналов, а *с левую сторону* — десять кардиналов (Отч. Я. Молвян.). И те их речи, *с обе стороны*, толмчат переводчики, а для записки речей, *с обе стороны*, стоят секретари и подьячие (Котош., 65). Ср. совр. *слева, справа, сбоку, со стороны* и под.

Сквозь² с родительным, хотя такое управление нередко еще в середине XIX в. (ср., напр., у Огарева: Светит *сквозь узора* мерзлого окна), решительно уступило место управлению только винительным.

Возможно, что параллелизм в употреблении падежей при **сквозь** вызвал у Державина исключительное управление — одновременно родительным и винительным при **чрез**: «Он гребет *чрез волн и тму*» (Потопление).

¹ В XVIII в. возможно было употребление также вроде «...Крепка *между* меня с сей гостыю межа» (Сумар., Лис. и Еж). Ср. также любопытные примеры контаминации двух конструкций: А *межю Тферью и Новагорода* розъезд по давной пошине (Догов. грамм. кн. тверск. Мих. Ярославича и Новгорода, 1301—1302 гг.). ...вам, братие, сужено место *межь Доном і Непра* на поле Куликове... (Задонщ., 224 об.). Какое же есть баснословное сходство *между басней и священного писания* (?) — (Кург., стр. 326).

Уже к девятнадцатому веку относятся подобные случаи, главным образом — у поэтов: «...Залог живой *Меж праха милого и мной*» (Козлов) и под.— РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 366.

² Для Ломоносова, Рос. грамм., § 456, **сквозь**, как и **через**, было наречием-предлогом.

При предложениях **надъ** и **предъ** (**передъ**) утрачен винительный направления, употреблявшийся раньше. **Над**: *Над мертвеца идете* (Лавр. сп. лет., 80 об.). Ср. по старинному образцу у Ломоносова: *Над тучи* оным простирайся. **Пред** с винительным: А послух не пойдет *перед судью* (Судебн. 1497 г., 50). ...и пристав мой записывает им *перед меня* один срок в году зимъ (Граммитр. Макария, 1542 г.).

Еще очень часта эта конструкция в XVIII в.: Она приказала всех нас троих привести *перед себя* на неллицемерный суд (Данилов). Вдруг предстала *перед него* одна тень, одетая в скороходское платье (Крыл.), и под.

Как редкий случай можно отметить управление **промежь** винительным, и при том не со значением *куда?*: ...И *промежь тое гору* течет река не велика порожица (Хожд. на Вост. Котова, 86). А дорога ехать *промежь сады* арменские, и жидовские, и аврамские, и тевризские *слободы*... (там же).

Наречия-предлоги места утратили старое управление винительным или дательным и управляют теперь только родительным. Ср. др.-руск.: **възлѣ**: Они же доспевше поидоша *възле реку* Оку горе (Лавр. сп. лет., 145 об.). ...близ монастыря того... при мори *возле* городную *стену*... (Хожд. Стеф. Новг.)¹; **мимо**: А приедет Суздалец с товаром откуда-небудь, а повезет *мимо город Суздаля*, а в городе не торгует, и им являти таможником... (Уставн. грамота 1606—1610 г.). А *мимо Белград* потекла и пала в Дон (Больш. чертеж). Да в тож де число шол Волгою *мимо Царицын* патриарш насад (Мат. Раз., I, № 9). Ср. в былинах: А им случилося итти *мимо стольне-Киев град* («Сорок калик со каликою», зап. Григ. III). Известно такое управление и говорам; подобное же управление в значении «минуя, помимо»: И будет ваши посыльщики вперед деньги учнут привозит *мимо Большой Розряд* или четверти, и я Прокофей ото всего дела и от земского промыслу отступлюсь (Грамота бояр из Владимирской чети в Тверь к воеводе, 1611 г.). Но ср. и: А хто в Перемышле на посаде и в уезде *мимо кабака* учнет корчемное питье держать на продажу... (Грамота из Ярослав. четьи откупщику Ж. Микулину, 1611 г.); **подлѣ**: ...А четвертое место у Кривых нивах *подле Теменской путь*... (Раздельная Спасо-Мирожского монаст., XV в.). Так питаемся *подле море Черное* (Ист. об Азовск. сид., 10). ...на Стрельном ручью *подле Лижингу реку* (Приходо-расх. книга Нижегород. чети, 1625 г.). Ср. в былинах: А ишше шли де туры *подле синѣ морѣ* («Васька пьяница и Кудреванко царь», зап. Григ., III²);

¹ Ср. М. А. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области сев.-великор. наречия, — Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, XVII, № 3, 1877, стр. 127: *возле дорогу*. — Много примеров слышано и мною лично.

² Но древнему языку известно и нынешнее управление *подле* — родит. падежом; ср., напр.: ...И шли *подле* реки все пешн... (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 гг.). Измереть ему и описать порожую землю *подле* Кадашев[ской] слободы (челоб. XVIII в., — Крепост. мануф., III, № 83),

противъ, противу: Сташа шатры *противу* Киеву по лугови (Лавр. сп. лет., 110 об.). Посла и отецъ свои с вои *противу* мацесе (там же, 113 об.).

Предлоги места **в** и **на** и параллельно **из** и **с** (значения «середина» и «поверхность») стали употребляться менее идиоматично. Ср. др.-русск.: ...Пущен бысть Вышата *в Русь* к Ярославу (Лав. спис. лет., 52 об.). Кони ржут *на* Москве; бубны бьют *на Коломне*; трубы трубят *в Серпухове* (Задонщ.). Писали мы к вам преж сего, чтоб вам *на Вологде* и *в уезде* собрати всяких ратных людей (Отписка нижегородцев волож.). А генваря *в 27 день* писали нам *с Резани* воевода Прокопий Ляпунов и дворяне и дети боярские и всякие люди Рязанския области (Отписка нижегородцев к волож.). В то же время пришла *с Москвы* грамотка ко мне (Аввак., 83). И *с тех приказов*, Казанского и Сибирского, ссылаются *с Москвы* и из городов на вечное житье всякого чину люди, за вины (Котош., 93). ...Отец того Ивана, Михайло Семеновичъ Воронцов, был от нас наместником *на нашей отчине, на великом Новгороде* (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). ...Стольник и воевода Иван Иванович Засецкой у столника и воеводы у князя Перфилья Ивановича Шахавского принял *на Туле* город, и острог... (Опись г. Тулы 1676 г.).

К соответственному различению предлогов см., напр.: А кто приедет в Новгород *с Москвы* и *изо всех городов* и *из волостей* Московския земли... (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писанн. в 1571 г.). ...а о грамоте велел бити челом, чтоб вотчина моя по прежнему ведать во всяких делах *в Галиче* и не *на Унже*... (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1684 г.).

Это же следует сказать и о **к**, **у**, **от**: ...Две грамоты — одну — от всяких московских людей, а другую — что писали из под Смоленска московские люди *к Москве* (Отписка нижегородцев к воложжанам). Да *от Соли Вычегодской* взят *к Москве* Кирилова ж монастыря чернец Иона Зуй (Грамм. 1647 г.). А которые люди ездили из нашего, великих государей, похода *к Москве* и *с Москвы* в наш, великих государей, поход... (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.); но: ...и те бы шли *с Москвы* в Киев без замотчанья (там же). Еще в XVIII в. писали так же: Потом [Ал. Орлов] просил пашпорт ехать за границу, но, не взяв оный, уехал *к Москве* (письмо Екат. II Потемкину 1788 г.).

Из наиболее поздних примеров: Слугу послал *к поместью*, Чтоб выслали сюда запасу и оброк... (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.). Кривосудов...: Куда же ты? Прямиков: Опять поеду *к дому* (Судовщиков, там же).

Ломоносов (Рос. грамм., §§ 507, 509, 517) верно поясняет, что «имена городов, по рекам проименованных, полагаются в предложном падеже с предлогом *на*: «На Дону жить прохладно, на Москве весело»; **у**, по его указанию, «требуют усолья и некоторые города особливо: у соли Камской; у соли Вычегодской; у города Архангельского»; «Предлогом *у* на *где* ответствующие на *откуда* при-

нимают *от*: от города Архангельского, от соли Камской приходят письма...»

Фонвизину это различие еще не представлялось ясным в его принципе, и он в «Опыте российского словника» замечает: «Обычай иногда позволяет на употреблять вместо *в* и *во*, напр., вместо: живу *в* Москве, *в* Кубани, *в* Луговой, идем *в* рынок, *в* поле,—говорится: живу *на* Москве, *на* Кубани, *на* Луговой, идем *на* рынок, *на* поле и проч.»

Современные различия *в* и *на*, *из* и *с* и под. еще не до конца могут считаться мотивированными, но сравнительно со старинным языком колебаний меньше. Мы различаем, напр., негорные и горные области СССР: *в* Сибирь, *в* Сибири, *из* Сибири, *в* Донбасс, *в* Донбассе, *из* Донбасса, но *на* Кавказ и *на* Кавказе, *на* Урал и *на* Урале, *с* Кавказа, *с* Урала. В Крым, *из* Крыма — только кажущееся отклонение (горы «Крым» нет). *На* Украине, *с* Украины держатся у нас под влиянием украинского языка; говорим *в* заводе, *в* фабрике, *из* завода, *из* фабрики (о помещении), но *на* заводе, *на* фабрике, *с* завода, *с* фабрики, имея в виду всё производство; ср. ещё: *в* опере, но *на* опере «Евгений Онегин» и под. Для характера сочетания интересно: Он сел на роспуски, поехал *на* кабак (В. Майков). Установились одинаково: *в* Москве, *в* Сольвычегодске, *в* Соликамске, *в* Архангельске, *из* Москвы, *из* Сольвычегодска и под. **На** последовательно употребляется, когда речь идет о том, что «поезд идет» *на* Москву, *на* Харьков и т. д.

Сильно сократилось употребление *в* и *на* во временном значении с предложным падежом:

...И яз, господине, *на первом году* отведал, што тот Иван делает нашу землю городскую моего двора выть (Правая грам. Савво-Сторожевск. монастырю до 1470 г.). Увидиш нашего порога степени величества *на сей зиме* прошение миру, то уж не зимушнее (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1572 г.). И стрельцы, блюдяся от меня, тех моих изменников *в мегновении* ока изсекли на малые части (Памятн. Смутн. вр., 79). Да у нас, государь, поноситца, что государю изнесли и тебе, что будто Митю пьяным делом убили; и то солгали, убили ево *на первом часу* дни... (Пис. чернеца Семиона к келарю Авраамию Палицыну, 1608 г.). Писывал де он к нему, Никону, по отшествии его *в первых годах* о здоровье (Дело Ник., № 41). Такова государева грамота послана... сего ж числа *в вечеру*, *в четвертом часу*, *в последнем часу* ночи (там же, № 37) И он де поехал из Крестного монастыря за рыбою ноября в последних числах, а *в котором числе*, того не упомнит (там же, № 78). Как *в прошлых давных годах* земля жилая и пустая роздавана и розверстывана в поместья... (Котош., 96). И тебе бы, государь, ко мне отписать, *в котором числе* тово деловова отпустят с Москвы (Хоз. Мороз., I, № 80). И службу свою *в скорых временах* хочю показати добрую (Котош., ХХIV). А *в тех... числах* приезжал к нему, под Даниловской м-рь, на струг, вор и изменник Федка Щегловитой... (Розыскн. дела

о Фед. Шакловитом, II т., VIII, № 1). Замирание такого управления проходит через весь XIX в.; ср., поэтическое *в ночи* — «ночью».

В значении денежной оценки вещи и под. издавна в употреблении было сочетание **в** с предложным падежом количественного имени числительного, согласуемого с этим же падежом существительного; например: «...вели г-рь, нам на того Кузму в его на-сильствѣ и в пустошном владѣнье и в мелничном доходѣ *во стѣ и пятидесять рублех* дати свой царский суд и управу» (XVI в., Фед.-Чех., II, № 115).

Упомянутое древнерусское **от** с родительным падежом при формах страдательного залога останавливает на себе внимание как едва ли не единственная предложная конструкция, проникшая через старославянское посредство, может быть, из греческого: Воеводы у нас *установлены от бояринов* (Задонщ.). Лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели нам *от поганых положенымъ пасти* (там же). И *посечено от безбожного Мамаю* полтретья ста тысяч и три тысячи (там же).

Пред патриархом по обычаю крест со святою водою носится *от ключаря...* («Свадьба царя Иоанна Алексеев. с цар. Параскевою Феод.»). И *от них* всякое злое *чинится*: крадут и разбивают, души губят (Стоглав, 10).— Это **от** держится в таком употреблении еще в XVIII в.: Я более *от них любима*, чем достойна (Дмитр., Причудн.). Он был слишком умен и нередко даже был за это бит *от своих приятелей* за картами (Крылов, Похв. речь дедушке), и изредка даже заходит в стихотворном языке в первые десятилетия XIX в.

Только в известных речениях, пословицах и под. сохраняются еще остатки в прошлом широкого употребления предлогов в таких функциях:

В с винительным падежом абстрактного имени существительного в значении сказуемого: А коли пришлешь ко мне про помощь, а мне в ту пору к тебе будет нельзя помочи послати; ино то тебе от мене не *в измену* (Перемирн. грам. в. кн. моск. Ив. Вас. с Александр. в. кн. литовским, 1494 г.). А сколько числом тое казны придет в году, того описати не *в память* (Котош., 93). И нам, холопом и сиротам твоим безпомочным, стоять против их было не *в мочь* (Мат. Раз., III, № 56). ...Чтоб тамошним градским и уездным всяких чинов людям было *в страсти* (там же, № 65). И помянутых песенок было не только еще очень мало, но они были *в превеликую еще диковинку* (Болот.).

Ср. современные: *не в мочь* (в народном стиле), *в диковинку* («Известно, что слоны в диковинку у нас», Крыл.), «*а мне и невдомѣк*» (из «не в домек»), и под.

На с предложным пад. в значениях «в связи с чем-нибудь, взамен чего-нибудь, за, от кого-нибудь». Ср. архаизм: «Спасибо *на добром слове*». Др.-русск.: ...И жеребца возму и тысячу золотых *на главе твоей* возму (Хож. Аф. Никит.). Ино судити на

того волю, на ком ищут (Судебн. 1497 г., 48). А послух не пойдет пред судью... ино на том *послусе* исцево и убытки и все пошлины взяти (там же, 50). И Яков на князь Николаеве жалованье, на их *встрече*, бил челом (Отч. Я. Молвян.).

По с винительным цели: Повадился кувшин *по воду* ходить, тут ему и голову сложить. Ср. др.-русск.: Посла *по сыны* свое (Лавр. сп. лет., 135). А кто по кого пошлет пристава... (Судебн. 1550 г., 50). Огорчась на большева сына Ивана, послал ево одново *по дрова* (Аввак., 114). Еще ходил я на Шакшу озеро к детям *по рыбу* (там же). До бою на стану товарыщ твой околничей наш и воевода Костянтин Осипович прислал *по него* стрельцов (Мат. Раз., III, № 73).

Из более редкого употребления — ...велите мне *по того Степана* в тех моих деньгах дать свою боярскую грамоту... (Челобитье посадского человека Л. Куковского, 1611 г.).

По с предложным: *по прошествии, по истечении, по смерти, по выяснении вопроса. По малых днях* ускочи Игорь князь у половець (Лавр. сп. лет., 135). А *по естве* отец и мать, и гости жениха и невесту благословляют образами (Котош.). Ср. и в XVIII в.: Если *по моей кончине*, В скучном бесконечном сне, Ах, не будут так, как ныне, Эти песни слышны мне... (Держ.). Подобное употребление довольно нередко и в первые десятилетия XIX в.— Изредка можно встретить в др.-русск. такое по с дательным: И *по многим разговорам* патриарх сказал... (Дело Ник., № 39).

По в значении «во время» — в народных *по весне, по зиме, по осени* (с дательным). В литературном языке попадает еще в XIX в. Ср.: И были *по зиме* рога у нас в торгу (И. Долгор., Нечто для весельчаков).

В древнерусском параллельным было и выражение пространственной последовательности: *Потягнете*, дружина, *по князе* (Лавр. сп. лет., 16). И в тоя поры многия люди в церковь пошли... и *по них пошли* многие старцы (Дело Ник., № 40).

С родительным причины: *со страху, с похмелья*. Ср. др.-русск.: ...Тут хлеб нужен [плохой], люди *с него бьются*... (Хожд. на Восток Котова, 112). И то ведаю, что *с великой ревности и усердства* учинил вскоре (там же), и под.— И он де ему сказал, что *шел с сердца* (Дело Ник., № 141).

Про. Есть да не *про вашу честь*. Оставить *про запас*. У Жуковского: И чистых капель меж листов Оставь *про резвых мотыльков*. Хоть честный человек, хоть нет — Для нас равнехонько: *про всех готов обед* (Фамусов в «Горе от ума» Грибоед.), Ни за что, ни про что = «для». А целое блюсти *про господаря, господарыню и про гость* (Домострой, 49). Да на нас же, сиротах твоих, правят ядра ореховыи *про твой государев обиход* (Хоз. Мороз., I, № 156). Починаетца бочка *про доброва гостя* (Стар. сбор., 1952). Ср. др.-русск. значение «ради», промежуточное между значением причины и цели: *Про сей мир* трудилися добрии людие (Смол. гр. 1229 г.). Святополк *про волость* же ци не уби Бориса

и Глеба (Лавр. сп. лет., 102 об.). И пьют друг *про друга* за здоровья (Котош.); «из-за»: *А про всяку вину* по уху ни по виденью не бити (Домострой, 38). ...Бил меня, сироту твоего, и увечил он, Воин, *не про вину*, напрасно... (Хоз. Мороз., I, № 27). Он нас, сирот, бьет и мучит *не про дела* (там же, № 60). Били Фому *про куму*, а Трошку *про кошку* (Стар. сбор., 247).

§ 4. Число.

В языке Летописи (Повести врем. лет) сказуемое перед двумя подлежащими употребляется в единственном числе, т. е. как бы согласуется только с первым подлежащим: *И рече Свенелд и Асмолд...* (Лавр. список летоп. под 6454 годом). *Ходи Володимер, сын Всеволожь, и Олег, сын Святославль*, Ляхом в помочь на Чехы (Лавр. спис. летоп. под 6584 г.). (Реже: ...*А Всеволод и Святослав выбежа* ис Киева за Днепр... Новг. V летоп., под 6722 годом)¹. Наоборот, в постпозитивном положении в подобных случаях ожидаемое двойственное число: *Святополк и Володимер посласта* к Олгови, глаголюща сице... (Лавр. сп. летоп., под 6604 г.). *Олег же и Борис придоста* Чернигову мняще одолевше (там же, под 6586 г.)².

Иллюстрацию к обеим конструкциям имеем во фразе: *Изяслав же и Всеволод слышаста*, яко *идеть Олег и Борис* противу... (там же). Ср. также: ...*приведе Олег и Борис* поганья на Руськую землю, и *поидоста* на Всеволода с Половци (там же).

Гораздо реже в постпозитивном положении употребление множественного числа: *Иде Асколд и Дир* на Греки, и *приидоша* в 14 [лето] Михаила цесаря (Лавр. спис. летоп., под 6374 годом).

Интересная особенность древнерусского согласования, правда представленная только в немногих памятниках, — Новгор. летоп. по списку XIV в., в Слове похв. св. Борису и Глебу XII в. (по списку XV в. и др.), — двойственное число в обоих составляющих пару наименованиях: *Перенесена быста* Бориса и Глеба на канон святою Петру и Павлу (Новг. летоп.), и под. Там же и в других встречаются случаи двойственного числа в одном члене пары: *На память святого апостола* [т. е. ед. ч.] *Петру и Павла* (Лавр. спис. летоп.), *поп святою Костянтину и Елены* (Новг. лет.), и под.

¹ Принципиально тот же характер передачи мысли отражен и в случаях, где сказуемое предшествует перечислению трех и более лиц: «В лето 6453 *Присла Роман и Костянтин и Стефан* слы к Григореви построити мира первого» (Договор Руси с Византией 944 г.). «*Приде Володимер и Давыд и Олег* на Святополка, и сташа у Городца ..» (Лавр. спис., летоп., под 6606 годом). Но возможно в подобных случаях употребление и множественного числа: «*Идоша* весне на Половце [Половцѣ] *Святополк, и Володимер, и Давыд* (там же, под 6618 годом).

Ср. Вл. Перетц, Слово о полку Игоревім, — Киев, 1926, стр. 327.

² Во втором примере причастные формы, однако, уже во множественном числе.

Возможно, что эти примеры отражают глубокую древность (Соболевский, Гуер); ср. санскр. *mātara-pitarā* — мать и отец — родители, собственно «две матери, два отца». Но не исключена и возможность, что в период падения двойственного числа русские книжники уже просто не владели в достаточной мере системой форм двойственного числа, и под их пером являлись своеобразные синтаксические вязи как продукт искусственного пользования двойственным числом.

Полное формальное согласование в числе, возможное при собирательных именах существительных исстари и обычное главным образом у определений, одерживает победу в истории русского языка над смысловым только к середине XVIII в. Старинные отношения могут иллюстрировать такие примеры: *А войско царское с коня не сседает*, николи же и оружия из рук не *испуцают* (Сказ. о Магм.-салт.). ...множество *народа неистовых* (Посл. Иоан. Гр. Курб., 13). ...докаместа Московского государства и окрестных городов *Литва не овладели* (Отписка нижегородцев вологж.). *Пишут к нам братья наша, разоренные, пленные...* Что к нам *писали братья наша...* (там же). *И многие наша братья от него разорились и разбрелись* розно (Хоз. Мороз., I, № 36). 168 года, февраля в 17 день, преосвященный *собор слушали* сказок (Дело Ник., № 9). *И преосвященный собор* Михайла митрополита *допрашивали* (там же). *А Смоленская, государь, шляхта*, на твою великого государя службу ко мне, холопу твоему, в полк *пришли* к Шацкому, ноября в 27 день (Мат. Раз., III, № 54). *И многие... шляхта* на том бою от воровских людей *переранены* (там же, № 60). *А воровское твое собранье побиты многие* (там же, IV, № 23). ...А которая де *орда* с Ляхами была, и та де орда, набрав в Дубне полону, и тот полон *отпустили* в Крым, а *сами пошли* против венгоров на помощь Турскому царю (Стат. список пребывания в Нежине и в Переясл. двор. Фед. Протасьева, 1661 г.). ...и *братья учили* на игумена роптать (XVII в. Фед.-Чех., I, № 122). А ныне уж в третье около ее *духовенство ходят и хотят* бесов из нее выгнать латынским языком (Куранты). А в праздничные дни, *которой приказ* стоит на вахте, и *им* с царского двора идет в те дни корм и питье довольное (Котош., 91). ...И мечет деньги *народу*, *которые* тому студенту кричат «виват» (П. А. Толст.). *Подъезд наш* вновь от шведов собранных волохов большую часть *снесли* и несколько в их платье в полском обозе *повесили* (Вед. 1703 г.). Но и *купечество знатное парижское* повсеременно *едят* на серебре (А. Матв.)¹.

¹ Нынешнее употребление собирательных, как в отношении количества соответствующих слов, так и в отношении характерных для них синтаксических особенностей (согласования), представляет уже отмирание этой, прежде широко представленной и влиятельной в языке, категории. Нет сомнения, как ясно хотя бы из старославянских текстов, что древнейшему синтаксису было свойственно согласование с собирательными сказуемых именно во множественном числе, т. е. смысловое, а не формальное: «многъ народъ

Отражением разговорной речи является довольно частое в древнерусском языке употребление единственного числа с представлением об единичном лице, несмотря на формальное построение фразы как заключающей указание на множественность, именно принадлежащий к которой характеризуется в данном конкретном действии: ...и ведаючи *таких людей* по их торговле и промыслом, что *он* сказал правду, и по *его* сказке столько с *него* и возмут (Котош., IX). А на правеже *дворян и детей боярских бити* до тех мест, покамест с должники *разделается* (Улож. 1649 г., 10, § 204), — имелось в виду — «каждого..., пока не разделается».

Не справлялись и грамотеи Московской Руси, и в значительной мере еще и представители литературного языка петровского и близкого к нему времени с множественным числом величия или вежливости. Употребление и самых местоимений и согласуемых с ними глаголов у них очень невыдержанно:

1. *Мне* же осмому лету от рождения тогда преходящу, подвластным *нашим* хотение свое улучившим, еже царство без владельца обретоша, *нас* убо, государей своих, ни коего промышления добротнаго не сподобиша... (Посл. Иоанна Гр. Курб., 12). И я, крестьянский государь, по своему царскому милосердому обычаю в том на вас нашего гневу и опалы *не держим*, потому что есте учинили неведомостью и бояся казни (Памятн. Смутн. врем., 44). И *ты*, государь, любя меня, тех моих послов, пожаловав, отпустил ко мне... И что *вам*, великому государю, на нашей восточной стороне годно, и то всякое *ваше* государево белово царя дело я, Алтын царь, зделаю как *вам*, государю, годно. А прошение мое: чтоб меж нас с *тобою* послы ходили, и торговым бы нашим людем дорога в *твою* государство и *твоим* людем к *нам* была чиста (Мат. пут. Ив. Петлина, 298—299). Да приходили ко мне *твои* государевы послы из Сибири, Иван да Ондрей, и просились в Китай, и я для *вас*, великаго государя, тех *твоих* государевых людей послал в Китай... (там же, 298—299). И октября в 28 день *мы*, великий государь, *пожаловал* Уфимских башкирцов, Яныбажту Маметкулова да Каракуска Аканаева с товарищи... (Грамм. из Приказа Большой казны, 1680 г.). ...нововыборный *твой* государев сокольник, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, *вам*, великому государю, челом бьет (Урядник, статья 4).

2. Примеры из языка начала XVIII в.:

отъ галилея по немь ідоша» (Зограф. ев.) и под. Такое употребление остается, как мы видели, свойственным и древнерусскому языку.

Для своеобразия наиболее старинного русского употребления собирательных характерно согласование, например, в договоре Руси с Византией 911 года, с собирательным множественного числа имени прилагательного (причастия)-определения: «...межи Христианы и Русью бывъшую любовь, похотеньем наших князь и по повелению *от всех*, иже *суть* под рукою его *сущих* Руси (статья 1).

Древнерусский материал из грамот см. в указ. книге В. И. Борковского, стр. 27—29.

Письмо *ваше* я принял и выразумел, в котором *объявляешь* о сборе неприятелей и что оные тщатся выбить наших из Польши, а *ты* будто по указу нашему никуда итить не *смеешь*. И о том zelo удивляюсь. Ибо я писал *вам* прежде, чтоб вы, как возможно, над неприятелем промысл чинили... (Письмо Петра I Шереметеву, 1705 г.). Господин Губернатор! Рыбу, присланную от *вас*, принял, за который подарок благодарствую. Також предлагаю... *изволь* постараться, чтоб на Таган-Роге в удобных местах... насадить рощи дубоваго или инаго какого дерева... (Письмо Петра I к И. А. Толстому, 1707 г.). Андрей Иванович... как возможно *ободришь* и завтра *приезжай* ко мне к вечеру: мне есть великая нужда с *вами* поговорить, а я *вас* николи не оставлю; не *опасайся* ни в чем, и *будешь* во всем от меня доволен. Анна (Письмо цар. Анны Иоанн. к Остерману)¹.

§ 5. Притяжательные прилагательные.

Исстари славянские языки знают два способа выражения лица владеющего и родственных оттенков — притяжательные прилагательные (*Иванов дом, сестрина дочь*) и родительный падеж (в старославянском часто — дательный) имени существительного (*дом Ивана, дочь сестры*), — первый что касается гибкости недостаточный тем, что не возможен по отношению к понятиям во множественном числе, вообще не допускает определений к лицу владеющему и легко переводит несобственные имена в общие значения, значения группового свойства, другой — более удобный, с течением времени поэтому возобладавший над первым.

Древнерусский язык обнаруживает контаминации этих двух способов обозначения принадлежности, из которых самая употребительная — «притяжательное прилагательное от имени и родительный падеж фамилии». Ср., напр., такие: Поидем брате в полуночную страну. жребии *афетову сына ноева* (Задонщ. по сп. XV в., 7—8). ...Да с ним же стряпают у dospеха Юшка да Василей, князь *Ивановы* дети Щетинина (Разр. кн., Карамз., И. Г. Р., VII). ...Да теж наши изменники возмутили народ, якобы и нас убити, за то, яко ж ты, собака, лжеши, что будто мы князь Юрьеву мать Глинскаго, княгиню Анну, и брата его, князя Михайла, у себя хороним от них... (Посл. Иоанна Гр. Курбскому, 2, 13). ...А на правом крылосе Лопотало да Варлам, не весть кто, а княж Александров сын Васильевича Оболенского Варлам на левом... (Послание Иоанна Гр. игумену Кирилло-Белоз. монастыря). Государыне моей свету тетушке, княгине Домне Богдановне, *Борисова* дочь Федоровича Годунова челом бьет (Письмо дочери Бориса Годунова Ксении 29 марта 1609 г.).

¹ Ср. и П. Я. Черных. Заметки об употреблении местоимения *вы* вместо *ты*... в русском языке XVIII—XIX вв., — Учен. зап., выпуск 137, Труды каф. русск. яз., кн. вторая, Моск. унив., 1948, стр. 89—109.

В вотчинах князь Михайла княж Яковлева сына Черкасского... (Мат. Раз., III, № 22). Писах же книги сия аз, Гюрги, сын попов глаголемаго Лотыша с Городища (Запись к Симонову еванг. 1270 г.). Чтобы они о том государском и святейшего патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94). ...да думному дворянину Матюшкину, за которым была прежнего царя царицына родная сестра (Котош., 101). ...Как де патриарх пришел к Лахеренской богородице, и протопоп Михайло (с) свещею стоял... А патриарх де к богородицыну образу Лахеренской не прикладывался (Дело Ник., № 40). А сверж митрополичьи скаски черных дяконов прибавлено... (там же); ср.: А в скаске Ионы митрополита черных дяконов Иосифа, Герасима, Варлама... = «черных дяконов митрополита Ионы»

Сочетание обоих способов выражения притяжательности представлено, например, в предложениях: «Туту щурове рано въспели жалостные песни у Коломны на забралах на воскресение на *Акима и Аннин день*» (Слово Софония Рязанца о Кулик. битве; по списку конца XVI в., лист 221).

Возможны при этом в старом языке и языке XVIII в. также образования притяжательных прилагательных, необычные для нас; напр., от множественного числа:

«И после смерти ево таможенной голова по той поруке за него, Кирьяка, те пошлины доправил на ево, *Микитинской*, жене... (Хоз. Мороз., II, № 96, 1660 г.). ...У вдовы Матрены *Микифоровския* жены Плещеева (Дело Ник., № 114)¹.

Роспросныя *стрелецкия* речи, которая были на карауле у Никитицких и у Смоленских, и у Троицких ворот про патриарш же приезд (Дело Никона, № 114) = «...речи стрельцов, которые были на карауле...»; с переводом притяжательных прилагательных в тип общих: А вчерась они [бесы] воопче просили, чтоб им позволили опять пребывать здешняго города в некоей *сапожной* жене, которой имяни не сказали... (Куранты) = «...в жене сапожника...». В комнату, где лежали часы, входили только двое: подрядчик и племянник *судейский*... (Новик., Трут) = «племянник судьи». Племянник *судейский*, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека (там же).

Притяжательные прилагательные от существительных множественного числа в древнерусском языке, вообще говоря, не образуются. Лишь изредка можно встретить, например: «...и по *старожильцовым* и окольных людей *скаскам*...» (XVII в., Фех.-Чех.,

¹ Ср. такие конструкции как архаические пережитки в речи дякона Ахиллы у Н. С. Лескова в «Соборяхнах»: ...отец протопоп, больше ничего в этом случае нельзя сделать, как, позволте, я на *отца Захарыну трость* сургучную метку положу...; ...если бы только не видел *отца Савелиевой прямоты*...

Как специальный случай можно отметить в записи Милытина евангелия 1215 г. — «В голодное лето написах еуангелие и апостол... а повелением милытиномь лукиничьмь ...», т. е. от имени *Милыта* образовано, как обычно, притяжательное прилагательное и ему ассимилировано также и отчество (в роли прилагательного).

I, № 134); «а у правые грамоты *печати писцовы*» (там же, № 65), — речь идет о нескольких писцах ...по сыску и по *старожилицове сказке*... (XVII в., Фед.-Чех., I, № 98), — смысл «по сказке [по показаниям] старожильцев».

Возможны иногда прилагательные даже как замена существительных в других падежах: *Смертный закон* имеют о взятках *народных* и о нападках на него (А. Матв.) = «о взятках с народа». Пою того героя, Который во хмелю беды ужасны строя, В угодность *Вакхову*, средь многих кабаков, Бивал и опивал ярыг и чумаков... (В. Майков) = «в угодность Вакху», т. е. с заменой дательного; ср. у Ломоносова: Но мы не можем удержаться От пеня *твоих похвал* («похвал тебе»).

К середине XIX в. такие конструкции становятся всё более редкими и воспринимаются (ср., напр., «Страшись поэтовой любви» у Тютчева) как архаические или служат целям намеренной архаизации. Наиболее жизнеспособными оказываются только прилагательные типа *Манин, Танин, мамин* (гл. образ. от собственных имен), как, вообще говоря, не имевшие соперников, по крайней мере, в сочетаниях с родительным множественного («Тань» и «Мань» — достаточный раритет в практике языка). *Александров, Петров* и под., хотя в этом отношении не отличались от них, не выжили, видимо, по мотивам омонимичности в форме мужского рода с родительным множественного имен существительных и с распространенным типом фамилий (борьба с омонимами в истории языка бывает иногда более радикальной, чем это полезно по сути дела).

§ 6. Синтаксическое употребление форм имен прилагательных членных и нечленных.

Современное распределение в литературном языке членных (местоименных) и нечленных (именных) форм прилагательных, первых — в роли определений, вторых — в роли сказуемых и определений предикативных (*высокий дом*, но *этот дом высок*, *пришел он грустен*), принципиально соответствует отношениям древнерусского языка, с очень сильным, однако, сдвигом в сторону расширения прилагательных членных. Обследование Синодального списка I Новгородской летописи (XIV в.) дало возможность Е. С. Истриной¹ сделать выводы, в основном, но не без более или менее значительных отклонений в ту или другую сторону, приложимые и к ряду других памятников с относительно чистым русским языком.

1. Членные формы употребляются, «когда определение не имеет в общем смысле предложения существенного значения и не отличается энергичностью проявления»: *Заложиша великий*

¹ Е. С. Истрина, Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синод. списке I Новгородск. летописи. — Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. наук, XXIII, I, 1918 (1919), стр. 33—62.

мост выше старого моста (216), и под. Ср. в «Хож. Аф. Никит.»: раба своего грешного, грешное свое хождение, образом лютаго зверя, травы розныя ядят, и под.

2. Нечленные формы выступают в случаях, когда прилагательное «означает признак, применяющийся к предмету как результат акта мысли, результат умозаключения... Значение именной формы прилагательного может быть определено как значение предикативное».

Этой формулой охватываются случаи: 1) где имя прилагательное представляет сказуемое: ты еси слеп (132), и ради быша вси по граду (21); 2) где имя прилагательное выступает в роли предикативного атрибута: а сам приде сдрав (262), вси придоша неврежени (117); 3) в случаях, где имя прилагательное представляет второй косвенный падеж (вин., дат., род.) предикативного характера: не даша его жива (135) (= «не дали его живым»), и створиша волость их пусту (86); 4) где имя прилагательное представляет определение к имени существительному — сказуемое: дивно оружие молитва и пост (289), и бяше град тверд Юрьев (277) = «Юрьев был твердый (крепкий) город»; 5) в случаях, где прилагательное, хотя и представляет определение, заключает в себе значительную весомость высказывания: и умылиша свет (= «совет») зол (274), придоша sweи в силе велице (251); 6) в случаях предикативного обособления: отец же, поган сы (= «будучи язычником»), ласкаше его остатися веры хрестьяньския (281), князь Ярослав Всеволодович, позван царем татарскимъ Батыемъ, иде к нему в орду (249), и под.; 7) в установленных речениях (фразеологизмах).

Ср. к 1): А город каменной, велик и высок. ...А с приезде у тово города пятеры ворота в город, а ворота широки и высоки (Мат. пут. Ив. Петлина, 292). Город велик добре, каменной; бел — что снег. Переходной ко 2-ому — с полупредикативными связками: А ныне де остались живы полуголова Федор Якшин... да стрелцов с триста человек и болши (Мат. Раз., I, № 3). ...Князь Никита писал, что они, казаки, училились силны (там же, II, № 23). Ср. и: ...И те, де казаки, учинясь воровски силны, в Астрахань Саратовскою дорогою не поехали (там же).

к 2) ...А у образов подписи нет, а образы писаны мудрены (Мат. пут. Ив. Петлина, 293). ...а июля в 4 день отпущен болен (Прих.-расходн. книга Разряда, 1625 г.). ...а в последнем смотре августа в 17 день написан отпущен ранен (там же). ...а здесь мужики сказываютьца бедны, что у них животов и хлеба ничево не было (Письмо бояр. Н. И. Одоевского, 1650 г.). ...А они де пеши ушли от них в яругу (Мат. Раз., III, № 7). Да товож числа... приехали на Валуйки пеши московские стрелцы (там же). Ср. еще: ...И Стенка Разин, напився пьян, голов останавливали [sic!] (Мат. Раз., I, № 24). ...А у них будет на их крестьянских жеребьях в тех годах хлеб родится добр, и тот доброй

хлеб велят с их крестьянских жеребьев иметь на Бориса Ивановича (Хоз. Мороз., I, № 110). Да с тем же крестьянином прислал ты вошву, и та вошва принята цела (там же, № 181). ...и то им совершенно отдано и от таких людей учинены они отменны... (Из актов при «Созерц. кратк». С. Медв.).

к 3) Дати ти пут чист (Моск. грам. 1368 г.). Изыскати отца духовного добра боголюбива, и благоразумна, и расудителна... ни сребролюбива, ни гневлива (Домострой, 14). ...и православного б крестьянства державу сохранил мирну и целу, недвижиму и непоколебиму... (Грам. Иоанна Грозн. 1580 г.). ...А его, вора и крестопреступника Стенку, самого было жива взяли... (Мат. Раз., III, № 3). ...Коли то ведетца, что боярскую землю пусту покинуть? (Хоз. Мороз., I, № 119). И Смирной, государь, Гольцов писал, что принял жеребца здорова и целоножна (там же, № 52).

к 5) А в Гиляни душно вельми да парищо лихо, да в Шамахеи пар лих... (Хож. Аф. Никит.). ...и до Тесова от Новагорода мосты поправлены, только худы, без призору... кладены бревнишки худы, и на неделю их не станет (1602 г., Дела Тайн. приказа, II). Стоят башни же велики и высоки и белы — что снег... (Мат. пут. Ив. Пелина, 293). И мы де такова судна велика и хороша на той реке не видали, ни слышали (там же, 295). И вам бы, господине... послати сына боярского добра и сверстна... (Грам. бояр из Владим. чети, 1611 г.) ...Велел я, холоп твой, ему оставить в тех городех в воеводах на Курмыше из Костромы дворянина добра, в Ядрин из Галича дворянина ж добра... (Мат. Раз., III, № 47). ...В Темникове де городе стоят воровских людей полон город (там же, № 57). Пришол посол нем. принес грамоту не писаную [во втором случае вопреки ожиданию членная форма] (Стар. сборн., XVII в.). А будет тебе самому недосуг, то тебе б приставить человека добра (Хоз. Мороз., I, № 58). Ниже, уже в соответствии новой тенденции: А как черенки прививати, и тебе б приставить пристава доброва. А которой золу худу привезет, таких бити батоги и ту худую золу велеть высыпать у них на земь... (там же, № 156). Всех было нас 20 филюг и бежали все вместе, а потом припал ветер безмерно велик, и почало филюги отрывать от берегу моря... (Путеш. П. Толст.).

К возможному безразличию выбора форм см., однако: ...и с едину страну его женгел («лес, чаща») злый, а з другую страну дол и места чюдна и угодна велми (Аф. Никит.).

Возможность употребления кратких форм имен прилагательных в функции определений для постпозитивного положения еще вполне определена для XV века: «а заложено у не[го] в тех денгах *чепь золота*, да *пояс золот*, да *ковши золот...*» (Духовная кн. вологодского Андрея Вас., 1481 г.).

С приведенным материалом интересно сопоставить данные, полученные полным обследованием такого в общем отражающего

разговорный язык памятника XVI века, как «Домострой»¹. Как правило, в функции сказуемого в нем употребляются нечленные формы (отступлений на весь памятник — только шесть случаев²). Обычно в функции определений выступают формы членные. Нечленные употреблены в более или менее определенных условиях. Такие формы в именительном падеже единственного числа обычны для прилагательных в постпозитивном употреблении, сообщая им известную подчеркнутость «судия нелицемерен», «жена добра веселит мужа» и под. В существенном то же наблюдается и в других падежах: «жены ради добры», «всякому человеку богату и убогу велику и малу розсудити себя...»; «изыскати отца духовного добра, боголюбива и благоразумна и разсудительна» (ср. характер всех этих выражений, параллельный сказанному под 5).

Заметна тенденция в членной форме употреблять субстантивирующиеся прилагательные: «и всякого скорбна и бедна и нужна и нища не презри»; «и стару и малу», «смиренна бог любит», хотя такого рода выбор формы, по крайней мере частично, может быть отнесен и на счет другого обстоятельства — сохранения некоторых нечленных форм во фразеологизмах (отчасти церковнославянского происхождения).

Два случая нечленной формы в предложном падеже: «о добре (добрѣ) жене», «в добре наказании» (дважды) могут быть объяснены как выражение тенденции, отмеченной в 5). «Во всяком блазе (блазѣ) совете», «во блазе мире»; «в мале (въ малѣ) бо ся ослабиши в велице (въ велицѣ) поболиши» носят на себе явные следы перенесения их из церковнославянского языка.

Во множественном числе в роли определения нечленные формы в памятнике вообще очень редки и встречаются только в именительном падеже³.

Специальный вопрос представляет употребление в тех или других формах прилагательных материальных, группового свойства и притяжательных. В Синодальном списке I Новгород. летописи прилагательные на *-ыск-* употребляются почти исключительно в членной форме; в членной же форме выступает ряд прилагательных, вроде *передний*, *дверьный*, *мясопустный*. Материальные преобладают в членной форме: замки железныя разбиша (131), одъраша... светилна сребрная (140), — факты, естественные с точки зрения отмеченных выше тенденций.

¹ С. Д. Никифоров, Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку, — Записки Моск. гос. педаг. инст. им. В. И. Ленина, XLII (1947 г.), стр. 71—75.

² Автор ошибочно называет семь, упоминая случай, где членная форма — не в сказуемой функции. Из других шести малодоказателен случай: «А коли пир большой, ино всюду самому дозирати», так как к *большой* нет параллельной (этимологической) нечленной формы.

³ Единственный пример творительного «с солью и кислы штями» относится к сочетанию, фактически превратившемуся, вероятно, в сложение (сoppositum).

Наоборот, притяжательные прилагательные выступают в формах нечленных: из гриднице владыщне (217), на княжи дворе (185), по наущению ярославию (214), и под.

К последним ср. и в позднейших памятниках: матерья молитва (Домостр., 16), служке мужска полу (Домостр., 16), на владычень двор (Сказ. о Пск. вз., 7). ...а не в дом патриарш (Дело Ник., № 42). ...остался в Манычье в казачье городке (Мат. Раз., II, № 26), на гостине дворе (там же, № 30), ис казачья городка от Курман Яру (там же, IV, № 5).

Для памятников первой половины XVI в. Унбегаун, указ. соч., стр. 339, обычными считает у прилагательных на -ьѣ членные формы.

Что касается материальных, то в отличие от тенденций, отмеченных в Син. списке I летописи, в других памятниках прилагательные материальные (и родственные им, напр., названия цветов) в имен. пад. ед. ч. встречаются нередко, особенно в пост-позитивном употреблении, в нечленной форме: Да сагадак золот со яхонты, да седло золот (Хож. Аф. Ник.). Да чепь у него велика железна во рте (там же). Терем шидян [шелковый] с маковицею золотою (там же). Оплечье объярь черлена, шапка на нем отлас черлен, бархат червчат гладкой... да кафтан бархат зелен рыт (Отч. Я. Молв.). Живут себе мешь гор и лесов по речкам; горы каменны, а леса черные, болшие (Мат. пут. Ив. Петлина, 272). ...и на корм дали мяса оленья (там же, 275). ...да кумыз из молока же кобылья (там же). Зипун, тафта бела... (Выходы). Чюга, объярь золотная по рудожелтой земле, травы золоты с серебром... (там же), перевезь золота звенчата (там же), бархат червчат двоерох (там же), и под.; ср. и — по 5 гривенок коровья масла (Хоз. Мороз., I, № 48).— Мерин ворон... Мерин рыж... Мерин карь... Жеребец гнедо-пег... Кобыла рыжа... Мерин коур... Мерин саврас (Дело Ник., № 106). Кобыла игреня сросла, кобыла гнеда 5 лет да мерин чал сросл, да жеребенек игрень (Хоз. Мороз., II, № 6).

При этом очень нередко явное колебание без специальных оснований: да камку красную, да камку желту (Мат. пут. Ив. Петлина, 299). ...по нем [бархату] травы петелчеты серебряны, нашивка золотая... (Выходы)¹.

С суффиксом -ьск-:

Он же, Никон, лечит мужеск пол и женск в крестовой келье (Дело Ник., № 24) ... что он излечил мужеска полу и женска и девок многое число (там же, № 94).

Если положиться на свидетельство, напр., такого памятника, как Судебник 1497 года, то мы видим, что к концу XV в. факты, относящиеся к распределению членных и нечленных прилагательных, почти полностью совпадают с современными и только в относительно немногом дают о себе знать старые тенденции; ср.:

¹ Ср. примеры у И. Ягича — «Критические заметки», стр. 126.

А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен... ино наймита наняти волно (52),— суть дела тут в признаке, названном прилагательным. Идут в этом памятнике по именному склонению еще притяжательные на **-ь, -ий**: без наместнича доклада (собственно «без доклада наместнику») и без дичаи подписи (18) (ср. 42: без дичаей подписи), опять-таки в духе старых тенденций.

В современном литературном языке прилагательные с суффиксом на **-ск-** и другие прилагательные со значением группового свойства (*охотничий, лисий*), а также материальные, употребляются только в членной форме; притяжательные же на **-ин, -ина, -ино, -ов, -ова, -ово** — только в нечленной. Нынешнее распределение фактов в сопоставлении со свидетельствами памятников позволяет отметить одну общую морфологическую черту имен прилагательных, вообще говоря, не употреблявшихся или редких в сказуемой функции,— различие членных и нечленных форм при них не имело серьезного синтаксического значения, и поэтому они обнаруживали тенденцию отходить полностью или к тому, или к другому типу.

Поскольку прилагательные со значением группового свойства и материальные функционируют преимущественно как определения, естественно, что в конце концов всё-таки возобладал общий для определений морфологический тип — членные окончания. Что же касается притяжательных форм на **-ов, -ин**, то русский язык,— и в этом отношении путь его развития совпал с тем, что мы имеем в украинском, чешском, польском и др.,— не выработал вовсе параллельных членных, и это тем примечательнее, что притяжательные прилагательные достаточно употребительны и в функции сказуемых и в функции определений. Причина лежит, по-видимому, в специфических свойствах притяжательности, не нуждающейся, как и имена собственные, в дополнительном указании; ср. отсутствие члена при именах собственных в языках, в которых член — типическая особенность их синтаксической и морфологической системы.

Обращает на себя внимание давнее отсутствие нечленных форм к членным у прилагательных на **-ний**: *поздний, ранний, прежний, дальний, сыновний, мужний* и под. Это объясняется значениями последних — прилагательные на **-ний** вообще обозначают понятия, связанные с пространством, временем и отношениями родства и свойства, мало употребительными в роли сказуемых. В старинном языке возможны были и нечленные формы: Он же, Никон, жонку брюхату, служню жену, выдал за муж в неволю (Дело Ник., № 94).

Страдательные причастия прошедшего времени особенно долго сохраняют свою предикативность и потому часто употребляются в нечленной форме: А пытан тать на себя не скажет, ино про него послати обыскати (Судебн. 1550 г., 56)— собственно «будучи пытан». Кто на пир придет пити незван...

(Акты Арх. ком., I, № 143). Ср. и: А тот площадной подьячей Егорко Петров у него, вора Илюшки, был взят и держал его связана (Мат. Раз., III, № 84).

Однако чаще, чем прилагательные, они выступают в нечленной форме и в функции атрибутивной (в роли определений) или приближающейся к ней: Ожерелье на цках, на золотых, разрушано, с яхонты и з жемчуги (Моск. грам. 1509 г.). Первый, Парфентий, возьмет клубочек, по бархату червчатому шит серебром... второй, Михей, возьмет колокольцы серебряные позолочены (но тут же: третий, Леонтий, возьмет обносы и должик, тканые, с золотом волоченым) (Урядник, 16). Четыре пуговицы серебряные золочены, девять королков червчетых, две пуговицы хрустальных (Мат. Раз., II, № 9). Два колпока ветхи червчетые, стегоны по дорогам (там же, из описи). Шапка вишневая суконная с куницею, поношана (там же). Две подушки покрыты выбойкою (там же). Четыре шандана медных, один ломан (Дело Ник., № 105). Две кочерги, одна вся железная, другая посажена на дереве (там же). Рукавицы персчатые с кистями серебряными, низаны по местам жемчугом, подложены атласом лазоревым (там же). ...А в них живут старицы пострижены (Хоз. Мороз., II, № 6).

Поддерживали такое употребление случаи вроде: Миткалю белого, шит шалками розными, опущен дорогами и киндяком, подложен посконною холстиною в ту ж меру (Дело Ник., № 105). Пара пистолей попорчены (там же). ... Кладет перевязь с письмом, в бархате застегнуто (Урядн., 21) — с определенно сказуемым употреблением нечленных причастных форм. Возможно, что часть приведенных примеров атрибутивного употребления читалась с паузой («запятой») перед причастиями, и последние тогда могли пониматься как сказуемые. Особенно способствовало сближению сказуемых и атрибутивных сочетаний такого рода постпозитивное употребление последних, отчасти развившееся непосредственно из сказуемых, отчасти внешне напоминавшее порядок слов при предикации.

Об употреблении кратких форм имен прилагательных и страдательных причастий в дательном падеже при инфинитивах, сочетающихся с безличными сказуемыми, см. в § 12.

§ 7. Изменения в согласовании множественного и двойственного числа у прилагательных и у родственных категорий.

Имена прилагательные, местоимения адъективного типа и типа и формы причастий, включая несклоняемые на -л, в древнейшем славянском языке, как и сейчас в ряде славянских языков, обладали различием по грамматическим родам и соответственно согласовывались с именами существительными не только в единственном числе, как теперь, но и во множественном и двойственном. В настоящее время эти различия, как известно, устранены

(ср. Морфология, § 36). Первые случаи смешения грамматического рода А. И. Соболевский (Лекции⁴, стр. 209—210) отмечает в русских памятниках XIII века. В общем, однако, нарушения старого согласования немногочисленны, и процесс установления однообразной формы множественного числа отражается в памятниках медленно, с значительными колебаниями, проходя через XIV и XV век. Впечатление от материала таково, что данное согласование обнаруживает тенденцию к нарушению раньше в сказуемых формах, медленнее — у прилагательных в функции определения: дьяконисы истязани будутъ; [жены] да быша любимы были и под. (Рязан. Кормчая 1284 г.); аще быша силы были (Дух. грам. новгор. Климента, XIII в.), жены ужасни быша (Еванг. 1355 г.); ...что ми ся достали мѣста рязанская... (Дух. грам. вел. кн. Ивана Иван., 4 экз., ок. 1358 г.); знаменья яже даны ему (Чудов. Новый завет, XIV в.) и под. Также, по-видимому, раньше, чем членные прилагательные, утрачивают былую гибкость этого согласования нечленные. Относительно рано начинаются нарушения и у местоимений, особенно с окончаниями, отличными от имен прилагательных (тѣ вм. «та» и под.).

Что касается нарушения согласования в двойственном числе, то его мы имеем, например, в духовной грамоте вел. князя Ивана Данил. Калиты: 2 чашки круглы золоты, 2 селѣ коломенский. По отношению к женскому роду, как видим, раньше, чем средний, утратившему особые приметы двойственного числа также и у имен существительных, утрата былого согласования — совершенно естественное следствие этого факта.

§ 8. Перерождение форм сравнительной степени прилагательных.

Около XII в. формы сравнительной степени имен прилагательных, вступавшие в те же виды согласования с существительными, которые характерны были для прилагательных вообще, начинают обнаруживать в памятниках признаки утраты согласования. Вот несколько приводимых А. И. Соболевским (Лекции, 4 изд., стр. 227) ранних примеров утраты согласования: Не еси *богатѣ* Давыда (Златоуст. XII) — вм. «богатѣй»; аже *капъ* *льгче* будетъ (Смол. грам. 1229 г.) — вм. «льгѣши». Нѣсть *солъ* *боле* пославшаго (Пандекты 1296 г.) — вм. «больѣй». Колми *человѣкъ* *лучши* овѣчати (Еванг. 1354 г.) будетъ *боле* или *меньши* (Духовная Дмитрия Донск.). Из других ср. в Син. сп. I Новг. лет., где согласование еще сохраняется: *Градъ* же яко яблѣковъ *болъ* (90.—Истрина). И *той* *монастырь* грады и селы и златом *богатѣ* инѣхъ всѣхъ монастырей во Цариградѣ (Путешеств. Антония конца XII в. по списку XV в.).

Формальный переход в наречия, по-видимому, подготовлен был фактическим употреблением сравнительных форм по преимуществу в роли обстоятельств, — примыкающих слов при глаголах и об-

разованиях, входящих в их систему. Сочетания вроде «ударить сильнее», «бежать быстрее», «сделать лучше», как господствующие, послужили образцом для случаев, где сравнительная степень выступала в роли сказуемого: а тамо того *силнее огонь* (Син. сп. I Новг. лет., 301,—Истрина). Не седи на преднем месте, егда *кто честнее* тебе будет (Домострой, 10). ... не умрет, но *здравие будет* (там же, 17). ...и приезде есмя твоему добре ради, а того *будем радостнее*, как от тебя услышим про... царя и великого князя Московского здоровье (Отчет Я. Молв.). ...ино отец твой в том век изжил, а ты не хочеш, большое [sic!] ты *лучше* отца, что отца своего чину не хочеш (Список с грам. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.). ...а тот город тово *краше и хорошии* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291). ...а в том городе торги тово *силние*... по утру не продерешься промежу людей (там же)¹, — употребление, наряду с которым еще долго держится, видимо, книжное, вроде правильных старинных форм: Аще дарует бог жену добру, *дражаиши* есть камни многоценного (Домостр. 20).

Со стороны чисто формальной в основе нынешних наречий сравнительной степени лежат имен.-вин. ед. ч. средн. р.: *выше, сильнѣе*² и именительн. мн. ч. муж. р. *лучше, больше*. Относительно частые в памятниках формы на *-ши* скорее всего восходят к формам именительного падежа ед. ч. жен. рода.

Самые употребительные образования — *больши, меньши, больше, меньше, выше, ни же, горше*: А будет ездю *больши* рубля или *меньши* до которого города (Судебн. 1497 г., 28). ...да не ...наведем на ся казни *горши* первой (Пов. о Пск. взят., 12). А кто *взыщет* человекех на трех или на четырех по жалобнице, а напишет в жалобнице человек *десять* или *пятнадцать*, или *болши* или *менши*, и те два или три за себя и за иных товарищев *отвечают*, а за иных не *отвечают*... (Судебн. 1550 г., 20). ...Литра или *болши* золота (Домостр., 41). А в полон взяли *воровских казаков болши* шти сот человек (Мат. Раз., III, № 14). А у него, товарища моего..., *ратных конных людей* не мало, а *пеших менши* (там же, 47). А будет дело *выше* рубля, или *ниже* рубля, и им *имати* пошлины по розчету, а *болши* им того не *имати* (Судебн. 1550 г., 8). И *ис* тех *думных дьяков посолской дьяк*, хотя *породой* бывает *менши*, но по приказу и по делам *выше* всех (Котош., 23). А те их *дети* от *малые* части *дослужатся* *повыше*... (там же, 28).

Для редкой в разговорном языке функции сравнительной степени — функции атрибутивной (определения) язык выработал формы сравнительной степени (и одновременно превосходной) обычного типа прилагательных: *меньший, больший, луч-*

¹ Ср. и переходные случаи вроде: ...А с тобою *перелаиватися* и на сем свете тово *горее* и *нет* (Список с грам. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.).

² Формы на *ей*, вероятно, восходят к ним же, хотя не исключена и возможность, что, по крайней мере частично, на образование их влияли также формы им. пад. ед. ч. мужск. рода.

ш и ѣ, младш и ѣ (последнее с явными признаками книжности)¹ и под., причѣм управление их родительным падежом фактически не вошло в употребление и потому между ними и настоящими формами сравнительной степени нет действительного параллелизма.

Ср. многочисленные примеры, вроде: ...набрать самоцветно камня, болшово и середнева и меншово (Мат. пуѣ. Ив. Петлина, 303).

У писателей XVIII и начала XIX в. встречаются искусственные по старославянским образцам конструкции типа: ...устами, *сладчайшими меда*, Вот что ему Дамаянти сказала (Жуковский); Виктор ... впадал нередко ... в грусть, может быть *сладчайшую самой радости* (Марлинский); Я сгорала любопытством, желая увериться в своей догадке; скоро к нему примешались чувства *нежнейшие* (Марл.).

Перенесение наречных форм сравнительной степени и в определѣния, выработавшееся едва ли не исключительно в письменной речи, — черта «несинтаксическая» в том смысле, что подобные формы обычно обособляются ритмомелодически: А бывают с теми послами в ответах бояре: один боярин ис первые статьи родов... другой, *менши того*, той же статьи родов или другой (Котош., 65).

В XVI—XVII веке употребление форм сравнительной степени (наречное) и превосходной (адъективное) уж очень близко к современному нам; ср., например, в грамоте самого начала XVII века (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.): «...и кто иных докторов есть в Любке навичных, и есть ли того дохтора Ягана к дохторскому делу *лутче*, или он изо всех *лутчей?*»

§ 9. Синтаксические особенности имен числительных.

Нынешние синтаксические отношения при количественных числительных представляют собою результат своеобразного перерождения системы, существовавшей в древнерусском. *Дѣва*, *дѣвѣ* искони являлись прилагательными, согласовавшимися с именами существительными в двойственном числе². *Три*, *четыре* были тоже

¹ Ср. в древнерусском: А молодшие люди на дворе стояли (Сказ. о Пск. взят., 7). Боярскому человеку молодчѣму или черному городскому человеку молодчѣму... (Судебник, 1550 г., 26). И в тех кругах говорили казаки молодчие люди (Мат. Раз. IV, № 22).

² Правильное употребление форм двойственного числа в древнерусском держится приблизительно до второй половины XVI в.; но и нарушения во второй половине XVI в. еще относительно нечасты (см. Соболев, Лекции, стр. 205—206). В новгородских памятниках нарушения правильного употребления раньше констатируются для мужского и среднего рода (древнейшее свидетельство — 1270 г.; ср. и отмеченный Соболевым более ранний пример в ростовском Житии Нифонта 1219 г.: «помози рабом своим Ивану и Олексию написавшема книги сии»), для женского — начиная со второй половины XV в., — В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, — Вопр. слав. языкозн., I, 1948, стр. 49; наоборот, в московских — раньше для женского рода (Духовная в. кн. Ив. Калиты).

прилагательными, рано утратившими различие по родам и согласовывавшимися с существительными во множественном числе — *три кони* и под. **Пять, шесть... десять... двадцать...** представляли собою старинные имена существительные со склонением типа *честь, чести* и т. д., *страсть, страсти* и т. д. Как имена существительные, они управляли родительным падежом (мн. ч.) существительных: *пять домов* и под. С утратой двойственного числа как морфологической категории, сочетания вроде *два дуба, два коня* стали восприниматься как сочетания **два** с родительным падежом един. числа, и под влиянием такого понимания и старые сочетания **двѣ сестрѣ, двѣ горѣ, двѣ селѣ, двѣ поли** изменились в *две сестры, две горы, два села, два поля* (двѣ жены; Ипат.: двѣ чары... двѣ чашки). Ближайшие числа **три** и **четыре** утратили свои прежние синтаксические особенности и уподобились своими сочетаниями отношениям при **два, две**. Этим было достигнуто известное приближение к конструкции при **пять** и т. д., где тоже имело место управление родительным падежом (хотя и множественного числа)¹. В косвенных падежах сочетание **двух**,

Формы дв. числа личных местоимений заменяются формами множественного числа уже в древнейших русских памятниках. Особая судьба местоименных форм сравнительно с именами существительными легко получает свое объяснение для 1 лица: **вѣ** «мы оба» самим корнем выпадало из и без того пестрой (супплетивной) системы склонения 1 лица и относительно легко поддалось замене.

¹ На хронологию установления родительного ед. ч. вм. именительного мн. ч. указывают примеры из Судебника 1550 г. сравнительно с Судебником 1497 г.: ...четыре алтыны с денгою (Судебн. 1497 г., 5). Да неделщику ж вязчего 4 алтыны (6). А три годы поживет... А четыре годы поживет... (57) ...ино судити по тому ж за три годы (63); единственный пример род. ед.—ино судити за три года (там же). В Судебн. 1550 г. уже имеем: ...а дияку четыре алтына (10). ...да за доспех убитого три рубля (11; ср. 12: три рубли). ...да неделщику ж вязчего четыре алтына без двух денег (там же). Отдельные случаи сочетаний с имен. мн. встречаются однако, и позже: ...да у Игошки взяли три топоры (1579 г., Акты юр., 92 № 46). А ставитца на той пожне сена и с чищеною четыре возы (Купчая 1598 г.). И гонемых у него три мерины есть (1601 г., Акты юр. 287, № 278). ...а держати охотником на яму... по три мерины добрых... (Поручная костромск. посадск. людей, 1604 г.). ...посланы на Белоозеро Донской атаман Олеша Старого да с ним Донских казаков четыре человека... (Память в Стрелецки приказ; 1625 г.—Донск. дела I, 261 стр.). ...и мы, великий государь..., послали к вам, Надырь Магомету царю, ...нашие царские потехи 4 кречаты да 2 пуда кости рыба зуба (Грамм. ц. Мих., 1645 г.). ...как за тобою, государем, жили годы по 3 и 4 (1652 г., Хоз. Мороз., I, № 190). На колоколне колокол в четыре пуды (1671 г., Акты юр., II, 229, № 139). А города в Мугалской земле деланы на четыре углы (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). ...И поперег город перегорожен каменными стенами в дву местех, ино станет три города (Хожд. на Вост. Котова, 80). И всего в персидской земли четыре праздники (там же, III).

Еще в начале XX в. были разговоры, где в употреблении были сочетания *три годы* и под. Ср. напр., Матер. для изучения великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, 1903, № 46.

Частично, вероятно, в отдельных говорах, под влиянием этих конструкций с **три** и **четыре** попадали и сочетания с **два**. На посаде 21 двор, да 2 дворы

двум и т. д., как и трех, трем... **четыре**х, **четыре**м, с именами существительными сохранило прежний характер согласования. Установление сходства *два дуба, три дуба* с конструкциями *пять дубов...* явилось отправною точкою для дальнейшего уподобления: вместо *пяти дубов, пятью дубов* и под., по образцу *двум дубам, трем дубам, двумя дубами* и под. стали говорить *пяти дубам, пятью дубами* и под.

Алтынковым послом 3-им человекам да киргизскому послу да людем их, всего 9 человекам, меду и пива давать всем собча по полведру меду да ведру пива на день (Мат. пут. Ив. Петлина, 300).

Не совсем подчинились подобному влиянию сочетания с **тысяча**, но ср.: ...И о десяти тысячах ефимкех за послов наших безчестие... (Спис. с грам. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.). Я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячью рублями (Тредиак.). ...Чтобы тысячам девочкам На моих сидеть сучках (Держ., Шуточное желанье), — употребление, перешедшее и в современный язык.

В значении денежной оценки вещи и под. издавна в употреблении было сочетание в с предложным падежом количественного имени числительного, согласуемого с этим же падежом существительного; например: «...вели, г-рь, нам на того Кузму в его насильстве и в пустошном владенье и в мелничном доходе *во сте и пятидесять рублех дати свой царский суд и управу*» (XVI в. Фед.-Чех., II, № 115). Эта конструкция вполне обычна еще и в первой половине XIX века. См., напр.: «...Пять дней возились мы с нею таким образом: я бесился, грозил бить бездельника, наконец должен был *взять* от него *бесполезное животное в трех стах рублех*, до расчета» (Сенковский, Предубеждение).

Употребление прилагательных при подобных сочетаниях в древнерусском представляло такие особенности:

Прилагательное стояло обычно не впереди существительного, как в других случаях, а за ним, причем возможен был при именительном падеже числительного двоякий тип связи — более тесной с согласованием прилагательного с именем существительным в родительном падеже (но, после утраты категории двойственного числа, только в виде множественного числа) и менее тесной — с именительным множественного (так, как если б после существительного стояла запятая — знак паузы). Ср. напр.: а) Мы-

пусты (1615 г., Акты юр., II, 51, № 128). У той избы в исподи два мосты (1636 г., III, 377, № 347). Взял два ковры вечанья (1660, III, 260, № 328), — известные и теперь в диалектном употреблении, но не приобретшие широкого распространения.

С. Д. Никифоров, Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в., — Вопросы славянского языкознания, I, Львов, 1948, стр. 151—152, формы на **ы** (и) для изучаемого им. времени считает еще преобладающими при **три** и **четыре**.

замылок, да Мекхан, да Форот хан, и те взяли три города великих... (Аф. Никит.). ...две пуговицы хрустальных (Мат. Раз., I, № 9). ...а в ней три места дворовых (Новг. писц., 1582 г.). А держати охотникам на яму... по три мерины добрых... (Поручная костромск. посадск. людей, 1604 г.). ...три ложки оловяных, четыре торелки оловяных, три кувшинца стеклянных (Дело Ник., № 105). ...три двора крестьянских (1662, Сб. гр., IV, № 24). 3 овина новых (Хоз. Мороз., II, № 6) и б) два ковша золоты (1389, Сб. гр., I, № 39). Четыре пуговицы серебряные, золочены; два колпока ветхи, червчатые, стегоны по дорогам (Мат. Раз., I, № 9). ...два замка прибойные с ключами, два щипца железные; ср.: пара пистолей, попорчены (Дело Ник., № 105). Реже случаи вроде: две круглы гривенки (1328, Сб. гр., I, № 213), две вдовые попадьи (1673 г.; Акты юр., 356, № 231).

При наличии двух прилагательных, не соединенных союзом и, с XVI в. в памятниках в употребление входят как распространенный оборот родительный множественного у первого и именительный мн. у второго: три одnorядка лунских черлены, четыре паникадила медных малые, восемь лапок лисьих красные (Потебня).

Реже: 3 намета козловые желтых да 2 красных (Розыские дела о Фед. Шакловит., IV, стр. 152), и под.

Естественно, что исконное управление родительным множественного числа имени существительного при пять... десять... более способствовало установлению согласования с родительным множественного, поэтому в настоящее время, когда прилагательное заняло обычное вообще в русском место прилагательных (перед существительным)¹, в данных конструкциях в употреблении остался только родительный падеж множественного числа прилагательного: *пять высоких дубов, десять зеленых тополей*².

¹ Ср. и древн.: И, взяв его, те рядовые два сокольника, Никитка и Мишка... (Урядн., 19).

² Для влияния на синтаксические конструкции с два, три, четыре конструкций с пять, шесть и т. д. ср.: ...За подмогу и за льготные лета десеть рублей московская по сей записи (Порядная 1599 г.). Характерны др.-русские сочетания, на которые обратил внимание Потебня: по образцу — Работа другую семь лет (Лавр.). О чом же ты не искал на Ивашке в ту шесть лет...? (Правая грамота Савво-Сторожевск. монастырю, до 1470 г.). А огород ставити около поля семь жердеи добрая да два кола, а около гумна девять жердеи добрая (Судебн. 1589 г., 23). В ту семь ден (Мат. пут. Ив. Петлина, 273). В ту десять ден (там же, 286). Он, Иван, взял с них, с новых крестьян, за даточные люди другую 30 рублей (Хоз. Мороз., I, № 10). Заверстал за ту пятсот пуд моюю мягкою рухлядью (Дело Ник., № 48), — винит. пад. стал употребляться в виде: Был в Новгороде 4 недели полную (Пск. I). Дал два рубля новгородскую (Акты истор., 1556 г.). ...И они наместником Ноугороцким дадут за голову веры четыре рубли московскую (Жалов. грам. царя Василия игумену Никольск.-Вяжицк. мон., 1606 г.). В ту четыре годы, ту урочную четыре года (Юрид. акты, 1612 г.), А оброку владыке платили с тое четверти ловли 2 рубля московскую (Писц. кн. Обон. пят. 1563 г., 20—22). А от мелива емлот от четверти по 2 ден. московскую (там же, 115). ...и денги еси у Матфея у Левского три рубли московскую взял ли...? (Новг.

При два, три, четыре, сочетания которых с существительными были более своеобразны, причем согласование с последними прилагательных во множественном числе представляло тоже необычный факт, именительный мн. ч. прилагательного сохранялся дольше, и теперь, с изменением места прилагательного, мы имеем рядом: *два высоких дуба* и *два высокие дуба*, *три зеленых тополя* и *три зелёные тополя*. При этом можно констатировать, что сочетания типа *два высоких дуба*, *три зелёных тополя* употребляются чаще, и, по-видимому, в языке проявляется тенденция установить в конце концов большее единообразие соответствующих конструкций, освободившись от не укладывающихся в общие рамки.

После значительных колебаний в употреблении форм имен прилагательных — колебаний между им.-вин. падежом и родительным множ. числа¹ — к нашему времени при формах женского рода имен существительных, особенно неодушевленных, в основном возобладала форма имени прилагательного в именительном падеже: *три зелёные липы*, *две молодые женщины*. Такое употребление, более редкое при именах мужского и среднего рода, надо объяснить, по-видимому, тем, что в формах имен существительных женского рода различие между именительным падежом множественного числа и родительным единственным было меньше, чем у имен мужского рода (оно только у относительно немногочисленных слов давно давало о себе знать различием в месте ударения: *сёстры*, но *сестры́*; *го́ловы*, но *головы́*); что касается среднего рода, то его обычное морфологическое сходство с мужским должно было благоприятствовать вовлечению его в сферу свойственных последнему синтаксических отношений.

В древнерусском языке очень употребительны числительные прилагательные: *двои*, *трои*, *четверы*... *семеры*... *десятеры*... (см. Морфол., § 23). Ср.: *...двои люди*, едины смеющиеся, а другы плачущася (Дан. игум., — Срезн.). В султанов же двор *7-ры ворота* (Хож. Аф. Никит.). ...да у того же двора тын вострой да *двои ворота* (Купчая П. Скобельцына, 1579 г.). А заглядывали де те сторожи в церковные *в двои двери* дщелми и сквозе замки (Памятн. Смутн. врем., 186). *Двои очки*, *двои кресла* с наложником кожаным, *шестеры сапоги сафьянные* (Дело

запис. кабалн. кн., 1596 г.). — К возможному колебанию ср.: «...занял есми... три рубли московскую» и «...занял есми... денег три рубли московских...» (Новг. запис. кабалн. кн., 1595 г.), «...занял есмя... денег пять рублей московских» (Новг. запис. кабалн. кн., 1596 г.). «...ты ли тем площадным подьячим такову на себя служилую кабалу в трех рублех московских писати велел...?» (там же), и под.

Ср. и при сорок и пол: сорок рублей денег московскую (Акты юрид.) в тую полтора дни (Пск. I), — причем не обошлось, вероятно, и без влияния родительного-местного двойственного числа прилагательных.

¹ О грамматических предписаниях и практике первой половины XIX века см. РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 379—383.

Ник., № 105), *четверы петли* с крюками (там же), *двои клещи* поваренные (там же) (ср.: *четверы клещи* — Хоз. Мороз., II, № 6), *двои чулки* валеные (там же), *тридцать семеры сошники и лемехи* (там же), *двои возжи* волосяные (там же), *трои вачеги* суконные, *шестеры сапоги* сафьянные, *трои рукавицы* (там же). *Двои кайдалы* (= кандалы) большие да малые (там же, II, № 10). И устроены были *трои врата* триумфальные (Вед. 1703 г.).

Ср. и: 3 дыму... *по трои обувей* лаптей (Хоз. Мороз., II, № 3).

Конструкция с *двои* и под. первоначально требовала полного согласования с существительными числового наименования и прилагательного нечислового (см. приведенные примеры). Но примеры вроде: *двои сапог* красные, новые (Дело Ник., № 105), *двои рукавицы* новых, *осмеры рукавицы* ловецких, починенных (там же), *трои удела* конских (Мат. Раз., I, № 9), *двои железа* ручных (Хоз. Мороз., II, № 9), показывают, что на старые отношения разрушающе действовала пестрота семантически родственных конструкций типа: *две рукавицы* новых, *пара сапог* и под.

По «Словарю русского языка» Акад. наук (вып. 3, 1895, стр. 974), *двои*, *двоих*, в отличие от *двое*, ставилось прежде в имен. и вин. пад. при существительных, употребляющихся исключительно во множ. числе: *двои часы*, *двои сани*, *двои сутки*, но давно уже выходит из употребления и заменено формой *двое* с род. мн. Древнерусские примеры показывают, что такое различие имело основание, как тенденция, охватывавшая и названия парных предметов, издавна. Для других ср., напр.: три мережи ветхих, две бочки порозжих, четыре лодки малых (Дело Ник., № 195), и под.

Ломоносов (Рос. гр., § 487, стр. 188) узаконяет употребление согласуемых с существительными *двои*, *трои*... *десятеры* только «для бездушных вещей, которые только во множественном употребительны».

Любопытно, что почти все примеры, представлявшиеся Буславу (§ 232, изд. 3) согласованиями *двои*, *трои*... вообще со множественным числом, на самом деле подходят именно под указанное правило: *пятеры рукавицы*, *трои серги* (нормально их пара); *Двои дети* водить — одним досадить (послов. XVII в.) — «дети» могло ощущаться как специальное множ. (ср. укр. *дитина* с суффиксом сингулятива); И в помощь свою зовет ноги лише *двои* (Кант.); Что разшита легка лодочка на двенадцатеры *весельцы* (Чулк.) — «весла» воспринималось, очевидно, первоначально как понятие парное. Ср.: Да на пчельном *шестеры* пчелы (Хоз. Мороз., II, № 6), — имеются в виду ульи.

В XIX в. у Крылова еще читаем: Однако ж *пятаков* пригоршни *трои* Червонца на обмен крестьянину дают (Червонец), причем форма *трои* соответствует как раз не существительному ед. ч. «пригоршня», а понятию как множ. диалект. *пригоршни*

(только множ. ч.); у Даля: в гарнце три (трои) пригоршни. Ср. и др.-русск.: И помель бѣ соусѣкъ тѣ и в единѣ оугълѣ мало отрубѣ, яко же съ троѣ и съ четверы пригърѣщѣ (Нест. Жит. Феод., 22,—Срезн.). Оуне естъ исполнити пригорѣщи с покоемѣ, нежели двои пригорѣщи с роптаниемѣ (Пчела, Публ. библ., Срезн.). Да на царевичевых же мощех положено орехов с пригорщи (Памятн. Смутн. врем., 84).

Формы *двои*, *трои*... *десятеры* вымерли, по-видимому, потому, что, во-первых, в конечной части фонетически были близки к *двое*, *трое*, и, во-вторых, имели очень узкую сферу употребления. Это же случилось и с параллельным им *обои* (см. Морф., § 23).

Употребление *двое*, *трое*, *четверо*... *десятеро*... с родительным мн. ч. Ломоносов (Рос. грам., § 486, стр. 188) ограничивает только названиями людей, «и то по большей части niskих. Ибо не прилично сказать: трое бояр, двое архиреев: но три боярина, два архиерея»¹. В дальнейшем, с общей демократизацией стиля, как известно, ослабело значение и последнего различия, а утрата *двои*, *трои* и т. д. утвердила обязательное перенесение *двое*, *трое* на случаи вроде *двое суток*, *трое саней*.

Такие примеры встречаются уже у писателей XVIII в.: плутал двое суток (Фонв., Письма род.: ср. там же — сутки на двои), трое римских торжественных ворот (там же), — и показывают, что утрату *двои*, *трои*... подготавливал параллелизм близких по смыслу конструкций.

К старинному употреблению именительного-винительного падежа одушевленных см.: Апреля в 3 день нанял двое ребят, Худяка да Самсонка... (Прих.-расх. книги Болдина-Дорогобужск. мон. на 1585 г.). А подо мною убили на выласках двоя лошадей... (Письмо сына к отцу, 1609 г.) ...и купили трое лошадей... (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620 — 1622 г.). И двое лошадей Семеновых у вас в монастыре было ли? (Суд. дело 1648 г.).

§ 10. Особенности старинного употребления времен и видов.

О том, что река течет, впадает и под., говорится в древнерусском обычно в форме прошедшего времени совершенного вида:

А река большая скрозь по саду прошла и пала в море в том устье, где к Венеции ворота морские... (Отчет Я. Молвян.). А река Москва вытекла по Вяземской дороге за Можайском верст 30 или не много больши... А Нара река пала в Оку, ниже Серпухова с версту... А Упа река вытекла от Куликова поля с Муравского шляху... А Меча река по леву Муравския дороги

¹ Видимо, Ломоносов и для своего времени давал в этом случае неточное указание. В нынешнем литературном языке *двое*, *трое*... допускается только по отношению к мужчинам и словам, не имеющим единственного числа.

потекла, и пала в Дон, ниже града Лебядяни верст с 8. Река Донец Северной вытекла из чистаго поля... и потекла под Белград, а мимо Белград потекла и пала в Дон ниже речки Кондрючи 10 верст (Большой чертеж). А ныне де Юйка Тайша и Бок и Дувар кочуют около реки Маночи да дву Агарликов, до Калаузова; а те все 4 реки впали в Дон реку... (Мат. Раз., IV, № 13). ...х которым сибирским городам то озеро подошло ближе (Мат. пут. Ив. Петлина, 303).

Реже в древнерусском совпадающие с современным языком случаи, вроде: ...на левую сторону земля пустоши Шепыревы по речку, что течет из под Теплога стану (Межевая, 1631 г., — Бусл.)¹.

В том же духе — способ выражения о местностях (местоположении): «...которая земля сошла с Черкасским болотом, и та де земля отнята» (XVII в., Фед.-Чех., № 134). «...а града взяти некуды, пришла гора велика да деберь златикень» (Хож. Аф. Никит.).

В древнерусской деловой письменности, не говоря уже о жанрах, отражающих церковнославянское влияние, еще довольно отчетливо видимо живое употребление форм да в н о п р о ш е д ш е г о времени («плюсквамперфекта») — с двумя, впрочем, очень отличными друг от друга основными значениями: 1. действительно давнопрошедшего времени или прошедшего времени, предшествующего другому названному прошедшему; 2. с одним из значений, близких к видовым, — действия, начатого, но не доведенного до конца. Живые параллели тому и другому употреблению (особенно второму) до сих пор сохраняются в украинском языке, и это, наряду с другим, дает основание подозревать, что также соответствующие древнерусские формы (с согласуемой служебной частью), вероятно, не являлись только книжно-традиционными.

Будущее от глаголов, главным образом совершенного вида, часто употребляется в описаниях как форма со значением обычного в определенных случаях действия (чаще заключительного):

А кто ея [птицу гукук] хочет убити, ино у нея изо рта огонь *выйдет* (Хож. Аф. Никит.). ...А празднуют, как нов месяц увидят, и тое ночь всю не спят — играют и в трубы трубят, и в суренки, и по литаврам безпрестани. А свечера во всех рядах лавки *украсят*, *выбелят* и *выкрасят* красками всякими, цветы *украсят* и на утро во всех лавках и по домам свечи и свешники и чираки *иззасветят*, сколко хто может, и того светят часа с три, и свечи *погасят*, и лавки и ряды *иззапрут*,

¹ Ср. и Е. Ф. Карский, Изв. по русск. яз. и слов., II, 1929, стр. 24.

А. М. Селищевым (Учен. записки Моск. гор. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941 г., стр. 191) отмечен из описания рубежей земельных участков в рязанских писцовых книгах XVI в. интересный случай употребления глагола такого характера в функции, близкой к определению: «...четвертое знамя раменское — курья нога с тесом, а пятое знамя — курья ж нога, а тес к земле. Зайцово знамя тес *минул* курью ногу, а другое знамя его кряк с тесом».

и по домам *разойдутся* и не торгуют ничем... (Жожд. на Восток Котова, 103). Собирают денги с тех городов..., с кабаков и с таможенных доходов, погодно; а *соберетца* тех денег в год болши полу-3000 рублей (Котош., 87). А доходов в тот Приказ... *соберется* в год мало болши 1000 рублей (88). И етчи и пив за здоровья их государские, того дни бояре и все чины *розъедутца* по домом (13). И гости, целовав тех жен и пив вино, садятся за стол, а те жены *пойдут* по прежнему, где сперва были (Котош.). ...и на отпуске отец и мать жениха и невесту благославляют образами, а потом взяв дочь свою за руку, отдают жениху в руки. И потом свадебной чин, и поп, и жених с невестою вместе... *пойдут* ис хором вон, а отец и мать и гости их провожают на двор... и едут из двора к той церкви, где венчатца; а отец невестин и гости *пойдут* назад в хоромы, и пьют и едят... И быв у венчания, *поедут* со всем поездом на двор, и посылают к женихову отцу с невестою, что венчались в добром здоровье. И как *приедут* они к жениху на двор, и их женихов отец и мать и гости благославляют образами и подносят хлеб да соль, а потом садятца за столы и начнут ести, по чину; и в то время невесту *откроют*» и т. д. (XIII).—«...и мы, холопи твои, приехав на Белоозеро, объявились у твоего государева воеводы... и твою государеву грамоту ему отдали, и поехали в твое царское жалованье — в свое поместье; а как *будем* в Судцкой волости, в деревне под Великою Березою, и на нас, холопей твоих, пришли на Суды казаки-атаманы...» (Челоб. атамана И. Г. Толстого, 1614 г.). ...А было де их восемь суден, а в суднах человек с двести и болши. И как де *будут* у них на курнях, его Петровых товарищей и иных Острогожских козаков, которые для рыбных ловель были на речке Черной Колитве, и с суднами и с ружьем и запасы побрали с собою насилно 23 человека (Отписка царю Федору курск. воеводы кн. Петра Хованск., 1682 г.). Тогда их [студентов] коронуют... в одной палате или в церкви на середине *поставят* кресла, в которых тот помяненный студент *сядет*... и всем в то время там бывшим *раздадут* печатные листы или тетради, которыя называются комплексы... и потом тот студент всем там бывшим *проговорит* изрядную рацею о своем испытании и *начнет* говорить о своей науке (Путеш. П. Толст.). ... когда *запрет* многие головы, тогда на тех органах *будут* *отзываться* трубы... (там же) = *отзываются*.

Ср. и описания типа: «...и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера *потечеть* Волхов и *втечеть* в озеро великое Нево, и з того озера *внидеть* устье в море Варяское» (Ипат. сп. лет., 4 об.)¹.

¹ Т. Ломтев (Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке,— Учен. зап. Моск. унив., вып. 128. Труды каф. русск. яз., кн. I, 1948 г., стр. 88) в такого рода фактах хочет видеть доказательство, «что в древнерусском языке приставоч-

Приблизительность указания, как и в современном языке, передается будущим совершенного вида или формой будущего времени от «быть», причем в древнерусском и то и другое употребление чаще и разнообразнее: ...И как царевич пошел по леснице и *будет* посреди лесницы, и дьяк Мишка Битяговский скоро вскочил... и ухватил его... сквозь лесницу з ноги (Пам. Смутн. вр., 757). А *будет* трубников, и литавръщиков, и суренщиков в царском дому всех человек со 100... А прямых истинных добрых трубачеев *выберется* в царском дому человек с шесть, или мало болши (Котош., 89). А сколько числом тое казны *придет* в году, того описать не в память (Котош., 93). И егда *буду* насреди дороги, изнемог, таща по земле рыбу (Аваак., 114). А как де он *будет* вверх по Дону от Паншина в третьем городке, и его де, Ивашку, доехали казаки... (Мат. Раз., III, № 2). И как *буду* я, холоп твой, с твоими великого государя разными людми в Цывилском уезде... и того ж, государь, числа в часу в шестом дни пришли ко мне, холопу твоему, на обоз воровские люди чюваша и черемиса... с две тысячи человек (Мат. Раз., III, № 7). Как *буду* де я, Сергунка, против Симонова лицом, Воробьева задом, тут де мои недруги стоят (Шут. челоб. XVII в.). «...а как *будут* оне в каменной Москве, не пошли оне в хоромы в царские, а пошли оне к пречистой соборной...» (Песня, запис. для Рич. Джемса, 1619—1620 гг.). «...едет собака Крымской царь, а ко силнему царству Московскому: а нынечи мы поедем к каменной Москве, а назад мы поидем, Резан возьмем. А как *будут* оне [около?] Оки-реки, а тут оне *станут* белы патры *роставливать*...» (Песня запис. для Рич. Джемса, 1619—1620 гг.). «...и между собою оне [бойаре] слово говорили, а говорили слово усмехнулися: высоко сокол поднялся, и о сыру матеру землю ушибся, а *росплаютца* свецкие немцы, что не стало у нас воеводы Васильевича князя Михайла» (Песня, запис. для Рич. Джемса, 1619—1620 гг.).

К старинному употреблению видов-времен, в настоящее время ставшему необычным, относятся, например: прошедшее совершенное слова *довелось* «следует», предшествующее будущему (по смыслу) времени: «А кому *довелось* держать свечи и коровай, и им идти в сенник к постеле» (Наряд, как быти у Пречистой вел. князю Вас. Ивановичу и княжне Елене Вас. 1526 г.) Мы бы теперь сказали «...а кому доведется... (придется)». Ср. и: «...и им дружки стелют под ноги камку, да сорок соболей кладут,

ные некратные глаголы сохраняли следы прежнего состояния, когда они не имели еще перфективного значения и употреблялись в собственном значении относительно категории времени, т. е. в значении настоящего времени. Дело, однако, по-видимому, не в маловероятном сохранении «прежнего состояния», а, как и в некоторых других славянских языках (напр., в чешском), — в применении соответственных форм для специальных видовых оттенков — оживления и под. (ср. наше вдруг, как и под. с формами совершенного вида).

кому *довелось* по разряду» (там же); «И как великий князь и княжна Елена станут к венчанью на месте, и в те поры митрополит будет их венчать, и другие, кому *довелось*, держат поодаль вино фряжское» (там же) — «следует».

Отрицание неосуществившегося или неосуществимого факта в древнерусском очень часто выражается не с формами прошедшего времени или инфинитива многократного вида: ...а в Кирилов монастырь, господине, отец мой Офонасий тое земли не *давывал*, а яз, господине, у тое грамоты отца своего не *бывал* (Правая грам. белозерск. князя Андр. Мих., между 1478 и 1482 гг.). На поруку не давал никого, ни меня не *давывал* никто (Домострой, 61). Ни кабалы ни записи на себя не в чем не *дававыл* (там же). И Иван де ему отказывал потому ж, что опричь царя, ему ни к кому не *хаживать* и посольства не *правливать* и птиц не *отдавызывать* (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 гг.). И ...истец Семен Марков сказал, что ему, Семену, против всего допросу такая душевныя сказки не *давывать*... (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118). ...И вы де, староста и выборные люди, хлеба ему, Мамлею, не *дававыли* [sic!] — (Хоз. Мороз., I, 38). ...и Миките писать к патриарху ни о чем не *веливал же* (Дело Ник., № 41). ...и по церкви перед ним протопоп свещу не *нашивал* (там же, № 40). ...и ево де бывший патриарх к патриаршу месту не *призывывал* (там же). ...и он, Афонасей, один к Миките не *езживал* (там же, 13). Крестьянина де Фомку он водяным деревом не *бывал*, и от ево побой он не *умирывал*, а умер де он своею смертью (там же, № 100). Никон де монах писем никаких к Москве... не *посылывал*; и в Ферапонтове де монастыре старцам и мирским людям не *давывал*: и в сокровенное де место, в землю, не *хоранивал* (там же, № 100). ...в приводе нигде не *бывал*, воровского у меня ничего не *вынимывали* (Пов. о Ерше). А которых, государь, танбовских станичников послал я, холоп твой, на усть Хопра для проведыванья вестей про него ж, вора Стенку Разина, июля в 24 день, и те, государь, танбовские станичники от усть Хопра в Танбов августа по 15 число не *бывали* (Мат. Раз., III, № 1). ...А по потходе из Казани князь Данилове боярин и воевода князь Юрья Алексеевич не *писывал* и никого не *присылывал* (там же, № 18). ...у того де я Сергия не *начевывал* и живота его, маниста... и серег, и трех рублев денег, рукавиц, кафтана не *имывал* (Челобитная боярину Ф. И. Шереметеву, 1639 г.). А пожитков государя моево ни куды я не *сваживал* и ни кому не *отдаывал*, и я к себе не *имывал* (Розыскн. дела о Фед. Шаклов., IV том, Дополн., № 21). ...а иных де слов, чего он в роспросе не говорил, не *говаривал* (там же, II том, X, № 22). ...Введен был... к королю в самой его королевской внутренней кабинет, где его величество... никому приватных аудиенций по тот час не *давывал* (А. Матв.). Но между тем... не были ль вы страстны? — Нет, сударыня! я никогда не

любил! (Вечерние часы, II, 1788 г.). Ср. в современных говорах: «Тятя поспал, а я эшшо не сыпывал»; «Трой сутки не поливывала»; «Не бирала, не бирывала, не жырала эшшо» (из Горьк. обл., — Селищ., указ. соч., стр. 191—192).

Для древнерусского языка среди другого характерны выражения категорической результативности в формах совершенного вида, приходящиеся на аподосис условных предложений. Таковы, например, фразы вроде: «а хто от[ъ]едеть от тебе... князей службных ко мне... ино тот отчыны своее лишон...» (Грамм. в. кн. Тверского Бориса Александр. королю Польскому Казимиру, 1449 г.)¹.

В ремарках о действиях драматических персонажей, наряду с обычным у нас настоящим временем, употребляется в пьесах XVIII в. будущее совершенное: ...Гремила тряхнет фрезами, заиграют куранты, и ее девицы составят балет при пении хора (Екат., Горе-богатырь Косометович).

Сочетание того и другого употребления представляют ремарки вроде: *Лай* (входит степенно, с восхитительным видом, имея в руках литавру шаманскую, по которой ударяет сперва изредка, потом прибавит шага и ударов и побегит около Сидора Дробина, поет у у у у у у у, представляя вой бури) (Екат., Шаман. сибир.).

Распространено также в ремарках пьес XVIII в. употребление вместо настоящего времени, принятого теперь, прошедшего совершенного: ...Хорев, ее лишась, последовал за ней (Заколелся). (Сумар.). *Стародум*. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю. (Все вскочили с колен). (Фонв., Недор.).

Такое употребление времен в замечаниях о действиях персонажей перешло к русским писателям из пьес Симеона Полоцкого и авторов-украинцев в начальный период русского театра.

Ср. также из ранних пьес, напр., наряду с ремарками и в настоящем времени, формы будущего совершенного и прошедшего: *Филипп*. И мне мало. (Паки выпьет, изнова налил). (Комедия о Дон-Яне и Дон-Педре).

В настоящее время четко различается употребление кратких форм страдательных причастий на *н*, т без связки в результативном значении и употребление их со связкой прошедшего времени. Они различались в XVIII в., но и тогда и в первые десятилетия XIX в. допускалось большое количество случаев предпочтения бессвязочных форм в смысле прошедшего времени, вроде: ...Чрез день после того званы мы на такой же обед к маленькому г. Сумороцкому, живущему от зятя моего версты только четыре. Я охотно поехал туда вместе с сестрою и зятем (Болотов).

¹ Другие примеры см. М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI века (автореферат докт. диссерт.).

Особенно характерна в этом отношении фраза в «Письмовнике» Курганова: «Врач, знав его и будучи человек забавный, спросил: нет ли у тебя каких стихи, коих ты еще никому не читал? Рифмач в том признался и *принужден* их прочесть» (Кург., стр. 211).

§ 11. Об употреблении наклонений.

Формы нынешнего условного (сослагательного) наклонения и тех аналитических форм, из которых оно возникло, имели в древнерусском гораздо более широкое и разнообразное употребление, чем теперь.

Они очень часты в нем в роли, близкой к повелительному наклонению, и, по-видимому, имели смысл «должен, должны...» Ср.: ...Такоже и яз вам приказываю, своей братьи, жити за один, а лихих бы есте люд... и не слушали и хто иметь вас сваживати; слушали бы е... отца нашего владыки Олексея (Дух. в. кн. Сем. Ив.). И тыб и вперед не держала меня без вести о своем здоровье... (Письмо в. кн. Вас. Иоан. 1530—1532 г.). О всем бы еси о том з боярынями поговорила и их выпросила, да ко мне о том отписала подлинно... (там же). И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы бы бывшего Никона патриарха строителю старцу Евфимию ни в чем воли не давали и в монастырских вотчинах потомуже ни в чем ему ведать не велели (Дело Ник., № 66). Как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б на Коломне у велишаго Никона патриарха сына боярского ево, Федку Арцыбашева с женою и с детьми велел сыскать тотчас (там же, № 54).

Широко пользуется древнерусский язык формами сослагательного наклонения для выражения долженствования или повеления в третьем лице: Чадо, люби мнишеский чин, и страннии пришельцы всегда бы в дому твоём питались (Домострой, 64). Жену учи всякому страху божию... и всякою порядне умела бы сама — и печи и варити, и всякую домашнюю порядню умела... (там же). И всякая порядня по двору бы не валялась, все бы было прибрано и припрятано, а на дворе и в огороде колодезь бы был, а нет колодезя, ино бы вода всегда была (Домострой, 61). И он бы, патриарх, из соборной церкви шол и ехал тудыже, откуда приехал (Дело Ник., № 39). Чюжую кровлю край, а своя б не капала (Стар. сборник, 2577).

Нужно, однако, заметить, что в древнерусском и форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения чаще, чем теперь, заменяет 3-е лицо ед. ч.:

А коли нужна, и он еж в келье (Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Белоз, мон.). А кому к нему прийти беседы ради духовныя, и он прииди не в трапезное время, ествы бы и пития в те поры не было (там же). А з гостьями беседа бы была о рукодельи...

а не пересмеиваясь и не переговаривала бы ни о ком ничево (Домострой). Да ведомо буди тебе, государю... (Дело Ник., № 41).

Интересный пример 3-го лица множ. числа при форме повелительного ед. ч. приведен в «Синтаксисе русского языка» Шахматова (§ 237): ...И коли, господине, Фофан старец з братею и староста называют ту землю своею Володимирского селца, и они, господине, возми образ пречистые да поведи, и ты нам, господине, судья, туды и межю учини (1518 г.).

Запрещение в древнерусском выражалось, — и это, по-видимому, архаическая особенность, — сочетанием **не**, повелительного наклонения вспомогательного глагола *мочь* и инфинитива полнозначного: «Молѣ же всѣхъ почитающихъ не мѡзѣте клати» (Запись к Оstrom. еванг.). Ср. в современном болгарском (диал.) *не мой* (-те) с основой былых инфинитивов. По-видимому, «Бессильному не смейся И слабого обидеть *не мож!*» у Крылова (Лев и Комар) — архаизм, вероятно, усвоенный им из диалектного употребления. Ср. и у нашего современника: «...повинен Сережка Каляганов батрачить у Стоднева. И *не мож! дохнуть!*» (Ф. Гладков, «Повесть о детстве»).

При сочетании предложений сослагательные формы легко приобретают целевое значение:

А в пир на дворе брежен же человек надобе, всего бы смотрил и берег, домашние всякие порядни — не окрали бы чево (Домострой, 50). Переходити и пересмотрити и перенюхать, где огня бы не уронили на погребе и на леднике (там же, 58). А за доброе устроение и брежение любити и жаловати, всячески доброму бы была честь, а худому гроза (58). Да вам же указали великие государи с сего времени на Москве и в походе ходити с саблями, и со обухами, и со иным таким же ружьем, а меж себе и ни с кем тем ружьем поединков не чинити, и задоров бы ни с кем от вас не было (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.).

В значении современного аффективного «как ты смеешь!» в XVIII веке возможно было употребление сослагательного наклонения; ср. у П. Плавильщикова в комедии «Бобыль» (представл. в 1790 г.): Матвей: У меня и своих боков не унесет. Исавка: Ах ты, Матюшка, нахал! да *смел ли бы ты* это говорить?

И в современном литературном языке возможно употребление сослагательного наклонения во втором придаточном предложении, сочиненном с первым, вводимым союзом **чтобы**, но в древнерусском эта конструкция встречается несравненно чаще, и едва ли не составляет в нем правила: А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, *чтобы* его царская мысль и дела исполнились все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем *не ведали* (Котош., 85). ...А от салтана Турского есть указ к царю Крымскому, *чтоб* он, хан, к ляхам на помощь *не*

шол, а шол бы он со всеми ордами, на Венгоры... (Стат. список пребывания в Нежине и Переясл. двор. Фед. Протасьева, 1661 г.).

И для того накрепко во всех деревнях заказать, *чтоб* крестьяне отнюдь чужих работников или, по их званию, батраков и казаков, также и работниц не наймывали, а *брали б* вместо того своих крестьян и крестьянок (Инстр. дворецкому XVIII в.). Предписано то смертных части, *чтоб* ты прошел беды, напасти И разны мира суеты, *Вкусил бы* горесть ты и сладость, Печаль, утеху, грусть и радость. И все *бы* то *окончил* ты (Сумар., Ода Хераскову). ...И почал лошадей и кучера гвоздить, *Чтоб* кучер был на козлах попроворняй, А лошади *везли б* карету позадорняй (Сумар., Услуж. комар).

Для древнерусского синтаксиса характерно, между прочим, что формы сослагательного наклонения образуются иногда от страдательных причастий в роли сказуемого без вспомогательного глагола:

А коли избу или мылню топит, а вода бы напередь принесена пожарные ради притчи (Домострой, 61). И питье бы всякое часто в ситце бы чежено (там же, 49). ...И дерано бы то брежно... убережено бы от всякие пакосьти, и всегда замкнуто (там же, 53). ...И все бы то сочтено и перемечено (там же, 54).

Современный литературный язык пользуется только изредка частицею **бы** со значением условности и родственных оттенков при сказуемых прилагательных и наречиях. Самый распространенный случай — *рад бы*. Возможные в литературном языке фразы вроде «И не спесив бы парень, да в гости не зовут» — явные заимствования из народной фразеологии. В древнерусском они встречались чаще; ср., напр.: Овцы бы целы, а волки бы сыти (Стар. сборник, № 1821).

Наряду с **бы** подобную функцию в древнерусском иногда выполняла форма прошедшего времени глагола. Старейший случай — начало «Слова о полку Игореве»: Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повестѣй о пълку Игореве, Игоря Святославича? — «*Не хорошо ли было бы* нам, братья, начать старыми словами печальных повествований о походе Игоря, Игоря Святославича?»

В «Слове» же в такой самой функции имеем и **было**: «пети было пес(н)ь Игореви того внуку» и «чили въспети было...». Подобные, более поздние, примеры отмечены А. И. Соболевским (Изв. по русск. яз. и слов. АН СССР, 1929 г., том II, стр. 186) в «Чуде» Варлаама Хутынского 1460 г.: «Добро ти было, чадо, zde жити» и под. **Было** во всех таких случаях может восходить к подвергшемуся гаплогологии *было бы*. Ср. в том же духе: «...и дали мне на себя третейскую запись за своими руками, *что было* им меня во всем *слушать...*» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 116).

Переход **бы** в **б** в современном языке следует рассматривать как одно из проявлений общей тенденции сокращать грамматические приметы.

Известное современной экспрессивной речи употребление формы повелительного наклонения ед. ч. от глаголов совершенного вида при всех лицах в значении мгновенно, очень быстро или неожиданно («вдруг») совершившегося действия встречается почти во всех славянских языках, и хотя в памятниках, вообще мало отразивших экспрессивные конструкции; и трудно отметить такое употребление, по всей вероятности, оно представляет особенность уже древнего славянского синтаксиса. Б. Дельбрюк, *Grundriss*, II, 397, правдоподобно (ср. W. Vondrák, *Vergl. slav. Gram.*, II, 395) при толковании его исходит из случаев вроде «издали увидит леща, да и хватъ его зубами» и объясняет их из приблизительно такого первоначального движения мысли: увидит... и думает (говорит себе): «Хвати его зубами»¹.

Далее такие случаи становятся образцами для других, где суть дела сводится, без подобного промежуточного движения мысли, уже только к экспрессии и передаче быстроты или неожиданности действия. Характерно в прозе Хемницера (план басни): «Лев теперь богатеe стал животным народом. Что же? *рассудись* ему войну начать». Такого рода экспрессивное употребление иногда можно встретить даже в лирике XVIII в.: «*Слuchись* Анакреону Марию посещать; Меж ними Купидону, Как бабочке, летать» (Держ., Анакр. у печки).

Как редкое употребление в протасисе сложного условного предложения можно отметить в народно-аффективной речи XVIII в.— применение 2 л. ед. ч. повелительного наклонения в значении ирреального допущения для 3 лица ед. ч.: Мельник: Нет, так врешь; да *не роди* меня мать на свет, ежели сбитенщик грозит мельнику (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники).

Та же форма 2 л. повелительного наклонения при подлежащих всех лиц и чисел может в современном языке обозначать экспрессивно выраженное предположительное условие. Такого рода функция, вероятно, не продукт специального развития русского языка, а, как показывают параллели из других славянских языков, тоже имела свое применение уже в глубокой древности.

Исходными тут, по-видимому, являлись случаи вроде: *Скажи — и всё будет сделано* (= если скажешь); *Только посмотри — и всё*

¹ Менее правдоподобна мысль Шахматова (*Синт. русск. яз.* I, § 231, II, § 539), хотя она и нашла энергичную поддержку у А. И. Стендер-Петерсена («О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском», — *Acta et commentationes Universitatis Tartuensis, Humaniora*, XVIII, 1930 г.) и у В. В. Виноградова («Русский язык», 1947, стр. 549—553), — о том, что такие формы повелительного наклонения — результат переосмысления аористов от глаголов на *-и*. Среди другого заслуживают внимания критические замечания Ф. Дриессена (F. C. Driessen, *Imperativus voor praeteritum*, — *De Nieuwe Taalgids*, XXVI (1932), стр. 125—127), отметившего голландскую аналогию употребления формы повелительного наклонения (от глагола *laten* «оставить, пустить») в функции прошедшего времени изъявительного наклонения.

увидишь (= если только посмотришь). Мостик к 3 лицу перебрасывался употреблением формы 2 л. ед. ч. в роли 3 лица ед. ч., и, наконец, соответствующая форма стала употребляться при всех лицах и числах. Употребление, параллельное современному языку, известно и памятникам. Вот примеры, собранные Шахматовым (Синт. русск. яз., I, 1925, § 237): Поцелуй, господине, на том крест твои Остафьевы люди Трифон, да брат его Гаврилко, да Иванко Бородатой, да Устин, как то будет у тебя с тех озер жеребья земецкого не имывали, ино, господине, мы готовы — сбиты (Прав. грам. 1465 г., — 82). А и без поле, господине, поцелуй крест Федор Морозов, и мы и без поле Митрофановски пошлыны платим (Прав. грам. 1512 г.

§ 12. Синтаксическое употребление и связи инфинитивов.

Заметное различие между синтаксисом русской письменности до XVIII в. и позднейшим временем представляет употребление инфинитивов и инфинитивных конструкций. Московская письменность предшествующего времени полностью применяет сохраняющийся и теперь в севернорусских говорах оборот «именительный падеж женского рода с инфинитивом» в значении нынешнего «винительный, управляемый сказуемым-инфинитивом»:

А кто иметь нас сваживати, *исправа ны учинити*, а нелюбья не держати... (Догов. грам. в. кн. Симеона Иван. с братьями, 1341 г.). А в который город или в волость в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему *приставная явити* наместнику или волостелю (Судебник 1497 г., 37). ...Да к тем делом дяку *рука своя приложити* (Судебник 1550 г., 28). А уже бо, братье, жалостно *видети кровь крестьянская* (Задонщ.). Тут, брате, *испити медвяна чара* (там же). ...Судити... и *всякая расправа делати*... (Улож. 1649 г.). ... и *росправа делати*, по государеву указу, в правду (там же). ...и дяку за то *учинити торговая казнь* — бити кнутом... а подьячего казнити — *отсеци рука* (там же). ...Мне де еще *молитва говорить*; и учал патриарх после ектеньи молитву говорить (Дело Ник., № 40). ...А указу нам, богомолцам твоим, твоего великого государя нет, *какова ему пища давать* (там же, 76). А приехав мне в монастырь, *мантия архиерейская* и посох у него, Никона, *взять* (там же, № 77). А велено им *цена ставить* всяким зверям по прямой московской цене (Котош., 93)¹.

¹ Встречается он уже в договорной грамоте смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.: «*Тая правда узяти русину ризе и на гочкомь березе*», и под.

Изредка этот оборот встречается еще даже в языке петровского времени: Прощение имеют, чтобы им *мука давать* против их братьей, рекрютов же, по 3 четверика (Пис. и бум. Петра I, IV, 457). Еще посылаю роспись артиллерии, *которая надобно изготовить* (там же, III, Соб., — Обнор.). И с торгу своего *пошлина платить* (Посошков).

К возможному колебанию между винительным и именительным ср.: «...а за росты им *ту пожню косити* на монастырь половину... а не будут у меня у Власа денги на срок, ино им *та половина пожни косити* по тому ж (Заемная В. Фрязинова, 1529 г.). А себе бы им тем царю своему турскому нашею смертью *слава залезть вечная* во всю вселенную, а нам бы, христианам, *учинити укоризну вечную* (Ист. об Азовск. сид., 2).

Но ср.: А обыщется то, что тот жалобник солгал, и того *жа-лобника казнити* торговою казнию (Судебник 1550, 34). А ездити неделщиком и на поруку давати самим с приставными или своих племянников и *людей посылати* с приставными (Судебн. 1497 г., 31), т. е. в случаях с объектом мужского рода последний стоит в винительном падеже¹.

При отрицании наблюдается как обычное — управление инфинитива родительным падежом. Ср. частую договорную формулу в грамотах московских великих князей: «А Орда знати тебе, великому князю, а мне *Орды не знати*». ...и тому, у кого тот заклад был, *взять* на займщике своего долг *половина*, а *другие половины не имать* (Улож. 1649 г., гл. 10, § 198).

Позднее в некоторых севернорусских говорах из независимой инфинитивной конструкции такое употребление переходит в конструкции зависимые: «Хочу пить *холодная вода*»; а иногда и вообще именительный падеж у имен женского рода на -а начинает заменять историческую форму винительного: «А *рыба*-то уж мы как *любим*»; ср. и ряд других подобных случаев, упоминаемых в статье Ф. П. Филина — «Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на -а в значении аккузатива», — Бюллет. Диал. сектора Инстит. русск. яз., АН СССР, вып. I, 1947 г., стр. 17—22. К сожалению, в статье не устанавливается степень выдержанности этого явления в соответствующих говорах².

Недавно конструкция «именительный падеж при инфинитиве» отмечена и в документах, относящихся к области орловских, т. е. южнорусских говоров³. Нельзя, однако, при небольшом количестве источников конца XVII века, где она встречается, считать ее определенно имеющей корни в самих соответствующих южнорусских говорах, так как отнюдь не исключена возможность, что в документы, о которых идет речь, эта синтаксическая особенность попала путем усвоения ее из московских грамот.

¹ Отступления, вроде: ...ино противу послуха наймит наняти вольно... (Судебн. 1497 г., 49). Знать сокол по полету. Знать сова по перью. (Стар. сборн., № 1061—1062), встречаются относительно редко.

² Случай употребления именительного падежа, зависящего от изъявительного наклонения: «А у кого скажут у кадашевца продажное питье, ино посылает выимати наш постельничий да дьяк и *пеня* им *чинят* по нашему царьскому указу» (грам. XVII в., — Крепост. мануф., III, № 43, IV) отражает, скорее всего, влияние предполагавшейся обычной инфинитивной конструкции — «пеня им чинити».

³ С. И. Котков, К изучению орловских говоров, — Орл. гос. педаг. инст. Ученые зап., том VII, Каф. русск. языка, вып. 3-ий, 1952 г., стр. 180.

Оборот «именительный падеж объекта женского рода с инфинитивом» свое истолкование получает в параллели старого значения инфинитива так же, как дательного падежа глагольного имени существительного, обозначающего направленность, цель, обязательность и под. Подобный характер имеют, напр., немецкий оборот *Er ist nicht zu finden* — собственно «Он не для нахождения» = «его нельзя найти»; англ. *He is not to be found* — «Он не для того, чтобы быть найденным» — то есть «его нельзя найти», литовские обороты и под.¹

Может быть, первоначально именительный падеж употреблялся только при независимых инфинитивах. В этом отношении поучителен, напр., приведенный выше пример из «Дела Ник.», № 40, где рядом имеем случай именительного при инфинитиве и управляемого инфинитивом винительного. Ср. и в «Домострое»: А еству мясную и рыбную... печи и варити все бы сама государыня умела (27)². Удовлетворительного объяснения, однако, при таком толковании не получает важная деталь вопроса, почему данная конструкция охватила только формы женского рода³.

Лучше в этом отношении догадка А. А. Шахматова (Синтаксис русск. языка, I, 1924, § 138): он считает, что начало таким оборотам дано предложениями с *надо* и другими наречиями [безличными сказуемыми словами], где при *надо* стоял именительный падеж (тип: *Мне надо коса*); имен. падеж мог сопровождаться дополнительным глагольным членом, инфинитивом: *Мне надо собака с собой взять* (сев.) и под. «Отсюда имен. падеж проник на место винительного вообще после инфинитива, причем возможно, что влияние началось от таких случаев, где инфинитив имеет значение наречия; ср. предложения, как: *Вот тот не влез — говорят, одна нога видеть* (каргоп....); *палец видать*».

¹ Ср. А. Потеня, Из записок по русск. грам. II², стр. 414 и след. А. Попов, Синтаксич. исследования, 1881, стр. 46 и след.

² К непосредственно влиянию инфинитивных конструкций восходят, вероятно, случаи с деепричастиями вроде: *Ино, соимя рубашка, плеткою вежливенько побить* (Домострой, 38). А буде деловые и огураются, ино, сыскав вина, и за вину бить батоги слехка, а не увечить (Хоз. Мороз., I, № 61). Едчи рыба дать ей имя (Стар. сборн., 2731). А отдав та розж Ивану Гурьеву, говорить, что рож из вотчин вся перевезена (Хоз. Мороз., I, № 162).

По-видимому, прав Я. А. Спринчак («Конструкция «инфинитив с именительным падежом существительных женского рода» в истории русского языка», — Сборн. работ филолог. фак. Днепропетр. гос. унив, ХХІХ, вып. 3. 1941 г., стр. 35), предполагающий, что «первоначально именительный падеж появился при деепричастии, где рядом употребляется также независимый инфинитив, причем именительный падеж такого существительного является одновременно прямым дополнением и относительно деепричастия, и относительно инфинитива»:

А отдав грамота, говорити им, чтоб они ... прислали к его царскому величеству дохтора навычного ... (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.). «И у того, кто так учинит, та *чужая земля взяв* отдати тому, у кого отнял» (Улож. 1649 г.); «А как судное дело вершится, и кто по тому делу виноват, и того езду *другая половина взяв* на виноватом *отдати правому*» (Улож. 1649 г.).

³ Возможна, впрочем, догадка, что данный оборот установился ранее, нежели названия существ мужского рода стали получать в русском языке винительный, отличающийся от именительного.

Вряд ли, однако, прав Шахматов и другие высказывавшие эту мысль, напр. Соболевский, что *шутка сказать* в литературном языке представляет собою по происхождению такой именно оборот: более вероятно, что здесь *шутка* первоначально было употреблено в функции сказуемого; ср.: *Шутка ли сказать такое?*¹

По своему употреблению в древнерусском инфинитивы отличаются от современного литературного языка еще своею частостью там, где они иногда применимы и теперь. Древнерусские тексты переполнены предложениями типа: ...да в нем же [в Бедери] купити люди черныя...=«можно купить» (Аф. Никит., стр. 39).

И оттоле идохом к святому пророку Данилу: пришед к церкви поити испод земли степеней 25, с свещею ити: на правой руке — гроб святого пророка Данила, а на левой руке — святого мученика Никиты (Хожд. Стеф. новгор.). А буде в прием против сей росписки в огородах садовного овощу, хоромного строения и рыбных снастей не объявитца, и то взять на мне, игумене Афонасие, с братиею (Дело Ник., № 102). И это сообщает древнерусскому сравнительно с современным особый волевой, категорический характер. Там, где мы предпочли бы сказать «можно», «могу», «следует», «надо», «не следует», «нельзя» с инфинитивом или употребить повелительное наклонение, древнерусский автор пользуется одним инфинитивом или инфинитивом с отрицанием. Ср. А где пошлеш[ь] своих воевод, *и мне послат[и]* с твоими воеводами своего воеводу с своими людьми (Грамота кн. Андрея Вас. к кн. Ивану Вас.). ...А он здешнего обычая и русского языка не знает и ни о которых делех духовных нам с нимь советова(т) без толмача не умет(ь) (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож., стр. 142; ср. и 148). ...И про то, государь, распросити пана Юрья Мнишка и его дочери... (Памятн. Смутн. врем., 29). А з божнею помощию нам, великому государю, преславных государств своих доступати (там же, 47). Да князь же мне говорил: сын де мой князь Яныш родился во христианской вере, а держит ляшскую веру, и мне де его не уняти (там же, 22). И я ему говорил, что Печерской монастырь за рубежом в Литве, и за рубеж ехать не смети (там же, 20). А один де из них говорил по книжному за упокой без престани; а речей де его и тех людей, у которых промеж ими говор и шум велик, не разумети, и их в лица не видети никого же (там же, 185). А в лице де никого не видети и речей де их не разумети (там же). ...А в устье и под город под Астрахань бусы не ходят — стоят на море, с устья одва

¹ Последняя по времени попытка (Я. А. Спринчака, указ. соч., стр. 3—45) истолковать оборот, — несмотря на привлеченный богатый материал, позволяющий сделать ряд уточнений, в теоретической части не убедительна: специально русское явление (чуждое даже ближайше родственным языкам) трактуется автором в «стадиальном» аспекте как пережиточное, восходящее к конструкции «прямого падежа пассивной стадии» (стр. 35—40, 44—45).

Новый материал об изогласе этого явления см. в статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, — Доклады и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР, X, 1956 г., стр. 110.

видеть (Хожд. на Восток Котова, 74—75), ...И то поместье, кому дано будет за службу и после его жене ж и детям, или комунибудь, никому им того поместья не продати, и не заложити, и в монастырь и к церкви по душе не отдавать (Котош., 95). Слаться, господа, нам на таких людей не уметь (Пов. о Ерше). А женишка наши и детишка они, воры Цывилскаго уезду..., держат у себя, и выехать нам, сиротам твоим, от них, воров, из городу ни куда не сметь и терпим мы, сироты твои, в Цывилску в осаде нужу болшую (Мат. Раз., III, № 10). А выбирают их к той казне своя братья... за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть, и соболей своих худых, и иные мяхкие рухляди в казну не приносить и не обменивать (Котош., 93). ...и обнадежа их государскою милостию, спросить, кто у них в том полку стрелцы за прежние шатости, и от ково впредь чаять дурна, быть негодны (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.). И вси разбойники — единым окам мгнуть — все во фронт стали... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.).

Из очень архаичных инфинитивных способов выражения останавливает на себе внимание, например, предложение: «...а о проче да роте ходить своею верою, яко никоако же *иному помощи* ему...» в «Договоре Руси с Византией» 911 года¹, т. е., по-видимому, — «...а кроме того (что касается недостающего), пусть даст присягу по своей вере, что никто (другой) не может оказать ему помощь...»

В XVIII в. и в первой половине XIX в экспрессивном употреблении еще встречалась архаическая конструкция: «Пришед хозяин, *ждать* — *пождать*; нет никого!» (Хемн., Перепелка с детьми и Крестьянин). Этот ответ придворные слуги относят к Кощею: *ждать* — *пождать*, царевич нейдет, посылает в другой раз... (Жуковск., Сказка о царе Берендее).

Для роли инфинитивов как заместителей повелительного наклонения характерны фразы, вроде, напр., следующей: Заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не прогреси... и часы в дому своем всегда по вся дни пети (Домострой, 64).

Наряду с таким употреблением инфинитивов, реже (однако значительно чаще, чем в современном литературном языке) выступают инфинитивы с частицею *бы*, в духе распространенных в древнерусском, вместо императивов, форм сослагательного (условного) наклонения: А как... буду на своих государствах жити, и ему *бы* попомнити слово свое прямое вместе с панною Мариною за присягою (Памятн. Смутн. врем., 89). А яз помню свою присягу, и нам *бы* прямо обеа держати, и любовь *бы* была меж нас (там же). И как сядет на Московском государстве, и ему *бы* вскоре во всем Московском государстве латынская вера укрепити и самому быти крепку в той же латынской вере (там же, 93).

¹ См., хотя бы, «Памятники права Киевского государства X—XII в.», составил доцент А. А. Зимин, М., 1952, стр. 7, 11—12.

Особенностью древнерусского языка является еще то, что при отрицаниях со значением запрещения в нем обычны инфинитивы одинаково и совершенного и несовершенного вида (ср. приведенные примеры), тогда как современный литературный язык в этом случае по правилу пользуется только несовершенным видом.

Склонность древнего синтаксиса к модальному употреблению инфинитивов находит свое выражение также в замене инфинитивами будущего времени изъявительного наклонения; ср., напр.: ...Как почел снимать с себя митру, и говорил: *не быти мне слыти* патриархом Московским (Дело Ник., № 13) = «больше не буду называться...» «Се яз, раб божий Панькрат Ченей, пишу сию грамоту душевую в конце живота; а бил мя Михайла Скобельцин большой с своими людьми... а бил мя у своего села, а *пойти ми* с их рук, а долгу *ми дать*...» (Духовная Панкрата Ченя, 1482 г.) = «а пойду я [умру] от их рук...» — и в употреблении инфинитивов в значении условного наклонения: Да толко де тебе побити бояр, и за них землею станут (Памятн. Смутн. врем., 77) = «если перебьешь бояр». ...А меня вам камением побить, и мне де никою кровию своею не избавить (Дело Ник., № 9) = «А если вы меня побьете камнями...». А людей де мне своих послать, и я де опасуюся великого государя гневу (там же, № 41). А будет кто... приставит к недорослю, или ко вдове и к девке, и ответати им за себя не умти... (Улож. ц. Алексея).

Ближе к современному употреблению: А не побити де бояр, и мне де самому от них быти убиту (Памятн. Смутн. врем., 77). А только твоей государевы милости, и жалованья, и призьренья, и пощады до нас не будет, и нам, сиротам... в конец погинуть... (Челобитная кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.).

Заслуживает внимания возможность в древнерусском сочетании полнозначного инфинитива с инфинитивом же служебным (Ср. выше пример из Дела Ник., № 13).

Еще Ломоносов (Рос. гр., § 465) считал формами литературного языка в значении принуждения — *быть писать*, *быть умереть*... Ср. в XVII в.: И ты б, боярин наш и воевода князь Юрья Алексеевич, велел тех стрельцов у него [sic!] и быти их принять в тех же приказах (Мат. Раз., III, № 70).

В. И. Чернышев в статье «Описательные формы наклонений и времен в русском языке» — Труды Института русского языка, I, 1949, стр. 210—211, расширяет указание Ломоносова, устанавливая, что «**быть** с неопределенным наклонением обозначает необходимость или большое вероятное»¹.

¹ В этой же статье — примеры данного оборота из народных говоров. Ср. и А. А. Потебня, Из записок по русской грамм., II, 1888, стр. 412—413, со своеобразным толкованием его, и С. И. Ожегов, Об одной форме долженствования в русском языке, — Докл. и сообщ. Филол. фак. Моск. гос. унив., 1947, вып. 2, стр. 23—26.

Эти сочетания вряд ли были в большом ходу даже во время Ломоносова; скорее и тогда они выступали больше как архаизмы и диалектизмы; ср. былинные: ...и мне быть своя заповедь нарушить, ...быть натянуть свой тугой лук; в пословицах (Даль): Сколько ни занимать, а быть платить, Сколько ни плакать, а быть перестать, Сколько ни браниться, а быть перестать, «Грустно мне будет, но быть терпеть» (Радищ., — слова крестьянки Анюты). Крепышкина: Так быть [,] подождать, пока цена сбудет (Матинский, Санктпетерб. гостин. двор, 1791). Впрочем, их и упоминаемые далее сочетания инфинитивов с *было* реакционный А. С. Шишков и в начале XIX в. воспринимает еще как ценные русские идиомы: «Силу наших речей, таковых, напр., как: *мне было говорить, писать было тебе к твоему отцу, быть писать, быть по сему* и проч., выразят ли, они [французы] на своем языке, когда переведут из их слова в слово...?» (Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, 1803 г.).

Из богатого древнерусского употребления инфинитивов со вспомогательным глаголом *было* в современном языке сохраняются главным образом *слыхать было, видать было...* (чаще с отрицанием), представляющие параллель к таким примерам старинного языка, как: А что чел, мне мало слышать было... (Дело Ник., № 15). С другим порядком слов: ...а кто ехали, того он, Исачко, не видал, потому что в лицо было не видеть (там же, № 36). ...а в лицо де он ис тех людей никого не видал, потому что в лицо человека было не видеть (там же). А в лицо де они тех людей не видали, потому что было не знать (там же). И Николай де, приняв то письмо, положил у себя; а в то время не чли, потому что чести было ночью не видеть (там же, № 78).

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина *было не видать* (Пушкин, Метель). Ср. у нашего современника с налетом народного стиля: Остальных бабинных слов *было не разобрать* из-за зимней рамы (Л. Леонов, Барсуки). Совсем чуждо нынешнему языку: И как их почали бить и сечь и ловить, а им *было* противится *не уметь*, потому что в руках у них не было ничего ни у кого (Котош., 103).

Ломоносов учил (Рос. грам., § 464), что от порядка слов при инфинитиве зависит различие смысла: *мне было говорить* имеет смысл «я хотел только начать говорить»¹, а *говорить было, писать было* «значит раскаяние в том, что не сделалось». Востоков (Русск. грам., 12 изд., стр. 124) изменяет и уточняет эти указания в том смысле, что различает еще употребление в утверди-

¹ Ср. у него в стихах: Мне было петь о Трое, О Кадме мне бы леть, Но гусли мне в покое Любовь велят звенеть... Мне было петь о нежной, Анакреон, любви... Мне струны поневоле Звучат геройский шум...

Об этой особенности в нынешних говорах — «Доклады и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР», X, 1956 г., стр. 110.

тельном или отрицательном предложении и вид соответствующих инфинитивов. Он толкует предложения вроде: *Тебе было читать, Ему было прочесть, Вам было поговорить с ним* как такие, где **было** значит «надлежало», «следовало» (здесь **было**, по его наблюдению, «употребляется более с местоимениями личными»); после инфинитивов совершенного вида **было**, — учит он, — «показывает намерение совершить действие, и употребляется только с местоимением 1-го лица, напр.: «Прочесть было мне эту книгу...» В отрицательном предложении **было** ставится, как указывает Востоков, только после инфинитива несовершенного вида, означая (не) *надлежало*, (не) *следовало*. Примеры постпозитивного **было** со значением раскаяния: И в том он, игумен Мисаил, пред преосвященным собором прощался: написал де он так, забывся; *написать* де *было* ему: сак и митру, а прежде сказал — солгал де (Дело Ник., № 9). Ах! *беречь было* монету Белую на черный день (Держ.). Ах! *не клевать было* пшеницы Вам, бедным пташкам, золотой (Держ.). *Не искать было* глазами Пригожих, удалых! (Мерзляков).

Со значением несколько нерешительного намерения: *Скотиинин*: Все меня одного оставили. *Пойти было* прогуляться на скотный двор (Фонвиз., Недоросль). ...*Пойти было* друзьям, приятелям сказать, Чтоб с светом помогли мне эту рожь пожать (Хемн.).

В древнерусском **было** с инфинитивом, т. е. с другим порядком слов, могло означать «следовало», «следовало бы», «нужно было», «нужно было бы», «предполагалось»; «было+не+инфинитив» могло значить «нельзя было». Ср.: А которым человеком *было бежати*, и вы того для чего не берегли и не смотрели? (Грам. из Новгор. Чети новгор. воеводам, 1602 г.). И я архимариту Елесею и братии на него извещал и бил челом, что *было житьствовати* ему в Киеве в Печерском монастыре душевнаго ради спасения и потом *было итти* до святаго града Иерусалима и до господня гроба, а ныне идет в мир до князя Василия Острожскаго и хочет платие иноческое скинути... (Памятн. Смутн. врем., 21). Да после смерти же того вора Гришки объявил поляк, которой жил у него блиско, что *было* тому вору ростриге *вести* снаряд пушечной болшей из города и ис казны весь для стрелбы, и ехати было ему за посад; а боляром и дворяном и всяким людем быти было с ним же на стрелбы; а литовским людем всем, конным и пешим, быти было с ним же всем вооруженным, с копии и с пищальми, будтося для потехи, и, приехав, *было* из снаряду всех боляр и думных людей и болших дворян *побити*; и, росписав было имена, у него всем, кому кого побити, указано; а побив и приехав в город, роздавати ему было тестю своему, воеводе сандомирскому, и его родству многие города и наша царская казна, что осталася за его воровским расточением; и всех было православных христиан приводити в люторскую и латынскую веру (Памятн. Смутн. врем., 68).

Но, как ясно хотя бы из последней выдержки, в том же самом смысле возможен был и порядок слов с **было**, предшествующим инфинитиву¹.

Наряду с **было** долженствования и намерения, в прошлом древнерусском языке было еще известно при инфинитиве **было** в значении частицы **бы** со всеми вообще ее значениями: А наши послы не виновати ни в чем, только б ваши не солгали, и нашим *было* послом *непошто ходити*; мы чаяли то, что правда (Спис. с грам. Иоанна IV шведскому королю Иогану, 1573 г.). Да Петр же Тихонович указал им, *что де было не быть* моей пашни и скотному двору (Хоз. Мороз., I, № 140). Будет по прежнему на патриаршестве Никон утвердитца, и *ему было*, Федору, *куда нибудь укрытца*, потому что, приезжаячи от него, ему грозили подьяконы и подьяки... за то, что он, Федор, дал скаску на соборе (Дело Ник., № 40). *Чем было волю рычать*, ан телега скрипит (Стар. сборн., 2583). ...написали они в третейской своей записи: ...искать *было* Семену Маркову, а ево Тимофееву отцу перед нами третьими... (XVII в., Фед.-Чех., I, № 116).

Ср. и из языка былинного: Испроговорит матушка Непра-река: «*Как же мне течи было* по-старому, По-старому течи, по-прежнему, Как за мной за матушкой Непрой-рекой Стоит сила татарская неверная...?»

К характерному для древнерусского языка употреблению надо отнести и случаи, когда инфинитив с частицею **бы** выполняет функцию сказуемого придаточного предложения цели. Такой оборот в народном языке и в просторечии существовал очень долго. Ср.: Говорить много не смею, *тебя бы*, света, *не опечалить*... (Первая челобитная протопопа Аввакума ц. Алексею).

Только в былинах встречаются сочетания инфинитивов с **есть** в значении долженствования или попытки, при отрицании — невозможности или запрещения, по форме и смыслу параллельные латинским выражениям вроде *dicere tibi est* «тебе следует сказать» или немецким *ist (nicht) zu nehmen* — «нельзя взять». Чернышев в упомянутой статье, стр. 212—213, цитирует из «Онежских былин» Гильфердинга: «Уж ты дай мне-ка прощеньицё, Прощеньицё да благословеньицё *Есть повыхать* мне-ка далеко... Мне *попробовать есть* своей силушки...» Ни о каком иноязычном влиянии, которому эти сочетания могли бы быть обязаны своим появлением на русской почве, не приходится, однако, в данном случае и думать. Скорее всего, они явились, — в том ограниченном количестве случаев, каким представлены, — в результате психологически родственных, как возможные, условий².

Древнерусскому были известны в относительно нередком употреблении также случаи инфинитивов со вспомогательным глаголом **будет**:

¹ Об обороте «Пойти было—было пойти» — в упомянутой статье В. И. Чернышева, стр. 211—212.

² Другие примеры см. в упомянутой статье Чернышева, стр. 213—214.

Где лежит пуста голова, лежать будет и Васильевой голове (Древн.-русск. стих., — Бусл.). ...чернеческого чину не здержати — отворити будет темна келья (Песни Дж., 87—89). Ино, ох, мылы наши переходы, а кому будет по вас да ходити? (там же, 94—96). И будя, государь, твоего великого государя жалованья и торговых людей к нам, холопам твоим, не будет, и нам, холопам твоим, помереть голодною смертью и разбрестись будет розно (Мат. Раз., III, № 9). Потерять вам под Азовом-городом турецких голов своих многия тысячи, а не видать вам будет из рук наших казачьих и до века (Ист. об Азовск. сид.). ...И мне, государь, та рыба будет продавать в долги половиною ценою... (Хоз. Мор., II, акты № 21). Из поздних примеров: Как будет мне с тобой разлуку перенести? (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.).

В древнем языке и у писателей XVIII в. примыкающий к глаголу инфинитив иногда переносится из конструкции с активной формой глагола в пассивную и родственные, — употребление, теперь ограниченное главным образом безличными формами:

Заверстал за ту пятсот пуд моею мягкою рухлядью, которая дана ему *была продать*, шелком и сафьяны и кисеяны тысячи на полторы или на две (Дело Ник., № 42). Да по сыскному же делу вашего полка стрелец Ивашка Жареной *довелся взять* в стрелецкой приказ... (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.). А что они тебе, отцу нашему и богомолцу, противу того говорити учнут и *учнетца у них делать*, о том к нам... писал (sic!), — Из актов при «Созерц. кратком» С. Медведева.

Еще в XVIII в. и в начале XIX в ходу сочетания в безличных предложениях инфинитивов **быть** с дательным падежом кратких (нечленных) прилагательных:

...И потому, сколь толсту и широку быть ему [судну] надобно, выбирается такой величины и толстоты обрубок сырого березового дерева... (Болотов). Зачем же быть, скажу вам напрямик, Так невоздержну на язык, В презреньи к людям так нескрыту? (Гриб.)¹.

Ломоносов, признающий за сочетаниями **быть** и причастиями в дательном падеже значение «принуждения»: *быть оправлену, быть обвинену, быть обмануту*, замечает: «Усеченныя лутче служат, нежели причастия полныя *оправленному, обвиненному, обмантому*» (Рос. грам., § 465, стр. 196).

В этом отношении он узаконяет только старину с тенденцией согласовать полнозначную часть при **быть** с дательным субъекта действия; ср., например:

Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царстве своем, а до воинников *быти*, яко отцу до детей своих, *щедру* (Пересв., л. 92, стр. 205). Позднейшее развитие творительного, как специфической формы предикативности, перенесло и сюда *быть обвиненным, быть обманутым* и под.

¹ Другие примеры из языка первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 335—337.

Долго возможны в древнерусском языке и такие, например, способы выражения (конструкции), как: «У великого князя на свадьбе в дружках быти: князю Дмитрию Федоровичу Бельскому, а другому дружке быти Михайлу Юрьевичу сыну Захарину. А с великой княгини стороны быти дружкам: князю Михайлу Васильевичу Горбатуму да князю Борису Ивановичу Горбатуму со княгинею» (Свадьбы русских людей, Разряд... как быти на свадьбе у в. кн. Вас. Ив., статья 1).

Следы замены былых супинов (неизменяемых форм с достигательным значением) инфинитивами можно видеть в случаях необычного для последних управления родительным падежом: А в Русу ти, княже, ездити на третью зиму... а лете на Озвад зверий гонит (Догов. грам. Новгорода с тверск. в. кн. Алекс. Мих. 1325—1326 г.). ...лете ездити на Възвод зверей гонити (Грамм. 1471 г.). Пошлешь своих писцов Москвы писати и московских станов (Грамота 1472 г.) и под. В языке беломорских былин Л. Л. Васильев отмечал: «ушла садов полоть», «и пошла-то тут одна она ... жита жать»¹.

Древнерусский язык несколько шире, чем нынешний, пользовался конструкциями с инфинитивами, зависевшими от прилагательных. В XVII, например, веке возможны были такие способы выражения, как: «...дать — купчие, чтоб ему по государственной милости после своего живота *вольны те вотчины отдать*, кому хочеть...» (Купчая, выданная боярину Ф. И. Шереметову, 1639 г.).

Почти вместе с XVIII веком изжитыми оказались западноевропейские конструкции типа латинских *accusativus* и *popinativus cum infinitivo*: Не пощадил, боязлив, я своей работы: Лист написав, два иль три изодрал, исхерил, Да и так *достойну глаз твоих быть не верил* (Кант., Елис. Первой). Полный возраст имеет свои недостатки: В тот доспев люди, *чины мнутся им быть сладки* (Кант., Сат. V). *Зло добродетелью быть кажется* тогда (Хемн.). *Я счастлив мнился быть* (Хемн.). Хотя с небес имел я неку добродетель, Но *Фаннией лишен я оной быть владетель* (Хемн.).

§ 13. Относительные (союзные) слова.

Состав относительных слов в древнерусском близок к современному. Из местоимений-существительных и прилагательных в употреблении **что, кто, который, каков, кой**; из местоимений-наречий — **где, когда (когда), коли, доколе, куда (куды), как** и под.

Что, как в современном языке в примитивизирующих стилях (архаизирующем, народном, поэтическом), нередко относится в

¹ Все, однако, исследователи, отмечавшие этот факт (Потебня, Васильев, Чернышев и др.), ошибочно в примеры включают конструкции при глаголах *искать, смотреть, просить* и под., где имеем собственно родительный неопределенного количества, неполного охвата и под., конструкции, ничего не доказывающие относительно позднейшей замены супинов инфинитивами.

древнем языке к названиям людей: А по отца нашего благословенью... *что* нам приказал жити за один, такоже и яз вам приказываю (Дух. в. кн. Сем. Ив.). Таков наказ и такова роспись послан [sic!] с Никитиным человеком Страхова с Соколом, *что* ездил доселе с розсылщики, сентября в 25 день (Наказ ямск. стройщику Никите Страхову, 1585 г.). ...В прошлом де во 110-м году бил нам челом Кирилова монастыря игумен Иосаф с братьею, *что* съезжались к ним в монастырь на три празники... (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1602 г.). Относится подобное *что* также к именам существительным различных родов и чисел: Взял у него Степан Юшков к боярскому суконному песочному кафтану, *что* на лисьих черевах, 15 аршин золотного снурку (Розыскные дела о Фед. Шакл., IV, Дополн., 24). ...и с слободками, *что* были детии моих (Дух. грам. вел. кн. Дм. Ив., 1389 г.). Ср. также и выражения вроде: «А княгине мои (sic! вм. «моей») из Московских сел: село мое Починок со всеми деревнями, да селце Хвостовское у города и с луги, што к нему потягло» (Дух. грам. вел. кн. Вас. Дмитр., 1406 г.), — мыслилось: «всё, что...»

В XVIII в. Сумароков видит в такого рода употреблении относительного *что* Ломоносовым вульгаризацию поэтического языка. Этот его упрек, однако, не приводит к отмене подобного оборота в практике художественной речи¹.

Державин пользуется таким *что* даже не на первом месте синтаксического отрезка: Довольно золотых кумиров, Без чувств мои *что* песни чли (Видение Мурзы).

Как особенность древнего синтаксиса при относительных **который**, **какой** заслуживает еще внимания повторение определяемого имени существительного в новом управлении:

А колько вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один *до того города, в который город* приставная писана (Судебн. 1497 г., 28). Роспись *реке Донцу, и рекам, и кладязям, которые реки и кладязи* в реку Донец с Крымской и с Нагайской страны пали (Большой чертеж). «...и православных крестьян мучат всякими различными муками... *каких* посямест во всех землях *не бывало мук...*» (Царская грамота на Белоозеро воев. Чихачеву, 1614 г.). ...*Чтоб они к тому дни, в которой день* у него будет радость..., были готовы без мест (Котош., 6).

Как в русских народных говорах, в белорусском и в украинском языках, относительное *что* для выражения падежных функций может (но очень редко) получать при себе дополняющие его падежи от местоимения «он, она, оно»: «Трава марона, *что* корешками ее красят пояски и яйца... (Лечебник, Синод. рук., № 408)².

¹ Совсем чуждо нашему синтаксису встречающееся у Ломоносова употребление относительного *что* в косвенных падежах — в согласовании со множественным числом конкретных имен существительных: ...И вы, о горды *пирамиды, Чем* Нильский брег отягощен... (Ода 10).

² Примеры *кое* при именах мужского и женского рода (ср. относительное *что*) см. у Срезневского, Материалы, I, 1417.

...а вдову бы Нарышкину, *что двор ее в Чертолских воротех, убить же бы...* (Розыскн. дела о Шакл., I, 120). ...а искал на них животу брата своего ивана, *что убил брата его слуга его жь* (Грамм. псков. князя Ив. Александр., между 1463 и 1465 гг.).

Ср. также в произведении с относительно свободным языком: ...и учинил оному гостю великой прибыток в хождении своем, *что оной гость никогда такого прибытка не видал...* (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). И нанел себе в лакеи пятьдесят человек, которым поделал ливреи велми з богатым убором, *что при дворе цесарском таких ливрей нет чистотою* (там же).

Сравнительно с современным языком останавливает на себе внимание очень частое для древнерусского употребление относительных **что, который** и под. в придаточных предложениях, предшествующих главному, чаще всего с оттенком условия: *А которому князю человеку ехать на пригород наместником, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра...* (Пск. судная грамм., 5). ...*А которые ссыльные подначальные люди в послушании у вас в Кирилове монастыре не учнут быть, и вы бы их велели смирать по монастырскому чину* (Грамм. 1663 г.). *А каков жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати...* (Судебник 1497 г., 2). *А кой не поидет ино боялся бы государевы казни* (Сказ. о Пск. взят., 7). *Кое платье не всегда носити, то так краити* (Домострой, 31). *А кои складник захочет на каково место двор ставити или ину хоромину, и ему поставити от дальних хоромов в любое место...* (Судебник 1589, 20). *Кой час пашня поспеет, тот бы час и заставить их пахать* (Хоз. Мороз, I, № 54). *А что в бочках или в коробах мука и всякой запас...* то бы было все покрыто (Домострой, 51). *А что ему в их учень учинитца протору, и то велит государь ему заплатить* (Грамм. ц. Федора царьгр. патриарху, 1584 г.). *Что к нам писали братья наша, и мы тое грамотку к вам послали* (Воззв. моск. людей). *И что вам вперед о тех делех будет наше царское повеление, и вы о том к нам ведомо учините...* (Мат. пут. Ив. Петлина, 302).

Из более своеобразного употребления см.: *«А что моих стад козевых [и жере]пцев и кобылиць, а то с[ы]ну моему, княз[ю] Дмитрию, и княз[ю] Ивану, то им [наполю]* (Второй экз. духовной вел. князя Ив. Иван. около 1358 г.). *Что царская щедрость до воинников, то его мудрость...* (Пересв., л. 92, стр. 205). ... *брать... всяково узорочья, какое в том озере узорочье есть* (Мат. путь. Ив. Петлина, 303). И для их ко мнре таких многих обид и неправд и озорничества не вели... им рыбы моей из Астрахани в Нижней впредь возить... *коя, государь, рыба моя с Яику в Астрахань пришла после их нынешнего асеннего насаду, кой их насад, не дошед до Нижняго, в заморозе стал* (Хоз. Мороз., II, № 21, 1651 г.).

В Риме есть библиотеки изрядныя во многих местах, в *которых библиотеках* множество всяких книг розных языков

(Путеш. П. А. Толст.). ...Прелестность настоящего *веселия*, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, *какое веселие* получает от нечаянности (Радищ.). Ср. в былинном языке: ...А и взяла она *цяшу* фсе серебрянну, *Ис которой ис цяши* князь с приезде пьет («Сорок калик со каликою», зап. Григ. на Мезени).

Допускалось сочетание с **который**, **какой** и слова, повторяющего (только приблизительно по смыслу) употребленное в главном: И так всегда в Венеции увеселяются и не хотят быть никогда *без увеселения, в которых своих веселостях* и грешат много (Путеш. П. А. Толст., 3). Восточное плечо реки Немени называется *Руса, которое имя*, конечно, носит на себе по Варягам Россам (Ломон.). И *венчались* в той кирке, на котором их законном браке был генерал цесарской Флегонт и все генералы и министры флоренския (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.).

Сходный синтаксический строй имеем в древнем языке при **что**: А что в селе Ильинском двор боярской, и огород, и гумно, и что в гумне конопляник, и до того нам двора и огорода и гумна, и до конопляника дела нет (Шуйск. акты, 1657, — Бусл.). И по такому судному делу на ответчике за безчестье исца правят денги против жалованья, что ему идет царского жалованья на год (Котош., 120).

Относительное **что**, определяющее не один какой-либо член главного предложения, а содержание главного предложения в целом, в литературный обиход вошло, по-видимому, только с XVIII в. вместе с европейскими литературными жанрами. Любопытный случай его употребления можно отметить в «Инструкции дворецкому» (XVIII в.): «И понеже у нас полотно и сукна делают зело узки, *что* отставить, а ткать полотно с четвертью в аршин...» (25).

Возможно, что иногда при выборе относительных слов заявляла о себе и в древнерусском языке также некоторая эстетическая тенденция — избегать в сложных предложениях скопления одинаковых относительных слов. Подозревать это естественно для таких, например, древнерусских сложных предложений, как: «...стряпать у великого князя из тех же, *кои* были у постели, *кому* великий князь укажет» (Свадьбы русских людей, Разряд бояром и дет. бояр., как быти на свадьбе у в. кн. Василия Ив., статья 5).

К редкому и любопытному употреблению надо отнести случай двух нашлаивающихся определительных предложений с **что** и **который**, встретившийся в характерной по своему языку вообще «Инструкции дворецкому» (XVIII в.): «...того ради все, *что* здесь написано, *которое* требует определенного (sic!), то все сделать неотменно в нынешнем году везде...»

Как показывают памятники, напр., украинского языка XVI—XVIII вв., старинному синтаксису не была чужда в придаточных

предложениях двойная относительность, т. е. такой вид зависимости от главных, когда то же самое предложение заключало в себе два относительных слова разных значений, не приведенных в связь параллелизма.

Эта особенность развитого книжного языка, отмененная практикой литературного языка впоследствии, изредка встречается и в русской прозе XVIII в.:

...и каждое утро должен десяток свой обойти по всем дворам, все ли ночевали в домах своих и нет ли кого прибылых посторонних (кроме проезжих стоялцов, *которые к кому на двор как скоро въедут, повинен он десятскому объявить об них, кто проезжей и с чем...*), — Инструкция дворецкому.

Как особенность только древнейшего языка, по самой природе оборота не частую, впрочем, и в нем, можно отметить случаи, когда относительное местоимение, при расхождении в формальной стороне определяемого слова в главном предложении — с предикативным членом придаточного, согласуется не с определяемым словом, а с предикативным членом придаточного предложения. Это находим, например, в известном выражении «Повести временных лет»: «*Поляне, яже нынѣ зовомая Русь...*»

Из относительных прилагательных, принадлежавших древнему языку, вовсе вышло из употребления в именительном ед. ч. **кой, кая, кое** [ср. в старом языке: ...А кой тот вор Васка и откуда, и за чем на Фалынском море, и что с ним людей, и какие люди, того он, Яков; у них, воровских казаков, не слышал (Отписка царю Федору курск. воеводы кн. П. Хованск., 1682 г.). И для их ко мне таких многих обид и неправд и озорничества не вели, государь, им рыбы моей из Астрахани в Нижней впрעדь возить с 159-го году от весны, коя... рыба моя с Яику в Астрахань пришла после их нынешнего асеннего насаду, кой их насад, не дошед до Нижнего, в заморозе стал (Хоз. Мороз., II, Акты, № 21) ¹, а косвенные падежи ед. ч. и множественное от него встречаются почти исключительно у писателей старых. В целом тенденцию этого местоимения к исчезновению надо объяснить, вероятно, тем, что оно, в отличие от других относительных местоимений, не имело в живом литературном употреблении параллели в вопросительной функции. [В диалектной речи **кой?**, **кая?**, **кое?** существуют; ср. у Некр.: «А кой тебе годик?» (Крест. дети). Барин! кое место на Литейной? — спросил извозчик (Гопч., Обыкн. ист.)

¹ Один из наиболее поздних примеров — «Я видел мудреца, кой истину любил...» (А. Нахимов, Редкости, до 1818 г.).

Ср. в вопросительной функции: Но *ког* сердце толь жестоко, которо б сей богини око Не сильно было умягчить? И *кая* может власть земная На дщерь и дух Петров взирая, Себя противу ополчить? (Ломон., Ода 6).

Реже других встречается форма винительного падежа ед. ч. женск. рода: Река, которой проливают Великие озера дань И кою громко прославляют Во всей вселенной мир и брань! (Ломон., Ода 10). И ты в женах благословенна, Чрез кою храбрый Алексей Нам дал Монарха несравненна... (Ломон., Ода 11).

В функции аффективно-определяющей *кой*, *кои* (главным образом эти формы!) сохранились в фразеологизмах: *Кой черт!* (ср. и вопросит.: *Кой черт принес тебя?*); *В кои-то веки...*; *ни в коем случае*.

У писателей с устаревшим языком в XVIII в. можно встретить в роли относительного местоимения формы от *он*, *она*, *оно* с частицей же (ст.-слав. *иже*, *яже*, *еже*):

...Предузнанная гибель... отравляет утехи, *ими же* наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал (Радищ.). Они благую в человеке производят тревогу, *без нее же* уснул бы он в бездействии (Радищ.).

§ 14. Союзы и союзные сочетания (речения).

Система древнерусских союзов представляет очень значительные отличия от нынешней. Ограничиваясь материалом, извлекаемым главным образом из московских и сев.-русских памятников, можно наметить такие важнейшие особенности старинной системы:

1. Сочинительные союзы.

Сравнительно не часто *а*, в соответствии употреблению, известному из других славянских языков, еще выполняет функцию обычного *и*¹: ...Ать молить бога, *а* душу мою поминаеть (Духовн. вел. кн. Сем. Ив.). И сентября в 16 день, на первом часу дни, пришел к Якову Антоней Поссевинос, *а* говорил Якову и Тишине... (Отчет Я. Молвян.). А которому дадут татя, *а* велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно (Судебн. 1497 г., 34). И мало постояв, подскольничий кликнет верховаго Сокольнаго Пути подьячаго, *а* молвит... (Урядник).

Как контаминация двух средств выражения присоединения в старинном языке довольно часто встречается сочетание союза *и* с предлогом *с*: ...Чтоб... торговые всякие люди *и с своими товары* ставилися б на гостиных дворех... (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писана в 1571 г.).

И нововыборный, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, *и с товарищи* поклонится государю до земли (Урядник, статья 4). ...вот-

¹ О значениях союза *и* в памятниках древнерусского языка, кроме того, что в этом отношении дают «Материалы для словаря др.-русск. языка» И. И. Срезневского, I, стр. 1015 — 1017, см. — И. А. Попова. Значение и функции союза «и» в древнерусском языке. — Тезисы докладов по секции филологических наук на научной сессии 1945 г. Ленингр. унив., стр. 46—50. В частности, заслуживает внимания тезис (8): «Союз «и», присоединяющий предложение, не являющееся по своему значению и функциям равноправным с предыдущим и не находящееся, следовательно, с ним в отношениях сочинения, а выступающее в роли определяющего, не является тем самым соединительным сочинительным союзом, но союзом присоединительным особого рода, одним из универсальных средств связи в древнерусском языке, связывающим предложения в цепкую конструкцию незамкнутого вида, полусочинительного, полуподчинительного характера по значению».

чине и с хлебом земляным сто рублей (XVII в., Фед.-Чех., I, № 112). ...и королевна убралась хорошенько и з девицами (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). И от цесаря Василей и с королевной... к адмиралу на корабли поехали... (там же). ...прибыл флоренской адмирал и с прекрасною королевною Ираклиею на пристань... (там же). ...и поживе многия лета и с прекрасной королевною Ираклиею и потом скончался (там же). ...чем смешить царя и с ордою (Кант., Сат. V). Ср. еще у Грибоедова: Главный (слуга): Скажите барышне скорее, Лизавета: Наталья Дмитриевна [,] и с мужем, и к крыльцу Еще подъехала карета¹.

А, как и и, свободно могло начинать фразу в текстах с параллельным содержанием и допускало, чтобы другие предложения, вводящие дополнительные моменты, начинались с него же или с него и же за словом, им вводимым: А передсудчиком пересуд имати на виноватом две гривны; а менши рубля пересуда нет. А с списка с судного, и с холопа, и с земли пересуда нет; а с поля со всякого пересуд. А список оболжвит кто, да пошлется на правду, ино в том пересуд, а подвойским правого десятка 4 денги, а имати на виноватом же (Судебник 1497 г., 64). А на татии и на разбойники же... ино и князю продажа не взяти (Пск. суд. грам., 52). Индеяне же не едят никоторого мяса... а свиней же у них велми много; а ядят же днем двожды, а ночи не ядят, а вина не пиять ни сыты; а с бесермены не пиять ни ядят. А ества же их плоха, а один с одним ни пиять ни яст, ни с женою; а ядят брынець, да кичири с маслом, да травы розныя ядят, а варят с маслом да с молоком; а ядят все рукою правую, а левою не приемется ни за что, а ножа не держать, а лъжици не знают, а на дорозе кто же собе варит кашу, а у всякого по горньцу (Хож. Аф. Никит.)

Характерно древнерусское а, вводящее предложение после высказываний со значением нынешних «что касается...» и под. или после, обыкновенно развернутых (с определениями), названий предметов: А что моих поясов серебряных, а то роздадать по попяям. А что мое 100 руб. у Ески, а то роздадать по церквем. А что ся остало из моих судов из серебряных, а тым поделаются сынове мое и княгини моя. А что ся останеть моих порт, а то

¹ Параллели этой конструкции встречаются в других славянских языках, например, в чешском: «Po třech dnech propustil od sebe krále Ladislava Uherského i s vojskem jeho...» (Ф. Палацкий, Dějiny narodu českého, II, 103) = «Через три дня он [Рудольф Немецкий] отправил от себя короля Владислава Венгерского (и) с его войском». Подобная конструкция известна и в румынском языке: «Atunci Harap Alb intră, cu albina pe umăr, în odaia unde țera împăratul și cu fetele...» (Ион Крянга, Harap Alb) = «Затем Харап Альб (белый арап) входит, с пчелою на плече, в комнату, где был царь (и) с девицами». — «...înainte de pornire, trebuie să meargă calul și cu turturica mea...» (там же) = «перед тем как двинуться в путь, нужно, чтобы (твой) конь (и) с моей горлицей отправился...»

роздавать по всем поьям и на Москве. А блюдо великое серебряное о 4 колца, а то есмь дал святѣй богородици Володимерьской (Дух. грам. в кн. Ив. Калиты, I вариант).

Да, по-видимому, лишено было раньше специфической стилистической окраски, связанной с ним теперь¹:

А к слоном вяжутъ к рылу **да** к зубом великия мечи по кендарю, кованы, **да** оболочать их в доспех булатный, **да** на них учинены городкы, **да** в городке по 12 человек в доспесех, **да** все с пушками **да** стрелами (Хож. Аф. Никит.). ...дал есмь в своем старейшестве в Олехсинском стану озеро Смехро... **да** озеро Боровое на поминок душе своему деду, **да** и своему отци (sic!), **да** и своей, **да** и всему своему роду (Грамм. кн. Фед. Андр. стародубского конца XIV — нач. XV в.). А не пойдут опричные люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами, **да** велети их дати на поруку **да** поставити перед великим князем (Судебник 1497 г., 68). А кто солжет, и того казнити торговою казнию, **да** вкинути в тюрьму (Судебник 1550 г., 42).

Также без стилистической окраски могло употребляться и **да и**:

...8 церквей сгорело, а людей множество сгорело, а животы без числа, а загорелось на Кузмодемьянской улице, **да и** до конца Неревьского, **да и** конец (Новг. лет. 2, 142, — пример П. Лавровского, О языке северных русских летописей, 108). А ныне есми послал к митрополиту **да и** к тебе Юшка Шеина (Пис. вел. кн. Вас. Иоан. 1526—1530 г.). ...То место на шее стало повыше **да и** черленее (Пис. вел. кн. Вас. Иоан. 1530—1532 г.). Однолично б вам сыскивать правдою, никому не норовя, **да и** ся моя указная грамота прислать ко мне к Москве с сыском вместе (Хоз. Мороз., I, № 28).

Но ср. также **да и**, иногда заключавшее фразу с уже введенным или введенными **и**: А кто купит лошадь на Москве или в Московском уезде, **и** тем те лошади пятнати у пятенщиков на Москве, **да и** в книги написати по старине... (Судебн. 1550 г., 94). ...А воем своим всегда сердце веселит своим жалованьем царьским **и** алафю, **да и** речию своею царьскою (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

Во многих случаях **да и** выполняет функцию определенно добавочного сообщения вроде: «И Роману те часы сторговати на товары... **да и** часовнику говорити, чтоб он ехал с теми часы ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси, к Москве...» (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.).

С полной определенностью заключительный характер **да и** выступает, например, и в фразе «... а Тохан взяли **да и** пожгли...»

¹ Известная экспрессивность принадлежала ему, однако, как показывает песенный (былинный) язык, при определениях и сказуемых; ср. и в прозе делового документа в месте с аффективной окраской: ...И те государь, Богдан Мушин с братом своим с Федором и своими людьми да меня, государь, холопа твоего, били... (Отписка Яжелбицк. яма стройщика Никиты Страхова, 1585 г.).

(Хож. Афан. Никит.) или в фразе Ив. Пересветова: «...то они не мир отбивали от царя и не жалобников, отбивали они от царя божие милосердие, *да и отбили*» (л. 94, стр. 206).

Как и **а**, **да** может быть подкреплено союзом **же**, который следует за словом, вводимым этим **да**: Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, *да те ж* наши изменники возмутили народ... (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 13). И я ему говорил, что Патерик Печерский читал. *Да он же* мне говорил: да, жив в Печерском монастыри, поидем до святого града Иерусалима... (Памяти. Смутн. врем., 20). И князь Василей и все его дворовые люди говорили мне... *Да князь же* мне говорил... (там же, 22).

Это же возможно и при союзе **и**: И познася со многими индейны... *И они же* не учили ся от меня крыти ни о чем... (Хож. Аф. Никит.).

Сочетание **а** и **же** представляет, по-видимому, диалектный союз **аже**:

Приехаша посадники и псковичи к городищу, *аже* немцы прочь в землю свою побегоша (Псковск. I летоп., 6938 г.). И на завтее сошлись в Иконном ряду, *аже* у него приговорен ехати же чернец Мисайло... (Памяти. Смутн. врем., 20). И пришли до Острога, до князя Василя до Острожского, *аже* князь Василей в сущей во христианской вере пребывает (там же, 21). И пришли из того града Тордора ко граду Мелхии гости на телегах, *аже* град погибл и место равно стало... (Вымышл. статейный список посольства кн. З. И. Сугорского к кор. Максимиляну 1576 г., — XVII в.); смысл — «...но вот...».

К редким союзам принадлежит парный **как... так и**, соответствующий современному литературному употреблению (по происхождению сравнительное и указательное местоимения-наречия): ...*Как* нам, всему крестьянскому народу московскому, *так* и вам..., видячи в конец погибель пришедших всех вас, утвердить совет... (Воззв. моск. людей).

Роль противительных союзов исполняют в древнерусском, кроме уже упоминавшегося **же**, еще **а**, **но**, **ано**, **ан**, **ажно**, **аж**, **ино**, **ин**.

Примеры приводим главным образом на необычные в современном литературном языке:

А из Тервиза поидох в орду Асанбег, в орде же бых 10 дни, *ано* пути нету никуды (Хож. Афан. Никит.).

Мене залгали псы бесермена, а сказывали — всего много нашего товару, *ано* нет ничего на нашу землю, все товар белой, на Бесерменьскую землю (Хож. Афан. Никит.). А чьи судьи на третии не поедут или на кого третии помолвит. *ан* взятого не отъдаст. то правому отняти... (Догов. грам. в кн. Дм. Ив. 1375 г.).

Ярослав... измав я [новгородцев] вся посла исковав по своим городом... и приде весть в Новъгород. бяше же новгородцев мало. *ано* тамо измано вячшие муж. а меньшее одни розидошася, а иное помърло голодом (Новг. I лет.). ...Полонив меня, хочет

постригчи. ...*Ино* мне постригчися не хочет, Чернеческого чину не здержати (Песн. Дж., 85—89). Моленой боран отлучился, *ин* гулящей прилучился (Сборн. XVII в., — Бусл., стр. 1420).

Ано же в древнерусском могло еще иметь значение, параллельное нынешнему, почти вышедшему из употребления, **ан** «а вот, а вдруг, но вот» и под.: ...*Ан* смотришь, тут же сам запутался в силок (Крылов, Чиж и Голубь). — ...На утро пришел, *ано* мне Бог дал шесть язей, да две щуки... (Аввакум, 113). Ср. и сходное по значению **ино**: Пробудился, *ино* все замерзло (Аввакум, 114).

Дальнейшее развитие **ано** имеем, наконец, в значении «ведь»: А Шереметеву как назвати братиею, *ано* у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братий...? (Посл. Иоанна Гр. иг. Кир.-Бел. мон., 4).

Обычно к народно-аффективному стилю относится союз **ан**. Он и его предшественник **ано** вносит в большинстве случаев значение резкой противоположности, часто неожиданной противительности: Князь Дмитриеи Юрьевич ...восхотѣ причаститися и пришедшу священнику с святыми дары. *ан* его тогда кровь пустися из обою ноздрию (Никон. лет.)¹. Из поздних примеров: Ждал дед внучки, *ан* ему ни сучки (Стар. сборник, 944). «Ну-тка теперь со мной потягайся, *ан* и сделаешь от ворот поворот... (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники). В последнем случае **ан** и очень близко к нынешнему «то и...», вводящему аподосис условного предложения.

Аж: «...и мы... пригонили на голос; *аж*... монастырской человек Иванко лежит мертв убит» (XVI в., Фед.-Чех., I, № 45).

Союз **ажно** также обозначает «и вот, и вдруг»:

И мы, бедные,... пошли за ними в поход: *ажно* садятся они на свои бусы и каторги... (Ист. об Азовск. сид., 27). И мы пошли к царским дверем: *ажно* на месте патриаршеском стоит Никон патриарх, да посох у него в руках Петра чудотворца (Дело Ник., № 36). ...А по меня прислалъ [sic!] турьской салтан, велел мне ехати во ц(а)рьград и быти опя(ть) патриархомъ, и яз приехал в ц(а)рьград, *ажно* церков(ь) б(о)жия разорена и строят в ней мезгит [мечеть] (Слав. рукоп. б. Синод. библ. 703, — Шпаков, Прилож., стр. 137). ...перееждают богатыри Смугру реку, *ажно* (= и вот вдруг) едут встречу 12 человек все калиги переходя... (Сказ. о седми русск богат., по списку XVIII в.).

Со значением, по-видимому, не отличающимся от простого «но», но с четко выраженной психологической окраской (разочарования) этот союз встречается в одном из списков «Хожения» Афанасия Никитина: «Меня залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару: *ажно* нет ничего на нашу землю...» (стр. 38) (ср. выше, стр. 364, ... *ано* ...).

¹ Примеры — из «Матер. для слов. древнерусск. яз.», I, И. И. Срезневского; другие см. еще — А. А. Потехина, Из запис. по русск, грамм., IV, стр. 220—221.

Роль сочинительно-противительного союза, редко — самостоятельного, чаще — усилительного (при **или**), или же выступающего в сочетании с постпозитивным **ли**, — в обоих последних случаях, обыкновенно с условным значением, — исполняет в старейших памятниках также **пак**, **паки** (паки) «обратно: опять и под»: Урядили **пак** мир, како было любо Руси и всему латинському языку (Догов. грам. смолен. кн. Мстисл. Давидовича с Ригою и Готск. берегом, 1229 г.). В условном предложении: Аще украдет русин что любо у крестьянина, или **паки** хрестьянин у русина (Дог. Олега 911 г. по Ипат. сп.). Оже кто робу повержет насильемь, а не соромить, то за обиду гривна. **паки** ли соромить, собе свободна (Спис. с мирн. грамоты новгородцев с немцами при кн. Яросл. Влад. 1199 г., при догов. грамоте Алекс. Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг.).

Из разделительных союз **или** восходит к соединительному **и** и разъединительному **ли** (последний употребляется также в качестве вопросительной частицы). В старинном языке чаще, чем теперь, выступает рядом с **или** как член сочетания **ли**; в новом литературном языке такие соединения с **ли** в первой части отошли к стилям народному и поэтическому. Пример из Лавр. списка летоп., 40 об.: Але не обрящеться хто (заутра на) рече, богат **ли ли** убог, или нищ, **ли** работник противен мне да будеть... Ср. и употребление одних только **ли**; там же 59 об.: Аще **ли** хочещи, то пере [sic! — перед] тобою вынемеве [мы оба вынем] жито, **ли** рыбу, **ли** ино что [старинная пунктуация: ...жито. **ли** рыбу. **ли** ино что]. Разделительность еще резче выражена в более редком, встречающемся только в старейших памятниках сочетании **а ли**: **А** познает **ли** на долзе у кого купив, то свое куны взьметь (Русск. правда). **А ли** вы ся начеть немочи... (Поуч. Влад. Моном.).

А любо: Да аще хочете за сих битися, да се мы готови, **а** **любо** дайте врагы наша (Лавр. список лет., 90). К происхождению этого союза см. Морф., § 19¹.

2. Подчинительные союзы.

а) Изъяснительные. Наряду с господствующим в значении изъяснительного союза **что**², изредка выступает в древнерусском как подобный же продукт перерождения определитель-

¹ Подробный анализ древнерусского употребления союзов, связывающих сложносочиненные предложения, и указания на специальную литературу о них см. в статье В. И. Борковского «Сложносочиненные предложения в древнерусских грамотах», — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 10, 1956 г., стр. 84—106.

² В наше время указательное местоимение перед изъяснительным союзом **что** известно обыкновенно только в косвенных падежах (в родительном, дательном, творительном, предложном): «Не знал того, что об этом уже сказано», «был рад тому, что это уже сделано», особенно часто — после наречий *потому...*, *оттого...* В именительном и винительном падежах указательное

ного местоимения, кое: Шлеш ли ся в том, *кое* их полудвором не владееш? Шлю же съ в толке, *кое* их есми полудвором не владею (Юрид. акты, 1571). А тебя у нас утаили, а только бы мы ведали, *кое* ты жив, и нам было твоей жены лзя ли просити? (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. королю, 1573 г.).

В придаточных предложениях с оттенками модального характера **что** и **бы** (**б**) фактически слились в союз: ...Он, Стенка, на войскового атамана на Михайла Самаренина и на Корнила Яковлева и на иных, которые в войску постарее, похваляется, *чтоб* их извести за то, что чего они на море ево не отпускали и его оттого унимали (Мат. Раз., III, № 1).

Характерно, хотя и относительно редко, употребление **что** и **было** (= *чтобы*) с инфинитивом в значении будущего времени: Целовали есте крест блаженные памяти отцу нашему великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и нам, чадом его, *что было* опричь нашего государьского роду на Московское государство иного государя никого не хотети и не искати (Памятн. Смутн. врем., 43).

Да мы ж, сироты твои, били челом тебе, государю, преж сего, *что было* нам, сиротам твоим, по иным твоим государевым майданем не работать (Хоз. Мороз., I, № 156).

Ср. подобное модальное **было** = *бы* при формах прошедшего (Морф., § 28).

Судя по характеру текстов, где его находим, чисто книжным являлось **еже** из анафорического местоимения (е + частица **же**):

Грозно бо и жалостно, братие, в то время посмотри, *еже* лежат трупы крестьянские у Дона великаго на брезе... (Задонщ.).

Русскую огласовку имеем в соответствующем ему **оже**: Мы ведаем, *оже* не кончати добром с тем племенем (Лавр. сп. лет., 105 об.). Слышав же король, *оже* идуть князи... (там же, 144).

Что касается изредка выступающего **аже**, напр.: Мы ведаем, *аже* того брат твой не казал (Лавр. сп. лет., 105 об.), то оно, по-видимому, в данной функции явилось вторично в результате параллелизма **оже** — **аже** в значении условных союзов.

Будто (**будьто**), по происхождению — **будь** (с близким к уступительному значением повелительного наклонения в функции 3-го лица) и местоимение **то**. Семантические параллели предоставляют: арханг. *буди* в значении союза сравнения: «Что ты глаза вытарашил, *буди* дикой?», укр. *буцим, буцимто* «будь *сім*

местоимение **то** перед изъяснительным **что** употребляется в современном языке очень редко — лишь в случаях сильного логического ударения, падающего на указательную часть: «Нам известно только **то**, что сделать это необходимо»: «Мы знаем только **то**...». В старинном языке такого рода **то** употреблялось свободнее: ...Только б ваши люди не солгали, и нашим было послом непошто ходити; мы чаяли *то, что* правда (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.); в XVIII веке: Белизарий лутче других ведает *то ... что* любление войны есть лютейшее чудовище из отраслей нашея гордости (Сумар., Из Белизария). — Ты ведай *то, что* львы с клопами не дерутся (Сумар., Лев и Клоп).

то»; но русск. диал. *бытто*, по-видимому, другого происхождения — из *быть то*, с модально окрашенным инфинитивом; ср. и белор. *быццым*: ... И сказал князь Адам про него королю, *бутто* он царевич Дмитрий Иванович Углицкой (Памятн. Смутн. врем., 22). ...Умыслили написать ... воровские листы ... *бутто* те бояре сылаются листами с полским королем (Котош., 101).

Ср. еще *будто ся*, *будтось*: Ответчики сказали на суде, что де *будто ся* тех их оброчных земель не пашут (Юрид. акты, 1612). В прошлом де во 1511 году бил челом государю Шелонские пятины Борис Зверев... *будто-се* их монастырские крестьяне его Борисовы поместные пустоши ... пашню пашут и сенокосом владеют насильством (Суд. дело 1644 г., Фед.-Чех., II, № 111). ...И то питье *бутто* продают в чарки и в ведра, и в братины, и отгово де *буттось* живут [«бывают»] бои до смерти и по дорогам грабежи (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1602 г.).

Союз *будто* очень легко приближается к сравнительным в примерах вроде, напр., такого: ...И ты б, брат наш, говорил, *будьто* от кого то слышал, а не собою (Дело Ник., № 44).

Иногда в значении «будто» встречается *чтоб то*: И они, приехав к нам в верхний город Ломов... , и воеводе Игнатью Корсакову и нам говорили лестными своими словами, *чтоб то* присланы они из войскова от атамана от Степана Разина для обереганья и украенных городов... (Мат. Раз., III, № 39).

В древнейших памятниках, независимо от места их написания, в ходу *яко* в значении «что»: Ведеху бо, *яко* сами убили князя (Лавр. сп. летоп., 16). Увесьть царь, *яко* мало нас есть (там же, 22). И разуме Ярослав, *яко* в ночь велить сецися (Син. сп. I Новг. лет., 1). Ср. в значении «будто»: ...сългаша бо, *яко* Святопльк у города с пльсковици (I Новг. лет., стр. 38).

Этот союз, видимо, чисто книжного употребления, очень долго (до самого XIX в.) сохранялся в канцелярском языке.

В современном литературном языке в роли изъяснительного союза выступает *чтобы*. Употребляется этот союз после главных предложений с отрицательным смыслом или с оттенком устремления к чему-нибудь, опасения и под. Такое *чтобы* по происхождению представляет собою *что* и *бы* сослагательной формы.

Из языка литературы XVIII в. заслуживает внимания употребление *чтобы* с *бы*, отошедшим от условного наклонения, со значением предположения: Я весьма уверен, *чтобы* оно в переводе весьма понравилось (Фонв., Иос.). Не знаю, *чтобы* лев область свою распространил, когда пустую землю он получил (Хемн., план басни), и галлицизм *чтобы* после инфинитивов, примыкающих к сказуемым с отрицанием: «Ле-Брюн не мог равнодушно слышать, *чтобы* говорили о Ле-Соеровых картинах» (Камрамин).

Ср. и схожее по оттенку употребление при отрицаемом указательном местоимении: Наш поэт в разных родах испытывал свои силы, и нам можно жалеть не о том, *чтобы* он, не сове-

туясь с своим гением, принимался за иное, но о том, что, не советуясь с выгодами читателей, не умножил, и еще более не разнообразил своих опытов (П. А. Вяземский, Известие о жизни и стихотв. И. И. Дмитриева, 1823).

б) Причинные союзы. В древнерусской письменности в обращении ряд причинных союзов. Одни из них — относительные склоняемые местоимения с предлогами или без них, утратившие свой первоначальный характер, другие — местоименные наречия, те и другие — с оттянутой к ним или оставшейся независимой указательной частью. Третья группа — союзы вне отношения к местоименности.

К первой группе относятся:

Оже: Не тяжька заповедь божья, *оже* теми дела 3-ми избыти грехов своих (Лавр. сп. лет., 79 об.).

Яже: Велика, господи, милость твоя на нас, *яже* та угодыя створил еси (Лавр. сп. лет., 79 об.).

Имьже (твор. средн. рода ед. ч. и частица *же*): Оттоле почаша Печерский манастырь, *имьже* беша жили черньци преже в пещере (Лавр. сп. лет., 53 об.).

Вероятно, сюда же относится и **оли то**: Не мози их держати в граде, *оли то* створять ти зло, яко и сде (там же 25). Этот союз представляет, видимо, *е* (откуда в русском *о*) + *ли* + *то*.

Что: ...да обыскали все; а обыскивают грамот, *что* есми пришел из орды Асань-бега (Хож. Афан. Никит.). ...А у Гневаша да у Губы велел ту землю отсудити, *что* у доклада не стали... (Правая грам., 1485—1505 г.). Ср. там же: ...А у Гневаша да у Губы у Стогининых те земли отсудили, *потому что* у доклада не стали. — ...И ты ся за то имаешь, *что* их тому промыслу учити с великим трудом, что они возростом велики... (Грамм. Иоанна IV царя гр. патриарху, 1583 г.). ...грех ради их и гордости, *что* они мир от царя *отбивали и жалобников к царю не пуцали* (Пересв., л. 94, стр. 206). А вам, гостем и торговым людем, и в торговле в вашей волности не было и в пошлинах, *что* треть животов ваших, а мало и не все, иманы (Памятн. Смутн. врем., 45). ...А тех де они стрельцов возят нартами на себе, *потому что* у них зимою санных дорог нет, *что* место лесное (Грамм. из Приказа Каз. дворца, 1633 г.). И на-розно, государь, ехать не похотели, *что* иные были, государь, в разъезде... (Хоз. Мороз., I, № 107). И возлюбили те денги всем государством, *что* всякие люди их за товары принимали и выдавали (Котош., 100). Ср. и **что** в придаточном предложении, предшествующем главному: А *что* Олексеи Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к себе его не примати, ни его детей... (Догов. грам. в. кн. Сем. Иван. с братьями).

Относительно редким делается **что** в причинном значении — в XVIII в.: Слуга сей был хотя и не дурак, **Да** правды он дер-

жался, К тому же испужался, А больше что в делах амурных был протак, Ответствовал ей так... (Аблесимов, Быль, 5),¹.

Зане, занеже, заньже (по происхождению за (н)е — относительное местоимение средн. рода + же): Мужи отни похвалу му даша велику, *зане* мужьскы створи (Лавр. спис. лет., 108 об.). ...и ты вели своим бояром землю их отвести того села по старине ...*занеже* деи их в землях обидят (Грамм. в. кн. Вас. Вас. в списке серед. XVI в.). А с торусским князем взяти ми любовь, а жити ми с ним без обиды, *занеж* те князи с тобою, с великим князем Юрьем Дмитриевичем, один человек (Догов. грамм. вел. кн. Юрия Дмитр. с вел. княз. рязан. Иван. Федор., 1431 г.). Аз же от многыя беды поидох до Индеи, *заньже* ми на Русь пойти не с чем, не осталось товару ничего (Хож. Афан. Никит.). А на Мякку пойти, ино стати в веру бесерменскую, *заньже* христиане не ходят на Мякку веры дея, что ставят в веру. А жити в Гундустане, ино вся собина исхарчити, *заньже* у них все дорого (там же). А писали есмя по своему самодержьству, как пригоже быть, и по твоему королевству, *заньже* преж того не бывало, что великим государем всеа Русии с свейскими правителями ссылатись, а ссылались свейские правители с Новым городом (Грамм. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.).

В грамоте 1482 г. — отводной на земли Кириллова монастыря и крестьян Кивуйской волости (Строев, I, стр. 52—56) вм. *зане же* встречается *занде же*.

Редко и книжно *заиже*, восходящее, вероятно, к *за-и-же* (и — указательное местоимение именит.-винит. пад. ед. ч. мужск. рода): Только мне в володимере быти не возможно, *заиже* патриархи бываю(т) при ц(а)ре всегда, а то что за патриаршество, что жити не при г(осу)даре (Слав. рукоп. б. Синод. библи., № 703, Шпаков, Прилож., стр. 141). И бояры о том поговорили, чтобы пресвятейшему патриарху иеремею вселенскому быти в нашем государстве в российском царстве на патриаршестве в начальном граде в володимере, *заиже* Иереми патриархъ вселенский сказывалъ [sic!] в роспросе боярину нашему и конюшему борису федоровичю годунову, что по грехом всего хр(ис)тианьства турьской салтан на церковь божию волнение и на него великое гонение учинилъ [sic!] (там же, стр. 147).

Понеже (по происхождению — по (н) + е + же): ...Имеите в собе любовь, *понеже* вы есте братья единого отца и матери (Лавр. спис. лет., 54 об.). ...Не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси: *понеже* деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детям, приказали служити... (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 10). ...Пожалуй, отпусти любезную

¹ О широкой употребительности союза что в разных значениях у А. С. Грибоедова и, по-видимому, вообще в просторечной практике первой четверти XIX века см. И. Ильинская «О языке писем Грибоедова». — Литературное наследство, 47—48, М., 1946, стр. 290—291.

свою дочь Аннушку для свидания со мной, *понеже* многие годы не видала ее (Ист. о рос. двор. Фр. Скобееве). Звери, *понеже* чище, нежели мы душою... (Кант. Сатира V).

Ср. и сугубо книжное **понеже бо**: Сия повесть до зде и конец, *понеже бо* не все исписать: что видели, то и написали (Хожд. на Вост. Котова, 102).

Может быть и простое **поне**: Буртаси, черемиси, вяда и моръ-два бортьничаху на князя великого Володимера, и жюр Мануил царегородский опас имея, *поне* и великия дары посылаша к нему (Слово о погиб. русск. земли, около 1238 г., в списке XV в.). Значение скорее всего, — «ибо»: Обычное значение **поне** — «хотя бы, по крайней мере», — Срезн., Матер. к слов. др.-русс. яз., II, 1178—1179 стр.

Потому что: ...С часу на час ожидаем себе смерти, *потому что* у нас в осаде шатость и измена великая (Пис. Ксении Годун. к ее тетке, 1609 г.). ...польготь, государь, в своем государстве, в рожественском оброке, *потому что* мы впрямь бедны и скудны и голодны... (Челобитная кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.).

Для того что: ...А на сторону в иные дворы девиц и вдов замуж не выдают, *для того что* те люди у них, мужской и женский пол, вечные и кабальные (Котош., 16). ...И потому у него бывшего Никона патриарха, тому святителя и чудотворца Петра митрополита посоху быти не доведетца, *для того что* он уже патриаршеский престол оставил своею волею (Дело Ник., № 39). А посылаются того приказу подьячие с послами в государства... и в войну с воеводами, *для того что* послы, в своих посолствах, много чинят не к чести своему государю... а воеводы в полках много неправды чинят над ратными людьми (Котош., 85), Да поп Мартин в скаске своей прибавил: великому государю не известили про приход бывшего патриарха Никона, что он вошел в соборную церковь, *для того, что* он, поп Мартин, был в облаченье (Дело Ник., № 40)¹.

Затем что: И у Лешковскова, государь, у нижнева пруда свай не биты *за тем, что* земля мерзл(а)я (Хоз. Мороз., I, № 52).

Второй тип представлен собственно одним русским союзом **как**: ...А сами, *как* есть государи истинныя христьянския, умилисердилися на твою Свейскую землю, гнев свой поудержали и возвратили бранную лютовсть (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор. 1572 г.). ...И мы, *как* есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнити не велели есмя... (Грамм. Иоанна Гр., 1574 г.).

Ср. позднейшее **так как** из «так... как»: Сняли со стены образ, который был обложен золотом и драгим камением, *так как* прикладу всего на 500 р., и послали с тем же человеком... (Ист. о рос. двор. Фр. Скобееве).

¹ О подобных союзах в первой четверти XIX века см. подробно в РЛЯ XIX в., М., 1954, стр. 398—400, и, специально у А. С. Грибоедова, в статье И. Ильинской «О языке писем Грибоедова», — Литературное наследство, 47—48, М., 1946, стр. 288—291.

Изредка встречается **для того как**: ...И покинуты они были на Саратове, *для того как* вор шел вверх, а они заболели... (Мат. Раз., III, № 44).

Яко следует считать чисто книжным, церковнославянским:

И убиша Захарию посадника и Неревина и Несду Бириця, *яко* творяхуть е перевет дръжаше к Святославу (Син. сп. I Новг. лет., 68).

В третью группу входят: древнейшее славянское **бо**¹ и тоже очень древнее, но вряд ли не только книжное, **ибо**: В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный *бо* человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен... (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

Определенно книжноцерковным являлось наряду с ним **убо**.

Литературный язык XVIII и первых десятилетий XIX в. в существенном пользуется всеми причинными союзами московской письменности, кроме **бо**, остающегося только в сугубо архаических стилях (главным образом церковном)² и **зане**, **яко** — в архаизирующих. В архаизирующем же стиле законодательства и канцелярий широкое распространение получает в причинном значении церковнославянское **поелику** (первоначальное значение — «поскольку», «насколько»; ср. архаическое «поелику возможности»). Не редок он и в авторском языке: *Поелику* места там наиболее лесистые, то охотники выбирают некоторую часть леса, о которой надеются, что в ней зверей довольно... (Болотов). ...А *поелику* была также и музыка, то после обеда завели и танцы... (Болотов).

Вне употребления остаются, конечно, архаические или диалектные и для московской письменности **яже**, **имъже**, **оже**, **оли то**.

Приводим несколько примеров причинных союзов из языка писателей: Не усмотрел ли он, спросил, усопшей следа. Сосед советовал вниз берегом итти, *Что* быстрина туда должна ее снести (Ломон., Притча). А *что* сия ума забава — Калифов добрых честь и слава, Снисходишь ты на лирный лад (Держ.). От вышереченного не можно заключить, *что* понеже в стихосложении нашем нельзя быть сочетанию стихов, то, следовательно, и смешенно рифме... (Тред.). ...А *как* они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою (Фонв., Чистосерд. призн.). ...*Как* христианина фершала здесь нет... (Фонв., Пут. в Вену). А куры между тем, *как* робости не знали, Клевали крохи да клевали (Хемницер). Но *как* ум гоним в целом свете, то очень скоро наскучил он быть умным... (Крыл., Похв. речь дед.).

¹ Иногда это **бо** является частицей, усиливающий союз **зане**.

² В начале XVIII в. он еще употребляется: ср.: Не можно **бо** ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить (Посошков). Позднейший пример — у Жуковского: Защитой **бо** града единый был Гектор (пер. «Энеиды»).

Употребление как встречается и у позднейших писателей; особенно обычно оно в первой половине XIX в. после союзов **и, а, но**; ср.: «Мы еще не имеем на то права», отвечал он с тяжким вздохом. «А как консул Далмат и его товарищи все философы, то они на сии преимущества имеют всякое законное право» (Нарежн., Бурсак, 1824 г.). По этому случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузьмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды им употребленного (Пушкин, Капит. дочка, 1833—1834 г.). Он написал трагедию «Клеопатра», и как, по замечаниям знаменитого Дмитриевского, признал ее неудачною, написал другую — «Филомела» (Белинский, И. А. Крылов, 1845 г.).

Наряду с известным уже древнерусскому языку потому что, едва ли не чаще употребляется для того что¹, пока, наконец, во второй четверти XIX в. побеждает окончательно первое, более четкое с точки зрения специфичности значения (причины, а не цели, повод к чему мог давать предлог в первой части сочетания): По сему описанию Оды видно, что она благородством Материи и высокостию речей не разнится от Эпической Поэзии, но токмо краткостью своею также и родом Стиха, для того что Ода никогда не сочиняется Гексаметром, или шесть мер имеющим Стихом (Тред.). Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту (Радищев, 79).

Еще характернее в этом отношении не для того чтобы: Он никогда не намеревался быть политиком, но не для того, чтоб недоставало ему ума (Крылов, Похв. речь дед.). Смотря иногда на большего моего сына и размышляя, что он скоро пойдет на службу ... у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы; но для того, чтобы со зрелыми нравами надлежало начинать службу (Радищев, 73).

Параллельна историческая судьба речения за тем что:

Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, за тем что на силу могут платить господские поборы (Новиков, Трут.).

Еще более редко ради того что: Не завидуя никакому на свете щастию, ради того, что они в своем звании благополучны... (Новиков, Трут.).

Ср. и: ...грех ради их и гордости, что они мир от царя отбивали и жалобников к царю не пушали (Пересв., л. 94, стр. 206).

В большом ходу в XVIII в. архаический союз понеже (в канцелярском слогe заходит он и в XIX в.): Ежелибы человек мог

¹ Само сочетание для того издавна имеет значение наших «потому», «потому»: И как его убили, и те орехи кровию его обгагрились, и для того те орехи на нем во гроб положили (Памятн. Смутн. врем., 84).

Все ведать и знать, то б не имел нужды и в совете; но *понеже* часто собственное самолюбие ослепляет его в том, что ему полезно, то он обязан бывает иметь прибежище к людям, кои его искуснее (Приклон., 65). *Понеже* добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо (Радищ., 86).

Совершенно определенно стилистическая сфера применения союза *понеже* характеризуется в «Письмовнике» Курганова (стр. 359—360). Здесь под этим заглавием приводится шутивное стихотворение, в котором все время обыгрывается тема «понеже»: «*Понеже* говорят подьячие в приказе, *Понеже* им прожить не можно без того, *Понеже* в голове у них и в каждом глазе... Подьячие бы все пропали без *понеже*, Не может быть затем у них *понеже* реже».

Сродни причинному значению значение повода, которое принадлежит иногда в старинном языке союзу **что (а что)**:

А *что* живет у тебя наш человек Обрюта Мамалахов, а уже де и языку вашему научился, и тыб его отпустил к нам часа того (Грам. Иоанна IV царьгр. патриарху, 1558 г.).

в) Союзы цели. **Ать (аъ)**: ...То есмь все дал своей княгине *ать* молить бога, а душу мою поминаеть до своего живота (Духовная вел. кн. Сем. Ив.).

Исходное значение этого союза — «пусть», хорошо засвидетельствованное в памятниках. Употребление вроде того, которое имеем в приведенном примере, представляет собою переходное явление между сочинением и подчинением.

К стилю приподнято-книжному относилось чуждое народному языку **да с** будущим: Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте нелениво и безсучно, *да* не забудут птицы премудрую и красную свою добычу (Урядник).

К нему же относится **да же**: Мы же со владыкой приказали ево среди улицы вергнути псом на снадение, *да же* граждане оплачут его согрешение. И сами три дни прилежне стужали об нем, *да же* отпустится ему в день века... (Аввакум, 83).

Чем бы: ...И вы де таких подчиненных людей за такие их бесчинства и за непослушание церковного пения и келейнаго правила наказать и смирить не смеете, потому что они сказывают за собою наши, великаго государя, дела того ради, *чем бы* им из под начала освободитца (Грам. 1663 г.). Умыслили написать на того боярина и на иных трех воровские листы, *чем бы* их известь и учинить в Москве смуту для грабежу домов (Котош., 101).

Несомненно, чисто книжными являлись в московской письменности **во еже**: Верного твоего раба хотим послати к тебе Федора Михайлова Мамалаха; держали есмя его поучитись ему и наказаться ему и, подщався, научился отчасти еллинской грамоте, *во еже* перевести ему грамоты (Посл. царьгр. патриарха 1557 г.) и **якобы**: ...Да те ж наши изменники возмутили народ, *якобы* и нас убити (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 13).

Обычное и сейчас **чтобы** — в широком употреблении: ...А пишу вам се слово того дея, *что бы* не перестала память родилии¹ наших и наша и свеча бы не угасла (Духовная вел. кн. Сем. Иван.). ...И велел присуд имати к себе в казну для того, *чтобы* судьи не искушались и неправды бы не судили (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

По происхождению **чтобы** — союз *что* в соединении с *бы* со- слагательного наклонения. Интересный случай, вряд ли, однако, соответствующий живому употреблению, представляет в «Плачев- ном падении стихотворцев» М. Чулкова **что** с сослагательным наклонением глагола, соответствующее нынешнему *чтобы*: «Я от роду воды Кастальской не пивал, и пить ее боюсь, *что* с ног *бы* не упал».

Путь от относительного **что** к союзу цели отражает, напр., характерное выражение у Котошихина (стр. 52): ...Пишут они [послы] в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез **чтоб** доставить у царя себе честь и жалованье большое. Ср.: «*чрез что б доставить*» — «при помощи чего доставить *бы*» — «**чтобы доставить**».

При причинном союзном решении для **того, что**: «В Шемахе, по приказу околничего Федора Яковлевича Милославского, астраханским целовалником, Гаврилу Севрису с товарищи, шти чело- веком, которые у казны великого государя, дано государева жа- лованья... *для того, что* они люди бедные и платьем неодежны» (Дела Тайн. приказа, III, книги перс. товаров, 1663—1665 гг.), может иногда (в том же памятнике) выступать в роли речения с целевым значением от **того, чтоб**: Шемахинскому базарному дараге дано пара соболей...; дано *от того, чтоб* велел на крам- сарае отвесть лавки добрые...; Дано *от того, чтоб* отпустил с Шемахи через реку Куру на Муганскую степь прежь торго- вых мужиков.

Паралельно **чтобы** образование **дабы**.

К образованию этого союза ср.: «...но послися к брату своему Володимиру, *да бы* ти *помогл*» (Лавр. список лет. под 6601 — 1093 г.), т. е. **да** «**чтобы**» и форма условного (сослагательного) наклонения — *помогль* (бых(ъ) — 1 лицо ед. числа, ... *бы* — 2 и 3-его и т. д.). В старославянском: Молить *сѧ*, да *бы* напасти избыль (Супрасл. рук.). С такими формами ср.: Поиду Киеву да поряд положим о Русьстеи земли ...*да быхом* оборонили Русьскую землю (Лавр. спис. лет., 76 об.).

Дабы очень распространено в языке XVIII в. и в первой половине XIX в. Употребляется оно, в отличие от **чтобы**, толь- ко в значении целевом в узком смысле.

Иногда этот заимствованный из старославянского книжный союз оправдывает свое применение тем, что помогает избегать

¹ Описка вм. «родителии»,

однообразия в случаях, когда предложению с *чтобы* подчинено другое со значением цели; ср.: ...Однакож чтоб такое время было, чтоб возможно то сделать, *дабы* невозможностию не обвинен кто был напрасно... (Указ Петра I «о долж. Сената», 1722 г.). ...Корреспонденции же между собою, которые когда востребуются с губернаторами и воеводами, оные с крепким подтверждением чиниться подобают, ясно, с описанием всех потребных обстоятельств, *дабы* все случаи отнять, чтобы не могли чем отговариваться (Генер. регламент, 1720).

В подавляющем, однако, большинстве случаев употребление *дабы* носит вполне случайный характер. Уже Карамзин относил союз *дабы* к особенностям «приказного» языка и находил, что употребление его «очень противно в устах такой женщины, которая, по описанию Ариостову; была прекраснее Венеры» (Рец. на перевод «Неистового Роланда», Моск. журн., III).

г) Союзы сравнения.

Наряду с обычным *как*, для XVIII в. очень характерно сложное наречие — союз *подобно как*: «...пресветлыми очами Елисавет сияет к нам... *Подобно как* орел парящий От самых облак зрит лежащи Поля и грады под собой (Ломон.).

Что, сохраняющееся и теперь в стилизациях под народную речь, прямо восходит к относительному *что* в случаях вроде *тот... , что... , те... , что...* и под.

А ныне у вас Шереметев сидит в келье, *что* царь, а Хабаров к нему приходит да иные чернцы, да едят, да пьют, что в миру (Посл. Иоанна Гр. игумену Кир.-Белоз. монаст.). Толко братина дховая выпить, и человек пьян будет так, *что* с меду (Мат. пут. Ив. Петлина, 274). А перед самими ворота играют и бьют в большие трубы, *что* буйволы ревут и в суренки играют... (Хожд. на Вост. Котова, 105). А как они, Нагайцы и Татары, табунные свои лошади испродадут, и на отъезде своем бывают у царя, *что* и Калмыцкие послы, и бывает им стол на царском дворе доволной (Котош., 92). ...И платье им ис царские казны дается, смотря по человеку, *что* и Крымским же послом (там же). И в том Приказе ведомо Сибирское царство и города против такого ж обычая во всем, *что* и Казанское и Астраханское царствы (там же, 93)¹.

Ср. и гораздо более редкое *чтобы* (диал.?):

...И рыбу приводят от моря из гиляни [«из Гиляни»] и от коры реки [«Коры-реки»] с устья, *чтобы* русская семга красная и укусом такова же (Хожд. на Вост. Котова, 84). ...А рыба в ней, *чтобы* русские подъяски [«подъязики»], только укусы свои (там

¹ Союз *что*, как дающий речи народную, «почвенную», противопоставляемую книжной, окраску, охотно употребляют авторы, имеющие в виду соответствующую стилистическую установку. См. в РЛЯ пп. XIX в., М., 1954.

же 99). А там на поле место учинено, *чтобы* гумно росчищено... (там же, 106).

Древнерусские примеры союза **чем** при сравнительной степени, данной прямо или подразумеваемой:

И *чем* было сосуды ковати, ино лучше бы шуба переменити (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 12). И *чем* вам камением меня побить и еретиком называть, и я вам от сего времени не буду патриарх (Дело Ник., № 9).— Союз этот по происхождению, несомненно, относительное местоимение, в своей местоименной роли живущее в предложениях вроде: *Чем* дальше в лес, тем больше дров; *Чем* ночь темней, тем ярче звезды (А. Майков), со сравнительной степенью в главном и придаточном.

Фразы с опущенным **лучше**, заменившие такие, как: *Чем* на мост нам идти, поищем *лучше* броду (Крылов, Лжец); *Чем* кукушек считать трудиться, Не *лучше* ль на себя, кума, оборотиться? (Крылов, Зеркало и Обезьяна), т. е., напр., типа: *Чем* на мост нам идти, поищем броду, и под.: Он рек: «Готов я сам в полицию попать, *Чем* от Зевесовых мне рук терпеть напасть» (В. Майков). *Чем* столько поступать направо, Сперва исследуйте вы здраво (Держ., Взятие Изм.). Ты, жавронок, *чем* по верхам Тебе кувыряться, кружиться, Ты б корму поискал по нивам, по лугам (Крылов, Добрая лис.), имевшие смысл «вместо того чтобы...», послужили образцом для нового типа с **чем** и оттянутым к нему **бы**, поддерживавшим значение предложения: Тут, *чем бы* вора подстеречь И наказать его, а правых побережь, Хозяин мой велел всех кошек пересечь (Крылов, Фортуна и Нищий).

Ср. др.-русс.: И тебе *было*, Страдник, *чем* ко мне к Москве писать и ходака присылать, а до Москвы 500 верст... а к Поздею б тебе и самому ездить, ино 2 дни (Хоз. Мороз., I, № 150).

Оба эти типа, как видим, ограничены придаточными предложениями с инфинитивами и свойственную последним модальностью (оттенками наклонений).

Дальнейшее усложнение сочетаний с **чем** представляет эллиптическое (сокращенное) *чем свет* (ср.: *Чем свет* уж на ногах,— и я у ваших ног,— Гриб.), которое толкуется правдоподобно (Кернер) из «раньше, чем свет настал».

Поскольку **чем бы** принадлежит к народно-эмоциональной речи, не приходится удивляться примитивизирующим сложное предложение конструкциям, иногда входившим с ним в письменный язык: «*Чем бы* пойти, а он остался» (пример Буслаева)— контаминация «пойти бы, а он остался» и «чем бы пойти, лучше остаться».

Нежели — союз сравнения при сравнительной степени. В современном литературном языке идет на убыль, уступая господствующему **чем**:

Луче ны есть умрети у Царяграда, *нежели* с срамом отъити (Новг. I л., 6712 г.). Лучши бы есмь сами на свои мечи наверх-лися, *нежели* нам от поганых положеным пасти (Задонщ. по сп.

XV в., 213—216). Лутче бы мы тое срамоты великия не слышали, *нежели* мы от князя в очи такое слово слышали... (Сказ. о кеевск. богатырех, нач. XVII в.).

...Ктому ж муж не так поспешен в сапогах, *нежели* без сапогов (Юности честное зерц., 54) — в мысли пишущего было, видимо, «менее поспешен».

Варианты — *нежель*:

«...Но злато предо мной Дешевле, *нежель* то, чем мысль моя печальна» (Сумар., Сонет 3) и *нежли*:

...Ниже о ином когда лучшим помышляет, *Нежли* как бы и ночи днем сделать играя (Кант., Сат., V). Кантемир же употребляет и *неж*: «Но лучше б в учениях церковных медлети, *Неж* на кабаках пьяным бесчинно шумети (Сатира IX).

В XVIII в. изредка можно встретить плеонастическое сочетание как *нежели*: Не большая-ль теперь случилась мне обида, *Как нежели* была Юноне от Париды? (В. Майков).

Характерный пример представляет в языке XVIII в.: ...Весьма охотно согласился, Что лучше дом иметь исправный небольшой, *А нежели* дворец, который развалился (Хемниц.). Ср. польск. *nizeli* и *apizeli*.

По своему происхождению *нежели* восходит к *неже ли*; ср.: [Лучше] ...и в праведном убожестве *неже бы* неправедном богатстве (Домострой, 64), — текст, в данном месте церковнославянизированный.

В свою очередь *неже* составилось из *не* и *же*¹. Момент отрицательности, заключенный в другом члене сравнения (утверждение лучшего и под. предполагает отрицание худшего), образец, за которым формально могут последовать иные виды сравнения, имеет многочисленные параллели в других языках; ср.: франц. *C'est encore plus vrai que vous ne le croyez* — «Это еще гораздо вернее, чем вы думаете»; итал. *Adesso è più diligente che non lo sia mai stato* — «Он теперь прилежнее, чем (был) когда бы то ни было»; *na, ne, nor* после сравнительной степени в шотландских и английских диалектах (Гольтгаузен), подобные случаи в др.-индийском, греческом и др. (Френкель).

Из русских памятников и живых говоров интересный материал у Буслаева: Лепши бы ми смерть, *а* не курское княжение (Дан. Заточн. по ред. XVII в.)². Лучше хлеб с водою, *а* не пирог сбеодою (Стар. сб., I, 1439). Лутче семья [семь раз] горети, *а* ни одна б вдовица (Стар. сб., II, 318).

¹ Ср., напр., W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, II, 1928, стр. 330 и 349. — О другом понимании *не* в *нежели* и подробности о *же* см. Преображенский — Этимол. слов. рус. яз., I, 596—597.

² Другие варианты: ...лучше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лучше смерть, ниже продолжен живот в нищети (Слово Дан. Заточн., Акад. спис., XI). ...Лучше ми смерть, ни Курское княжение (Слово Дан. Заточн. по рук. Гос. Публ. Библ., 115). Ту лучше ми вол бур вести в дом свои, неже зла жена поняти (Слово Дан. Заточн., Акад. спис., XXXVII). Лучше есть камень долоти, нижели зла жена учити (там же, XLII).

Ср. в белор.: бегыт [sic!] скорей, чем не конь (Диалектол. карта, стр. 51). Лотка тише подаетца не чем пот тем берегом (Горьк. обл.).— М. Е. Салтыков вкладывает такую конструкцию в уста персонажа из народа — отставного солдата: «Вот, сударь, и Пахомовна, как не я же, остатнюю жизнь в странничестве препровождает» (Губерн. очерки).

В XVIII в. в роли союза при сравнительной степени очень употребительно как: Щедротой больше, как грозою, В российской царствует стране (Ломон., На рожд. Павла). Ты больше тщишься быт прямым добром вселенной, Как слыть Монархией над всеми вознесенной... (Ломон., Ода 13). ...И выше, как военной звук, Поставить красоту Наук (Ломон., Ода 15). Мне б лутче умереть, как жити во неволе И зрети хищника на отческом престоле (Сумар., Хорев). Судящим сохранять пристойнее законы, Как строить без ума невежам лексиконы (Сумар., Сат. V). Жестокой ветр, жесточе, как палач (Сумар., Ученый и Богач). Я очень рад принимать от вас наставления, зная, что они идут от такого человека, которого я люблю больше, как себя (Фонв., Письмо от 10. VII. 1763 г.). Где лучше, как в своей родимой жить семье? (Дмитр., Причудн.). Не легче ль с ведрами трестись под коромыслом, Как всякий пичкать стих стопами, рифмой, смыслом? (Петров).

Союз **как бы** со значением приблизительности естественнее всего возводить к «как бы», где **бы** в прошлом форма 3 л. ед. ч. аориста: ...И то уже ваше воровство все наруже опрометывается, как бы гад розными видами (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1572 г.)¹. Последнее сочетание имело, однако, как показывает диалектн. *как-быть* «как будто», соперника в сочетании с инфинитивом; ср. др.-руск.: А посторонь трех болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не розпознаешь издале, что тело или глина,— как быть жив (Мат. пут. Ив. Петлина, 288).

Вероятно, во время Карамзина за **как бы** чувствовался некоторый диалектный налет, и этим объясняется замечание Карамзина по поводу выражения в комедии «Оптимист»: «*Кажется, чувствую как бы новую сладость жизни*, говорит Изведа; но говорят ли так молодые женщины? *Как бы* здесь очень противно».

Союзы **аки**, **яко** в московской письменности были чисто книжными.

¹ В подобном значении возможно и **кабы**: ...Отец твой целовал за Свейскую державу да и за Выборскую державу, и потому Выбор [Выборг] кабы иное место, а на Выборе отцу твоему [карцыйбискуп Апсалимский] кабы товарищ (Спис. с грам. Иоанна IV, 1573 г.). Да и отпустил еси их, послов, кабы полоняников... (там же). ...А теми ворота ходят в тынчак, тот у них болшон ряд и велик, кабы у нас сурской [сурожский] (Хожд. на Вост. Котова, 93).

Многочисленные примеры этого союза в говорах см. в «Словаре русского языка» АН, IV, вып. I (1906—1907 гг.), стр. 189—190. Ср. и его видоизменение в виде донск. **кубыть**,

Из многочисленных примеров один более других примечательный: «...да не укротили бы его [вельможи] от воинства, боящися смерти, яко богатым и не умирали (Пересв., л. 92, стр. 205) — «...как будто богатым вовсе не придется умирать».

В XVIII в. возможно было употребление как бы в значении «подобно тому как»: Один лев из честолюбия войну объявил другому льву... не смотря, что вечные сказано было дружбу и доброе согласие хранить, как бы наприм. в трактатах пишут (Хемн., план басни).

О происхождении союза **будто** упоминалось выше (а). Его функция сравнительная более первоначальная, чем изъяснительная. В современном языке сравнительно со старинным изменилось при нем употребление глагола бывания, теперь обязательно опускаемого; ср.: Как есть — стала гроза великая над нами, страшная, *будто* гром велик и молния страшная от облака бывает с небеси (Ист. об Азовском сид., 4).

Издредка этот союз можно встретить в виде **будтося**: А литовским людям быти было с ним всем вооруженным... *будтося* для потехи (Памятн. Смутн. врем., 69).

д) Условные союзы. Продуктами перерождения служебных глаголов являются союзы **есть ли**, в фонетическом изменении ставший господствующим в современном литературном языке, и **будет**, в виде **буде**, в предреволюционное время еще употреблявшийся в языке законодательства и канцелярий:

Есть ли оне обростут телом опять, ино им вина отдается (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.). А *есть ли* они про те вывезенные животы в сказках своих утаят, или у переписки хотя малого чего не объявят, или сами хотя малым чем покорыстуютца, и за то они, по их, великих государей, указу, кажны будут смертию безо всякия пощады (Розыскные дела о Фед. Шакл., IV, Дополн., № 20). А *естли* солжешь, неправдою сыщеш, тебе от меня быть в наказанье... (Резолюция кн. М. И. Одоевского на челоб., 1673 г.).

Знал старинный язык в довольно редких случаях как союз и просто **есть**, еще, впрочем, заметно не терявшее своей первоначальной роли связки (мостик к новой функции, по-видимому, перебрасывался интонацией условия): А *есть* тебе мила шея твоя и ты поедь до Тира (Римск. деян.). Но вполне осуществился переход связки в союз в сочетании с **бы**: А *есть* де *бы* кто к нему подкинул, и он де *бы* челобитье свое записал (Кал., I, 1680 г.).

В старославянском известен параллельный союзу **если** по значению и образованию союз **ели** (из *е* ли). Еще ближе к русскому пол. *jeśli* (др.-пол. *jestli*), чеш. *jestli*, диал. *jesli*. Отмечалось (Б. В. Лавровым, см. ниже), что союз **если** на первых порах письменности встречается преимущественно в переводах с польского языка. Из оригинальных писателей первым начинает употреблять его Ив. Пересветов. В самом конце XVII в. союз этот

начинает проникать и в деловую речь приказов, но на первых порах крайне медленно.

Будет уже в древнейшей восточнославянской письменности при глаголах будущего времени функционирует как союз. Путь его развития легко себе представить в таком виде. Сначала это часть аналитической формы будущего, получающего в сложном предложении значение условного наклонения; ср. современные фразы вроде: *А будет* так, придется применить другие меры. ...Тот Картерьев двор Руднева отдать ему Картерью с роспискою, *будет* ево купленной; а *будет* даной, и о том написать в доклад (Дела Тайн. приказа, I, стр. 204)¹.

Оформившаяся союзная функция **будет** уже вполне ясна при втором *будет* глагола: *А будет* ему и поручником его того покраденаго заплатити *будет* нечем, и их исцу за иск отдать головою до искупу (Улож. 1649 г.). *А будет* судное дело *будет* о бесчестии, а не о долгах, и по такому судному делу на ответчике за бесчестье исца правят денги против жалованья... (Котош., 120).

Ср. и **будет** при инфинитивах: ...Сего дни, о вечерне, быти вам у папы; и *будет* вам папе *кланятися* и в ногу его целовати по здешнему обычею, и вам у папы быти; а *будет* вам папы в ногу *не целовати*, и вам идти назад, отколе есте пришли, туды и поидете, а у папы вам не быти (Отчет Я. Молв.).

Далее являются предложения типа: *А будет скажет* и т. д., равные развернутой конструкции «*А будет* (случится), что *скажет*..., то...»: Да *будет* те судные мужи *скажут*, что суд таков был... и тем тот и виноват, кто список лживил... (Судебник 1550 г., 69).

Редким является сочетание **будет что**, представляющее, может быть, звено между глаголом *будет* «случится», от которого зависел союз **что**, и позднейшим — союзным значением *будет*: «...а *будет что* ему, Ондреяну, в той моей вотчине... учинитца какой убыток от кого-нибудь... и ему, Ондреяну, взять на мне, кнеине Огрофене... убытки свои все сполна и вотчинная очистка (Купчая 1657 г., — Калачов, Акты, II).

Предшествующие конструкции еще с согласованием соответствующих форм с подлежащими не 3-ьего лица ед. ч. отчетливо показывают, из каких именно синтаксических сочетаний изолировалось **будет**, приобретшее значение союза; ср., напр.: ...и где *будешь* что ни взял казны и поклажи, и тебе то все отдавати (1447 г. Акты истор., I); ...а *будете* нонеча на тех лузех косили сена, и вы бы с тех лугов сен не возили (1490 г., там же).

¹ Лишь крайне редко в говорах могут встречаться случаи употребления **будет** и под. с совершенным видом будущего времени изъявительного наклонения: *Кому я буду достанусь?* (шенкур.) без условного значения; ср. В. И. Чернышев, Труды Инст. русск. яз. Акад. наук, I, 1949, стр. 217—218.

К началу XVII в. устанавливается вариант **буде**, уже определенно имеющий и внешние признаки союза: *Буде* речь моя слаба, *буде* нет в ней чину, Ни связи, должно ль о том тужить дворянину..? (Кант.). Встречается **буде** и в фольклоре: *Буде* в честь не дают, так ты силой возьми, А столько привези Апраксу королевичу (Былина «Добрыня-сват»).

Изредка со значением предположения («если бы») можно встретить **будет бы**: А *будет бы* тебе и все крестьяня отказали и жать не пошли, и тебе было мощно ко мне отпи(са)ть тово ж часу... (Хоз. Мороз., I, № 116). И *будет бы* он ту свою долю не стал жать и хлеб обронил, и я бы ему велел большое наказанье учинить... (там же).

Интересен еще подобный оттенок у **нешто будет** «разве что»: Мы того не слыхали, нешто *будет* ты ново где нашол королей тех в которой своей коморе (Грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.).

Ежели — по происхождению 3 л. ед. ч. глагола *е* (ср. *если* и чешск. *jestliže*) или, что менее вероятно, относительное слово среднего рода, с союзами-частицами **же** и **ли**. Ср. довольно редкий условный союз **еже**: «Мира держимся, *еже* бо видим у мирских что дивно, тогда всюю силою подвизаемся, дабы и у нас то же было» (Посл. Иоанна Гр. в Кирилло-Белозерский мон.).

Возможно, что этот союз в такой форме (**е**) установился не без книжного влияния, по крайней мере, древнерусские памятники свидетельствуют и об **оже**, которое, по всей видимости, представляет именно фонетический факт:

А жити нам, брате, по сей грамоте: с татары *оже* будеть нам мир, по думе; а не будеть, нам дати выход, по думе же (Дог. грам. в. кн. Дм. Ив., 1375 г., — Срезн.). *Оже* учинится нелюбовь мне, великому князю Казимиру королевичю, до Великого Новагорода или Новугороду до мене, великого князя Казимира, или будет мир нелюб, сослався и грамота отослав; а после грамот месяць не воевастя (Договор в. кн. литовского Казимира с Вел. Новгород., XV в.).

Это **оже** (**оже ли**, **ожь**) известно издавна уже из памятников Киевской Руси и решительно уступает место другим союзам условия не раньше XVI века; в конце XV века оно еще выступает, напр., в Судебнике 1497 г.: А имати ему с суда, *оже* доищется ищера своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам... (38). В виде **ожь** встречаем его, напр., в Псковской судной грамоте 1467 г., 104: Ино и доля ему по тому числу, *ожь* ближнее племя восхощет заклад выкупить и в виде *ожь* в пис. в. кн. Вас. Иоан. между 1526 и 1530 годом и: А яз, *ожь* даст Бог, сам, как ми бог поможет, однолично ко Крещенью буду на Москву.—В родстве с ним находится, если *оже* восходит к относительному местоимению, а не к «**е**» = «**есть**», и *иже*: «А *иже* ваша будет вера лучши, ино аз иду в вашу веру (Новг. 1 летоп. по Акад. списку под 6856 г.).

В памятниках *ежели* появляется с XVII в.: ...*Иежели* та жена дворянска роду, мужа ея пожалует царь на воеводство в город, или вотчину даст (Котош.)¹.

«Широкое распространение союза *ежели* в первой половине XVIII в. в известной мере обусловлено, вероятно, деятельностью Петра и его сотрудников. Движение союза в этот период есть движение из высоких стилей к низовым... Но таковым же (т. е. движением от высоких стилей к низовым) было и распространение союза *ежели* в предшествующий период, в XVII в. Известную поддержку здесь могла оказать переводная литература, в частности повести. В них употребление союза *ежели* проведено наиболее последовательно» (Б. В. Лавров, 88).

Местоименные корни вошли в союзы **коли, как, только, нѣчто**.

Коли². Слово в значении союза восходит к старому, известному и из старославянских памятников, местоименному наречию, в вопросительной функции имеющему временное значение. По наблюдению Б. В. Лаврова (см. ниже, стр. 388) «наша современная оценка союза *коли* как черты разговорно-бытового языка и языка деревни может быть распространена и на далекое прошлое. Можно думать, что такое отношение к нему, как к «просторечию», установлено было и на первых порах его появления в письменности отдельными авторами».

А *коли* ми будеть где отпущати своих воевод из великого княженья... тебе послати своих воевод с моими воеводами вместе... А кого *коли* оставити у тебе бояр, про то ти мене доложити... (Договор. грам. вел. кн. Дмитр. Иван. с кн. серпух. и боров. Влад. Андр., около 1367 г.). ...ведь *коли* ровно, ино то и братство, а *коли* неровно, которому братству быти? (Посл. Иоанна Гр. игумену Кир.-Бел. мон., 7). А *коли* одинакой человек, а не богатои и запасистои, держит про гость нивцо (Домостр., 46).

В ряде случаев по отношению к будущему времени условное и временное значения союза **коли** тесно соприкасаются: А *коли* ти будет вести на конь на своего недруга, и мне с тобою послати свои дети своими бояры и слугами (Грамм. кн. Юрия Дмитр. вел. кн. Вас. Вас., 1428). А *коли* срок отпишут обама исчем вместе, и ему взяти одно хоженое с обеих сторон... (Судебн. 1497 г., 3 б).

Для XVIII в. фонетический вариант **коль** свидетельствуется

¹ В XVII в. появляется вариант, не получивший широкого распространения, — *ежель*: Слушай, мой друг Аннушка, *ежель* пришет по тебя с монастыря сестра моя, а твоя тетка, карету с возниками, то ты поезжай к ней неумедля! (Ист. о рос. двор. Фр. Скобеев). Однако, *ежель* оной воля охоту ободрит мою... (Ломон., Ода 27 авг. 1750 г.). Но *ежель* я ошибаюсь в моем заключении... (Болот., Отв. на письмо Щерб.).

² Об употреблении *коли* в первой половине XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 416—417.

Ломоносовым (Стих. по поводу спора об оконч. прилаг., 1755 г.): «Или» уж стало «иль»; «коли» уж стало «коль»¹.

Как с условным наклоном: *как бы дано было* кому волное господство, и о том бы размышляли, что то было б самому царю в стыд, будто бы тот человек тем именем от него уволен и неподданен (Котош., 28). А что государь-царь, *как бы ты* мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един день (Челобитная протоп. Аввакума царю Фед. Алекс.). А *как бы он отошел* от того мосту по третьей версты с полмили, он бы убил друзей... (Римские деяния). ...*как бы* де мочно проехать, и мы б де тебе вестно учинили (Отписка к царю дворян. Ив. Желябужск., 1657 г.).

Ср. кабы в просторечии: *Кабы* на коня не лысина, цены бы ему не было (Стар. сборн., 1370).

Ср. и как, параллельное нынешнему употреблению: ...Ведь тяжело умирать, *как есть кому чем жить!* (Хемниц.).

Как только: *Как толке* твой холоп тебя, или брата твоего, или сына у тебя истеряет, да завладеет твоим царством, каково тебе в те поры бывает? (Памятн. Смутн. врем., 23).

Только, по происхождению местное наречие с ограничительным значением: ...и *только б* те крестьяне были их, монастырские, и они б их в записи Семеновыми крестьянами не писали (Суд. дело 1648). А *только* под кровлею, и тово лутче, чтобы в сухе не навьяло и не замгло; дрова толко сухи, ино топица хорошо (Домострой, 56). И *толко* везде строино по наказу все зблюдено... ино того за его службу жаловати (там же, 58). *Толко* тати были, ино знать, или свои крали (56). *Толко* та дочь представится, ино ее наделком поминают... а толко иные дочери есть, також о них промышляти (там же, 16). ...И мы то Ивану Лаврентьеву велели сказать свое жалованье брату твоему, *только* он пришлет короля Польского сестру Катерину, а мы его пожалуем — от наместников отведем (Список с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). А будет рожь в Нижнем дешева, и тебе б ржи не продавать, *только* меньши 10-ти алт. купят (Хоз. Мороз., II, Акты, № 12). ...И ему земля очистить и хоромины снести, *только будет другому на то место что ставити* (Судебник 1589 г., 21). А он, папа, начается, что московские люди в латынской вере будут, *толко их станут накрепко приводити* (Памятн. Смутн. врем., 94). ...а *толко* де про то ему, государю, по сю пору *неведомо*, и я де ныне ему, государю, объеволю все» (Из актов, относ. к посольству двор. Ив. Желябужск., 1647 г.).

Нъч(ь)то: Се язъ... пишу сию запись: *нъшто божья воля станется*, меня... в животѣ не станеть, и государь бы князь

¹ Специальную характеристику употребления условных союзов в письмах и в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, показательного для стилистического выбора если, ежели, коли, кабы к концу первой четверти XIX века, дает статья И. Ильинской «О языке писем Грибоедова», — Литературное наследство, 47—48, М., 1946 г., см. стр. 288—291.

велики пожаловаль, душу помянуль (Дух. кн. Дм. Ив. ок. 1509 г.). *Нтъ что будетъ какво къ нимъ слово* отъ магистра отъ прусьского о том... и Асанчюку и Третьяку молвити такъ... (Статейный список сношений в. кн. Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1509 г.). В основе этого союза московской письменности лежит частица **нѣ** со значением неопределенности и местоименное **что**. Ср. народн. *нешто* со значением «разве, разве что».

Чисто книжным было, по-видимому, в языке московской письменности перешедшее из церковнославянского **аще**: ..Но *аще* хочеси некоторых твоих подовласных детей дати учитися свийскому языку, и ты... вели о том деле договор учинити с нашими намесники выборскими (Грамм. Иоанна IV шведск. кор., 1573 г.)¹.

Ср. и **аще и**, **аще ли**, **аще бы**. В памятниках Киевской Руси ему соответствует фонетически русское **аче**: Аче будетъ княжь муж или тивуна княжя, аче ли будетъ русин любо гридь, любо купецъ, любо тивун бояреск, то 40 гривен положити за нь (Русск. пр., 16--25).

Сравни. позднейш. сев.- и сред.-русск.: Ино *возят аче морем*, и они пошлины не дают (Хож. Аф. Никит.).

Иного способа образование, известное в тех и других, — **аже**, **ажь** (= *а же*): *Аже кто убиеть княжя мужа в разбои, а головника не ищють, то вирьвную платити, в чьей же врьви голова лежить...* (Русск. пр., 41—49). ...Ино государю [«хозяину»] у креста положить чегу сочить [«ищет, требует»], или государь сам поцелует, *аже у них записи не будет* (Псковская судная грамм., 41). ...*Аже взгоном в блазну возмутъ Новгородское или человек, или лошадь, ехав ис той волости человеку к воеводе, рек право свое взяти, а им дати* (Догов. в. кн. литовск. Казимира с Вел. Новгород., XV в.). Ср. и **аже да**: *Аж да... пожалует нас бог*, найдем тебе, князю великому, великое [княженье] (Догов. гр. Дм. Ив. 1370 г., — Срезн.).

Возможно также сочетание **аже будет**: Будет у тех товаров московских таможников, и у тех гостей тех товаров не розпечатывать, **аже будет** едут проездом и в Новгороде торговати не хотят... (Тамож. уставная грамм. царя Иоанна Вас., в списке, — писанин. в 1571 г.).

Вероятно, только севернорусским (новгородским) был в условном значении союз **даже**, **дажь** — из **да** и **же** («а если»²). Его мы встречаем, например, в старейшей из дошедших до нас грамот — грамоте вел. князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 года: *«даже* которыхы князь по моему княженни почьнетъ хотети от(ъ)яти у святѣо георгия...»; *«даже* кто запыртити или ту дань и се блюдо...»

¹ Торжественную окраску **аще** для XVIII в. пародирует «Живописец»: Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее... (Письма к Фалалею).

Редко в значении условного союза встречается **чтобы**:

Что бы и на посаде покрадется, ино двожды е [sic!] пожаловати, а изличив казнити по его вине (Пск. судн. грам., 8). ...А езд имати по 10 верст денга, а *што бы* двое или трое ехали, а езд им взять один (там же, 49). А *што бы* сын отца убил, или брат брата, ино князю продажа (там же, 97). *Чтобы* к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними ангели беседовали (Пересв., Сказ. о Магмете-салт.).

Ср. еще **либо** в значении «на случай если, может быть»: ...Да послан, государь, галенок ис Павловского на вино на церковное, **чтобы**, государь, прислать вина, *либо обмогутца* свещельники (Хоз. Мороз., I, № 90). Прости, Михайлович-свет, *либо потом умру*, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниже притворяся говорю... (Пятая челобитн. протоп. Аввак.). Не плюй в колоде[з] *либо лучится* воды испи(т) — (Стар. сборник, № 1663), т. е. «...не случится ли...», «...может быть, случится...». Ср. и **либо** только в значении вводного слова «может быть»: Да которые крестьяне *похотят либо* в своих садах черенки к пенькам прививать, и тебе бы им крестьяном дать черенков моего саду от лутчих яблоней (Хоз. Мороз., I, № 61).

В памятниках Киевской Руси и древнейших московских встречается с XIV в. союз **ци**, в новейшее время известный в белорусском и псковских говорах, по происхождению, вероятно, вопросительная частица: А *ци* о какове деле межи собе сопрутся, ехати им на третии (Дог. гр. Дм. Ив. 1362 г.). А *ци* по грехом отоимется которое место... (Дух. Ив. Кал.)¹.

Интересно сочетание **ци** **еще** в договоре Игоря с греками 945 г.: *Ци* **еще** ключится проказа никака от грек, сущих под властью цесарства нашего, да не имать власти казнити я,— являющеся, вероятно, соединением русского и старославянского союзов².

Примечателен еще в значении «если» союз **хотя**: *Хотя* подо мною (ч)то останеться, или лошак, или оружье, то все даю святому Георгью (Рук. новг. Клим. до 1270 г.,— Срезн.). О **хотя** в употребительном значении см. е).

В качестве союза **ограничительно-условного** в древнерусском употреблялся **лише бы**, **лишь бы** (ср. современное **лишь бы**), составившийся, как **только бы**, из наречия (*лише*) и частицы **слагательного** наклонения: Там с ним, царем Турским, переговорим речь всякую, *лише бы* ему царю наша казачья речь полюбилася (Ист. об Азовск. сид., 12). Успеть вкрасне и вхороше находитца, *лишь бы* было в чем (Сборн. XVII в.).

¹ О **ци** подробнее Е. Карский, О некоторых особенностях белорусского языка,— Symbolae grammaticae, in honorem Ioannis Rozwadowski, II, стр. 292—293.

² Любопытно как черточка архаизации «...и зговорит туго сидечи Идолище великое посмехаючись: *ещели* правда, что он таков, Илья Муромец, и я ево посажу на ладонь, а другою раздавлю» (Сказ. о семи русск. богат., по списку XVIII в.).

Другой относительно нередкий ограничительно-условный союз — *развее* (ср. соврем. *разве что*): И не для каких нибуди дел не ходят, *развее* царь укажет (Котош., 25).

В XVIII в. и позже — *разве*: А эта присловица законная и в приказах наблюдалася ненарушимо, *разве* ныне по новому уложению оставится (Сумар., Опекун). А кобылам трехгодовым на четвертом не давать овса, *разве* которые любивы (Регула о лошадах, 20).

Ср. и соединение *разве когда*: ...*Разве когда* дела такие между прочими случатся, которые остановки иметь не могут, но вскоре отправлены быть имеют: и в таком случае порядок оной отставить, и об тех наперед доносить надлежит, которые нужнее (Генер. реглам., гл. V). ...И тако никто, какого б достоинства той коллегии не был, не должен один другого в доме его искать и тем время тратить, под лишением полумесячного жалования, *разве когда* президенты за болезнь или других помешательств ради в коллегиум не могут быть (там же, гл. XVIII).

К архаичным способам выражения ограничительной условности относится в древней письменности и употребление *ли* в случаях вроде: И положажу пред ним хлеб, и възмаше его, но *ли* вложить в руке ему (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом) = «и клали перед ним хлеб, и брал он его, только если его вкладывали (буквально «вложить») ему в руки». Обращает на себя внимание при этом выражение сказуемого при помощи инфинитива.

е) Уступительные союзы. *Хоти*. По происхождению *хоти* — 2 л. ед. числа повелительного наклонения. Скорее всего именно к нему восходит современное *хоть* (ср. *будь* из *буди*, *пусть* из *пусти*). Соприкосновение этих значений можно видеть, напр., во фразе вроде: Да карлу *хоти*, государь, с послом своим пришли ко мне посмотреть (Мат. пут. Ив. Петлина, 299).

Примеры союза *хоти*: Аще людем твоим лучитца с кем брань... и ты на своих брани, а кручиновато дело — и ты и ударь, *хоти* и твои прав (Домостр., 64). И у всякой бы печи над челом был искренин глинян или железен и, *хоти* и низок потолок, ино не страх огня (там же, 59). А что хочеш нашего царствия величества титла учинити, и ты, обезумев, *хоти* и вселенной назовешся государем, да хто тебя послушает? (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). ...А то де уже здесь видел: *хоти* кого безвинно велю убити, а ништо за кого слова не молвыт (Памят. Смутн. врем., 79). ...и те крестьяне, *хоти* б ево, Семеновы, были, и по его, Семенове, сказке из указных лет по государеву указу вышли (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118).

Хотя — по происхождению причастие ед. ч. муж. рода (деепричастие) от «хотеть»: А си грамота еже будет князю великому Олгерду не любя, ин отошлет. А *хотя* и отошлет, а на сем перемирьи и докончаньи межы нас воины с Олгердом нет до Дми-

триева дни (Перемирн. грам. послов вел. кн. литовского Ольгерда Гедиминов. с вел. кн. Дмитр. Иван., 1371 г.). А которые воры бывают на разбое *хотя* и двожды поиманы, а убийства смертного и пожару не учинили, и таких, бив кнутом по торгом, за первую вину, отрезав левое ухо, сошлют в сылку (Котош., 115).

О полном забвении внутренней формы свидетельствуют случаи вроде: И Аннушка, *хотя* с великою неволею, не хотя преслушать воли отца своего, поехала к Москве (Истор. о рос. двор. Фр. Скобееве).

Иную форму (множ. числа муж. р.) отражает *хотяче* в значении «хотя бы», известное из «Вопрос. Кир.» (Срезн., III, 1393).

Подобный переход значения имеем в литовском *poiginti* «хотя», к *poigiu* «хочу».

Только в памятниках народной речи изредка встречается *хошь*, являющееся продуктом сокращения 2 л. ед. ч. изъяв. наклонения «хочешь»: «Хошь около гумен, только сам себе игумен» (Старин. посл., XVII в.).

Обращаю на себя внимание случаи, когда при уступительно-гипотетическом *хотя б* сказуемая часть придаточного предложения обходится без части аналитической формы сослагательного наклонения *были*: «А *хотя б* те крестьяне и дворовыя их места Семеном в выписях и написаны, и они с писцовых книг... из лет вышли» (XVII в., Фед.-Чех., I. № 118).

Возможно, что только новгородским и псковским было употребление в роли уступительного союза *что бы* (Срезн., III, 1580).

Историческое истолкование таких уступительных союзов нового происхождения, как *пусть*, *пускай*, не представляет никаких трудностей: это формы первоначально повелительного наклонения от *пустить*, *пускать*, имеющие параллель, напр., в немецком *laß(e)* «пусти» к *laßen* «пускать». След первоначальной их роли сохраняется в выражениях вроде «пусть его делает, что хочет», собственно — «пусти его делать...» Ср. диал. (брянск.) *нязым, нязымай* «пусть, пускай, ладно», собственно «не занимай» — не трогай, пусти.

Значение уступительного союза имеет в современном языке *если (и)*, которому в главном предложении соответствует *...однако (всё-таки)...* или *то...* В XVIII веке мы встречаем подобное *если с но* в главном: *Если* сия наука была ему любезна, *если* многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, *но* шествие его было шествие последователя (Радищ., 185), — оборот, по-видимому, в основном повторяющий церковнославянский: *Аще* ти есмь на рати не хоробр, *но* на словех ти есмь крепок... (Молен. Даниила Заточн.). К отраженному здесь синтаксическому характеру ср.: Кто сколько мудростью ни знатен, Но всякий человек есть ложь (Держ.)¹.

¹ Ряд ценных соображений и справок об условных и уступительных союзах см. в книге В. В. Лаврова — «Уступительные и условные предложения в древнерусском языке», 1941.

ж) Временные союзы. **Донеле, донележе** — «пока» — союз книжный, встречающийся только в текстах с заметным церковнославянским влиянием: И не даж ему власти во юности, но сокруши ему ребра, *донележе* растет (Домостр., 17).

Дондеже — «пока» — книжный союз: Не движаше ногама, *дондеже* отпояху заутреню (Лавр. сп. лет., 65). ...кому же быти царем во Цареграде, *дондеже* и стоит Царьград (Путеш. Антон. конца XII в., по списку XV в.).

Егда — «когда», тоже, по-видимому, было только книжным словом уже в древней письменности: *Егда* же приспеет час государской милости, тогда подсокольничий Петр Семенович Хомяков велит переднюю избу Сокольничаго Пути нарядить к государеву пришествию (Урядн.).

Ср. и более редкое **внегда**: ...*Внегда* патриарх оставил патриаршество в прошлом во 166 году, июля в 10 день, по поучении говорил так... (Дело Ник., № 13).

Еще архаичнее **яко**: *Яко* приде, повеле кумиры испроврещи (Лавр. спис. лет., 40).

Чем — «как только»: И тебе б однолично («обязательно»), *чем* новь поспеет, выбрать тот мой заемной хлеб весь тотчас, кому роздал... (Хоз. Мороз., I, № 5).

Как — «как только»: ...А *как* того малого грамоте научат, и он бы того малого прислал со старцы или с кем пригоже (Наказ Д. И. Истленеву, 1594 г.). А *как*, господа, пойдете к нам в сход, и вам бы взяти с собою в поход пороху и свинцу не мало (Отписка нижегородцев к вологж.). Также, *как* бывает день празновати рождения жен их боярских и дочерей, и они, боярыни, и их дети, к царице и к царевнам ездят потомуж с калачами сами... (Котош., 35). И *как* сотник Иван Рыкачов в Кирилов монастырь приедет, и вы б чернцов Кирила Муромца с товарищи и дьячка Якушка у сотника у Ивана Рыкачева взяли и велели их за их вину держати в Кирилове монастыре в смиренье в черной тяжолой работе... (Грамота 1647 г.).

Как, соотносительное с указательной частью в главном предложении: Да в то ж время, *как* жених бывает у царя, невеста от себя посылает з бояронею к царице и к царевнам дары... (Котош., 153).

Ср. и редкое **как аже**: А *как аже*... на весну лет скроетца, и тебе бы, господине, велеть те запасы грузити в суды (Мат. пут. Ив. Петлина, 267).

С того как — «с того времени, как»: С *того как* козаки из Астарахани отпущены, служилых людей на лицо нет пятнадцати человек (Мат. Раз., II, № 26).

С тех мест, как — «с того времени, как»: И тою мельницею стали мы, сироты твои, владеть с *тех мест, как* нас обложил Петр Тихонович (Хоз. Мороз. I, № 139). Ср. с *тех мест* «с того времени»: ...И травы, государь, с *тех мест* и по се число готовит (Хоз. Мороз., I, № 87).

Докаместа (= *до ка мѣста*) с семантическим сдвигом — «место → время»: ...Чтоб топерво Московскому государьству помочь на Полских и на Литовских людей учинити вскоре, *докаместа* Московскаго государьства и окрестных городов Литва не овладели и крестьянския веры ничем не порушили и *докаместа* многие люди не прелстилися и крестьянския веры не отступили (Отписка нижегородцев к вологж.). Ср. *докемест* (до кѣ мѣсть) в пространственном значении: ...И вы б велели из Важские земли отца его Якова Якушкина проводить Важеном, *докемест* будет пригоже... (Грамм. ц. Василия, 1606 г.). Ср. *«до тѣ мѣста».

Покаместа (= *по ка места*): ...Или кормить и поить, и рана личить, *покаместа* изживет, тому, чья собака... (Судебн. 1589 г., 53). А с Китайским государством и с Алтыном царем ссылатися им не велено до тех мест, *покаместа* об них подлинных вестей проведуют (Мат. пут. Ив. Петлина, 275). *Покаместа* патриарх будет, благословил бы ведать крутицкому митрополиту (Дело Ник., № 7). А до тех де мест, *покаместа* они с московскими стрелцы не виделись, от них, казаков, непослушанья никакого не было (Мат. Раз., II, № 23). А *покаместа* приедут, оставил в аманатех четырех человек салдат (там же, № 30). Встречаются также **покаместы**: А *покаместы* пашня поспеет, и тебе бы их заставить у Исакова в меньшом поле лес чистить (Хоз. Мороз. I, № 54), **покамест**: И я из первых лет ел рожь немолотую вареную, *покамест* чево было (Перв. челобитн. протоп. Аввак.) и **покаместь**: ...Вели пожаловать — дать льготы, *покаместь* внучата подрастут (Хоз. Мороз., I, № 62). В XVIII в. — Несется через бугры, колоды, пни, ухабы, *Покаместь* головы не сломит ездуку (В. Петров).

Ср. и до тех мест, как: ...И тому, кто собаку убил до смерти, стеречи двора, у кого убил собаку, *до тех мест*, как такую собаку воскормит (Судебн. 1589 г., 52). А к головам московских стрелцов... с приказы писали — велели им, *до тех мест* как казаки с Царицына на Дон пойдут, побыть на Царицыне... (Мат. Раз., I, № 24); **по то время, как**: ...И с Азовом воевались *по то время*, как пришли на Дон послы наши и Турской посол... (Царская грамм. на Дон, 1627 г.).

Ср.: «...и *по ся места*, государь, тех детей боярских, которые пошли на твою государеву службу, на Белоозере не объявлялись ни один человек...» (отписка белоозерск. воев. Чихачева, 1614 г.).

Из более редких временных союзов, являющихся продуктами перерождения родственных им союзных сочетаний, заслуживают упоминания еще, например, **по коих мест**: «А *по коих* государь, *мест* на ними, ворами, промыслу не учинить, станут ходить и прелщать безопасно» (Мат. Раз., № 62)¹, где при *по*, вместо винительного падежа, — родительный.

¹ Пример — из статьи А. Г. Кириченко «Синтаксические особенности документов, связанных с восстанием С. Т. Разина», — Научові записки Ворошиловград. Педаг. Инст. ім. Т. Г. Шевченка, том II—III, 1940—1941, стр. 68.

В широком ходу в московской письменности и такие союзы — относительные слова, как: *доколе*, *докуда*, *докудова*, *коли*:

...А велел ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано, *доколе* их яз, князь Василей Ивановичь, пожалуйю своею грамотою жаловалною (Грам. тверск. кн. Мих. Бор., 1486 г.; приписка на обороте). А ныне иди себе и спокойся, *докуды* мы обдосужимся (Спис. с грам. к ц. Ив. Вас. Константиноп. патриарха, 1561 г.). Да и самому ... с стану не съезжати до тех мест, *доколе* минетца посольское дело (Наказ ямск. стройщику, 1585 г.). ...А Вифлянская земли нам не перестать наступать, *докудова* нам ее бог даст (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). И король мне говорил так, что у нас было исстари в обычаи, *коли* мы будем в немиру с Московским государем, ино нам было не пропускати никакова человека, а мы тебя отпускаем («Память, что дал царю и в. князю Иоасаф митроп. Евгрипск.», 1561 г.).

В XVIII в. в существенном в обращении те же союзы, кроме *яко* и *докаместа*, причем *покаместа* выступает уже только в виде *покамест* (ср. *до тех мест*, видимо, оказавшее на него влияние)¹ и *покаместь* (вероятно, под влиянием многочисленных наречий с мягким окончанием).

Егда и *донеле* принадлежат сугубо-архаическим стилям или писателям, вроде Радищева, пишущим еще в духе старинного синтаксиса.

В значении союза временного предела в настоящее время над *пока*, *покуда* почти полностью возобладали сочетания их с *не*, обязанные воздействию психологического момента — отрицанию наличия ожидаемого. Вполне возможны, однако, особенно в старинном языке, предложения с союзом границы во времени и без *не* при сказуемом: ...чтоб... торговые всякие люди и с своими товары ставилися б на гостиных дворах, и товар свой таможником являли, а зиме с саней, а лете с судов не складывая и возов не разбивая, *доколе* у них таможники товар их пересмотрят и в книгу запишут... (Тамож. уставная грам. царя Иоанна Вас. в списке,— писана в 1571 г.). См. и некоторые из приведенных выше примеров².

з) Союзы результативности (вывода).

Господствующий в московской письменности союз вывода — *ино* (*ин*): А коли хлебы пекут, тогда и платья моют, *ино* с одого [sic!] сьтрепня и дровам не убыточно (Домостр., 29). На утро

¹ В качестве наречной параллели к *покаместа* и под. стоит отметить: А мы и по ся места милостивно от тебя послов с челобитьем ожидали... И про послов твоих слуху нет и по ся мест, быти ли им или не быти (Список с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). ...Вскоре заскорбел и посямест болю (Дело Ник., № 9). ...И вы де, староста и выборные люди, и по ся мест моего жалованья—денег и хлеба ему, Мамлею, не дававали (Хоз. Мороз., I, № 38).

² Подробный обзор значений временных союзов и речений в статье Э. И. Коротковой «Временное сложноподчиненное предложение»,— Вестник Ленинградского университета, 1953, № 6, стр. 63—93.

пришел, ано мне бог дал шесть язей да две шуки, *ино* во всех людях дивно, потому никто ничево не может добыть (Аввак., 113).

Ср. в XVIII в. **ин**: Неведомо мне то, увижусь ли с тобой, *Ин* ты хотя в последний раз побудь со мной (Сумар.) Из поздних примеров в бытовом языке: Кривосудов: ...У нас так водится. Подрядчик (кланяясь): *Ин* буди ваша власть: седводня ж сообщим (Судовщиков).

Позже устанавливается **так что** из «так, что»: И секли их, воров, конные и пешие, *так что* на поле и в обозе и в улицах в труп нельзя было конному проехать (Мат. Раз., III, № 6).

Но возможно и одно **что**: И тогда около их [царевичей и царевен] по все стороны несут суконные полы, *что* люди зрети их не могут (Котош., 17).

В XVIII в. изредка, возможно, в роли союза результативности (вывода) выступало **как**: В старинной Греции, в Юпитерово время, Когда размножилось властительное племя, *Как* в каждом городке бывал особый цар, И если пожелал, был бог, имел алтарь, Меж многими царями один отличен был (Богданович, Душенька)¹ и **индо**; ср., напр., у Фонвизина в «Недоросле»: Как хватит себя лбом о притолку, *индо* пригнуло дядю к похвям потылицею. У Пушкина в «Сказке о мертв. царевне»: Смотрит в поле, *инда* очи Разболелись, гляючи С белой зори до ночи.

Чаще встречается **то**, которому соответствовало бы современное «так что» или даже «поэтому»:

Но он отвечал: я, братец, признаюсь, Что век она жила со мною вопреки, *То* истинно о том не сомневаюсь, Что, потонув, она плыла против реки (Ломон., Притча). Судя по краткости, уверен, что они Писали их резвясь, а не четыре дни: *То* как бы нам не быть еще и их счастливей? (Дмитриев, Чужой толк). ...Лишь младенчество проводим, Уже ко старости приходим, И смерть к нам смотрит чрез забор: Увы! *то* как не умудриться, Хоть раз цветами не увиться И не оставить мрачный взор? (Держ., Приглаш. к обеду). Ты смело Сциллы и Харибды И свет весь прежде проходил: *То* днесь препятств какие виды? И кто тебе их положил? (Держ., Флот). Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет; меня не отдают к нему в дом; *то* высватают за него другую, а я, бедная, умру с горя (Радищ.). Неравенством лет нарушается единый из первых законов природы; *то* может ли положительный закон быть тверд, если основания не имеет в естественности? (Радищев). У нас есть женишок предобрый человек, Притом весьма богат... *То* я тебя прошу, Миленушка мой свет. Прими ты от меня родительской совет И объяви свое к замужству мне хотенье...» (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.). Вы сами знаете, что иск его подложной; *То* как вам требовать сей вещи невозможной, чтоб согласился я,

¹ См. Словарь русского языка Акад. наук, IV, I, 288. Не исключена, впрочем, возможность, что здесь как имеет временное значение.

всю точность дела зная, Отдать именование ему без всяких прав? (Судовщиков, там же). Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительского благословения, изволь мене отпустить в службу,— *то* мне будет в службе даваться жалованья, от которого и вам буду присылать на нужду и на прокормления (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). Случися некоторой годовой праздник, *то* российской матрос, убравшись в драгоценное плате... также приказал и людем убраться... (там же)¹.

По-видимому, движение мысли, отражаемое союзом **то** в приведенных примерах из XVIII в., сближало их бессоюзную часть с бессоюзными условными предложениями, имевшими в части выводной (по терминологии античных грамматиков, в аподосисе) именно союзы **то**, **так**. В дальнейшем такое сближение утратилось, и придаточные предложения вывода (с их союзом **так**, **что**...) ² изменили свой характер в сторону предложений, стоящих на границе фразных членений (ср. ритмику: «Мы исчерпали все средства. Поэтому... или: Таким образом...»), причем однако предшествующая им часть не достигла ни внутренне, ни внешне (ср. характер снижения тона) независимости предложений, предшествующих союзу *поэтому* или союзному речению *таким образом* ³.

К церковнославянскому образцу восходит **яко** с инфинитивом: ...Бѣ бо расслабленъ тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти... (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом) — «...был расслаблен телом, *так что* не мог он ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сидеть...» ...воста время и неукратилася буря, *яко* всему морю возлятися, с песком смутитися... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.) = «...так что все море всплескалось и смешалось с песком». Такое употребление не исключает, однако, и конструкций вроде: «Видев же Василей казны многое множество... *яко* умом человеческим не возможно описать все суммы» (там же).

В близком родстве с союзами результативности состоят союзы, вводящие главные предложения, следующие за придаточными.

Древний язык знает два господствующих союза, вводящих главные предложения, следующие за придаточными условия и родственными им,— это **и** и **ино** (изредка **ино-то**). Оба они сродни друг другу, и употребление их в роли союзов заключительности,

¹ Примеры из писателей XIX в. см. Л. Лобов, Арханзмы в языке Лермонтовской прозы.— Учен. зап. Перм. госуд. унив., I, 1929, стр. 108.

² Ср. пример из XVIII в.: Великолепие короны столько ослепляет наши глаза, так что всякий человек охотно желает лишиться всего драгоценнейшего для достижения сего высочайшего достоинства (Приклон., 71).

³ Еще архаичнее соединение, когда причинный или условный оттенок вовсе отсутствует в первом предложении, как, например, в древнерусской грамоте рижских купцов кн. Мих. Константиновичу Витебскому, 1298 г.: «послали свое коне из Смоленска у Витебск, *то* ты, княжо, тые коне обизрел, и улюбив еси единого коня...»

бесспорно, развилось из их первоначальной функции сочинительной (сочинительной в узком смысле слова и противительной). По своему происхождению *ино* (ср. *инъ* «другой») должно было вначале иметь противительное значение, хорошо еще сохраняющееся в *ин*; ср. поговорку XVII в.: «Есть собака, *ин* камени нет» (Бусл.) и *ин*, *ино* в народном языке: Не все для себя, *ино* место и другим.

Переходной оттенок имеем еще в *ино* после *а*, напр., у Фон-визина (Бриг.): «Ну, мы, наша сторона дело, а *ино* наплачешься, на нее глядя». Значение «но» известно и из памятников (ср. примеры в словаре Срезневского, вроде: Наг тленных риз сего мира, *ино* паки одеян бысть одежею нетленною (Похв. Онуфр. Мин. чет., июнь, 179); но в дальнейшем *ино* получает почти исключительно значение союза результативности (вывода). Утрачивая оттенок противоположения действительным фактам, принадлежащий выводу в условном предложении, *ино* приобрело свое новое значение, в конце концов совпав с современным «то». С XVII в. употребление *ино* заметно сокращается, и в XVIII в. оно в литературном языке почти выходит из употребления.

Примеры:

1) Да кто их занимает, *и они* ся жалуют князю своему (Хож. Аф. Никит.). Да которой родится не в отца, не в мать, *ини* [и они] тех мечють по дорогам (там же). А книг у меня нет: коли мя пограбили, *ини* книги взяли у меня (там же). И которых статей впрежних судебниках, и воуказех прежних государей, и вбоярских приговорах ненаписано, *ите* статьи, написав внов, к государю приносили (Улож. 1649 г.). А когда дворецкого не бывает, *и* тогда ведает околничей (Котош., 88). И вам о том государь как наказал, *и* вы мне скажите (Отчет Я. Молвян.). И в кровли и в суши, *и* тому подворью, и всякому обиходу домовному старостию обетшания нет (Домострой, 61) = «если покрыто и сухо, то...»¹

2) А кой не пойдет, *ино* боялся бы государевы казни (Сказ. о Пск. взятии, 7). А что ся у статка останет, *ино* то боярину и диаку имати себе (Судебник, 1497 г.; 8). А у жены дитя родится, *ино* бабить муж (Хож. Аф. Никит.). И только нам благоволит бог у вас пострищися, *ино* то всему царскому у вас быти, а монастыря уже и не будет (Посл. Иоанна Гр. игум. Кир.-Бел. мон., 5). Как которое судно понадобитца, *ино* бы было готово (Домостр., 55). ...Коли б мы вашей лжи не поверили, *ино* бы так не сталось (Список с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). А крестьянин у крестьянина на одной деревне между перекосит или переоретъ, *ино* волостелю на нем взяти за боран два алтына денег (Судебник 1589 г., 26). ...А не будет ветров своих, *ино* струги в тихое время переходят неделю (Хожд.

¹ Другие примеры, из языка первой половины XIX в., см. РЛЯ пл. XIX в., М., 1954 г., стр. 417—418.

на Восток Котова, 77). Рыба покинуть и так побрести, ино лисицы разъедят и домашние гладны (Аввакум, 114). А у прежних де прикащиков так хлеб в ростроенье не бывал, хотя де и роскроет, ино тотчас и покроют (Хоз. Мороз., I, № 100).

Изредка только в роли заключительного союза выступает а: Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуша, или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща... (Слово Дан. Заточн., рук. А, XX).— Ср. противительный характер мысли.— А для того, чтобы царство его не оскудело, а войско царское с коня не сседает... (Сказ. о Магм.-салт.).

В языке XVIII и в начале XIX в., сравнительно с нынешним, останавливает на себе внимание относительно частое употребление в начале главного предложения, следующего за придаточным с союзами **лишь только, как только**, союза **и**: Лишь только молвила, и нищий у дверей (Хемницер).

В ряде случаев, при неформальности (союзом или интонацией) первой части высказыванья в настоящее придаточное предложение, — **ино**, вводящее главное, заставляет воспринимать первую часть как придаточное по замыслу (чаще всего условное); ср.: Всякаму человеку домовитому доброму, у кого бог послал свое подворенце или деревеньку или лавочку в торгу или онбар или дома каменные или варницы или мельницы, *ино* бы было по преж писаному — всякой запас куплен в пору (Домострой, 61). ...Крестиян х твоему государьскому ко всякому делу нарежать н(е)кому, всякая твое государьская дела ставитца неспора, *ино* я, государь, брожу по дворам крестиян на твою государеву работу повещать (Хоз. Мороз., I, № 138). Характерны случаи с более четкой интонацией условия в главном: Да перед нижним крыльцом сена положить грязные ноги отирать, *ино* лесница не угрызится (Домострой, 38). Потирало чистое положить, а грязное прополоскать... *ино* то у добрых людей у порядливой жены всегда дом чист и устроен... (Домостр., 38). А вино крестьянину сидеть или пиво варить часто, *ино* не прибыльно, убыточно (Хоз. Мороз., I, № 149). Жених замолчал, *ино* сват заворчал (Стар. сборн., 959).

Ср. и: Хотя бы с вами, первыми послами, царь Белой послал нашему царю Тайбуну что не великое: не то дорого, что поминки,— то дорого, что Белой царь ко царю дары послал,— *ино* бы де наш царь вашему царю с своими послами противно так же послал, да и вас бы де, послов, пожаловал... (Мат. пут. Ив. Петлина, 294).

И, наконец, **ино (ино-то)**, **ин** сближаются по значению с союзом фразного членения «таким образом» и под.: описав привольную жизнь Шереметева и Хабарова в монастыре, Иоанн Грозный замечает: *Ино* почто в чернцы, как молвити: «отрицаюся мира?» (Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Бел. мон.).

Как черта народной речи **ин** употребляется в комедиях XVIII в.: Мельник: Стой же плотно. Филимон: *Ин* добро, быть так

(Аблесимов, Мельник...). Мельник: Не утай, не утай ничево... Ф или мон: Ну, *ин* быть так, правду молвить... (там же).

Не трогать? Ну *ин* я ее не трону (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники).

С выводом целевого характера может выступать **ино бы**: А толко не виновато дело, *ино* оговорщиком не попущати, *ино* бы впере [sic!] вражда не была (Домострой, 38).

Характерно, что древнерусский язык не чуждается скоплений **ин, ино**; ср.: ...А кому будет стати, едучи через Романову слободку, *ин* станет у Савы, у старца в селе, *ин* даст ему корму, что будет пригожь (Жалов. грам. белозерск. кн. Мих. Андр. Кириллову монаст., 1448—1469 г.). А только тех дву волю не сотворите, *ино* как государю бог по сердцу положит, *ино* у него много силы готовой, то кровопролитие на тех будет, кто государевы воли не сотворит (Сказ. о Псковск. взят., 9). А к тебе есмь писали, чтобы ты узнался да прислал послов, *ино* бы приговор о всём был как непригожь [sic!]. *Ино* ты гордостью не прислал послов, *ино* потому и кровь льетца (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). Воевода воеводе... велят деньги править полно, и тово, что и прогонов на них не правил, не безчестье на нем попу и мужику взять, *ино* было порание того деньги к Москве прислать, *ино* б от воеводы для денег и присылки не было (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1650 г.). Ср. и приведенный выше пример из «Домостроя, 38».

Очень близко в подобных случаях к противительному оттенку **но**: И реша унейшии Урусобе: аще ты боишия Руси, но мы ся не боим... (Лавр. летоп., под 1103 г.).

Реже в древнерусском в московских памятниках в роли союза заключительности встречаем сделавшееся теперь господствующим **то**:

Есть в том Алянде и птица гукук... а на которой хоромине седить, *то* тут человек умереть (Хож. Аф. Никит.). А толко по вине и по обыску по прямому, а не каецца во грехе своем и о вине, *то* уже наказание жестоко надобеть (Домострой, 38).

В церковнославянизированных текстах, где употребляется оборот дательный самостоятельный (дательный с согласованным причастием в смысле сокращенного придаточного предложения), и точно так же иногда вводит часть, заключающую главное предложение: Умершу же тому воеводе на Мутьянской земле, и краль посла к нему в темницу (Драк., 15). Живушу в Мутьянской земле, и придоша на землю ту туркове (там же, 16). Ср. и да: Нам же тогда живущим в своем селе Воробьева, *да* те ж наши изменники возмутили народ... (Посл. Иоанна Гр. Курбскому, 13).

Союз **то** в значениях «ну так, так, а» не редок в памятниках церковнославянских и домосковских как вводящий фразу, чаще всего вопросительную, связанную с мыслью только что высказанного: Он же рече: *то* где есть земля ваша? (Пов. вр. л., под

6494 г.,— Срезн.). Рече же Володимер: *то* (в) кое время събыться и было ли се есть? (там же).

С XVIII в. в русской литературной речи **то** устанавливается почти как единственный союз заключительности (изредка наряду с ним употребляется еще **так**).

Современному литературному языку при выдвинутом вперед придаточном предложении цели чуждо употребление союзов в главном. В XVIII в., однако, и в первых десятилетиях XIX в. еще можно встретить в таких случаях **то**, начинающее главное: *Чтоб хранить важное дело тайно, то не довольно, чтоб ничего об оном не говорить* (Приклон., 66). И дабы в том лучше успеть, *то* не хотел я даже и показать себя господам каширским дворянам... (Болотов). А чтобы вернее их выжить, *то* вырубил и продал свои леса (Крылов, Похвальная речь дед.). *Чтоб видеть его, то* надобно поднять две доски (Карамзин). *Чтоб плод тебе твои труды желанный дали, То* надобно... (Крыл.).

Из оригинального употребления XVIII в. при различных придаточных предложениях ср.: И хотя секретарь в коллегии гласу не имеет, *то* однакоже надлежит ему коллегии по всей возможности надлежащее уведомление давать... (Генер. регламент, 1720 г.). ...И как бы ветр меня по понту ни носил, *То* верь, дружечек мой, что я не ослабею... (В. Майков, Корабль и Лодка). Неко́торый командир никогда не жаловал прозб о награждениях; *то* некто подчиненной вздумал ему доложить так... (Кург., стр. 191). См. и в первой половине XIX: Красавица, умна, скромна, послушна, И, что милей всего, *то* очень простодушна (Измайлов, Простодушная).

Общие замечания о подчинительных союзах.

Обзор подчинительных союзов древнерусского языка сравнительно с современными позволяет сделать следующие выводы:

1. Большинство выживших союзов представляет собой не что иное, как застывшие формы именительного-винительного и творительного падежей относительных местоимений (**что, чем**); сочетания с предлогами **за, от и по** местоименных же указательной и относительной частей главных и придаточных предложений (**затем что, оттого что, потому что, пока**); относительные наречия (**как, между тем как, так как, так что, куда**).

Вообще можно сказать, что из старых относительных местоимений в союзах выжили только восходящие к корням с основами **къ-** — **ко-**, **чь-** — **че-**, до сих пор выполняющими вопросную функцию.

Другую группу составляют местоименные образования с превратившимися в частицу формами глагола *быть*: **чтобы**, затем — **чтоб, кабы** и комбинации этого же глагола с частицей *ли* — **если, если бы**, вероятно **ежели**, включающее еще *же*, **ежели бы** и включающее *то* — **будто**.

Роль заключительного союза (союза-вывода) на себя приняло бывшее указательное местоимение **то**.

Особняком стоят в системе:

1) Уступительные союзы: **хотя (хоть)**, связанное с глаголом, в ряде славянских языков легко переходящим в формальный (ср. др.-р. «хочем помрети» = «умрем» и под., сербск. бићу «буду бить», по происхождению «хочу бить», знаћу — «буду знать», болг. ще бия, ще неса; *ще* — из *хоще*), и **пусть** из *пусти* — ср. немец. лаßen «пускать, пустить» в роли вспомогательной частицы при повелительном наклонении, и под.

Союзы эти занимают особое место и в том отношении, что с главным вводимые ими придаточные предложения может соединять еще другой союз — **но, однако** и под.

2) Ограничительные союзы-наречия **только, едва, лишь (лишь только)**, которым в сочетающемся с ними предложении соответствует обыкновенно **как**.

Что касается союзов иного образования, — **дабы и ибо**, то первый почти вышел из употребления, а **ибо**, чуждое разговорному языку, в письменном сохранено более или менее искусственно. Ветшают одинаковые сочетания **коль скоро, даром что**.

2. Русские союзы развивались в тесной связи с наклонениями служебных глаголов: с сослагательным (условным) — **чтобы, кабы, если бы, ежели бы** (союзы цели и условия), с повелительным — **будто, хоть, пусть** (союзы изъяснения с оттенком допущения, союзы сравнения и уступительности).

3. В состав союзных образований вошло только несколько существительных неместоименных с наиболее абстрактными значениями «пора», «время», «место» и «мера» — с **тех пор как (с тех пор)** и под., **в то время как, покамест** (др.-русск. **покамѣста**), **по мере того как**.

4. Старинное многообразие союзов, во многом отражавшее диалектное дробление, сократилось. Ряд бывших раньше в обращении союзов отошел к «народным» стилям литературного языка: сравнительные **что, словно**, условные **коли, кабы** и под.

Едва ли не единственным приобретением в области союзов является сильно окрашенный аффективностью условный союз **раз** «если уж».

5. Функции союзов уточнились — за относительно немногими исключениями, они специализировались в определенных значениях, Положение, подобное тому, которое отражает, напр., Синод. список I Новг. летоп., когда союз **яко** выполняет функцию изъяснительную, заключительную, причинную, сравнительную, целевую и временную, чуждо современной речи.

Остатком былой неразграниченности являются еще немногие союзы: стареющее в некоторых функциях **как** со значением времени: Под ним (как начинает капать Весенний дождь на злак полей) Пастух, плетя свой пестрый лапоть, Поет про волжских рыбарей (Пушк.); почти вышедшее из употребления **как** причин-

ное: ...А как она была проворная баба и на все мастерица, то он полюбил ее и сделал ключницей (Акс.); чтобы после отрицательных главных: Не верю, чтоб дочери бедной своей Ты сам не одобрил решенья (Некр.).— О неразграниченности, разумеется, не приходится говорить по отношению к случаям близости самих выражаемых союзами значений (время — условие — причинность; условие — уступительность)¹.

§ 15. Деепричастия.

Деепричастие во всех славянских, как и в других индоевропейских языках,— категория новая, развившаяся относительно поздно в особой жизни этих языков. По своему происхождению деепричастия сплошь восходят к причастиям.

Возникнув, как уже было указано, из так называемых аппозитивных причастий, т. е. из глагольных прилагательных, которые согласовывались с подлежащими, но вместе с тем тяготели к сказуемому,— деепричастия в том отношении еще и до сих пор обнаруживают свое происхождение, что предполагают как действующее лицо — лицо подлежащего. Отсюда — известное правило, установленное уже М. В. Ломоносовым («Росс. грамм.», § 467), о том, что нельзя, в духе иностранных языков, употреблять в предложении два разных подлежащих: одно — при деепричастии, другое — при сказуемом. Развившиеся на русской почве деепричастные обороты генетически соответствуют таким древнейшим причастиям, как: И тако скончася блаженный Борис, венец приим (прием)... с праведными (Лавр. спис. летоп., под 6523 годом), т. е. «принявший» с переходом к значению «приняв»; «...явившася отци наши акы светила, иже сияють и по смерти, показавше труды великыя и въздержанье...» (там же, под 6582 г.), т. е. «показавшие» с переходом к значению «показав»².

Исстари, однако, большая предикативная сила деепричастий приводила к тенденции употреблять их как своеобразные эквиваленты придаточных предложений с возможным самостоятельным подлежащим, тенденции, известной и народному языку (И только видели молодца сядяючи, и не видели его поедучи; Сгарели, — сгаремши, карова пала): в «Русской правде»: ...познает ли надолзе, у кого купив, то свое куны възметь (321—324); ...вывести ему послухы любо мытника, перед кымже купивше (357—360).

¹ Украинский материал по союзам, полезный для сравнения с русским,— см. в статье «З історичних коментаріїв до української мови» (Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них»,— Наук. записки Київ. держ. унів., V, вип. 2, 1946 р., стр. 31—72.

По вопросу о путях развития русских союзов см. и автореферат докторской диссертации Э. И. Каратаевой «Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия», Л., 1951.

² В одном из списков, соответственно этому уже с нарушением согласования, т. е. с признаком перерождения в настоящее деепричастие,— *показавши*.

В одном из вариантов Лаврентьевского списка летописи в соответствии первоначальному тексту: «...и слышаша блаженного Бориса *поюще* заутреню», т. е. «и слышали блаженного Бориса поющего заутреню», — «поюще», т. е. уже деепричастный способ выражения.

Та *грамота послана* ис походу великого государя з дороги, *идуци* из Ливонские земли, Немецким писмом... (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. королю 1573 г.). А где которой троечкой *крестьянин* сыскан и в которой в троечкой вотчине, *вывезши, посажен*, и то писано подлинно под теми селы в свозных книгах... (Свонз. кн. бегл. крестьян, 1614 г.). ...И закрепили тот список святейшему патриарху Московскому и всяя Русии, и митрополитом... А *закрепя* то уложение руками, *указал государь* списати в книгу (Улож. 1649 г.). И те воры..., поймав его, *повели* в город... и, *приведчи* в город, *собралося* их, *воров*, болши 5000 человек (Котош., 103). И *отстав* от них, астарыханских служилых всяких чинов людей, сорок семь человек и, выговоря тем людям их воровство..., *велели* их написать в прежние чины за поруками... (Мат. Раз., II, № 24). А *укрепя* город, *был* у него, Стенки, под Царицын *круг* (там же, I, № 9). А татарина Обраима поймал Олешка Стрижов, и, *поймав, сидел он* у Егорка Шумова одни сутки (Розыскн. дела о Шакл., I, 122). И я, Ивашко, по той наказной памяти, *взяв* с собою в понятия старосту... да крестьян Фоймогубской же волости... и с теми людьми, не доходя деревни Харловой за полверсты, прежние *отбойщики* Евстратко Прохоров с товарищи со многими людьми, увидя *нас идучи* к себе, и учили крычать, что-де «вы к нам не ходите, будет дурно и живы не дадимся» (Отписка подьячего Ив. Бурнакова 1687 г., Креп. мануф., II). Ср. и: ...и потом *царь* поздравляет их *сочетався* законным браком... (Котош., XIII).

Особенно частым делается такое употребление деепричастий в XVIII в., вероятно, у ряда авторов не без поддержки впечатлений французского языка: *Приехав* в Белев, попалась нам хорошая квартира (Фонв., Пис.). *Смотря* иногда на большего моего сына и размышляя, что он скоро войдет в службу ... у меня волосы дыбом становятся (Радищ.). *Родясь* с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращались всегда на искомые предметы (Радищ.). *Увидев* же множество ветчины, тотчас сварен был оной целый окорок (Болотов). Особенно характерны случаи вроде: ...Явно бо, что книжку раб *дая* ей такую, Другом добродетели весь свет признал тую (Кант., Елисавете Перв.). Не *успев* Тит растворить уст, Трофим дивится Искусной речи его (Кант., Сат. III). Не ведал Сорогон, что подло я *алкая*, К казне его моя рука простерлась злая (Хемн.). Заходит такое употребление и в XIX в., и характерно, что мы встречаем его в это время главным образом у авторов, хорошо знающих французский язык (у Пушкина, Л. Толстого, Писемского). Часто оно, впрочем, и у И. А. Крылова. О неправильности подобных конструкций Ломоносов писал (Рос.

грам., § 467): «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастие от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным лицом личным, на котором всей речи состоит сила: идучи в школу, встретился я с приятелем. Но многие в противоположность сему пишут: *идучи я в школу, встретился со мной приятель...*, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Русское сочинение».

В древнерусской письменности часты сочетания деепричастий с относящимися к ним второстепенными членами и вводимых союзами *и*, а определенно сказуемых предложений. Эти сочетания производят впечатление фраз, состоящих как будто бы из двух предложений. Самый распространенный тип таких сочетаний — с тем же самым подлежащим и с деепричастием прошедшего времени, предшествующим союзу *и*, *да*, *а*. Лишь изредка встречаются сочетания с другим расположением частей одной относительно другой:

А которы боярин поедет ис корьмленья от тебе ли ко мне, от мене ли к тебе, *а* службы не отъслужив, тому дати корьмленья по исправе, а любо служба отъслужити ему (Докончание вел. князя Дмитр. Ив. с князем серпух. и боровским Влад. Андр., около 1367 г.).

А што ти слыша ото крестьянина или поганина о нашем добре или о лисе, *а* то ти нам поведати в правду... (Догов. грам. вел. кн. Дмитр. Иван. с вел. кн. тверск. Мих. Александр., 1375 г.). И нюкнув князь великий Владимир Андреевич гораздо, *и* скакаше во полцех поганых в татарских (Задонщ.). А поставя на поляново нововыборного, *и* принимают у него шапку, и с него кушак и рукавицы (Урядн.). А ты сам о том правду написал, что Керстан Датцкой дородной король взял был дородством Свейское королевство, да оставя своих бояр тут, *да* поехал на свое государство в Датскую землю, и отец твой Гастаус, зговоряся с прежними правители Свейския земли, *да* пригнался из Щмолант с коровами, да Керстеновых короля Датцкого бояр побил, а сам королем учинился (Спис. с грамоты Иоанна IV к шведск. королю 1573 г.). «...и я в Володимире собрався с дворяня (sic!) и с детми боярскими, *да* пойду с ними на государевых изменников сам в Муром тотчас (Пис. М. Вельяминова к гетм. Яну Сапеге, 1608 г.)². А прочет сию грамоту, *да* отдай назад

¹ См. и нынешний диалектный материал — «Доклады и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР», X, 1956 г., стр. 119.

² В XVIII в. относительно часты такие сочетания у В. Майкова (Елис.): Он вставши со одра и свечку засветил.— Он вынувши перо и пишет имена.— К Силену обратясь и так ему вещает.— Тут Мом пристав к речам и к шутке их подладил.— Оставя важные дела, и прял куделю.— Но сын не слушаясь ее, и власть берет.

игумену Екиму и старцю Мартемьяну и всей братии (Грамматика бозерская. кн. Мих. Анд., 1454—1455 г.). И ты остави веру свою на Руси, да възкликнув Махмета, да поиди в Гундустанскую землю (Хож. Аф. Никит.). Борзее отделившись, да домой ходи (Домострой). ...А чему наши волостели не учинят исправы, и нам склався да учинити исправу без перевода (Договор грамматический в кн. тверск. Бориса Александр. с в. кн. литовск. Витовтом, 1422 г.). А не будет у которого татя столк статков, чем истцово заплатити, ино его, бив кнутъем, да истцу в его гибели выдати головою, на правеж, до искупа (Судебник. 1550 г.). А не похочет истец по себе поруки дати в том, что ему свой иск доправя, да того татя привести к судие... (там же): ср. в предшествующей фразе: ... А истца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его бояром...¹

Предшественниками этих оборотов были такие же сочетания, где формы, параллельные сделавшимся деепричастиями, были еще причастиями (согласуемыми глагольными прилагательными). Потехня (Из запис. по рус. грамм., II¹, стр. 185 и след.) в этих конструкциях справедливо видит «частный случай того, что можно назвать недостатком связности предложения в древнем и народном языке, сравнительно с нынешним литературным. Союзы здесь как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения». И, а в подобных фразах, по его толкованию, «...усиливают отношение последовательности во времени, вытекающее уже из времени причастия (деепричастия) — «въставъ и рече» собственно значит: «вставши, потом сказал». Как бы однако ни представлять себе наиболее старинный смысл таких оборотов, имеющих очень давние параллели себе в других индоевропейских языках (ср. Д. Н. Овсянников-Куликовский, Синтаксические наблюдения, вып. 1, 1899, извлеч. из «Журн. Мин. нар. просвещ.» 1897—1899 г., стр. 33 и дал.), для языка московской письменности приходится считаться с, вероятно, сильно тяготевшим над подобными оборотами влиянием параллельных сочетаний — с настоящими придаточными предложениями, за которыми шли в древнерусском главные, тоже начинавшиеся с и, а и да, и сочиненных предложений, из которых второе означало последующее событие, противление и под. Если, как заметил Потехня (там же, стр. 191), «такого союза обыкновенно не бывает после причастия настоящего» (однако не без исключений, что отмечено им же), то это всего легче понять, приняв во внимание значительно более редкое употребление в придаточных предложениях заменяемых деепричастными оборотами форм настоящего времени. С этой же точки зрения понятно, что а редко вводит деепричастные сочетания, следующие за сказуемою частью (Послаша псковичи воевод своих, а крестное целование правя, Пск. I, 216), так как подобным конструкциям по существу

¹ О глубокой старине этой конструкции, засвидетельствованной памятниками сербского, западнославянских языков и известной литовскому, см. Потехня. указ. соч., II, стр. 189.

не было параллелей в сочетании главных и придаточных предложений. Влияние конструкций с придаточными предложениями и сочиненных, где второе выражало последующее действие, противление и под., позволяет понять характер мысли, действовавший в случаях с разными подлежащими при деепричастии и сказуемом; ср.: И вшед Третьяк в вече, и посадники псковские, и псковичи начаша ему говорити... (Сказ. о Псковск. взятии, 10) — мыслилось: «и вошел Третьяк...» — И которые послы или воеводы, ведая в делах неисpravление свое и страшась царского гневу, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтоб они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили (Котош., 85) — мыслилось: «...ведая... и страшатся...» Ср. еще: И много она, государыня, кричав и причитав и жалостно и умильно глаголя, и предстоящие тут люди и жены всего царского двора плакаху без утешения (Памятн. Смутн. вр., 769). Такой же характер построения отражается и в архаизирующих конструкциях (срывах со старославянских образцов) вроде: ...Нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись отца нашего о постелю, ногу положив (Посл. Иоанна Гр. кн. Курбск.).

Контаминация построения с придаточным предложением и другого — с деепричастным оборотом отражена, напр., в фразе (Хожд. на Восток Котова, 83): От города от шамахи полдни ходу через гор [sic!] высоко добре, и, как горы перешед, итьги два дни степью до реки куры. — Как любопытный случай стоит особо отметить: И стояла рать под градом месяц, и людей з голоду и з безводья погибло много, потому что на воду смотря, а взять нельзе (Хож. Аф. Никит.).

Примеры, вроде: А николи же бы слуги государыни не будили, государыня бы слуг будила, а ложася бы спать, всегда от рукоделия молебная совершив (Домострой, 29), представляют, по-видимому, только анаколумы (невольные смещения конструкций).

О влиянии на деепричастные конструкции инфинитивных с дательным падежом свидетельствуют примеры, впрочем не частые, вроде: «А что *ми слышев* о твоєм добре или о лисе от хрестиянина ли от иноверца, то *ми тебе поведати* в правду...» (Догов. грам. вел. кн. Вас. Вас. с кн. галицким Дм. Юр., 1436 г.)¹.

¹ В народных говорах, особенно северных, деепричастные формы на -ши, -вши широко распространены также в качестве сказуемых. Заслуживают внимания замечания В. И. Чернышева (Труды Инст. русск. яз. Акад. наук СССР, I, 1949, стр. 230): «Отсутствие деепричастий-сказуемых в северных былинах можно объяснить только тем, что былины существовали раньше развития этой черты в местных северных говорах, или же тем, что былины держались в том слое населения, который не знал этой черты. Замечательно присутствие в малой степени — данных форм в причитаниях, которые сложились, очевидно, позднее и не имеют значительной устойчивости текста».

Верно отмечает Чернышев же (стр. 231), что «данная форма... сознается или правильно употребляется говорящими для означения ранее или давно прошедшего времени и указания не столько действия, сколько состояния предмета».

Иногда в придаточном предложении для пишущих функция деепричастия может и вовсе стираться; ср., напр., в памятнике невысокой грамотности — «Гистории о росс. матросе Василии Кориотском...»: ...а королевне нанел девиц самых лепообразных тритцать, которых зело украсив ...и начаша думать о росийском матросе, чтоб ево поставить во атаманы, понеже видев же его молотца удалого и остро(го) умом (там же). Потом разбойники приехавши з добычи, и он их встретил по обычаю атаманскому... (там же)¹.

Но, конечно, для XVIII века фраза «Некто старый вождь, *идуци* в походе со многими молодыми Князьями, коим было то новым танцом. Тогда один Князек имея, в команде лучшей полк, сказал сему старику...» (Курганов, 199) — не что другое, как частный пример неуклюжего построения, возможного, как видим, даже в книге, среди другого претендовавшей и на то, чтобы быть пособием хорошего слога.

§ 16. Повторение предлогов.

Одно из характерных явлений старинного синтаксиса, лишь постепенно уступившее место новой упростительной тенденции, — употребление того же самого предлога при приложении и слове, с которым оно согласуется: Село Семеновское Володимерьское волости, что есмь купил у Овци у Ивана... село в Дмитрове, что есмь купил у Ивана у Дрюцьского... (Духовная в. кн. Сем. Ив.). И с Колязина поидох на Угльчь... и князь велики отпустил ми всея Руси доброволно, и на Плесо, в Новгород Нижней к Михаилу к Киселеву к наместьнику и к пошьлиннику Ивану Сараеву, пропустили доброволно (Хож. Аф. Никит.). Августа во 2 день Антоней и Яков пришли в город в Венецею... (Отчет Як. Молвян.). ...А которая де государева грамота у них на тое землю была и та де государева грамота у ямщика у Бориска у Плешкова згорела... (Писц. книга по Нижн. Новгород., 1621—1629 г.). ...И чернцы Кирило и Боголеп и Иона

¹ В. И. Борковский (Русск. яз. в школе, 1951, № 2, стр. 75—76) склонен придавать большое значение самостоятельной предикативности древних причастий и не видит полезности в допущении влияния на рассматриваемые конструкции образцов придаточных предложений. Ссылается он и на то, что «в современных территориальных говорах деепричастие (точнее — неизменяемая форма причастия) употребляется в роли сказуемого (но не второстепенного, как в древнерусском языке, а главного, являясь именной частью составного сказуемого), в частности в говорах московской и близлежащих областей». Он не учитывает при этом того важного для данного вопроса факта, что древнерусский оборот, о котором идет речь, представляет прямое продолжение древнейших, уже дославянских конструкций и продолжает старинный тип своеобразного сложного предложения, тогда как севернорусское употребление в роли сказуемого неизменяемой формы причастия прошедшего времени, к тому же — со специальным значением, со сравнительно-исторической точки зрения — явление в языке новое. Этим различием и определяется предложенное толкование, оспариваемое Борковским.

и дьячок Якушко посланы в Кирилов монастырь с сотником стрелецким с Иваном Рыкачовым Кирилова ж монастыря на подводах... (Грамота 1647 г.).

В примерах: Се яз, князь великий Семен Иванович всея Руси, с своею братьею молодшею со князем с Иваном и с князем Андреем целовали есмы межи себе крест у Отня гроба (Договор. грам. в. кн. Сем. Ив. с братьями, 1341 г.). ...И те черницы ризничей Кирило Муромец и черной поп Боголеп и Иона Зуй и дьячок Якушко Сизма в тех непристойных речах своих на Москве в Приказе сыскных дел пред боярином нашим пред Григорьем Гавриловичем Пушкиным, да перед дьяком Григорьем Ларионовым винулись... (Грамота 1647 г.). ...С стацким министром, секретарем королевским чужестранных дел, с господином с маркизом де Торцием... (А. Матв.) — наряду с указанным употреблением предлогов, имеем такое же, как и в современном литературном языке.

Родственное явление — повторение предлога перед прилагательным и местоимением-прилагательным, следующим за именем существительным:

...А ис конь из своих из ездовых велел есмь дати своей княгини пятьдесят конь (Духовная в. кн. Сем. Ив.). А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, и им судити... (Судебн. 1497 г., 38). И со княгинями бы еси и з боярынями поговорила, что таково у Ивана сына явилося и живет ли таково у детей у малых (Пис. в. кн. Вас. Иоан. 1530—1552 г.). А перед Бутом же стоит вол велми велик, а вырезан из камени из черного (Хож. Аф. Никит.). Да у нас же, за грех за наш, моровая поветрея (Письмо дочери Бор. Годунова Ксении, 1609 г.). Пожаловал меня в поручики в морские галерного флота (Зап. Неклюдова).

Значительно реже это наблюдается при существительных, которым прилагательные предшествуют: На байрам на бесерменский выехал султан на теферичь, ино с ним 20 возырев великих, да триста слонов, наряженных в булатных в доспесех (Хож. Аф. Никит.), и при втором прилагательном, предшествующем существительному: ...А иныя слугы с великими с прямыми луку да стрелами (там же). А похочет тот холоп к своему старому государю, и того холопа явить бояром (Судебн. 1550 г., 80).

Это же повторение предлога составляет правило для числовых названий: Со сто з дватцать тысячь рублей в год (Котош., 89).

Ср. и: Как жеребцов, так протчих стоялых лошадей зимою держать всегда подкованых немецкими широкими подковами с гладкими с двумя шипами (Регула о лошадях, XVIII в., 18). И сейчас эта особенность старинного синтаксиса хорошо сохранена в некоторых говорах; см. Н. П. Гринкова, Некоторые случаи повторения предлогов в кировских диалектах, — Язык и мышление, XI, 1948, стр. 91—103.

§ 17. Отрицания.

При глагольных и входящих в систему глагола формах, если в соответствующую грамматическую пару уже входило *ни*, в древнерусской письменности борются тенденции книжные (церковно-славянские) — опускать *не*, с народными, в конце концов победившими в современном языке¹, — не употреблять: ...Зернью играют и пропиваются, *ни службы служат*, ни промышляют... (Стогл., 10). ...Правды же и суда, и милостивыя любви, и ратнаго строя *николи же позабываюте* (Урядник) ...Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, *никто же зазрит, никто же похулит*, всякий похвалит... (Урядник, 2). ...и в город Кремль бояр и верховых людей *никого ницаху* («Созерц. краткое» С. Медв.). Ср. в том же самом тексте 1660 г.: Как он патриарх, превысочайший святительский престол Великия России оставил своею волею, *ником гоним* — и: ...А престол де он святительской оставил своею волею, *ником не гоним* (Дело Ник., № 5).

В XVIII в. *не* иногда отсутствует в сказуемом при отрицаемых других членах у писателей, отражающих влияние языков греческого (через церковнославянские образцы) или латинского: ...с варварами, что ни против кого стоять могли (Воинский устав, 1716 г.). ...Ибо всебеспорядочный, варварский обычай смеху есть достойный и никакого добра из оного ожидать возможно (там же). В сенате никакое дело исполнено быти надлежит словесно, но все письменно... (Указ Петра I «О должн. Сената», 1772 г.). ...ни отечеству добры, ни людям приятны (Кант.). ...хотя внутри никто видел живо тело (Кант.). ...один другого добру никогда завидит (Кант.) = «...никогда не завидует». Между тем он с того зла ни кую надежду Себе ждет (Кант.) = «не ждет никакой надежды». — Ср. и при управляющем прилагательном: Вот какой плод происходит от таковых беспутных и ни к чему годных учителей (М. Данилов). Ты ни к чему годный мужиченка! смеешь ли ты насмеяться над барским егерем? (Плавильщиков, Бобыль). Ср. и более старый случай: «*Ни радость вечна ни печаль бесконечна*» (Стар. сборник, — № 1656).

Ни выступает в древнерусском языке при словах, управляемых глаголами или инфинитивами с *не*, только начиная со второго отрицаемого члена: ...Нам князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детей (Догов. грам. в. кн. Сем. Ив. с

¹ При этом необходимо, однако, не упускать из виду, что частично древнерусское опущение *не* в некоторых случаях, когда мы его имеем в памятниках, отражающих разговорный язык, может быть фактом и русским, диалектным, имеющим параллели в сев.-русских говорах; так, напр., Ты как хочеш и з женою, нехто ее у тебя пытает («никто ее у тебя не требует»); И коли б ты хотел правдою жити, и ты б прислал ко мне послов, а то ты крови желаеш да безделье говориш и пишеш, нехто тебя пытает (в «Списке грам. Иоанна Гр. к шведск. королю, 1573 г.») — по всей видимости, параллель к еще недавнему диалектному употреблению: «Нехто ему велел» и под. (См., напр., Якуньково, б. Макарьевского уезда, Костромск. губ., Матер. для изучен. великорусск. говор., VIII, стр. 134). Ср. Даль (Толк. слов.) о *некто* «никто не».

братьями). ...А ночи не ядять, а вина не пьют, ни сыты... (Хож. Аф. Никит.). А про всяку вину по уху, ни по виденью не бити... (Домостр., 38). А с слугами бы государыня пустошных речей ни пересмешных отнюдь не говорила (Домострой, 33). Ср. еще в XVIII в. напр., у Кантемира: Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину, Ни связи, должно ль о том тужить дворянину?..—Нельзя чтоб тот себя письмом своим прославил, Кто грамматических не знает свойств ни правил... (Сумар.). Родства не знает, ни приязни (Радищев, 189). Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город (Радищев, 13). Не знаешь клетки ни оков (Карамзин, К бедн. певцу). К середине XIX в. подобные случаи делаются всё реже: И нет извне опоры ни предела (Тютчев), и под.

В XVIII в. были возможны сочетания вроде: Однако дождь и снег, ни бурный ветер, ни град Героя нашего в сих латах не вредят... (Чулков, Плач. падение стихотворцев).

Подобные же отношения имеем при примыкании инфинитивов: Не ты ли, не возмогши прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни устрашить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника своих мерзостей? (Радищев, 134).

При двух отрицаемых сказуемых в древнерусском первое стоит с **не**, другие — с **ни**: И вам бы не презрети, ни восхотети видети поруганну образу... (Воззв. моск. людей). ...И мы де такова судна велика и хороша на той реке не видали ни слышали (Мат. Пут. Ив. Петлина, 295). ...А своим вымыслом в судных делах по дружбе и по недружбе нечего не прибавлявати ни убавлявати (Улож. 1649 г.).

В современном нам языке повторяемые **ни** (союз) при глаголах-сказуемых вышли из употребления: мы заменяем их повторными **не**: ...стоял под градом 20 днии, и рать ни пила ни ела... (Аф. Никит., стр. 49). Верными старине мы остаемся только при примыкающих формах глагола — инфинитивах: Не мог ни говорить ни думать; Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть (Крылов). XVIII в. и начало XIX еще свободно пользовались в первом случае повторяемыми **ни**: А ведь ворон ни жарят ни варят (Крылов, Ворона и Курица). Сидит, молчит, ни ест, ни пьет И током слезы точит (Пушкин, Наташа).

Употребление **ни** или **и** в значении усиливающих отрицание («даже») в XVIII в. и в начале XIX в. не всегда совпадает с нынешним. Соответствующие факты фразеологичны, ср: ...Соотечественники Вольтеровы не имеют, может быть, ни двух истинных трагедий... (Карамзин, Письма русс. путеш.) = нынешнему «и двух истинных трагедий» (при «ни одной истинной трагедии»); Поверьте не хочу ни мраморных палат (Дмитриев, Причудница).

Наоборот: «Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты, но она никому не подавала и малейшего повода» (Пушкин, Метель), — употребление, возможное и теперь, но чаще заменяемое **ни**.

Аналогии тому и другому употреблению могут быть указаны уже в древнерусском языке, например, в договорной грамоте вел. кн. Дмитрия Иван. с вел. кн. тверским Мих. Александр., 1375 г., где рядом стоят: А имут нас сваживати татарове и имут давати тебе нашу вотчину, великое княжение, и тебе ся не имати *ни до живота* и: А имут давати нам твою вотчину Тферь, и нам ся тако же не имати *и до живота*.

Экспрессивное отрицание в настоящее время обычно усиливается в духе тенденций славянских языков частицей **ни**, реже **и**. Писатели начала XIX в. тут иногда обходились без той и другой: А проку на волос нет в них (Крылов, Март. и Очки) — «нет проку ни на волос», «нет проку и на волос». — Подробности малейшей не забуду (Гриб.). Не позволял себе малейшей прихоти (Пушк.). — Буслаев в этих примерах считал одинаково возможным употребление с частицами и без них.

Конструкции с **ни** при относительных словах с более или менее выразительным оттенком уступительности известны русскому языку издавна: А колько вытей в приставной ни будет, и недельщику езд один до того города, в которой город приставная писана (Судебн. 1497 г., 28), и под.

Почти до последних десятилетий XIX в. в ходу было усиленное **ни** в виде *ниже* («ни даже»). Ср. «...князь Никита (Одоевский — человек прегордый, страха божия в сердце не имеет, божественного писания *ниже чтет, ниже розумет...*» (патр. Никон). В XVIII в. оно могло просто представлять собой второе отрицание (иногда с предшествующим **и**): У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить (Юности чест. зерц., 3). ...А когда и говорить им случится, то должны они благоприятно, а не криком, ниже с сердца или с задору говорить (там же, 4). И не дерзостно отвещать: «да, так» и ниже вдруг наотказ молвить: «нет»... (там же, 6). Судя по древнерусскому, не исключена возможность, что союз этот — западнорусского происхождения.

Ср. *ниже* в позднейшем употреблении: ...Но бедняка никто не только что не встретил, *Ниже* никто и не приметил... (Хемницер) ...Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, *ниже* самой смерти (Радищ.). ...Нет, никогда я зависти не знал. О, никогда, ниже когда Пиччини Пленить умел слух диких парижан, *Ниже* когда услышал в первый раз Я «Ифигении» начальные звуки (Пушкин). Ничего не дам, *ниже* одной крошки (Даль).

В общем можно констатировать, что совершившиеся в истории русского литературного языка изменения в употреблении частицы **не** и союза **ни** сводятся к двум главным чертам:

1. Рационалистические конструкции греческого, латинского и других европейских языков с одним отрицанием не привились, как чуждые народной речи.

2. **Ни** стало по преимуществу парным союзом (**ни...ни**), усиливающим экспрессивность отрицания.

§ 18. Частицы.

Употребление частиц в древнерусском представляет некоторые характерные особенности.

1. Особенно примечательно же после глаголов и сказуемых в значении современного *тоже, также*. Теперь употребление же в этом значении сузилось до роли частицы при местоимениях и местоимениях-наречиях: *тот же, туда же, там же*, реже — при именах: Это сделал *Иван же* («тоже Иван»). И пять метров *красного же* шелку.

В древнерусском же в том же значении очень часто и при глаголах, гсрр. сказуемых вообще:

Сколько чево ис села или ис торгу привезут, и записати... Или кому гос(по)дарь велит что дати, то все записати же (Домострой, 52). ...И сколко чево зделают, то бы было ведомо же (там же). ...И сама бы хмелново питья отнюдь не любила, и дети и слуги у ней того не любили же (там же, 64). В допросе сказал: про анафему не слышал, потому что стоял де он, архимандрит Киприан, далеко, а про отпуст сказал — не помнит же (Дело Ник., № 2). ...Июля в 10 день патриарх Никон обедню в соборе служил, а он де, Матвей, был же... (там же, № 13). И вышел ис церкви, ключарю Федору про тот посох он сказывал же (там же, № 36). И многие друзья и сродники померли же в мор (Аввакум, 85). ...И соловскую мызу сожег, и около соловской многие мызы и деревни дворов с тысячу пожег же (Вед. 1703 г.).

По-видимому, исчезновение такого употребления же — результат удачного соперничества более полновесных *тоже, также*, сосредоточивших на себе логическое ударение.

2. Исключительно часто в древнерусском употребляется *де*. Сравнительно с современным его употреблением можно сказать, что оно в таких, напр., материалах, как цитируемые ниже, относящиеся к делу патриарха Никона, где собраны различные передаваемые свидетельства, встречается тысячами: ...А говорил *де* он, боярин, ему, патриарху, о том на Москве в соборной церкви... а думной же дворянин Прокофей Кузмич на патриаршество его не зывал же, только *де* ему выговаривал... № 8). ...И сее *де* ночи, за полпята часа до света, стоял на часах того же приказу рядовой стрелец, товарищ ево, Исачко Селиверстов, а ворота были заперты, а он *де*, Ивашко, з достолными товарищи были в каральной избе.— По происхождению *де* — 3 л. ед. ч. *дѣ(т)* «говорит». Ср., напр., Ипат. летоп., 6658 г.: Аже *дѣши*: ты мои еси отець, а ты мои и сынъ...; в Лавр. списке летописи: ...Да еще хто *дѣть* в нашу вѣру ступи(т), то паки сум(ь)рѣ (вѣ)станеть...— «Если кто, *мол*, вступит в нашу веру...». Форму, переходную от *дѣ* к *де*, встречаем, напр.: ...Да кто *деи* выйдет половник серебряник в твой путь, ино *деи* ему платится в ыстое на два года без росту (Грамм. белозерск. князя Мих. Андр., 1454—1455 г.). ...Третьяк им на вече сказал... от великого князя: «что-*деи*, отчина

моя, посадники псковские и псковичи, только хотите еще в старине прожить, и вы бы есте две воли мои изволили»... (Сказ. о Псковском взятии, 9). А сказывают, что *деи*, Смоленска не дошед, умер (Соф. Врем., под 1475 г.). Как ехал к нам Датцкой гонец, и ему *деи* в дороге на ямах до Торшку подвод мало давали, а шел иное и пеш (Грамм. царя Фед. Ив., 1586 г.).

Относительность в выборе *де* или *дей* иллюстрирует, напр., текст: «...а сказал: преж *де* сего был в Торусе кабак в откупу, у ныне *деи* в Торусе кабака нет...» (Челоб. серпуховитина Т. Семенова, 1611 г.).

Вполне в духе старины употребление *де* еще у Хемницера в тексте «для себя» (план басни): «Ошибка в том большая — утверждать святому месту *де* пустым не быть».

Из *де* и «скажеть» или «скажутъ» возникло широко распространенное в народном языке *дескать*.

3. Параллельная *де* по употреблению частица *мол* представляет собою изменение звуковое и семантическое 3 л. ед. ч. *молвит* «говорит», в памятниках, а недавно — и в языке, выступавшего часто в виде так называемой *allegro*-формы (формы с ускоренным произношением) — *молит*: ...И благочестивый царь *молит* патриарху иерею... (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож., II, стр. 172). А после того атаманов и казаков спросити о здоровье. А *молит*... (Мат. Раз., IV, № 2). ...Изволи *молить* вслух: мир вам (Дело Ник., № 41). А подсокольничий докладывает паки государя о совершении дела, а *молит*... И подсокольничий подходит к новопожалованному весело и дерзостно, а *молит*... (Урядник, статья 7).

Возможно, что в некоторых случаях *мол* восходит к форме повелительного наклонения, которая звучала так же: И ты прикажи диаку Петру Арбенеу моим словом про детей боярских... да и то *мол* Петру, чтобы сам почаству их днем и ночью смотрел, таки ль все тут... да и истопничим *мол*, чтобы и у них бережно было и пьяных бы не было... (Письмо ц. Алексея).

В памятниках частица *мол*, сколько знаю, не встречается, но в народном языке широко распространена.

4. Характерно, если принять во внимание современный разговорный язык Москвы и особенно северной полосы России, относительно слабое проникновение в литературный язык XV—XVII вв. частицы *-то*. В домосковской письменности и в ранней московской частицу *-то* мы встречаем в роли приместоименной: Тому ити роте, у кого *то* лежал товар (Русск. пр., 476—478). А жити ны по тому, как *то* отци наши жили с братом своим с старейшим (Дог. гр. в. кн. Дм. Ив. 1362 г.).

У имен по своему происхождению частица *-то* — закаменевший остаток постпозитивного склоняемого местоимения, некоторую параллель к которому представляет, напр., современный болгарский язык: *хлябът* «хлеб», *ръката* «рука», *полето* «поле». Склоняемое местоимение *т, та, то*, утрачивая свою гибкость, постепенно пре-

вращалось в частицу, и пути такого перерождения еще отчетливо можно наблюдать в севернорусских говорах. Ср., напр., новгор.:— *у меня ребёнок-от плачет; вся деревня-та горит; а уголье-то носишь, замараешься; руки и ноги отнялись у свекрови-те, любили её старики-те; ну, вот убежали к своим-те к дядьям-те;* шадринск.: *мужику-ту, мужиком-то, мужики-те, дорогу-ту, дороги-те,* при новг.: *а свекровь-то без ноги, человек-то пяти и под.;* шадр.: *мужиков-то, мужикам-то, о дорогах-ту* и т. д.¹

Следы употребления постпозитивного местоимения отмечены (Халанским) даже в памятниках Киевской Руси: Смердов жалуете и их конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнет смерд тот орати лошадью тою, и приехав половчин ударить смерда стрелою и поиметь лошадь ту (Ипат. сп. лет.).

Но широкое применение в письменности постпозитивное местоимение находит только в XVII в. и только у единичных авторов, главным образом у дающего волю родной стихии протопопа Аввакума²: Носи гораздо пироги те по тюрмам тем. А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял? Жури ему: боярин де су одинова умирать, хотя бы то де тебя скать по г...у тому плетми теми и побили, инобы некая диковина,— не Христова бы кровь пролилась, человечья (Аввак., № 9). Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово... (там же, 113). Простой человек Яким-ат: тайные те шиши, кои приехали из Рима, те его надувают аспидовым ядом (Аввак., изд. Гудзия, Челобитная царю Федору Алекс., стр. 302). Да не носи себе треухов тех; сделай шапку, чтоб и рожу ту закрыла, а то беда на меня твой треухи те (там же, письмо к боярыне Ф. П. Морозовой, стр. 305). Как более ранний пример можно отметить: А обезьяны-то те живут по лесу... (Хож. Аф. Никит.).

Старославянская книжная традиция (хотя уже древнейшие старославянские памятники — Зографск. еванг., Ассеман. еванг., Супрасл. рук.— свидетельствуют, что член был известен и древне-

¹ Распределение особенностей постпозитивного местоимения и частицы *любопытно* в окающих говорах владими́ро-поволжского типа и родственных им, изученных экспедицией Куйбышевского педагогического института в 1940 г. Как устанавливает руководитель экспедиции проф. В. А. Малаховский (Учен. записки, вып. 8, 1947, стр. 179),— «все наблюдаемые... говоры можно разбить по употреблению члена на три группы: 1) говоры, в которых в единственном числе употребляются частицы *ѣт, то и та (от)*: отец-от, отец-ѣт, отец-та; а во множественном только *ти-*: пташки-ти, арбузы-ти. В винительном падеже единственного числа сохранены следы употребления члена в винительном падеже: доч-ту, двер-ту...; 2) говоры, в которых употребление члена подчинено гармонизации: избе-ти, селу-ту, избу-ту, отец-та...; 3) говоры, в которых член *ти* употребляется во множественном числе во всех случаях: пташки-ти, отцы-ти, ворота-ти, а в единственном числе гармонизация отсутствует... Следов винительного падежа члена нет».

² По происхождению нижегородец: Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове (Аввак., стр. 76). Есть специальная работа — В. Иванов, Об употреблении члена в сочинениях прот. Аввакума,— Русск. фил. вестн., XXXIX (1893), № 1.

болгарскому, но еще не получил в нем большого распространения) устранила соответствующие влияния севернорусских говоров, и член особенностью русского литературного языка не стал. Частица **-то** в разговорном языке завоевала себе место главным образом на территории, поддерживающей ее существование влияниями говоров, но сузилась до значения подчеркивающей слово, носящее на себе логическое (силовое) ударение: *А ты-то куда смотрел? Надо, чтобы смысл-то был.*

Реже встречается форма членного образования мужского рода. В письме ц. Алексея 1663 г. читаем: «...а соколот и сел на ней». — Из просторечия XVIII века: Простакова: «...Портной учился у другого, другой у третьего; да *первоет* портной у кого же учился?» (Фонв., Недоросль). Из обихода литературной речи она исчезла, но еще у писателей начала XIX в. ее можно встретить в бытовой речи персонажей: ...мост-ат наш каков? (Крылов). Ну, вспомнить не могу: бурак-ат — самый цельный (Кокошкин). В ученьи прок-ат не велик (Гриб.)¹.

5. Частица **-с** со значением почтительности. В современном языке совершенно вышла из употребления, поэтому даже ироническое «слушаю-с», пародирующее старину, теперь обыкновенно понимают как «слушаюсь». В языке XVIII—XIX в. эта частица имела широкое распространение, особенно в языке чиновничества, и была неотъемлемым признаком словесно выражаемой угодливости: Пожалуйте-с, милости просим-с. Ср. эпиграф-анекдот Пушкина к VI главе «Пиковой дамы»: — *Атанде!* — Как вы смели мне сказать *атанде!* — Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с*.

По происхождению частица **-с** — обращение *государь*, по-видимому, из *господарь*. Ср., напр.: божиею милостию Великий Осдпр Русские земли, Великий князь Иван Васильевич, царь всея Руси... (Грам. вел. кн. Иоанна Вас. 1484 г. в Кафу Захарью Скаре) или на печати Иоанна IV: Иван божиею милостию царь господарь всея Руси, далее — *осударь* — *осу* — *су*. *Су* встречается до сих пор в говорах и хорошо засвидетельствовано в памятниках (особенно часто у Аввакума): Жури ему, боярин де су, одинова умирать (№ 9). Ну су, всяк правоверный разсуди, прежде Христова суда, как было мне их причастить, не исповедав? (стр. 89). В XVIII в. — в речи персонажа из народа: ...дал слово, да и спятился: Я де су староста так, как хочу, так и ворочу (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники).

¹ Важнейшая литература: М. Г. Халанский, Из заметок по истории русского литературного языка, II, Изв. русск. яз. и слов. Акад. наук, VI, Л. Милетич, Членът в българския и в руския език. Сб. за народ. умовт., наука и книж., XVIII, Л. Милетич, Показателните местоимения в пост-позитивна служба.— *Symbolae grammaticae*, II, 1928.

Соглашаюсь с А. М. Селищевым (указ. соч., стр. 185), что следы члена в старославянских памятниках не отражают исконного славянского явления, а обязаны своим появлением влиянию греческих оригиналов.

Ср. и -осу в речи Бориса Годунова: князь Федор-осу Иванович, князь Дмитрий-осу Иванович (Акты Арх. экс.; II, 77, — Собол.). Более затерто значение -су, напр., в: А будет кто молвит, что так жестоко, ино-су совет дати (Посл. Иоанна Гр. игум, Кир.-Белоз. мон., 8).

Параллели такому сокращению произносимых в быстром темпе обращений в истории языков многочисленны; ср. *барин* — из *боярин*, *барышня* из *боярышня* (бояричьна), пол. *mość* из *miłość* в титулах и обращениях, чешск. *šlečna* «барышня, девица» из *šlechtična* «дочь шляхтича» и т. д.

6. Кроме слова *пожалуйста* (из *пожалуй+ста*) только в «простонародной» речи употребляется частица -ста. Писатели вводят ее в беллетристику для характеристики речи «простонародных» персонажей: Изволь-ста, мы ваши работники (Аблесимов, Мельник...). ...Я им отдал все мое имение.— По три копейки на рубль? — Никак нет-ста, по пятнадцати (Радищ., — Слова купца третьей гильдии). — Все ли здесь? — спросил незнакомец. — Все ли-ста здесь? — повторил староста. — Все-ста, — отвечали граждане. (Пушкин, Ист. села Горюхина). Мы-ста тебя взбутетением дубьем Вместе с гордым твоим холуем (Некр.).

В памятниках частица -ста почти не отражена. Соболевский упоминает о ее существовании в «Розыском деле о Шакловитом» 1689 г. Ср.: ...А будет учнет приказывать пятисотному Лариону Елизарьеву, и они-ста Лариона слушать будут (I, 1, 4). Лишь крайне редко даже старые писатели употребляют ее в собственной речи; см., напр., у В. Петрова (К вел. государыне): Когда летает он, так что *ста* за причина...— Как изменяемая частица *ста—сте* (последнее по отношению ко 2 лицу множ. числа) выступает в жанровой речи купца Проторгуева у М. Матинского в комедии «Санктпетербургской Гостиной двор» (1791 г.): Пожалуйте-*сте* к нам; Такой доброты, ей-ей, нигде не сыщете-*сте*; Да не мните ж-*сте*; с обратным порядком — Скупенько-*сте* жаловать изволите и под. Трудно решить, является ли это *сте* результатом уподобления первоначального *ста* окончанию 2 лица множ. числа глагола или же представляет собой непосредственный остаток утратившего свое значение вспомогательного глагола — *есте*. Из форм 2 л. мн. ч. *сте* далее оказывалось возможным в употреблении и в случаях вроде: «Вот-сте и другой!»

Несомненного объяснения этой частицы нет. Толкуют ее, напр., как сокращенное «староста» (Шахматов), другие — из «государь» (*ста* из *зда*) — Соболевский (ср. *станя* — в обращении к женщинам); третьи видят в ней остаток повелительной формы «стани, стань» (Халанский и др.); возможно также, что она результат перерождения «стало быть» (ср. обычные теперь случаи «пустого *значит*)¹.

¹ Другие, менее правдоподобные, объяснения приводит А. Преображенский (Этимологический словарь русск. яз., II, 369—370).

7. **Бишь**. Эта частица, по-видимому, восходит ко 2 л. ед. ч. наст. вр. глагола *баять* «говорить» — *баеишь*; ср. обычное ее употребление в вопросительном сочетании: Что *бишь* я хотел сказать? и под. ...Так принимайте,— сколько, *бишь*, вам лет? — капель по двадцать (Герцен, Докт. Крупов, 1846 г.). Относится она только к просторечию, и в литературном языке в настоящее время не употребляется. Сближение ее с др.-русск. *бешию* (Жит. Саввы Освящ. XIII в.), *бехма* (Выголекс. сборн. XII—XIII вв.), старослав. *бъшииѣ*, *бышииѣ*, *бъхъма*, имеющими значение «всячески, совершенно» (Соболевск.), малоправдоподобно. Диал. *беш* (напр., в уломском говоре бывш. Черепов. уезда, Новг. губ.), вероятно, из «*баеишь*» же.

Догадку о возникновении *бишь* из *бъше* — 2 и 3 л. ед. ч. аориста-имперфекта вряд ли следует поддерживать, — ср. и VREW, I, 89.

8. Частица **ведь** (в XVIII в. чаще пишут *вить*) возникла из старинной формы глагола 1 л. вѣдѣ «я знаю».

9. Частица (вводное слово) **чай**, относящаяся к просторечию (значения — «пожалуй, вероятно»), по своему происхождению представляет глагол *чаять* «предполагать, ожидать, надеяться» в 1 л. ед. ч. Окончание деформировалось вместе с утратой словом глагольного значения. Аналогии такому изменению имеем в русском, просторечном же, *благодарствуй* — из «благодарствую» и белор. *дзякуй* с тем же значением. Ср. и: «Услышит отец или дедушка — *не знай* что будет» (Гладков).

10. Частица **ли** в древнерусском выполняет ту же вопросительную функцию, что и теперь. В церковнославянизированных текстах она может также в значении усилительного элемента примыкать к вопросительным местоимениям: «Где *ли* бы обрести его?» (Жит. Андр. Юрод. по списку XV в.).

Изредка она встречается в диалектном употреблении со значением усиления восклицательных местоимений: Как же *ли* тогда страх и смирение и умиление епископи и попове и дьякони имеют в той частней службе! Как *ли* изрядныя дароносивыя златыя сосуды, камением и жемчугом украшены и серебряныя! (Путеш. Антония конца XII в. по списку XV в.).

11. Частица условности **бы** (по происхождению форма аориста 3 л. ед. ч., в свою очередь, вероятно, восходящая к 3 л. ед. ч. *би* условного наклонения) несколько свободнее, чем теперь, относилась к сказуемым именам прилагательным (ср. соврем. **рад бы**) без вспомогательного глагола *был*; см., например: «...говорити им, чтоб они ... прислали к его царскому величеству дохтора навывчного, которой *бы навывчен* всякому дохторству (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.).

Овцы *бы* целы, а волки *бы* сыти (Старин. послов., XVII в.). Если *б* не зол человек, на что *бы* уставы? (Кант., Сат. V). А теперь черт, не житье, волочись по свету, Всѣ *бы* рубашка бела, а вымыть чем нету (Кант., там же).

Реже (в поговорах) **бы** могло примыкать, как изредка и теперь, к сказуемым именам существительным: «Щепа бы — да с укусом, щеня бы — не сукин сын» (Старин. посл., XVII в.).¹

О частицах — интересные замечания в «Российской универсальной грамматике...» Н. Г. Курганова.

§ 19. Косвенная речь.

Одна из наиболее искусственных конструкций литературного языка — косвенная речь, до сих пор остающаяся по существу явлением книжным². Не приходится удивляться, что старинный письменный язык еще остается здесь полностью во власти разговорных конструкций.

В текстах более или менее церковнославянизированных обычный способ передачи не прямой речи — союз **яко**, предшествующий словам с употреблением лиц, не отличающимся от прямой: И нача помышляти, яко избью всю братью свою и прииму власть Русьскую един (Лавр. спис., 47 об.).

Так и в «Русской правде»: Аже кто не ведая, чужь холоп урячать [встретит]... любу держать и у собе, а идеть от него, то ити ему роте («идти к присяге») *яко не ведал есмь*, оже есть холоп... (простран. ред., статья 115).

В русских более поздних — вместо **яко** обычное **что**: Възмовит магистр, *что* «по моей земле вам путь чист и пристава вам дам до корабля, а к прусьскому ми магистру с вами своего человека не послати», и Асанчоку и Третьяку говорити магистру накрепко, чтобы с ними магистр своего человека послал до прусьского магистра, для великого князя (Статейн. список сношений в. кн. Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1493 г.). И я ему говорил, *что* жил в Чюдове у патриарха, а в Чернигове тебе не привыкнути, потому, что, слышил я, монастырь Черниговской — местечко не великое (Памятн. Смутн. врем., стр. 19). ...И после поученья перед народом сказал: *что* я впредь вам не буду патриарх (Дело Ник., № 14). И против той моей отписки писал патриарх с Микитою, *что* буду к Москве... (там же, № 41). Сказал Микитка Зузин: ...И я де ему говорил, *что* не ходи, и он де не слушает (там же). Никто от митрополита ему не говаривал, *что* поди к митрополиту на совет (там же).

¹ Изредка в народном эпосе можно встретить случаи одного сослагательного наклонения типа «**бы** с настоящим временем», вроде: «А бросим мы их на сине море. Которые бы по верху плывут, А те бы душеньки правые» (Кирша Данилов, — былина о Садке). — Нигде такого рода образования прочно не привились.

Подробности об этой частице см. в статье В. И. Чернышева — «Описательные формы наклонений и времен в русском языке», — Труды Института русск. яз. Акад. Наук СССР, I, 1949, стр. 231—235.

² О практике разговорного языка, разрушающей все время нормы, рекомендуемые грамматикой, см. подробно у А. М. Пешковского, Русский синтаксис в научном освещении, 1928, стр. 552—554.

При построении большого текста обычны, например, в юридических документах (при передаче показаний), срывы с косвенной речи в прямую, вроде: «...сказал... приказной человек Иван Лаврентьев что де он... про пустоши... не знает, и хто теми пустошами владеет... про то про все не ведаю. и в том же Московском уезде... пустошей... не знает же...» (XVII в., Фед.-Чех., 1, № 116).

Сравн. и контаминации вроде: И он мне сказал, что жил в Чюдове монастыри, а чин имею дьяконский, а зовут меня Григорьем, а по прозвищу Отрепьев (Памятн. Смутн. врем., стр. 19). И как Хованской, приехав, почав всем людям говорить, и ис тех людей многие отвещали: «что де ты, Хованской, человек доброй, и службы его к царю против полского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят» (Котош., 102). ...И говорили при нем козаки, что у них идет силы козаков много, и как де Нижней возмем и в то де число увидят царевича все крестьяня (Мат. Раз., III, № 36). А ответчик, Казунька, слался на боярских крестьян в послушество, на Кирила да на Фадея, что тот Фадей со мною в побранке, а Кирила Никонов по кабале прощает других денег, та кабаля плачена (Челобитная, поданн. бояр. Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.).

Своеобразный пример включения прямой речи при помощи частицы *дей*, отсылающей к чужому сообщению, имеем в предложении с опущенным глаголом (текст невысокой грамотности): «А села Тесова, государь, крестьяне мостят свой урок, а на чюжие *дей* мы уроки не дем [sic!] мостов мостить (Отписка мост. досмотрщика 1602 г., Дела Тайн. приказа, II).

При относительно небольших предложениях можно встретить косвенную речь с опущенным изъяснительным союзом и соответствующей заменой лиц. Это фразы типа: А обыскных людей за обыски не привел, сказал: обыскные люди его не послушали, в Новгород за обыскными списки не поехали (Обыскн. списки 1585 г.).

До самой середины XVIII в., пока латинско-немецкие образцы и грамматико-риторическая культура не вводят элементы косвенной речи в те рамки, в которых она в основном пребывает в письменной речи и теперь, употребление лиц колеблется между формами прямой речи и зависимостью, выдерживаемую в границах очень элементарных синтаксических сочетаний. Для последних определенное изменение лиц и наклонений в придаточном изъяснительном сравнительно с точно сказанным составляет и составляло правило и в разговорном языке: *сказал, что придет; сказал, чтобы пришел*, и под.

В древнем языке еще нет правила, согласно которому вопросительный союз-частица *ли* при сказуемом не может сочетаться с вводящим и придаточное предложение союзом *что*. Поэтому можно встретить в древних текстах, например, фразы вроде:

«А у Поляков де правды не сведаешь, *что хотят ли* быть под государевою рукою или нет (Из актов, относ. к посольству двор. И. Желябужского, 1657 г.).

Древний язык, в отличие от языка нашего времени, не исключал в косвенном вопросе сочетания союза **что** со сказуемым, при котором было **ли (ль)**: Федка де Шакловитой говорил ему, Сенке, чтоб спросить Перфильева человека Ляпина, Мишки, *что* в подмосковной его Перфильеве деревне Ляпина *мочно ль* где в лесу поставить келью и жить ему, Федке... (Розыскн. дела о Шакл., I). ...в Троицкой м-рь послал его, Петрушку, Оброска ж Петров для проведыванья, *что* великий государь *изволит ли* де быть к Москве или куды инуды изволит де итти (там же, стр. 255). ...и пресекуше с костми в мелчайшия частицы, яко отнюдь невозможно знать, *что человек ли* то был, тако отхождаху («Созерц. краткое» С. Медв.).

Утраченный в настоящее время тип косвенного вопроса представляет и конструкция с **либо что...** = «может быть, что-нибудь...»: ...вели позвать калик в полату ко мне и услышу по речам о киевских вестях, **либо** что они ведают (Сказ. о семи русск. богат., по списку XVIII в.), при возможных других вопросительных местоимениях («либо кто...» и под.)¹.

§ 20. Порядок слов.

Различие между современным и древнерусским порядком слов довольно значительно. Наиболее характерные отличия следующие:

1. От современного порядка слов старинный наиболее отличается, среди другого, тем, что он принципиально передает сначала конструкцию без сопроводительных членов (развернутых приложений, присоединяемых союзами параллельных членов предложения и под.), а последние дает как бы дополнительно к уже соответствующим образом округленному сообщению. Такого рода построение фразы мы имеем, напр., в «Русской правде»: Оже придет *кръвав* муже на двор *или синь*, то видока ему не искати (204). Се яз, князь Володимерь, сын Василков, внук Романов, даю *землю свою всю и городы* по своем животе, брату своему Мьстиславу *и стольный свои город Володимир* (Дух. грам. владимир. на Волини князя Влад. Васильк., 1289 г.). Аще бо кто усрящеть черноризца, то *возвращается, ли единець, ли свинью...* (Лавр. спис. летоп., под 6576 годом) = «если кто встретит монаха, то *возвращается, или кабана, или свинью*». А мне в твое великое княженье и в твоеи братьи вотчину даншиков не всылати, ни приставов своих не давати, ни закладней, ни оброчников не держати, ни сел не купити, без нашего веданья, ни моим бояром (Догов. грам. вел.

¹ Значительный материал по вопросу собран в диссертации А. И. Молоткова «Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий» (автореферат, Л., 1952 г.).

князя Василия Вас. с княз. серпух.-боров. Вас. Яросл., 1433). В се же лето всади Ярослав *Судислава* в поруб, брата своего, Плескове... (Лавр. список летоп., под 1036 г.).

2. Родительный падеж определительный в др.-русском часто выдвигается вперед:

Или которой хоромины кровля гнила или обетшала (Домостр., 58). Изо всех городов приезжают к нам столники и стряпчие, и дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди... (Грам. Пожар.). Чтобы Московского государства всяких чинов людям от большаго и доменшаго чину суд и росправа была во всяких делах всем равна (Улож. 1649 г.). ...Большаго собора поп Киприан сказал... (Дело Ник., № 13). И в том приказе ведомы гости... и серебряного дела мастера, и многих городов торговые люди (Котош., 97). Хочет де брянских стрелцов голова Афонасей Боев изо Брянска переехать к Стенке Разину (Мат. Раз., I, № 1), и мн. др.

Большую частью такой порядок слов характерен для сочетаний устоявшихся, ходовых, относящихся определенно к письменному языку. Ср. и из языка XVIII в.: Всея Франции высоких фамилий дети... имеют воспитание зело изрядное (А. Матв.). Особенно же высоких фамилий дамы между собою повседневно съезжаются (А. Матв.). К крайнему сердец наших сокрушению ни в дали, ни вблизи не видно было мимоидущего судна (Радищ., 17). Наконец, судна нашего правитель... решился или нас спасти, спасая сам, или погибнуть в сем благом намерении (там же). При отправлении оной писала она к дяде, благодарила за содержание меня у себя и просила о скорейшем меня отпущении (Болотов). Верст за дватцать от него находилось одно нарочитой величины озеро (Болот.).— По традиции такой порядок слов в некоторых выражениях сохранялся еще в канцелярском языке до самой Революции.

Из XVIII в. переходит в XIX и держится первые три десятилетия в деловой и эпистолярной прозе порядок слов — выдвинутый вперед родительный падеж собственного имени со значением лица — владельца, автора и под.: Я не знаю, поймешь ли меня, но мне кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы из «Марфы Посадницы», нежели Шишкова холодные творения (Батюшк., 1809 г.). Мы взяли почтовых под все экипажи с Введенского села, оставя тут своих лошадей, с тем, чтобы они, выкормя, дошли до нас в Русино, Владыкина деревню (И. М. Долгорукий, 1813 г.). Козлова и Языкова стихотворения вышли, два антипода, но тут не по шерсти им дано, и забодает не Козлов (Вяземск., 1833 г.).

Такой порядок слов возник, вероятно, под влиянием обычного в древнерусском и в языке XVIII и начала XIX вв. употребления притяжательных прилагательных, хотя Карамзин и его последователи также в отношении последних обнаруживали пристрастие к тому, чтобы их ставить после определяемых существительных.

3. Для управления инфинитива двумя дательными — заместителем логического подлежащего и другим — падежом объекта существовало правило порядка слов, исключавшее возможность недоразумения — кто лицо действующее (обязанное действовать) и кто объект действия. Первым ставилось название действующего лица, вторым — объект: А добра *вы мне* хотети везде, во всем... (Грам. кн. Юрия Дм. вел. кн. Вас. Вас.), т. е. вы должны хотеть мне добра...; ...а то *вы мне* поведати в правду, безъ примышленья (Догов. грам. вел. кн. Вас. Вас. с князьями галицкими, 1434 г.), т. е. «вы должны сказать мне».

4. Современный язык не допускает при прилагательных (причастиях) отрывать управляемые ими слова, ставя между ними и последними существительные, с которыми эти прилагательные (причастия) согласованы. В языке XVIII и начала XIX вв. такой порядок слов встречается нередко: ...о свободных днях от трудов (Генер. регламент, 1720 г.). Дружба склонного человека к гневу честным людям весьма не сносна (Приклон., 20). В спасшем Курции отечество свое от пагубоносных язвы никто не зрит ни тщеславного ни отчаянного или наскучившего жизнью, но героя (Рад., 87). Теперь бы мы сказали: «В Курции, спасшем свое отечество...» — Долго в благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко красловию (Радищ., 138). Ср.: «...ухо, привыкшее к...» И сие первородное чадо стремящегося вооружения по непроложенному пути (Радищ., 178). В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы растворяются на велеречие (Радищ., 181). ...от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел (Радищ., 15). Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию (Радищ., 166). Хранящий муж честные нравы... (Держ.). ...Плывущих птиц на луг И крыл их трепетанье (Держ., Прогулка в Сарском селе).

Особенно долго подобный порядок слов держится в языке поэтов: Давно ль Аргоса царь стал жалостив душой, Сей не жалевший царь о дочери своей? (Озеров). Всегда ревнующий дух Ферзена к служенью От левого крыла приступит к укрепленью (Ир. Завалишин). Скопившаяся мгла над градом кровных туч (Завал.). Пусть на омытые луга росой денницы Красивая весна бросает из кошницы Душистую лазурь и свежий блеск цветов (Вяземск.). Или разыгранный «Фрейшиц» Перстами робких учениц... (Пушк.). ...давно закравшийся недуг В младую грудь подруги милой (Рылеев).

Такие конструкции вообще редки в древнерусских памятниках, но несомненно, что установились они уже задолго до XVIII в.; ср.: *Послании же сли* Игорем придоша к Игореву (Ипат. спис. лет., 21), при *Послании же Оломъ* послу придоша ко Олгови... (Лавр., сп., под 6420 г.) или: ...Рече Володимер: «Се придоша *послании нами* мужи, да слышим от них бывшее»... (Лавр. спис. летоп., под 6495 годом).

4) Случаи употребления прилагательных в функции определений за именами существительными в древнерусском гораздо чаще, чем в современном языке, и, по-видимому, нередко они не имеют специальной стилистической установки. Ср.: Травы розныя ядят; в снастех золотых; алмаз великий; на кровати на золотой; доспех булатный (Хож. Аф. Никит.). Церковное платье, и пелены... и сосуды серебряные (Котош., 73). Круживо низано жемчугом мелким, кушак золотной по алой земле (Выходы), и под. Но при всем этом, преобладающий порядок слов, вне стилистических устремлений, тот же, что и теперь.

Возможность употребления кратких форм имен прилагательных в функции определений для постпозитивного положения еще вполне определена для XV века: «а заложено у не[го] в тех денгах чепь золота, да пояс золот, да ковшь золот...» (Духовная кн. вологодского Андрея Вас., 1481 г.).

Постпозиция прилагательных в древнерусском, видимо,— результат церковнославянского влияния, в свою очередь отражающего греческое. Этим объясняется по преимуществу приподнято-торжественный характер сочетаний, выступающих с таким порядком слов: ...Чтоб ты, государь наш князь великий Василий Иванович, жаловал свою отчину старинную (Сказ. о Псковск. взятии, 8). И по его государеву указу никакой бы вещи без устройства уряженана и удивительнаго не было (Урядн.). И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя и забавляет веселием радостным (Урядн.).

Такого рода использование постпозиции прилагательных проходит через весь XVIII в. и в основном дожило до нашего времени.

Постпозиция характерна также для намерения подчеркнуть признак, противопоставить его и т. д. Такого рода употребление, широко известное и современному языку, следует считать на славянской почве исконным:

Чтобы у вас вечья не было, да и колокол бы вечной сняли (Сказ. о Псковск. взятии, 9). ...Ино у него много силы готовой (там же). А река большая скрозь по саду прошла и пала в море в том устье, где к Венеции ворота морские (Отч. Я. Молвян.). ...Принес... Якову чепу золоту, да фезези бархат темносинь гладкой, да кафтанец обьяринен (там же). ...Чтобы всякий чести себе добывал и имени славнаго (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

Почти правилом в древнерусском является постановка имен прилагательных за существительными, сочетающимися с названиями чисел:

Степенной ключник да 4 человека путных, честию будут они против дворян (Котош., 74). В крюках алмазы да три яхонта червчатых (Выходы).

5. Для конца XVII и всего XVIII в. характерна постановка по латинскому образцу глагола на конце предложения (обычно—придаточного):

И от корабля, которой из Царя города пришел в Ливорну, вести, что бунты, которые остались в Азии, усмиряются, и великия для того радостныя огни учинены были, а паше вавилонскому, которой о том ведомо дал, великие подарки послал (Куранты). ...На острове новую и зело угодную крепость построить велел... и тое крепость на свое государское имянование прозванием Питербургом обновити указал (Вед. 1703 г.). ...дабы и вы красоту [sic!] сего парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть), в заплату трудов своих с нами купно причастником был... (Петр I, Меншикову, 1710 г.).

Того же рода явление представляет постановка зависимых существительных впереди инфинитива: Сие привело генерала в немалое удивление, и он не мог от смеха удержаться (Болотов).

Около конца XVIII в. латинский порядок слов уже явно уступает место русскому, хотя дань традиции, особенно в придаточных предложениях, время от времени еще платят, напр., Фонвизин, Болотов, Новиков, молодой Крылов и др. Ср.: Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает (Фонвиз.). ...опеленал его сухими пеленками... которые в избе тогда развешены были (Новик., Живоп.). ...А, может быть, ты и того мнения, что год со всякого нового дня начинается (Крыл., Почта духов). Могу ли я верить своим глазам, чтобы ты, будучи бессмертна, пленилась дурачествами существ, которые едва живыми назваться могут? (там же), — не говоря уже о Екатерине: Олимпиаду я бы и уступил им, если б только Христину получить мог (Имен. г-жи Ворчалкиной). ...А с таким сокровищем люди не столь разборчивы бывают (там же). И это надобно, чтобы завтра было что порасказать той благодетельнице, к которой колобовый пирог везу (Передняя знатн. бояр.).

Явление, параллельное постановке глаголов на конце предложений, представляет употребление в XVIII в. причастий на конце ритмических отрезков, т. е. так, что зависимые от них слова предшествуют им: ср., напр.: Потом, отдав почтение Гикиму, вступил с Мирамондом на корабль для их приготовленной, и отправился в Тунис, Королевство на берегах Африканских лежащее (Эмин, Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда, 1792 г., стр. 23). Но увидели молодого Турка за кормило их корабля хватающегося и своего спасения ищущего (там же, стр. 29)¹.

¹ Надо отметить, однако, во избежание недоразумения, что тенденция ставить глагол в конце предложения не была чужда и чисто русскому деловому языку XVI в. Но эта органически развившаяся тенденция явно не совпадает по своим особенностям с тем, что наблюдается как заносная черта синтаксиса сложного предложения в практике конца XVII и всего XVIII в. Как словопорядок, возникший на русской почве, постановка глагола в конце предложения характерна главным образом для относительно коротких вопросительных предложений: И писцы, выслушав правую грамоту и запись, спросили Галасея старца: преж того в той земле, коли писали писцы Иван Микуличь

6. Старинный язык не только допускал постановку подлежащего среди частей деепричастной группы, но и обычно держался такого именно порядка слов, унаследованного от того времени, когда деепричастия еще не развились из причастий, а последние, как прилагательные, предшествовали определяемым ими существительным: И шед мы за Москву реку, и наняли подводы до Болхова... (Памятн. Смутн. врем., 20). Тут же сведав Пашков и исполняя зависти, збил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить (Аввакум., 113). А пришел Кирсан к нововыборному, молвит... (Урядн., 18). И взяв его те рядовые два сокольника, Никитка и Мишка, под руки, поставляют на полянов, между четырех птиц, сиречь на попоне (Урядн., 19). Ведая они, что Никон патриарх патриаршеской свой престол оставил самоволно... и они для чего к патриарху к благословению ходили? (Дело Ник., № 36). И видя царь, что в тех денгах не учало быти прибыли... велел делати на дворех своих денги медные (Котош., 100). И пошед я от князя, ночевал ту ночь в городе на дворе... (П. А. Толстой).

Особенно характерны случаи, где подлежащее к сказуемому другое: И вшед Третьяк в вече, и посадники псковские и псковичи начаша ему говорити... (Сказ. о Пск. взятии, 10). И отпустя я, холоп твой, обоз с теми ратными людьми, был у меня, холопа твоего, бой (Мат. Раз., III, № 7).

Заболоцкой да диак Ондрей Харламов, с ворбозомскими христианы вам в той земле спор *был ли*, и писцы вас Иван Микуличь Заболоцкой с ними *судили ль*, и таковую грамоту им на Троецкого игумена стрцов *дали ль?* («Список с правые грамоты, что дана в Ворбозомскую волость», Фед.-Чех., I, № 65). И дьяк Дмитрий Алябьев, выслушав служилую кабалу, спросил Олексея Федорова: ты ли тем площадным подьячим на себя такую служилую кабалу в трех рублех писати *велел* и денги еси у князя Василья да у князя Степана у Мещерских *взял ли*, и за рост во двор к ним служити *идеши ли*, и наперед сего у кого *служивал ли?* (Новг. зап. каб. кн. 1591 г.).

Далее, глагол (или вообще сказуемое) встречаем в конце предложения в случаях ответа на выступающие в предварительно поставленном вопросе понятия, обыкновенно относящиеся к действиям; ср. напр.: И Ларионко сказал: Такову есми, господине, служилую кабалу тем площадным подьячим на себя в пяти рублех писати *велел*, и денги у Ивана у Головачова *взял*, и за рост во двор к нему служити *иду*, а наперед сего не служивал ни у кого и родился у Ивана у Головачова (Новг. зап. каб. кн. 1591 г.).

Психологически близки к этим типам и фразы, где отодвинутый к концу фразы глагол (сказуемое) служит подчеркнутому утверждению того, что по смыслу является наиболее важным: И в тех троецких крестьянх государева села Ногавищина приказной человек Гороцкой волости, и Печерского монастыря архимарит Феодосей, и сын боярской Ждан Болтин тех троецких крестьян в троецкую вотчину вывести *не дали*, государева указу *не послушали*, *учинилися* государеву указу *силны* (из Арх. Троице-Серг. лавры, 1641 г.).

Наконец, обычны глаголы в конце фразы в установившихся канцелярских формулах вроде: Пастух Петруша *руку приложил*; ...к сей кабалной записке кабалной послух Жданко Пупинин *руку приложил*, Земской дьячек Третьячко Дорофеев кабалу писал и в книги записал и *руку приложил* и под., что, впрочем, не исключает и нередкого словопорядка вроде: А кабалу служивую *писал* и кабалную записку земской дьячек Януш Самуйлов лета 7111-го году *февраля в 15 день*.

В отличие от современного правила, и в языке XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. еще допускается такой отрыв подлежащего от сказуемого частями обособленной деепричастной группы, впрочем, главным образом в стихотворном языке;

Такого-то Диоген ища человека, Не сто свеч даром изжег и был смехом века (Кант., Сатира V). Желая некогда преславный остров Род Пловущих по морю спастись от непогод... Поставил на берегу пречудную громаду (Ломон., Надп. на иллум., 1752 г.). Но, будучи я столь чудесен, Отколе произошел? (Держ., Бог). Запасишься крестьянин хлебом, ест добры щи и пиво пьет (Держ., Осень во время осады Очакова). Услыша в кабаке он шум тот мимоездом, Хоть не был чумаку ни сват, ни брат, Вступился за него (В. Майков). Отечество мы зря низверженно в напасть, В отчаяньи его оплакиваем часть (Княжнин). ...И чтобы узы рвать стремясь мы в неволе, Не отягчили бы сих уз еще и боле (Княжн.). Оставляя вольность я, блаженство в сих стенах, На нас воздвигшихся свергаю гордость в прах... (Княжнин). Уж с нами становя своих рабов он в ряд, Остатки вольности и наших прав отъемлет (Княжн.). Увидя Волк, что шерсть пастух с овец стрижет, «Мне мудрено», сказал... (Хемн.). Пришедши Птичник в лес, Гнездо на дереве увидел... (Хемн.). Жена о сем ни чуть не дует в ус, Имея с малых лет она в амурах вкус (Аблесимов, Модная жена). Услыша Крот про это, Орлу взял смелость доложить (Крылов, Орел и Крот). На ель Ворона взгромоздясь, Позавтракать совсем было уж собралась (Крылов, Ворона и Лис.). Ср. особенно: Ты сердце суетной надеждой возмая, Против желанья, ах! любит князь меня, Влюбясь не предузнав хотенью следствия злова... (Сумар., Синав и Трувор).

«Козьма Прутков» пародирует старинный порядок слов, напр., в стихах: «Трясься Пахомыч на запятках, Пук незабудок вез с собой».

Примеры из прозы: Имея стихотворец наш издать свои сочинения, чаял нужно оправдать себя перед теми, кои хотели бы его осудить, что упражнялся в сочинении стихов... (Кантемир). На завтра собравшись вся наша компания ко мне на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу... (Неплюев). Вшедши и учиня его величеству посол по чину европейскому три обычные поклоны в пояс, отправляя последующую речь, в которое время король стоял (А. Матв.). С одной стороны отец, у которого детей кроме меня не было, говорил, что бывши я единственный сын, оставил его... (Письмо Ломон. Шувалову). Не отступая она от девической кротости, размышляла о оном три дня (Карамз., Дерев. нога). ...Взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают? (Радищ., 86).

Ломоносов находил уместным в качестве примера приводить в своей «Российской грамматике» (1755 г.), § 467, — «Написав я грамотку, посылаю за море».

Того же самого порядка слов, что и в предложениях со сказуемыми в изъяснительном наклонении, древний язык дер-

жится при инфинитивных конструкциях с дательным падежом: ...А изымав ему татя или разбойника, не отпустить (Судебник, 1550 г., 53). А едучи ему дорогою на Дон и с Дону назад, от Стенки Разина быть опасну... (Мат. Раз., IV, № 2). А приехав мне в монастырь, мантия архиерейская и посох у него, Никона, взять (Дело Ник., № 77).

Но возможен и порядок слов вроде: А убив Андрея, он, Васка, выбрав на Ломовах охотников, пошел под Шацкой (Мат. Раз., III, № 44) или: И ему, взяв у атаманов и казаков отписки, ехати к Москве на скоро (Мат. Раз., IV, № 2).

7. Относительные придаточные предложения, обычно с условным смыслом, выдвигаются в древнерусском впереди главных: А кому к нему прийти беседы ради духовныя, и он прииди не в трапезное время... (Посл. Иоанна IV Ягумену Кир.-Белоз. мон.). В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы (Пересв., Сказ. о Магмете-салт.). ... а в которой день похочете в которое поле ехать для гаю, и вам в тот день заказать в той уkraine охотником, чтоб не ездил... (Письмо ц. Алексея 1650 г.).

8. Управляемые относительные **который**, **кой** до самого XIX в. обыкновенно вводят придаточное предложение, хотя встречаются и случаи обычного теперь порядка слов:

И отягченным взорам моим представлялися сгущенные облака, *коих черная тяжесть*, казалось, стремилась к нам на главу и падением устрашала (Радищ., 15). Римляне строили большие дороги, водоводы, *коих прочности* и ныне по справедливости удивляются (Радищ., 116). Сей добродетельный муж, *которого заслуга* Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво (Фонвизин, Чистосерд. призн.). Богиня сама ходит... в прекрасных башмаках, *которых тоненькие каблучки* придавали ей вершка три росту (Крыл., Почта духов). ...за эту речь, *о которой красоте* я уверена... (там же). Из подошвы возвышений сих истекает тихая река, *коя воды* составляет множество совокупившихся источников (Карамз., пер. Галлера, 1786 г.). Тогда движение, *коего* испытал он на себе всю силу, не понимая оно, повергло его на колени (Вечерние часы, II, 1788 г.). Здесь покоится глава Нихтланда в мире и бесстрашии на буграх своих, *до коих высоты* никто не достигал еще (там же). Сочинитель ввел в свою комедию два смешные подлинника, *которых* представлявшие актеры весьма искусным и живым *подражанием*, выговором, ужимками и телодвижениями, также и сходственным к тому платьем, зрителей весьма смешили (Новиков о комед. Лукина «Мот, любовью исправленный»). Корабельной Капитан велел кинуть к нему веревку, *за которую* он *ухватившись*, на корабль был втащен... (Эмин, Непостоянн. Фортуна, или Похождение Мирамонда, 1792 г., стр. 29). ...за несколько лет перед тем Циклоида выходила для него спокойнейшее состояние, *в котором живучи* в независимости, имел он волю наслаждаться удовольствием приключать беспокойство всему свету

(Вечерние часы, II, 1788 г.). ...начал оное [расформирование]... разными обрядами, коими обезоружа до 8000 таковых войск, отпустил их с пашпортами в свои дома (Завалишин).

В середине XIX в. одинаково допускались оба возможных порядка слов (ср. Буслаев, Ист. гр., II Синт.). К нашему времени вполне победил тот, который соответствовал нормальному для управляемых имен существительных, т. е. за управляющим словом. У писателей старшего поколения можно иногда еще встретить *который* на первом месте¹.

9. Относительное местоимение в древнерусском не следовало за словом определяемым с тою обязательностью, которая принята в современном литературном русском языке; ср.: ...чтобы они освободили некоторых твоих сюды в нашу землю, которые умеют учить языка того (Грамм. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.). Вашего архипастырства письмо, августа 13 писанное, мне отдано сентября в 9 день, из которого выразумел ваша святости доброжелание и молитвы... (Письмо Петра I патр. Адр., 1697 г.).

Поэтому в древнерусском языке возможны были случаи выражений, которые с нынешней точки зрения представлялись бы искажающими смысл высказывания: «Список с грамоты князя Ивана Федоровича рязанского с Витовтом, *что* ся ему дал в службу» (около 1430 г.): в службу отдался не Витовт князю Ивану Федоровичу, а последний первому: Господину, осподарю моему, великому князю Витовту; се яз, князь велики Иван Федорович рязаньскы, добил есми челом, далься есми ему на службу...

Правило о том, что относительное *который* должно в придаточном предложении следовать за определяемым словом главного, и в XVIII в. строго не соблюдалось: Из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлаго тела и червоточины, которое с лености тучно бывает (Юности честн. зерц. 12). О пользе Истории не потребно бы толковать, которую всяк видеть и ощущать может (Татищев). Ум колеблется, когда приведу на память, что

¹ Вполне удовлетворительного объяснения нет, однако, для различия порядка слов, когда относительное местоимение зависит от глагола и всегда ему предшествует («...которого знаю» и под.), и того, когда управляющим является имя существительное, инфинитив или деепричастие, при которых относительное местоимение занимает обыкновенно второе место («...знание которого...», «...знать которого...», «...зная которого...»). Как на моменты серьезного значения следует указать, во-первых, что установившийся теперь при именах существительных порядок слов мог быть поддержан еще исстари существовавшим порядком слов в тех случаях, когда относительным местоимением управляло имя, падеж которого зависел от предлога; ср. из языка писателей начала XIX в.: ...И теперь надобно иметь свидание с незнакомым человеком, от суждения коего должна зависеть участь дальнейшей его жизни... (Нарезный). Мы перебегаем вдоль завалов и спускаемся в теснину, по дну которой вьется узкая тропа... (Бестужев-Марлинский), и, во-вторых, он отвечал старой ритмической тенденции славянских языков ставить элементы, пригодные по их природе делаться энклитиками, на второе место в ритмических членениях.

после всех этих веселий меня постигло, которые мне казались навеки нерушимы будут (Зап. Н. Б. Долгорукой, 1767 г.). Что же надлежит до второй части руководства к красноречию, то она уже нарочито далече и в конце октября месяца, уповаю, из печати выдет, об ускорении которой всячески просить и стараться буду... (Ломон., Пис. Шувалову). Также обычай у нас в деревнях сторожам быть на наших дворах, которые приходят с одними голыми руками... (Инструкция дворецкому). Оснельда во слезах пред очи предстает, которые она о мне при смерти льет (Сумар., Хорев).

10. В древнерусском, наряду с употреблением в качестве предлогов **для** и **ради**, были известны и в постпозитивном употреблении: ...и ты поедь в свою землю за море, а на том тебя имать нечево для... (Грам., в списке царя Иоанна Вас. лифл. королю Магнусу, — пис. в 1579 г.); случая ради скорога (Сборн. XVII в., — Бусл., стр. 1416). Жены для в пир, а детей для в мир (Стар. сборн., 973). И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всяк командующий аншеф должен блюсти себя от лихоимства. ...Того ради всякому командиру надлежит сие непрестанно в памяти иметь и от онога блюстися (Морск. устав 1720 г.). Ты должен мне сказать: Каких ради причин ты вздумал отказать? (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.).

К более редкому употреблению относятся случаи разрывов вроде: А для ему береженья тех шуб взять с собою к Москве розсыльщиков... (Наказ Ш. Кубасову, 1611 г.), так же в наказе П. Апраксину этого же года. Или: ...для ж государева крестного целованья... (Письмо Т. Бирдюкина-Зайцева, 1608 г.).

11. Наречия-предлоги иногда употреблялись за управляемыми ими именами: Корабль как ярых волн среди... (Ломон.). Не смеют слуги идохнуть, Тебя стола вокруг ожидая (Держ.). Ходит милого вокруг (Дмитр.).

Ср. в первые десятилетия XIX в.: Швейцара мимо он стрелой Взбежал по мраморным ступеням (Пушкин). Здесь, когда их мимо Я проезжал верхом при свете лунной ночи, Знакомым шумом шорох их вершин Меня приветствовал (Пушкин).

12. Допускался в древней письменности отрыв предлога от управляемого им слова вставленным между ними обращением: И для, государь, тово он ис Павловского отпущен к Москве (Хоз. Мороз., I, № 69). ...И для де, государь, того отошел он от Олаторя к Арзамасу в ближние места (Мат. Раз., III, № 14). И против де, государь, моих отписок он, околничей и воевода, к тебе, великому государю, писал о указе (там же, № 19).

13. Поэтический язык XIX в. допускает отрыв предлога от управляемого им слова выдвинутым родительным падежом другого слова, зависящим от этого последнего, но обыкновенно не разрешает зависящее слово выдвигать впереди предлога.

Употребление, параллельное в этом отношении поэтическому языку XIX в., встречается в старинной прозе: А сам на великого князя *службе* (Юрид. акты, 1479—1481 г.) ...по отца своего *благословенью*... (Раздельная кн. Угольских, 1541 г.). Писан во государя нашего царя и великого князя *отчине* в Смоленську... (Смоленская грамота 1580 г.). И приезду есмя твоему добре ради, а того будем радостнее, как от тебя услышим *про* великого государя, царя и великого князя Московского *здоровье* (Отч. Я. Молвян.). А лошади стояли в городе Падве на Венецейского ж князя *корму* (там же), и нередко оно в XVIII в.: ...*От* славных вод Балтийских *края* (Ломон.). Так не все ли равно, что оно в того хозяина или в другого *сундуках?*... (Сумар. Опекун).

Редко — с дательным: Уже *для* обществу *покрова* Согласно всех душа готова В ней дочь Петрову возвратить (Ломон., Ода 18).

Но наряду с этим XVIII в. и начало XIX в. еще шире пользуются сочетаниями с выдвинутым родительным вроде: Едва часы протечь успели, *Хаоса в бездну* улетели (Держ., На смерть князя Мещерск.). ...И *честолюбия* избег *от жала* (Держ., Евг.). Иль, утомясь, идем *скирдов, дубов под сень* (там же). Так *дедовских времен с любезной простотою* Вчера один старик беседовал со мною (Дмитр., Чужой толк). ...Сребристая *луны* сражаяся с *лучами*... (Дмитр., Причудн.). Спускается на пух *из роз в сплетенном нише* (там же).

Значительно реже такие конструкции в языке прозы:

Женился полковника Ивана Ивановича Чагина на дочери (Запис. Данил.). Переписался из Глуховского гарнизона служить Гвардии в Семеновский полк солдатом (там же, — Бусл.). Ср. и с дательным: Изволь... обходиться со мною, как себе с равным (Болот.). Буслаев замечает, однако, что «такое расположение слов и теперь допускается в деловом слоге», т. е. в канцелярском слоге середины XIX в.

В письменности древнерусской мы встречаем такой порядок слов очень часто. XVIII век в этом отношении только продолжает традицию предшествующего времени: А князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись отца нашего о постелю, ногу положив (Посл. Иоанна Гр. Курбск.). И он, Постничко, суды и кормщиков, и гребцов под Датцких посланников взял наших дворцовых сел со крестьян (Грамм. из Новгор. Чети новгор. воеводам, 1602 г.). ...И собрався тех городов со всякими ратными людьми, идти в Володимир, к Москве... (Отписка нижегородцев к вологж.). ...запустело от дорогого хлеба и от литовских людей и от крымских людей войны (Челобитье серпуховичей 1611 г.). А на которые статьи в прошлых годах прежних государей в судебныхниках указу не положено... (Улож. 1649 г.). ...да тот же, государь, Прокофей пахал тово ж Володки на лошади двенадцать недель... (Челобитная, поданн. боярину Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.). 168 года, февраля в 21 день сказал патриарш подьяк Матвей Степанов... (Дело Ник., № 13), А вчерась

они [бесы] вопче просили, чтоб им поволели опять пребывать здешняго города в некоей сапожной жене, которой имяни не сказали, или некоторого господина в слуге (Куранты). ...Те бесы просили, чтоб священник, который их выгоняет, поволит, чтоб они, от нее вышедши, вселилися в тетку ее, матери ее родной в сестру... (там же). ...а Михаила митрополита в скаске тово не написано... (Дело Ник. № 9). Да митрополита ж Питирима в скаске написано... А Михаила митрополита в скаске написано... (там же). А полской король в то время женился брата своего на королеве (Котош., 57). ...А печатают в том Приказе грамоты и памяти, которые посылаются всего Московского государства в города (Котош., 113). Была замужем тое ж слободы за крестьянином (Мат. Раз., III, № 26).

14. Да в повелительном наклонении теперь не отделяется от формы глагола. В XVIII в. и в начале XIX в. это допускалось: *Да честь твоя пройдет* все грады... (Держ.). В прозе у Батюшкова: *Да Музы спасут* вас и его от бед и горестей житейских. Ср. и да в значении союза: ...*да праха ног твоих коснусь* (Держ.). ...*да* словом *подтвердит* их клятвы он печать (Херасков).

15. Отодвинутый от начала придаточного предложения союз или относительное неизменяемое слово до XVIII в. встречаются в общем не часто: ...И вам о том государь *как* наказал, и вы мне скажите (Отчет Я Молвян.). ...Ино возят *аче* морем, иным пошлины не дают... (Хож. Аф. Никит.). А товарищ мой холопа твоего околничей и воевода князь Костянтин Осипович Щербатово *где* ныне, того я, холоп твой, не ведаю (Мат. Раз., III, № 16).

В XVIII в. и в самом начале XIX в. поэты разрешают себе здесь большую свободу: О, коль доволен я, оставил *что* людей И честолюбия избег от жала (Держ., Евг.). Я медны изваял громады, Злодеев внешних *чтоб* карать (Радищ.). И слово собственностью числит, Невежства *чтоб* развеять прах (Радищ.). Словом: жег любви *коль* пламень, Падал я, вставал в мой век... (Держ., Признание). Неискусной *хотя* его напев, но нежностью изречения сопровождаемой проникал в сердца его слушателей (Радищ., 162). Лицо любви толь прекрасно, В ночи горят *коль* звезды ясно... (Ломон.). Песчинка *как* в морских волнах, Как мала искра в вечном льде, Как в сильном вихре тонкий прах, В свирепом *как* перо огне, Так я, в сей бездне углублен, Теряюсь, мыслями утомлен (Ломон., Вечерн. размышл.). ...корабль *как* ярых волн среди... (Ломон.). Престол чугунный разрушает, Самсон *как* древле сотрясает Исполненный коварств чертог (Рад.). И ты, вельможа, в блеске новом Не так ли, твой *как* пышен цуг... (Держ.). К тебе душа моя вспаленна, К тебе, словутая страна, Стремится, гнетом *где* согбенна, Лежала вольность попрана (Рад.). Но дале *чем* источник власти — Слабее членов тем союз (у него же). Не видят грозного владыки, Закон веселью *кой* дает (у него же). Награда

тут едина слава, Во храм бессмертья *что* ведет (у него же). Прехрабрый Ахиллес *как* в Трое роскакался, Не только страшен он и силен всем казался (Чулков, Плач. падение стихотворцев). ...Несите в глубину морей Те слезы, лили *что* народы У освященных алтарей (Озеров).

16. Частица **бы** условного наклонения, теперь никогда не примыкающая к заключительному союзу **то**, в XVIII в. могла отходить в это положение: ...Но если бы ты знал, как там хорошо сочиняют оперы Буффо, *то бы* ты сделался театральным Буффоном (Крыл., Почта дух.).

В языке XVIII в. допускался также отход **бы** к относительному склоняемому местоимению: Тогда и **то**, *что бы* нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние (Радищ.).

17. Стихотворный язык XVIII в. в духе классической латыни относительно широко культивирует гипербаты (инверсии, изменения естественного порядка слов), и это делает его фразу трудной для понимания, значительно более трудной, нежели стихотворная фраза Карамзина (конец века), Батюшкова, Жуковского¹.

Благодество, будучи заслуг мзда, я знаю Сколь важно... (Кант.). И мечет горстью твоих мозолями и потом Предков скоплено добро (Кант.). Самых числу дивишься ты знаний, И в один всех мозг вместить смертных столь мнишь трудно, Сколь дворецкому не красть иль судье жить скудно (Кант.). ...И алчный пламень пожирает Минервин с громким треском храм! (Ломон.). Чудовища, что легковерным Раченьем древность и безмерным Подняв на твердь, вместила там, Укройте за пределы света! (Ломон.). Не приклони к их уха слову (Сумар.). Горько плакала Филлида, Очи простирая в понт, Из ея в которой вида Скрылся вечно Демофонт (Сумар.). О, радость, торжество! о, слава наших дней, Безмрачных с красотой сравнившихся лучей! (Петров). При солнечном простер поезд веселый свете (Петров; ср. пародирующие его манеру стихи в «Елисее» В. Майкова: Под воздухом простер свой ход веселый чистым Поехал как Нептун по вод верхам пенистым). ...чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл (Радищ.). Смеяся мнимого прещенья, Подъял луч Лютер просвещенья (Радищ.). Я, будучи и сам товарищ тех певцов, Которы действительно дивился он стихов, Смутился... (Дмитр., Чужой толк). ...а был у ней рожок, Пастух зовет коров в которой на лужок (Чулков, Плач. падение стихотворцев). ...и малинькой брусочик, которой изъявлял безчестие тому, Сей жезл уже давно принадлежал кому (там же).

При многих бесспорных художественных достоинствах слога Державина, ему никак в заслугу нельзя поставить ясность. Среди

¹ О Третьяковском, вовсе не считающемся ни с какими естественными ограничениями в размещении слов, не приходится и говорить.

другого последняя очень страдает от чрезвычайно произвольного у него расположения слов. Вот, напр., начало оды «Афинейскому витязю», которое, совершенно естественно, требует филологического комментария: «Сидевша об руку царя Чрез поприще на колеснице, Державшего в своей деснице С оливой гром, иль чрез моря Протекшаго в венце Нептуна, Или с улыбкою Фортуна Кому жемчужный нектар свой Носила в чаше золотой — Блажен, кто путь устлал цветами И окурил алоем вокруг, И лиры громкими струнами, Утешил, бранный слава дух».

Я. К. Грот справедливо замечает (2 акад. изд. сочин. Державина, 1868 г., стр. 524): «Расположение периода в этой строфе затрудняет понимание ее; вот естественный порядок слов: «Блажен, кто устлал цветами путь сидевшего об руку царя» и т. д.

Если говорить в целом о результатах изменений в порядке слов русского литературного языка, то общие тенденции можно было бы свести к таким:

1. Порядок слов в языке художественной литературы, отчасти в других жанрах, устанавливающийся в конце XVIII в. и упрочивающийся в XIX в., делается более соответствующим русской разговорной речи, более свободным от книжных иностранных влияний (ср. отказ от постановки сказуемых на конце предложений, родительных определительных впереди управляющих ими существительных, наречий-предлогов за управляемыми ими именами).

2. Планировка слов в ряде случаев порывает со случайностями их размещения, с возможною их разбросанностью в разговорной речи (ср. пример из конца XVII в.: А от того нового столба и от грани, *который* поставлен на прежнем месте, прямо бороздою поворотить направо...) (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134). ...В тех амбарах танцуют люди на веревках мужеска полу и женска преудивительно, также и девицы.— П. А. Толст.).

3. Гипербаты (инверсии), принципиально разрешаемые в художественном языке, особенно в языке поэзии, становятся в общем менее свободными. Среди других отметим хотя бы урегулирование места союзов и относительных слов.

4. В ряде случаев произошло выравнивание конструкций по родственным образцам. Сюда относится, напр., правило о месте постановки косвенных падежей от **который, что** и под., управляемых именами существительными (*желание которых...* вм. «которых желания», ...*потребность в чем* вм. «в чем потребность»), правило о неотрывании прилагательных и причастий от управляемых ими существительных (отказ от сочетаний типа «Сгруженные полки в защиту На брань ведешь ли знамениту За человечество карать»,— Радищ., 193).

5. Предлоги последовательно заняли место перед управляемыми словами (ср. др.-русск. *грех наших ради*; ...бога для, господо, постерегите матери моей и деток моих... Дух. Ост. ок. 1396 г.,— Срезн.).

§ 21. Общие черты в развитии русского синтаксиса.

Сопоставляя древнерусский синтаксис с современным нам литературным, в целом можно констатировать такие наиболее существенные черты отличия:

1. Моменты управления занимают в новом предложении более влиятельное место, чем в древнерусском. Для др.-русской речи в известной мере характерны сочетания: А по сесь день не принимаю им к собе из моее волости из моих сел людей никого (Грамм. в. кн. Софьи из Ростова, 1450 г.), т. е. «из сел моего владения», как сказали бы мы теперь. ...И те де надорожные волости от той новой дороги от гоньбы ставают впусте... (Грамм. царя Бориса на Белоозеро, 1601 г.). А платье за столом на царе было: кофтан озяминой — камка белая (Мат. пут. Ив. Петлина, 277) = ...из белой камки. А корабли де под Китай под болшей под стену не ходят за сем ден (там же, 294). А на вершину на ту реку на Каратал прикочевывает Алтын царь своим улусом (там же, 295). ...служивым ратным людем на жалованье на роздачу (Грамота бояр из Ярослав. чети в Нерехту к воеводе, 1611 г.). И вспомнил, что у него в кавтане в клинях зашиты червонцы... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). ...Якож де карабль плавает на море кормило гнило, править ево нечим, таков и аз недостойный... (Дело Ник., № 17). Камки травчатой, жаркой цвет, десять аршин (Дело Ник., № 105).

Особенно важны изменения там, где старые конструкции подавали повод к двусмысленности; ср., напр.: Ты плачешь, Но к чему так сердце отягчать? Или вспомнила ты Киеву досаду? (Сумар., Хорев) = обиду от Кия... Пою того героя, который... В угодность Вахову, средь многих кабаков, Бивал и опивал ярыг и чумаков... (В. Майков, Елис.) = в угоду Вакху.

2. Важным этапом развития мысли является образование такой первостепенного значения грамматической категории, как деепричастие, — средство в плане примыкания к глаголу-сказуемому давать сообщение о действиях с относящимися к ним предметными представлениями (см. § 15). В связи с образованием и развитием этой грамматической категории стоит и исчезновение сочетаний типа: ...а будет невеста пришла за него замуж девства своего не сохранила, и он им, отцу и матере, за то пеняет потиху (Котош., XIII). А ежели за того человека невеста придет девства своего не сохранила... (там же).

3. Подчиненность предложений в новом языке значительно больше того, что было свойственно старинному языку, который часто довольствовался сочинением там, где мы прибегли бы обязательно к подчинению: ...а дал им ту деревню и пустошь Давыд Иванов сын Бортенев, да деревня..., а дала им ту деревню Марья Григорьевская жена Давыдова, да пустошь Загорье, а дал им тоѣ пустошь Василей Остафьев сын Елчанинов да в

Локнышском стану сельцо Рогушкино, а купили оне то сельцо у Григорья Петрова сына Синего да у князя Федора Ивановича Немого, деревня Кротово, а купили они ту деревню у Федора Безабразова, да (в) Волняникове стану сельцо Дубениково, а дал им то селцо и т. д. (Царская грам. Иос. Волоколамск. монастырю, 1623 г.). ...И тебе б прислать на моей лошади, а однолично б тебе прислать ко мне не мешкав, чтоб поспеть х кушенью, а у меня будут в гостях бояря (Хоз. Мороз., I, № 44). Это одинаково приходится сказать как о широте употребления, так и об обычно практикуемом количестве степеней зависимости. Такое противопоставление не исключает, однако, и для древнего языка у особенно сильных стилистов или вынужденных к тому переводчиков — сложных периодов, впрочем, не всегда им удающихся без срывов с правильных конструкций.

4. Верно отмечено (Э. И. Каратаева, К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке, — Тезисы докладов по Секции филолог. наук научн. сессии 1945 г., Ленингр. унив., стр. 53), что сравнительно с памятниками предшествующего времени, напр. в «Домострое», у Котошихина и др., употребление бессоюзных предложений значительно возрастает, а в переводных и подражательных светских повестях XVII в. бессоюзные конструкции встречаются преимущественно в прямой речи, вероятно, как отражение особенности разговорного языка. Можно вполне согласиться и с тем, что «будучи для устной речи безусловно более ранним синтаксическим явлением¹, бессоюзное сложное предложение находит свое распространение в письменном языке лишь на известной стадии его культурного развития... Нужна большая культура, большое мастерство в построении сложных конструкций в письменной и устной речи, чтобы при длительном изложении избежать различного рода соединяющих и ссылочных средств. Но знаменательным и лингвистически ценным в развитии бессоюзного сложного предложения является не только тот факт, что в прошлом письменном языке по сравнению с современным литературным языком они мало употреблялись, а то, что они качественно отличаются от бессоюзных конструкций нашего времени»².

¹ Ср. многочисленные примеры старинных конструкций типа: «Аже тиун услышит, латинской гость пришел (=«что латинский гость...»), послати ему люди с колы (ввозами) пьревести товары» (Грамм. 1229 г.) — у Потебни, Из зап. по русск. грамм., III, стр. 333.

² Полезно отметить, однако, и другое, прямо противоположное нашим стилистическим навыкам, построение старинной фразы (в определенных стилях): где мы теперь прибегли бы к разрыву текста на фразы, т. е. к ритмическим завершениям, — старинный автор может до утомительности часто использовать сочинительные союзы, сцепляя ими звенья своего сообщения. Напр., П. А. Толстой в дневнике своего путешествия пишет (июнь 1698 г.): «С первого часу дня почал быть самый малый ветер, и наш фрегадон по-малу подавался вперед, а с обеда почал быть ветер немалый, нашему надлежащему пути в противность, и фрегадон наш шел бордами, а по голландски лавирами, а после полудня припал зело великий ветер нам противный, а фортуна на море почала быть зело великая и нашего фрегадона ни бордами ни какими иными

5. Современный письменный язык гораздо требовательнее к синтаксизации предложения — к выдержанности конструкций. Стиль некоторых древних книжников в этом отношении нередко очень неорганизован. Ср., напр.: Всякаму человеку домовитому доброму, у кого, бог послал, свое подвореице или деревеньку, или лавочку в торгу, или онбар, или дома каменные... (Домострой, 61), — контаминируется «у кого есть» и «кому послал». И так нерассудные люди живут в роботе, и на правеже и в долгу до конца обнищает (там же, 68) — смешаны конструкции с множественным числом и с единственным типа синекдохи. ...чтоб нам его пожаловать, тех его городков нашим ратным людем, которые ныне сидят в городе в нашем на великой реке на Оби на усть Иртыша воевати его его и племя его все и его людеи...не велети (Грам. царя Федора Иоанн. князю Вымской земли Лугую, в списке, — пис. в 1586 г.).

Или вот пример синтаксической нескладности в таком важном политическом документе, вышедшем из великокняжеской канцелярии, как «Докончание вел. князя Дмитрия Ивановича с вел. князем Тверским Михаилом Александр.» (1375 г.): «А что еси, буда с нами в целован[ь]и и сложа целованье, а кого будешь бояр наших, и слуг, и людеи московских, и княжен[ь]я великог[о], или что еси пограбил или что у людеи поимано, ты, или твои бояре, или людеи пограбили и павозки, бояр ти, и людеи, и слуг попущати, а что грабежь или что с людеи поимано... то ти все отъдати».

«А коли иму слати свои данщики в город и в станы, а тебе слати свои данщики с моими вместе» (Докончание вел. князя Дмитрия Иван. с княз. серпух. и боровским Владим. Андр., 1389 г.).

Особенно часто нечувствительны древнерусские авторы к слиянию конструкций безличных с личными: Ту же есть во церкви 12 коша хлебов *исполнено* Христовым благословением, их же господ ял со ученики своими (Путеш. Ант. конца XII в., по сп. нач. XV). А ездовой путь им стал *мешкотно* (Мат. пут. Ив. Петлина, 296). Да в прошлых годех, как *учинилося* у Московского царя с Полским Яном Казимиром королем недружба и война (Когош., 99). И великого государя к нему милость была такова, какова по отшествии его к нему никогда *не бывало* (Дело Ник., № 39). А как де *стало* заря заниматца, и Стенка де Разин пошел к Царицыну (Мат. Раз., I, № 9). И того ж де полку стрелец Егорко Иванов говорил ему: в Верху де *учинилось* — шум; а какой, и — того ему не сказал (Розыскные дела о Фед. Шаклов., I, I, 1, 1689 г.)¹. И на

мерами идтить в путь наш не пустило, и для того вошли мы в порт, который порт называется Ливир, и в том порте ночевали, а тот порт от Венеции 350 миль ит., а жилья у того порту никакого нет».

¹ Не имею, однако, в виду таких долго представлявшихся исследователям старинными конструкций с нарушенным согласованием, как «Лев страшно, обезьяна смешно», «Мед сладко, а муха гадко». Вопрос о них в настоящее

турского царя писал титулу, как у него *было* с турецким царем брань о острове Кипрском... (Вымышл. статейный список посольства кн. З. И. Сугорского к кор. Максимилиану 1576 г.,— XVII в.).

Сами конструкции в ряде случаев подчинены теперь правилам более строгой и однообразной синтактизации. Ср. сказанное выше о лицах в косвенной речи (§ 19), о сочетаниях деепричастных конструкций со сказуемыми, вводимыми сочинительными союзами (*и, а, да*) — § 15, устранение сочетаний «притяжательное прилагательное от имени, согласованное с именем существительным, управляющим родительным падежом фамилии» (...полковника Денисова полку Швейковскому твои... ратные люди, *Мат. Раз.*, II, № 60 = «полка полковника Дениса Швейковского» и под.), отказ от морфологически различных конструкций со значением притяжательности же при сочинении; ср.: ...чтоб они о том государском и святейшаго патриарха указу исполняли (*Дело Ник.*, № 94). Ср. и конструкции вроде: «...И от тое старые грани и ямы, *что половина осины свалилась* возле болота и Пупковы горы, на низ болотом на ольху...» (*Фед.-Чех.*, II, № 134). Возможные, напр., в XVIII в. сочетания с нарушенными отношениями зависимости предложений вроде: ...огнь быстрый и жестокий, казался ему, что разливался по его жилам (*Вечерние часы*, II, 1788 г.) позже почти полностью изживаются.

Изживались также в истории русского литературного языка некоторые морфологически неоднородные сочетания, которые были возможны в XVIII и даже в начале XIX в., напр., причастных оборотов и относительных придаточных предложений: Тем мы отмечаем ложь, вкорененную прежде и которую мы за правду признавали (*Кант.*). ...Несогнившее тело одного человека, погребенного лет за сто и о котором говорили тогда, *якоб он был проклят* (*Болот.*); придаточных предложений времени и предложных конструкций с родственными значениями: Когда оные [щиты] поспели, и по снабдении себя добрыми конями через несколько дней вступили они в области Гардориковы (*Вечерние часы*, II, 1788)¹.

Так часто еще в первые десятилетия XIX в.:

Знайте, однако ж, что Истина моя пребудет неизменно в сердце моем, исполненном любви к человечеству и которое не имеет нужды ни в каких свидетельствах, кроме собственной моей совести (*Пнин, Письмо к издателю*, 1805 г.). Здесь один из поселян растолковал Раевскому, что дело шло о трех тысячах волов, три дня назад отогнанных турками и которых весьма легко будет догнать дня через два (*Пушк., Путеш. в Арзрум*, 1829—1835 г.).

время может считаться вполне решенным: как доказал В. И. Чернышев в статье «О нарушении согласования в русском языке»,— *сборн. АН СССР «Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934)», 1938, стр. 258—262*, эти конструкции — книжные грецизмы, в качестве таковых именно известные Мелетию Смотрицкому (1619), Н. Г. Курганову («*Письмовник*», первое изд. 1769 г., пятое — 1793 г.) и др.

¹ Противоположное направление в развитии отражает только история сравнительной степени,— см. *Синт.*, § 7.

6. Требования к организованности порядка слов в прозаической речи в настоящее время, несомненно, бóльшие.

Сравнительно с современной древнерусская фраза иногда производит впечатление разбросанной, с далеко отставленными друг от друга словами, между которыми грамматическую связь заменяет общая направленность мысли. Это не есть, однако, особенность древнерусского синтаксиса по существу, а только черта слога писателей относительно невысокой выучки и непретенциозного (не имеющего специальной эстетической направленности) стиля: И с Колязина поидох на Углека, с Углека на Кострому ко князю Александру, с иною грамотою, и князь велики отпустил мя *всєя Руси добровольно, и на Плєсо, в Новгород Нижней к Михаилу к Киселеву к наместнику и к пошьлиннику Ивану Сараєву, пропустили добровольно* (Хож. Аф. Никит.)¹.

А от того нового столба и от грани, который поставлен на прежнем месте, прямо бороздою поворотить направо... (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134).

Невозможны в современном языке, особенно в произведении с ясной эстетической установкой, и такие фразы, как: ...И воздадим поганому Мамаю победу, а великому князю Дмитрию Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу (Задонщина) или: И то они письмо к Москве привезли июня в 3 день и мощи благоверного царевича князя Дмитрея Ивановича (Памятн. Смутн. врем., 84).

7. В целом ряде моментов углубилась эстетизация фразы, напр., требовательность к тому, чтобы без специальной установки не повторялись уже только что употребленные слова: ...*аще* ся въвадит вълк в овце, то выносить все стадо, *аще* не убьют его (Лавр. сп. летоп., под 6453 г.). Бысть пожар велик в Кыеве, *яко* погоревшу ему мало не всему, *яко* церкви одиных изгорело мало не 600 (Новг. V летоп., под 6632 годом). ...и *будет* на такого помещика и вотчинника *будет* челобитие... (Котош., XI). ...а *будет* чего на жене и на детех взяти *будет* нечего... (Улож. 1649 г., 10, § 203). А бывает на Москве стрельецких *приказов*, когда и войны не бывает ни с которым государством, всегда болши 20 *приказов* (Котош., 90). ...Ему грозили подьяконы и подьяки Иван Тверитин и иные... за то, что *он*, Федор, дал скаску на соборе, как *он* [Никон] оставил патриаршеской престол с клятвою, будто по совету такую дал с Питиримом митрополитом (Дело Ник., № 40). ...И он де, Иван, говорил приставу своему *чтоб* царевичю доложил, *чтоб* царевич велел его отпустить (Статейн. список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 г.). И обшед с тою процессиею город, пришли к столпу резному, о котором в сей книге выше упоминалось, который поставлен на площади (П. А. Толст.). ...увидели на море впереди себя два судна турецких, *которыя*

¹ Ср. и примеры из Лаврент. списка летописи,—Изв. по русск. языку и слов., II (1929), стр. 52—53.

называются фусты, *на которых* ездят курсары, т. е. добыточники, или разбойники морские (у него же).

Старинный язык в некоторых сочинениях, в которых генеалогическому элементу принадлежала большая роль (Московская летопись), очень часто допускает длинную цепь имен от потомка к предкам, — построения, после сделавшиеся совершенно невозможными: «В лето 6786. Преставися князь велики Борис Василкович Ростовский, внук Константинов, правнук Всеволож, праправнук Юрья Долгорукого, препраправнук Владимира Маномаха, пращур Всеволож, пращур Ярославль, препрапращур великого Владимира, во Орде (Патр., или Никон. летоп.). В лето 6788. Преставися князь велики Давид Костянтинович Галичский и Дмитровский, внук Ярославль, правнук Всеволож, праправнук Юрья Долгорукаго, препраправнук Владимира Маномаха (там же).

Связывание частей фразы и фраз между собою при помощи однообразных *и, да* и *а* (ср. § 13) сменяется более эстетичным, с вниманием к тому, чтобы одни и те же сочинительные союзы допускались лишь в рядах (при интонации повторения), а в других случаях выбор их обеспечивал необходимое разнообразие. Свое место как соперники сочинительных союзов занимают в новом языке и выдвигаемые стилистические средства ритмомелодики.

8. Новый синтаксис не нуждается в напоминаниях об уже сказанном в той мере, в какой это было обычным для старинной речи:

а) Ср. старинные обороты в языке грамот, следственных документов и под., где, как и естественно, особенно важно было не смешать, о ком именно идет речь: ...И, приход, говорил ему, патриарху (Дело Ник., № 17). ...И митрополит Питирим Крутицкой в ризницу его, патриарха, стал не пущать (там же). ...И увидел ключаря Федора Терентиева за ним близко, и я его, ключаря, спросал (там же, № 36). Да генваря в 12 день писал ...из Саранска князь Никитя Приимков-Ростовской с Аникеем Хомуцким, которой с теми казаки с Москвы отпущен, и прислал под отпискою провожатых роспросные речи о тех же казаках, а в отписке написано и в роспросных речах те провожатые в Саранску сказали так, что и наперед сего в отписке он, князь Никита, писал, что они, казаки, учинились силны, в Астарахань не поехали и Аникея Хомуцкого и их, провожатых, били и ружье у него, Аникея, отняли (Мат. Раз. II, № 23). ...отец ... писал к нему, чтоб он к нему приехал повидатса ко отцу своему... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). ...а Василия Кориотскаго оной гость нача просити, чтоб в Рассию не ездил, понеже он, гость ево, Василия, возлюбил, яко сына родного (там же).

б) В современном языке относительное слово в придаточном предложении не подкрепляется, как в древнем, повторением существительного, которое оно определяет (см. § 13); у нас теперь невозможны конструкции вроде: А спорного столба, который столб поставлен на пустоши Трестьянке, и того столба по моей игуменской мере впредь не оспаривать (Выпись из книг Ржев. уезда

1645 г., Фед.-Чех., II). На тот княжеский двор сделаны ворота каменные великия под палаты с площади, которая площадь называется Пяцасанмарка (П. А. Толст.). Потом пришел на то место, где стоят пушки на раскате, который раскат очищает вход в порт к воротам (у него же).

в) Современный язык отказался от повторения предлогов при приложениях и допускает пропуск их в повторяющихся членах синтаксического ряда. Мы сказали б и написали: «И услышали псковичи весть о пленении [сограждан] от псковича торговца [приказчика] Филиппа Поповича». В древнерусском писали: И переняша псковичи полоняную свою весть от Филипа от Поповича, от купчины, от псковитина (Сказ. о Псковск. взятии, 8). Ср. еще: Укрываясь от сыску у сына своего хлебного приказу у подьячего у Макара (Мат. Раз., III, № 26).

Вовсе чуждо современному литературному языку и повторение предлогов при нескольких определениях, обычное в старинном языке:

...а дворянских и детей боярских крестьяне во все в те во смутные годы с нами... поделак не дельвали... (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.), или: И на тех крестьянх на нынешней на 160 год масла не имать (Хоз. Мороз., I, № 48).

г) Единицы при десятках и под. не сочетаются теперь при помощи *и*, как в древнерусском; ср.: ...Крица по пятидесят рублей и по два рубля и по три (Мат. пут. Ив. Петлина, 294) и предлог при них не повторяется: ...А от Темникова во сте в двадцати верстах (Мат. Раз., III, № 64). У отца моего Савганейка взяли на пятсот на пять рублей (там же № 10). С них же на год емлют по 20 по 4 борана (Хоз. Мороз., II, № 7).

9. Сравнительно с языком домосковского периода большее развитие получило употребление предлогов. Так, сделалось невозможным отсутствие предлога при местном падеже (в пространственном и временном значении): др.-русск.—Всеславъ же седѣ Киевѣ (Лавр. спис. лет., 6576 г.). И сѣдѣше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ (там же, под 6532 г.).—Идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ, и Володимерь, и Давыдъ (там же, под 6618 г.). Том же лѣтѣ ведена Передьслава, дщи Святополча в Угры, за королевичъ... (там же, под 6612 г.).

Обязательными сделались предлоги при дательном падеже направления; ср. др.-русск.—Святополкъ же и Володимерь поидоста на Ольга Чернигову (Лавр. спис. лет., под 6604 г.). Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю.... (там же, под 6572 г.).

В ряде случаев и позже изживались главным образом книжные конструкции типа «убежать чего-либо», «уйти ненависти» и под.

Заметно сузилось употребление творительного падежа причины, который стал заменяться сочетаниями **по, из-за** и наречий-предлогов с соответствующими падежами.

10. Приблизительно с последней четверти XVIII в. (новиковско-карамзинская реформа) и в первой половине XIX в. реши-

тельно осуществлялось изживание иноязычных синтаксических конструкций, напр., латинских — типа *accusativus (pominativus) cum infinitivo* (винительный или именительный с инфинитивом), нередких и в прозе и в поэзии основоположников русского художественного слова XVIII в.: Потом удалось мне три новые сатиры, несколько песней и басней и другие малые творенийцы составить; но *усматривая слог их весьма различествовать* от прежних моих сочинений ... принялся сии исправить (А. Кантемир). Не пощадил, боязлив, я своей работы; Лист написав, два или три изодрал, исхерил, Да и так *достойну глаз твоих быть не верил* (А. Кантемир). Не всяк ли скажет быть чудесно, Увидев мужество совместно С толикой купно красотой! (Ломон., Ода 6). Пространными Китай стенами Закрыт быть мнится перед нами (Ломон., Ода 12). Иль страсть моя к тебе еще мала быть мнится? (Сумар., Синав и Трувор). Не чае мертву быть ее рукой моею? (Сумар., Артистона). ...и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некоторо-раго кавалера (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.).

В духе французских способов выражения — у Кантемира, Сатира V: *«Бессчетных страстей рабы, от детства до гроба, Гордость, зависть мучит вас, лакомство и злоба, Самолюбие и вещей тщетных гнусна воля; К свободе охотники, впилась в вас неволя»*. Первые, обособленные части предложений здесь не обращения, а обороты, близкие по смыслу к деепричастным — «будучи рабами бессчетных страстей», «будучи охотниками к свободе», и представляют собою построения, копирующие обычные для французского синтаксиса.

§ 22. О дательном самостоятельном.

Специальных замечаний требует оборот дательный самостоятельный, представляющий сочетание дательного падежа имени существительного или личного местоимения с согласованным с ним причастием и имеющий значение целого придаточного предложения, чаще всего — времени и причины, с подлежащим, отличным от подлежащего главного предложения. В старославянском это живой употребительный оборот: *Обладашштоу понтьскоумоу пилатоу иудѣеж... бысть глаголь божи к иоану* = «В то время как Понтийский Пилат управлял Иудеею ... было слово божие к Иоанну»

В русских текстах: ...и стояли есмь в Платане 15 дни, *ветру и злу бывиу* (Хож. Афан. Никит.) и под. — этот оборот употребляется только подражательно.

Значительно реже случаи дательного самостоятельного с одним и тем же «смысловым подлежащим» в этом обороте и в сказуемой части фразы, вроде: ...не дошедшу ж ему острова, прииде на реку, зовомую Выг (Памятн. др.-русс. учител. литер., вып. II, стр. 27).

Встречаются, но относительно нечасто примеры, когда дательный самостоятельный вводится союзом (союзным словом) с тем

значением, которое должно выражаться данным оборотом и самим по себе: *И егда сему бываему*, тогда оба абие пребываста алчуща (Житие Сергея Радонежск.), и под.

Этот оборот уже в XVIII в. употреблялся только как архаический. Ломоносов в «Российской грамматике» (§ 468) высказывал сожаление об его утрате: «И хотя,— писал он,— еще есть некоторые того остатки Российскому слуху сносные, как: *бывшу мне на море востала сильная буря*: однако протчия из употребления вышли. В высоких стихах можно по моему мнению с рассуждением некоторые принять. Может быть со временем общий слух к тому привыкнет и сия потерянная краткость и красота в Российское слово возвратится».

Дательный самостоятельный не редок, напр., у А. Н. Радищева. В своих стихах этот оборот употребляет А. Х. Востоков: *Наставшу утра* возвратился Мстислав с Светланой в Киев град (Светлана и Мстислав, 1802 г.), и др.¹ Очень запоздалый пример его употребления встречается у В. А. Жуковского в «Цейксе и Гальционе» (1821): *Вдруг с волной упадет [судно] и, кругом взгроможденному морю, Видит как будто из адския бездны далекое небо*.

Весьма вероятно, что употребление дательного самостоятельного уже в древней летописи — факт только книжный, отражающий влияние церковнославянских образцов. Правдоподобно, напр., что в тексте (Ипат. сп. лет., под 5): «Но сии Кии княжаше в роду своем, и приходившу ему к ц(с)рю не свемы но токмо о сем вемы, якоже скажутъ, яко велику честь приял есть от ц(с)аря, которого не вем и при котором приходи ц(с)ри», уже первый его составитель подставлял книжный оборот вместо обычного для него разговорного, вследствие чего внешне выпало важное для мысли «когда (именно)»: смысл фразы — «и когда он приходил к царю, мы не знаем, а знаем только то ... что получил он большую честь от царя; от какого именно царя и при каком царе он приходил. — (этого) мы не знаем».

Обращают на себя внимание довольно многочисленные случаи, которые, по-видимому, нужно рассматривать как контаминацию уже

¹ В древнерусском языке (летопись, — не говоря уже о памятниках церковного характера) дательный самостоятельный — вполне обычный оборот: ...и сразившимся полкома и победи Ярополк Ольга (Ипат. сп. лет., под 6485 г.) = ...и когда сразились оба войска, Ярополк победил Олега. Еще бо живу сущю ему, наряди сыны своя, рек им... (Лавр. сп. лет., под 6562 г.) = Когда он еще был жив, наставил он своих сыновей, говоря...

Особенно характерны как проявление чисто литературного пристрастия к обороту дательный самостоятельный такие, напр., скопления, обычные, в частности, в Галицко-Волынской летописи, как: Кондрату же любящю русскыи бои и понужающю ляхы свое, онемъ же одинако не хотящим, приступившима же има обеима ко воротомъ Калишьскимъ, а Мирослава посласта в зад града... (Ипат. сп. лет., под 6737 г.), Володимеру же ятому бывшу в Торцькомъ и Мирославу... инемъ боярѣмъ многимъ ятымъ бывшимъ, Данилу же прибегшу к Галичю. Василкови же бывшу в Галичи с полкомъ, и срете брата си (там же, под 6742 г.).

в древнерусском языке книжного оборота «дательный самостоятельный» и обычного способа передачи соответственных содержаний — деепричастными оборотами: «Мьстиславу же пьючи с Угры, и повеле им» (Ипат. сп. лет.) «...тако ему беседовавши с ними... отпусти и» (там же). «Данилови же крепко борющися, избиваючи татары, видив то Мьстиславъ Немый и потче» (там же, под 6733)¹.

По мнению И. Белорусова, посвятившего этому обороту специальное исследование («Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности», — Русский филол. вестник, 1899, стр. 71—146), он «возник и образовался в церковнославянском языке под влиянием греческого родительного самостоятельного и потому не мог не иметь с ним близкого сродства и сходства; но будучи введен в область древнерусского книжного языка, он, не переставая исполнять функции греческого родительного самостоятельного, расширил область своего употребления и стал явлением оригинальным...» (стр. 28).

В науке, особенно в последнее время, довольно энергично снова ставится вопрос об исконности этого оборота на славянской почве. Подводящее итоги исследование словацкого ученого Яни Станислава — «Dativ absolutný v starej cirkevnej slovančine», — *Byzantinoslavica*, V (1933—1934), стр. 112, при всей добросовестности и старательности проделанной автором работы, убедительных результатов не дало. То, что приводилось как будто бы остатки этого оборота в болгарском (деепричастия типа *играештем*, *ходештем*), отдельные украинские фразы вроде «як же таки Галочці, будучи хазяйці, та не турбуватись?» и под., — в большей или меньшей мере сомнительно. Большого доверия заслуживают севернорусские диалектные факты, напр., куростровск. (бывш. Арханг. губ., Холмогорск. уезда): «Я выехал уже *закатившись солнцу*», «Я приехал еще *не отошедши обедне*» (см. «Матер. для изучен. великорусск. говоров», VIII, Сборн. Отд. русского яз. и слов. АН, LXXIII, № 5, 1903) и такие др.-белорусские выражения, как: «...в небытности мужа своего, Грицка Ивановича Гричиновича, *будучи ему* на службе господарской земской ...к селу Глиной до двора матки своее Ганны Семеновой Туровой пошла...» (Заявл. Марины Колбович, 1562 г., — Пинские акты XV—XVI вв., Киев, 1903 г.); «...*приехавши дей ему* з бобровниками господарскими для ловенья бобров до села Конохов, там дей у подданных войскового Пинского пана Мартина Ширмы начал подводы просити...» (Заявл. леснич. Ив. Сова, 1562 г., — Пинские акты).

Возникновение оборота на славянской почве гипотетически выводят из предложений, где дательный падеж являлся первоначально непосредственным дополнением (управляемым падежом) к главному сказуемому. Это объяснение А. А. Потемни и др. («Из запи-

¹ О возможности в настоящее время таких конструкций, хотя и представленных единичными примерами, см. в «Докладах и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР», X, 1950, стр. 120.

сок», II, стр. 340—342), по поводу которого он замечает: «Конечно, между выражением с дат. самост. «пьючю (пьючи) ему с Угры и поведе им» и другим «пьючю ему и поведаша ему», рассматриваемым как первообраз первого, большая разница, но ведь и всякая новая грамматическая форма, по отношению к предшествующей, кажется скачком», — сохраняет свое значение и теперь как наиболее правдоподобное.

Время употребления оборота «дательный самостоятельный» в памятниках обследовано в упомянутой статье Н. Белоруссова.

§ 23. Заключение.

Мы не проследили в подробностях пути развития русского языка от начатков до его современного состояния как языка очень большого, высококультурного народа, играющего ведущую роль в многонациональном Советском Союзе и мощно влияющего идеологически-культурно на национальности в других странах Европы и Азии. Но и те вопросы, которых мы коснулись в книге как в историческом комментарии к современному литературному языку, в целом позволяют представить себе историческую жизнь русского языка как сложный и вместе с тем, вполне определенный, привсей его диалектичности, процесс развития — с о в е р ш е н с т в о в а н и я этого необходимого средства социальной жизни народа. Русский язык, как и другие языки, которые сейчас обслуживают все общественные потребности народов, — продукт долгого развития, сложное явление исторического порядка с результатами огромного значения.

«Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»¹.

Получив от предшествующих эпох материал для дальнейшего развития своего языка, русский народ в своей исторической жизни не пассивно передавал его от одного исторического момента к следующему, а творчески п р и с п о с о б л я л унаследованное применительно к новым задачам своего существования и роста в самых различных сферах жизни. Он не оставался, конечно, чуждым воздействиям народов и языков, с которыми ему приходилось вступать в контакт, но заимствования, во-первых, не сыграли в истории русского языка отрицательной роли — инородной стихии, заглушавшей национальную («чужое» оказывалось для русского народа обычно средством возбуждения творческого «своего»), а во-вторых, русское ядро национального языка сохранилось и осу-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 22—23.

ществляло чем далее, всё более мощное свое действие. История русской литературы, науки, политической жизни, общественности и т. д. свидетельствует о том, что русский язык исключительно успешно выполнил свою роль инструмента всё более совершенствующейся цивилизации очень большого и одаренного народа.

Средствами своего словообразования несравненно более, чем заимствованиями извне, русский язык обеспечил все знаки понятий, которых ему не хватало на путях растущих потребностей в различных сферах жизни, отточил (уточнил) эти понятия, сделав их способными быть элементами передовой культуры, выработал из прежних морфологические категории более прогрессивные и т. д. Внутренние законы развития, разнообразные и пересекающие друг друга, в конечном счете обеспечили русскому языку известное упрощение флективной системы в тех ее унаследованных элементах, которые не имели значения для организации более совершенной мысли. В ходе исторического развития,—и это едва ли не самое главное,—созданы были типы организации предложения и фразы, более совершенной в ее смысловой вместимости, выразительности и эстетической отделанности.

Внимательный анализ не открывает, однако, в динамике достигнутых усовершенствований, при всей диалектичности процесса — наличии противоречивых тенденций, отсутствии параллелизма в развитии многих элементов, составляющих язык, и под.— взрывов, т. е. резкого, внезапного уничтожения существующего и замены его радикально новым, подобно тому, как это имеет место при смене надстроек. Пути развития языка характеризует вообще медленное накопление новых качеств, и русский язык в этом отношении не представляет исключения.

Русский литературный язык в его нынешнем состоянии — огромный культурный аппарат ведущей социалистической нации СССР. Мы не можем не любить и не ценить его, как замечательный инструмент высокой культуры, национальной по форме и социалистической по ее содержанию. При этом вряд ли пытливый взгляд на него может ограничиться одной констатацией того, что он представляет сейчас, без интереса к тому, чем он был, как развивался. Мы пытались в предшествующем остановить внимание читателя на некоторых особенно важных чертах развития русского литературного языка. Надеемся, что и в скромных пределах сделанного мы приблизились хотя бы частично к классическому подходу, которого требует в своем понимании явлений, в первую очередь общественной жизни, марксизм: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, том 35, стр. 200.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОШЕДШИХ В РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ЮЖНОСЛАВЯНИЗМОВ.

В качестве южнославянизмов (церковнославянизмов, старославянизмов), устанавливаемых по фонетическим приметам, должны быть отмечены такие:

1. Слова с рефлексами **ра, ла, рѣ, лѣ** в случаях соответствия древнейшим славянским **ор, ол, ер, ел** между согласными и русскому полногласию (**оро, ере, оло**): *град* — русск. *город* (в родстве с литовск. *gardas*, нем. *Garten*); *прах* — русск. *порох*; *глава* — русск. *голова* (литовск. и латышск. *galva*); *власть* — русск. *волость* (в родстве с литовск. *valdyti* «владеть»); *прѣдѣ, пред* — русск. *перед*; *врѣдѣ, вред* — русск. *веред*; *плѣнѣ, плен* — русск. *полон* (в родстве с литовск. *reipas* «плата»: через значение «добыча»); *влѣкѣ, влеку* — русск. *волоку* и под.

2. Слова с рефлексами **ра, ла**, в соответствии древнейшим славянским начальным **ор, ол** с так называемой циркумфлексовой интонацией¹ перед согласным в начале слова и вост.-славянским **ро, ло**: *раб, работа, расти, разум, разный, ладья*; ср.-русск. *робость*, сев.-русск. *робота, рост*, укр. *розум*, др.-русск. *розный*, совр. *рознь, лодка* (ср. с *работа* — нем. *Arbeit*, с *лодка* — литовск. *aldija*).

3. Слова с **жд** в соответствии древнейшей славянской группе **дй** (dj) и русскому **ж**: *рождать* (ср. *родить*) — русск. *рожать*; *насаждать* (ср. *садить*) — русск. *сажать*; *невежда* (ср. *ведать*) — русск. *невежа*.

4. Слова с **щ** в соответствии древнейшей славянской группе **тй** (tj) и русскому **ч**: *возвращать* (ср. *возвратить*) — русск. *ворочать*; *просвещение, освещение* (ср. *светить*) — русск. *свеча*.

5. Подавляющее большинство славянских слов с подударным **е** перед твёрдым согласным или на конце слова, в которых **е**, не

¹ Устанавливается эта интонация (ср. стр. 290) на основании показаний, главным образом, языков сербохорватского и словенского.

восходящее к старому Ѣ, произносится не как о со смягчением предшествующего согласного, а как э: *небо* (ср. русск. *нёбо* в другом значении), *хребет, лев, вертеп, бытие* и под.

6. Слова с ер (из ѣр) между двумя согласными, из которых второй — твёрдый зубной, имеющие под ударением произношение е как э, а не о со смягчением предшествующего согласного: *перст, дерзкий, серна*.

7. Славянские слова с начальным ю.: *юг, юный, юрбидивый*.

8. Слова с твёрдым з и г после бывших перед ним в древнейший период славянских языков гласных переднего ряда: *польза* (ср. русск. *лёгко* и *не-льзя*), *состязаться, непритязательный* (ср. русск. *тягаться, осязать* (ср. русск. *посязать*).

9. Многие слова с переходом ъ в о, ь в е в открытых в прошлом слогах (в слогах, за которыми не следовали слоги с ъ, ь слабыми, впоследствии отпадавшими и выпадавшими), отражающие искусственное сохранение старых глухих (особенно в префиксах и суффиксах): *вопить* (ст.-сл. *въпити*), *уповать* (ст.-сл. *упъвати*, при «уповати», явившемся аналогически), *собор* (ср. ст.-сл. предлог *съ*), *собирать, воплощать, восклицать, вознаграждать* (ср. ст.-сл. префикс *въз-*), *множество, художество* (ср. ст.-сл. *множьство* и под.).

10. Многие слова и формы с **ы**, **и** в соответствии древнейшим славянским ъ, ь перед **ј** (**й**): *выя, убийца, желание, явление, воин, достоин*.

В области словообразования церковнославянское влияние, и прямое и косвенное (образование новых слов по южнославянским образцам), исключительно велико. Так, по крайней мере для большинства слов, южнославянский источник несомненен при суффиксах: **-тай** (*ходатай, глашатай*), **-тель** (*утешитель, ревнитель, воспитатель*), **-чий** (*кормчий, зодчий*), **-ен(е)ц** (*младенец, птенец, первенец*), **-стви(е)** (*благоденствие, путешествие, бедствие*), **-еств(о)** (*количество, убожество*), **-енств(о)** (*главенство, верховенство*), **-ани(е)**, **-ени(е)** (*желание, состязание, соревнование, терпение, умение*), **-изн(а)** (*отчизна, укоризна*), **-знь** (*жизнь, приязнь*), **-ын(я)** в абстрактном значении (*милостыня, гордыня*), **-тв(а)** (*ловтва, жатва, битва*), **-ейш(ий)**, **-айш(ий)** (*добрейший, сильнейший, величайший*).

Причастные образования на **-щий, -ший, -вший, -мый**.

Из префиксов надо, опять-таки для большинства случаев, церковнославянскими считать: **без-**: *безмерный, бесстрастный, безвестный*; **воз-**: *воспитать, возрастить* (ср. русск. «вырастить»); **вз-**: *взрастить, взалкать*; **из-**: *испачкать* (ср. «выпачкать»), *изругать* (ср. «выругать»), *испелить* и под.; **низ-**: *ниспадать, низвергать*. Ср. и **пре-**, **пред-**, **чрез-**.

Меньше привилось даже в искусственном употреблении церковнославянизмов, относящихся к флексии. Таковы:

1. Отдельные звательные формы. Ср. оправданное стилизацией в «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкина: «...Приплыла к нему

рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, *«старче?»*. 2. Писавшийся и многими произносившийся род. п. ед. ч. женск. рода *ея*. 3. Уже в конце XVIII и в начале XIX века архаичный род. п. ед. ч. женск. рода прилагательных на *-ыя, -ия*: *из земныя неволи, на пажитях кровавыя войны*. 4. Имен.-вин. падеж мн. ч. женск. и средн. рода на *-ыя, -ия*: *старыя башни; дальня дороги*, — формы; так писавшиеся и изредка так произносившиеся до 1917 г. 5. Правписание *-аго, -яго* в род. падеже ед. числа муж. и среднего рода имен прилагательных.

6. Формы простых (нечленных) прилагательных и причастий в роли определений у поэтов XVIII и первых десятилетий XIX века: «Я горести твоей, о мудрый Стари! поверю. В нем сделал ты, народ, *чувствительну* потерю» (В. А. Озеров, «Фингал»); «Я видел красоту, достойную венца, Дочь *добродетельну, печальну* Антигону...» (К. Н. Батюшков); «Отдай же мне *протекиши* лета» (А. С. Пушкин).

7. К церковнославянскому влиянию надо, вероятно, отнести в нынешнем употреблении и творительный падеж ед. числа жен. рода на *-ою, -ею*: *твоею силою; чужою землею* и под.

Синтаксическими и церковнославянизмами в литературном русском языке являются:

1. Употребление *есть* и *суть* в роли связи ¹.
2. Ряд оборотов, связанных с употреблением причастий.
3. Союзы *ибо, дабы* и некоторые другие.

Отмечая церковнославянизмы в составе нынешнего литературного русского языка, надо, однако, отметить и тот не лишенный своего значения факт, что довольно многие церковнославянизмы нынешнего литературного употребления являются, собственно, результатом относительно позднего восстановления (в XVIII и XIX веках). Уже древняя московская письменность свободно открывала дорогу русской стихии, где теперь иногда возобладали церковнославянизмы. Ср., например, такие слова, обычно выступавшие в русской оболочке:

Вобчей, вопчей — совр. *общий*: «...а будет простой человекъ съ церковнымъ, ино судъ вопчей» (Судеб. 1497 г., 59). Ср. *вобчей* в Судеб. 1550, 37, при *вопчей*, напр., в 74. Авчерась они воопче просили (Куранты). — К этимологии срав. чеш. *обес* «община».

В «Улож. 1649 г.», однако, восстановлена уже форма старославянского типа: «...общимъ совѣтомъ».

Оболоко: Птицы... подь синія оболока летяты (Задонщ. 10), но ср. там же: «Изъ тучи выступише кровавыя облака».

Межу — совр. *между*: «Быти стуку и грому велику между Дономъ и Днѣпромъ» (Задон. 10).

¹ Вопреки Т. П. Ломтеву («Из истории синтаксиса русского языка», М., 1954, стр. 6—8), правильно отмечающему такое употребление уже в древнерусских памятниках, и в современном литературном языке, и даже в языке XVIII века, оно ни в какой связи с русским актовым языком древнейшего времени не состоит.

Нужа — совр. *нужда*: «...а коли нужа, и онъ ѣжь въ кельѣ... (Посл. Иоанна IV игумену Кир.-Белоз. монастыря), «А еѣ послѣ того держали въ великой нуже и родъ ея весь по далнимъ городомъ разосланъ былъ и въ конечной нужи злой жили» (Памятн. Смутн. врем., 86); «Сам ты, Афонасей, видел, какая у меня денежная нужа...» (письмо кн. Н. И. Одоевского, 1684 г.).

Осаженъ вм. совр. «осажден»: «Крѣпко крепость Орешакъ высокая... отъ московскихъ войскъ осажена...» (Русск. Вѣд. 1703 г.).

Осужать — совр. *осуждать*: «Не осужай никого ни въ чемъ» (Домострой, 63).

Помочь — совр. *помощь*:

«...И тѣмъ Московскому государству и всему православному христіанству великую неизреченную помочь учинили» (Грам. Пожар.). «...Стрелцы къ нему на помочь въ село пришли» (Котош.).

Преже, прежь — совр. *прежде*. Форма отражаетъ только частичную русификацію (ср. «переже»; «опережать»).

2. ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО И ДРЕВНЕВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОГО СКЛОНЕНИЯ.

Типы склонения слов мужского рода.

о-основы.

Др. - слав.

Др. - вост. - слав.

ед. ч.

И. влькъ	вълкъ
Р. влька	вълка
Д. вльку	вълку, вълкови
В. влькъ	вълкъ, вълка
Т. влькомъ	вълкъмъ
М. вльцѣ	вълцѣ
З. вльче	вълче

дв. ч.

И. В. влька	вълка
Р. М. вльку	вълку
Д. Т. вълкома	вълкома

мн. ч.

И. вльци	вълци (вълкове)
Р. влькъ	вълкъ, вълковъ
Д. вълкомъ	вълкомъ
В. влькы	вълкы
Т. влькы	вълкы
М. вльцѣхъ	вълцѣхъ

jo (je)-основы и о-основы с -ц, з (з), явившимися из к и г после палатальных гласных:

Др. - слав.

Др. - вост. - слав.

ед. ч.

И. коѣь	конь
Р. коня	коня
Д. коню	коню (коневи)
В. коѣь	конь, коня

Т. КОНЕМЪ	КОНЬМЪ ...
М. КОИИ	КОНИ
З. КОНЮ	КОНЮ

ДВ. Ч.

И. В. КОНЯ	КОНЯ
Р. М. КОНЮ	КОНЮ
Д. Т. КОНЕМА	КОНЕМА

МН. Ч.

И. КОИИ	КОНИ
Р. КОИЬ	КОИЬ
Д. КОНЕМЪ	КОНЕМЪ
В. КОИМЪ	КОИЬ
Т. КОИИ	КОНИ
М. КОИИХЪ	КОИИХЪ

Др. - слав.

Др. - вост. - слав.

ЕД. Ч.

И. ОТЬЦЬ, КЪНАЗЬ	ОТЬЦЬ, КЪНЯЗЬ
Р. ОТЬЦА, КЪНАСА	ОТЬЦА, КЪНЯЗА
Д. ОТЬЦУ, КЪНАСУ	ОТЬЦЮ, ОТЬЦЕВИ, КЪНЯЗЮ, КЪНЯЗЕВИ
В. ОТЬЦЬ, КЪНАЗЬ	ОТЬЦЬ, ОТЬЦА, КЪНЯЗЬ, КЪНЯЗА
Т. ОТЬЦЕМЪ, КЪНАСЕМЪ	ОТЬЦЕМЪ, КЪНЯЗЕМЪ
М. ОТЬЦИ, КЪНАЗИ	ОТЬЦИ, КЪНЯЗИ
З. ОТЬЧЕ, КЪНАЖЕ	ОТЬЧЕ, КЪНЯЖЕ

ДВ. Ч.

И. В. ОТЬЦА, КЪНАСА	ОТЬЦА, КЪНЯЗА
Р. М. ОТЬЦУ, КЪНАСУ	ОТЬЦЮ, КЪНЯЗЮ
Д. Т. ОТЬЦЕМА, КЪНАСЕМА	ОТЬЦЕМА, КЪНЯЗЕМА

МН. Ч.

И. ОТЬЦИ, КЪНАЗИ	ОТЬЦИ, КЪНЯЗИ
Р. ОТЬЦЬ, КЪНАЗЬ	ОТЬЦЬ, КЪНЯЗЬ
Д. ОТЬЦЕМЪ, КЪНАСЕМЪ	ОТЬЦЕМЪ, КЪНЯЗЕМЪ
В. ОТЬЦА, КЪНАСА	ОТЬЦЬ, КЪНЯЗЬ
Т. ОТЬЦИ, КЪНАЗИ	ОТЬЦИ, КЪНЯЗИ
М. ОТЬЦИХЪ, КЪНАЗИХЪ	ОТЬЦИХЪ, КЪНЯЗИХЪ

Ъ-ОСНОВЫ (ОСНОВЫ НА И).

ЕД. Ч.

И. СЫНЪ	В. СЫНЪ	М. СЫНУ
Р. СЫНУ	Т. СЫНЪМЪ	З. СЫНУ
Д. СЫНОВИ		

дв. ч.

И. В. сыны
Р. М. сынову
Д. Т. сынъма

мн. ч.

И. сынове В. сыны
Р. сыновъ Т. сынъми
Д. (сынъмъ) М. (сынъхъ)

ь (i)-основы.

Др. - слав.

Др. - вост. слав.

ед. ч.

И. пѣть	путь
Р. пѣти	пути
Д. пѣти	пути
В. пѣть	путь
Т. пѣтьмь	путьмь
М. пѣти	пути
З. пѣти	пути

дв. ч.

И. В. пѣти	пути
Р. М. пѣтью, пѣтию	путью, путию
Д. Т. пѣтьма	путьма

мн. ч.

И. пѣтьє, пѣтиє	путьє, путиє
Р. пѣтьи, пѣтии	путьи, путии
Д. пѣтьмь	путьмь
В. пѣти	пути
Т. пѣтьми	путьми
М. пѣтьхъ	путьхъ

Основы на согласные.

ед. ч.

И. камы	днь
Р. камене	дње
Д. камени	дњи
В. камень	днь
Т. каменьмь	дньмь
М. камене	дње

дв. ч.

И. В. камени	дњи
Р. М. (камену)	дњу
Д. Т. каменьма	дньма

мн. ч.

И. камене	дъне
Р. каменъ	дънъ
Д. каменьмъ	дъньмъ
В. камени	дъни
Т. каменьми	дъньми
М. каменьхъ	дъньхъ

Др.-слав.

Др.-вост.-слав.

мн. ч.

И. граждане, жители	горожяне
Р. гражданъ, житель	горожянъ
Д. гражданиемъ	горожняномъ, горожямъ, горожнянемъ [?]
В. граждане	горожяни, горожяны
Т. граждане, жители	горожяны, горожами, горожнями
М. гражданехъ	горожанъхъ, горожахъ, горожанъхъ [?]

Типы склонения слов среднего рода.**о-основы.**

Др.-слав.

ед. ч.

И. В. З. село	
Р. села	
Д. селу	
Т. селомъ	др.-вост.-слав. <i>селъмь</i>
М. селѣ	

дв. ч.

И. В. селѣ
Р. М. селу
Д. Т. селома

мн. ч.

И. В. села
Р. селъ
Д. селомъ
Т. селы
М. селѣхъ

јо (је)-основы.**ед. ч.**

И. В. З. поле	
Р. поля	
Д. полю	
Т. полемъ	др.-вост.-слав. <i>польмь</i>
М. пољи	

дв. ч.

И. В. полѣи
Р. М. полю
Д. Т. полема

мн. ч.

И. В. поля
Р. полѣь
Д. полѣмъ
Т. полѣи
М. полѣихъ

Основы на с (s).

ед. ч.

И. В. З. слово
Р. словесе
Д. словеси
Т. словесьмъ
М. словесе

дв. ч.

И. В. словесѣ, тѣлеси
Р. М. словесу
Д. Е. (словесьма)

мн. ч.

И. В. словеса
Р. словесъ
Д. словесьмъ
Т. словесы
М. словесьхъ

Основы на н (n) и т (t).

ед. ч.

И. В. З. имѣ, отрочѣ
Р. имене, отрочѣте
Д. имени, отрочѣти
Т. именьмъ, отрочѣтьмъ
М. имене, отрочѣте

дв. ч.

И. В. именѣ, отрочѣтѣ
Р. М. имену, отрочѣту
Д. Т. именьма, отрочѣтьма

мн. ч.

- И. В. имена, отрочата
- Р. именъ, отрочать
- Д. именьмъ, отрочатьмъ
- Т. имени, отрочаты
- М. именьхъ, отрочатьхъ

Остатки ь (i)-основ.

дв. ч.

- И. В. очи, уши
- Р. М. очью, очию, ушью, ушию
- Д. Т. очима, ушима

Типы склонения слов женского рода.

ā-основы.

ед. ч.

- И. жена
 - Р. жены
 - Д. женѣ
 - В. женѣ
 - Т. женоѣ
 - М. женѣ
 - З. жено
- др.-вост.-слав. *жену*
др.-вост.-слав. *женою*

дв. ч.

- И. В. женѣ
- Р. М. жену
- Д. Т. женама

мн. ч.

- И. В. жены
- Р. женѣ
- Д. женамъ
- Т. женами
- М. женахъ

ĵā-основы и ā-основы с ц, с, возникшими из к, г после палатальных гласных.

Др.-слав.

Др.-вост.-слав.

ед. ч.

И. земля, овьца	земля, овьця
Р. землѣ, овьца	землѣ, овьцѣ
Д. землѣи, овьци	земли, овьци
В. землѣѣ, овьцѣѣ	землю, овьцю
Т. землѣѣѣ, овьцѣѣѣ	землею, овьцею
М. землѣи, овьци	земли, овьци
З. землѣ, овьце	земле, овьце

ДВ. Ч.

И. В. зем^ли, овьци

Р. М. землю

Д. Т. земляма

МН. Ч.

И. В. зем^ля, овьца др.-вост.-слав. *земль, овьць*

Р. зем^ль, овьць

Д. землямъ

Т. землями

М. земляхъ

ь-основы (основы на *i).

ед. ч.

И. В. кость

Р. кости

Д. кости

Т. костинѣ, костьѣ

др.-вост.-слав.

костю, костью

М. кости

З. кости

дв. ч.

И. В. кости

Р. М. костю, костью

Д. Т. костьма

мн. ч.

И. В. кости

Р. костии, костьи

Д. костьмъ

Т. костьми

М. костьхъ

Основы на р (г).

ед. ч.

И. З. мати

Р. матере

М. матери

В. матерь

Т. материнѣ

др.-вост.-слав. *материю,*

матерью

М. матери

дв. ч. не засвидетельствовано

мн. ч.

И. В. матери

Р. матеръ

Д. матерьмъ

Т. матерьми

М. (матерьхъ)

ы-основы (основы на \bar{y}).

ед. ч.

И. З.	црькы	
Р.	црькъве	
Д.	црькъви	
В.	црькъвъ	
Т.	црькъвиѡ	др.-вост.-слав. <i>църкъвию</i> , <i>църкъвью</i>
М.	црькъве	

дв. ч. не засвидетельствовано

мн. ч.

И. В.	црькъви
Р.	црькъвъ
Д.	црькъвамъ
Т.	(црькъвами)
М.	црькъвахъ

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ.

ед. ч.

И. азъ	ты	др.-вост.-слав. <i>я</i>
Р. мене	тебе, себе склоняется параллельно <i>ты</i>	диал. др.-вост.-слав. <i>мень, тебъ, себъ</i>
Д. мьнѣ, ми	тебѣ, ти	др.-вост.-сл. <i>тебъ</i> и <i>тобъ, себъ</i> и <i>собъ</i>
В. мене, мѧ	тебе, тѧ	диал. др.-вост.-слав. <i>мень, тебъ, себъ</i>
Т. мъноѡ	тобоѡ	
М. мьнѣ	тебѣ	др.-вост.-слав. <i>тебъ</i> и <i>тобъ, себъ</i> и <i>собъ</i>

дв. ч.

И. В. вѣ	ва	др.-вост.-слав. 2 л. <i>ва(?)</i> , <i>вы</i>
Р. М. наю	ваю	
Д. Т. нама, на вама, ва		

В Супр. рукоп. вин. п. 1 л.—*на*, 2 л.—*ва*
др.-вост.-слав. вин. пад. 1 л.—*наю*, *на*; 2 л.—*ваю*, *ва*

мн. ч.

И. мы	вы
Р. насъ	васъ
Д. намъ	вамъ др.-вост.-сл. <i>намъ</i> и <i>ны</i> , <i>вамъ</i> и <i>вы</i>
В. насъ, ны	васъ, вы
Т. нами	вами
М. насъ	васъ

ед. ч.

м. р. ср. р. ж. р.

И.	онъ оно	она	
Р.	его	ѣѡ	др.-вост.-сл. ж. р. <i>ѣѡ</i>
Д.	ему	ѣи	
В.	и; после управляющего		др.-вост.-слав. м. р. <i>и</i> ,
предлога	— <i>нѣ</i> ; ѣ	ѡ	<i>ѣѡ</i> , ж. р. <i>ю</i> , <i>ѣѡ</i>
Т.	имь	ѣѡ	др.-вост.-слав. ж. р. <i>ѣю</i>
М.	емь	ѣи	

К имен. пад. ср.: иже, еже, яже

дв. ч.

И.	она онѣ онѣ
В.	я и и
Р. М.	во всех родах ею
Д. Т.	» » » има

К именит. пад. ср.: яже, иже, иже

мн. ч.

И.	они она оны	
Р.	для всех родов ихъ	
Д.	» » » имъ	
В.	ѡ я ѡ	др.-вост.-слав. м. и ж. р. <i>ѡ</i>
Т.	для всех родов ими	
М.	» » » ихъ	

К им. пад. ср.: иже, яже, ѡже; др.-вост.-слав. жен. р. *ѡже*.

ед. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	
И.	тъ то	та	др.-вост.-сл. м. р. <i>тѣ</i> , <i>тѣтѣ</i>
Р.	того	тоѡ	др.-вост.-слав. ж. р. <i>тоѡ</i>
Д.	тому	тои	
В.	тъ то	тѣ	др.-вост.-слав. м. р. <i>тѣ</i> <i>тѣтѣ</i> , <i>того</i> , ж. р. <i>ту</i> , <i>тоѡ</i>
Т.	тѣмь	тоѡ	др.-вост.-слав. ж. р. <i>тою</i>
М.	томь	тои	

дв. ч.

И. В.	та тѣ
Р. М.	для всех родов тою
Д. Т.	» » » тѣма

МН. Ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.
И. ти	та	ты
Р. для всех родов	тѣхъ	
Д. » » »	тѣмъ	
В. ты	та	ты
Т. для всех родов	тѣми	
М. » » »	тѣхъ	

ед. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И. вьсь	вьсе	вьса, вься	ж. р. <i>вься</i>
Р. вьсею	вьсею		ж. р. <i>вьсею</i>
Д. вьсею	вьсею		
В. вьсь	вьсе	вьсѣ, вьсѣ	ж. р. <i>вьсю</i>
Т. вьсѣмъ	вьсѣмъ		ж. р. <i>вьсею</i>
М. вьсемъ	вьсею		

МН. Ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И. вьси	вьса, вься	вьсѣ	ср. р. <i>вься</i> , ж. р. <i>вьсѣ</i>
Р. для всех родов	вьсѣхъ		
Д. » » »	вьсѣмъ		
В. вьсѣ	вьса, вься	вьсѣ	м. р. <i>вьсѣ</i> , ср. р. <i>вься</i> , ж. р. <i>вьсѣ</i>
Т. для всех родов	вьсѣми		
М. » » »	вьсѣхъ		

кѣто

чѣто

И. кѣто	чѣто
Р. кого	чесо, чѣсо, чесого
Д. кому	чему, чѣсому, чесому
В. кого	чѣто
Т. цѣмъ	чимъ
М. комъ	чемъ, чесомъ

СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ.

м. р.	ср. р.	ж. р.
И. В.	дѣва	дѣвѣ
Р. М. для всех родов	дѣвою	
Д. Т. » » »	дѣвѣма	

м. р.	ср. р.	ж. р.
И. трие, трье		три
Р. для всех родов		трии, трии
Д. » » »		трѣмъ
В. » » »		три
Т. » » »		трѣми
М. » » »		трѣхъ

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.		четыре	четыри
Р.	для	всех родов	четырь (четырь)
Д.	»	»	четырьмъ
В.	»	»	четыри
Т.	»	»	четырьми
М.	»	»	четырьхъ

СКЛОНЕНИЕ ЧЛЕННЫХ ФОРМ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Основы на о и на ā.

ед. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И. новѣи, новыи,	новое	новая	
Р. новаего	как м. р.	новыѧ	м., ср. р. <i>нового</i> , ж. р. <i>новойѣ</i> , <i>новыѣ</i>
Д. новуему	как м. р.	новѣи	м., ср. р. <i>новому</i> , ж. р. <i>новойи</i> , <i>новыѣ</i>
В. новѣи, новыи	новое	новыѧ	ж. р. <i>новую</i>
Т. новыимъ	как м. р.	новыѧ, новоѧ	м., ср. р. <i>новыимъ</i> , <i>новыѣ</i> , ж. р. <i>новою</i>
М. новѣемъ	»	»	м., ср. р. <i>новомъ</i> , <i>новыѣ</i> , ж. р. <i>новойи</i> , <i>новыѣ</i>

дв. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	
И. В. новая	новѣи	как	сред. р.
Р. М. новую	как муж. р.		<i>новою</i>
Д. Е. новыима	»	»	<i>новыма</i> , <i>новыима</i>

мн. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	
И. новии	новая	новыѧ	ж. р. <i>новыѣ</i>
Р. новыихъ	как муж. р.		<i>новыихъ</i> , <i>новыицъ</i>
Д. новыимъ	»	»	<i>новыимъ</i> , <i>новыими</i>
В. новыѧ	новая	новыѧ	м., ж. р. <i>новыѣ</i>
Т. новыими	как муж. р.		<i>новыими</i> , <i>новыими</i>
М. новыихъ	»	»	<i>новыихъ</i> , <i>новыицъ</i>

Основы на јо, јā.

ед. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И. синѣи, синѣи	синее	синяя	
Р. синяего	как муж. р.	синяѧ	м., ср. р. <i>синего</i> , ж. р. <i>синей</i>
Д. синюему	»	»	м., ср. р. <i>синему</i> , ж. р. <i>синей</i>

В. $\widehat{\text{сйнѣ}}$, синии синее	синѣѣ м. р., ср. р. <i>синѣи, синѣи</i> или <i>синего</i> , ж. р. <i>синюю</i>
Т. $\widehat{\text{синиимѣ}}$ как муж. р.	синѣѣ, м., ср. р. <i>синимѣ, синиимѣ</i> , синѣѣ ж. р. <i>синюю</i>
М. ($\widehat{\text{синиѣмѣ}}$) $\widehat{\text{синиимѣ}}$	синѣи м., <i>синемѣ</i> , ж. р. <i>синѣи</i>

дв. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-сл.
И. В. синяя	$\widehat{\text{синѣи}}$	как ср. р.	
Р. М. синюю	как муж. р.	р.	<i>синюю</i>
Д. Т. $\widehat{\text{синѣима}}$	» »	»	<i>синѣима</i> и <i>синѣима</i>

мн. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И. $\widehat{\text{синѣи}}$	синяя	синѣѣ	ж. р. <i>синѣѣ</i>
Р. $\widehat{\text{синѣихѣ}}$	как муж. р.		<i>синѣѣхѣ, синѣѣхѣ</i>
Д. $\widehat{\text{синѣимѣ}}$	как муж. р.		<i>синѣѣмѣ, синѣѣмѣ</i>
В. синѣѣ	синяя	синѣѣ	м., ж. р. <i>синѣѣ</i>
Т. $\widehat{\text{синѣими}}$	как муж. р.		<i>синѣѣми, синѣѣми</i>
М. $\widehat{\text{синѣихѣ}}$	» »	»	<i>синѣѣхѣ, синѣѣхѣ</i>

СКЛОНЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ.

Причастия наст. вр. действ. зал. (нечленные формы).

ед. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	веды	ведѣщи ¹	м. и ср. р. <i>веда</i> ж. р. <i>ведучи</i>
Р.	ведѣща	ведѣща	
Д.	ведѣщу	ведѣщи	
В. ведѣщѣ	веды (ведѣще)	ведѣщѣ	
Т.	ведѣщемѣ	ведѣщемѣ	
М. для всех родов	ведѣщи		

дв. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.
И. В. ведѣща	ведѣщи	
Р. М. для всех родов	ведѣщу	
Д. Т. ведѣщема	ведѣщема	

¹ щ = шт.

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	ведѣше	ведѣша	ведѣша
Р.	для всех родов	ведѣшь	
Д.	ведѣщемъ		ведѣщамъ
В.	ведѣща	ведѣща	ведѣща
Т.	ведѣщи		ведѣщами
М.	ведѣщихъ		ведѣщахъ

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	читаю		читающи
Р.	читающа		читающа

и далее с той же основой и с окончаниями теми же, что и у *веды, ведѣщи*¹.

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	хваляю		хвалящи др.-вост.-слав. м. и ср. р. <i>хваля</i> , ж. р. <i>хвалячи</i>
Р.	хваляща		хваляща — м. и ср. р. <i>хваляча</i> , ж. р. <i>хвалячь</i> и далее с окончаниями (флексиею) теми же, что и у других основ.

¹ В соответствии щ старославянского языка в вост.-славянском — фонетический рефлекс ч. Ст.-слав. окончаниям на ѡ соответствует ѣ.

3. ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО И ДРЕВНЕВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОГО СПРЯЖЕНИЯ.

Изъявительное наклонение.

Настоящее время.

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
	ед. ч.
1. ведѣ	веду
2. ведешѣ	ведешѣ, ведешь
3. ведеть	ведеть, веде
	дв. ч.
1. ведевѣ	ведевѣ, ведева
2. ведета	} ведета
3. ведете	
	мн. ч.
1. ведемъ	ведемъ, ведемы, ведемо, ведеме
2. ведете	
3. ведѣтъ	ведуть, веду
	ед. ч.
1. велѣ	велю
2. велиши	велиши, велишь
3. велить	велить
	дв. ч.
1. веливѣ	веливѣ, велива
2. велита	} велита
3. велите	
	мн. ч.
1. велимъ	велимъ, велимы, велимо, ве-
2. велите	лиме
3. велѣтъ	велятъ
	ед. ч.
1. есмь	есмь; есми с XIV в.
2. еси	
3. есть	есть, е

ДВ. Ч.

1. есвѣ	есвѣ, есва
2. еста	
3. есте	еста

МН. Ч.

1. есмь	есмь, есмы, есмо, есме; есмя с XIV в.
2. есте	
3. сѣть	суть, су

ЕД. Ч.

1. дамь	
2. даси	
3. дасть	дасть

ДВ. Ч.

1. давѣ	давѣ, дава
2. даста	
3. дасте	даста

МН. Ч.

1. дамь	дамь, дамы, дамо, даме
2. дасте	
3. дадатъ	дадять, дадя; дадутъ, даду с XIV в.

Преходящее (imperfectum).

Др.-слав.

Др.-вост.-слав.

ЕД. Ч.

1. ведѣахъ зѣваахъ (зовѣахъ) ведяхъ, ведяхъ; зѣваахъ, зѣвахъ
2. ведѣаше зѣвааше (зовѣаше) ведяше, ведяше
3. ведѣаше зѣвааше (зовѣаше) ведяше (ть), ведяше (ть)¹.

ДВ. Ч.

1. ведѣаховѣ; зѣвааховѣ
(зовѣаховѣ)	ведяховѣ; ведяхова;
зѣваховѣ, зѣвахова
2. ведѣашета; зѣваашета
(зовѣашета) ²	
3. ведѣашете; зѣваашете
(зовѣашете) ²	ведяста; зѣваста ³

¹ Ниже приводятся только стяженные формы.

² Наряду с формами типа *-шета*, *-шете*, в старославянском существовали и формы с окончаниями *-ста*, *-сте*.

³ Изредка *-шета* (2 л. дв. ч.) и *-шете* (2 л. мн. ч.), в сев.-русских памятниках XIII—XIV вв. встречаются формы на *-шьте*, *-шьта*.

МН. Ч.

1. ведѣахомъ; зъваахомъ
(зовѣахомъ)	ведяхомъ (-ы, -о, -е);
зъвахомъ (-ы, -о, -е)
2. ведѣашете; зъваашете
(зовѣашете) ²	ведясте; зъвасте ¹
3. ведѣахѣ; зъваахѣ
(зовѣахѣ)	ведяху(тъ); зъваху(тъ)

ЕД. Ч.

1. моляхъ; велѣахъ
моляхъ; веляхъ и т. д.
2. моляше; велѣаше
3. моляше; велѣаше

ДВ. Ч.

1. моляховѣ; велѣаховѣ
2. моляшета; велѣашета ²
3. моляшете; велѣашете ²

МН. Ч.

1. моляахомъ; велѣаахомъ
2. моляашете; велѣашете ²
3. моляахѣ; велѣаахѣ

Аорист.

Др.-слав.

Др.-вост.-слав.

ЕД. Ч.

1. вѣсѣ, ведохъ	ведохъ
2. веде	
3. веде	

ДВ. Ч.

1. вѣсовѣ, ведоховѣ	ведоховѣ, ведохова
2. вѣста, ведоста	ведоста
3. вѣсте, ведосте	ведоста

МН. Ч.

1. вѣсомъ, ведоахомъ	ведоахомъ, ведоахомы, ведоахомо,
ведоахоме
2. вѣсте, ведосте	ведосте
3. вѣса, ведоша	ведоша

ЕД. Ч.

1. молихъ	велѣхъ
2. моли	велѣ
3. моли	велѣ

¹ См. сноску ³ на стр. 461.

² См. сноску ² на стр. 461.

	дв. ч.	
1. молиховѣ	велѣховѣ	
2. молиста	велѣста	
3. молисте	велѣсте	молиста, велѣста

	мн. ч.	
1. молихомъ	велѣхомъ	молихомъ, молихомы, молихомо, молихоме
2. молисте	велѣсте	
3. молиша	велѣша	велѣша

	ед. ч.	
1. зъвахъ	дахъ	
2. зъва	да	
3. зъва	да, дасть	

	дв. ч.	
1. зъваховѣ	даховѣ	
2. зъваста	даста	
3. зъвасте	дасте	<i>зъваста, даста</i>

	мн. ч.	
1. зъвахомъ	дахомъ	<i>дахомъ, дахомы дахомо, дахоме</i>
2. зъвасте	дасте	
3. зъваша	даша	<i>даша</i>

Повелительное наклонение.

2 л. ед. ч. веди; рьци

	дв. ч.
1. ведѣвѣ; рьцѣвѣ	
2. ведѣта; рьцѣта	

	мн. ч.
1. ведѣмъ; рьцѣмъ	
2. ведѣте; рьцѣте	

2 л. ед. ч. моли; вели

	дв. ч.
1. моливѣ	веливѣ
2. молита	велита

	мн. ч.
1. молимъ	велимъ
2. молите	велите

	ед. ч.	
2 л. даждь	др.-вост.-слав.	<i>дажь, даи</i>

дв. ч.

1. дадивѣ	др.-вост.-слав.	<i>дадивѣ, дадива</i>
2. дадита		

мн. ч.

1. дадимъ	др.-вост.-слав.	<i>дадимъ, дадима,</i>
2. дадите		<i>дадимы, дадимо</i>

АНАЛИТИЧЕСКИЕ (СЛОЖНЫЕ) ФОРМЫ.

Др.-слав.

Др.-вост.-слав.

Будущее I.

имаѣмъ, хоцѣмъ, начѣмъ вести	иму, хочу, начѣну, буду
вести и т. д. |
|------------------------------|--|

Будущее II.

бѣдѣмъ велѣ, вела, вело и т. д.;	буду велѣ, вела, вело и т. д.;
бѣдѣмъ пришьѣмъ, пришьѣла,
пришьѣло и т. д.	буду пришьѣмъ, пришьѣла,
пришьѣло и т. д.

Прошедшее сложное (perfectum).

- есѣмъ велѣ, вела, вело и т. д.;
- есѣмъ пришьѣмъ, пришьѣла,
пришьѣло и т. д.

Давнопрошедшее (plusquamperfectum).

бѣахъ (бѣхъ) велѣ, вела,
вело и т. д.;	бѣахъ велѣ и т. д., есѣмъ
былѣ велѣ и т. д.
бѣахъ пришьѣмъ, пришьѣла,
пришьѣло и т. д.	

Условное (сослагательное) наклонение.

Др.-слав.

Др.-вост.-слав.

ед. ч.

1. бимъ велѣ, -а, -о	быхъ велѣ, -а, -о и т. д.
2. би » » »	
3. би » » »	

дв. ч.

1. бивѣ вела, -ѣ, -ѣ
2. биста » » »
3. бисте » » »

МН. Ч.

1. бимъ вели, вель, вела
2. бисте » » »
3. бж » » »

Причастия прош. врем. действ. зал. (нечленные формы).

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	ведь		ведъши	' '
Р.	ведъша		ведъша	жен. р. <i>ведъшь</i>
			и т. д.	
И.	хваливъ		хваливъши	
Р.	хваливъша		хваливъша	жен. р. <i>хваливъшь</i> и т. д.

4. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭТИМОЛОГИЗИРОВАНИИ И ЕГО ПРЕДПОСЫЛКАХ.

Наряду с собственно историческим изучением языка — изучением отражения истории языка в памятниках, другим видом исторического исследования является сравнительно-исторический анализ фактов. Этот анализ базируется, прежде всего, на установлении родства определенных языков и на признании за этим фактом необходимости допустить, что соответствующие языки представляют продукт эволюции некоторой в прошлом более или менее близкой к единству языковой системы. Важную роль при реконструкции этой гипотетической системы играют приемы так называемого этимологизирования, т. е. установления первоначального значения (греч. *étymon*) и звучания слов, известных из нескольких родственных языков как сходные по смыслу и по внешней форме.

Все такого рода изыскания предполагают несколько ведущих приемов работы. Для того чтобы установить с достаточной вероятностью (а в этой области возможны по самой ее природе только вероятности, более и менее высокие), каким было исходное значение слова и какой путь пройден им от этого исходного значения ко всем позднейшим, нужно знать или угадать его былые материальные связи (историю соответственных вещей), опереться на достаточно достоверные аналогии того, какие связи и переходы значений вообще наблюдаются в языках, использовать прямые показания памятников языка, какие изменения значений в нем совершались, и, пользуясь понятием фонетического закона (т. е. обычно действующих в языках фонетических закономерностей), проверить правдоподобность предполагаемых для звуковой истории слова переходов и в конечном счете реконструкцию его древнейшего вида. Практика такого рода работы — этимологизирования — допускает обыкновенно операции отдельно — историей смысла и отдельно — звуковой историей слов. Но несомненно, что такое обращение с материа-

дом закономерно, т. е. обеспечивает правильные выводы, далеко не всегда. Наличие, например, образовавшихся по тем или другим причинам звуковых дублетов имеет обыкновенно результатом в языке, если позже не происходит исчезновения одного из дублетных слов, дифференциацию их значений: за одним словом закрепляется одно значение, за другим — разившееся в несколько отличном направлении другое. Так, для немецкого языка, в котором действовал фонетический закон Umlaut'a — смягчения известных гласных перед следующим слогом с гласными переднего ряда (ср. отношения: Buch : Bücher, Wald : Wälder), характерны остатки былых отношений в виде образовавшихся после различных выравниваний дублетов: Zunder «окалина»: Zünder «трут» (тот и другой — к zünden «зажигать»); fest «прочный»: fast «почти»¹.

Такие зависимые от фонетической дифференциации позднейшие изменения значений носят название коррелятивных.

Еще важнее учет звуковой истории слов для истории значений в другом отношении. Знание фонетических законов часто дает нам в руки, во-первых, средство вместе с восстановлением древнейшего внешнего облика слова установить и смысловые ассоциации, в которых слово находилось раньше и которые оказались разорванными позже, и, во-вторых, установленные для определенных языков фонетические законы — очень надежное предостережение против всегда возможных случайных сближений между значениями, на самом деле не бывшими между собою в связи.

Стараясь, например, установить этимологию — древнейшее значение слова *пшено*, мы должны применить к нему, вместе с возможным формальным анализом, известные нам по другим словам и формам фонетические законы. В старославянском, наиболее архаичном из славянских языков, это слово звучит «пъшено». Так как обычно корень односложен, в слове естественнее всего различить части: *пъш-ен-о*. Звук *ш* в славянских языках может восходить по своему происхождению или к смягченному *х* или к *с* (*s*) + *й* (*j*); ср. отношения *дух* : *душа* (из **duch-ja*), *пух* : *пушок* (из **puh-ькъ*); *писать* : *пишет* (из **pis-je-tь*), *чесать* : *чешет* (из **čes-je-tь*). Сличение с другими индоевропейскими языками, например, с таким архаичным, как литовский, показывает, что и славянское *х* (*ch*) не первично, а произошло в определенных условиях (после *і*, *u*, *г*, *k*) из *с* (*s*): литов. *blūsà* : русск. *блоха*; литов. *saĩsas* : русск. *сух(ой)*; литов. *daĩsos* : русск. *дух*. Древнейшему славянскому гласному *ь* в других индоевропейских языках фонетически соответствует короткое *i*. Восстанавливаем, таким образом, для *пъш-* древнейшую форму в виде **pis-* и ищем соответствий ей в других языках. Законы «чередований», т. е.

¹ В последнем примере распространенный в языках переход от уверенности к приближительности.

существующих отношений звуков (фонем) в родственных по смыслу словах, позволяют предположить как очень распространенное отношение: *i* краткое: *i* долгое: *ei*: *oi*. Находим: в литовском *paissai*¹ «толку (ячмень)», в санскрите — *pistas* «толченый» и под. В конечном счете, таким образом, слово *пшено* «крупа из проса» оказывается имевшим по смыслу связь с глаголом, значившим «толочь» (ср. *пихать* — этого же корня); первоначальный смысл — «толченное» (-еп- — суффикс причастия страдательного залога). Сходный путь значений констатируется для персидского: имя существительное *rist* значит в нем теперь «мука».

В семасиологическом отношении похожа на только что описанный корень история слова *мука*. Как видно из старославянского *мѣка* и пол. *mecka*, первоначально в корне слова не *у*, а носовой гласный (*q*). Старое славянское чередование *о:е* ведет к параллельному корню — *meck-*. Его мы находим в славянском прилагательном: русск. *мяжок* (мягкий < мякький): ст.-слав. *макъкъ* (с носовым *е*). Сличение с другими индоевропейскими языками укажет нам глагольный корень: литов. *pinkau* «мну, мешу», англосакс. *menpan*, др.-сакс. *mengian*, др.-в.-нем. *mengen* «мешать», санскр. *masate* «раздробляет» (из **mṛk-etai*). Сходное со славянским отношение значений находим в литовском: *pinkštas* «нежный; мягкий», *meikas* «маленький, незначительный».

Русское слово *надменный* — по происхождению церковнославянизм. Удаляя из него хорошо известные формальные элементы, получаем корень *дм*. Что значит он? Сличение с укр. *дму* «дую» (к глаголу *дути*) и с другими сходными формами славянских языков дает возможность установить этимологию слова — оно значило первоначально «надутый». Отношение *дм* — к *ду* в *дуть* объясняется фонетически: *дм* — остаток бывшего корня, заключавшего между *д* и *м* еще так называемый редуцированный (очень краткий, «глухой») гласный звук, который обозначался буквой *ъ*. В положении перед согласными звуками сочетания из гласного и носового согласного (*m* или *n*) образовались особые носовые гласные; гласные заднего ряда, к которым относятся и *ъ* и чередовавшиеся с ним *q*, *q̄*, в подобном положении выступали в виде *q* (носового *o*); ср. ст.-слав. *дѣти* «дуть», пол. *dać*. В русском языке древнейший славянский звук *q* перешел в *и* (*у*), и соответствующее слово стало звучать *дуть*. Итак, *надменный* — из *надъменьный* «надутый» — причастия к глаголу *дъмѣж* «дую»: *дѣти* «дуть». К этому же корню восходит относящееся к совсем другой сфере значений слово *домна* «доменная печь», засвидетельствованное в памятниках языка в виде *домница* с 1563 года; ср. выражение «задуть новую домну». Славянский корень *дъм-* (*d̄ym*) имеет соответствие себе в других индоевропейских языках. Ему точно соответствует по законам сравнительно-исторической фонетики

¹ Литов. *ai* — из древнейшего индоевропейск. **oi*.

литов. *dūmti* «веять, сдувать»: наст. вр. изъяв. накл. *dūmiū* (ср. производное слово *dūmplės* «мех»). Другая ступень чередования (соответствующая гласному *o*) отражена, например, в санскр. *dhāmati* «дует» (в индо-иранских языках древнейшему *o* соответствует звук *a*), новоперс. *dam* «дыхание».

Русское слово *пестрый* имеет себе точное соответствие в виде старославянского *пъстръ*. Этимологию слова устанавливают путем следующих соображений. Между *с* (*з*) и *р*—*т* является, как показывает физиология речи, вставным (непервоначальным) звуком; ср., например, распространенное среди малограмотных людей произношение «срам» в виде *страм*; приобрет-у, но *вс-т-ре-т-ить*, и под. Конечное *р* основы — старый формант (суффикс), утративший свою производительность. Его былая функция еще может быть опознана в таких прилагательных, как *мокр(ый)* (ср. *мокнуть*), как *хитр(ый)* (др.-русск. хытръ), производное от глагола *хитить* (др.-русск. хытити) с первоначальными значениями «хватать; спешить» и под., *бодр(ый)* (ст.-слав. бѣдръ), производное от глагола *бѣть* «бодрствовать, не спать» (ст.-слав. бѣдѣти).

Корень *пѣс-* находится в закономерном чередовании с *пис-* («писать»); это уясняет первоначальное значение слова, как «исписанный, исчерченный». Поскольку к чередованиям этого типа принадлежат еще «индоевр. *eǐ : *oiǐ», в круг родственных этому корню слов попадают еще литов. *piešti* «писать, чертить» (из *rēik-), *raišas* «пятно от сажи» (с *ai* из *oi); санскр. *piṁṣati* «украшает; убирает; образует» (с вставным *m*).

Научно не подготовленные люди иногда любят этимологизировать, произвольно сближая между собою значения слов, между которыми никакой связи на самом деле никогда не было. Такого рода этимологизирование, когда из него делаются те или другие выводы исторического, этимологического и под. характера, превращается из игры, которою оно может представляться специалисту-лингвисту, в очень опасные псевдонаучные упражнения, вводящие в обиход то, что принимается за науку, — не заслуживающие никакого внимания выдумки.

К сожалению, история науки и даже совсем недавнего времени оказалась не свободной от злоупотребления псевдонаучными фантазиями в этой области. У нас они связаны с именем Н. Я. Марра и его последователями и хорошо охарактеризованы И. В. Сталиным: «Метод» Марра, по словам товарища Сталина, «толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»¹.

Знание фонетических законов славянских языков могло бы с успехом предохранить хотя бы против таких невозможных с точки зрения сравнительной грамматики сближений, как пол.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 28.

guch, укр. рух «движение» и рука, сближений, на которых Марр и его последователи строили свои решительные заключения по истории первобытного общества и под. Компаративист, зная, что пол. guch и родственные ему слова: guszyc «трогать», укр. рухати «двигать» и под. имеют в корне звук **u**, а ст.-слав. рѣка, пол. гѣка — носовой гласный и что его согласные **ch** и **k** не находятся друг с другом в чередовании, должен был бы категорически отклонить подобное сближение. Совершенно неправдоподобно выдумкою сведущему лингвисту должно было представляться и такое; например, объяснение слова *барсук*, которое настойчиво предлагал один из последователей Марра: будто это не заимствование из тюркских языков, как хорошо установлено в науке, а сложное слово из «бор-сук», т. е. «боровая собака». Изобретателя этой этимологии, не говоря о многом другом, не смущало, что если что-либо подобное и могло существовать в виде *богъсукъ, то по фонетическому закону украинского языка, в котором слово в виде *борсук* именно и существует, **o** в закрытом слоге такого искомого слова должно было бы перейти в **i**; ср. *віл* «вол», *вівця* из «овьца» и под.

Из сказанного ясно, что научное этимологизирование предполагает строгий учет фонетических соответствий, существующих между родственными языками. Слова, однако, могут быть схожи одно с другим по звукам и по значению, но если сходство по звукам не отвечает определенным фонетическим закономерностям, оно обычно оказывается случайным. Польское, напр., слово *paczelnik* значит «начальник»; «начальник» же значит чешское *pácelník*, тем не менее они этимологически не родственны этому русскому слову, так как последнему по законам сравнительной фонетики в польском должен был бы соответствовать не **e**, а носовой гласный (ср. русск. *на-ча-ть* и пол. *za-czą-ć*): русск. *начальник* — слово того же корня, что и *начало* (ср. устар. «быть под чьим-либо началом»), а польское и чешское — имеют корень, общий с русск. (архаич.) *чело*, украинским *чоло* «лоб» и т. д. (ср. укр. *стояти на чолі* «стоять во главе чего-нибудь»). Русские слова *разрядить* и *разредить* в связных текстах могут выступать как очень близкие между собою: «разрядить атмосферу» — «разредить воздух», однако, первое с его **-я-** (**a** с мягкостью предшествующего согласного) относится к группе слов с корневым *ряд-*, а второе — к корню *ред-*, сохраняющемуся в слове *редкий*. Близки друг другу по значению наречия *вперемешку* и *вперемежку*, но по происхождению они относятся к разным корням: первое связано с *мешать* (корень — *мех-*: *помеха*; йотированное **x** в славянских языках фонетически дает **ш**); второе — с *меж-* (*перемежаться*, ср. *межа*; **ж** в этом слове восходит к древнейшей славянской группе **d + j**: лат. *medius* «средний»).

Долгое время общеславянское слово *groza* (ср. русск. *гроза*) сопоставляли с литовскими *grasùs* «отвратительный», *grasà* «от-

вращение», несмотря на то, что по законам фонетических соответствий литовскому *s* не может отвечать славянское *z*. В настоящее время обнаружено точное (закономерное) соответствие: как и следовало ожидать, славянскому *z* в литовском соответствует *ž*: *gražóti* «угрожать».

Такого рода методический учет не исключает, правда, иногда сомнений, не является ли, всё-таки, то или другое слово, точно фонетически соответствующее данному, на самом деле неродственным ему; например, слово *мочало* «размоченный и разобранный на волокна липовый луб» очень естественно сопоставляют с *мочить* (ср. *мочалка*; мочало, к тому же, дерут из размоченного луба), и тем не менее здесь, по-видимому, случайное совпадение: *мочало* — того же корня, что и *мычка* (корень *мжк-*, чередующийся с *мыкать* «драть, разделять на волокна») «прядь волокон». Серб. *бура* «север, северный ветер» фонетически не отличается от славянских слов типа русск. *буря*, а между тем восходит, по-видимому, не к общеславянской форме, а заимствовано из итал. *бога*. Можно колебаться — связано ли русское слово *плотный* с *плот* «скрепленные бревна и т. д.» или с *плоть* «мясо» (ст.-слав. *плъть*), и под. Но, при всей возможности подобных сомнений, именно обращение к фонетическим признакам связанности или несвязанности между собою сопоставляемых слов, как показывает история языкознания, играет в высшей степени важную роль средства, ограничивающего при этимологизировании индивидуальный произвол, субъективность возможных догадок.

В области значения этимологизирование предполагает учет вероятности принимаемых переходов. Эта вероятность (абсолютные, бесспорные утверждения в этой области относительно редки) базируется на наличии большего или меньшего числа аналогичных смысловых связей (переходов), констатируемых в нескольких языках (наречиях) или в разные эпохи того же самого языка (иногда — как случаи переносного употребления в языке отдельных писателей или вообще у говорящих). Можно, напр., с очень высокой степенью вероятности этимологически сближать русск. (и инославянское) *скот* с нем. *Schatz* (др.-верхне-нем. *scaz.*, готск. *skatts* «монета, деньги», др.-северногерманск. *skattr* «подать; пошлина»): аналогии такой связи значений в языках многочисленны: лат. *ресипи́а* «деньги», — *ресус* «скот», англ. *fec* «гонорар, жалование, чаевые», англо-сакс. *fech* «скот». В древнерусском языке *скотъ*, действительно, встречается и в нынешнем значении «деньги» (в «Русской правде»).

Слова группы *чермный*, *червоный* признаются родственными словам типа *сьгть* «червь; карбункул», *червяк*, и такое сопоставление имеет за себя все вероятности фонетического, словообразовательного и семантического характера. С фонетической стороны славянской группе *сьг-* в других индоевропейских языках должны, по законам сравнительной грамматики, соответствовать

kg, kig и под., и это мы действительно имеем в виде др.-инд. kṛmīś «червь», новоперс. kirm «червь», литов. kirmis «червяк». Со стороны словообразовательной в индоевропейских языках действует закон, по которому два сонорных согласных не могут вместе (рядом) заключать корень; поэтому к корню должно относиться здесь только съг- (в других образованиях — v), а m должно быть выделено как именной словообразовательный элемент; ср. русск. червь, чеш. červ и т. д. Связь значений «красный» и червь с съгть объясняется исторически и имеет параллель себе в других языках: из червей Coccus ilicis и Coccus Polonicus добывалась красная (пурпурная) краска; подобные отношения отложились и в романских языках: лат. vermīcilus «червячок»; итал. vermiglio «1) кошениль; 2) алый, румяный, ярко-красный», фр. vermeil «румяный, алый».

И еще один пример: славянский корень — bliz-: *близко, вблизи* и под. считают родственным латинскому глаголу fligere «бить», латышск. blaižīt «сжимать; бить» (отношения консонантизма: лат. f: латыш. b: слав. b: индоевр. *bh). В качестве семантических параллелей приводят: гр. ánchi (ágchi), ánchu (agchī) «близко»: ánchō (ágchō) «душу, давлю», др.-англ. getenge «находящийся вблизи»: др.-сакс. bi-tengi «давящий»; фр. près «близко», итал. presso «близко»: лат. pressus «сдавленный».

Очень важный среди другого момент при этимологизировании — правильный учет элементов, позже утративших свое былое специальное морфологическое значение и иногда представляющихся поэтому тому, кто их наблюдает теперь, нераздельною частью корня. Знание, по крайней мере некоторых, фонетических особенностей древнейшей структуры индоевропейских корней, как она обнаруживается путем широкого сличения фактов соответствующих языков, в ряде случаев позволяет надежно отслоить былые, утратившие свою определенность морфемы слова и после такого отслоения обнаружить связь между собою смысловую и фонетическую слов, которые теперь не кажутся похожими друг на друга. Среди других особенностей древнейшего индоевропейского слова важно, например, как уже сказано, что один с другим непосредственно не сочетались так называемые сонанты (r, l, m, n, j, u)¹. Поэтому, сопоставляя, например, русское слово (в основном известное и другим славянским языкам) *мил* (ср. и *мило* и др.) с литовским mielas и meilė «любовь» и заключая на основании известных фонетических соотношений между этими языками, что данные слова этимологически родственны, с чем вряд ли не захочет кто-либо согласиться и по непосредственному впечатлению, «настоящий» (т. е. древнейший) его корень заподозрим в другом виде: с *mej l искони сочетаться не могло: l,

¹ Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (русс., пер., М.—Л., 1938), стр. 92.

таким образом, по-видимому, остаток бывшего омертвевшего морфологического элемента — как его легко восстановить по известным нам аналогиям, -lo-. Отслаивая его, получаем корень *mej и приобретаем, следовательно, уже некоторое право сопоставлять слово *miľ «милый» с такими, как древнеинд. maу-as «роскошь, радость», и под. Сходным образом рассуждаем по поводу слова ум (*ишь). Так как слав. **ц** восходит к древнейшему индоевр. *оц, то в сонанте m этого слова приходится видеть начало морфологического элемента, вошедшего в состав корня, — предположительно -mo-. Корневую часть (*оц-) в ее рефлексах находим в более независимом виде в др.-инд. avati «наблюдает (за кем-нибудь, за чем-нибудь)». Конечно, убедительность получаемых этимологий зависит еще от того, в какой мере можно непосредственным сравнением выделить в других словах предполагаемые старинные словообразовательные элементы. Ясно, например, что суффикс -lo- вероятнее (ср. греч. -lo-s, санскр. -las и под.), чем -mo-, которое можно выделить в относительно немногочисленных словах.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Для критического использования)

Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, изд. пятое. I. Этимология. II. Синтаксис, М., 1881.

А. А. Потехня, Из записок по русской грамматике. I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены, изд. 2, Харьков, 1888.

Его же, III. Об изменении значения и заменах существительного, X., 1899.

Его же, IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.—Л., 1941.

А. Попов, Синтаксические исследования, Воронеж, 1881.

А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4., М., 1907.

А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, П., 1915.

Его же, Введение в курс истории русского языка, ч. I. П., 1916.

Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М. Л., 1924.

Его же, Введение в историю русского языка, часть I, Источники... Вгпо. 1927.

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2, М., 1938.

С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М. Л., 1946.

Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века. II, Киев, 1948.

Последний, в измененном виде, под названием «Русский литературный язык первой половины XIX века.—Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис» вышел отдельно в Москве, в 1954 году.

Л. П. Якубинский, История древнерусского языка. С предисловием и под ред. акад. В. В. Виноградова. Примечания проф. П. С. Кузнецова, М., 1953.

П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология, Москва, 1953.

П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк, изд. второе, М., 1954.

И. А. Василенко, Историческая грамматика русского языка. Сборник упражнений, М., 1956.

ХРЕСТОМАТИИ.

Ф. И. Буслаев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861.

Его же, Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, 13 изд., 1917.

С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка. Часть первая, Л., 1938.

Их же, Часть вторая, вып. второй, М., 1948.

Их же, Часть вторая, вып. первый, М., 1950.

Н. К. Гудзий, Хрестоматия по др.-рус. лит. XI—XVII вв., М., 1952.

Из важных собраний материала могут быть названы:

Акты, относящиеся до юридического быта древней России, под ред. Н. Калачова, I—1857 г., II—1864 г., III—1884 г.

Архив П. М. Строева. Том I, 1915 г., том II—1917.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.—Подготовил к печати Л. В. Черепнин.—Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1950 г.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова.—Подготовили к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская под ред. С. Н. Валка.—Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1949 г.

Памятники русского права. Выпуск первый. Под ред. заслуж. деятеля науки проф. С. В. Юшкова.—Памятники права Киевского государства X—XII вв.—Составитель доцент А. А. Зимин, М., 1952.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, Л.—М., 1950.

Судебники XV—XVI веков. Подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. Издат. АН СССР, М.—Л., 1952.

Путешествия русских послов XVI—XVII вв.—Статейные списки, издат. АН СССР, М.—Л., 1954.—Ответ. редактор член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев.

Объем книги не позволяет назвать всей научной литературы, особенно—очень многочисленных авторефератов диссертаций, и в то же время жаль было бы не указать на то, чем можно воспользоваться для более углубленного изучения затронутых в книге вопросов истории русского языка. Называем поэтому две очень содержательные, хотя относительно мало известные, брошюры, обеспечивающие полноту соответствующей библиографии в послевоенное время: В. И. Борковский. Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков (в послевоенные годы) и В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка в последнее десятилетие в СССР. Та и другая выпущены как «Доклады советской делегации на международном совещании славистов в Белграде».—Изд. АН СССР, М., 1955 г.

НУЖДАЮЩИЕСЯ В ОБЪЯСНЕНИИ СОКРАЩЕНИЯ.

Аввак.—Тексты, изданные при исследовании А. К. Бороздина—Протопоп Аввакум. Изд. 2. 1900 г.—Ср.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия. Изд. Academia. 1934 г. Исследования: В. В. Виноградов. О задачах стилистики, «Русская речь», I, 1923; П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. I. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник сев.-великорусск. речи XVII стол.—«Труды Иркутск. госуд. унив.», XII, 1927.

Акты Арх. эксп.—Акты, собранные Археографической экспедицией Акад. наук. СПб, 1836 и сл.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков.

Часть первая. Подготовил к печати Л. В. Черепнин, М., 1951.

Акты юр.—Юридические акты, изданные Археографической комиссией—1838 г.—Выписки, относящиеся к числительным, см. в статье В. Г. Егорова—Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII вв., «Филологич. записки», LVI, вып. II—III, 1916, стр. 189—236.

Алф.—Алфавит, XVII в.

Архив П. М. Строева.

Arch. f. slav. Phil.—Archiv für slavische Philologie.

Ассем ев.—Ассеманиево евангелие, глаголический памятник древнеславянского языка XI в.

Berneker. Slav. etym. Wörterbuch.—Slavisches etymologisches Wörterbuch, 1908 и посл.

Богдан.—И. Ф. Богданович (1743—1803).

Болот.—«Жизнь и приключения Андрея Болотова...» (А. Т. Болотов, 1738—1833), 4 т. СПб. 1870—1874 гг.—Изд. Academia, 1931 г., 3 тома. Выдержки в «Русск. литер. XVIII в.» А. Алферова и А. Грузинского.

Больш. чертеж.—Из книги глаголемой Большой чертеж, 1626 г. По изд. Спасского 1846 г. Бусл.¹, стр. 1055—1072.

Новейшее издание—«Книга большому чертежу», подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной, изд. Акад. наук СССР, М. Л., 1950.

Бусл.¹—Ф. Буслаяев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков, М., 1861.

Бусл.⁷—Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и словарем. Изд. 7. М. 1898 г.—9 изд. 1912 г. просмотрено и исправлено А. Соболевским. Последнее, дополненное Соболевским издание—13-ое, 1917 г.

Бусл.—Ф. Буслаяев. Историческая грамматика русского языка.

Ведомости 1702 (1703) г.—«Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах. Начаты в лето от Христа 1703, от генваря, а окончены декабрем сего года».

Отрывки в хрестом. Галахова, Алф. и Груз. и др.

Изд. Моск. Синод. типографии, 1903—1906 г. Ср. К. Харламович, «Ведомости Московского государства» 1702 г.,—«Изв. Отд. русск. яз. и слов.», т. XXIII, 1921 г.

Воззвание московских людей.—Приложение к «Отписке нижегородцев к вологжанам», Бусл.¹, стр. 992—995.

Востоков—А. Востоков. Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, изд. 12, СПб, 1874 г. Первое изд.—1831.

Выходы—Из «Выходов» царей Михаила, Алексея и Федора по изд. Строева 1844 г. Бусл.¹, стр. 1171—1174.

Грам.—грамота.

Грам. Пожар.—Из грамоты воеводы кн. Пожарского из Ярославля к выгодоцам, 1612 г. По Акт. Арх. ком. воспроизвед. Бусл.¹, стр. 995—999.

Греч.—Н. Греч. Практическая грамматика, СПб, 1827.

Гриб.—А. С. Грибоедов (1795—1829).

Дан. Заточн.—Даниил Заточник. Бусл.¹ и др. Ср. Н. Зарубин, «Слово... по редак. XII и XIII вв. и их переделкам», Л., 1932.

Дан. Иг. «Странник» («Паломник») игумена Даниила—цит. Срезн. Написан в конце XI или начале XII в. Списки XV и XVI вв. Выдержки в хрестом. Буслаяев и Н. К. Гудзия, Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв.

Данил.—«Записки артиллерии майора М. В. Данилова, написанные в 1771 г.». Изд. П. Строева, М., 1842 г. Повторены в «Русск. архиве» 1888 г. Выдержки в хрест. Алф. и Груз.

Двин. гр.—Двинские грамоты, Ср.: А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., СПб, 1903 г.

Дела Тайн. приказа—Дела Тайного приказа, СПб, кн. 1—1907, кн. 2—1908, кн. 3—1904 г.

Дело Ник.—Дело о патриархе Никоне, Изд. Археографич. комиссии. СПб. 1897 г.

Дельбрюк, Grundriss. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. III. В. Delbrück. Vergleichende Syntax, Strassburg, 3 тома; 1893, 1897, 1900.

Держ.—Г. Р. Державин (1743—1816).

Дмитр.—И. И. Дмитриев (1760—1837).

И. Долгор.— кн. И. М. Долгорукий (1764—1823).

Домострой— Домострой по Коншинскому списку и подобным. К изданию подготовил А. Орлов, М., 1908 («Чтения в Общ. истор. и древн. российских»). Выдержки см. Бусл.¹, 817—857 и др.—О языке см. С. Д. Никифоров «Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку»,—Учен. зап. Моск. гос. педаг. инст. им. В. И. Ленина; XLII, каф. русск. яз., 1947, стр. 15—79.

Донск. дела.—Донские дела. Кн. 1—СПБ, 1898, кн. 2—СПБ, 1906, кн. 3—СПБ, 1909, кн. 4—СПБ, 1913.

Драк.—Повесть о Дракуле, по тексту XV в. с дополн. из рукоп. XVII в. Бусл.⁷ стр. 211—217. Ср.: А. Д. Седельников, Литературная история повести о Дракуле, «Изв. по русск. яз. и слов.», II (1929 г.), стр. 621—659. Текст—652—659. Переиздан в хрест. Гудзия.

Дух. Дмитр. Донск.—Духовные в. кн. Дмитрия Ивановича до 1378 и 1389 г. Изд. в «Собр. госуд. грамот и договоров». Ср.: П. Г. Стрелков, О языке семи древнейших завещаний московских великих князей XIV в.,—Сборн. общ. и истор., философск. и соц. наук при Пермск. унив. Вып. II, 1927.

Дух. в. кн. Сем. Ив.—Духовные в. кн. Семена Ивановича, 1353 г. Изд. в «Собр. госуд. грамот и договоров». Воспроизведена фотографически в изд. А. И. Соболевского и С. Л. Пташицкого «Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в.» Ср. исследование Стрелкова.

Дух. Ив. Кал.—Духовная в. кн. Ивана Калиты. 1327—1328 г. «Собр. госуд. грам. и дог.» Ср. исследов. Стрелкова.

Дух. княг. Юл. Волоц. 1503 г.—Духовная грамота княг. Юлианы, жены кн. Василия Борис. Волоцкого, около 1503 г. (в списке). Собр. госуд. грам., т. I, № 131,—Срезн.

Дух. кн. Дм. Ив.—Духовная кн. Дмитрия Ивановича, 1509 г.

Дух. Остаф. ок. 1396.—Духовная новгородца Остафия. По «Актам юрид. быт.», том I, № 84—Срезн.

Екат.—Екатерина II (1729—1796).

Задонщ.—Сводный текст по двум спискам XV и XVII вв. Бусл.⁷, стр. 189—202. Бусл.¹, стр. 1311—1334. Ср. П. Симони, Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст. Выпуск III. Задонщина по спискам XV—XVIII столетий. Задонщина в. кн. госп. Дмитрия Ивановича и брата его кн. Володимира Андреевича по Кирилло-Белоз. списку 1470 г. Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук. Том С, № 2, 1922, и С. К. Шаминаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб. 1906 г. По последнему текст напечатан в хрест. Гудзия, стр. 174—181.

Ср. и В. Ф. Ржиг а—«Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина»)» с приложением текста... и 28 снимков с текста по рукописям Гос. истор. музея XVI в.,—Учен. зап. Моск. гос. педаг. инст. им. В. И. Ленина, XLIII, 1947 г.

Зап. Григ.—Записи онежских былин А. Д. Григорьева.

Зап. Н. Б. Долгорукой.—Записки Н. Б. Долгорукой (Долгоруковой). 1767 г.—«Памятные записки... Долгоруковой» (полный текст, с предисловием и примечаниями издат.). «Русский архив». 1867 г. I. Отрывки в хрестом. Галахова, Алф. и Грузинского и др.

Зап. Неплюева—Записки И. И. Неплюева. «Русск. арх.» 1871, №№ 7 и 8. Новое полное издание с примеч. СПб., 1893 г. Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алферова и Грузинского и др.

Зограф. ев.—Зографское евангелие, глаголический памятник старославянского языка XI в. Издано Ягичем в кириллической транскрипции: Quatuor Evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani, 1879.

Indogerm. Forsch.—Indogermanische Forschungen.

Инстр. дворец.—Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях... XVIII в.—Памятники древней письменности, XV, 1881 г.

Ипат. сп. летоп.—Летопись по Ипатьевскому списку около 1425 г. Изд. А. А. Шахматовым как 2 том «Полн. собран. русских летописей» в 1908 г. 1-ый выпуск нового издания вышел в 1923 г.

Ист. гос. Рос. (И. Г. Р.) — «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Ист. об Азовск. сид. — История об Азовском осадном сидении донских казаков. Сводный текст по двум рукописям XVII в. подробной редакции с некоторыми дополнениями из редакции краткой. Бусл.⁷, стр. 281—298. Ср. А. С. Орлов. «Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.)», М., 1906. По списку второй половины XVII в. — в хрестом. Гудзия.

Истор. о рос. двор. Фр. Скобеев — «История о российском дворянине Фроле Скобееве». — В. Сиповский, Русские повести XVII—XVIII вв., СПб, 1905 г.

Истр. — Е. С. Истрина.

Кал. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России... под редакцией Н. Калачова. I—1857 г., II—1864 г., III—1884 г.

Кант. — кн. А. Д. Кантемир (1708—1744).

Карамз. — Н. М. Карамзин (1766—1826).

Кн. о ратн. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 г.

Княж. — Я. Б. Княжнин (1742—1791).

Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича сочинение Григория Котошихина. Изд. 4, СПб, 1906. — Указываются страницы издания.

Крыл. — И. А. Крылов (1769—1844).

Куранты. — «Переводы с печатных листов от курантов» 1665 г., листики голландской газеты в русском переводе (иначе — письменные листы, вестовые письма). Изд. по рукописи Забелина Бусл.¹, стр. 1143—1146. Ср. «Чтения Общ. истор. и древн. росс.», 1880, 11 и «Летоп. занят. Археограф. комисс.», вып. IV.

Лавр. лет. и Лавр. спис. летоп. — Лаврентьевский список летописи 1377 г. Последнее (4-е) издание в 1926—1927 г. в «Полном собрании русских летописей», под редакцией Е. Ф. Карского.

Лавр. спис. Сузд. лет. — Часть Лаврентьевского списка, излагающая историю Суздальской Руси с 1111 до 1305 года. См.: Лавр. летопись, том первый, вып. 2 — Суздальская летопись по Лаврент. списку. Л. 1927. Ср. и вып. 3 — Продолжение Сузд. летописи по Акад. списку, изд. 2, 1928. Язык описан В. И. Борковским в «Трудах Комиссии по русскому языку», 1931 г., т. I.

Лечебн. — Лечебник XVII в. Бусл.¹, стр. 1351—1356.

Ломон. — М. В. Ломоносов (1711—1765)... Рос. грам. — Российская грамматика. Цитир. по изд. 1755 г. Ср. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова. Изд. Акад. наук, том IV, СПб, 1898 г., стр. 27—224.

В. Майков. Елис. — «Елисей, или раздраженный Вах» Василия Ив. Майкова (1728—1778).

А. Матв. — Андрей Артамонович Матвеев (1666—1728). «7208 генваря в 25 д. записная книга всяким ведомостям, что с каких известий с приездом своего в Гравенагу сею же генваря... писал к великому государю к Москве тайно своею рукою...» (1700—1702). Отрывки в «Ист. хрест.», I, Галахова, «Русск. литер. XVIII в.» Алф. и Груз.

Мат. пут. Ив. Петлина. — Материалы, относящиеся к путешествию в Монголию и Китай Ивана Петлина в 1618 г. — Ф. И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). «Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук», 1913 г., том XVIII, кн. 4, 1914, стр. 257—304.

Мат. Раз. — Материалы для истории возмущения Ст. Разина, собр. А. Поповым, М., 1857.

Межев. 1631. — Из Межевой (писцовой) выписи на поместье казанского жильца Девятого-Змеева. По изд. Акт. юрид. 1838 г. Бусл.¹, стр. 1075—1078.

Mikl. Lex. palaeoslov. — F. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

Мстисл. грам. ок. 1130 г.—Грамота в кн. Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, между 1128—1132 г. Снимок в приложении к «Древним памятн. русского письма и языка» И. Срезневского, 1866. Воспроизводилась в «Славянской хрестоматии» Г. Воскресенского, I., М., 1882 и в позднейших хрестоматиях.

Нест. жит. Феод.—«Житие... Феодосия, игумена печерьского», написанное Нестором до 1093 г.—Изд. О. Бодянским по списку XII в.—Чтение общ. древн. 1858 г., кн. III.—Исслед. А. М. Лукьяненко—О языке Несторова Жития... Феодосия Печерского. «Русск. филол. вестник», LVIII.

Новик.—Н. И. Новиков (1744—1818).

Новг. IV лет.—Новгородская IV летопись—Полн. собр. русск. летоп., т. IV—Выписки Срезн.

Никон. лет., 1453.—Русская летопись по Никонову списку.—Выписки Срезн. Обнорск.—С. П. Обнорский.

Озер.—В. А. Озеров (1769—1816).

Опись имущ. ц. Ив. Вас.—Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов. «Временник Моск. Общ. ист. и древн. росс.» VII—Срезн.

Ор. Бор. Год. 1589.—Оружие и ратный доспех ц. Бориса Федоровича Годунова. По рукоп. Архива Оружейной палаты № 678—Савваитов.—Срезн.

Остр. ев.—Остромирово евангелие. Новгородский список старославянского текста, 1056—1057 г. Фотолитогр. изд. (2-е) 1889 г. Исследования языка: М. Козловского, Исследование о языке Остром. ев., 1885 г., В. Щепкина и А. Шахматова, Особенности языка Остром. ев., в приложении к переводу старослав. грамматики Лескина—1890 г., Н. Каринского.—Остром. ев. как памятник русского языка. «Журн. М. Н. П.» 1903 г. № 5, Ф. Фортунатова—Состав. Остром. ев., «Сборн. статей, посв. Ламанскому», II, 1908.

Отписка нижегородцев к вологж.—Отписка нижегородцев к вологжанам о походе Прокопия Ляпунова к Москве 1611 г. Воспроизведена по Акт. Арх. экспед. Бусл.¹, стр. 989—995.

Отч. Я. Молвян.—Из отчета посла Якова Молвянинова о посольстве его от Ивана Грозного к папе Григорию XIII в 1582 г. По изд. в «Памятн. дипломатических сношений древней России с державами иностранными» Бусл.¹, стр. 886—891.

Пам. Смутн. врем.—Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени.—Изд. второе. СПб. 1909. Изд. 3-е. РИБ, т. XIII, 1925 г. Ср. выдержки в хрест. Гудзия.

Парем. 1271 г.—Паремейник.

Песни Дж.—Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—20 гг. Памятн. старинного русс. языка и словесн. XV—XVIII столетий. Вып. II, 1. Изд. П. Симони, СПб. 1907 г.—Хрест. Бусл.¹ и поздн.

Пис. в. кн. Вас. Иоанн.—Письма вел. князя Василия Ивановича жене его Елене 1526—1530 и 1530—1532 гг. По изд. Археографич. комиссии в Письм. русск. госуд. I. 1848 г. Бусл.¹, 753—756.

Пис. и бум. П. I—Письма и бумаги императора Петра Великого под редакц. А. Ф. Бычкова. 4 тома, СПб, 1887—1900.—Отдельные письма в хрестоматиях Галахова, Алфер. и Груз. и др.

Писц. кн. Обон. пят.—Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. Ак. наук СССР. Материалы по истории народов СССР. Вып. I. Материалы по истории Карельской АССР, Л., 1930.

Плат. цар. Евд.—Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 г. по рукописи Архива Оруж. палаты № 679, опис. П. Савваитовым 1865 г.,—Срезн.

Пов. вр. л.—Повесть временных лет. «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Кыеве почя первее княжити, и откуда Руськая земля стала есть». Составлена в начале второго десятилетия XII века. Важнейшие списки—Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский конца XIV или начала XV в. Лаврент. список—Полное собр. русск. летоп., том I, изд. 2, 1926—1927 гг.; Ипатьевск.—Полное собр. русск. летоп., том II, изд. 3, 1923 г.

А. А. Шахматов, Повесть временных лет, том I, Вводная часть. Текст. Примечания. П., 1916.

Пов. о Ерше — Повесть о Ерше Ершове сыне Щетинникове XVII в. — Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Историко-литературная хрестоматия. Часть II. Древняя письменность. XI—XVII в., 1916 г., стр. 354—357. Ср. хрест. Гудзия, стр. 453—455.

Погод. Прол. XIV в. Погодинский Пролог.

Погод. сборн. XV—XVI стол. — Погодинский сборник.

Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Бел. мон. — Из Послания Иоанна Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме с братиею, около 1578 г. Бусл.¹, 849—856. Цитир. с нумерацией Бусл.⁷, 262—268.

Посл. Иоанна Гр. Курбск. — Из Послания царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России ко князю Андрею Курбскому против его, князя Андрея, письма, что он писал из града Волмера 1564 г. — Бусл.⁷, 256—261. Ср. «Сочинения князя Курбского», т. I, под редакц. Г. З. Кунцевича. Акад. наук. 1914 г., по спискам XVII в.

Новейшее издание — «Послания Ивана Грозного», — подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 162—192. — Перепечатаны в хрест. Гудзия и др.

Потеб. — А. А. Потебня (1835—1891).

Похв. Онуфр. 'Мин чет., июнь — Слово похвальное Онуфрию из Минеи чети ионьской по списку XV—XVI в., — Срезн.

Пр. вр. — «Праздное время, для пользы препровожденное», журн. XVIII в.

Прав. гр. 1465—1482 и 1552 г. — Правые грамоты.

Преображ. Этим. слов. — А. М. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, 14 выпусков 1910 г. и дал.

Окончание с значительными лакунами — в «Трудах Института русского языка Академии наук СССР», I, 1949 г., стр. 5—144.

Приклон. — Энциклопедия, или собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях, сочиненная по алфавиту и с французского языка на российской переведенная коллежским асессором Иваном Приклонским, М., 1763.

Пск. I. Псковская первая летопись — Полн. собр. русских летописей, IV, 1848.

Пск. суд. грам. 1397—1467. — Псковская судная грамота. Изд. Археографич. комиссии, СПб., 1914.

Путеш. П. Толст. — «Путешествие стольника Петра Толстого по Европе в силу царского указа от 7205 года января 11-го дня» (1697). Изд. в «Русск. арх.» 1888 г., №№ 2—8. Отрывки в «Русск. литер. XVIII в.» Алф. и Груз.

Радищев — А. Н. Радищев (1749—1802). Цитир. по «А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву». Школьн. библиотека классиков. Л.—М. 1933. Ср.: изд. Academia, 1936 г., т. II, с комментариями по воспроизведенному фотолитографски первому изданию, и изд. Акад. наук СССР — А. Н. Радищев, Полн. собран. сочинений, I, М.—Л. 1938, II, 1941.

Разр. кн. — Разрядные книги Московского государства XVI—XVII вв. Изд. — Дворцовые разряды, т. I—IV, 1850—1855, Книги разрядные, т. I—II, 1853 и 1855, «Чтения в Общ. истор. и древн. росс.», 1902, вып. 1, 2, 1907, 2, 3.

РЛЯ пп. XIX в. — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века., М., 1954.

Розыские дела о Фед. Шакловит. — Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археогр. комис., т. I—1884 г., т. II—1885 г., т. III—1888 г., т. IV—1893 г.

Рук. новг. Клим. до 1270 г. — Рукописанье новгородца Климента. — Срезн.

Русская Пр. — Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку (1282 г.). Л., 1930. Ср.: С. П. Обнорский, Русская правда как памятник русского литературного языка. Изв. Акад. наук СССР, 1934 г., стр. 749—776) и его же, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 9—31.

Ряз. Корм. 1284 г. — Рязанская Кормчая 1284 г.

- Савв. кн.**— Саввина книга, писанный кириллицею старославянский памятник XI в. Изд. В. Щепкиным в 1903 г. Исследование языка — В. Щепкина: Рассуждение о языке Саввиной книги, СПб, 1899 г.
- Сб. Ак. наук.**—Сборник Отделения русского языка и словесн. Академии наук.
- Сб. Хилк.**—Сборник кн. Хилкова, П., 1879.
- Синайский требник**—Синайский требник, глаголический старославянский памятник XI в. Изд. Geitler'a, Zagreb, 1882 г.
- Синод. сп. лет.**—Синодальный список I Новгородской летописи (конец XII—серед. XIV в.). Издан. Археограф. комиссией в «Полном собрании русских летописей», т. III. Ср. изд. 1888 г.—Исследования: Б. М. Ляпунов, Исследование о языке Синодального списка I-ой Новгородской летописи; Е. Истрина, Синтаксические явления Синод. списка I Новгород. летописи. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук», XXIV, кн. 2 (1919), 1923 г.
- Сказ. о Магм.-салт.**—Сказание о Магмете-салтане Ивана Пересветова середины XVI века.—Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Истор.-литературн. хрестоматия. Часть II, М., 1916, стр. 217—219. Ср. В. Ржиги. И. С. Пересветов, публицист XVI в., М., 1908 г. и хрестом. Гудзия, стр. 189—194.
- Сказ. о Пск. взятии.**—Сказание о Псковском взятии. «Псковское взятие, како взят его князь великий Василий Иванович». Из Псковской летописи по изд. Археографическ. Комиссии, т. IV, Бусл.⁷, 953—960. Цитир. по Бусл.⁷, 217—223. Ср. хрест. Гудзия, стр. 185—188.
- Смирн.**—Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. Ак. наук, 88, СПб, 1910.
- Собол.**—А. И. Соболевский (1856—1929).
- «Созерц. кратксе» С. Медв.**—Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92 в них же что содеяся во гражданстве. С предисловием и примечаниями Александра Прозоровского, М., 1894.
- Соф. Врем.**—«Софийский временник», т. е. летопись Новгородской св. Софии, по рук. Публ. библи. XV—XVI в., изд. П. Строевым, М., 1820—1821. Отрывки воспроизведены Бусл.¹, 963—972.
- Срезн.**—И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—СПб, 1893 г., т. II—1902, т. III—1903. Дополн. 1912 г.
- Стар. Сборник.**—П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX стол. Вып. первый, I—II, СПб, 1899.
- Стоглав.**—Из Стоглавника, или Стоглава XVI в. по рукописи XVII в. Бусл.¹, стр. 803—816.—Стоглав (изд. 2, Казань, 1887). См. и Н. И. Суботин, Царские вопросы и соборные ответы, М., 1890 г.
- Строев.**—Архив П. М. Строева, т. I—П. 1915, т. II—П. 1917.
- Судебники 1497 и 1550 г.**—Судебники Иоанна III и Иоанна IV. Текст с указателем напечатан проф. М. Клочковым, Харьк., 1915.
- Судебник 1589 г.**—А. И. Андреев, Судебник 1589 г. и его списки. «Изв. Рос. Акад. наук», 1924 г., 207—224.
- Судное дело о табаке.**—Из судного дела о табаке 1680 г. по Акт. юрид. 1838 г.—Бусл.¹, стр. 1213—1215.
- Сумар.**—А. П. Сумароков (1718—1777).
- Супрасл. рук.**—Супрасльская рукопись, памятник старославянского языка XI в. Изд. Северьяновым в «Памятниках старославянского языка», II, I, СПб, 1904.
- Тамож. Восьег. гр. 1563 г.**—Таможенная восьегонская грамота в списке. 1666 г., «Акты Арх. экспед.», т. I, № 298,—Срезн.
- Татищев.**—В. Н. Татищев (1686—1750). «История Российская с самых древнейших времен, неуспынным трудом через тридцать лет собранная и описанная покойным, т. е. астраханским губернатором В. Н. Татищевым». Кн. I в двух частях, М., 1768—1769 г., II—М. 1773, III—М. 1774, IV—СПб, 1784, V—в «Чтениях в Обществе истории и древн. российских», кн. 4, 5 и 9 (1847—1848). Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алфер. и Грузинск. и др.
- Тред.**—В. К. Тредиаковский (1703—1769).

Улож. 1649 г.— Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.— «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится...» Изд. 10-ое. СПб, 1820 г. Перепечатано из Полного собрания законов. Госуд. типография, 1913 (без ударений) — Отрывки — Бусл.¹, стр. 1102—1110; Хрест. Обнор.— Бархуд., I, стр. 203—212.

Урядн.— Урядник Сокольниковя пути. Воспроизведен в издании «Собрание писем царя Алексея Михайловича...» издал Петр Бартевев, Текст и примечания, стр. 87—146. Отрывки по изд. Новикова в «Древн. российск. вивлиофике» и объясн. Бусл.¹, стр. 1263—1282. Цитир. по Бусл.⁷, стр. 313—325.

Фонв.— Д. И. Фонвизин (1745—1792).

VREW.— Vasmer, Russisches etymologischer Wörterbuch.

Хераск.— М. М. Херасков (1733—1807).

Хож. Афан. Никит.— «Хожение» Афанасия Никитина, под 1475 г. в «Софийском временнике». Выдержки Бусл.¹, 966—968. Ср. Полное собрание русских летописей, том VI, стр. 357 и дал. Новейшее издание под ред. ак. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Андриановой-Перетц — 1948 г. Описание языка—Р. Терегуловой в «Ученых записках Тамб. гос. педаг. инст.», I, 1941.

Хожд. Стеф. Новгород.— Хождение Стефана Новгородца, середины XIV стол. Текст и исследование: М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы, Л., 1934.

Хожд. на Вост. Котова.— Хождение на Восток Ф. А. Котова в 1624 г. М. П-ий. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в., «Изв. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук», 1907 г., том XII, кн. I, стр. 67—125.

Хоз. Мороз.— Хозяйство боярина Б. И. Морозова, — Материалы, напечатанные в издании Акад. наук СССР — Труды Истор.-археограф. института, т. VIII. Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. Вып. I. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Часть I. Л. 1933 г. Часть II. М.—Л., 1936 г.

Царств. лет. XVI в.— Летописец царственный, содержащий Российскую историю от 6622/1114 года, то есть от начала царствования в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха до 6980/1472 г., то есть до покорения Новгорода 1772 г.

Zeitsch. f. slav. Phil.— Zeitschrift für slavische Philologie.

Чуд. Нов. зав.— Чудовский Новый завет. XIV в. Изд. в снимке М., 1892 г.

Чулк.— М. Д. Чулков (1734—1792).

Шпаков.— А. Я. Шпаков, Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Приложение в Часть вторая, Од. 1912.

Шуйские акты.— Акты, изданные в дополнении к описанию города Шуи Борисовым.— Бусл., Истор. грам.

Шут. челоб. XVII в.— Шуточная челобитная Бусл.¹ 1447—1448.

Юности честн. зерц.— Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. 1719. Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алферова и Грузинского, Сиповского и др.

Яг.—И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПб, 1889.

Ярл. Мен. Тим.— Ярлык хана Менгу Тимура 1267 г. (в списке). Собр. госуд. грам., т. II, № 2,—Срезн.

Ярл. Тайд. 1351 г.— Ярлык царицы Тайдулы митр. Феогносту (в списке). Собр. госуд. грам., т. II, № 9,—Срезн.

ADDENDA ET CORRIGENDA

К стр. 20 за словами «... веди скоротишася человеком.

Перед последним абзацем.

Видимо, старый образ — выражение из поэтического фонда древней дружинной Руси находим у писателя второй половины XVI века — профессионального воина Ивана Пересветова: «... а мир как может крепок быти, коли щита не разщипил и копия не преломил в недрузех?» (Сокращ. извод неполной ред. по Погодинск. 1 списку, 70 об.). Ср. менее ясную в «Слове о полку Игор.» фразу: «Хощу бо, рече, копия приломити конец поля Половецкаго»... , ставящуюся вполне понятной при сопоставлении с выражением, дошедшим до нас в развернутом виде в сочинении Пересветова.

К стр. 31—40. Новейшие справки к материалу, освещенному в § 3, см. VREW.

К стр. 73. В прошлом (1956) году исследование Герты Гюттль-Уорт вышло в Вене отдельной большой книгой под названием «Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert». — Положения автора хорошо документированы.

К стр. 83. За словами в 14-ой строчке «отпадению или выпадению» следует добавить сноску:

При этом есть серьезные основания думать, что редуцированные гласные в XI веке еще существовали, — В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в., — Труды Института языкознания АН СССР, II, 1953 г., стр. 199 и сл.

К стр. 97. Подробности см. VREW, I, стр. 655—656.

К стр. 138—143. Дополнительно к сказанному можно заметить еще, что форма множ. числа *тагана* в «Домострое» не очень надежна, поскольку конечное *a* здесь могло быть опискою под влиянием двух предшествующих *a*.

К стр. 149, 8 строка сверху. Нередки формы на *-цей* и в памятниках. Ср., например, в «Ист. о вел. князе Московском» А. Курбского (46 об.): «... не пребыли в том дву *месяцей*».

К стр. 200—202. Подробности, относящиеся к происхождению слова *сорок*, и специальные замечания о том, что оно не восходит к греческому, см. VREW, I, стр. 608—609.

К стр. 207. К сноске 2. См. также важную статью на сербском языке Ал. Белича — «О синтаксичком индикативу и «релативу», — *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski*, Краков, 1928, стр. 47—55.

К стр. 211, к сноске. Тщательно собран диалектный материал, относящийся к формам 3 лица ед. и множ. числа настоящего (будущего) времени, С. П. Обнорский, *Очерки по морфологии русского глагола*, М., 1953, стр. 117—137, допускает, говоря о встречающихся в говорах формах 3 лица и единственного и множественного числа, что их окончания *-то* и *-та*, чередующиеся с нулевым окончанием (идѣто:идѣ и под.), возникли путем слияния формы без окончания с формой члена *-то* (стр. 136). Менее удовлетворяет сходная формулировка П. С. Кузнецова, *Истор. грамм. русск. яз., Морфология*, 1953, стр. 277—278, будто окончание типа *идѣто* (*идѣта*) указывает «на возможность развития соответствующих форм на базе форм без окончания путем присоединения указательного местоимения не только мужского рода».

— Из новейшей литературы см. и Ю. Ф. Мацкевич, Некоторые формы дзяслова на матэрыялах дыялекталагічнага атласа беларускай мовы, — Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР, I, 1954, стр. 60 и след.

Стр. 234. Примечание-сноска к § 31 в конце его.

1) Из новейшей литературы по вопросу о путях развития русских видов отношений и их внешних примет см. П. С. Кузнецов — «К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка», — Труды Инст. языкозн. АН СССР, II, 1953, стр. 220 — 256, и его же, Истор. грамм. русск. яз. Морф., М., 1953, стр. 209 — 230. — Ср. и реценз. А. Н. Миновича, Kwartalnik Inst. Polsko-Radzieck. 4 (9), Warsz., 1954, стр. 228 — 230.

Второе примечание-сноска к § 31, стр. 234.

— Для сличения русской видовой системы со старославянской см. А. Вайан, Руководство по старослав. языку, — русский перев. с франц., М., 1952, глава XV, и очень подробную характеристику старославянской в книге Антонина Достала на чешском языке — Studie o vidovém systéme v staroslověnině, Praha, 1954.

К стр. 261. Первый абзац. Замечание о полабском ударении следует снять, поскольку новое рассмотрение вопроса о нем Е (Г) Курьловича (Jerzy Kuryłowicz) в сборнике «Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej», I, Варшава, 1955, заставляет переоценить теперь многие утвердившиеся положения.

К стр. 264, после 2-го абзаца. С большой выразительностью сличение русского акцентологического материала XVI и XVII веков с нынешним обнаруживает изживание такого характерного явления уже «праславянской» древности, как упомянутый перенос у имен существительных, первый слог которого был циркумфлексный или краткостный по происхождению, ударения с этого слога на гласный управлявшего формою соответствующего слова предлога. Иллюстрирующий это явление обильный древнерусский материал собран, например, в книгах: А. С. Орлова «Домострой по Коншинскому списку и подобным, М., 1908», глава III-я, стр. 89 — 90; Л. Л. Васильева «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII веков», Л., 1929 г., § 24; П. Я. Черных — «Уложение 1649 года», М., 1953, стр. 299 — 300; норвежского ученого Х. Станга — «La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей», 1647», Oslo, 1952.

Материал из диалектов приведен в книге С. П. Обнорского — «Именное склонение в современном русском языке. Выпуск I. Единственное число», Л., 1927, стр. 310 — 319.

К стр. 287. К 3-му абзацу. Но довольно отчетлива тенденция — отдавать у основ, являющихся в инфинитиве четырехсложными, предпочтение ударению на -и-.

К стр. 300. К сноске. Следует, впрочем, учитывать и те условия в самом живом синтаксисе русского языка, которые могли благоприятствовать появлению или распространению в нем страдательной конструкции с предлогом от. Толчок в этом направлении мог идти от различных словосочетаний, несколько родственных по смыслу, вроде: «... и он ту гибель подымет без суда и без исправы, а еще от меня тому быти в казни» (Жалов. грам. в кн. Вас. Васил. митрополиту Ионе, 1448 — 1461 гг.). *Послан от кого* первоначально могло обозначать только направление действия в отношении лица, прямо этого действия не совершающего, но являющегося его источником.

К стр. 306. Сноска к 1 абзацу. Изредка у писателей XVIII века встречается плеонастическое сочетание предлогов для и ради в виде для ради с ударением на первом: Я для ради ево готова умереть (Сумар., Ярополк и Демиза)... И для ради сево велела... Привесть его к себе Под видом дела (Аблесимов, Быль, 5).

К стр. 386. Перед сносками. К архаичным способам выражения условности относится и употребление ли в случаях вроде: [И] положажу пред ним хлеб, взявшае его, но ли вложить в руце ему (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом) = «и клали перед ним хлеб, и брал он его, только если его

вкладывали» (буквально — «вложить») ему в руки. Обращает на себя при этом выражение сказуемого при помощи инфинитива.

К 413. К примечанию. Более новый обзор литературы вопроса в VREW, II, стр. I.

К стр. 414. Сноска к 4-му абзацу. Некоторые подробности о частице чай из чаю и о других этого рода из I лица ед. числа см. в книге С. П. Обнорского, Очерки по морф. русск. глагола, стр. 116.

К стр. 420 5-а. В раннем древнерусском языке изредка возможно употребление отчеств перед именами: Бежа Игоревичь Давыд с Володаремь Ростиславичемь месяца мая 18 день . . . (Лавр. спис. летоп. под 6589 годом).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Из предисловия к 4-му изданию	3
Предисловие к новому изданию	6
Знаки	8
I. Общий очерк истории русского литературного языка до конца XVIII века.	12
§ 1. Литературный язык восточных славян XI и ближайших столетий	12
§ 2. Древнерусская лексика в памятниках Московской Руси	21
§ 3. Иноязычные элементы в лексике древнерусской и петровского времени	31
§ 4. Социальные моменты, определившие пути развития русского литературного языка в XVII—XVIII вв.	40
§ 5. Роль в обновлении литературного языка в XVIII в. новых литературных жанров	51
§ 6. Работа над художественным русским языком Ломоносова и его современников	52
§ 7. Временное усиление церковнославянских элементов в сороковых и пятидесятых годах XVIII в.	56
§ 8. Развитие в XVIII в. жанров, сближающих литературный письменный язык с разговорным	57
§ 9. Рассудочный и научный слог XVIII в.	60
§ 10. Местонимия, наречия и союзы как внешние приметы изменения слога в конце XVIII в.	63
§ 11. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова	63
§ 12. Словарь Академии Российской	65
§ 13. Характеристика места в истории русского литературного слога А. Н. Радищева	67
§ 14. Карамзинская реформа слога	69
II. Фонетика	78
§ 1. Фонетические особенности русского языка	78
§ 2. Редуцированные гласные <i>ѣ</i> и <i>ь</i>	83
§ 3. Напряженные редуцированные гласные	92
§ 4. Отражения звука <i>ль</i>	93
§ 5. Отражения <i>е</i>	98
§ 6. Аканье и иканье	103
§ 7. Чередования гласных	107
§ 8. Замечания о некоторых мелких явлениях в области гласных	110
§ 9. Отношения задненебных согласных	112
§ 10. Роль былого звука <i>й</i> (<i>i</i>)	113
§ 11. Последствия утраты редуцированных гласных для качества предшествовавших им согласных звуков	116
§ 12. Ассимиляция и диссимиляция согласных; метатеза, выпадение, вставка	122
§ 13. Звук <i>h</i>	125
§ 14. Звук <i>ф</i>	126
§ 15. Народная этимология	127

	Стр.
III. Морфология	132
Имена существительные	133
§ 1. Склонение имен существительных	133
§ 2. Родительный падеж ед. ч. имен существительных муж. рода на <i>-у</i>	134
§ 3. Предложный и местный падежи ед. ч. мужского склонения	136
§ 4. Именительный падеж. множ. числа <i>о</i> -основ	138
§ 5. Имен. пад. мн. ч. м. р. на <i>-ья</i>	143
§ 6. Имен. пад. мн. ч. среднего рода на <i>-и</i> (<i>ы</i>) и др.	145
§ 7. Родительный пад. мн. ч. мужского склонения	146
§ 8. Влияние винит. мн. на имен. мн. в склонении <i>о</i> -, <i>ѣ</i> - и <i>ѵ</i> -основ мужского рода	149
§ 9. Замечания о женском склонении основ на <i>ја</i> (<i>ја</i>)	150
§ 10. Винительный = родительному в ед. ч. мужского рода и во множ. ч. мужского и женского	151
§ 11. Формы множ. числа на <i>-ам</i> , <i>-ами</i> , <i>-ах</i> , <i>-ям</i> , <i>-ями</i> , <i>-ях</i> и <i>-ьми</i>	154
§ 12. Изменения в составе <i>ѵ</i> -основ	157
§ 13. Родительный пад. мн. ч. от слов на <i>-ня</i>	159
§ 14. Родит. пад. мн. ч. с имен. мн. ч. на <i>-ья</i> у слов мужского и среднего рода	162
§ 15. Основы на <i>-ен</i> -среднего рода	163
§ 16. Изменения в склонении основ, оканчивавшихся на согласный, мужского и женского рода	164
§ 17. Из словообразования имен существительных	166
Местоимения	173
§ 18. Местоименное склонение	173
§ 19. Из словообразования местоимений	184
Имена прилагательные	186
§ 20. Склонение членных прилагательных	186
§ 21. Из словообразования имен прилагательных	191
§ 22. Сравнительная степень	193
Числительные	196
§ 23. Склонение наименований чисел	196
§ 24. К словообразованию числительных	203
Глаголы	205
§ 25. Глагольная флексия (в связи с основами)	205
§ 26. Повелительное наклонение	219
§ 27. Формы прошедшего времени	222
§ 28. Условное и сослагательное (желательное) наклонения	223
§ 29. Инфинитив и супин	226
§ 30. Возвратные формы глагола	230
§ 31. К образованиям несовершенного вида	232
§ 32. Причастия	234
§ 33. Деепричастия	238
§ 34. Замечания о префиксах	245
§ 35. Замечания о супплетивных формах	247
§ 36. Итоги исторических изменений в склонении и спряжении	249

IV. Ударение	255
§ 1. Вводные замечания	255
§ 2. Основные явления, предшествующие памятникам	262
§ 3. Исторические изменения в месте ударения	267
Приложение к главе IV	289
V. Синтаксис	292
§ 1. Зависимость падежей	292
§ 2. Творительный предикативный	300
§ 3. Значение и управление предлогов и наречий-предлогов	304
§ 4. Число	316
§ 5. Притяжательные прилагательные	319
§ 6. Синтаксическое употребление форм имен прилагательных членных и нечленных	321
§ 7. Изменения в согласовании множественного и двойственного числа у прилагательных и у родственных категорий	327
§ 8. Перерождение форм сравнительной степени прилагательных	328
§ 9. Синтаксические особенности имен числительных	330
§ 10. Особенности старинного употребления времен и видов	336
§ 11. Об употреблении наклонений	342
§ 12. Синтаксическое употребление и связи инфинитивов	346
§ 13. Относительные (союзные) слова	356
§ 14. Союзы и союзные сочетания (речения)	361
§ 15. Деепричастия	399
§ 16. Повторение предлогов	404
§ 17. Отрицания	406
§ 18. Частицы	409
§ 19. Косвенная речь	415
§ 20. Порядок слов	417
§ 21. Общие черты в развитии русского синтаксиса	431
§ 22. О дательном самостоятельном	438
§ 23. Заключение	441
<i>Приложения</i>	
1. Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов	443
2. Образцы древнеславянского и древневосточнославянского склонения	447
3. Образцы древнеславянского и древневосточнославянского спряжения	460
4. Замечания об этимологизировании и его предпосылках	466
Из литературы (для критического использования)	474
Нуждающиеся в объяснении сокращения	475
Addenda et corrigenda	483

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка	Напечатано	Следует читать
114	3 снизу	сьлѣть	сьлѣть
209	21 сверху	ges̄	ges̄
290	6 снизу	brad̄	brad̄
291	22 сверху	губар	губаг
451	21 сверху	Д. Е. (сло- весьма)	Д. Т. (сло- весьма)

